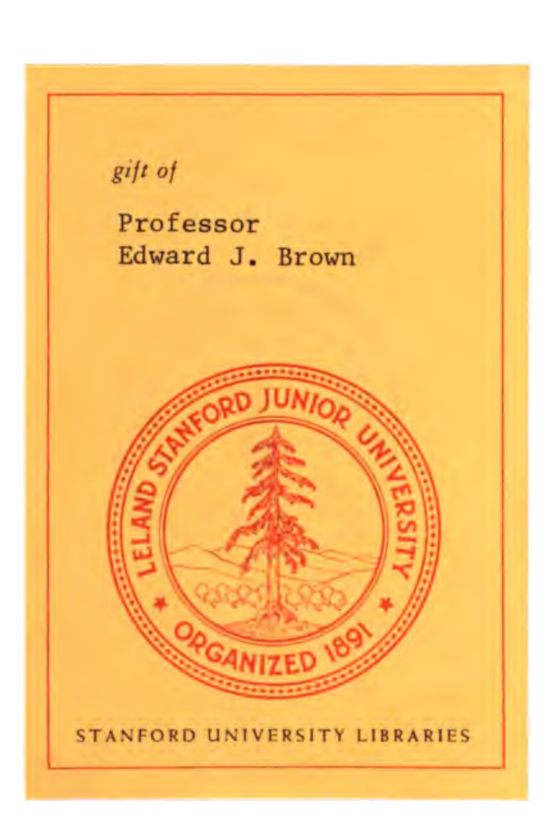

gift of
Professor
Edward J. Brown
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

СОЧИНЕНІЯ И. С. ТУРГЕНЕВА.

Turgenev, I. S.

СОЧИНЕНІЯ

И. С. ТУРГЕНЕВА.

(1844—1868.)

Изданіе братьевъ Салаевыхъ.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И К., У ПРЕЧИСТЕНСК. В., Д. ШИЛОВОЙ.
1869.

СЦЕНЫ и КОМЕДІИ.

(1848 — 1851)

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Издавая въ первый разъ собраніе моихъ «Сценъ и Комедій», я считаю долгомъ оговориться передъ читателями. — Не признавая въ себѣ драматическаго таланта, я бы не уступилъ однѣмъ просьбамъ г-дъ издателей, желавшихъ напечатать мои сочиненія въ возможной полнотѣ, еслибъ я не думалъ, что піэсы мои, неудовлетворительныя на сценѣ, могутъ представить нѣкоторый интересъ въ чтеніи. Я, быть можетъ, ошибаюсь и въ этомъ; пусть судитъ публика.

Позволяю себѣ замѣтить, что «Мѣсяцъ въ Деревнѣ» является теперь въ первобытномъ видѣ. Я поставилъ было себѣ въ этой комедіи довольно сложную психологическую задачу; но тогдашняя цензура, принудивъ меня выкинуть мужа и превратить его жену во вдову — совершенно исказила мои намѣренія. — Не могу также не упомянуть съ чувствомъ глубокой благодарности, что геніальный Мартыновъ удостоилъ играть въ четырехъ изъ этихъ піэсъ — и между

прочимъ, передъ самымъ концомъ своей блестящей, слишкомъ рано прерванной каррьеры — превратилъ, силою великаго дарованія,—блѣдную фигуру «Мошкина» (въ «Холостякѣ») въ живое и трогательное лицо.

Ив. Тургеневъ.

НЕОСТОРОЖНОСТЬ.

(1843)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ Д'ЭСТУРИЗЪ — 55 лѣтъ.
ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ, жена его — 27 лѣтъ.
ДОНЪ ПАБЛО САНГРЕ, другъ его — 40 лѣтъ.
ДОНЪ РАФАЭЛЬ ДЕ-ЛУНА, — 30 лѣтъ.
МАРГАРИТА, служанка — 59 лѣтъ.

СЦЕНА I.

Театръ представляетъ улицу передъ загороднымъ домомъ дона Бальтазара. Направо отъ дома тянется каменная ограда. Домъ двуэтажный съ балкономъ; подъ балкономъ растетъ нѣсколько оливъ и лавровъ. На балконѣ сидитъ донья Долоресъ.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ *(послѣ нѣкотораго молчанія).*

Однако, мнѣ очень-скучно. — Мнѣ нечего читать, я не умѣю шить по канвѣ, не смѣю выйдти изъ дому. Что̀ же мнѣ дѣлать одной? Идти въ садъ? Ни за что! Мнѣ мой садъ ужасно надоѣлъ. Да, сверхъ того, что за удовольствіе вспоминать: вотъ тутъ-то мой мужъ меня бранилъ; вотъ тутъ-то запретилъ днемъ подходить къ окошку; вотъ подъ этимъ-то деревомъ онъ объяснялся мнѣ въ любви.... (*Со вздохомъ*) Ахъ, это хуже всего!... (*Задумывается и чрезъ нѣсколько времени начинаетъ напѣвать пѣсню*) Тра-ла-ла-ла-тра!... Вонъ наша сосѣдка идетъ.... А какой прекрасный вечеръ, какой душистый воздухъ.... ка̀къ-бы хорошо гулять теперь на Прадо съ какимъ нибудь любезнымъ, учтивымъ молодымъ человѣкомъ!... Какъ должно быть пріятно слышать голосъ почтительный, нѣжный, не такой дряхлый и хриплый, какъ у моего му.... (*Она боязливо оглядывается*) Я бы вернулась съ нимъ домой; онъ бы откланялся и, можетъ-быть, попро-

силъ позволенія поцѣловать мою руку, — и я, не снимая перчатки, подала бы ему — вотъ такъ — самые кончики пальцевъ.... Какъ эти тучи хороши!... Я сегодня скучаю больше обыкновеннаго, сама не знаю отъ чего.... Право, мнѣ кажется, еслибъ мой мужъ хорошо одѣвался, еслибъ носилъ шляпу съ большимъ бѣлымъ перомъ, и бархатный плащикъ, и шпоры, и шпагу.... право, я бы его полюбила, хотя, по совѣсти сказать, онъ ужасно толстъ и старъ.... а то всегда ходитъ въ черномъ, поношенномъ камзолѣ — и вѣчно одну и ту же шляпу носитъ — съ тѣмъ же полинялымъ, краснымъ перомъ.... (*Задумывается*) Ахъ, ужь и я не совсѣмъ молода.... мнѣ скоро двадцать-семь лѣтъ; вотъ ужь седьмой годъ я замужемъ, а что̀ моя за жизнь? Отчего со мной никогда не случалось никакихъ необыкновенныхъ происшествій? Во всемъ околодкѣ слыву я за примѣрную супругу.... да что мнѣ въ томъ? Ай, прости Господи, я, кажется, грѣшу.... Да что̀ въ голову не взойдетъ, когда скучаешь? Неужто же вся жизнь моя пройдетъ все такъ же, да такъ же? Неужто же каждое утро я буду снимать колпакъ съ головы моего мужа — и каждое утро получать за эту услугу нѣжный поцѣлуй?... неужто же каждый вечеръ буду я видѣть этого несноснаго, ненавистнаго Сангре?... неужто жь Маргарита вѣчно за мною будетъ присматривать?... Сохрани Богъ, мнѣ страшно! Слава Богу, она ушла и хоть на часокъ оставила меня въ покоѣ.... Вѣдь я чувствую, что я добродѣтельна.... вѣдь я чувствую, что ни за что.... нѣтъ, ни за что въ мірѣ не измѣню своему мужу.... Такъ для чего бы, кажется, не позволить мнѣ хоть изрѣдка видаться съ людьми?... И книги-то мнѣ даютъ все прескучныя, старыя, тяжелыя.... Только разъ въ жизни, помнится, еще въ монастырѣ, попалась мнѣ книжечка.... ахъ, прекрасная книжечка, романъ въ письмахъ: одинъ молодой человѣкъ пишетъ своей любезной сперва просто, потомъ въ стихахъ.... а она ему отвѣчаетъ.... я эти стихи наизустъ выучила.... Боже мой! еслибъ я получила такое письмо.... Да гдѣ! Мы живемъ въ такой глуши.... Вотъ, еслибъ кто зашелъ въ нашу сторону....

ДОНЪ РАФАЭЛЬ (*быстро выходя изъ-подъ балкона*).

Чтò бы вы сдѣлали, прекрасная сеньйора?

(*Донья Долоресъ вскакиваетъ въ испугѣ и остается неподвижной.*)

ДОНЪ РАФАЭЛЬ (*низко кланяясь*).

Сеньйора, вашъ смиренный и почтительный обожатель ждетъ вашего отвѣта.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (*прерывающимся голосомъ*).

Какъ.... обожатель.... Я васъ вижу въ первый разъ.

ДОНЪ РАФАЭЛЬ (*про себя*).

И я тоже. — (*Громко*) Сеньйора.... я давно васъ люблю.... чтò я говорю: люблю! я страстно, я отчаянно въ васъ влюбленъ.... Вы меня не замѣчали; но я самъ всячески старался не быть замѣченнымъ вами.... Я боялся навлечь на себя и на васъ подозрѣніе вашего супруга.

(*Донья Долоресъ хочетъ уйдти.*)

ДОНЪ РАФАЭЛЬ (*съ отчаяніемъ*).

Вы хотите уйдти?... А сами сейчасъ жаловались на одиночество, на скуку.... Да помилуйте, если вы станете избѣгать всякаго знакомства, кàкъ же вы хотите избавиться отъ скуки? Правда, наше знакомство началось довольно страннымъ образомъ.... чтò за бѣда! Вотъ, я увѣренъ, съ вашимъ супругомъ вы познакомились самымъ обыкновеннымъ образомъ....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Я, право, не знаю....

ДОНЪ РАФАЭЛЬ (*умоляющимъ голосомъ*).

Ахъ, останьтесь, останьтесь.... Еслибъ вы знали.... (*Онъ вздыхаетъ.*)

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Но гдѣ же могли вы меня видѣть?...

ДОНЪ РАФАЭЛЬ (*вполголоса*).

О, невинная голубка! — (*Громко*) Гдѣ? Вы спрашиваете, гдѣ? Здѣсь.... и не только здѣсь, но даже.... тамъ (*Показывая на домъ*), тамъ.... (*Про-себя*) Надобно ее удивить....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ

Не можетъ быть....

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Послушайте. Вы меня не знаете. Вы не знаете, какими опасностями я пренебрегалъ, какъ часто я жертвовалъ честью, жизнію, и все для того, чтобъ хоть изрѣдка, хоть издали увидѣть васъ, услышать голосъ вашъ.... или (*Понизивъ голосъ*) любоваться, мучительно любоваться вашимъ безмятежнымъ сномъ. (*Про себя*) Браво!

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Вы меня пугаете.... (*Вздрагивая*) Ахъ, Боже мой, мнѣ кажется, я слышу голосъ Маргариты... (*Хочетъ уйдти.*)

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Не уходите, прекрасная сеньйора, не уходите.... Вашего мужа нѣтъ дома?

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Но....

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Вообразите себѣ, что вы однимъ вашимъ присутствіемъ даруете другому человѣку, то-есть мнѣ — такое блаженство, такое.... словомъ — высочайшее блаженство.... Не будьте же жестоки, останьтесь, умоляю васъ.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Но, помилуйте, могутъ подумать....

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Что же могутъ подумать? Развѣ это не улица? Развѣ не всѣмъ позволено ходить по этой улицѣ? Я прохожу мимо.... (*Идетъ*) и вздумалъ вернуться (*Возвращается*). Что же тутъ предосудительнаго.... или подозрительнаго? Мнѣ это мѣсто понравилось... А вы... вы сидите на балконѣ.... Вамъ пріятно сидѣть на воздухѣ.... Кто бы вамъ запретилъ сидѣть на вашемъ балконѣ? Вы не подымаете глазъ — вы задумались.... Вы не обращаете ни малѣйшаго вниманія на то, что дѣлается на улицѣ.... Я васъ не прошу говорить со мной, хотя чрезвычайно благодаренъ вамъ за вашу снисходительность.... Вы будете сидѣть, а я буду ходить и смотрѣть на васъ.... (*Начинаетъ ходить взадъ и впередъ.*)

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (*вполголоса*).

Боже мой!... что̀ со мной дѣлается.... Голова горитъ, я едва дышу.... Я никакъ не ожидала такого происшествія....

ДОНЪ РАФАЭЛЬ (*тихо напѣваетъ пѣсенку*).

Любви, любви я не дождусь,
А безъ любви я умираю....
Я умираю, я томлюсь,
Томлюсь, сгараю —
И не дождусь, и не дождусь.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (*слабымъ голосомъ*).

Сеньйоръ....

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Сеньйора?

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Право, мнѣ кажется, вамъ бы лучше уйдти.... Мой мужъ, донъ Бальтазаръ, очень ревнивъ.... при томъ я люблю моего мужа....

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

О, я не сомнѣваюсь!

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Не сомнѣваетесь?

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Вы кажется сказали, что вы боитесь вашего мужа....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (*въ замѣшательствѣ*).

Я?... вы меня не.... Но я здѣсь не одна.... Старуха Маргарита презлая....

(*Изъ окна верхняго этажа осторожно выказывается голова Маргариты.*)

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Я ея не боюсь....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Садовникъ Пепе пресильный....

ДОНЪ РАФАЭЛЬ (*съ нѣкоторымъ безпокойствомъ*).

Пресильный? (*Взглянувъ на свою шпагу*) И его я не боюсь.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Мой мужъ сейчасъ вернется....

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Мы его пропустимъ.... Притомъ, не забудьте, въ случаѣ опасности, вы въ одно мгновенье можете скрыться.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Ночь на дворѣ....

ДОНЪ РАФАЭЛЬ

Ночь.... ахъ, ночь! божественная ночь! Вы любите ночь? Я прихожу въ восторгъ отъ одного слова «ночь»....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Тише, ради Бога....

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Извольте; я говорить не стану.... но пѣть позволяется всякому человѣку на улицѣ. Вы услышите пѣсенку пріятеля моего, поэта, севильскаго.... студента. (*Онъ ходитъ по улицѣ и поетъ не слишкомъ громко.*)

Для недолгаго свиданья,
Передъ утромъ, при лунѣ,
Для безмолвнаго лобзанья
Ты придти велѣла мнѣ....

У стѣны твоей высокой
Подъ завѣшенными окномъ,
Я стою въ тѣни широкой,
Весь окутанный плащомъ....

Звѣзды блещутъ.... страстью дивной
Дышетъ голосъ соловья....
Выйдь.... о выйдь на звукъ призывной,
Появись, звѣзда моя!

Сколько бъ мы потомъ ни жили —
Я хочу, чтобъ мы съ тобой
До могилы не забыли
Этой ночи огневой....

И легко и торопливо,
Словно призракъ, чуть дыша,

Озираясь боязливо,
Ты сойдешь ко мнѣ, душа!

Безконечно торжествуя,
Устремлюсь я на крыльцо,
На колѣни упаду я,
Посмотрю тебѣ въ лицо.

И затихнетъ робкій трепетъ,
И пройдетъ послѣдній страхъ....
И замретъ твой дѣтскій лепетъ
На предавшихся губахъ....

Иль ты спишь, раскинувъ руки,
И не помнишь обо мнѣ —
И напрасно льются звуки
Въ благовонной тишинѣ?...

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (*вполголоса*).

Я должна уйдти.... и не могу.... Чѣмъ это все кончится? (*Оглядывается*) Никто насъ не видитъ, не слышитъ.... Сстъ.... (*Донъ Рафаэль быстро подходитъ къ балкону.*) Послушайте, сеньйоръ; вы увѣрены, что я честная женщина?... (*Донъ Рафаэль низко кланяется.*) Вы не придадите мгновенной необдуманности.... шалости другаго, невозможнаго.... вы понимаете меня — невозможнаго значенія?...

ДОНЪ РАФАЭЛЬ (*про себя*).

Это чтò?

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Я думаю, вы сами знаете, всякая шалость только тѣмъ и хороша, что скоро кончается.... Мы, кажется, довольно пошалили. Желаю вамъ покойной ночи.

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Покойной, вамъ легко сказать!

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Я увѣрена, что вы будете спать прекрасно.... Но если вы хотите.... (*Съ замѣшательствомъ*) въ другой разъ....

ДОНЪ РАФАЭЛЬ (*про себя*).

А-га!

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Совѣтую вамъ не приходить сюда, потому что васъ непремѣнно увидятъ.... Я и такъ удивляюсь, что васъ до сихъ поръ никто не увидѣлъ.... (*Маргарита улыбается.*) Еслибъ вы знали, ка̀къ я дрожу.... (*Донъ Рафаэль вздыхаетъ.*) Приходите по воскресеньямъ въ монастырь.... я тамъ бываю, иногда — съ мужемъ....

ДОНЪ РАФАЭЛЬ (*въ сторону*).

Покорный слуга; мнѣ не шестнадцать лѣтъ.... (*Громко*) Сеньйора, вы меня еще не знаете. Вотъ что я намѣренъ сдѣлать.... Я намѣренъ встать на этотъ камень (*Онъ дѣлаетъ все, что говоритъ*), схватиться за этотъ заборъ.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (*съ ужасомъ, едва не крича*).

Помилуйте, что̀ вы дѣлаете!

ДОНЪ РАФАЭЛЬ (*очень хладнокровно*).

Если вы станете кричать, сеньйора, люди сбѣгутся; меня схватятъ, можетъ быть убьютъ.... И вы будете причиной моей смерти. (*Взлѣзаетъ на заборъ.*)

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (*съ возрастающимъ ужасомъ*).

Зачѣмъ вы взлѣзли на заборъ?

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Зачѣмъ? Я пойду въ вашъ садъ.... Я буду искать слѣды вашихъ ножекъ на песку дорожекъ. (*Про себя*) Ба̀! я говорю стихами.... (*Громко*) Сорву на память одинъ цвѣтокъ.... Однако прощайте — то есть до свиданія.... Ужасно неловко сидѣть верхомъ на заборѣ.... (*Въ сторону*) На дворѣ никого нѣтъ — пущусь! (*Соскакиваетъ съ забора.*)

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Да онъ сумасшедшій!... Онъ на дворѣ, стучится въ дверь, бѣжитъ въ садъ.... Ахъ, я пропала, пропала!... Пойду запрусь въ своей комнатѣ.... авось его не увидятъ.... Нѣтъ, рѣшительно отказываюсь отъ всякихъ необыкновенныхъ приключеній.... (*Уходитъ; голова Маргариты скрывается. Черезъ нѣсколько времени входитъ донъ Бальтазаръ.*)

ДОНЪ ВАЛЬТАЗАРЪ.

А пріятно погулять вечеркомъ.... Вотъ я и домой пришелъ. Пора.... пора — я загулялся, я думаю теперь часовъ десять... за то кàкъ я славно отдохну! А дома меня ждетъ моя милая, безцѣнная, несравненная.... Пріятно, ей-Богу, пріятно. Я никогда не любилъ наслаждаться — кой-какъ.... Къ чему? Времени, слава Богу, много.... жизнь долга: къ чему спѣшить? Я и въ дѣтствѣ не любилъ торопиться.... Помнится, когда мнѣ давали сочную, спѣлую грушу, я никогда не съѣдалъ ея рàзомъ, какъ иной дуракъ, повѣса какой нибудь.... нѣтъ, пойду, бывало, сяду, выну грушу потихоньку изъ кармана, осмотрю ее со всѣхъ сторонъ, поцѣлую, поглажу, прижму къ губамъ, опять отниму — любуюсь издали, любуюсь вблизи, и наконецъ, зажмуривъ глазки, и укушу. Ахъ, мнѣ бы слѣдовало быть кошкой! Такъ и теперь.... Вотъ, я бы могъ сейчасъ войдти къ женѣ, къ моей милой, молоденькой женкѣ; къ чему? подождемъ немного. Я знаю, она въ сохранности; въ цѣлости.... За ней смотритъ и Маргарита, и Пепе смотритъ.... Да какъ за ней и не смотрѣть, за моей душенькой-голубушкой?... А Сангре! вотъ-то другъ истинный, вотъ-то кладъ неоцѣнимый! Говорятъ: дружбы нѣтъ на свѣтѣ — вздоръ! пустяки! Напримѣръ: я, я трусливаго нрава, чтò дѣлать! сознаюсь.... и хоть я и злюсь на этихъ нахаловъ, вертопраховъ, которые даже въ церкви всякой порядочной женщинѣ нагло заглядываютъ въ лицо, но, скрѣпя сердце, молчу, терплю.... А мой Пабло.... о, мой Пабло! посмѣй-ка при немъ кто нибудь лишній разъ взглянуть на мою Долориту.... И все изъ дружбы! Я сперва было думалъ (*смѣется*) — подлинно — говорятъ, старые мужья преревнивые люди, — я было думалъ, что Сангре самъ.... (*смѣется еще громче*). Но теперь я совершенно спокоенъ.... Вѣдь онъ съ ней словечка не промолвитъ, не взглянетъ на нее.... все сидитъ нахмурившись.... а она его боится, Боже мой, какъ боится! Ужь я ему говорю: Пабло, послушай, будь же поласковѣе, Пабло, — а онъ мнѣ: «будь ты ласковъ, твое дѣло.... ты старъ, тебѣ надо брать любезностью.... я угрюмъ.... тѣмъ

лучше..,. я угрюмъ, ты веселъ; я полынь, ты медъ». Онъ иногда мнѣ говоритъ горькія истины, мой Пабло, отъ того, что искренно ко мнѣ привязанъ.... рѣдкій человѣкъ!... Однакожь пора.... (*Онъ оборачивается, передъ нимъ стоитъ Маргарита*). А, здравствуй.... здравствуй, Маргарита!... Что̀? госпожа здорова? Вотъ я и вернулся. Возьми-ка мою палку....

МАРГАРИТА.

Сеньйоръ донъ Бальтазаръ д'Эстуризъ!

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ.

Ну?

МАРГАРИТА.

Господинъ мой, сеньйоръ!

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ.

Съ ума ты сошла, что̀ ли? Что̀ тебѣ надобно?

МАРГАРИТА.

Въ вашъ домъ забрался молодой человѣкъ, донъ Бальтазаръ.

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ.

Какъ?... Стой.... держи.... трррррр.... молодой человѣкъ.... Врешь, старуха!...

МАРГАРИТА.

Молодой, красивый незнакомецъ въ голубомъ плащѣ съ бѣлымъ перомъ.

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ (*задыхаясь*).

Бѣлый человѣкъ... въ плащѣ... съ незнакомымъ перомъ... (*Схватываетъ ее за руку*). Гдѣ? какъ?... нѣтъ, постой, погоди.... кричи, кричи (*Она хочетъ кричать, онъ зажимаетъ ей ротъ*). Нѣтъ, не кричи.... Бѣги.... куда? Сангре! гдѣ Сангре? Какъ у меня въ домѣ.... Поддержи меня, Маргарита.... я, кажется, умираю.

(*Сангре входитъ.*)

ДОНЪ ПАБЛО.

Это что̀ значитъ?... Бальтазаръ....

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ (*вскакиваетъ и обнимаетъ его*).

Это ты, ты, мой спаситель, отецъ.... Сангре, спаси, заступись.... скорѣй.... Поймай его, поймай.... Вообрази себѣ....

(*Къ Маргаритѣ*) Да какъ онъ забрался, а? Отчего ты не кричала, а? Ты сама съ ними въ заговорѣ, старая вѣдьма....

МАРГАРИТА (*шопотомъ*).

Перестаньте кричать; онъ васъ услышитъ. (*Къ Сангре*) Вотъ въ чемъ дѣло.... Только-что ушелъ донъ Бальтазаръ, я было собралась сходить къ своей теткѣ: говорятъ, она умираетъ. Не знаю зачѣмъ-то я замѣшкалась у себя въ комнатѣ.... вдругъ, слышу, кто-то говоритъ на улицѣ, потомъ запѣлъ довольно громко.... Я знала, что донья Долоресъ сидитъ на балконѣ.... Я подошла къ окну и увидѣла передъ нашимъ домомъ молодаго человѣка, (*Взглянувъ насмѣшливо на донъ Бальтазара*) очень пріятной наружности. Онъ расхаживалъ, останавливался, разговаривалъ съ доньей Долоресъ довольно нѣжно; потомъ, кажется съ ея согласія, перелѣзъ черезъ заборъ и пробрался въ садъ; донья Долоресъ пошла къ себѣ... Я тотчасъ же заперла комнату госпожи, заперла калитку въ садъ и ни слова не сказала Пепе. Теперь извольте распоряжаться какъ знаете.

ДОНЪ ПАБЛО (*вспыхнувъ и сквозь зубы*).

Итакъ она.... (*Схватываетъ руку донъ Бальтазара*). Любезный другъ мой, успокойтесь.... тотчасъ, вотъ такъ, мы все дѣло поправимъ. Тебя, Маргарита, я бы охотно произвелъ въ полковники—не теряешь головы; за то люблю. Заперла обоихъ.... браво, позволь мнѣ тебя обнять.... Послушайте, друзья: станемте разговаривать смирно, тихо, безъ лишнихъ тѣлодвиженій.... какъ-будто мы говоримъ о какомъ нибудь хозяйственномъ распоряженіи.

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ.

Да помил[illegible]

ДОНЪ ПАБЛО.

Бальта[illegible] первыхъ, успокойся, а во вторыхъ, [illegible] Ты такъ блѣденъ и такъ встревоженъ, [illegible] даются о чемъ мы говоримъ....

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ.

ДОНЪ ПАБЛО.

Ну да.... онъ и она.... Богъ ихъ знаетъ, можетъ-быть, они какъ-нибудь насъ видятъ.... Однако ты, Маргарита, точно заперла дверь?... (*Маргарита утвердительно киваетъ головой.*)

ДОНЪ ПАБЛО.

И она не безпокоилась?

МАРГАРИТА.

Не въ первый разъ я ее запираю....

ДОНЪ ПАБЛО.

А онъ запертъ въ саду?

МАРГАРИТА.

Да.

ДОНЪ ПАБЛО.

Скажи, пожалуйста, любезная Маргарита, комната доньи Долоресъ окнами на дворъ что ли, или въ садъ.... въ садъ, помнится....

МАРГАРИТА.

Въ садъ.... да до нихъ высокò.

ДОНЪ ПАБЛО.

Прекрасно.... все прекрасно.... Они насъ видѣть не могутъ....

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ.

Однако и ты блѣденъ, Пабло....

ДОНЪ ПАБЛО.

Будто?... Маргарита, вели-ка тотчасъ Пепе спустить собакъ.... да вели ему стать у воротъ съ дубиной.... слышишь? Да поднеси ему вина — крѣпкаго, хорошаго, стараго вина... Ступай. (*Маргарита хочетъ уйдти.*) Послушай, неужели донья Долоресъ говорила съ нимъ.... (*Маргарита киваетъ головой.*) Хорошо, ступай. (*Маргарита уходитъ.*) А! пріятно изрѣдка расшевелить кровь — а? Какъ ты думаешь, дружище? Сядемъ-ка на скамейку, милый Бальтазаръ, и потолкуемъ о планѣ сраженія.... (*Они садятся.*) Какъ темнò стало!... Какъ весело сидѣть въ темнотѣ, и думать, съ наслажденіемъ думать о мести!...

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ.

Но.... можетъ-быть, Долоресъ не виновата?

ДОНЪ ПАБЛО.

Ты думаешь?

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ.

Онъ, можетъ-быть, противъ ея воли перелѣзъ черезъ заборъ....

ДОНЪ ПАБЛО.

А зачѣмъ же она не звала на помощь? зачѣмъ не кричала? зачѣмъ она разговаривала съ нимъ, съ незнакомымъ человѣкомъ?

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ.

Измѣнница!

ДОНЪ ПАБЛО.

Впрочемъ, мы все дѣло разберемъ, какъ слѣдуетъ, любезный Бальтазаръ. Мы любимъ правосудіе. Итакъ, во первыхъ, непріятель уйдти не можетъ: большое утѣшеніе! Весь садъ обнесенъ такимъ высокимъ заборомъ....

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ.

По твоей милости, милый Пабло.

ДОНЪ ПАБЛО.

По моей милости, какъ ты говоришь, милый Бальтазаръ. Съ какимъ наслажденіемъ вбивалъ я каждый колъ! Но дѣло не въ томъ. Наша крѣпость въ исправности; врагъ у насъ въ рукахъ. Правда, есть одно слабое мѣсто: ограда возлѣ воротъ не довольно высока; но Пепе малый славный, и собаки у него знатныя.... Завтрешній же день, если понадобится, велю и стѣну повысить и крючья вбить....

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ.

Если понадобится? Навѣрное понадобится!

ДОНЪ ПАБЛО.

Ну, это мы увидимъ.... Итакъ, повторяю, врагъ у насъ въ рукахъ.... (*Со вздохомъ.*) Бѣдный! онъ не зналъ, въ какую западню лѣзъ!

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ.

Что̀ мы съ нимъ сдѣлаемъ?

ДОНЪ ПАБЛО.

Донъ Бальтазаръ д'Эстуризъ, другъ мой, извольте предложить ваше мнѣніе. Мы васъ слушаемъ.

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ.

Я полагаю... схватить его, да и по.... развѣ.... дать....(*Дѣлая руками весьма рѣшительныя движенія*), зачѣмъ онъ пожаловалъ ко мнѣ въ гости? Ну, а потомъ попросить Пепе.... ты понимаешь?

ДОНЪ ПАБЛО.

Да и зарыть его гдѣ-нибудь у перекрёстка?

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ.

Что̀ ты! живаго человѣка.... то-есть, не совсѣмъ живаго, да и не мертваго. Боже сохрани!

ДОНЪ ПАБЛО.

Я васъ понимаю, донъ Бальтазаръ. Фи! ка̀къ неблагородно вы изволите мыслить!

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ.

А вы какого мнѣнія, почтеннѣйшій Сангре?

ДОНЪ ПАБЛО.

Я? А вотъ узна̀ете на дѣлѣ. Позвольте мнѣ достать мой фонарчикъ.... Что̀ за нелѣпость! у меня руки дрожатъ, какъ у старика.... Милый Бальтазаръ! вы никогда не бывали на птичьей охотѣ? не ставили силковъ? не разстилали сѣтей?

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ.

Бывалъ, бывалъ; да что....

ДОНЪ ПАБЛО.

А! бывали! Не правда ли, ка̀къ пріятно притаиться и ждать, долго ждать? Вотъ птички, красивыя, веселыя птички, начинаютъ понемногу слетаться; сперва дичатся, робѣютъ; потомъ начинаютъ поклёвывать кормъ вашъ, вашъ собственный кормъ; наконецъ, совершенно успокоются и ужь посвистываютъ, да такъ мило, такъ беззаботно!.. Вы протягиваете руку, дергаете веревочку: хлопъ! сѣть упала — всѣ птицы ваши; вамъ только остается придавить имъ головки — пріятное удовольствіе! Пойдемъ, Бальтазаръ! Сѣти разставлены, птицы слетѣлись; пойдемъ, пойдемъ! (*Подходя къ дому, онъ*

останавливается.) Посмотри, Бальтазаръ, что̀ за пасмурный видъ у твоего дома. Ни въ одномъ окошечкѣ не видно свѣта; все тихо; дверь на балконъ полураскрыта.... Право, иной чудакъ, пожалуй, подумаетъ, что въ этомъ домѣ совершается или должно совершиться преступленіе.... Что̀ за вздоръ! Здѣсь живутъ люди скромные, тихіе, степенные.... (*Они оба осторожно входятъ въ домъ.*)

СЦЕНА II.

Садъ.

ДОНЪ РАФАЭЛЬ (*одинъ*).

Что̀ за дьявольщина? Я хотѣлъ войдти въ домъ со двора — дверь заперта; потомъ въ садъ — а изъ саду въ домъ еще мудренѣе попасть: голая, гладкая стѣна, а окна такъ высоки.... Я было хотѣлъ уйдти — не тутъ-то было! Вокругъ всего сада такой чертовски высокій заборъ, и на десять шаговъ отъ забора нѣтъ ни одного дерева.... Страшныя предосторожности!... Ба, ба, ба! и калитка и дворъ заперты.... Что̀ это значитъ? (*Осторожно подходитъ къ калиткѣ.*) Собакъ спустили — плохо дѣло! Ужь не потѣшается ли надо мной любезная сеньйора?... Впрочемъ, нѣтъ; она слишкомъ невинна и слишкомъ глупа. Однако, признаюсь, я нахожусь въ весьма непріятномъ положеніи.... Совсѣмъ стемнѣло, да и холодно стало — брррр!... Мои товарищи, чай, заждались меня. (*Топнувъ ногой*) Чертъ возьми! неужли же я всю ночь проведу подъ этими глупыми деревьями?.... Впрочемъ, она знаетъ, что я здѣсь; не стану жь унывать; женщины слабы, бѣсъ силенъ; можетъ-быть, она.... можетъ-быть, она влюбилась въ меня?... Не въ первый разъ! (*Ходитъ взадъ и впередъ, напѣвая: «Любви, любви я не дождусь», и съ досадою прерываетъ себя:*) да̀, вотъ и дождался!

(*Одно окно тихо растворяется; въ окнѣ показывается донья Долоресъ.*)

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Ссть!

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

А!

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (*шопотомъ*).

Сеньйоръ.... сеньйоръ....

ДОНЪ РАФАЭЛЬ (*тоже шопотомъ*).

Это вы, прекрасная сеньйора? Наконецъ....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (*ломая руки*).

Боже мой! что̀ вы сдѣлали? что̀ вы сдѣлали? Меня заперли въ комнатѣ.... Я увѣрена, что Маргарита насъ подслушала и все сказала мужу. Я погибла!...

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Васъ заперли? Странно.... и меня заперли.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Какъ? и васъ заперли? Боже мой! все открыто!...

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Не падайте въ обморокъ, ради Бога; мы должны съ вами придумать, ка̀къ намъ выйдти изъ этого бѣдственнаго положенія.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Спасайтесь, уйдите поскорѣе!

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Да ка̀къ уйдти? Я не птица, не могу перелетѣть черезъ трехъ-аршинный частоколъ.... Вашъ мужъ вернулся?

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Не знаю; въ домѣ все тихо.... Ахъ, какая тоска, какая тоска!...

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

А давно ли вы жаловались на однообразіе вашей жизни; вотъ вамъ и сильныя ощущенія.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Стыдитесь, сударь, стыдитесь! Еслибъ я была мужчиной, вы бы не дерзнули смѣяться надо мной!

ДОНЪ РАФАЭЛЬ (*въ сторону*).

Ка̀къ она мила! (*Громко*) Не гнѣвайтесь на меня.... (*Ста-*

новится на колѣни.) Смотрите, я сталъ на колѣни, я прошу вашего прощенія....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Ахъ! полноте, встаньте; мнѣ не до того....

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Слушайте, сеньйора, я вамъ докажу, что я не заслуживаю вашего презрѣнія. Хотите ли? я выдамъ себя за вора; вы закричите, зовите на помощь; къ вамъ прибѣгутъ; вы скажете, что видѣли чужаго человѣка въ саду; меня схватятъ, и.... и я ужь какъ-нибудь постараюсь отдѣлаться.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Но васъ убьютъ?

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Нѣтъ, не убьютъ; но непріятностей я не избѣгну.... Чтò жь дѣлать! (*Съ жаромъ*) я всѣмъ готовъ жертвовать для васъ....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (*задумывается*).

Нѣтъ, ни за чтò, ни за чтò въ мірѣ!

ДОНЪ РАФАЭЛЬ (*про себя*).

Ну, признаюсь, я струсилъ; я такъ и думалъ, что она закричитъ.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Боже мой! Боже мой! чѣмъ все это кончится?... Спрячьтесь; я позвоню, позову Маргариту.... (*Рафаэль прячется*) Никто нейдетъ.... Это ужасно, ужасно! Онъ погубилъ меня!...

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Сеньйора....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Ну?

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Извольте рѣшаться поскорѣе, потому-что, кажется, кто-то отворяетъ калитку.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Да я не могу васъ выдать за вора.

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Не можете?

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Нѣтъ.

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Впрочемъ, вамъ и не нужно выдавать меня за вора: меня и такъ за вора примутъ.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Но.... но я боюсь за васъ.

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Не извольте тревожиться. Я скажу, что гулялъ, да и зашелъ въ вашъ садъ.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Вамъ не повѣрятъ.

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Да развѣ я неправду скажу?

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ *(боязливо оглядываясь.)*

Боже мой! мнѣ кажется, что даже стѣны насъ подслушиваютъ.

(*Донъ Пабло осторожно выглядываетъ изъ-за одного дерева.*)

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

О, сеньйора! еслибъ я былъ на вашемъ мѣстѣ....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ *(съ отчаяніемъ).*

Да что̀ я могу сдѣлать?

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Вы можете впустить меня въ домъ.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Какимъ же образомъ?

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

А вотъ какъ: возьмите шаль или полотенцо, что̀ хотите; привяжите одинъ конецъ къ окну, а другой....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Ни за что̀!

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

О, не безпокойтесь; я не сломаю себѣ шеи; я привыкъ къ такимъ продѣлкамъ.... (*Донья Долоресъ немного отходитъ отъ окна.*) Послушайте; клянусь вамъ честію, если вы меня

впустите въ вашу комнату, я сяду въ уголъ и буду молчать, какъ наказанный школьникъ....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Вы, кажется, совершенно меня презираете, милостивый государь?

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Помилуйте! Но, признаюсь, вашего Пепе и его собакъ....

(*Донъ Пабло скрывается.*)

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Боитесь? Хорошъ витязь!

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Витязямъ не велѣно не бояться собакъ.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Меня это молчаніе ужасаетъ. Навѣрное донъ Бальтазаръ дома.... Отчего это онъ не приходитъ ко мнѣ.... что̀ за таинственность?...

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Не безпокойтесь, пожалуйста. Калитку заперли отъ-того, что уже поздно.... Васъ, я думаю, не въ первый разъ запираютъ; а мужъ вашъ гдѣ-нибудь замѣшкался.... Послушайте, мое предложеніе, право, прекрасно: если даже мнѣ не удастся спрятаться гдѣ-нибудь въ вашемъ домѣ до завтрешняго утра, такъ въ крайнемъ случаѣ я могу выскочить въ садъ....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (*торопливо*).

Спрячьтесь; мою дверь отворяютъ. (*Она отходитъ отъ окна. Рафаэль прячется.*)

МАРГАРИТА (*за сценой*).

Доброй ночи, доброй ночи, сеньйора! Извините меня, пожалуйста; я васъ заперла; мнѣ надобно было отлучиться на полчасика.... Вы на меня не гнѣваетесь?

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (*за сценой*).

Донъ Бальтазаръ возвратился?

МАРГАРИТА (*за сценой*).

Нѣтъ еще; да онъ не скоро придетъ; онъ пошелъ къ нашему сосѣду, къ алькаду, и навѣрное до полуночи проиграетъ съ нимъ въ шахматы. (*Онѣ обѣ подходятъ къ окну.*)

МАРГАРИТА.

А вы опять сидѣли у окна, сеньйора? Вотъ, вы когда-нибудь простудитесь....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Я.... я смотрѣла на звѣзды.

МАРГАРИТА.

На звѣзды! Охъ, вы, молодые люди! и ночью-то вамъ не спится; а мнѣ такъ мочи нѣтъ, голова болитъ, спина болитъ, а глаза такъ и слипаются.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Чтожь, Маргарита, ступай отдохни.

МАРГАРИТА.

Да ка̀къ же мнѣ васъ оставить?

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Ничего, ничего; я сама скоро лягу спать. Ступай, ступай, бѣдняжка; мнѣ, право, жаль тебя....

МАРГАРИТА.

Ну, прощай, мой ангелочекъ!

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Прощай. (*Она ее обнимаетъ, уходитъ съ ней, и черезъ нѣсколько времени опять показывается у окна.*) Сеньйоръ! сеньйоръ! (*Донъ Рафаэль осторожно выходитъ.*) Послушайте, могу ли я вполнѣ положиться на васъ? Точно ли вы честный человѣкъ?

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Сеньйора, клянусь....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Не клянитесь.... Ахъ, еслибъ я могла пристально взглянуть вамъ въ глаза, я бы тотчасъ узнала, что̀ вы за человѣкъ.

ДОНЪ РАФАЭЛЬ (*про себя*).

О-го!

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Но скажите мнѣ, скажите, что вы не въ состояніи оскорбить женщину.

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Никогда!

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Сеньйоръ, посмотрите, чтò у меня въ рукѣ.

ДОНЪ РАФАЭЛЬ (*всматриваясь*).

Ключъ?

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Ключъ отъ двѣри на улицу.

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Неужели? Какимъ образомъ, откуда вы достали этотъ безцѣнный ключъ?

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Откуда? изъ-за пояса Маргариты.

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Бра.... браво! (*Про себя*) О, женщины, женщины! Этого я не ожидалъ, признаюсь.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Но все жь вамъ нельзя выйдти изъ дома....

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Отчего же, сеньйора?

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Отъ того, что вамъ надобно сперва войдти въ домъ.

ДОНЪ РАФАЭЛЬ (*умоляющимъ голосомъ*).

Сеньйора....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Послушайте: сдѣлайте одолженіе, уйдите какъ вы пришли — по той же дорогѣ.

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Скажите, пожалуйста, давно не кормили вашихъ собакъ?... Онѣ лаютъ съ ужаснымъ остервенѣніемъ.... Голодныя собаки и пьяный садовникъ.... Прошу покорно!

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

О, Боже мой, чтò мнѣ дѣлать?

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Какъ, чтò вамъ дѣлать? Вотъ, всѣ женщины таковы: любятъ тревожиться по пустому и создавать себѣ различныя небывалыя препятствія и трудности.... Пока вашъ мужъ не вернулся, пока Маргарита не проснулась — впустите меня...

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ *(въ нерѣшимости).*

Да какъ же васъ впустить?

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Ахъ, сеньйора! я вижу, вамъ весело терзать меня....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Вы тотчасъ выйдете изъ моей комнаты? изъ дома?

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Тотчасъ.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

И ни слова мнѣ не скажете?

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Ни полслова.... даже не поблагодарю васъ.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Дѣлать нечего.... рѣшаюсь....

ДОНЪ РАФАЭЛЬ *(про себя).*

Наконецъ!

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ *(привязавъ шаль къ окну).*

О, Творецъ! чего необходимость не заставитъ сдѣлать....

ДОНЪ РАФАЭЛЬ *(съ трудомъ взлѣзая).*

Вы.... правы.... че....го.... не зас....тавитъ....

СЦЕНА III.

Комната доньи Долоресъ. Въ одномъ углу сидитъ донья Долоресъ, въ другомъ донъ-Рафаэль.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

И вы не хотите уйдти?...

ДОНЪ РАФАЭЛЬ *(вздыхая).*

О, Боже!

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ

Вы безчестный человѣкъ!

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Тише.... Насъ могутъ услышать.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Или вы хотите меня погубить? Я вамъ говорю, что мой мужъ сейчасъ войдетъ... сейчасъ... Онъ меня убьетъ... сжальтесь же надо мной.... Притомъ, Маргарита можетъ хватиться ключа.... Вотъ онъ вамъ: возьмите и уйдите скорѣе — тотчасъ. (*Бросаетъ ключъ къ его ногамъ.*)

ДОНЪ РАФАЭЛЬ (*неохотно вставая и поднимая ключъ*).

Дѣлать нечего.... повинуюсь. Но позвольте мнѣ сперва подойдти къ вамъ хотя нѣсколько поближе.... Вы погасили свѣчку изъ предосторожности — прекрасно; но я васъ не вижу.... Помилуйте! можетъ быть, я въ послѣднiй разъ говорю съ вами, — а вы приказываете мнѣ уйдти, не взглянувъ даже на васъ.... Не забудьте, я до сихъ поръ разговаривалъ съ вами въ весьма почтительномъ разстоянiи....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Не подходите.... Я боюсь васъ; я вамъ не довѣряю.

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

А! вы мнѣ не довѣряете.... И вѣроятно, вполнѣ повѣрите мнѣ только тогда, когда я выйду изъ дома, то есть, когда мнѣ нельзя будетъ подойдти къ вамъ.... Послушайте — я ухожу, я прощаюсь съ вами....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Да вы подходите ко мнѣ....

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Ради неба, не пугайтесь и не кричите.... (*Видя, что она собирается бѣжать.*) — Я становлюсь на колѣни, я стою на колѣняхъ (*становится на колѣни*). — Видите ли, какъ я почтителенъ и робокъ....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Да что вы хотите отъ меня?

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Позвольте мнѣ на прощанье поцѣловать вашу руку....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (*въ нерѣшимости*).

Да вы не уйдете....

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Испытайте....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (*протягиваетъ руку, онъ приближается; вдругъ она вздрагиваетъ*).

Боже мой! я слышу шаги моего мужа.... его кашель.... Вамъ нельзя уйдти — я пропала.... Спрячьтесь.... Прыгните изъ окна; скорѣй....

ДОНЪ РАФАЭЛЬ (*подбѣгая къ окну*).

Да я тутъ себѣ шею сломлю.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

А ваше обѣщаніе? Ну, все равно — вотъ сюда, сюда.... (*Толкаетъ его въ спальню и сама задыхаясь падаетъ на софу. Дверь отворяется, входитъ донъ Бальтазаръ со свѣчой.*)

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ (*про себя*).

Проклятый Сангре.... Каково мое положеніе.... Онъ тутъ. (*Подозрительно осматривается*). — Я это знаю и....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (*слабымъ голосомъ*).

Это вы, донъ Бальтазаръ?

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ (*принужденно улыбаясь*).

А.... доброй ночи, моя милая. Какъ.... какъ твое здоровье? (*Вдругъ повысивъ голосъ*) А! сударыня! вы (*опять вдругъ понизивъ*).... Я что-то сегодня нездоровъ.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (*про себя*).

Что за странное обращеніе? (*Громко*). Вы, въ самомъ дѣлѣ, что-то блѣдны.... Гдѣ вы были, любезный Бальтазаръ?

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ.

Я блѣденъ.... хм.... и отъ чего я блѣденъ, вы не знаете? не знаете?... (*Передразнивая ее*) Любезный Бальтазаръ — любезный происходитъ отъ слова любить.... Вы меня любите, сеньйора?

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Что̀ съ вами, сеньйоръ? Вы встревожены.

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ.

А вы не встревожены?... Дайте-ка мнѣ вашъ пульсъ пощупать.... О-го! мнѣ кажется, вашъ пульсъ бьется очень скоро.... Странно, право, странно.... Отчего вы сидите однѣ, въ потемкахъ, безъ свѣчки, отчего? ..

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (*робко*).

Я васъ не понимаю, сеньйоръ.

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ (*вспыхнувъ*).

Не понимаете.... А! вы меня не понимаете! (*Донья Долоресъ вздрагиваетъ и смотритъ на него неподвижно.*)

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ.

Отъ чего вы вздрогнули?

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Я.... я.... Вы меня пугаете.

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ.

Отчего вы пугаетесь? Совѣсть, видно, нечиста.... (*Кто-то легонько стучитъ въ дверь*) Да; извините.... Что̀ бишь я хотѣлъ сказать.... Я сегодня не совсѣмъ здоровъ... Пожалуйста, не обращайте на меня вниманія.... Я тебя испугалъ, моя милая кошечка; ты знаешь, я такой чудакъ. (*Отходя отъ нея*) Змѣя, змѣя!... О, Сангре! Сангре! (*Быстро и громко*) Я пришелъ вамъ сказать, что я не ночую дома, то-есть, я очень, очень поздно вернусь.... Но вы не тревожьтесь. У моего пріятеля, алькада, собралось много весьма любезныхъ гостей (*онъ отираетъ потъ съ лица*). Мы рѣшились не расходиться до утра. Хотя старикамъ и не слѣдуетъ засиживаться такъ долго, да знаете, иногда пріятелямъ отказать невозможно, (*Въ сторону*) уфъ!... (*Громко*) вотъ я и сказалъ имъ: извольте, останусь; но отпустите меня къ женѣ на минуточку, а то она будетъ тревожиться.... Ну, а теперь, прощай.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Прощайте, донъ Бальтазаръ; смотрите, не оставайтесь слишкомъ долго у алькада.

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ.

Въ самомъ дѣлѣ? какъ вы заботливы.... (*Вспыхнувъ опять*) И вы не удивляетесь? Какъ? я, вашъ мужъ, я, Бальтазаръ д'Эстуризъ, рѣшаюсь провести всю ночь въ чужомъ домѣ.... и вы не удивляетесь? Да развѣ я когда-нибудь.... (*Опомнившись*) Да не въ томъ дѣло.... не въ томъ дѣло.... (*Про себя*) О Боже, я не могу выйдти изъ этой комнаты.... мое положеніе

ужасно. (*Громко*) Ну, прощайте.... вамъ весело со мной прощаться, сознайтесь, очень весело? вы меня не удерживаете....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (*слабымъ голосомъ*).

Если вамъ угодно, останьтесь....

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ.

Что жь? пожалуй, я останусь. Вы меня просите остаться.... Я останусь.... А! вы, я вижу, блѣднѣете.... отъ радости, должно быть. Зачѣмъ я пойду къ алькаду? (*Садится въ кресла*) здѣсь такъ хорошо, такъ покойно, не правда ли, сеньйора?

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Но ... можетъ-быть, ваши друзья....

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ.

Друзья? какіе у меня друзья? У меня нѣтъ друзей. Я останусь. А! сеньйора, вы думали ...

(*Дверь отворяется; входитъ Сангре—онъ блѣденъ.*)

ДОНЪ ПАБЛО (*кланяясь*).

Извините меня, сеньйора, прошу васъ. Я осмѣлился безъ вашего позволенія войдти къ вамъ въ комнату.... Но меня прислалъ нашъ добрый алькадъ за вашимъ супругомъ.... Любезный Бальтазаръ, всѣ наши пріятели тебя ожидаютъ съ нетерпѣніемъ.... ты имъ обѣщалъ тотчасъ вернуться.... пойдемъ.

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ (*нехотя вставая*).

Я немножко.... усталъ.... милый другъ.

ДОНЪ ПАБЛО (*отводя его въ сторону — шопотомъ*).

Баба! (*Бальтазаръ хочетъ отвѣчать*).... Тс.... она на насъ смотритъ.... Мы и теперь его можемъ схватить, но не ты ли самъ согласился подвергнуть ее испытанію и посмотрѣть, что̀ она сдѣлаетъ, когда будетъ знать, что ты не скоро прійдешь домой. (*Громко*) Что̀ за пустяки! ты усталъ ... да развѣ ты старикъ? развѣ мы старики съ тобой? Полно притворяться, любезный....(*Доньѣ Долоресъ*) О! ручаюсь вамъ, сеньйора, вы черезъ недѣлю не узнаете вашего мужа.... онъ мнѣ сознавался сегодня, что ему надоѣло жить за городомъ, что онъ хочетъ переѣхать въ Мадритъ. Та̀мъ-то вы заживете, будете выѣзжать, веселиться. (*Смѣется*) Какъ ва̀мъ нравится намѣреніе вашего супруга? Вы не ожидали такой внезапной перемѣны

въ немъ?... Да, да, вамъ еще предстоитъ много неожиданнаго. Но пойдемъ, любезный другъ, ты видишь, донья Долоресъ устала; ей пора почивать; мы ей надоѣдаемъ. О! я увѣренъ, она заснетъ сномъ безмятежнымъ и спокойнымъ, сномъ невинности.... Да, кстати, милый Бальтазаръ, сегодня съ самаго утра вóронъ все каркаетъ на крышѣ твоего дома; вели, пожалуйста, застрѣлить эту глупую птицу. Старые люди говорятъ, что воронъ предвѣстникъ несчастья.... Я хоть и не вѣрю всѣмъ этимъ вздорамъ, но все же лучше.... Сеньйора, желаю вамъ спокойной ночи.

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ.

Прощайте; но клянусь вамъ честью....

ДОНЪ ПАВЛО.

Что противъ воли вас покидаю. Вѣдь вотъ что̀ ты хотѣлъ сказать, дружокъ? О, мой пріятель, донъ Бальтазаръ, настоящій придворный.... Спокойной ночи, прекрасная и добродѣтельная сеньйора. (*Оба уходятъ*).

(*Донья Долоресъ сидитъ въ оцѣпенѣніи.... Свѣчка, принесенная Бальтазаромъ, остается на столѣ; черезъ нѣсколько времени Рафаэль выходитъ изъ спальни, прислушивается: слышенъ внизу стукъ прихлопнутой двери.*)

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Они ушли.... сеньйора.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (*про себя*).

Этотъ Сангре ужасенъ.... мнѣ страшно, мнѣ холодно.... Эти взгляды, этотъ мрачный смѣхъ.... Ахъ, я чувствую, я погибла....

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Сеньйора.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (*встаетъ*).

Это вы? и вы остаетесь, не уходите?

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Вашъ мужъ ушелъ. Маргарита спитъ.... (*Донья Долоресъ молчитъ.*) Боже мой! какъ вы прекрасны....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ *(съ отчаяніемъ).*

Нѣтъ, вы безжалостны! О, какъ я наказана за свои преступныя желанья! (*Бросается на софу.*)

ДОНЪ РАФАЭЛЬ *(долго молчитъ и смотритъ на нее; потомъ нѣсколько измѣнившимся голосомъ).*

Вы называете ваши желанія преступными?... Бѣдная женщина! Послушайте.... я знаю, вамъ двадцать семь лѣтъ; лучшая половина вашей жизни скоро пройдетъ, а ваша первая, свѣтлая молодость уже безвозвратно увяла.... и вы проклинаете послѣднее, робкое желаніе вашего сердца, послѣдній крикъ души передъ ея вѣчнымъ молчаніемъ! Послушайте: не вы однѣ продремали свои лучшіе годы, не вамъ однимъ довелось узнать въ одно и то же время и жажду счастія.... и собственное безсиліе; но пока еще время не ушло, не увлекайтесь ложной гордостью; вы боитесь преступленія, а не боитесь старости. Ка̀къ вы мало знаете жизнь! Простите меня.... я, право, не знаю, что̀ говорю, но жизнь людей коротка.... жизнь женщины короче и тѣснѣй жизни мужчины, если мы жизнью называемъ свободное развитіе всѣхъ нашихъ силъ. Подумайте. (*Донья Долоресъ молчитъ.*) Ради Бога, поймите меня, сеньйора.... все, что̀ я сказалъ вамъ, нимало не относится.... къ намъ.... къ нашему теперешнему положенію.... Признаюсь вамъ откровенно: я легкомысленный и, какъ говорится, безпутный человѣкъ. Я едва-ли вѣрю во что-нибудь на свѣтѣ; я не вѣрю въ порокъ, а потому не вѣрю и въ добродѣтель. Къ-чему вамъ знать, какими путями дошелъ я до этого не совсѣмъ веселаго убѣжденія.... и можетъ ли занять васъ повѣсть жизни погибшей, съ намѣреніемъ погубленной?... Да, впрочемъ, намъ и нѣкогда много разговаривать. Признаюсь, я пришелъ сюда съ не совсѣмъ хорошими мыслями... я имѣлъ о васъ мнѣніе, позвольте мнѣ умолчать, какое именно... впрочемъ, это мнѣніе относилось не къ вамъ однимъ, но ко всѣмъ женщинамъ вообще.... Оно ложно, разумѣется.... ложно. Но что̀ прикажете дѣлать? глупая привычка! Вы видите, я откровененъ; и потому вы мнѣ повѣрите, если скажу вамъ, что я теперь васъ глубоко уважаю... что ваши слова, ваши взгляды, ваша тревожная ро-

бость, какая-то непостижимо грустная прелесть, которою все въ васъ дышетъ, все ваше существо произвело на меня такое неизгладимое впечатлѣніе, возбудило во мнѣ такую глубокую жалость, что я внезапно сталъ другимъ человѣкомъ.... будьте покойны, я уйду, уйду тотчасъ, и даю вамъ слово не тревожить васъ болѣе никогда, хотя, вѣроятно, не скоро васъ забуду.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Вы должны уйдти, сеньйоръ.... (*Какъ-будто про-себя*) Мнѣ страшно; мнѣ кажется, я не переживу этой ночи — всѣ эти люди — Маргарита, Сангре, мой мужъ.... Я ихъ боюсь.... Я боюсь ихъ ...

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Бѣдная, бѣдная женщина!... право, я готовъ плакать, глядя на васъ.... Какъ вы блѣдны.... Какъ вы дрожите.... Какъ вы мнѣ кажетесь одинокими на землѣ!... Но успокойтесь. Вашъ мужъ ничего не подозрѣваетъ; я тотчасъ уйду — и никто, никто въ мірѣ, кромѣ васъ и меня, не будутъ знать о нашемъ свиданіи.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Вы думаете?

ДОНЪ РАФАЭЛЬ (*садится подлѣ нея*).

Вы меня не боитесь теперь—неправда ли? Вы чувствуете, что и я тронутъ, глубоко, свято тронутъ.... что я теперь не въ состояніи васъ оскорбить. (*Показывая на часы, стоящіе на столѣ*) Посмотрите—черезъ десять минутъ меня въ этой комнатѣ не будетъ....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Я вамъ вѣрю.

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Страннымъ образомъ сошлись мы съ вами.... но судьба свела насъ не даромъ.... не даромъ по-крайней-мѣрѣ для меня.... Я бы хотѣлъ вамъ многое сказать.... но съ чего начать, когда черезъ нѣсколько мгновеній....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Скажите мнѣ ваше имя.

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Рафаэль.... Ваше имя — Долоресъ?

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (*печально*).

Долоресъ.

ДОНЪ РАФАЭЛЬ (*тихимъ и тронутымъ голосомъ*).

Долоресъ! клянусь вамъ, я до васъ не любилъ ни одной женщины.... и послѣ васъ, вѣроятно, ни одной не полюблю.... Тяжело мнѣ съ вами разставаться; но если мы перемѣнить нашу судьбу не можемъ, если наше знакомство должно было такъ скоро прекратиться, тѣмъ лучше, можетъ-быть, для меня.... Я недостоенъ васъ — я это знаю; по-крайней-мѣрѣ у меня будетъ одно чистое воспоминаніе.... До сихъ поръ я старался забывать всѣхъ женщинъ, съ которыми сближалъ меня случай....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (*грустно*).

Сеньйоръ....

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Еслибъ вы знали вашу власть надо мною; еслибъ вы знали какую перемѣну вы такъ внезапно произвели во мнѣ.... (*Взглянувъ на часы*) Но я вѣренъ своему слову.... Прощайте.... мнѣ пора.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (*подаетъ ему руку*).

Прощайте, Рафаэль.

ДОНЪ РАФАЭЛЬ (*прижимая ея руку къ губамъ*).

Зачѣмъ я васъ узналъ такъ поздно?... Мнѣ такъ грустно разставаться съ вами....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Вы меня не увидите болѣе.... Я вамъ говорю — я не переживу этой ночи.

ДОНЪ РАФАЭЛЬ (*потупляетъ глаза и показываетъ на дверь*).

Хотите.... Вы свободны....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Нѣтъ, Рафаэль, смерть не хуже жизни.

ДОНЪ РАФАЭЛЬ (*рѣшительно*).

Прощайте.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Прощайте, не забывайте меня.

(*Рафаэль бросается къ двери. Дверь отворяется, входитъ Сангре.*)

ДОНЪ РАФАЭЛЬ (*отскакивая*).

Боже!...

ДОНЪ ПАБЛО (*доньѣ Долоресъ*).

Это я.

(*Долоресъ, съ крикомъ бросается головой въ подушки софы.*

ДОНЪ РАФАЭЛЬ (*быстро обнажая шпагу*).

Сеньйоръ, я не безоруженъ.

ДОНЪ ПАБЛО (*мрачно*).

Вижу.... но я, — вы видите — безоруженъ.

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Клянусь вамъ честью.... Еслибъ вы знали.... эта дама невинна.

ДОНЪ ПАБЛО.

Я все знаю. Вамъ не нужно клясться.

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Но увѣряю васъ....

ДОНЪ ПАБЛО (*съ иронической улыбкой*).

Во первыхъ, я не требую отъ васъ ни увѣреній, ни оправданій; а во вторыхъ, сеньйоръ, ваше присутствіе здѣсь неумѣстно.... Неугодно ли вамъ пожаловать за мной?

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Но куда вы меня поведете?

ДОНЪ ПАБЛО.

О, не бойтесь.

ДОНЪ РАФАЭЛЬ (*перебивая его*).

Я никого не боюсь, милостивый государь.

ДОНЪ ПАБЛО.

Если вы никого не боитесь, такъ идите за мной.

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Но куда?

ДОНЪ ПАБЛО.

На улицу, не далѣе, какъ на улицу, мой милый донъ Ху-

анъ.... А тамъ я съ вами раскланяюсь — и до пріятнаго свиданія....

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Я долженъ вамъ повиноваться.... я васъ оскорбилъ....

ДОНЪ ПАБЛО (*мрачно*).

А! вы сознаетесь, что вы меня оскорбили....

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Однако — теперь я вспоминаю—не вы супругъ сеньйоры....

ДОНЪ ПАБЛО.

Я здѣсь по его приказанью.

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Я готовъ, я иду, но... (*Приближается къ доньѣ Долоресъ*).

ДОНЪ ПАБЛО.

Сеньйоръ, не забывайтесь.... (*Донъ Рафаэль низко кланяется доньѣ Долоресъ и умоляющимъ образомъ показываетъ на нее дону Пабло.*) Понимаю... но вы не имѣете права даже сожалѣть о ней.... Завтра вы можете о ней молиться....

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Что̀ вы сказали?

ДОНЪ ПАБЛО.

О, ничего, ничего! Я, знаете, старый шу̀тникъ.... Не угодно ли? (*Показываетъ на дверь.*)

ДОНЪ РАФАЭЛЬ.

Идите впередъ.

ДОНЪ ПАБЛО.

Извольте. (*Идетъ*).

Донъ Рафаэль въ послѣдній разъ съ глубокой тоской взглядываетъ на донью Долоресъ и уходитъ за Сангре. Долоресъ остается одна; Маргарита тихо входитъ и становится подлѣ нея.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (*приходя въ память*).

Они его убьютъ.... Сангре.... гдѣ они... (*Оборачивается и видитъ Маргариту*) А!

МАРГАРИТА (*спокойно*).

Что̀ съ вами сударыня? Вы, кажется, не изволили ложиться почивать? Иль вы нездоровы?

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Маргарита.... Я знаю—они хотятъ моей смерти.... ну, да— не, притворяйся.... вѣдь ты все знала, все слышала; ты сказала все мужу — признайся.... Вотъ ты смѣешься, ты не можешь притворяться.... да и къ чему теперь? Скажи: тебѣ велѣно меня убить, дать мнѣ яду, чтò ли? скажи.....

МАРГАРИТА.

Помилуйте, сеньйора — я васъ не понимаю.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Ты меня понимаешь, Маргарита....

МАРГАРИТА *(медленно)*.

Вы, можетъ-быть, сеньйора поступили не совсѣмъ осторожно, но....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ *(бросаясь на колѣни)*.

Скажи правду, умоляю тебя, скажи мнѣ правду....

МАРГАРИТА *(долго смотря на нее)*.

Передо мной.... на колѣняхъ! (*Наклонясь къ ней*) Ну да, да, ты права — я тебя погубила, слышишь, потому-что я тебя ненавижу....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ *(съ удивленіемъ)*.

Ты меня ненавидишь?

МАРГАРИТА.

Ты удивляешься? Ты не понимаешь причины моей ненависти? Помнишь ли ты дочь мою, Марію? Скажи сама — была ли ты лучше ея? или умнѣе? или богаче? Но она всю жизнь свою была несчастна — а ты ...

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ *(грустно)*

А я, Маргарита?

МАРГАРИТА.

Вы росли вмѣстѣ, и въ дѣтствѣ всегда всѣ тебя ласкали, а на мою дочь никто не обращалъ вниманія; а она была не хуже тебя! Ты вышла замужъ, разбогатѣла, а она осталась въ дѣвушкахъ.... Я была бѣдна — чтò же было мнѣ дѣлать, Господи Боже! Зачѣмъ стала ты ходить къ намъ въ твоихъ богатыхъ бархатныхъ платьяхъ, съ золотыми цѣпями на шеѣ? (*Съ упрекомъ*) Ты хотѣла намъ помогать? — Ты хотѣла насъ

унизить.... Твое богатство вскружило голову моей Маріи.... она возненавидѣла все, всю жизнь свою — нашу бѣдную комнату, нашъ садикъ, меня.... Она боролась долго.... и наконецъ убѣжала — убѣжала съ любовникомъ, который ее обманулъ, оставилъ.... бросилъ; она не хотѣла вернуться ко мнѣ, и теперь она, мое единственное дитя, Богъ-знаетъ гдѣ скитается, Богъ-знаетъ съ кѣмъ.... Не говори мнѣ, что ты ничѣмъ не виновата.... Я страдаю, я несчастна—кто же нибудь долженъ быть причиной моихъ страданій.... я выбрала тебя. Ты, ты погубила мою дочь.... Я знаю, что я грѣшу.... но я и не хочу быть доброй.... мое сердце пропитано желчью.... а за этотъ вечеръ (оставайтесь, оставайтесь на колѣняхъ!) за этотъ одинъ вечеръ, я готова отказаться отъ рая...

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (*медленно встаетъ*).

Благодарю васъ, Маргарита.... Я васъ болѣе не боюсь, потому-что я васъ презираю...

МАРГАРИТА.

Пустыя громкія слова! Вы все-таки меня боитесь...

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (*отходитъ немного въ сторону*).

Боже! сжалься надо мной! не дай мнѣ погибнуть!

МАРГАРИТА.

Кàкъ я внутренно смѣялась надъ вами, когда вы такъ искусно вытащили у меня изъ-за пояса ключъ... Мнѣ было велѣно оставить этотъ ключъ въ вашей комнатѣ. Но вы сами догадались, и избавили меня отъ хлопотъ... О, извините, я и теперь не могу не смѣяться... (*Донья Долоресъ смотритъ на нее съ холоднымъ презрѣніемъ.*) Тàкъ... тàкъ... презирайте меня... мнѣ весело... Теперь-то вы будете въ моей власти. И избавиться-то вамъ отъ меня теперь невозможно... Донъ Бальтазаръ васъ никуда изъ дома не выпуститъ ни на шагъ... и я буду неотлучно при васъ—не легкая должность, признаюсь—но насущный хлѣбъ не достается даромъ... Впрочемъ, не угодно ли вамъ пожаловать въ вашу спальню...

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Я останусь здѣсь...

МАРГАРИТА (присѣдая).

По приказанію дона Бальтазара...

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (уходя, про себя).

Эта старуха меня нѣсколько успокоила... Я, право, уже думала, что они собираются меня убить... (*Обѣ уходятъ.*)

(*Входятъ Пабло и Бальтазаръ.*)

ДОНЪ БАЛЬТАЗАЛЪ.

Однако, право, ты поступилъ съ нимъ такъ великодушно...

ДОНЪ ПАБЛО.

Въ самомъ дѣлѣ?

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ.

Помилуй! проводилъ его съ поклонами до улицы, а садовнику велѣлъ свѣтить... У меня бы онъ такъ легко не отдѣлался! Я бы велѣлъ Пепе проводить его другимъ образомъ...

ДОНЪ ПАБЛО.

Зачѣмъ же ты поручилъ мнѣ распоряжаться?

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ.

Зачѣмъ... зачѣмъ! я думалъ, что ты...

ДОНЪ ПАБЛО.

Что я его вызову, убью, кровью его смою пятно съ твоей чести, не правда ли? Чужими руками жаръ загребать—такъ покойно, такъ удобно! а? дружище? Онъ могъ тоже меня убить, потому-что шпага была у него препорядочная; но надобно же надѣяться на Провидѣніе, не правда ли, другъ мой истинный, любезный Бальтазаръ? Отъ того-то ты, должно быть, и не вошелъ со мною къ нимъ... Такой сорванецъ можетъ, пожалуй, съ-горяча убить человѣка...

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ.

Сангре, ты знаешь: я не храбръ, и не хвастаюсь храбростью... Но какъ же ты, ты могъ выпустить этого нахала? Да онъ теперь смѣется надъ нами...

ДОНЪ ПАБЛО.

Не думаю.

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ.

Разумѣется, смѣется... О! я задыхаюсь отъ досады... Онъ станетъ всѣмъ разсказывать свое приключеніе... А я съ та-

кою точностью наблюдалъ твои приказанія... Нѣтъ, воля твоя..,

ДОНЪ ПАБЛО.

Вспомни, что я требовалъ отъ тебя совершеннаго повиновенія; вспомни, что ты согласился на всѣ мои требованія, и потому изволь выйдти изъ комнаты.

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ.

Зачѣмъ?

ДОНЪ ПАБЛО

Мнѣ надобно сперва поговорить съ доньей Долоресъ.

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ.

Тебѣ?

ДОНЪ ПАБЛО.

Послушай, любезный Бальтазаръ... Я увѣренъ, что ты завтра будешь меня бдагодарить. Ты вѣдь хоть и старше меня, но такая горячка.. Этого любезнаго человѣка я выпустилъ отъ-того, что не хотѣлъ надѣлать шума въ околодкѣ, не хотѣлъ навлечь на тебя тьму непріятностей. Притомъ, ты самъ знаешь — честь твоя въ сущности нисколько не пострадала: мы вѣдь съ тобой почти глазъ не спускали съ незваннаго гостя. . Твоя жена довольно наказана за свое легкомысліе... Мы ее порядочно напугали... А ты готовъ теперь ее убить! Я тебя знаю: ты превспыльчивый человѣкъ.

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ.

Ну, не убить; но, признаюсь, мнѣ бы хотѣлось хоть на ней-то выместить всю мою досаду... Съ другой стороны, скажу тебѣ, Сангре, я радъ, что мы ее подвергли, какъ ты говоришь, испытанію .. Она была довольно холодна.

ДОНЪ ПАБЛО.

Вы находите? Впрочемъ, въ этомъ дѣлѣ вы судья. По моему' ей бы не слѣдовало даже говорить съ нимъ...

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ.

Разумѣется, ты правъ совершенно... У меня нѣтъ нисколько твердости, ты правъ.

ДОНЪ ПАБЛО.

Ты знаешь, она меня боится. Я хладнокровно и спокойно

растолкую ей ея вину. Ты будешь нѣсколько дней сряду обращаться съ ней вѣжливо, но холодно, — и по-немногу все прійдетъ въ обыкновенный порядокъ. Она меня еще болѣе возненавидитъ... но что̀ же дѣлать! я положилъ себѣ правиломъ: всѣмъ жертвовать для друга.

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ.

Я знаю, ты рѣдкій человѣкъ. Ну, изволь, поговори съ ней; но скажи ей, что я ужасно разсерженъ, что... чтобъ она трепетала! что я буду теперь держать ее въ заперти, подъ тремя замкàми, скажи ей, что... что она... Ну, ты самъ знаешь что̀ ей сказать!.. Да! какъ ты думаешь — не сказать ли ей, что мы убили этого негодяя?.. Да не забудь сказать ей, чтобъ она... чтобъ она трепетала! О, Боже мой, мнѣ кажется, я умру... я въ эту ночь совсѣмъ состарѣлся... цѣлые десять лѣтъ жизни она у меня отняла! Но этотъ господинъ со мной не раздѣлался; нѣтъ! я найму ловкаго, молчаливаго, надежнаго человѣка и гдѣ-нибудь въ переулочкѣ, вечеркомъ, онъ тому нахалу запустить въ бокъ кинжальчикъ.

ДОНЪ ПАБЛО.

Вотъ, что̀ дѣло, то дѣло!...

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ.

Запуститъ.... Итакъ, ты хочешь съ ней остаться? Ну, изволь — я пойду!

ДОНЪ ПАБЛО.

Прощай.

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ. *(возвращаясь).*

Но будь неумолимъ!

ДОНЪ ПАБЛО

Хорошо.

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ.

Строгъ!

ДОНЪ ПАБЛО.

Слушаю.

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ.

Жестокъ!... Какія любезности онъ ей отпускалъ! а она-то, она-то... Да и онъ — правда, дуракъ порядочный — нашелъ

время ораторствовать.... А все-таки дружкà я угощу.... Ну, прощай, Сангре. Я пойду къ себѣ въ кабинетъ и буду ждать тебя. Смотри же, разскажи мнѣ все въ подробности. (*Уходитъ.*)

ДОНЪ ПАБЛО (*остается одинъ; на столѣ слабо горитъ свѣчка; онъ долго ходитъ взадъ и впередъ, потомъ вдругъ подымаетъ голову*).

Я рѣшился! (*Онъ подходитъ къ двери и стучитъ. Выходитъ Маргарита.*) Маргарита, попроси донью Долоресъ пожаловать ко мнѣ....

МАРГАРИТА.

Слушаю.

ДОНЪ ПАБЛО (*даетъ ей кошелекъ съ деньгами*).

А потомъ ложись спать — и спи крѣпкимъ сномъ.... Ты меня понимаешь?...

МАРГАРИТА (*отталкивая его руку*).

Понимаю.... но мнѣ деньги не нужны. (*Она уходитъ и черезъ нѣсколько времени является съ доньею Долоресъ.*)

ДОНЪ ПАБЛО (*Маргаритѣ*).

Теперь ты можешь уйдти.... (*Маргарита немного колеблется и уходитъ. Доньѣ Долоресъ.*) Сеньйора, не угодно ли вамъ сѣсть?... (*Онъ предлагаетъ ей стулъ; она не садится и опирается рукою на столъ. Сангре запираетъ всѣ двери и подходитъ къ ней.*) Сеньйора....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ *слабымъ голосомъ и не поднимая глазъ*).

Я устала, сеньйоръ.... Позвольте мнѣ отдохнуть.... Завтра я готова, по мѣрѣ возможности, объяснить это странное.... (*Голосъ ея прерывается.*)

ДОНЪ ПАБЛО.

Къ крайнему моему сожалѣнію, я не въ правѣ отложить нашъ разговоръ до завтра.... Не угодно ли вамъ выпить стаканъ воды?

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Нѣтъ.. . но позвольте вамъ замѣтить.... я не обязана отвѣчать вамъ на ваши вопросы.... Донъ Бальтазаръ одинъ....

ДОНЪ ПАБЛО (*тщетно дожидается конца фразы доньи Долоресъ и послѣ нѣкотораго молчанія*).

Сеньйора.... послѣ того, чтò сегодня случилось, я бы не на-

ходился здѣсь съ вами наединѣ безъ особеннаго приказанія вашего супруга.... Притомъ, нашъ разговоръ будетъ либо весьма не длиненъ, либо такъ занимателенъ для васъ и для меня, что вы не пожалуетесь ни на скуку, ни на усталость. Вы меня боитесь, сеньйора — я это знаю; но вы меня боитесь, какъ человѣка суроваго и строгаго, не какъ человѣка грубаго и непріятнаго, а потому, я надѣюсь на вашу откровенность. Но, вы устали.... я прошу васъ сѣсть. (*Донья Долоресъ садится. Донъ Пабло садится рядомъ съ нею.*) Я даже вовсе не намѣренъ васъ мучить разспросами. Я все знаю — и вы знаете, что я все знаю. Позвольте мнѣ вамъ предложить одинъ вопросъ.... Какого рода было то чувство, которое, какъ кажется, такъ внезапно овладѣло вами при видѣ этого молодаго человѣка? (*Донья Долоресъ молчитъ.*) Сеньйора, отвѣчайте мнѣ, какъ бы вы отвѣчали вашему отцу. Согласитесь сами — донъ Бальтазаръ совсѣмъ иначе говорилъ бы съ вами — не правда ли? Отвѣчайте жь мнѣ хоть изъ благодарности за то, что я избавилъ васъ отъ весьма непріятныхъ объясненій.... Еслибъ вы знали, сколько въ душѣ моей снисходительности, даже нѣжности....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Въ васъ, сеньйоръ?

ДОНЪ ПАБЛО.

Во мнѣ, Долоресъ.... (*Послѣ нѣкотораго молчанія*) Я жду вашего отвѣта.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Что̀ мнѣ сказать вамъ?... Я, право, не умѣю даже назвать это чувство — мгновенное забвеніе.... неосторожность.... глупость.... непростительная глупость.

ДОНЪ ПАБЛО.

Я вамъ вѣрю, сеньйора.... И не правда ли, завтра же вы все позабудете — и его и ваши слова и вашу, какъ вы говорите, непростительную неосторожность....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (*съ нерѣшимостью*).

Да.... конечно. .. или, можетъ-быть, нѣтъ — по-крайней-мѣрѣ, не такъ скоро....

ДОНЪ ПАБЛО.

Разумѣется, сеньйора. Ваша жизнь, какъ жизнь почти всѣхъ замужнихъ женщинъ, такъ однообразна, что подобное впечатлѣніе не можетъ тотчасъ же изгладиться.... Но ваше сердце, скажите, ваше сердце не будетъ долго помнить сегодняшнее происшествіе.... (*Донья Долоресъ молчитъ.*) Я уважаю ваше молчаніе.... я васъ понимаю, сеньйора.... Послушайте, вашъ супругъ прекраснѣйшій, достойнѣшій человѣкъ — но онъ не молодъ; а вы, вы еще очень молоды, а потому и не удивительно, что вы предаетесь иногда мечтаньямъ несовсѣмъ позволительнымъ, но — неизбѣжнымъ. До сихъ поръ ваши мечтанья не принимали никакого опредѣленнаго образа.... а теперь — а теперь вы будете знать о комъ думать, когда въ безсонную ночь будете сидѣть у полураскрытаго окна и смотрѣть на звѣзды, на луну.... на этотъ садъ, на этотъ темный садъ, въ которомъ онъ нѣкогда ожидалъ васъ.... Не правда ли, сеньйора?

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (*съ замѣшательствомъ*).

Сеньйоръ....

ДОНЪ ПАБЛО.

Я васъ не обвиняю.... я даже думаю, что съ нѣкоторой точки зрѣнія самъ донъ Бальтазаръ долженъ радоваться сегодняшнему приключенію.... Онъ можетъ быть увѣренъ, что вы сами будете стараться избѣгать встрѣчи съ господиномъ Рафаэлемъ.... а между-тѣмъ, одно воспоминаніе такого рода не допускаетъ возможности другаго, новаго впечталѣнія.... Извините мою откровенность, сеньйора.... да и можетъ быть, я ошибаюсь; можетъ-быть, придаю вамъ теперь или возбуждаю въ васъ мысли, которыя вамъ и въ голову не приходили.... Скажите мнѣ, ошибаюсь я, или нѣтъ?

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (*рѣшительно*).

Вы не ошибаетесь.

ДОНЪ ПАБЛО.

Какъ ваши глаза вдругъ вспыхнули!... О, да! вы меня ненавидите.... я вашу ненависть прочелъ сейчасъ въ вашемъ взглядѣ.... да, вы будете думать, долго думать о немъ. (*Вдругъ*

повысивъ голосъ.) Такъ знай же, Долоресъ, что ты сейчасъ произнесла свой смертный приговоръ.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Что̀ вы сказали?

ДОНЪ ПАБЛО.

Васъ удивили мои слова? Но мнѣ не должно притворяться: я рѣшился сказать все, что̀ такъ давно ношу въ сердцѣ.... и вы меня выслушаете, клянусь честью, вы выслушаете меня.... (*Она хочетъ встать; онъ ее удерживаетъ.*) Долоресъ, когда, два года назадъ, я въ первый разъ васъ увидѣлъ—въ тотъ же самый вечеръ я мечталъ какъ ребенокъ о блаженствѣ быть съ вами, въ вашей комнатѣ, наединѣ; потому-что я полюбилъ васъ тогда тотчасъ, потому-что я люблю васъ, Долоресъ.... (*Молчаніе.*) И вотъ мы съ вами вдвоемъ, въ вашей комнатѣ,—а я, я не чувствую блаженства; я чувствую тоску и радость, странную, жгучую, мучительную радость.... Но, Боже, ка̀къ мнѣ выразить все, что̀ я чувствую!... два года, два года неумолимаго, непонятаго молчанія.... два года!... Неуже-ли вы не могли догадаться, что я люблю васъ страстно? неужели я такъ удачно умѣлъ скрывать свои терзанья, что ни разу, ни разу не измѣнилъ себѣ?... А помнится, иногда я сижу подлѣ васъ, Долоресъ, не смѣю взглянуть на васъ — но чувствую, что все мое лицо такъ и дышетъ обожаньемъ и любовью.... Неужели мое молчаніе не было во сто разъ краснорѣчивѣе водяныхъ и вялыхъ возгласовъ вашего Рафаэля ... «одно святое чистое воспоминаніе», вотъ какія пошлости нравятся женщинамъ!... (*Взглянувъ на Долоресъ и нѣсколько опомнившись.*) Долоресъ, я вижу, вы испуганы; мнѣ, старику, стыдно безумствовать, стыдно плакать, но послушайте, хотите, я разскажу вамъ свою жизнь.... Послушайте: я въ молодости хотѣлъ поступить въ монастырь.... (*Останавливается и смѣется.*) Я, кажется, совсѣмъ съ ума сошелъ. (*Начинаетъ ходить по комнатѣ. Долоресъ осторожно встаетъ и быстро подбѣгаетъ къ двери, силится ее отпереть, силится кричать. Пабло подходитъ къ ней и подводитъ ее къ креслу.*) Нѣтъ, вы не уйдете!

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Пустите меня....

ДОНЪ ПАБЛО.

Какъ я глубоко оскорбленъ вашимъ торопливымъ страхомъ.... О, да! Вы меня не только не любите, вы меня ненавидите, боитесь меня....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Да вы безумный.... пустите меня....

ДОНЪ ПАБЛО.

Вы не уйдете.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ *(съ отчаяніемъ)*.

Да, точно; я не могу уйдти.... Радуйтесь, кошка; попалась вамъ мышь въ лапы.

ДОНЪ ПАБЛО.

Прекрасно, сударыня; я готовъ продолжать ваше сравненіе.... Попалась въ когти, говорите вы, а кто велѣлъ ей выходить.... Сидѣлъ бы мышонокъ въ своей норѣ, да поглядывалъ бы на Божій свѣтъ.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Но я закричу.... я буду звать на помощь.

ДОНЪ ПАБЛО *(вполнѣ овладѣвшій собою)*.

Э, полно вамъ ребячиться! или вы въ самомъ дѣлѣ мнѣ повѣрили? Признаюсь, я и не подозрѣвалъ въ себѣ такого искусства притворяться и болтать....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ *пронзительно смотритъ на него.*

ДОНЪ ПАБЛО *(мрачно)*.

Нѣтъ!... мнѣ васъ не обмануть.... Вы знаете, вы теперь знаете, что я васъ люблю.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Но что мнѣ за дѣло до вашей любви? какое право даетъ вамъ ваша непрошенная, ваша навязчивая любовь? Стыдитесь, сеньйоръ.... два года живете вы почти подъ одной кровлей съ человѣкомъ, котораго вы называете своимъ другомъ, и два года носитесь съ такими преступными и глупыми мыслями. (*Донъ Пабло молчитъ.*) И притомъ вы всегда такъ краснорѣчиво молчали.

ДОНЪ ПАБЛО.

А вы хотѣли, чтобъ я, человѣкъ не молодой, честолюбивый и упрямый, человѣкъ, котораго надежды, убѣжденія и вѣрованія, всѣ перелопались, какъ мыльные пузыри, вы хотѣли, чтобъ я болталъ и вздыхалъ, какъ этотъ глупенькій мальчикъ?

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Онъ умнѣе васъ, сеньйоръ, потому-что хоть нѣсколько приблизился къ своей цѣли.... Признаюсь, онъ мнѣ понравился. А вы, сударь, вы хитры, надменны, молчаливы и застѣнчивы. Такихъ людей женщины не любятъ.

ДОНЪ ПАБЛО.

Еслибъ вы знали, Долоресъ, какое сердце вы теперь попираете ногами!...

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Въ самомъ дѣлѣ? Впрочемъ, каждый человѣкъ воображаетъ, что его сердце — сокровище, нетронутый кладъ.... Я васъ не хочу лишать вашего сокровища....

ДОНЪ ПАБЛО.

О, сеньйора! какъ вы красно говорите!

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

О, сеньйоръ! мнѣ ли сравниться съ вами! «Два года неумолимаго молчанія».... Неумолимаго.... мнѣ это слово нравится.

ДОНЪ ПАБЛО

Не шутите кинжаломъ.... можете обрѣзаться.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Я васъ не боюсь.

ДОНЪ ПАБЛО

Да, конечно; вы не боитесь меня съ тѣхъ поръ, какъ узнали, что я васъ люблю.... но берегитесь, моя любовь престраннаго рода.... притомъ же, и я теперь убѣдился, что вы — не любите меня....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Вы убѣдились.... теперь; а прежде не были убѣждены?

ДОНЪ ПАБЛО.

Смѣйтесь, смѣйтесь надо мной.... Еслибъ вы знали, съ какими чувствами я гляжу на васъ.... Какъ бы я охотно сталъ

передъ вами на колѣни, съ какимъ наслажденіемъ положилъ бы свою голову у вашихъ ногъ, и ждалъ бы одного.... одного разсѣяннаго взгляда, какъ милости, еслибъ не зналъ, что я только напрасно унижусь....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (*съ злою насмѣшливостью*).

Кто знаетъ?

ДОНЪ ПАБЛО (*задумчиво глядя на нее*).

И чтò мнѣ понравилось въ этой бѣлокурой головкѣ?... Странно! на всѣхъ людей, съ которыми случалось мнѣ сближаться, какъ, напримѣръ, на Бальтазара, имѣлъ я почти мнѣ самому непонятное вліяніе.... а на нее....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Вы мнѣ надоѣли!

ДОНЪ ПАБЛО (*схвативъ ее за руку*).

Однако посмотри мнѣ въ глаза, посмотри мнѣ въ лицо.... тебѣ нѣкогда шутить, повѣрь мнѣ.... Или ты думаешь, что ты безнаказанно видѣла мои слезы? Кàкъ? ты цѣлые два года такъ безпечно, такъ безстрастно терзала меня, а теперь смѣешься надо мной? Или ты думаешь, что я не умѣю мстить?

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (*нѣсколько дрожащимъ голосомъ*).

Вы меня не испугаете.. я у себя въ домѣ. Я, какъ дитя, повѣрила глупой шуткѣ, которую вы разъиграли надо мной.... Да, да, не притворяйтесь удивленнымъ.... Вы, я знаю, сговорились съ Маргаритой, съ моимъ мужемъ, и, можетъ-быть, даже съ этимъ молодымъ человѣкомъ.... но теперь я, какъ хозяйка, говорю вамъ, какъ гостю, что я устала, что вашъ разговоръ нисколько не занимателенъ, несмотря на ваше обѣщанье и что я прошу васъ удалиться.... Я завтра же — я тотчасъ же передамъ донъ Бальтазару все, чтò вы мнѣ говорили.... Онъ не дастъ меня въ обиду.

ДОНЪ ПАБЛО.

Нѣтъ, сеньйора, я не сговаривался съ господиномъ Рафаэлемъ; хотя, признаюсь, *я* научилъ Маргариту оставить ключъ въ вашей комнатѣ, *я* научилъ донъ Бальтазара сказать вамъ, что онъ ночь проводитъ у алькада, *я* посовѣтовалъ ему дать вамъ случай быть наединѣ съ любезнымъ гостемъ....Зачѣмъ я

это все дѣлалъ, спрòсите вы меня? Спросите у человѣка, который не можетъ удержать на скатѣ горы своихъ лошадей, зачѣмъ онъ вдругъ пускаетъ ихъ во всю прыть....Долго, медленно, цѣлые два года созрѣвала наша гибель.... она созрѣла — я не могъ удержаться, и ударилъ по лошадямъ.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Но повторяю вамъ, чтò мнѣ за дѣло до вашихъ чувствъ, до вашей гибели?...

ДОНЪ ПАБЛО.

Такъ.... но и мнѣ-то чтò за дѣло до вашего страха, до вашего негодованья?... (*Донья Долоресъ задумывается.*) О чемъ вы задумались?

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Вы хотите знать, о чемъ я думаю.... Я думаю о томъ что еслибъ у меня былъ мужъ гордый и смѣлый, истинный покровитель жены своей — съ какими горячими слезами я стала бы просить его заступиться за меня, наказать васъ.... съ какою радостью привѣтствовала бы его, какъ побѣдителя!...

ДОНЪ ПАБЛО.

Просите донъ Бальтазара вызвать меня на дуэль....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Сеньйоръ, пора намъ кончить эту шутку....

ДОНЪ ПАБЛО.

Пора.... вы говорите.... пора....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Итакъ.... прощайте.

ДОНЪ ПАБЛО.

Однако вы точно меня не понимаете?...

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (*гордо*).

Милостивый государь, я не хочу васъ понимать....

ДОНЪ ПАБЛО (*кланяясь*)

Сеньйора! какія мысли!

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (*презрительно*).

Такъ ужь не хотите ли вы убить меня.

(*Санrре молчитъ. Въ это время раздается стукъ у двери, и слышенъ голосъ Бальтазара: «Пабло, Пабло, скоро ли?»*)

ДОНЪ ПАБЛО.

Сейчасъ, мой милый, сейчасъ.... Твоя жена все еще въ такомъ волненіи. (*Долоресъ хочетъ крикнуть. Онъ быстро выхватываетъ кинжалъ и молча угрожаетъ ей. Она падаетъ въ кресла.*) Приходи черезъ четверть часа, дружокъ.

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ (*за сценой*).

Хорошо.

ДОНЪ ПАБЛО (*приближаясь къ Долоресъ*).

Долоресъ.... вы понимаете, что послѣ сегоднишняго вечера мои отношенія къ вамъ и къ вашему мужу измѣняются совершенно.... Я чувствую: я не могу ни разстаться съ вами, ни позабыть васъ; вы меня любить не можете, и потому пускай же совершится неминуемое. Я предаюсь, я повинуюсь неотразимому влеченью.... я не противлюсь.... я и не хочу противиться. О! я вѣрю въ судьбу.... одни лишь дѣти въ нее не вѣрятъ.... Она послала этого мальчика.... Онъ говорилъ и какъ-будто хвастался тѣмъ, что не вѣритъ ни въ порокъ, ни въ добродѣтель.... шутъ! ребенокъ! онъ вѣритъ въ счастіе.... а я! (*Задумывается.*)

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (*трепетнымъ голосомъ*).

Сеньйоръ, сеньйоръ донъ Пабло.... неужели жь, неужели жь вы не шутите? О, разумѣется, вы шутите! Вы хотите меня.... убить.... Вотъ, вы смѣетесь.... Мы, женщины, всегда Богъ-знаетъ какія небылицы придумаемъ, боимся сами не зная чего, но сознайтесь, вы говорили такъ странно.... и.... спрячьте этотъ кинжалъ, ради Бога; послушайте, сеньйоръ; я васъ не люблю.... то-есть вы говорили, что я васъ не люблю; но вы сами, вы всегда были такъ угрюмы, такъ молчаливы... могла ли я думать....

ДОНЪ ПАБЛО.

Сирена!...

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Сангре, выпустите меня.... Право, я устала отъ всѣхъ сегоднишнихъ происшествій; я донъ Бальтазару ничего не скажу, клянусь вамъ Богомъ.... Вы будете по-прежнему ходить къ намъ.... вы останетесь нашимъ другомъ.... и я....

ДОНЪ ПАБЛО.

Твои слова напрасны, Долоресъ.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Послушайте, вы хотѣли меня напугать.... Вы достигли своей цѣли, посмотрите, я вся дрожу; перестаньте же меня мучить....

ДОНЪ ПАБЛО.

Я васъ долго мучить не буду.

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Не принимайте такого торжественнаго вида, Пабло.... разсмѣйтесь; я хочу.... слышите, я хочу, чтобъ вы разсмѣялись. ..

ДОНЪ ПАБЛО.

Женскія хитрости теперь неумѣстны, Долоресъ....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Сангре! опомнитесь! чтò съ вами? Сжальтесь надо мной.... Чѣмъ я виновата передъ вами, Сангре? Неужели мои глупыя выходки могли до такой степени озлобить васъ?... Боже мой! неужли я умру сегодня, въ этомъ платьѣ, въ этой комнатѣ?... Я еще такъ молода, Пабло.... сжалься! не губи моей молодости....

ДОНЪ ПАБЛО.

Вмѣстѣ съ твоей молодостью погибнетъ и моя поздняя молодость. Пока ты будетъ жива, мнѣ не будетъ покоя.... (*Подходитъ къ ней.*)

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (*съ ужасомъ*).

Но зачѣмъ вы хотите меня убить?

ДОНЪ ПАБЛО.

Кровь имѣетъ очищающую силу. Молись!

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (*бросаясь на колѣни*).

Сангре, ради неба....

ДОНЪ ПАБЛО.

Долоресъ, твой жребій выпалъ. Ты умоляешь камень, который тебѣ падаетъ на голову....

ДОНЬЯ ДОРОРЕСЪ (*съ отчаяніемъ*).

Да почему вы знаете, что я не полюблю васъ никогда?

ДОНЪ ПАБЛО (*съ ироническою улыбкой*).

Почему?... Долоресъ! одно лобзаніе....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (*вскакивая*).

Подите прочь! О, я васъ ненавижу, слышите ли? я васъ ненавижу.... Я не стыжусь всѣхъ словъ моихъ, потому-что я надѣялась обмануть васъ. Но мнѣ досадно, что вы не дались въ обманъ.... Я буду защищаться, я буду звать на помощь....

ДОНЪ ПАВЛО.

Долоресъ....

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Я не хочу умирать. Ко мнѣ! ко мнѣ!

ДОНЪ ПАВЛО

Молчи!

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Спаси меня! спаси меня, Бальтазаръ!

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ (*за дверью*).

Что за крикъ?

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ.

Онъ хочетъ убить меня, Бальтазаръ. (*Дверь трещитъ отъ напора донъ Бальтазара.*)

ДОНЪ ПАВЛО (*догоняя ее*).

Все кончено!

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ (*съ отчаяніемъ*).

Да, все, отвратительный старикъ! Я люблю Рафаэля!

ДОНЪ ПАВЛО.

Молчи! (*Онъ убиваетъ ее.*)

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ

А! (*Умираетъ.*)

ДОНЪ БАЛЬТАЗАРЪ (*вламывается въ дверь и съ ужасомъ останавливается на порогѣ*).

Боже мой! что̀ это значитъ?

ДОНЪ ПАВЛО.

Это значитъ, что я любилъ твою жену....

ЭПИЛОГЪ.

(10 лѣтъ спустя)

Кабинетъ важнаго чиновника. За столомъ сидитъ секретарь.

Входитъ ДОНЪ ПАБЛО САНГРЕ ГРАФЪ ТОРРЕНО.

ГРАФЪ ПАБЛО *(хлопотливо секретарю).*

Готовы ли мои бумаги? Мнѣ пора....

СЕКРЕТАРЬ *(почтительно).*

Вотъ онѣ, ваше сіятельство. (*Оба выходятъ.*)

БЕЗДЕНЕЖЬЕ.

СЦЕНЫ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЖИЗНИ МОЛОДАГО ДВОРЯНИНА.

(1845)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ТИМОѲЕЙ ПЕТРОВИЧЪ ЖАЗИКОВЪ, молодой человѣкъ.

МАТВѢЙ, слуга его, старикъ.

ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ БЛИНОВЪ, степной помѣщикъ, сосѣдъ Жазикова.

РУССКІЙ КУПЕЦЪ

НѢМЕЦЪ, сапожникъ.

ФРАНЦУЗЪ, художникъ.

ДѢВУШКА.

ИЗВОЩИКЪ.

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

ЧЕЛОВѢКЪ СЪ СОБАКОЙ.

ПРИКАЩИКЪ изъ литографіи.

Комната, довольно порядочно убранная. На кровати за ширмами почиваетъ Тимоѳей Петровичъ Жазиковъ. Входитъ Матвѣй.

МАТВѢЙ *(у постели).*

Тимоѳей Петровичъ, извольте вставать! Тимоѳей Петровичъ! (*Молчаніе*) Тимоѳей Петровичъ! Тимоѳей Петровичъ!

ЖАЗИКОВЪ.

Мм....

МАТВѢЙ.

Извольте вставать.... пора-съ.

ЖАЗИКОВЪ.

Который часъ?

МАТВѢЙ.

Четверть одиннадцатаго.

ЖАЗИКОВЪ *(съ необыкновеннымъ жаромъ).*

Какъ же это ты меня до сихъ поръ не разбудилъ? Вѣдь я говорилъ тебѣ вчера.

МАТВѢЙ.

Я васъ будилъ-съ. Вы не изволи вставать.

ЖАЗИКОВЪ.

Ну, одѣяло бы стащилъ. Давай скорѣй одѣваться. (*Надѣваетъ шлафрокъ и выходитъ изъ-за ширмъ*). А, а! (*Подхо-*

дитъ къ окну) Должно быть холодно на дворѣ. Да и въ комнатѣ холодно. Матвѣй, затопи-ка печку.

МАТВѢЙ.

Дровъ нѣту-съ.

ЖАЗИКОВЪ.

Какъ нѣтъ дровъ? Развѣ всѣ вышли?

МАТВѢЙ.

Да ужь съ недѣлю будетъ-съ какъ вышли.

ЖАЗИКОВЪ.

Чтò за вздоръ? Чѣмъ же ты топишь?

МАТВѢЙ.

Да я и не топилъ-съ.

ЖАЗИКОВЪ (*послѣ нѣкотораго молчанія*).

Отъ того-то видно я и зябъ.... Однакожь дровъ достать необходимо. Ну, объ этомъ послѣ. А самоваръ ты поставилъ?

МАТВѢЙ.

Какъ же-съ, поставилъ.

ЖАЗИКОВЪ.

Хорошо. Давай же мнѣ поскорѣй чаю.

МАТВѢЙ.

Сейчасъ. Только сахаръ вышелъ-съ.

ЖАЗИКОВЪ.

Вышелъ тоже? Весь вышелъ?

МАТВѢЙ.

Весь.

ЖАЗИКОВЪ (*съ негодованіемъ*).

Однакожь я не могу остаться безъ чаю. Ступай, достань гдѣ нибудь сахару. Ступай!

МАТВѢЙ.

Да гдѣ же прикажете достать, Тимоѳей Петровичъ?

ЖАЗИКОВЪ.

Ну, тамъ, въ лавочкѣ, въ долгъ возьми. Скажи, что завтра все отдамъ.

МАТВѢЙ.

Да вѣдь въ лавочкѣ больше не вѣрятъ, Тимоѳей Петровичъ. Даже бранятся.

ЖАЗИКОВЪ.

А сколько мы имъ должны?

МАТВѢЙ.

Семь рублей шестьдесятъ копѣекъ.

ЖАЗИКОВЪ.

Подлецы! Ну, сходи еще разъ, попробуй, авось дадутъ.

МАТВѢЙ.

Да не дадутъ, Тимоѳей Петровичъ.

ЖАЗИКОВЪ.

Да ты скажи имъ, что дескать, на дняхъ баринъ изъ деревни деньги получитъ, слѣдуемую треть; что мы имъ тотчасъ же все сполна заплатимъ. Ну, ступай.

МАТВѢЙ.

Да что идти, Тимоѳей Петровичъ? не дадутъ, ужь я знаю....

ЖАЗИКОВЪ.

Не дадутъ! Отъ того, что ты глупъ. Ты чай лавочнику кланяешься, словно милостыню просишь: пожалуйте дескать сахару. Нѣтъ у тебя никакой.... какъ бишь это сказать порусски.... Ну, все равно, ты меня не поймешь. (*Раздается звонокъ. Жазиковъ бросается стремглавъ за ширмы и говоритъ шопотомъ изъ-за ширмъ*). Не принимать никого! не принимать! слышишь? Скажи, что съ утра уѣхалъ.... (*Матвѣй выходитъ. Жазиковъ затыкаетъ себѣ пальцами уши.*)

ГОЛОСЪ НѢМЦА-САПОЖНИКА.

Гаспадинъ дома?

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Никакъ нѣтъ.

ГОЛОСЪ САПОЖНИКА.

Gotts Donnerwetter!... Нѣтъ?

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Нѣтъ его дома, говорятъ тебѣ.

ГОЛОСЪ САПОЖНИКА.

А скоро будетъ?

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Не знаю; нѣтъ, не скоро.

ГОЛОСЪ САПОЖНИКА.

Кàкъ же такъ? это не можно. Мнѣ нужно деньги.

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Ушолъ, говорятъ тебѣ ушолъ, въ должность ушолъ.

ГОЛОСЪ САПОЖНИКА.

Мм!... я буду подождать.

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Нельзя тебѣ ждать.

ГОЛОСЪ САПОЖНИКА.

Я буду подождать.

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Нельзя, говорятъ тебѣ, нельзя; ступай; я самъ скоро выйду.

ГОЛОСЪ САПОЖНИКА.

Я буду подождать.

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Да нельзя, говорятъ тебѣ.

ГОЛОСЪ САПОЖНИКА.

Мнѣ нужно деньга; деньга нужно; я не пойду.

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Ступай, ступай, говорятъ тебѣ!

ГОЛОСЪ САПОЖНИКА.

Стиидно, стиидно! благородный человѣкъ, а такое дѣлаетъ! стиидно....

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Да ступай же, чертъ! Не цѣлый же мнѣ часъ съ тобой разговаривать.

ГОЛОСЪ САПОЖНИКА.

Когда же деньги? Деньги когда?

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Приходи послѣ завтра.

ГОЛОСЪ САПОЖНИКА.

Когда?

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Объ эту же пору.

ГОЛОСЪ САПОЖНИКА.

Ну, прощайте.

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Прощай. (*Слышенъ стукъ запирающейся двери. Входитъ Матвѣй.*)

ЖАЗИКОВЪ (*робко выглядывая изъ-за ширмъ*).

Ушолъ?

МАТВѢЙ.

Ушолъ-съ.

ЖАЗИКОВЪ.

Ну, хорошо; ну, хорошо. Вишь проклятый Нѣмецъ! Ему бы все деньги, да деньги.. . Не люблю Нѣмцевъ! А теперь ступай за сахаромъ.

МАТВѢЙ.

Да Тимоѳей Петровичъ....

ЖАЗИКОВЪ.

Знать ничего не хочу! Безъ чаю мнѣ сегодня остаться что̀ ли, по твоему? Хоть вынь да положь.... Ступай, ступай, ступай!!! (*Матвѣй уходитъ.*) Этотъ старый дуракъ рѣшительно никуда не годится; надобно выписать себѣ другаго помоложе. (*Помолчавъ немного*) А денегъ необходимо нужно гдѣ-нибудь достать У кого бы занять? Вотъ вопросъ... (*Слышенъ звонокъ*) Чертъ возьми, опять должникъ! А Матвѣя я услалъ за сахаромъ! (*Звонокъ*) Не могу жь я самъ отворить этому черту дверь... (*Звонокъ*) Кредиторъ, должно-быть, бестія! (*Звонокъ*) Вишь ка̀къ нагло звонитъ.... (*Хочетъ идти*) Нѣтъ, нельзя; да и не прилично. (*Отчаянный звонокъ*) Хоть ты тамъ себѣ тресни.... (*Вздрагиваетъ*) Онъ, кажется, оборвалъ колокольчикъ.... Однакожь, ка̀къ онъ смѣетъ?... Ну, а если это не должникъ? Если почтальйонъ съ повѣсткой? Нѣтъ, почтальйонъ такъ звонить не станетъ.... Онъ лучше въ другой разъ зайдетъ. (*Входитъ Матвѣй*) Помилуй, гдѣ ты пропадаешь? Безъ тебя звонокъ оборвали. Это просто ни на что не похоже. Ну, а сахаръ принесъ?

МАТВѢЙ (*вынимая изъ кармана свертočекъ сѣрой бумаги*).

Вотъ-съ.

ЖАЗИКОВЪ.

Это? (*Развертываетъ бумагу*) Да тутъ всего четыре куска, и тѣ всѣ въ пыли....

МАТВѢЙ.

Да и то, батюшка, черезъ силу досталъ.

ЖАЗИКОВЪ.

Ну, дѣлать нѣчего. Подавай самоваръ. (*Начинаетъ пѣть итальянскую арiю.*) Матвѣй!

МАТВѢЙ.

Что̀ прикажите-съ.

ЖАЗИКОВЪ.

Матвѣй, я хочу сшить тебѣ ливрею.

МАТВѢЙ.

Воля ваша-съ.

ЖАЗИКОВЪ.

Да ты что̀ думаешь? Я сошью тебѣ ливрею самую модную, знаешь, этакую сѣро-лиловую съ голубыми аксельбантами. .. (*Звонокъ*) Тьфу ты пропасть! (*Опять спасается за ширмы; Матвѣй выходитъ.*)

ГОЛОСЪ РУССКАГО КУПЦА.

А что, почтеннѣйшiй, баринъ вашъ еще почиваетъ?

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Нѣтъ, вышелъ.

ГОЛОСЪ КУПЦА.

Вышелъ-съ?

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Вышелъ.

ГОЛОСЪ КУПЦА.

Такъ-съ; раненько изволилъ подняться. А что̀ деньжонокъ у васъ не водится?

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Теперь, признаться сказать, нѣту. А вотъ ужотко будутъ.

ГОЛОСЪ КУПЦА.

То-есть, это когда же-съ? Коли не долго, такъ я, пожалуй, и подожду-съ.

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Нѣтъ, ужь лучше зайдите денька черезъ два или черезъ три.

ГОЛОСЪ КУПЦА.

Такъ-съ. Такъ не водится деньжонокъ-то?

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Теперь нѣту.

ГОЛОСЪ КУПЦА.

А и деньги-то за вами небольшія-съ. Да ужь и я, признаться, сапожки пообносилъ, къ вамъ ходивши.

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Дня этакъ черезъ два.

ГОЛОСЪ КУПЦА.

То-есть это будетъ въ четвертокъ. Или ужь мнѣ зайдти знаете, этакъ, въ пятницу? Али ужь въ субботу?

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Ну, пожалуй, хоть въ субботу.

ГОЛОСЪ КУПЦА.

Придемъ-съ въ субботу. (*Послѣ нѣкотораго молчанія*) А деньжонокъ теперь нѣту?

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ (*со вздохомъ*).

Нѣту.

ГОЛОСЪ КУПЦА.

Такъ-съ. Такъ когда же приходить-то мнѣ?

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Да сказано, въ субботу.

ГОЛОСЪ КУПЦА.

Въ субботу? Ну, пожалуй, придемъ-съ и въ субботу. И такъ-таки нѣту деньжонокъ?

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Ахъ, Боже мой! Нѣту.

ГОЛОСЪ КУПЦА.

Рубликовъ двадцать-пять?

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Нѣту, нѣту; гроша нѣту.

ГОЛОСЪ КУПЦА.

Ну, хоть двѣ красненькихъ.

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Да откуда взять?

ГОЛОСЪ КУПЦА.

Такъ-таки нѣту денегъ-съ?

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Нѣту, нѣту, нѣту.

ГОЛОСЪ КУПЦА.

Такъ когда же приходить-то мнѣ?

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Въ субботу, въ субботу.

ГОЛОСЪ КУПЦА.

А раньше нельзя?

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Пожалуй, хоть раньше, все равно.

ГОЛОСЪ КУПЦА.

Я приду въ пятницу.

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Ну хорошо.

ГОЛОСЪ КУПЦА.

И деньжонокъ-съ можно будетъ получить?

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Можно.

ГОЛОСЪ КУПЦА.

А теперь нѣту-съ?

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Нѣту, нѣту.

ГОЛОСЪ КУПЦА.

Такъ въ пятницу, что̀ ли?

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Да!

ГОЛОСЪ КУПЦА.

Объ эту пору-съ?

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ

Да, да.

ГОЛОСЪ КУПЦА.

Или ужь въ субботу-съ?

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Кàкъ знаете.

ГОЛОСЪ КУПЦА.

Такъ мы въ субботу придемъ-съ, или въ пятницу, кàкъ намъ тамъ сподручнѣе будетъ. Вы понимаете, кàкъ этакъ сподручнѣе.

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Кàкъ знаете.

ГОЛОСЪ КУПЦА.

Можетъ, въ пятницу.... А теперь никакъ нельзя деньжонокъ получить-съ?

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Ахъ, ты, Господи Боже мой! Ахъ, ты, Господи!

ГОЛОСЪ КУПЦА.

Ну, такъ въ субботу. Просимъ-съ прощенья.

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Прощайте.

ГОЛОСЪ КУПЦА.

Счастливо оставаться. Зайдемъ въ пятницу или въ субботу, объ эту пору-съ. Просимъ прощенья-съ. (*Слышенъ стукъ запирающейся двери. Входитъ Матвѣй блѣдный и въ поту.*)

ЖАЗИКОВЪ (*выходя изъ-за ширмъ*).

Кàкъ тебѣ не стыдно, Матвѣй? Цѣлый часъ съ дуракомъ возишься. Кто это былъ?

МАТВѢЙ (*угрюмо*).

Небельщикъ.

ЖАЗИКОВЪ.

А я развѣ ему долженъ?

МАТВѢЙ.

Пятьдесятъ-два рубля.

ЖАЗИКОВЪ.

Неужели? Да за что? Конторка-то вся разсохлась, посмотри. Это просто ни на что не похоже. Впередъ буду всѣ мёбели брать у Гамбса. Терпѣть не могу русской работы. Ужь

эти мнѣ козлиныя бороды! Дешево да гнило. (*Звонокъ*) Фу, чертъ возьми! опять! Да они мнѣ, просто, ничѣмъ заняться не дадутъ! Я даже чаю напиться не могу спокойно.... это ужасъ! .. (*Изчезаетъ за ширмы; Матвѣй отправляется въ переднюю.*)

ГОЛОСЪ ДѢВУШКИ.

Чтò, вашъ господинъ дома?

(*Жазиковъ проворно выглядываетъ изъ-за ширмъ.*)

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Нѣтъ, ушолъ съ утра.

ЖАЗИКОВЪ (*громко*).

Кто тамъ?

ГОЛОСЪ ДѢВУШКИ.

Кáкъ же вы говорили, что его дома нѣтъ?

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Ну, взойдите.... Чтожь, коли онъ самъ....

(*Входитъ дѣвушка лѣтъ семнадцати, съ узелкомъ въ рукахъ, въ салопѣ и въ шляпкѣ.*)

ЖАЗИКОВЪ (*съ любезной улыбкой*).

Чтò вамъ надобно?

МАТВѢЙ.

Она отъ прачки.

ЖАЗИКОВЪ (*нѣсколько смутясь*).

А! Такъ чтò вамъ надобно?

ДѢВУШКА (*подаетъ ему счетъ*).

Вотъ по этому получить-съ.

ЖАЗИКОВЪ (*равнодушно*).

А! (*Проглядываетъ счетъ*). Ну, хорошо. Одиннадцать рублей сорокъ копеекъ. Хорошо. Зайдите, пожалуйста, завтра.

ДѢВУШКА.

Мнѣ приказала Арина Матвѣвна сегодня получить.

ЖАЗИКОВЪ.

Я, пожалуй, и сегодня бы вамъ отдалъ, (*съ улыбкой*) и съ удовольствіемъ — да мелочи нѣту, то-есть, повѣрите ли? совсѣмъ нѣтъ мелочи.

ДѢВУШКА.

Я размѣняю, въ лавочку схожу.

ЖАЗИКОВЪ.

Нѣтъ.... лучше уже зайдите вы въ другой разъ.... (*играя кистями шлафрока*) этакъ — завтра что ли, или даже сегодня послѣ обѣда....

ДѢВУШКА.

Да нѣтъ; пожалуйте теперь; Арина Матвѣвна меня забранитъ.

ЖАЗИКОВЪ.

Ахъ, какая же она, жестокая! Васъ бранить — это верхъ несправедливости!... Я даже признаюсь — не понимаю.... Какъ васъ зовутъ, душенька моя?

ДѢВУШКА.

Матрёной.

ЖАЗИКОВЪ.

Милая Матрёнушка, вы мнѣ очень нравитесь.

ДѢВУШКА.

Да нѣтъ; да нѣтъ; пожалуйте денегъ. Вотъ по этому счету.

ЖАЗИКОВЪ.

Повѣрьте, я вамъ заплачу, все сполна заплачу. Я въ отчаяніи.... (*Раздается звонокъ*) Чертъ бы ихъ побралъ! Прощайте, милая моя. До завтра. Приходите завтра; все получите сполна. Прощайте, ангелочикъ вы мой!

ДѢВУШКА.

Да нѣтъ; да нѣтъ... (*Жазиковъ изчезаетъ за ширмы.*)

МАТВѢЙ

Ну, ступай, ступай, голубушка; ступай....

ДѢВУШКА.

Да Арина Матвѣвна меня забранитъ.

МАТВѢЙ.

Ну, ступай, ступай! (*Выпроваживаетъ ее.*)

ЖАЗИКОВЪ (*кричитъ Матвѣю вслѣдъ*).

Ты ее по черной лѣстницѣ проведи! слышишь? (*Про себя*) А то столкнутся, пожалуй.... Экая гадость! Экая гадость!... А прехорошенькая она, чертъ возьми! Надобно будетъ — этакъ того... (*Звонокъ. Жазиковъ прячется за ширмы.*)

ГОЛОСЪ ХРИПЛЫЙ И ГРУБЫЙ (*въ передней*).

Дома?

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ (*съ робостью*).

Никакъ нѣтъ-съ.

ГОЛОСЪ НЕЗНАКОМЦА.

Да ты врешь!

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Ей Богу-съ.

ГОЛОСЪ НЕЗНАКОМЦА.

Да что̀ твой баринъ? Смѣется что̀ ли надо мной? Что̀ я его холопъ, что̀ ли? Я жь ему далъ денегъ, да я жь и бѣгай къ нему каждый день. Дай мнѣ бумагу, перо; я ему записку напишу.

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Извольте-съ.

ГОЛОСЪ НЕЗНАКОМЦА.

Да шубу стащи, старый песъ.

(*Входитъ незнакомецъ высокаго роста, толстый, съ черными бакенбардами. Матвѣй достаетъ клочокъ бумажки и перо. Незнакомецъ садится за столъ, ворчитъ и пишетъ. За ширмами мертвая тишина.*)

НЕЗНАКОМЕЦЪ (*вставая*).

Вотъ, дай это ему, твоему барину. Слышишь?

МАТВѢЙ.

Слушаю-съ.

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Да скажи ему, твоему барину, что я шутить не люблю. Просьбу подамъ; въ тюрьму упеку его, твоего барина. Я ему дамъ, твоему барину! (*Уходитъ; въ передней со стукомъ надѣваетъ калоши. Дверь запирается. Минуты чрезъ двѣ выходитъ изъ-за ширмъ Жазиковъ*).

ЖАЗИКОВЪ (*съ негодованіемъ*).

Подлецъ! — Что онъ застращать меня хочетъ что ли?... Нѣтъ, братъ, не на того наскочилъ. Ты еще меня, братъ, не знаешь! (*Читаетъ письмо*) Подлецъ, подлецъ! неблагородный подлецъ! (*Рветъ письмо въ клочки*) Грубый, невѣжественный

мужикъ! Да, впрочемъ, хорошъ и я! Нужно жь мнѣ было связываться съ такимъ.... Вишь, грозить мнѣ вздумалъ! (*Ходитъ въ волненіи по комнатѣ*). Надобно принять рѣшительныя мѣры.... (*Раздается звонокъ*). Ахъ, Боже мой! (*Опять исчезаетъ за ширмы.*)

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ (*въ передней*).

Чтò тебѣ?

ДРУГОЙ ГОЛОСЪ.

Да вчера возилъ ихъ милость...

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ

Куда возилъ?

ДРУГОЙ ГОЛОСЪ.

А въ Подъяческую возилъ, да съ Подъяческой на Пески.

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Ну такъ чтò жь тебѣ?

ДРУГОЙ ГОЛОСЪ.

Да вотъ приказалъ придти сегодня за деньгами.

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

А сколько тебѣ?

ДРУГОЙ ГОЛОСЪ.

Три гривенничка.

ГОЛОСЪ МАТВѢЯ.

Ну, приходи, завтра.

ДРУГОЙ ГОЛОСЪ (*послѣ нѣкотораго молчанія*).

Слушаю, батюшка.

ЖАЗИКОВЪ (*выходя изъ-за ширмъ*).

Да; я вижу, мнѣ деньги нужны, просто даже необходимы.... Матвѣй! (*Входитъ Матвѣй*) Ты знаешь, гдѣ живетъ генералъ Шенцель?

МАТВѢЙ.

Знаю-съ.

ЖАЗИКОВЪ.

Ты ему сейчасъ отнесешь отъ меня письмо. Ступай. Я позову тебя (*Садится за столъ и пишетъ*) Какія мерзкія перья! Надобно будетъ въ Англійскомъ-магазинѣ купить.... (*Читаетъ вслухъ*) «Ваше превосходительство, позвольте мнѣ при-

бѣгнуть къ вамъ съ покорнѣйшей, (*поправляетъ*) всепокорнѣйшей просьбой: не можете ли вы мнѣ дать въ займы на нѣсколько дней триста рублей ассигнаціями? Мнѣ чрезвычайно совѣстно васъ безпокоить, но я надѣюсь на вашу снисходительность. Я съ своей стороны буду вамъ чрезвычайно благодаренъ — и непремѣнно къ сроку отдамъ всѣ деньги сполна. Остаюсь искренно и душевно преданный вамъ».... Кажется, хорошо? Немножко фамильярно, да это не бѣда. Показываетъ все-таки самостоятельность нѣкоторую, развязность.... Ничего! вѣдь я не разночинецъ какой-нибудь, чертъ возьми! я дворянинъ! Чтò-то будетъ?... Матвѣй! (*Матвѣй входитъ*) Вотъ — отнеси. Да, пожалуйста, не мѣшкай — и приходи скорѣе. Вѣдь онъ въ двухъ шагахъ отсюда живетъ.

МАТВѢЙ (*уходя*).

Чего мѣшкать!

ЖАЗИКОВЪ.

Ну, что-то будетъ? Мнѣ кажется, онъ дастъ. Онъ хорошій человѣкъ и меня любитъ. А я чаю-то до сихъ поръ еще и не пилъ. Небось, простылъ. (*Пьетъ*) Именно, простылъ. Ну, дѣлать нéчего. (*Послѣ нѣкотораго молчанія*) Надобно бы чѣмъ-нибудь однакожь заняться.... Нѣтъ, не могу; подожду Матвѣя. Что-то онъ мнѣ принесетъ? Ну, какъ онъ его дома не застанетъ? Который часъ? (*Подходитъ къ часамъ*) Половина двѣнадцатаго. (*Задумывается*) Попробовать бы написать что-нибудь. Да чтò писать. (*Ложится на софу*) Плохо! (*Вздрагиваетъ*) Матвѣй!... Нѣтъ, еще не онъ. (*Начинаетъ декламировать*)

Но грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана....

Дá, именно грустно; Пушкинъ великій поэтъ. Чтò это Матвѣй нейдетъ? (*Задумывается*) А вѣдь надобно правду сказать, напрасно я въ военную службу не вступилъ. Во первыхъ, все-таки лучше, а во вторыхъ — у меня, я это чувствую — у меня есть способности къ тактикѣ — есть.... Ну, ужь теперь не воротишь! Ужь теперь... извини Тимоѳей Пет-

ровичъ, не воротишь. (*Входитъ Матвѣй. Жазиковъ бросается головой въ подушки, закрываетъ глаза руками и кричитъ*) Ну, я знаю, знаю, знаю.... Дома не засталъ? ну, дома не засталъ.... ну, говори скорѣй.

МАТВѢЙ.

Никакъ нѣтъ-съ. Засталъ.

ЖАЗИКОВЪ (*поднимая голову*).

А! засталъ ... И отвѣтъ получилъ?

МАТВѢЙ.

Какъ же-съ, получилъ.

ЖАЗИКОВЪ (*отворачивая голову и протягивая руку*).

Подай, подай; (*щупаетъ письмо*) эхъ! что-то нежирно. (*Подноситъ письмо къ зажмуреннымъ глазамъ*) Ну! (*Открываетъ глаза*) Да это мое письмо!

МАТВѢЙ.

Они въ вашемъ письмѣ изволили приписать.

ЖАЗИКОВЪ.

Ну, понимаю, понимаю! Отказъ.... Экой журавль проклятый! Я и читать его отвѣта не могу. (*Бросаетъ письмо*) Я знаю, что̀ тамъ писано.... (*Поднимаетъ письмо*) Однако, все же лучше прочесть: можетъ-быть, онъ не совсѣмъ отказываетъ.... можетъ-быть, обѣщаетъ.... (*Къ Матвѣю*) Что̀, онъ самъ тебѣ отдалъ письмо?

МАТВѢЙ.

Никакъ нѣтъ-съ, съ человѣкомъ выслалъ.

ЖАЗИКОВЪ.

Мм.... Ну, прочтемъ, дѣлать нѐчего. (*Читаетъ и улыбается иронически*). Хорошъ, хорошъ.... «Любезный Тимоѳей Петровичъ, никакъ не могу удовлетворить твою просьбу. Впрочемъ, пребываю»... Впрочемъ, пребываешь! Вотъ оно и благорасположеніе! Вотъ они пріязненныя-то отношенія, вотъ они! (*Бросаетъ письмо*) Чертъ съ нимъ совсѣмъ!

МАТВѢЙ (*со вздохомъ*).

Незадачный выдался денёкъ!

ЖАЗИКОВЪ.

Ну, ты будешь разсуждать теперь! Ступай-ка лучше вонъ. А я работать долженъ, понимаешь? (*Матвѣй выходитъ. Жа-*

зиковъ прохаживается по комнатѣ) Скверно, скверно.... Что жь дѣлать? (*Усаживается передъ столомъ*) Надобно приниматься за работу. (*Потягивается, беретъ французскій романъ, развертываетъ наудачу и начинаетъ читать. Входитъ Матвѣй.*)

МАТВѢЙ (*вполголоса*).

Тимоѳей Петровичъ....

ЖАЗИКОВЪ.

Ну, что̀ еще?

МАТВѢЙ (*вполголоса*).

Пришелъ наумовскій человѣкъ.

ЖАЗИКОВЪ (*шопотомъ*).

Сидоръ?

МАТВѢЙ (*такъ же*).

Да-съ, Сидоръ.

ЖАЗИКОВЪ (*такъ же*).

Зачѣмъ же онъ пришелъ?

МАТВѢЙ (*такъ же*).

Говоритъ, что дескать деньги нужны; баринъ въ деревню ѣдетъ, его съ собой беретъ, такъ пришелъ просить о деньгахъ-съ.

ЖАЗИКОВЪ (*такъ же*).

А я ему сколько долженъ?

МАТВѢЙ (*такъ же*).

Да съ процентами теперь рублей пятьсотъ наберется.

ЖАЗИКОВЪ (*такъ же*).

Ты ему сказалъ, что я дома?

МАТВѢЙ (*такъ же*).

Никакъ нѣтъ-съ.

ЖАЗИКОВЪ (*такъ же*).

Ну, хорошо. Только какъ же я звонка-то не слыхалъ?

МАТВѢЙ (*такъ же*).

Да онъ-съ по черной лѣстницѣ прошелъ.

ЖАЗИКОВЪ (*шопотомъ, но съ сердцемъ*).

А зачѣмъ они у тебя по черной лѣстницѣ шляются? Зачѣмъ задній ходъ знаютъ? Этакъ они, пожалуй, меня обо-

крадутъ когда-нибудь! Это безпорядокъ! Я этого не терплю! На то парадная лѣстница есть....

МАТВѢЙ (*все шопотомъ*).

Слушаю-съ. Я его теперь отошлю-съ. Только вотъ онъ все спрашиваетъ-съ, когда ему можно будетъ за деньгами-то зайдти-съ.

ЖАЗИКОВЪ (*все такъ же*).

Когда.... когда.... ну, черезъ недѣлю чтò ли....

МАТВѢЙ *такъ же*).

Слушаю-съ. Только вы, батюшка Тимоѳей Петровичъ, ужь ему-то деньжонокъ-то выдайте, коли случатся.

ЖАЗИКОВЪ.

Да чтò, онъ тебѣ сватъ чтò ли? кумъ?

МАТВѢЙ.

Кумъ и есть.

ЖАЗИКОВЪ.

То-то ты за него такъ и хлопочешь.... Ну, ступай, ступай.... хорошо; заплачу.... ступай. (*Матвѣй выходитъ*) Всѣ они заодно...., ужь я ихъ знаю.... племя такое.... (*Опять принимается за французскую книжку и вдругъ поднимаетъ голову*) А его превосходительство-то.... а? ожидалъ я этого! Вотъ тебѣ и другъ моего отца и старинный сослуживецъ!... (*Встаетъ, подходитъ къ зеркалу и поетъ:*)

Уймитесь волненія страсти,
Засни безнадежное сердце....

Однако, надо работать. (*Садится опять за столъ*) Дá, надобно, надобно. (*Входитъ Матвѣй*) Ты это, Матвѣй?

МАТВѢЙ.

Я-съ.

ЖАЗИКОВЪ.

Чтò тамъ?

МАТВѢЙ.

Да пришелъ какой-то собачникъ; васъ спрашиваетъ; говоритъ, что вы дескать третьяго-дни приказали ему прійдти къ вамъ на квартиру.

ЖАЗИКОВЪ.

Ахъ! точно, точно, точно.... Чтоже, онъ собаку привелъ?

МАТВѢЙ (*грустно*).

Привелъ-съ.

ЖАЗИКОВЪ.

Ахъ! покажи.... Вели ему войдти.... лягавую?... ахъ!... Войди сюда, любезный!

(*Входитъ человѣкъ въ фризовой шинели, съ подвязанной щекой; у него на привязи старая дрянная собака.*)

ЖАЗИКОВЪ (*осматриваетъ собаку въ лорнетъ*).

Kàкъ ее зовутъ?

ЧЕЛОВѢКЪ (*сиплымъ и глухимъ голоосомъ*).

Миндоръ. (*Собака робко взглядываетъ на своего хозяина и судорожно шевелитъ куцымъ хвостомъ.*)

ЖАЗИКОВЪ.

И хорошая собака?

ЧЕЛОВѢКЪ.

Важнѣйшая. Иси, Миндоръ!

ЖАЗИКОВЪ.

Поноску знаетъ?

ЧЕЛОВѢКЪ.

Какъ не знать! (*Вытаскиваетъ шапку изъ-подъ мышки и бросаетъ ее на полъ*) Пиль-апортъ! (*Собака приноситъ ему шапку.*)

ЖАЗИКОВЪ

Хорошо, хорошо; а въ полѣ какова?

ЧЕЛОВѢКЪ.

Первѣйшій сортъ.... Кушъ! тибо! эхъ ты!

ЖАЗИКОВЪ.

А стара она?

ЧЕЛОВѢКЪ.

Третья осень пошла.... Куды, куды ты? (*Дергаетъ ее за веревку.*)

ЖАЗИКОВЪ.

Ну, а цѣна ей какова?

ЧЕЛОВѢКЪ.

Пятьдесятъ рублей; меньше нельзя.

ЖАЗИКОВЪ.

Ну, что за вздоръ! возьми тридцать.

ЧЕЛОВѢКЪ.

Нѣтъ, нельзя; я и такъ дешево запросилъ.

ЖАЗИКОВЪ.

Ну, десять цѣлковыхъ возьми! (*Лицо Матвѣя изображаетъ страшную тоску.*)

ЧЕЛОВѢКЪ.

Нельзя, баринъ, никакъ нельзя.

ЖАЗИКОВЪ.

Ну такъ чертъ съ тобой.... а какой она породы?

ЧЕЛОВѢКЪ.

Породы хорошей.

ЖАЗИКОВЪ.

Хорошей?

ЧЕЛОВѢКЪ

Ужь мы другихъ собакъ не держимъ. Богъ съ ними совсѣмъ!

ЖАЗИКОВЪ.

Будто ужь не держите?

ЧЕЛОВѢКЪ.

Да что ихъ держать?

ЖАЗИКОВЪ (*къ Матвѣю*).

А вѣдь хорошая, кажется, собака? какъ ты думаешь?

МАТВѢЙ (*сквозь зубы*).

Хороша.

ЖАЗИКОВЪ.

Ну, хочешь тридцать-пять рублей?

ЧЕЛОВѢКЪ.

Крайняя цѣна — сорокъ рублей; извольте — за сорокъ рублей отдамъ.

ЖАЗИКОВЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, ни за что!

ЧЕЛОВѢКЪ.

Ну, ужь такъ и быть, возьмите, Богъ съ вами.

ЖАЗИКОВЪ.

Давно бы такъ. И хорошая собака?

ЧЕЛОВѢКЪ.

Да ужь такая, батюшка, собака.... въ цѣломъ городѣ такой не съищете.

ЖАЗИКОВЪ (*съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ*).

Вотъ видишь ли, братецъ, у меня теперь деньги — есть — да мнѣ онѣ на другую, знаешь, покупку нужны.... а ты приходи-ка завтра, такъ — объ эту же пору, понимаешь? — или послѣ завтра, что ли, только пораньше.

ЧЕЛОВѢКЪ.

Да пожалуйте задаточекъ.... я собаку-то у васъ оставлю.

ЖАЗИКОВЪ.

Нѣтъ, братъ, нельзя.

ЧЕЛОВѢКЪ

Цѣлковенькій пожалуйте.

ЖАЗИКОВЪ.

Нѣтъ, ужь я лучше тебѣ всю сумму сполна выплачу.

ЧЕЛОВѢКЪ (*подходя къ двери*).

Послушайте-ка, баринъ.... Дайте мнѣ теперь деньги, я вамъ ее за тридцать рублей отдамъ.

ЖАЗИКОВЪ.

Теперь нельзя.

ЧЕЛОВѢКЪ.

Ну бѣленькую дайте.

ЖАЗИКОВЪ.

Теперь нельзя, любезный мой, совершенно невозможно.

ЧЕЛОВѢКЪ.

Двадцать рублей — хотите?

ЖАЗИКОВЪ.

Экой ты человѣкъ! говорятъ, нельзя.

ЧЕЛОВѢКЪ (*уходя*).

Иси, Миндоръ, иси! (*Ухмыляется горько*). — Видно у васъ, ваше благородіе, денегъ-то и не бывало вовсе.... Иси, подлецъ, иси!

ЖАЗИКОВЪ.

Какъ ты смѣешь?

ЧЕЛОВѢКЪ.

А еще къ себѣ зоветъ!... иси!...

ЖАЗИКОВЪ.

Пошелъ вонъ, грубіянъ! Матвѣй, гони его! взашей его!

ЧЕЛОВѢКЪ.

Ну, ну, потише.... я и самъ пойду....

ЖАЗИКОВЪ.

Матвѣй, я тебѣ приказываю....

ЧЕЛОВѢКЪ (*въ передней*).

Суньса-ка, старый хрычъ!...

(*Матвѣй выходитъ вслѣдъ за нимъ.*)

ЖАЗИКОВЪ (*кричитъ имъ вслѣдъ*).

Гони его, бей въ мою голову!!! Вонъ, пошелъ вонъ!... (*Начинаетъ ходить по комнатѣ*). — Экое грубое животное!... А собака-то въ сущности, кажется, нехороша. Я и радъ, что не купилъ. Но онъ не груби! онъ не смѣй грубить!... (*Садится на диванъ*). — Экой въ самомъ дѣлѣ денёкъ выдался! Вѣдь вотъ ничего еще съ утра не сдѣлалъ.... и денегъ не досталъ. А деньги нужны мнѣ теперь, очень нужны.... Матвѣй!

МАТВѢЙ (*входя*).

Чего изволите?

ЖАЗИКОВЪ.

Ты отнесешь отъ меня письмо къ Криницыну.

МАТВѢЙ.

Слушаю-съ.

ЖАЗИКОВЪ.

Матвѣй!

МАТВѢЙ.

Чтò прикажете-съ?

ЖАЗИКОВЪ

Какъ ты думаешь, дастъ онъ мнѣ денегъ?

МАТВѢЙ.

Нѣтъ, Тимоѳей Петровичъ, не дастъ.

ЖАЗИКОВЪ.

А дастъ! (*Щелкаетъ языкомъ*) Вотъ увидишь, что дастъ!

МАТВѢЙ.

Не дастъ, Тимоѳей Петровичъ.

ЖАЗИКОВЪ.

Да почему же, почему?

МАТВѢЙ (*послѣ нѣкотораго молчанія*).

Тимоѳей Петровичъ, позвольте мнѣ, старому дураку, слово молвить.

ЖАЗИКОВЪ.

Говори.

МАТВѢЙ (*откашливается*).

Тимоѳей Петровичъ! позвольте мнѣ вамъ доложить: не хорошо, не хорошо, то-есть, вы здѣсь изволите жить. Вы, батюшка, нашъ природный господинъ; вы, батюшка, столбовой помѣщикъ: охота же вамъ проживать въ городѣ — въ нуждѣ да въ хлопотахъ. У насъ есть, батюшка, родовое имѣнье, вы сами изволите знать; матушка ваша, милостію Божіей, изволитъ здравствовать — вотъ вамъ бы къ ней и поѣхать на жительство — въ свое-то, въ родовое помѣстье-то.

ЖАЗИКОВЪ.

Ты отъ матушки письмо получилъ, что̀ ли? Съ ея словъ, видно, поёшь?

МАТВѢЙ.

Отъ барыни я письмо дѣйствительно получилъ; удостоился, такъ сказать, и къ ней о вашемъ здоровьѣ отписывалъ, какъ она приказывать изволила, все въ подробности. Доложу вамъ, Тимоѳей Петровичъ! объ васъ изволитъ сокрушаться; изволитъ писать: ты-де мнѣ всё напиши, все, что̀ онѣ дѣлаютъ, кого принимаютъ, гдѣ бываютъ, все дескать опиши; изволитъ мнѣ грозиться, что, дескать, подъ гнѣвъ мой попадешь, и на тебѣ, дескать, взыщу, коли не опишешь. Ты, говоритъ, доложи Тимоѳею Петровичу, что ихняя родительница сокрушаться изволитъ о немъ — та̀къ и написано-съ: родительница, и, дескать, прибавь, что, дескать, на службѣ не состоитъ, а въ Питерѣ живетъ, да деньги тратитъ; на что это похоже? Вотъ какъ-съ.

ЖАЗИКОВЪ (*съ принужденной улыбкой*).

Ну, а ты что̀ ей написалъ?

МАТВѢЙ.

Я докладывалъ барынѣ, что, дескать, милостію Божіею все обстоитъ благополучно; а объ чемъ писать онѣ изволили, все исполню въ точности и Тимоѳею Петровичу доложу, и госпожѣ донесу. Эхъ, Тимоѳей Петровичъ! Тимоѳей Петровичъ! Поѣхали бы вы, кормилецъ, въ Сычовку, зажили бы вы себѣ бариномъ, завелись бы домкомъ, хозяюшкой.... Что̀ вы здѣсь живете, батюшка мой? Здѣсь-то вы отъ каждаго звоночка словно зайчикъ сигаете, да и денежекъ-то у васъ не водится, да и кушаете вы не въ мѣру.. .

ЖАЗИКОВЪ.

Нѣтъ, въ деревнѣ скучно; сосѣди все такіе необразованные.... а барышни только-что глаза пучатъ, да потѣютъ отъ страха, когда съ ними заговоришь....

МАТВѢЙ.

Эхъ, Тимоѳей Петровичъ! да здѣшнія-то что̀? Да и что̀ за господа-то къ вамъ ходятъ? Вѣдь ей-богу, не на что взглянуть. Народъ маленькій, плюгавенькій, больной, кашляютъ, прости Господи, словно овцы. А у насъ-то, у насъ-то! Да и теперь, правду сказать, не то, что̀ прежде. Нѣтъ-съ! Дѣдушка-то вашъ, вѣчная ему память, Тимоѳей Лукичъ, вѣдь, съ косую сажень былъ ростомъ! какъ изволитъ осерчать бывало, да какъ крикнетъ зычнымъ голосомъ — такъ отъ него, голубчика, радъ въ землю уйдти! Вотъ былъ баринъ, такъ баринъ! ужь за то, коли ты ему полюбился, али такъ часъ добрый на него найдетъ, такъ ужь награждаетъ тебя, награждаетъ, ажно тошно становится. А хозяюшка его, старая-то барыня наша — ужь какая была добрая! Въ ротъ, чтобъ этакъ до обѣда — и ни-ни!

ЖАЗИКОВЪ.

А я все-таки въ деревню не поѣду, я тамъ отъ скуки съ ума сойду.

МАТВѢЙ.

Да съ деньгами будете, батюшка вы мой, Тимоѳей Петро-

вичъ? А здѣсь, вотъ, напримѣръ, хоть бы я, холопъ вашъ, разумѣется, мнѣ что! А все же обидно. Ну вотъ извольте посмотрѣть (*распахиваетъ полы кафтана*): вѣдь только слава, что штаны. А въ деревнѣ-то благодать! Хоромы теплыя, почивай-себѣ хоть цѣлый день, кушай въ волю.... а я здѣсь, доложу вамъ, то-есть, ни разу до сытости не наѣдался. Ну, а охота-то, батюшка, охота-то за зайцами, да за краснымъ звѣремъ? Да и матушку вашу, Василису Сергѣевну, успокоить на старости лѣтъ не худо.

ЖАЗИКОВЪ.

Что же, я, пожалуй, въ деревню бы и поѣхалъ. Да вотъ бѣда: не выпустятъ оттуда. Просто нельзя будетъ оттуда вырваться. Да еще и женятъ, пожалуй, чего добраго!

МАТВѢЙ.

И съ Богомъ, батюшка, коли женятъ! Дѣло христіанское.

ЖАЗИКОВЪ.

Нѣтъ, ужь этого ты не говори; вотъ ужь этого ты не говори.

МАТВѢЙ.

Воля ваша, конечно. Ну, напримѣръ, здѣсь, Тимоѳей Петровичъ, опять-таки скажу, здѣсь у меня душа не на мѣстѣ. Ну, сохрани Богъ, украдутъ что-нибудь у насъ — пропалъ я! и по дѣломъ пропалъ: зачѣмъ не уберегъ барскаго добра. А какъ его уберечь? Оно, конечно, мое дѣло холопское; никуда не отлучаюсь.... сижу-себѣ въ передней съ утра до ночи.... а все же не то, что въ деревнѣ; все душа не покойна. Такъ иногда даже дрожь пронимаетъ; сидишь и трясешься, только Богу молишься. Днемъ-то и соснуть порядкомъ не приходится! Да и что за люди здѣсь? Подобострастья никакого; страху нѣтъ; нашъ же братъ холопъ, а куды-те! Идетъ-себѣ да поглядываетъ, словно не виноватый? Воръ на́ ворѣ — мошенникъ на мошенникѣ! Инаго, кажется, прости Господи, и сроду-то никто не училъ! Что̀ тутъ за жизнь, Тимоѳей Петровичъ, помилуйте! То-ли дѣло въ деревнѣ? уваженье какое! почетъ, тишина! Милостивецъ вы нашъ, кормилецъ вы нашъ, послушайтесь меня стараго дурака! Я и дѣдушкѣ вашему служилъ, и батюшкѣ вашему, и матушкѣ; чего-чего на вѣку

своемъ не видалъ: Тальянцевъ видалъ, и Нѣмцевъ, и Французовъ изъ Одести — всѣхъ видалъ! Вездѣ бывалъ! А ужь лучше своей деревни нигдѣ не видалъ! Эй, послушайтесь меня старика! (*Раздается звонокъ.*) Вѣдь вотъ, Тимоѳей Петровичъ, вотъ вы опять и дрогнули.... вотъ.

ЖАЗИКОВЪ.

Ну пошолъ, пошолъ, отворяй.... (*Матвѣй выходитъ, Жазиковъ остается неподвижнымъ, но за ширмы не уходитъ.*)

ГОЛОСЪ.

Monsieur Jazikoff.

МАТВѢЙ (*за сценой*).

Кого тебѣ?

ГОЛОСЪ.

Monsieur Jazikoff?

МАТВѢЙ (*за сценой*).

Нѣтъ его дома.

ГОЛОСЪ (*съ удивленіемъ*).

Niet? Comment niet? sacredieu!

МАТВѢЙ (*за сценой*).

Да кто ты такой?

ГОЛОСЪ.

Voilà ma carte, voilà ma carte.

МАТВѢЙ. (*за сценой*).

Ну, защебетала сорока проклятая.... (*Дверь запирается, Матвѣй входитъ и подноситъ Жазикову карточку.*)

ЖАЗИКОВЪ (*не смотря на нее*).

Я знаю, знаю, кто это былъ... Живописецъ, Французъ.... я же ему приказалъ прійдти сегодня для моего портрета.... впрочемъ, все равно, не бѣда; однакожь, надобно написать къ Криницыну; плохо приходится. (*Садится за столъ и пишетъ; потомъ встаетъ, подходитъ къ окну и читаетъ вполголоса*) «Любезный Ѳедя, выручи друга изъ бѣды, не дай ему погибнуть въ цвѣтѣ лѣтъ, пришли 250 руб. асс., или же 200. Деньги ты можешь вручить посланному. А я, братъ, буду тебѣ благодаренъ до гробовой доски. Пожалуйста, Ѳедя, не откажи. Будь отцомъ и благодѣтелемъ. Твой и проч.». Каже-

тся, хорошо? Ну вотъ тебѣ, Матвѣй, письмо. Ступай на извощикѣ. (*Видя, что Матвѣй хочетъ возражать*) Да вотъ, на томъ извощикѣ, которому я уже кстати долженъ. Онъ знакомый — въ долгъ свезетъ. Такъ, пожалуйста, отдай письмо и проси отвѣта, — слышишь, непремѣнно отвѣта проси!

МАТВѢЙ.

Слушаю.

ЖАЗИКОВЪ.

Ну, ступай, Матвѣй! дай Богъ тебѣ счастья и удачи. Ступай. (*Матвѣй удаляется.*) А вѣдь, чертъ возьми, какъ поразсудить хорошенько—Матвѣй-то выходитъ правъ; мнѣ нравятся его простыя, но дѣльныя возраженья: именно, въ деревнѣ лучше. Особенно лѣтомъ. Притомъ, я люблю русскую природу. Ну, на зиму можно опять пріѣхать въ Петербургъ. Правда сосѣди у насъ, большею частію, люди необразованные; но добрые и умные люди между ними есть. Съ инымъ даже пріятно разговаривать. Этакъ незамѣтно его развиваешь, направляешь.... Ничего! такъ-что даже можно пользу приносить. Ну, а на счетъ дѣвушекъ — иззѣстное дѣло: всякая дѣвушка мягкій воскъ, лѣпи изъ нея, что̀ хочешь. (*Расхаживаетъ по комнатѣ.*) Одно въ деревнѣ, признаться, не хорошо.... Бѣдность тамъ какую-нибудь видѣть, притѣсненіе.... съ моими идеями непріятно; дѣйствительно, непріятно. Ну, а за то верховая ѣзда, охота, много удовольствій, признаться.... (*Задумывается.*) Надобно будетъ, однако, себѣ платья заказать.... галстуховъ накупить.... надобно распорядиться. Охотничью курточку сшить. А напрасно я сегодня собаку не купилъ. Кстати бы пришлось. Ну, да я достану другую. Книгъ можно съ собой взять побольше; самому писать, что-нибудь такое новое, такое, что̀ никому еще въ голову не приходило... все это довольно пріятно. Зимою я бы не хотѣлъ остаться въ деревнѣ; но кто жь мнѣ приказываетъ жить въ деревнѣ зимой? Правъ, правъ Матвѣй.... не надобно пренебрегать старыми людьми. Они иногда.... да̀, именно! Ну, съ другой стороны, и съ матерью повидаться тоже вѣдь надобно. Она, пожалуй, мнѣ и денегъ дастъ. Поломается,

а дастъ. Да́, ѣду въ деревню. (*Подходитъ къ окну.*) А ка́къ мнѣ будетъ разстаться съ Петербургомъ? Прощай, Петербургъ; прощай, столица! Прощай, прощай и ты, Вѣринька! Вотъ ужь никакъ не ожидалъ я такой скорой разлуки! (*Вздыхаетъ.*) Много-много я здѣсь оставляю такого.... (*опять вздыхаетъ*) и долги свои всѣ выплачу. Поѣду! Непремѣнно, непремѣнно ѣду!... (*Раздается звонокъ.*) Фу, чертъ возьми! опять Матвѣя нѣтъ! Гдѣ онъ пропадаетъ? (*Звонокъ.*) А! кажется, это не должникъ, не такъ звонитъ что-то, да и при томъ уже время не то! (*Звонокъ.*) Пойду отворю.... Ну, смѣлѣй! что̀ за вздоръ! вѣдь я въ деревню ѣду. (*Идетъ въ переднюю; слышны чобызанья и восклицанья*) Василій Васильевичъ! это вы? какими судьбами? (*Медвѣжій голосъ отвѣчаетъ: «Я.... я».*) Снимите шубу, да пожалуйте въ комнату. (*Входитъ Жазиковъ и Василій Васильевичъ Блиновъ, степной помѣщикъ, съ огромными, крашеными усами и пухлымъ лицомъ.*)

ЖАЗИКОВЪ (*съ пріятнѣйшей улыбкой*).

Давно ли къ намъ пожаловали, любезнѣйшій Василій Васильевичъ? Ка́къ я радъ! ка́къ я радъ!... Садитесь, садитесь.... Вотъ здѣсь на этомъ креслѣ, здѣсь вамъ будетъ удобнѣе. Ахъ, Боже мой, ка́къ я радъ! глазамъ не вѣрю!

БЛИНОВЪ (*садится*).

Дай отдышиться. (*Обтираетъ потъ съ лица*) Ну, высоко же ты живешь.... Фу!

ЖАЗИКОВЪ.

Отдохните, Василій Васильевичъ, отдохните.... Ахъ, Боже мой, ка́къ я радъ! ка̀къ я вамъ благодаренъ; гдѣ вы изволили остановиться?

БЛИНОВЪ.

Въ Лондонѣ.

ЖАЗИКОВЪ.

А давно ли пріѣхать изволили?

БЛИНОВЪ.

Вчера, въ ночь. Ну, дорога! Ухабищи здоровенные такіе что только держись ...

ЖАЗИКОВЪ.

Напрасно вы безпокоились, Василій Васильевичъ; напрас-

но выѣхали сегодня.... Вамъ бы слѣдовало отдохнуть съ дороги.... прислали бы ко мнѣ....

БЛИНОВЪ.

Э! вздоръ! что̀ я за баба! (*Оглядывается и опирается кулаками въ колѣни.*) А тѣсненько ты живешь. Старуха твоя тебѣ кла̀няется; говоритъ, что ты, дескать, забылъ ее; ну, да она баба, — чай, врётъ.

ЖАЗИКОВЪ.

Такъ матушка здорова?

БЛИНОВЪ.

Ничего.... живетъ.

ЖАЗИКОВЪ.

Ну, а ваши ка́къ?

БЛИНОВЪ.

И они ничего.

ЖАЗИКОВЪ.

На долго вы къ намъ пожаловали?

БЛИНОВЪ.

А чертъ знаетъ! я по дѣлу..

ЖАЗИКОВЪ (*съ соболѣзнованіемъ*).

По дѣлу?

БЛИНОВЪ.

А то какой бы дьяволъ меня сюда притащилъ? Мнѣ и дома хорошо. Да вотъ проклятый завелся сосѣдъ — въ тяжбу втянулъ меня, проклятый....

ЖАЗИКОВЪ.

Неужели?

БЛИНОВЪ.

Втянулъ, проклятый; да ужь я жь ему.... проклятому! — Вѣдь ты служишь, а?

ЖАЗИКОВЪ.

Теперь не служу — но....

БЛИНОВЪ.

Тѣмъ лучше. Помогать мнѣ будешь, бумаги переписывать, просьбы подавать, ѣздить....

ЖАЗИКОВЪ.

Я за особенное счастіе почту, Василій Васильевичъ....

БЛИНОВЪ.

Ну конечно.... конечно. (*Останавливается и глядитъ прямо въ глаза Жазикову*) А дай-ка ты мнѣ водки, — я что-то прозябъ.

ЖАЗИКОВЪ (*суетясь*).

Водки.... Ахъ какая досада! водки-то у меня нѣтъ, а и человѣка я услалъ ... ахъ!

БЛИНОВЪ.

Водки у тебя нѣтъ? Ну, ты не въ отца. (*Видя, что Жазиковъ продолжаетъ суетиться.*) Да не нужно.... обойдусь и такъ.

ЖАЗИКОВЪ.

Человѣкъ сейчасъ вернется....

БЛИНОВЪ.

Такой завелся проклятый сосѣдъ.... отставной майоръ какой-то.... говоритъ мнѣ: межа! межевыхъ признаковъ не оказывается. Какіе тутъ признаки, говорю я; что за признаки? (*Жазиковъ слушаетъ съ подобострастнымъ вниманіемъ*). Владѣніе мое — вѣдь моё владѣнье? вѣдь моё? а онъ-то, проклятый, своихъ-то, своихъ-то и высылаетъ, и высылаетъ. Ну, мой староста, разумѣется, за своё, — господское, говоритъ не тронь. А они его и того, да вѣдь какъ! А? расправляться? сами расправляться вздумали? Запахивать? Да еще и драться? Нѣтъ-молъ, врете! Я, знаешь, самъ и нагрянулъ. Ну, они сперва, того, знаешь, на попятный дворъ. Только смотрю: ѣдетъ, верхомъ, да въ шапкѣ, прикащикъ, — говоритъ: не извольте, того, забижать; я его, того, въ зубы. Тѣ за того, тѣ за того, и пошли, и пошли. А сосѣдъ-то, проклятый, въ судъ, да просьбу. Побои, говоритъ, учинилъ, да и землю заграбилъ —Ахъ, онъ проклятый! заграбилъ — а? своё добро заграбилъ? Каково? Наѣхали голубчики; ну того, понятые, туда-сюда — заварилъ кашу, проклятый! Онъ жалобу, и я жалобу; вышла резолюція, и въ мою пользу, кажись, вышла; да Пафнутьевъ подлецъ подгадилъ. Я, того, бухъ просьбу въ губернское; а

онъ, проклятый, въ кибитку, да сюда и прикатилъ. Нѣтъ, братъ, того, врешь, я и самъ не промахъ, взялъ да поѣхалъ; вѣдь этакой проклятый сосѣдъ завелся!

ЖАЗИКОВЪ.

Скажите! какая непріятность!

БЛИНОВЪ.

Ужь какая задача вышла. Ну, а ты что? здоровъ?

ЖАЗИКОВЪ.

Слава Богу, Василій Васильевичъ, слава Богу, не могу пожаловаться.

БЛИНОВЪ.

А въ театръ ѣздишь?

ЖАЗИКОВЪ.

Ѣзжу, какъ же. Довольно часто.

БЛИНОВЪ.

Слышь, отвези-ко меня въ театръ!

ЖАЗИКОВЪ.

Съ большимъ удовольствіемъ, Василій Васильевичъ, съ особымъ удовольствіемъ.

БЛИНОВЪ.

Трагедью, того, мнѣ трагедью подавай. Да, знаешь, русскую какую-нибудь, покрутѣй, знаешь, покрутѣй.

ЖАЗИКОВЪ.

Извольте, Василій Васильевичъ, съ удовольствіемъ.

БЛИНОВЪ.

А гдѣ ты сегодня обѣдаешь?

ЖАЗИКОВЪ.

Я дядюшка? гдѣ вамъ угодно.

БЛИНОВЪ.

Повези-ка ты меня въ трактиръ, да въ хорошій, знаешь. Я, братъ, люблю того... (*Смѣется*). Да нѣтъ ли чего закусить у тебя? а?

ЖАЗИКОВЪ.

Я, право, въ отчаяніи....

БЛИНОВЪ (*пристально взглянув на него*).

Послушай-ка, Тимоша....

ЖАЗИКОВЪ.

Что прикажете?

БЛИНОВЪ.

Есть у тебя деньги?

ЖАЗИКОВЪ.

Есть, есть.... деньги у меня есть.

БЛИНОВЪ.

Ну, а я думалъ, что ты — того. Какъ же это у тебя и закусить-то нечего? а?

ЖАЗИКОВЪ.

Такъ, какъ-то не случилось, да притомъ и человѣка дома нѣту.... понять не могу, куда онъ дѣвался!

БЛИНОВЪ.

Прійдетъ.... А ты скоро обѣдаешь, что ли?

ЖАЗИКОВЪ.

А что-съ?

БЛИНОВЪ.

Да меня, того, порядкомъ разбираетъ. Такъ ты трагедью-то мнѣ покажи. Каратыгина мнѣ покажи, слышишь?

ЖАЗИКОВЪ.

Непремѣнно-съ.

БЛИНОВЪ.

Ну чтожъ? одѣвайся; пойдемъ обѣдать.

ЖАЗИКОВЪ.

Извольте, Василій Васильевичъ, сейчасъ.

БЛИНОВЪ.

Тимоша! а Тимоша?

ЖАЗИКОВЪ.

Что прикажете?

БЛИНОВЪ.

У васъ тутъ, говорятъ, мамзели стоя на лошадяхъ ѣздятъ... правда?

ЖАЗИКОВЪ.

А!... Это въ циркѣ.... какъ же, ѣздятъ.

БЛИНОВЪ.

Такъ-таки и ѣздятъ? и хорошенькія?

ЖАЗИКОВЪ.

Да, хорошенькія.

БЛИНОВЪ

Чай толстыя?

ЖАЗИКОВЪ.

Ну, не очень.

БЛИНОВЪ.

Будто? — А все-таки покажи мнѣ ихъ.

ЖАЗИКОВЪ.

Извольте, извольте-съ... (*Раздается звонокъ.*)

БЛИНОВЪ.

Это что?

ЖАЗИКОВЪ (*съ замѣшательствомъ*).

Это ко мнѣ.... (*Идетъ въ переднюю и отворяетъ дверь; слышенъ его голосъ: «а! войдите».*)

(*Входитъ человѣкъ съ свиткомъ въ рукѣ*).

ЖАЗИКОВЪ.

Что̀, вы изъ литографіи, кажется?

ЧЕЛОВѢКЪ.

Точно такъ-съ; принесъ картины-съ.

ЖАЗИКОВЪ.

Какія картины?

ЧЕЛОВѢКЪ.

А которыя вы изволили вчера отобрать.

ЖАЗИКОВЪ.

Ахъ, да! а счетъ принесли?

ЧЕЛОВѢКЪ.

Принесъ.

ЖАЗИКОВЪ (*беретъ счетъ и отходитъ къ окну*).

Сейчасъ.... сейчасъ....

БЛИНОВЪ (*человѣку*).

Ты, братецъ, здѣшній?

ЧЕЛОВѢКЪ (*съ нѣкоторымъ удивленіемъ*).

Здѣшній-съ.

БЛИНОВЪ.

Чьихъ господъ?

ЧЕЛОВѢКЪ.

Господина Куроплехина.

БЛИНОВЪ.

На оброкѣ?

ЧЕЛОВѢКЪ.

Точно такъ-съ.

БЛИНОВЪ.

А что̀ платишь въ годъ?

ЧЕЛОВѢКЪ.

Сто рублевъ....

БЛИНОВЪ.

Чтожь? по пачпорту проживаешь?

ЧЕЛОВѢКЪ.

По пачпорту-съ.

БЛИНОВЪ.

По годовому?

ЧЕЛОВѢКЪ.

Точно такъ-съ.

БЛИНОВЪ.

Ну, и живешь?

ЧЕЛОВѢКЪ.

Живу-съ, по-маленьку-съ.

БЛИНОВЪ.

Оно, братъ, и лучше помаленьку.

ЧЕЛОВѢКЪ (*сквозь зубы*).

Извѣстно-съ.

БЛИНОВЪ.

А какъ тебя зовутъ?

ЧЕЛОВѢКЪ.

Кузьмой.

БЛИНОВЪ.

Гм....

ЖАЗИКОВЪ (*подходя къ Блинову*).

Любезный Василій Васильевичъ, повѣрите ли, мнѣ чрезвычайно совѣсто.... даже неловко утруждать васъ.... но.... не

можете ли вы мнѣ дать рублей, этакъ, двадцать въ займы, дня на два, не больше....

БЛИНОВЪ.

А какъ же ты говорилъ, что у тебя деньги есть?

ЖАЗИКОВЪ.

То-есть, у меня деньги точно есть; коли хотите, у меня есть.... да мнѣ вѣдь приходится платить за квартиру, такъ знаете ли....

БЛИНОВЪ.

Изволь, дамъ. (*Вынимаетъ засаленный бумажникъ*). Сколько тебѣ, сотнягу, что ли? или двѣ?

ЖАЗИКОВЪ.

Мнѣ, по настоящему, всего нужно теперь двадцать рублей; но коли вы ужь такъ добры, такъ пожалуйте мнѣ сто-десять, или сто-пятнадцать рублей ассигнаціями.

БЛИНОВЪ.

На тебѣ двѣсти....

ЖАЗИКОВЪ.

Очень, очень вамъ благодаренъ.... и завтра же вамъ всю сумму сполна возвращу, или послѣ завтра, никакъ не позже.... (*Обращаясь къ человѣку*). Вотъ тебѣ, любезный. Я къ вамъ опять зайду сегодня, что-нибудь еще выберу.

ЧЕЛОВѢКЪ.

Покорно благодаримъ-съ. (*Уходитъ.*)

БЛИНОВЪ.

Ну, пойдемъ же обѣдать.

ЖАЗИКОВЪ.

Пойдемте, дядюшка, пойдемте. Я поведу васъ къ Сен-Жоржу, и такимъ шампанскимъ угощу....

БЛИНОВЪ.

А у этого Жоржа есть органъ?

ЖАЗИКОВЪ.

Нѣтъ, органа нѣту.

БЛИНОВЪ.

Ну такъ Богъ съ нимъ! поведи меня въ трактиръ съ органомъ.

ЖАЗИКОВЪ.

Очень-хорошо-съ. *(Входитъ Матвѣй).* А, вернулся! Ну, что, засталъ?

МАТВѢЙ.

Засталъ-съ и отвѣтъ получилъ-съ.

ЖАЗИКОВЪ (*беретъ записку и небрежно пробѣгаетъ ее*).

Ну, такъ и есть!

МАТВѢЙ (*Блинову*).

Здравствуйте, батюшка Василій Васильевичъ, пожалуйте ручку-съ.

БЛИНОВЪ (*даетъ ему руку*).

Здравствуй, братъ.

МАТВѢЙ (*кланяется*).

Какъ поживать изволите, батюшка?

БЛИНОВЪ.

Хорошо.

МАТВѢЙ.

Ну, и слава тебѣ Господи!

ЖАЗИКОВЪ (*бросаетъ записку на полъ*).

Дрянь народъ! Матвѣй! одѣваться.

МАТВѢЙ

Лакатированные сапоги изволите надѣть?

ЖАЗИКОВЪ.

Все равно....

БЛИНОВЪ.

Да развѣ ты не одѣтъ? Напяль только кафтанъ.

ЖАЗИКОВЪ.

И въ-самомъ-дѣлѣ! Ѣдемъ-съ.

БЛИНОВЪ.

Ѣдемъ. А трагедью-то ты мнѣ покажи, и мамзелекъ....

МАТВѢЙ (*тихо на ухо Жазикову*).

Что жь, батюшка, въ деревню-то когда?

ЖАЗИКОВЪ (*уходя съ Блиновымъ*).

Съ чего это ты вздумалъ? Чертъ бы побралъ твою деревню!... *(Уходятъ.)*

МАТВѢЙ (*со вздохомъ*).

Эхъ, плохо! (*Глядя вслѣдъ Блинову вздыхаетъ*). Прошло ты, золотое времечко! перевелось ты дворянское племечко! (*Уходитъ въ переднюю.*)

ГДѢ ТОНКО, ТАМЪ И РВЕТСЯ.

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

(1847)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

АННА ВАСИЛЬЕВНА ЛИБАНОВА, помѣщица 40 лѣтъ.
ВѢРА НИКОЛАЕВНА, ея дочь, 19 лѣтъ.
M-LLE BIENAIMÉ, компаньонка и гувернантка, 42 лѣтъ.
ВАРВАРА ИВАНОВНА МОРОЗОВА, родственница Либановой, 45 лѣтъ.
ВЛАДИМІРЪ ПЕТРОВИЧЪ СТАНИЦЫНЪ, сосѣдъ, 28 лѣтъ.
ЕВГЕНІЙ АНДРЕИЧЪ ГОРСКІЙ, сосѣдъ, 26 лѣтъ.
ИВАНЪ ПАВЛЫЧЪ МУХИНЪ, сосѣдъ, 30 лѣтъ.
КАПИТАНЪ ЧУХАНОВЪ, 50 лѣтъ.
ДВОРЕЦКІЙ.
СЛУГА.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ г-жи Либановой.

Театръ представляетъ залу богатаго помѣщичьяго дома; прямо—дверь въ столовую, направо въ гостиную, налѣво стеклянная дверь въ садъ. По стѣнамъ висятъ портреты, на аванъ-сценѣ столъ, покрытый журналами; фортепьяно, нѣсколько креселъ, немного позади китайскій бильярдъ; въ углу большіе стѣнные часы.

ГОРСКІЙ (*входитъ*).

Никого нѣтъ? тѣмъ лучше... Который-то часъ?... Половина десятаго. (*Подумавъ немного.*) Сегодня — рѣшительный день... Да... да... (*Подходитъ къ столу, беретъ журналъ и садится.*) Le Journal de Débats отъ 3 апрѣля новаго стиля, а мы въ іюлѣ... гм... Посмотримъ, какія новости... (*Начинаетъ читать. Изъ столовой выходитъ Мухинъ. Горскій поспѣшно оглядывается.*) Ба, ба, ба... Мухинъ! какими судьбами? когда ты пріѣхалъ?

МУХИНЪ.

Сегодня ночью, а выѣхалъ изъ города вчера въ шесть часовъ вечера. Ямщикъ мой сбился съ дороги.

ГОРСКІЙ.

Я и не зналъ, что ты знакомъ съ M-me de Libanoff.

МУХИНЪ.

Я и то здѣсь въ первый разъ. Меня представили M-me de Libanoff, какъ ты говоришь, на балѣ у губернатора; я танцо-

валъ съ ея дочерью и удостоился приглащенія. (*Оглядывается.*) А домъ у нея хорошъ!

ГОРСКІЙ.

Еще бы! первый домъ въ губерніи. (*Показываетъ ему Journal de Débats.*) Посмотри, «мы получаемъ Телеграфъ».—Шутки въ сторону, здѣсь хорошо живется... Пріятное такое смѣшенье русской деревенской жизни съ французской vie de chateau... Ты увидишь. Хозяйка... ну, вдова и богатая... а дочь...

МУХИНЪ (*перебивая Горскаго*).

Дочь премиленькая...

ГОРСКІЙ.

А! (*Помолчавъ немного.*) Да.

МУХИНЪ.

Какъ ее зовутъ?

ГОРСКІЙ (*съ торжественностью*).

Ее зовутъ Вѣрой Николаевной... За ней превосходное приданое.

МУХИНЪ.

Ну, это-то мнѣ все равно. Ты знаешь, я не женихъ.

ГОРСКІЙ.

Ты нѐ женихъ, а (*оглядывая его съ ногъ до головы*) одѣтъ женихомъ.

МУХИНЪ.

Да ты ужъ не ревнуешь ли?

ГОРСКІЙ.

Вотъ тебѣ на! Сядемъ-ка лучше да поболтаемъ, пока дамы не сошли сверху къ чаю.

МУХИНЪ.

Сѣсть я готовъ (*садится*), а болтать буду послѣ... Разскажи-ка ты мнѣ въ нѣсколькихъ словахъ, что̀ это за домъ, что̀ за люди... Ты вѣдь здѣсь старый жилецъ.

ГОРСКІЙ.

Да, моя покойница мать цѣлыхъ двадцать лѣтъ сряду терпѣть не могла г-жи Либановой... Мы давно знакомы. Я и въ Петербургѣ у ней бывалъ и за границей сталкивался съ нею. Такъ ты хочешь знать, что̀ это за люди, — изволь. M-me de

Libanoff (у ней такъ на визитныхъ карточкахъ написано, съ прибавленіемъ — née Salotopine)... M-me de Libanoff женщина добрая, сама живетъ и жить даетъ другимъ. Она не принадлежитъ къ высшему обществу; но въ Петербургѣ ея не совсѣмъ не знаютъ; генералъ Монплезиръ проѣздомъ у ней останавливается. Мужъ ея рано умеръ; а то бы она вышла въ люди. Держитъ она себя хорошо; сантиментальна немножко, избалована; гостей принимаетъ не то небрежно, не то ласково, настоящаго, знаешь, *шика* нѣту... Но хоть за то спасибо, что не тревожится, не говоритъ въ носъ и не сплетничаетъ. Домъ въ порядкѣ держитъ и имѣньемъ сама управляетъ... Административная голова! У ней родственница проживаетъ — Морозова, Варвара Ивановна, приличная дама, тоже вдова, только бѣдная. Я подозрѣваю, что она зла, какъ моська, и знаю навѣрное, что она благодѣтельницы своей терпѣть не можетъ... Но мало ли чего нѣтъ! Гувернантка-француженка въ домѣ водится, разливаетъ чай, вздыхаетъ по Парижу и любитъ le petit mot pour rire, томно подкатываетъ глазки... землемѣры и архитекторы за ней волочатся; но такъ какъ она въ карты не играетъ, а преферансъ только втроемъ хорошъ, то и держится для этого на подножномъ корму разорившійся капитанъ въ отставкѣ, нѣкто Чухановъ, съ виду усачъ и рубака, а на дѣлѣ низкопоклонникъ и льстецъ. Всѣ эти особы ужъ такъ изъ дому и не выѣзжаютъ; но у г-жи Либановой много другихъ пріятелей... всѣхъ не перечтешь... Да! я и забылъ назвать одного изъ самыхъ постоянныхъ посѣтителей, доктора Гутмана, Карла Карлыча. Человѣкъ онъ молодой, красивый, съ шелковыми бакенбардами, дѣла своего не смыслитъ вовсе, но ручки у Анны Васильевны цѣлуетъ съ умиленьемъ... Аннѣ Васильевнѣ это не непріятно, и ручки у ней недурны; жирны немножко, а бѣлы и кончики пальцевъ загнуты кверху...

МУХИНЪ (*съ нетерпѣньемъ*).

Да что жь ты о дочери ничего не говоришь?

ГОРСКІЙ.

А вотъ постой. Ее я къ концу приберегъ. Впрочемъ, что

мнѣ тебѣ сказать о Вѣрѣ Николаевнѣ? Право, не знаю. Дѣвушку въ восемнадцать лѣтъ кто разберетъ? Она еще сама вся бродитъ, какъ молодое вино. Но изъ нея можетъ славная женщина выйти. Она тонка, умна, съ характеромъ; и сердце-то у ней нѣжное, и пожить-то ей хочется, и эгоистъ она большой. Она скоро замужъ выйдетъ.

МУХИНЪ.

За кого?

ГОРСКІЙ.

Незнаю.... А только она въ дѣвкахъ не засидится.

МУХИНЪ.

Ну. разумѣется, богатая невѣста....

ГОРСКІЙ.

Нѣтъ, не оттого.

МУХИНЪ.

Отчего же?

ГОРСКІЙ

Оттого, что она поняла, что жизнь женщины начинается только со дня свадьбы; а ей хочется жить. Послушай.... но который теперь часъ?

МУХИНЪ (*поглядѣвъ на часы*).

Десять....

ГОРСКІЙ.

Десять. .. Ну, такъ я еще успѣю. Слушай. Между мной и Вѣрой Николаевной борьба идетъ страшная. Знаешь ли ты, зачѣмъ я прискакалъ сюда, сломя голову, вчера поутру?

МУХИНЪ.

Зачѣмъ? нѣтъ, не знаю.

ГОРСКІЙ.

А за тѣмъ, что сегодня одинъ молодой человѣкъ, тебѣ знакомый, намѣренъ просить ея руки.

МУХИНЪ.

Кто это?

ГОРСКІЙ.

Станицынъ.

МУХИНЪ.

Владиміръ Станицынъ?

ГОРСКІЙ.

Владиміръ Петровичъ Станицынъ, отставной гвардіи поручикъ, большой мой пріятель, впрочемъ, добрѣйшій малой. И вотъ что посуди: я же самъ его ввелъ въ здѣшній домъ. Да что̀ ввелъ! я его именно за тѣмъ и ввелъ, чтобы онъ женился на Вѣрѣ Николаевнѣ. Онъ человѣкъ добрый, скромный, недалекаго ума, лѣнивый домосѣдъ: лучшаго мужа и требовать нельзя. И она это понимаетъ. А я, какъ старинный другъ желаю ей добра.

МУХИНЪ.

Такъ ты сюда прискакалъ для того, чтобы быть свидѣтелемъ счастія твоего protégé?

ГОРСКІЙ.

Напротивъ, я пріѣхалъ сюда для того, чтобы разстроить этотъ бракъ.

МУХИНЪ.

Я тебя не понимаю.

ГОРСКІЙ.

Гм....а, кажется, дѣло ясно.

МУХИНЪ.

Ты самъ на ней жениться хочешь, что́ ли?

ГОРСКІЙ.

Нѣтъ не хочу; да и не хочу тоже, чтобъ она вышла замужъ.

МУХИНЪ.

Ты въ нее влюбленъ.

ГОРСКІЙ.

Не думаю.

МУХИНЪ.

Ты въ нее влюбленъ, другъ мой, и боишься проболтаться.

ГОРСКІЙ

Что̀ за вздоръ! Да я готовъ все тебѣ разсказать....

МУХИНЪ.

Ну, такъ ты сватаешься....

ГОРСКІЙ.

Да нѣтъ же! Во всякомъ случаѣ, я жениться на ней не намѣренъ.

МУХИНЪ.

Ты скроменъ — нечего сказать.

ГОРСКІЙ.

Нѣтъ, послушай; я говорю съ тобой теперь откровенно. Дѣло вотъ въ чемъ. Я знаю, знаю навѣрное, что еслибъ я попросилъ ея руки, она бы предпочла меня общему нашему другу, Владиміру Петровичу. Что̀ же касается до матушки, то мы оба со Станицынымъ въ ея глазахъ приличные женихи.... Она не будетъ прекословить. Вѣра думаетъ, что я въ нее влюбленъ, и знаетъ, что я боюсь брака пуще огня ... ей хочется побѣдить во мнѣ эту робость.... вотъ она и ждетъ.... Но долго ждать она не будетъ. И не оттого, чтобы она боялась потерять Станицына: этотъ бѣдный юноша горитъ и таетъ, какъ свѣчка.... но другая есть причина, почему она больше ждать не будетъ! Она начинаетъ меня пронюхивать, разбойница! подозрѣвать меня начинаетъ! Она, правду сказать, меня слишкомъ къ стѣнѣ прижать боится, да, съ другой стороны, желаетъ наконецъ узнать, что̀ же я, какія мои намѣренія. Вотъ оттого-то между нами борьба и кипитъ. Но, я чувствую, нынѣшній день — рѣшительный. Выскользнетъ эта змѣя у меня изъ рукъ, или меня задушитъ самого. Впрочемъ, я еще не теряю надежды. Авось и въ Сциллу не попаду, и Харибду миную! Одна бѣда: Станицынъ дотого влюбленъ, что и ревновать и сердиться не способенъ. Такъ и ходитъ съ разинутымъ ртомъ и сладкими глазами. Смѣшонъ онъ ужасно, да однѣми насмѣшками теперь не возьмешь.... Надо быть нѣжнымъ. Ужь я и началъ вчера. И не принуждалъ себя — вотъ что́ удивительно. Я самого себя перестаю понимать, ей Богу.

МУХИНЪ.

Какъ же это ты началъ?

ГОРСКІЙ

А вотъ какъ .Я уже тебѣ сказалъ, что я пріѣхалъ вчера довольно рано. Третьягодня вечеромъ я узналъ о намѣреніи

Станицына... Какимъ образомъ, объ этомъ распространяться нечего.... Станицынъ довѣрчивъ и болтливъ. Я не знаю, предчувствуетъ ли Вѣра Николаевна предложеніе своего обожателя — отъ нея это станется — только она вчера какъ-то особенно за мной наблюдала. Ты не можешь себѣ представить какъ трудно, даже привычному человѣку, сносить проницательный взглядъ этихъ молодыхъ, но умныхъ глазъ, особенно, когда она ихъ немного прищуритъ. Вѣроятно, ее также поразила перемѣна моего обращенія съ нею. Я слыву за человѣка насмѣшливаго и холоднаго, и очень этому радъ: съ такой репутаціей легко жить.... но вчера мнѣ пришлось прикинуться озабоченнымъ и нѣжнымъ. Къ чему лгать? Я, дѣйствительно, чувствовалъ небольшое волненіе, и сердце охотно смягчалось. Ты меня знаешь, другъ мой Мухинъ: ты знаешь, что я въ самыя великолѣпныя мгновенья человѣческой жизни не въ состояніи перестать наблюдать.... а Вѣра представляла вчера зрѣлище плѣнительное для нашего брата наблюдателя. Она и отдавалась увлеченью, если не любви — я не достоинъ такой чести — по крайней мѣрѣ; любопытства, и боялась, и не довѣряла себѣ, и сама себя не понимала.... Все это такъ мило отражалось на ея свѣжемъ личикѣ. Я цѣлый день не отходилъ отъ нея и къ вечеру почувствовалъ, что начинаю терять власть надъ самимъ собою.... О, Мухинъ! Мухинъ, продолжительная близость молодыхъ плечей, молодаго дыханья — преопасная вещь! Вечеромъ мы пошли въ садъ. Погода была удивительная.... тишина въ воздухѣ невыразимая.... M-lle Bienaimé вышла на балконъ со свѣчкой: и пламя не шевелилось. Мы долго гуляли вдвоемъ, въ виду дома, по мягкому песку дорожки, вдоль пруда. И въ водѣ и на небѣ тихонько мерцали звѣзды.... Снисходительная, но осторожная M-lle Bienaimé съ высоты балкона слѣдила за нами взоромъ.... Я предложилъ Вѣрѣ Николаевнѣ сѣсть въ лодку. Она согласилась. Я началъ грести и тихонько доплылъ до середины неширокаго пруда.... Où allez vous donc? раздался голосъ француженки.... Nulle part, отвѣчалъ я громко и положилъ весло. Nulle part, прибавилъ я вполголоса.... Nous sommes trop bien ici. Вѣра потупилась,

улыбнулась и начала кончикомъ зонтика чертить по водѣ.... Милая, задумчивая улыбка округляла ея младенческія щеки.... она собиралась говорить и только вздыхала, да такъ весело, вотъ какъ дѣти вздыхаютъ. Ну, что̀ мнѣ тебѣ еще сказать? Я послалъ къ черту всѣ свои предосторожности, намѣренія и наблюденія, былъ счастливъ и былъ глупъ, читалъ ей наизустъ стихи.... ей-богу.... ты не вѣришь? ну, ей-богу же читалъ, и еще дрожащимъ голосомъ..., За ужиномъ я сидѣлъ подлѣ нея.... Да.... это все хорошо.... Дѣла мои въ отличномъ положеніи, и еслибъ я хотѣлъ жениться.... Но вотъ въ чемъ бѣда. А ее не обманешь.... нѣтъ. Иные говорятъ, женщины отлично на шпагахъ дерутся. И у ней не выбьешь шпаги изъ рукъ. Впрочемъ, посмотримъ сегодня.... Во всякомъ случаѣ, я удивительный вечеръ провелъ... А ты что̀-то задумался, Иванъ Павлычъ?

МУХИНЪ.

Я? я думаю, что если ты не влюбленъ въ Вѣру Николаевну, такъ ты либо чудакъ большой, либо невыносимый эгоистъ.

ГОРСКІЙ.

Можетъ быть, можетъ быть; да и кто.... Тс! идутъ.... Aux armes! я надѣюсь на твою скромность.

МУХИНЪ.

О! разумѣется.

ГОРСКІЙ (*глянувъ въ дверь гостиной*).

А! M-lle Bienaimé.... Всегда первая.... поневолѣ.... Ее чай ждетъ. *(Входитъ M-lle Bienaimé. Мухинъ встаетъ и кланяется. Горскій подходитъ къ ней)*. Mademoiselle j' ai l'honneur de vous saluer.

M-LLE BIENAIMÉ (*пробираясь въ столовую и изъ подлобья поглядывая на Горскаго*).

Bien le bonjour, Monsieur.

ГОРСКІЙ.

Toujours fraiche comme une rose.

M-LLE BIENAIMÉ (*съ ужимкой*).

Et vous toujours galant. Venez, j'aï quelquechose à vous dire. *(Уходитъ съ Горскимъ въ столовую.)*

МУХИНЪ (*одинъ*).

Чтò за чудакъ этотъ Горскій! И кто его просилъ меня выбрать въ повѣренные? (*Прохаживается*). Ну, за дѣломъ я пріѣзжалъ.... Еслибъ можно было....

Стеклянная дверь въ садъ быстро растворяется. Входитъ Вѣра въ бѣломъ платьѣ. У ней въ рукахъ свѣжая роза. Мухинъ оглядывается и кланяется съ замѣшательствомъ; Вѣра останавливается въ недоумѣніи.

МУХИНЪ.

Вы.... вы не узнаете меня... я....

ВѢРА.

Ахъ, М-г.... М-г.... Мухинъ; я никакъ не ожидала.... когда вы пріѣхали?

МУХИНЪ.

Сегодня ночью.... Вообразите, мой ямщикъ....

ВѢРА (*перебивая его*).

Маменька очень будетъ рада. Надѣюсь, что вы у насъ погостите.... (*Оглядывается.*)

МУХИНЪ.

Вы, можетъ быть, ищете Горскаго.... Онъ сейчасъ вышелъ.

ВѢРА.

Почему вы думаете, что я ищу г. Горскаго.

МУХИНЪ (*не безъ замѣшательства*).

Я.... я думалъ....

ВѢРА.

Вы съ нимъ знакомы?

МУХИНЪ.

Давно; мы съ нимъ вмѣстѣ служили.

ВѢРА (*подходя къ окну*).

Какая сегодня прекрасная погода!

МУХИНЪ.

Вы уже гуляли въ саду?

ВѢРА.

Да.... я рано встала ... (*Глядитъ на край своего платья и на ботинки*). Такая роса....

МУХИНЪ (*съ улыбкой*).

И роза ваша, посмотрите, вся въ росѣ....

ВѢРА (*глядитъ на нее*).

Да....

МУХИНЪ.

Позвольте спросить.... вы для кого ее сорвали?

ВѢРА.

Какъ для кого? для себя.

МУХИНЪ (*значительно*).

А!

ГОРСКІЙ (*выходя изъ столовой*).

Хочешь чаю, Мухинъ? (*Увидя Вѣру*). Здравствуйте, Вѣра Николаевна!

ВѢРА

Здравствуйте.

МУХИНЪ (*поспѣшно и съ притворнымъ равнодушіемъ къ Горскому*).

А чай развѣ готовъ? Ну, такъ я пойду. (*Уходитъ въ столовую.*)

ГОРСКІЙ.

Вѣра Николаевна, дайте жь мнѣ вашу руку.... (*Она молча подаетъ ему руку*). Чтò съ вами?

ВѢРА.

Скажите мнѣ, Евгеній Андреичъ, вашъ новый пріятель M-r Мухинъ глупъ?

ГОРСКІЙ (*съ недоумѣніемъ*).

Не знаю.... говорятъ не глупъ. Но чтò за вопросъ....

ВѢРА.

Вы съ нимъ большіе пріятели?

ГОРСКІЙ.

Я съ нимъ знакомъ.... но чтò жь.... развѣ онъ вамъ что-нибудь сказалъ?

ВѢРА (*поспѣшно*).

Ничего.... Ничего.... я такъ.... Какое чудесное утро!

ГОРСКІЙ (*указывая на розу*).

Я вижу, вы уже гуляли сегодня.

ВѢРА.

Да.... М-г.... Мухинъ меня уже спрашивалъ, кому я сорвала эту розу.

ГОРСКІЙ.

Что̀ жь вы ему отвѣчали?

ВѢРА.

Я ему отвѣчала, что для себя.

ГОРСКІЙ.

И, въ самомъ дѣлѣ, вы ее для себя сорвали?

ВѢРА.

Нѣтъ, для васъ. Вы видите, я откровенна.

ГОРСКІЙ.

Такъ дайте жь мнѣ ее.

ВѢРА.

Теперь я не могу: я принуждена заткнуть ее себѣ за поясъ. или подарить ее M-lle Bienaimé. Какъ это весело! И подѣломъ. Зачѣмъ вы не первый сошли внизъ.

ГОРСКІЙ.

Да я и такъ прежде всѣхъ былъ здѣсь.

ВѢРА.

Такъ зачѣмъ я васъ не перваго встрѣтила.

ГОРСКІЙ.

Этотъ несносный Мухинъ....

ВѢРА (*поглядѣвъ на него сбоку*).

Горскій! вы со мной хитрите.

ГОРСКІЙ.

Какъ....

ВѢРА.

Ну, это я вамъ послѣ докажу.... А теперь пойдемте чай пить.

ГОРСКІЙ (*удерживая ее*).

Вѣра Николаевна! послушайте, вы меня знаете. Я человѣкъ недовѣрчивый, странный; съ виду я насмѣшливъ и развязенъ, а на самомъ дѣлѣ я, просто, робокъ.

ВѢРА.

Вы?

ГОРСКІЙ.

Я. Притомъ, все, что̀ со мной происходитъ, такъ для меня ново.... Вы говорите, я хитрю.... Будьте снисходительны со мной.... войдите въ мое положеніе. (*Вѣра молча поднимаетъ глаза и пристально смотритъ на него.*) Я васъ увѣряю, мнѣ еще никогда не случалось говорить съ женщиной такъ, какъ я съ вами говорю.... оттого мнѣ бываетъ трудно.... Ну, да, я привыкъ притворяться.... Но не глядите такъ на меня.... Ей-богу, я заслуживаю поощренья.

ВѢРА.

Горскій! меня легко обмануть.... Я выросла въ деревнѣ и мало видѣла людей.... меня легко обмануть; да къ чему? Славы вамъ большой отъ этого не будетъ... А играть со мною.... Нѣтъ, я этому не хочу вѣрить.... Я этого не заслуживаю, да и вы не захотите....

ГОРСКІЙ.

Играть съ вами.... Да поглядите на себя.... Да эти глаза насквозь все видятъ. (*Вѣра тихонько отворачивается.*) Да знаете ли вы, что когда я съ вами, я не могу.... ну, рѣшительно не могу не высказать всего, что̀ я думаю.... Въ вашей тихой улыбкѣ, въ вашемъ спокойномъ взорѣ, въ вашемъ молчаніи даже, есть что-то дотого повелительное....

ВѢРА (*перебивая его*).

А вамъ не хочется высказаться? Вамъ все хочется лукавить?

ГОРСКІЙ.

Нѣтъ.... Но послушайте, говоря правду, кто изъ насъ высказывается весь? хоть вы, напримѣръ....

ВѢРА (*опять перебивая его и съ усмѣшкой глядя на него*).

Именно кто высказывается весь?

ГОРСКІЙ.

Нѣтъ, я о васъ теперь говорю. Напримѣръ, скажите мнѣ откровенно, ждете вы сегодня кого-нибудь?

ВѢРА (*спокойно*).

Да. Станицынъ, вѣроятно, сегодня къ намъ пріѣдетъ.

ГОРСКІЙ.

Вы ужасная женщина. У васъ даръ, ничего не скрывая, ничего не высказать.... La franchise est la meilleure des diplomaties, вѣроятно, потому, что одно не мѣшаетъ другому.

ВѢРА.

Стало быть, и вы знали, что онъ долженъ пріѣхать.

ГОРСКІЙ (*съ легкимъ смущеніемъ*).

Зналъ.

ВѢРА (*нюхая розу*).

А вашъ М-г. Мухинъ тоже.... знаетъ?

ГОРСКІЙ.

Что̀ вы меня все о Мухинѣ спрашиваете? Отчего вы....

ВѢРА (*перебивая его*).

Ну, полноте, не сердитесь.... Хотите, мы послѣ чаю пойдемъ въ садъ? Мы съ вами поболтаемъ.... Я у васъ спрошу....

ГОРСКІЙ (*поспѣшно*).

Что̀?

ВѢРА.

Вы любопытны.... Мы съ вами поговоримъ.... о важномъ дѣлѣ. (*Изъ столовой раздается голосъ M-lle Bienaimé: C'est vous, Véra?*)

ВѢРА (*вполголоса*).

Какъ будто она прежде не слышала, что я здѣсь. (*Громко*) Oui, c'est moi, bonjour, je viens. (*Уходя, бросаетъ розу на столъ и говоритъ въ дверяхъ Горскому.*) Приходите же. (*Уходитъ въ столовую.*)

ГОРСКІЙ (*медленно беретъ розу и остается нѣсколько времени неподвижнымъ*).

Евгеній Андреичъ, другъ мой, я долженъ сказать вамъ откровенно, что вамъ, сколько мнѣ кажется, этотъ бѣсенокъ не подъ-силу. Вы вертитесь и такъ и сякъ, а она и пальчикомъ не шевельнетъ, и, между тѣмъ, пробалтываетесь-то вы. А впрочемъ, что̀ же? Либо я одолѣю — тѣмъ лучше, либо я проиграю сраженье — на такой женщинѣ не стыдно жениться. Оно жутко, точно.... да, съ другой стороны, къ чему беречь свободу? Намъ съ вами пора перестать ребячиться. Однако, по-

стойте, Евгеній Андреичъ, постойте, вы что-то скоро сдаетесь. (*Глядитъ на розу.*) Чтò ты значишь, мой бѣдный цвѣтокъ? (*Быстро оборачивается*) А! маменька съ своей подругой.... (*Бережно кладетъ розу въ карманъ. Изъ гостиной входитъ г-жа Либанова съ Варварой Ивановной. Горскій идетъ къ нимъ на встрѣчу.*) Bonjour, mesdames! какъ вы почивали?

Г-ЖА ЛИБАНОВА (*даетъ ему кончики пальцевъ*).

Bonjour, Eugène.... У меня голова сегодня немного болитъ.

ВАРВАРА ИВАНОВНА.

Вы поздно ложитесь, Анна Васильевна!

Г-ЖА ЛИБАНОВА.

Можетъ быть.... А гдѣ Вѣра? Вы ее видѣли?

ГОРСКІЙ.

Она въ столовой за чаемъ съ M-lle Bienaimé и Мухинымъ.

Г-ЖА ЛИБАНОВА.

Ахъ, да, Mr. Мухинъ, говорятъ, сегодня ночью пріѣхалъ. Вы его знаете? (*Садится.*)

ГОРСКІЙ.

Я съ нимъ давно знакомъ. Вы не идете чай пить?

Г-ЖА ЛИБАНОВА.

Нѣтъ, у меня отъ чаю волненье дѣлается.... Гутманъ мнѣ запретилъ. Но я васъ не удерживаю.... Ступайте, ступайте, Варвара Ивановна! (*Варвара Ивановна уходитъ.*) А вы, Горскій, остаетесь?

ГОРСКІЙ.

Я уже пилъ.

Г-ЖА ЛИБАНОВА.

Какой прекрасный день! Le capitaine — видѣли вы его?

ГОРСКІЙ.

Нѣтъ, не видѣлъ; онъ, должно быть, по обыкновенію, по саду гуляетъ.... ищетъ грибовъ.

Г-ЖА ЛИБАНОВА.

Вообразите, какую онъ вчера игру выигралъ.... Да сядьте... чтò жь вы стоите? (*Горскій садится.*) У меня семь въ бубнахъ и король съ тузомъ червей, — червей, замѣтьте.

Я говорю: играю; Варвара Ивановна пасъ, разумѣется; этотъ злодѣй говоритъ тоже: играю; я семь, и онъ семь; я въ бубнахъ: онъ въ червяхъ. Я приглашаю; но у Варвары Ивановны, какъ всегда, ничего нѣту. И что жь она, какъ вы думаете? возьми и поди въ маленькую пику.... А у меня король самъ другъ. Ну, разумѣется, онъ выигралъ.... Ахъ, кстати, мнѣ въ городъ послать надобно.... (*Звонитъ.*)

ГОРСКІЙ.

Зачѣмъ?

ДВОРЕЦКІЙ (*входитъ изъ столовой*).

Что прикажете?

Г-ЖА ЛИВАНОВА.

Пошли въ городъ Гаврила за мѣлками.... знаешь, какіе я люблю.

ДВОРЕЦКІЙ.

Слушаю-съ.

Г-ЖА ЛИВАНОВА.

Да скажи, чтобы побольше ихъ взяли.... А что покосъ?

ДВОРЕЦКІЙ.

Слушаю-съ. Покосъ продолжается.

Г-ЖА ЛИВАНОВА.

Ну, хорошо. Да гдѣ Илья Ильичъ?

ДВОРЕЦКІЙ.

Въ саду гуляютъ-съ.

Г-ЖА ЛИВАНОВА.

Въ саду.... Ну, позови его.

ДВОРЕЦКІЙ.

Слушаю-съ.

Г-ЖА ЛИВАНОВА.

Ну, ступай.

ДВОРЕЦКІЙ.

Слушаю-съ. (*Уходитъ въ стеклянную дверь.*)

Г-ЖА ЛИВАНОВА (*глядя на свои руки*).

Что жь мы сегодня будемъ дѣлать, Eugène? Вы знаете, я во всемъ на васъ полагаюсь. Придумайте что-нибудь весе-

лое.... Я сегодня въ духѣ. Чтò, этотъ M-r Мухинъ хорошій молодой человѣкъ?

ГОРСКІЙ.

Прекрасный.

Г-ЖА ЛИБАНОВА.

Il n'est pas gênant?

ГОРСКІЙ.

О, нисколько.

Г-ЖА ЛИБАНОВА.

И въ преферансъ играетъ?

ГОРСКІЙ.

Какже....

Г-ЖА ЛИБАНОВА.

Ah! mais c'est très bien.... Eugène, дайте мнѣ подъ ноги табуретку. (*Горскій приноситъ табуретку.*) Merci.... А вотъ и капитанъ идетъ.

ЧУХАНОВЪ (*входитъ изъ саду; у него въ фуражкѣ грибы*).

Здравствуйте, матушка вы моя! пожалуйте-ка ручку.

Г-ЖА ЛИБАНОВА (*томно протягивая ему руку*).

Здравствуйте, злодѣй!

ЧУХАНОВЪ (*два раза сряду цѣлуетъ ея руку и смѣется*).

Злодѣй, злодѣй... А все проигрываю-то я. Евгенію Андреичу мое нижайшее.... (*Горскій кланяется*; *Чухановъ глядитъ на него и качаетъ головой.*) Эка молодецъ! Ну что бы въ военную? А? Ну, какъ вы, моя матушка, какъ себя чувствуете? Вотъ я вамъ грибковъ набралъ.

Г-ЖА ЛИБАНОВА

Зачѣмъ вы корзинки не берете, капитанъ? Какъ можно грибы въ фуражку класть?

ЧУХАНОВЪ.

Слушаю, матушка, слушаю. Нашему брату, старому солдату, онò, конечно, ничего. Ну, а для васъ точно.... Слушаю. Я вотъ ихъ сейчасъ на тарелочку высыплю. А чтò, пташечка наша Вѣра Николаевна изволили проснуться?

Г-ЖА ЛИБАНОВА (*не отвѣчая Чуханову, къ Горскому*).

Dites-moi, этотъ M-r Мухинъ богатъ?

ГОРСКІЙ.

У него двѣсти душъ.

Г-ЖА ЛИБАНОВА (*равнодушно*).

А! да что̀ они такъ долго чай пьютъ?

ЧУХАНОВЪ.

Прикажете штурмовать ихъ, матушка? Прикажите! мигомъ одолѣемъ.... Не подъ такія фортеціи хаживали... Такихъ бы вотъ намъ только полковниковъ, какъ Евгеній Андреичъ....

ГОРСКІЙ.

Какой же я полковникъ, Илья Ильичъ? Помилуйте!

ЧУХАНОВЪ.

Ну, не чиномъ, такъ фигурой.... Я про фигуру, про фигуру говорю....

Г-ЖА ЛИБАНОВА.

Да, капитанъ.... подите.... посмотрите, что̀ они, отпили чай?

ЧУХАНОВЪ.

Слушаю, матушка.... (*Идетъ.*) А! да вотъ и они. (*Входятъ Вѣра, Мухинъ, M-lle Bienaimé, Варвара Ивановна.*) Мое почтеніе всей компаніи.

ВѢРА (*мимоходомъ*).

Здравствуйте... (*Бѣжитъ къ Аннѣ Васильевнѣ.*) Bonjour, maman.

Г-ЖА ЛИБАНОВА (*цѣлуя ее въ лобъ*).

Bonjour, petite.... (*Мухинъ раскланивается.*) M-r Мухинъ, милости просимъ.... Я очень рада, что вы насъ не забыли....

МУХИНЪ.

Помилуйте.... я.... столько чести....

Г-ЖА ЛИБАНОВА (*Вѣрѣ*).

А ты, я вижу, уже по саду бѣгала, шалунья.... (*Мухину.*) Вы еще не видѣли нашего сада? Il est grand. Много цвѣтовъ. Я ужасно люблю цвѣты. Впрочемъ, у насъ всякъ воленъ дѣлать что̀ хочетъ: liberté entière....

МУХИНЪ (*улыбаясь*).

C'est charmant.

Г-ЖА ЛИБАНОВА.

Это мое правило.... Терпѣть не могу эгоизма. И другимъ тяжело и самому себѣ не легче. Вотъ спросите у нихъ.... (*Указывая на всѣхъ вообще. Варвара Ивановна сладко улыбается.*)

МУХИНЪ (*тоже улыбаясь*).

Мой прiятель Горскiй мнѣ уже сказывалъ. (*Помолчавъ немного*) Какой у васъ прекрасный домъ!

Г-ЖА ЛИБАНОВА.

Да, хорошъ. C'est Rastrelli, vous savez, qui en a donné le plan, дѣду моему графу Любину.

МУХИНЪ (*одобрительно и съ уваженiемъ*).

А!...

(*Въ теченiе всего этого разговора Вѣра нарочно отворачивалась отъ Горскаго и подходила то къ M-lle Bienaimé, то къ Морозовой. Горскiй тотчасъ это замѣтилъ и украдкой поглядывалъ на Мухина.*)

Г-ЖА ЛИБАНОВА (*обращаясь ко всему обществу*).

Чтожь вы гулять не йдете?

ГОРСКIЙ.

Да, пойдемте же въ садъ.

ВѢРА (*все не глядя на него*).

Теперь жарко.... Скоро двѣнадцатый часъ.... Теперь самый жаръ.

Г-ЖА ЛИБАНОВА.

Какъ хотите.... (*Мухину.*) У насъ бильярдъ есть.... Впрочемъ, liberté entière, вы знаете.... А мы, знаете ли что̀, капитанъ, мы въ карточки засядемъ.... Оно рано немножко.... Да вотъ Вѣра говоритъ, что гулять нельзя....

ЧУХАНОВЪ (*которому вовсе не хочется играть*).

Давайте, матушка, давайте... Что̀ за рано? Надо вамъ отъиграться.

Г-ЖА ЛИБАНОВА.

Какже... какже... (*Съ нерѣшимостью къ Мухину.*) M-r Мухинъ... вы, говорятъ, любите преферансъ... Не хотите ли? M-lle Bienaimé у меня не умѣетъ, а я давно не играла вчетверкомъ.

МУХИНЪ (*никакъ не ожидавшій подобнаго приглашенія*).

Я... я съ удовольствіемъ...

Г-ЖА ЛИБАНОВА.

Vous êtes fort aimable..... Впрочемъ, вы не церемоньтесь, пожалуйста.

МУХИНЪ.

Нѣтъ-съ... я очень радъ...

Г-ЖА ЛИБАНОВА.

Ну, такъ давайте... мы въ гостиную пойдемъ... Тамъ ужь и столъ готовъ... M-r Мухинъ! donnez moi votre bras... (*Встаетъ.*) А вы, Горскій, придумайте намъ что-нибудь для нынѣшняго дня... слышите? Вѣра вамъ поможетъ.... (*Идетъ въ гостиную.*)

ЧУХАНОВЪ (*подходя къ Варварѣ Ивановнѣ*).

Позвольте жь и мнѣ предложить вамъ мои услуги...

ВАРВАРА ИВАНОВНА (*съ досадой суетъ ему руку*).

Ну, ужь вы...

(*Обѣ четы тихонько уходятъ въ гостиную. Въ дверяхъ Анна Васильевна оборачивается и говоритъ M-lle Bienaimé: «Ne fermez pas la porte»... M-lle Bienaimé возвращается съ улыбкой, садится на первомъ планѣ налѣво и съ озабоченнымъ видомъ берется за канву. Вѣра, которая, нѣкоторое время стояла въ нерѣшительности — оставаться ли ей, или идти за матерью, вдругъ идетъ къ фортепьяно, садится и начинаетъ играть. Горскій тихонько подходитъ къ ней.*)

ГОРСКІЙ (*послѣ небольшаго молчанія*).

Что̀ это вы такое играете, Вѣра Николаевна?

ВѢРА (*не глядя на него*).

Сонату Клементи.

ГОРСКІЙ.

Боже мой! какая старина!

ВѢРА.

Да, это престарая и прескучная вещь.

ГОРСКІЙ.

Зачѣмъ же вы ее выбрали? И что̀ за фантазія сѣсть вдругъ

за фортепьяно!.. Развѣ вы забыли, что вы мнѣ обѣщали пойти со мною въ садъ?

ВѢРА

Я именно за тѣмъ и сѣла за фортепьяно, чтобъ не идти гулять съ вами.

ГОРСКІЙ.

За что̀ же вдругъ такая немилость? Что̀ за капризъ?

M-LLE BIENAIMÉ.

Ce n'est pas joli ce que vous jouez là, Vèra...

ВѢРА (*громко*).

Je crois bien. (*Къ Горскому, продолжая играть.*) Послушайте, Горскій, я не умѣю и не люблю кокетничать и капризничать. Я для этого слишкомъ горда. Вы сами знаете, что я теперь не капризничаю... Но я сердита на васъ.

ГОРСКІЙ.

За что̀?

ВѢРА.

Я оскорблена вами.

ГОРСКІЙ

Я васъ оскорбилъ?

ВѢРА (*продолжая разбирать сонату*).

Вы бы, по крайней мѣрѣ, выбрали довѣреннаго получше. Не успѣла я войти въ столовую, какъ ужь этотъ М-г... Мг... какъ бишь его?.. М-г Мухинъ замѣтилъ мнѣ, что моя роза, вѣроятно, дошла наконецъ до своего назначенія... Потомъ, видя, что я не отвѣчаю на его любезности, онъ вдругъ пустился васъ хвалить, да такъ неловко... Отчего это друзья всегда такъ неловко хвалятъ?... И вообще такъ таинственно себя держалъ, такъ скромно помалчивалъ, съ такимъ уваженьемъ и сожалѣньемъ на меня посматривалъ... Я его терпѣть не могу.

ГОРСКІЙ.

Что̀ же вы изъ этого заключаете?

ВѢРА.

Я заключаю, что М-г Мухинъ... a l'honneur de recevoir vos confidences. (*Сильно стучитъ по клавишамъ.*)

ГОРСКІЙ.

Почему вы думаете... И что̀ могъ я ему сказать...

ВѢРА.

Я не знаю, что̀ вы сказать ему могли... Что вы за мной волочитесь, что вы смѣетесь надо мной, что вы собираетесь вскружить мнѣ голову, что я васъ очень забавляю. (*M-lle Bienaimé сухо кашляетъ.*) Qu'est ce que vous avez, bonne amie? Pourquoi toussez vous?

M-LLE BIENAIMÉ.

Rien, rien... je ne sais pas... cette sonate doit être bien difficile.

ВѢРА (*вполголоса*).

Какъ она мнѣ надоѣдаетъ... (*Къ Горскому.*) Что жь вы молчите?

ГОРСКІЙ.

Я? отчего я молчу? я самого себя спрашиваю: виноватъ ли я передъ вами? Точно, каюсь: виноватъ. Языкъ мой — врагъ мой. Но послушайте, Вѣра Николаевна... Помните, я вамъ вчера читалъ Лермонтова, помните, гдѣ онъ говоритъ о томъ сердцѣ, въ которомъ такъ безумно съ враждой боролась любовь.. (*Вѣра тихо поднимаетъ глаза.*) Ну, ну, вотъ я и не могу продолжать, когда вы на меня такъ смотрите...

ВѢРА (*пожимаетъ плечами*).

Полноте....

ГОРСКІЙ.

Послушайте.... Сознаюсь вамъ откровенно: мнѣ не хочется, мнѣ страшно поддаться тому невольному очарованію, котораго я наконецъ не могу же не признать.... Я всячески стараюсь отъ него отдѣлаться, словами, насмѣшками, разсказами.... Я болтаю, какъ старая дѣвка, какъ ребенокъ....

ВѢРА.

Зачѣмъ же это? Отчего намъ не остаться хорошими друзьями?.... Развѣ отношенія между нами не могутъ быть просты и естественны?

ГОРСКІЙ.

Просты и естественны..... Легко сказать.... (*Рѣшительно.*) Ну, да, я виноватъ передъ вами и прошу у васъ прощенія:

я хитрилъ и хитрю.... но я могу васъ увѣрить, Вѣра Николаевна, что какія бы ни были мои предположенія и рѣшенія въ вашемъ отсутствіи, съ первыхъ вашихъ словъ всѣ эти намѣренія разлетаются, какъ дымъ, и, я чувствую, вы будете смѣяться, я чувствую, что я нахожусь въ вашей власти....

ВѢРА (*понемногу переставая играть*).

Вы мнѣ говорили тоже самое вчера вечеромъ....

ГОРСКІЙ.

Потому что я тоже самое чувствовалъ вчера. Я рѣшительно отказываюсь лукавить съ вами.

ВѢРА (*съ улыбкой*).

А! видите!

ГОРСКІЙ.

Я ссылаюсь на васъ самихъ: вы должны же знать наконецъ, что я васъ не обманываю, когда я вамъ говорю....

ВѢРА (*перебивая его*).

Что я вамъ нравлюсь.... еще бы!

ГОРСКІЙ (*съ досадой*).

Вы сегодня недоступны и недовѣрчивы, какъ семидесятилѣтній ростовщикъ! (*Онъ отворачивается; оба молчатъ нѣкоторое время.*)

ВѢРА (*едва продолжая наигрывать*).

Хотите, я вамъ съиграю вашу любимую мазурку?

ГОРСКІЙ.

Вѣра Николаевна! не мучьте меня.... Клянусь вамъ....

ВѢРА (*весело*).

Ну, полноте, давайте руку. Вы прощены. (*Горскій поспѣшно жметъ ей руку.*) Nous faisons la paix, bonne amie.

M-LLE BIENAIMÉ (*съ притворнымъ удивленіемъ*).

Ah! Est-ce que vous vous étiez querellés?

ВѢРА (*вполголоса*).

О, невинность! (*Громко.*) Oui, un peu. (*Горскому.*) Ну, хотите, я вамъ съиграю вашу мазурку?

ГОРСКІЙ.

Нѣтъ; эта мазурка слишкомъ грустна.... Въ ней слышится какое-то горькое стремленіе въ даль; а мнѣ, увѣряю васъ, мнѣ

и здѣсь хорошо. Съиграйте мнѣ что-нибудь веселое, свѣтлое, живое, чтобы играло и сверкало на солнцѣ, словно рыбка въ ручьѣ.... (*Вѣра задумывается на мгновеніе и начинаетъ играть блестящій вальсъ.*) Боже мой! какъ вы милы! Вы сами похожи на такую рыбку.

ВѢРА (*продолжая играть*).

Я вижу отсюда M-r Мухина.... Какъ ему должно быть весело! Я увѣрена, что онъ то-и-дѣло ремизится.

ГОРСКІЙ.

Ништо ему.

ВѢРА (*послѣ небольшаго молчанія и все продолжая играть*).

Скажите, отчего Станицынъ никогда не досказываетъ своихъ мыслей?

ГОРСКІЙ.

Видно, у него ихъ много.

ВѢРА.

Вы злы. Онъ неглупъ; онъ предобрый человѣкъ. Я его люблю.

ГОРСКІЙ

Онъ превосходный, солидный человѣкъ.

ВѢРА.

Да.... Но отчего платье на немъ всегда такъ дурно сидитъ? словно новое, только что отъ портнаго? (*Горскій не отвѣчаетъ и молча глядитъ на нее.*) О чемъ вы думаете?

ГОРСКІЙ.

Я думалъ.... Я воображалъ себѣ небольшую комнатку, только не въ нашихъ снѣгахъ, а гдѣ-нибудь на югѣ, въ прекрасной, далекой сторонѣ.

ВѢРА.

А вы сейчасъ говорили, что вамъ не хочется въ даль....

ГОРСКІЙ.

Одному не хочется.... Кругомъ ни одного человѣка знакомаго, звуки чужаго языка изрѣдка раздаются на улицѣ, изъ раскрытаго окна вѣетъ свѣжестью близкаго моря.... бѣлый занавѣсъ тихо округляется, какъ парусъ, дверь раскрыта въ садъ, и на порогѣ, подъ легкой тѣнью плюща....

ВѢРА (*съ замѣшательствомъ*).

О, да вы поэтъ....

ГОРСКІЙ.

Сохрани меня Богъ. Я только вспоминаю.

ВѢРА.

Вы вспоминаете?

ГОРСКІЙ.

Природу — да; остальное.... все, что̀ вы не дали договорить — сонъ.

ВѢРА.

Сны не сбываются.... въ дѣйствительности.

ГОРСКІЙ.

Кто это вамъ сказалъ? M-lle Bienaimé? Предоставьте, ради Бога, всѣ подобныя изрѣченія женской мудрости сорока-пятилѣтнимъ дѣвицамъ и лимфатическимъ юношамъ. Дѣйствительность.... да какое самое пламенное, самое творческое вообраҗеніе угонится за дѣйствительностію, за̀ природой? Помилуйте.... какой-нибудь морской ракъ во сто тысячъ разъ фантастичнѣе всѣхъ разсказовъ Гофмана; и какое поэтическое произведеніе генія можетъ сравниться.... ну, вотъ хоть съ этимъ дубомъ, который растетъ у васъ въ саду, на горѣ?

ВѢРА.

Я готова вамъ вѣритъ, Горскій!

ГОРСКІЙ.

Повѣрьте, самое преувеличенное, самое восторженное счастіе, придуманное прихотливымъ воображеньемъ празднаго человѣка, не можетъ сравниться съ тѣмъ блаженствомъ, которое дѣйствительно доступно ему.... если онъ только останется здоровымъ, если судьба его не возненавидитъ, если его имѣнія не продадутъ съ аукціоннаго торгу, и если наконецъ онъ самъ хорошенько узнаетъ, чего ему хочется.

ВѢРА.

Только!

ГОРСКІЙ.

Но вѣдь мы.... но вѣдь я здоровъ, молодъ, мое имѣніе це заложено:...

ВѢРА.

Но вы не знаете, чего вамъ хочется....

ГОРСКІЙ (*рѣшительно*).

Знаю.

ВѢРА (*вдругъ взглянувъ на него*).

Ну, скажите, коли знаете.

ГОРСКІЙ.

Извольте. Я хочу, чтобы вы....

СЛУГА (*входитъ изъ столовой и докладываетъ*).

Владиміръ Петровичь Станицынъ.

ВѢРА (*быстро поднимаясь съ мѣста*).

Я не могу его теперь видѣть.... Горскій! я, кажется, васъ поняла наконецъ.... Примите его, вмѣсто меня.... вмѣсто меня, слышите.... puisque tout est arrangé.... (*Она уходитъ въ гостиную.*)

M-LLE БИЛЬАІМЭ.

Eh bien? Elle s'en va?

ГОРСКІЙ (*не безъ смущенія*).

Oui.... Elle est allée voir....

M-LLE БИЛЬАІМЭ (*качая головой*).

Quelle petite folle! (*Встаетъ и тоже уходитъ въ гостиную.*)

ГОРСКІЙ (*послѣ небольшаго молчанія*).

Чтожь это я? Женатъ?... «Я, кажется, васъ поняла наконецъ»... Вишь, куда она гнетъ.... «puisque tout est arrangé». Да я ее терпѣть не могу въ эту минуту! Ахъ, я хвастунъ, хвастунъ! Передъ Мухинымъ я какъ храбрился, а теперь вотъ.... Въ какія поэтическія фантазіи я вдавался! Только недоставало обычныхъ словъ: спросите маменьку.... Фу!... какое глупое положеніе! Такъ или сякъ, надо кончить дѣло. Кстати пріѣхалъ Станицынъ. О, судьба, судьба! скажи мнѣ на милость, смѣешься ты надо мною, что ли, или помогаешь мнѣ? А вотъ посмотримъ.... Но хорошъ же мой дружокъ Иванъ Павлычъ....

(*Входитъ Станицынъ. Онъ одѣтъ щеголемъ. Въ правой рукѣ у него шляпа, въ лѣвой корзинка, завернутая въ бумагу. Лицо его изображаетъ волненіе. При видѣ Горскаго, онъ внезапно*

останавливается и быстро краснѣетъ. Горскій идетъ къ нему навстрѣчу съ самымъ ласковымъ видомъ и протянутыми руками.)

ГОРСКІЙ.

Здравствуйте, Владиміръ Петровичъ! какъ я радъ васъ видѣть!...

СТАНИЦЫНЪ.

И я.... очень.... Вы какъ.... вы давно здѣсь?

ГОРСКІЙ.

Со вчерашняго дня, Владиміръ Петровичъ!

СТАНИЦЫНЪ.

Всѣ здоровы?

ГОРСКІЙ.

Всѣ, рѣшительно всѣ, Владиміръ Пртровичъ, начиная съ Анны Васильевны и кончая собачкой, которую вы подарили Вѣрѣ Николаевнѣ.... Ну, а вы какъ?

СТАНИЦЫНЪ.

Я.... славу Богу.... Гдѣ же она?

ГОРСКІЙ.

Въ гостиной!... въ карты играютъ.

СТАНИЦЫНЪ.

Такъ рано.... а вы?

ГОРСКІЙ.

А я здѣсь, какъ видите. Что̀ это вы привезли? гостинецъ, навѣрное?

СТАНИЦЫНЪ.

Да, Вѣра Николаевна намедни говорила.... Я послалъ въ Москву за конфектами....

ГОРСКІЙ

Въ Москву?

СТАНИЦЫНЪ

Да, тамъ лучше. А гдѣ Вѣра Николаевна? (*Ставитъ шляпу и конфекты на столъ.*)

ГОРСКІЙ.

Она, кажется, въ гостиной.... смотритъ, какъ играютъ въ преферансъ.

СТАНИЦЫНЪ. (*боязливо заглядывая въ гостинную*).

Кто это новое лицо?

ГОРСКІЙ.

А вы не узнали? Мухинъ, Иванъ Павлычъ.

СТАНИЦЫНЪ.

Ахъ, да.... (*Переминается на мѣстѣ.*)

ГОРСКІЙ.

Вы не хотите войти въ гостиную?... Вы словно въ волненіи, Владиміръ Петровичъ!

СТАНИЦЫНЪ.

Нѣтъ, ничего.... дорога, знаете, пыль.... Ну, голова тоже.... (*Въ гостиной раздается взрывъ общаго смѣху.... Всѣ кричатъ: «безъ четырехъ! безъ четырехъ!» Вѣра говоритъ: «Поздравляю, М-г Мухинъ!»*)

СТАНИЦЫНЪ (*смѣется и опять заглядываетъ въ гостиную*).

Чтò это тамъ.... обремизизся кто-то?

ГОРСКІЙ.

Да чтожь вы не войдете?....

СТАНИЦЫНЪ.

Сказать вамъ правду, Горскій.... мнѣ бы хотѣлось поговорить нѣсколько съ Вѣрой Николаевной.

ГОРСКІЙ.

Наединѣ?

СТАНИЦЫНЪ (*нерѣшительно*).

Да, только два слова. Мнѣ бы хотѣлось.... теперь.... а то въ теченіе дня.... Вы сами знаете....

ГОРСКІЙ.

Ну, чтожь? войдите да скажите ей.... Да возьмите ваши конфекты....

СТАНИЦЫНЪ.

И то правда. (*Подходитъ къ двери и все не рѣшается войдти, какъ вдругъ раздается голосъ Анны Васильевны: «C'est vous, Woldemar? Bonjour.... Entrez donc».... Онъ входитъ.*)

ГОРСКІЙ (*одинъ*).

Я недоволенъ собой. Я начинаю скучать и злиться. Боже

мой, Боже мой! да что̀ жь это во мнѣ происходитъ такое? Отчего поднимается во мнѣ жолчь и приступаетъ къ горлу? отчего мнѣ вдругъ становится такъ непріятно весело? отчего я готовъ, какъ школьникъ, накуралесить всѣмъ, всѣмъ на свѣтѣ, и самому себѣ между прочимъ? Если я не влюбленъ, что̀ за охота мнѣ дразнить и себя и другихъ? Жениться? Нѣтъ, я не женюсь, что̀ тамъ ни говорите, особенно такъ, изъ подъ-ножа. А если такъ, неужели же я не могу пожертвовать своимъ самолюбіемъ? Ну, восторжествуетъ она — ну, Богъ съ ней. (*Подходитъ къ китайскому бильярду и начинаетъ толкать шары.*) Можетъ быть, мнѣ же лучше будетъ, если она выйдетъ замужъ за.... Ну, нѣтъ, это пустяки.... Мнѣ тогда не видать ее, какъ своихъ ушей.... (*Продолжаетъ толкать шары.*) Загадаю.... Вотъ если я попаду.... Фу, Боже мой, что̀ за ребячество! (*Бросаетъ кій, подходитъ къ столу и берется за книгу.*) Что̀ это? русскій романъ.... Вотъ какъ-съ. Посмотримъ, что̀ говоритъ русскій романъ. (*Раскрываетъ на удачу книгу и читаетъ.*) «И что̀ же? не прошло пяти лѣтъ послѣ брака, какъ уже плѣнительная, живая Марія превратилась въ дебелую и крикливую Марью Богдановну.... Куда дѣвались всѣ ея стремленія, ея мечтанія».... О, господа авторы! какіе вы дѣти! Вотъ вы о чемъ сокрушаетесь! Удивительно ли, что человѣкъ старѣется, тяжелѣетъ и глупѣетъ? Но вотъ что̀ жутко: мечтанія и стремленія остаются тѣ же, глаза не успѣваютъ померкнуть, пушокъ со щеки еще не сойдетъ, а ужь супругъ не знаетъ, куда дѣться.... Да что̀! порядочнаго человѣка уже передъ свадьбой лихорадка колотитъ.... Вотъ они, кажется, сюда идутъ.... Надо спасаться.... Фу, Боже мой! точно въ «Женитьбѣ» Гоголя.... Но я, по крайней мѣрѣ, не выпрыгну изъ окошка, а преспокойно выйду въ садъ черезъ дверь.... Честь и мѣсто, господинъ Станицынъ!

(*Въ то время, какъ онъ поспѣшно удаляется, изъ гостиной входятъ Вѣра и Станицынъ.*)

ВѢРА (*Станицыну*).

Что̀ это, кажется, Горскій въ садъ побѣжалъ?

СТАНИЦЫНЪ.

Да-съ.... я.... признаться.... ему сказалъ, что я.... съ вами наединѣ желалъ.... только два слова....

ВѢРА.

А! вы ему сказали.... Что̀ же онъ вамъ....

СТАНИЦЫНЪ.

Онъ.... ничего-съ....

ВѢРА.

Какія приготовленія!... Вы меня пугаете.... Я уже вчерашнюю вашу записку не совсѣмъ поняла....

СТАНИЦЫНЪ.

Дѣло вотъ въ чемъ, Вѣра Николаевна.... Ради Бога, простите мнѣ мою дерзость.... Я знаю.... Я не сто̀ю.... (*Вѣра медленно подвигается къ окну; онъ идетъ за ней.*) Дѣло вотъ въ чемъ.... Я.... я рѣшаюсь просить вашей руки.... (*Вѣра молчитъ и тихо наклоняетъ голову.* Боже мой! я слишкомъ хорошо знаю, что я васъ не сто̀ю.... съ моей стороны это, конечно.... но вы меня давно знаете.... если слѣпая преданность.... исполненіе малѣйшаго желанія, если все это.... Я прошу васъ простить мою смѣлость.... Я чувствую.... (*Онъ останавливается. Вѣра молча протягиваетъ ему руку.*) Неужели, неужели я могу надѣяться?

ВѢРА (*тихо*)

Вы меня не поняли, Владиміръ Петровичъ.

СТАНИЦЫНЪ.

Въ такомъ случаѣ.... конечно.... простите меня.... Но объ одномъ позвольте мнѣ попросить васъ, Вѣра Николаевна.... не лишайте меня счастія хоть изрѣдка видѣть васъ.... Я васъ увѣряю.... я васъ не буду безпокоить ... Если даже съ другимъ.... Вы.... съ избраннымъ.... Я васъ увѣряю.... Я буду всегда радоваться вашей радости.... Я знаю себѣ цѣну.... гдѣ мнѣ, конечно.... Вы, конечно, правы....

ВѢРА.

Дайте мнѣ подумать, Владиміръ Петровичъ....

СТАНИЦЫНЪ.

Какъ?...

ВѢРА.

Да, оставьте меня теперь.... на короткое время.... я васъ увижу.... я съ вами поговорю....

СТАНИЦЫНЪ.

На что бы вы ни рѣшились, вы знаете, я покорюсь безъ ропота. (*Кланяется, уходитъ въ гостиную и запираетъ за собою дверь.*)

ВѢРА (*смотритъ ему вслѣдъ, быстро подходитъ къ двери сада и зоветъ*).

Горскій! подите сюда, Горскій! (*Она идетъ къ аванъ-сценѣ. Черезъ нѣсколько минутъ входитъ Горскій.*)

ГОРСКІЙ.

Вы меня звали?

ВѢРА.

Вы знали, что Станицынъ хотѣлъ говорить со мной наединѣ?

ГОРСКІЙ.

Да, онъ мнѣ сказалъ.

ВѢРА.

Вы знали, зачѣмъ?

ГОРСКІЙ.

Навѣрное — нѣтъ.

ВѢРА.

Онъ проситъ моей руки.

ГОРСКІЙ.

Что̀ жь вы ему отвѣчали?

ВѢРА.

Я? ничего.

ГОРСКІЙ.

Вы ему не отказали?

ВѢРА.

Я попросила его подождать.

ГОРСКІЙ.

Зачѣмъ?

ВѢРА.

Какъ зачѣмъ, Горскій? Что̀ съ вами? Отчего вы такъ холодно смотрите, такъ равнодушно говорите? что̀ за улыбка у

васъ на губахъ? Вы видите, я иду къ вамъ за совѣтомъ, я протягиваю руку, — а вы....

ГОРСКІЙ.

Извините меня, Вѣра Николаевна.... На меня находитъ иногда какая-то тупость... Я на солнцѣ гулялъ безъ шляпы... Вы не смѣйтесь.... Право, можетъ быть, отъ этого.... Итакъ, Станицынъ проситъ вашей руки, а вы просите моего совѣта.... а я спрашиваю васъ: какого вы мнѣнія о семейной жизни вообще? Ее можно сравнить съ молокомъ.... но молоко скоро кисяетъ.

ВѢРА.

Горскій! я васъ не понимаю. Четверть часа тому назадъ, на этомъ мѣстѣ (*указывая на фортепьяно*), вспомните, такъ ли вы со мной говорили? такъ ли васъ я оставила? Что съ вами? смѣетесь вы надо мной? Горскій, неужели я это заслужила?

ГОРСКІЙ (*горько*).

Я васъ увѣряю, что я не думаю смѣяться.

ВѢРА.

Какъ же мнѣ объяснить эту внезапную перемѣну? Отчего я васъ понять не могу? Отчего, напротивъ, я.... скажите, скажите сами, не была ли я всегда откровенна съ вами, какъ сестра?

ГОРСКІЙ (*не безъ смущенія*).

Вѣра Николаевна! я....

ВѢРА.

Или, можетъ быть.... посмотрите, что вы меня заставляете говорить.... можетъ быть, Станицынъ возбуждаетъ въ васъ... какъ это сказать? ревность, что ли?

ГОРСКІЙ.

А почему же нѣтъ?

ВѢРА.

О, не притворяйтесь.... Вамъ слишкомъ хорошо извѣстно... Да притомъ что я говорю? Развѣ я знаю, что вы обо мнѣ думаете, что вы ко мнѣ чувствуете....

ГОРСКІЙ.

Вѣра Николаевна! знаете ли что̀? Право, намъ лучше навремя раззнакомиться....

ВѢРА.

Горскій.... что̀ это?

ГОРСКІЙ.

Шутки въ сторону.... Наши отношенія такъ странны.... Мы осуждены не понимать другъ друга и мучить другъ друга....

ВѢРА.

Я никому не мѣшаю меня мучить; но мнѣ не хочется, чтобы надо мной смѣялись.... Не понимать другъ друга.... отчего? развѣ я не прямо гляжу вамъ въ глаза? развѣ я люблю недоразумѣнія? развѣ я не говорю всего, что̀ думаю? развѣ я недовѣрчива? Горскій! если мы должны разстаться, разстанемтесь, по крайней мѣрѣ, добрыми друзьями!

ГОРСКІЙ.

Если мы разстанемся, вы ни разу и не вспомните обо мнѣ.

ВѢРА.

Горскій! вы словно желаете, чтобы я.... Вы хотите отъ меня признанія... Право. Но я не привыкла ни лгать, ни преувеличивать. Да, вы мнѣ нравитесь — я чувствую къ вамъ влеченіе, несмотря на ваши странности — и.... и только. Это дружелюбное чувство можетъ и развиться, можетъ и остановиться. Это зависитъ отъ васъ.... Вотъ что̀ во мнѣ происходитъ.... но вы, вы, скажите, что̀ вы хотите, что̀ думаете?... Неужели вы не понимаете, что я не изъ любопытства васъ спрашиваю, что мнѣ надо же знать наконецъ... (*Она останавливается и отворачивается.*)

ГОРСКІЙ.

Вѣра Николаевна! выслушайте меня. Вы счастливо созданы Богомъ. Вы съ дѣтства живете и дышете вольно.... Истина для вашей души, какъ свѣтъ для глаза, какъ воздухъ для груди.... Вы смѣло глядите кругомъ и смѣло идете впередъ, хотя вы не знаете жизни, потому что для васъ въ жизни нѣтъ и не будетъ препятствій. Но не требуйте, ради Бога, той же

самой смѣлости отъ человѣка темнаго и запутаннаго, какъ я, отъ человѣка, который много виноватъ передъ самимъ собою, который безпрестанно грѣшилъ и грѣшитъ.... Не вырывайте у меня послѣдняго. рѣшительнаго слова, котораго я не выговорю громко передъ вами, можетъ быть, именно потому, что я тысячу разъ сказалъ себѣ это слово наединѣ.... Повторяю вамъ: будьте ко мнѣ снисходительны или бросьте меня совсѣмъ.... подождите еще немного....

ВѢРА.

Горскій! вѣрить ли мнѣ вамъ? Скажите—я вамъ повѣрю—вѣрить ли мнѣ вамъ наконецъ?

ГОРСКІЙ *(съ невольнымъ движеніемъ).*

А Богъ знаетъ!

ВѢРА *(помолчавъ немного).*

Подумайте и дайте мнѣ другой отвѣтъ.

ГОРСКІЙ.

Я всегда лучше отвѣчаю, когда не подумаю.

ВѢРА.

Вы капризны, какъ маленькая дѣвочка.

ГОРСКІЙ.

А вы ужасно проницательны.... Но вы меня извините.... Я, кажется, сказалъ вамъ: «подождите». Это непростительно глупое слово просто сорвалось у меня съ языка....

ВѢРА *(быстро покраснѣвъ).*

Въ самомъ дѣлѣ? Спасибо за откровенность.

(Горскій хочетъ отвѣчать ей; но дверь изъ гостиной вдругъ отворяется, и все общество входитъ, исключая M-lle Bienaimé. Анна Васильевна въ пріятномъ и веселомъ расположеніи духа; ее подъ руку ведетъ Мухинъ. Станицынъ бросаетъ быстрый взглядъ на Вѣру и Горскаго.)

Г-ЖА ЛИБАНОВА

Вообразите, Eugène, мы совсѣмъ разорили г-на Мухина.... Право. Но какой же онъ горячій игрокъ!

ГОРСКІЙ.

А! я и не зналъ!

Г-ЖА ЛИБАНОВА.

C'est incroyable! Ремизится на всякомъ шагу.... (*Садится*) А вотъ теперь можно гулять!

МУХИНЪ (*подходя къ окну и со сдержанной досадой*).

Едва ли; дождикъ начинаетъ накрапывать.

ВАРВАРА ИВАНОВНА.

Барометръ сегодня очень опустился.... (*Садится немного позади г-жи Либановой.*)

Г-ЖА ЛИБАНОВА.

Въ самомъ дѣлѣ? comme c'est contrariant! Et bien, надо что нибудь придумать.... Eugène, и вы, Woldemar, это ваше дѣло.

ЧУХАНОВЪ.

Не угодно ли кому сразиться со мной въ бильярдъ? (*Никто ему не отвѣчаетъ*) А не то такъ закусить, рюмку водочки выпить? (*Опять молчаніе*) Ну такъ я одинъ пойду, выпью за здоровье всей честной компаніи....

(*Уходитъ въ столовую. Между тѣмъ, Станицынъ подошелъ къ Вѣрѣ, но не дерзаетъ заговорить съ нею.... Горскій стоитъ въ сторонѣ. Мухинъ разсматриваетъ рисунки на столѣ.*)

Г-ЖА ЛИБАНОВА.

Чтоже вы, господа? Горскій, затѣйте что нибудь.

ГОРСКІЙ.

Хотите, я вамъ прочту вступленіе въ естественную исторію Бюффона?

Г-ЖА ЛИБАНОВА.

Ну, полноте.

ГОРСКІЙ.

Такъ давайте играть въ petits jeux innocents....

Г-ЖА ЛИБАНОВА.

Что́ хотите.... Впрочемъ, я это не для себя говорю.... Меня, должно быть, управляющій уже въ конторѣ дожидается.... Пришелъ онъ, Варвара Ивановна?

ВАРВАРА ИВАНОВНА.

Вѣроятно-съ, пришелъ-съ.

Г-ЖА ЛИБАНОВА.

Узнайте, душа моя! (*Варвара Ивановна встаетъ и уходитъ.*) Вѣра! подойди-ка сюда.... Что́ ты сегодня какъ будто блѣдна? Ты здорова?

ВѢРА.

Я здорова.

Г-ЖА ЛИБАНОВА.

То-то же. Ахъ да, Woldemar, не забудьте мнѣ напомнить.... Я вамъ дамъ въ городъ коммиссію. (*Вѣрѣ*) Il est si complaisant!

ВѢРА.

Il est plus que cela, maman, il est bon.

(*Станицынъ восторженно улыбается.*)

Г-ЖА ЛИБАНОВА.

Что̀ это вы разсматриваете съ такимъ вниманіемъ, M-r Мухинъ?

МУХИНЪ.

Виды изъ Италіи.

Г-ЖА ЛИБАНОВА.

Ахъ, да.... это я привезла.... un souvenir.... Я люблю Италію... я тамъ была счастлива.... (*Вздыхаетъ.*)

ВАРВАРА ИВАНОВНА (*входя*).

Пришелъ Ѳедотъ-съ, Анна Васильевна!

Г-ЖА ЛИБАНОВА (*вставая*).

А! пришелъ! (*Къ Мухину*). Вы сыщите.... тамъ есть видъ Лаго-Маджіоре.... Прелесть!... (*Къ Варварѣ Ивановнѣ.*) И староста пришелъ?

ВАРВАРА ИВАНОВНА.

Пришелъ и староста.

Г-ЖА ЛИБАНОВА.

Ну, прощайте, mes enfants.... Eugène, я вамъ ихъ поручаю.... Amusez vous.... Вотъ къ вамъ на подмогу идетъ M-lle Bienaimé (*Изъ гостиной входитъ M-lle Bienaimé.*) Пойдемте, Варвара Ивановна!...

(*Уходитъ съ Морозовой въ гостиную. Воцаряется небольшое молчаніе.*)

М-ЛЛЕ ВІЕНАІМЕ (*сухенькимъ голосомъ*).

Et bien, que ferons nous?

МУХИНЪ.

Да, что̀ мы будемъ дѣлать?

СТАНИЦЫНЪ.

Вотъ въ чемъ вопросъ.

ГОРСКІЙ.

Гамлетъ сказалъ это прежде тебя, Владиміръ Петровичъ!... (*Вдругъ оживляясь*) Но, впрочемъ, давайте, давайте.... Видите, какой дождь полилъ.... Что̀ въ самомъ дѣлѣ, сложа руки сидѣть?

СТАНИЦЫНЪ.

Я готовъ.... А вы, Вѣра Николаевна?

ВѢРА (*которая все это время оставалась почти неподвижною*).

Я тоже.... готова.

СТАНИЦЫНЪ.

Ну, и прекрасно!

МУХИНЪ.

Ты придумалъ что-нибудь, Евгеній Андреичъ?

ГОРСКІЙ.

Придумалъ, Иванъ Павлычъ! Мы вотъ что̀ сдѣлаемъ. Сядемъ всѣ кругомъ стола....

М-ЛЛЕ ВІЕНАІМЕ.

Oh! ce cera charmant!

ГОРСКІЙ.

N'est-ce pas? Напишемъ всѣ наши имена на клочкахъ бумаги, и кому первому выдернется, тотъ долженъ будетъ разсказать какую-нибудь несообразную и фантастическую сказку, о себѣ, о другомъ, о чемъ угодно.... Liberté entière, какъ говоритъ Анна Васильевна.

СТАНИЦЫНЪ. } вмѣстѣ.

Хорошо, хорошо.

М-ЛЛЕ ВІЕНАІМЕ. } вмѣстѣ.

Ah très bien, très bien.

МУХИНЪ.

Да какую же, однако, сказку?...

ГОРСКІЙ.

Какую вздумается.... Ну, сядемте, сядемте.... Вамъ угодно, Вѣра Николаевна?

ВѢРА.

Отчего же нѣтъ? (*Садится. Горскій садится по правую ея руку, Мухинъ по лѣвую, Станицынъ подлѣ Мухина, M-lle Bienaimé подлѣ Горскаго*).

ГОРСКІЙ.

Вотъ листъ бумаги.... (*Разрываетъ листъ*) а вотъ и наши имена. (*Пишетъ имена и свертываетъ билеты.*)

МУХИНЪ (*Вѣрѣ*).

Вы что-то задумчивы сего-дня, Вѣра Николаевна!

ВѢРА.

А почему вы знаете, что я не всегда такова? Вы меня видите въ первый разъ.

МУХИНЪ (*ухмыляясь*).

О нѣтъ-съ, какъ можно, чтобы вы всегда такъ были....

ВѢРА (*съ легкой досадой*).

Въ-самомъ дѣлѣ? (*Къ Станицыну*) Ваши конфекты очень хороши, Woldemar!

СТАНИЦЫНЪ.

Я очень радъ.... что вамъ услужилъ....

ГОРСКІЙ.

О, дамскій угодникъ! (*Мѣшаетъ билеты*) Вотъ — готово. Кто же будетъ выдергивать?.... M-lle Bienaimé, voulez-vous?

M-LLE BIENAIMÉ.

Mais très volontiers. (*Съ ужимкой беретъ билетъ и читаетъ.*) Каспадинъ Станицынъ.

ГОРСКІЙ (*Станицыну*).

Ну, разскажите намъ что-нибудь, Владиміръ Петровичъ!

СТАНИЦЫНЪ.

Да что̀ вы хотите, чтобъ я разсказалъ?... Я, право, не знаю....

ГОРСКІЙ.

Что-нибудь. Вы можете говорить все, что̀ вамъ въ голову придетъ.

СТАНИЦЫНЪ.

Да мнѣ въ голову ничего не приходитъ.

ГОРСКІЙ.

Ну, это разумѣется, непріятно.

ВѢРА.

Я согласна со Станицынымъ.... Какъ можно такъ, вдругъ....

МУХИНЪ (*поспѣшно*).

И я того же мнѣнія.

СТАНИЦЫНЪ.

Да покажите намъ примѣръ, Евгеній Андреичъ; начните вы.

ВѢРА.

Да, начните.

МУХИНЪ.

Начни, начни.

M-LLE BIENAIMÉ.

Oui, commencez, M-r Gorski.

ГОРСКІЙ.

Вы непремѣнно хотите.... Извольте.... Начинаю. Гм.... (*Откашливается.*)

M-LLE BIENAIMÉ.

Hi, hi, nous allons rire.

ГОРСКІЙ.

Ne riez pas d'avance.... Итакъ, слушайте. У одного барона....

МУХИНЪ.

Была одна фантазія?

ГОРСКІЙ.

Нѣтъ, одна дочь.

МУХИНЪ.

Ну, это почти все равно.

ГОРСКІЙ.

Боже, какъ ты остеръ сегодня!... Итакъ, у одного барона была одна дочь. Собой она была очень хороша, отецъ ее очень любилъ, она очень любила отца, все шло превосходно, — но вдругъ, въ одинъ прекрасный день, баронесса убѣдилась, что

жизнь въ сущности прескверная вещь, ей стало очень скучно — она заплакала и слегла въ постель.... Каммерфрау тотчасъ побѣжала за родителемъ, родитель пришелъ, поглядѣлъ, покачалъ головой и сказалъ по нѣмецки: ммммъ, вышелъ мѣрными шагами и, кликнувъ своего секретаря, продиктовалъ ему три пригласительныя письма къ тремъ молодымъ дворянамъ стариннаго происхожденія и пріятной наружности. На другой же день они, разодѣтые въ пухъ и прахъ, поочередно шаркали передъ барономъ, а молодая баронесса улыбалась по прежнему — еще лучше прежняго — и внимательно разсматривала своихъ жениховъ, ибо баронъ былъ дипломатъ, а молодые люди были женихи.

МУХИНЪ.

Какъ ты пространно разсказываешь!

ГОРСКІЙ.

Любезный другъ мой, что̀ за бѣда!

M-LLE BIENAIMÉ.

Mais oui, laissez le faire.

ВѢРА (*внимательно глядя на Горскаго*).

Продолжайте.

ГОРСКІЙ.

Итакъ, у баронессы были три жениха. Кого выбрать? На этотъ вопросъ лучше всего отвѣчаетъ сердце.... Но когда сердце.... Но когда сердце колеблется?... Молодая баронесса была дѣвица умная и дальновидная.... Она рѣшила подвергнуть жениховъ испытанью.... Однажды, оставшись наединѣ съ однимъ изъ нихъ, бѣлокурымъ, она вдругъ обратилась къ нему съ вопросомъ: скажите, что̀ вы готовы сдѣлать для того, чтобъ доказать мнѣ свою любовь? — Бѣлокурый, по природѣ весьма хладнокровный, но тѣмъ болѣе склонный къ преувеличенію человѣкъ, отвѣчалъ ей съ жаромъ: я готовъ, по вашему приказанію, броситься съ высочайшей колокольни въ свѣтѣ. Баронесса привѣтливо улыбнулась и на другой же день предложила тотъ же вопросъ другому жениху, русому, предварительно сообщивъ ему отвѣтъ бѣлокураго. Русый отвѣчалъ точно тѣми же словами, если возможно, съ бо̀льшимъ жаромъ.

Баронесса обратилась наконецъ къ третьему, шантрету. Шантретъ помолчалъ немного изъ приличія и отвѣчалъ, что на все другое онъ согласенъ и даже съ удовольствіемъ, но съ башни онъ не бросится, по весьма простой причинѣ: раздробивъ себѣ голову, трудно предложить руку и сердце кому бы то ни было. Баронесса прогнѣвалась на шантрета; но такъ какъ онъ.... можетъ быть.... немножко болѣе ей нравился, чѣмъ другіе два, то она и стала приставать къ нему: обѣщайте, молъ, по крайней мѣрѣ.... я не потребую исполненія на дѣлѣ.... Но шантретъ, какъ человѣкъ совѣстливый, не хотѣлъ ничего обѣщать....

ВѢРА.

Вы сегодня не въ духѣ, М-г Горскій!

M-LLE BIENAIMÉ.

Non, il n'est pas en veine, c'est vrai. Никарашò, никарашó.

СТАНИЦЫНЪ.

Другую сказку, другую!

ГОРСКІЙ (*не безъ досады*).

Я сегодня не въ ударѣ.... не всякій же день.... (*Къ Вѣрѣ.*) Да и вы, напримѣръ, сегодня.... То ли дѣло вчера!

ВѢРА.

Чтò вы хотите сказать? (*Встаетъ; всѣ встаютъ.*)

ГОРСКІЙ (*обращаясь къ Станицыну*).

Вы не можете себѣ представить, Владиміръ Петровичъ, какой мы вчера удивительный вечеръ провели! Жаль, что васъ не было, Владиміръ Петровичъ.... Вотъ M-lle Bienaimé была свидѣтельницей. Мы съ Вѣрой Николаевной болѣе часу вдвоемъ катались по пруду.... Вѣра Николаевна такъ восхищалась вечеромъ, такъ ей было хорошо.... Она такъ, казалось, и улетала въ небо... Слезы навертывались у ней на глазахъ... Я никогда не забуду этого вечера, Владиміръ Петровичъ!

СТАНИЦЫНЪ (*уныло*).

Я вамъ вѣрю.

ВѢРА (*которая все время глазъ не сводила съ Горскаго*).

Да, мы были довольно смѣшны вчера.... И вы тоже уносились, какъ вы говорите, въ небо.... Вообразите, господа, Гор-

скій мнѣ вчера читалъ стихи, да какіе все сладкіе, задумчивые!

СТАНИЦЫНЪ.

Онъ вамъ читалъ стихи?

ВѢРА.

Какже.... и такимъ страннымъ голосомъ.... словно больной, съ такими вздохами....

ГОРСКІЙ.

Вы сами этого требовали, Вѣра Николаевна!... Вы знаете, что по собственной охотѣ я рѣдко предаюсь возвышеннымъ чувствамъ....

ВѢРА.

Тѣмъ болѣе вы меня удивили вчера. Я знаю, что вамъ гораздо пріятнѣе смѣяться, чѣмъ.... чѣмъ вздыхать, напримѣръ, или.... мечтать.

ГОРСКІЙ.

О, съ этимъ я согласенъ! Да и въ самомъ дѣлѣ, назовите мнѣ вещь, недостойную смѣха? Дружба, семейное счастье, любовь?... Да, всѣ эти любезности хороши только какъ мгновенный отдыхъ, а тамъ давай Богъ ноги! Порядочный человѣкъ не долженъ позволить себѣ погрязнуть въ этихъ пуховикахъ.... (*Мухинъ съ улыбкой посматриваетъ то на Вѣру, то на Станицына. Вѣра это замѣчаетъ.*)

ВѢРА (*медленно*).

Какъ видно, что вы говорите теперь отъ души!.... Но къ чему вы горячитесь? Никто не сомнѣвается въ томъ, что вы всегда такъ думали.

ГОРСКІЙ (*принужденно смѣясь*).

Будто? Вчера вы были другаго мнѣнія.

ВѢРА.

Почему вы знаете? Нѣтъ, шутки въ сторону: Горскій! позвольте вамъ дать дружескій совѣтъ... Не впадайте никогда въ чувствительность ... Она къ вамъ вовсе не пристала ... Вы такъ умны.... Вы безъ нея обойдетесь.... Ахъ, да, кажется, дождикъ прошелъ.... Посмотрите, какое чудесное солнце! Пойдемте въ садъ.... Станицынъ! дайте мнѣ вашу руку. (*Быс-*

тро оборачивается и беретъ руку Станицына) Bonne amie, venez vous?

M-LLE BIENAIMÉ.

Oui, oui, allez toujours.... (*Беретъ съ фортепьяно шляпу и надѣваетъ.*)

ВѢРА (*остальнымъ*).

А вы, господа, не идете?... Бѣгомъ, Станицынъ, бѣгомъ!

СТАНИЦЫНЪ (*убѣгая съ Вѣрой въ садъ*).

Извольте, Вѣра Николаевна, извольте.

M-LLE BIENAIMÉ.

M–r Мухинъ, voulez-vous me donner votre bras?

МУХИНЪ.

Avec plaisir, Mademoiselle.... (*Горскому.*) Прощай, шантретъ! (*Уходитъ съ M-lle Bienaimé.*)

ГОРСКІЙ (*одинъ подходитъ къ окну*).

Какъ бѣжитъ!... и ни разу не оглянется.... А Станицынъ-то, Станицынъ—спотыкается отъ радости! (*Пожимаетъ плечемъ*) Бѣднякъ! онъ не понимаетъ своего положенія.... Полно, бѣднякъ ли онъ? Я, кажется, слишкомъ далеко зашелъ. Да что̀ прикажешь дѣлать съ жолчью? Во все время моего разсказа этотъ бѣсенокъ съ меня глазъ не спускалъ.... Я напрасно упомянулъ о вчерашней прогулкѣ. Если ей показалось.... конечно, любезный другъ мой Евгеній Андреичъ, укладывайте вашъ чемоданъ. (*Прохаживается*) Да и пора.... запутался. О, случай, несчастіе дураковъ и провидѣніе умныхъ людей! приди ко мнѣ на помощь! (*Оглядывается*) Это кто? Чухановъ. Ужь не онъ ли какъ-нибудь....

ЧУХАНОВЪ (*осторожно входя изъ столовой*).

Ахъ, батюшка Евгеній Андреичъ, какъ я радъ, что засталъ васъ однихъ!

ГОРСКІЙ.

Что̀ вамъ угодно?

ЧУХАНОВЪ (*вполголоса*).

Вотъ видите ли что̀, Евгеній Андреичъ!... Анна Васильевна, дай Богъ ей здоровья, лѣску мнѣ на домишко изволили

пожаловать, да въ контору приказъ отдать позабыли-съ.... А безъ приказа лѣсу мнѣ не выдаютъ-съ....

ГОРСКІЙ.

Чтожь, вы ей напомните?

ЧУХАНОВЪ.

Батюшка, боюсь обезпокоить.... Батюшка! будьте ласковы, заставьте вѣкъ о себѣ Бога молить.... Какъ нибудь между двумя словцами... (*Подмигиваетъ.*) Вѣдь вы на это мастеръ.... нельзя ли такъ сказать, стороной?... (*Еще значительнѣе подмигиваетъ.*) Притомъ же, вы почитай что хозяинъ уже въ домѣ.... хе, хе!

ГОРСКІЙ.

Въ самомъ дѣлѣ? Извольте, я съ удовольствіемъ....

ЧУХАНОВЪ.

Батюшка! по гробъ обяжете.... (*Громко и съ прежними манерами*). А коли что понадобится, только мигни. (*Откидываетъ голову.*) Эхъ, да и молодецъ же какой!...

ГОРСКІЙ.

Ну, хорошо.... все исполню; будьте покойны.

ЧУХАНОВЪ.

Слушаю-съ, ваше сіятельство! А старикъ Чухановъ никого не безпокоитъ. Доложилъ, попросилъ, прибѣгъ, а тамъ какъ начальству угодно будетъ. Много довольны и благодарны. Налѣво кругомъ, маршъ! (*Уходитъ въ столовую.*)

ГОРСКІЙ.

Ну, кажется, изъ этого «случая» ничего не выжмешь.... (*За дверью сада по ступенямъ лѣстницы слышны торопливые шаги.*) Кто это бѣжитъ такъ?... Ба! Станицынъ!

СТАНИЦЫНЪ (*вбѣгая впопыхахъ*).

Гдѣ Анна Васильевна?

ГОРСКІЙ.

Кого вамъ?

СТАНИЦЫНЪ (*внезапно останавливаясь*).

Горскій.... Ахъ, еслибъ вы знали....

ГОРСКІЙ.

Вы внѣ себя отъ радости.... Что съ вами?

СТАНИЦЫНЪ (*беретъ его за руку*).

Горскій.... мнѣ бы, по настоящему, не слѣдовало.... но я не могу — радость меня душитъ.... Я знаю, вы всегда принимали во мнѣ участіе... Вообразите же себѣ.... Кто бы могъ это представить....

ГОРСКІЙ.

Да что такое наконецъ?

СТАНИЦЫНЪ.

Я попросилъ у Вѣры Николаевны ея руки, и она....

ГОРСКІЙ.

Что же она?

СТАНИЦЫНЪ.

Вообразите, Горскій, она согласилась.... вотъ сейчасъ, въ саду.... позволила мнѣ обратиться къ Аннѣ Васильевнѣ.... Горскій, я счастливъ, какъ дитя.... Какая удивительная дѣвушка!

ГОРСКІЙ (*едва скрывая волненіе*).

И вы идете теперь къ Аннѣ Васильевнѣ?

СТАНИЦЫНЪ.

Да, я знаю, что она мнѣ не откажетъ.... Горскій! я счастливъ, безмѣрно счастливъ.... Мнѣ бы хотѣлось обнять весь міръ.... Позвольте, по крайней мѣрѣ, васъ обнять. (*Обнимаетъ Горскаго.*) О, какъ я счастливъ! (*Убѣгаетъ.*)

ГОРСКІЙ (*послѣ долгаго молчанія*).

Брависсимо! (*Кланяется вслѣдъ Станицыну.*) Честь имѣю поздравить.... (*Съ досадой ходитъ по комнатѣ.*) Я этого не ожидалъ, признаюсь. Хитрая дѣвчонка! Однако, мнѣ надо сейчасъ уѣхать.... Или нѣтъ, останусь.... Фу, какъ сердце непріятно бьется.... Скверно. (*Подумавъ немного.*) Ну, чтожь, я разбитъ.... Но какъ позорно разбитъ.... и не такъ, и не тамъ, гдѣ бы хотѣлось.... (*Подходя къ окну, глядитъ въ садъ.*) Идутъ.... Умремъ, по крайней мѣрѣ, съ честью.... (*Надѣваетъ шляпу, словно собирается итти въ садъ, и въ дверяхъ сталкивается съ Мухинымъ, съ Вѣрой и M-lle Bienaimé. Вѣра держитъ M-lle Bienaimé подъ руку.*) А! вы уже воз-

вращаетесь; а я было пошелъ къ вамъ.... (*Вѣра не поднимаетъ глазъ.*)

M-LLE BIENAIMÉ.

Il fait encore trop mouillé.

МУХИНЪ.

Зачѣмъ ты не тотчасъ пошелъ съ нами?

ГОРСКІЙ.

Меня Чухановъ задержалъ.... А вы, кажется, много бѣгали, Вѣра Николаевна?

ВѢРА.

Да.... мнѣ жарко.

(*M-lle Bienaimé съ Мухинымъ отходятъ немного въ сторону, потомъ начинаютъ играть на китайскомъ бильярдѣ, который находится немного позади.*)

ГОРСКІЙ (*вполголоса*).

Я знаю все, Вѣра Николаевна!... Я этого не ожидалъ.

ВѢРА.

Вы знаете.... Но я не удивляюсь. У него что̀ на сердцѣ, то и на языкѣ.

ГОРСКІЙ (*съ укоризной*).

У него.... вы будете раскаяваться.

ВѢРА.

Нѣтъ.

ГОРСКІЙ.

Вы поступили подъ вліяніемъ досады.

ВѢРА.

Можетъ быть; но я поступила умно и раскаяваться не буду.... Вы же примѣнили ко мнѣ стихи вашего Лермонтова: вы мнѣ сказали, что я пойду безвозвратно, куда меня поведетъ случайность.... Притомъ, вы сами знаете, Горскій, съ вами я была бы несчастлива.

ГОРСКІЙ.

Много чести.

ВѢРА.

Я говорю, что̀ думаю. Онъ меня любитъ, а вы....

ГОРСКІЙ.

А я?

ВѢРА.

Вы никого не можете любить. У васъ сердце слишкомъ холодно, а воображеніе слишкомъ горячо. Я говорю съ вами, какъ съ другомъ, какъ о вещахъ давно прошедшихъ....

ГОРСКІЙ (*глухо*).

Я васъ оскорбилъ.

ВѢРА.

Да.... но вы не довольно меня любили, чтобы имѣть право меня оскорбить.... Впрочемъ, чтобы имѣть право меня оскорбить.... Впрочемъ, это все дѣло прошлое... Разстанемся друзьями.... Дайте мнѣ руку.

ГОРСКІЙ.

Я вамъ удивляюсь, Вѣра Николаевна! Вы прозрачны, какъ стекло, молоды, какъ двухлѣтній ребенокъ, и рѣшительны, какъ Фридрихъ Великій. Дать вамъ руку.... да развѣ вы не чувствуете, какъ горько должно быть мнѣ на душѣ?...

ВѢРА.

Вашему самолюбію больно.... это ничего: заживетъ.

ГОРСКІЙ.

О, да вы философъ!

ВѢРА.

Послушайте.... Мы, вѣроятно, въ послѣдній разъ говоримъ объ этомъ.... Вы умный человѣкъ, а ошиблись во мнѣ грубо. Повѣрьте, я не ставила васъ au pied du mur, какъ выражается вашъ пріятель M-r Мухинъ, я не налагала на васъ испытанія, а искала правды и простоты, я не требовала, чтобы вы спрыгнули съ колокольни, и вмѣсто этого....

МУХИНЪ (*громко*).

J'ai gagné.

M-LLE BIENAIMÉ.

Eh bien! la revanche.

ВѢРА.

Я не дала играть собою — вотъ все.... Во мнѣ, повѣрьте, горечи нѣтъ....

ГОРСКІЙ.

Поздравляю васъ. Великодушіе приличествуетъ побѣдителю.

ВѢРА.

Дайте же мнѣ руку.... вотъ вамъ моя.

ГОРСКІЙ.

Извините: ваша рука вамъ болѣе не принадлежитъ. (*Вѣра отворачивается и идетъ къ бильярду.*) Впрочемъ, все къ лучшему въ этомъ мірѣ.

ВѢРА.

Именно.... Qui gagne?

МУХИНЪ.

До сихъ поръ все я.

ВѢРА.

О, вы великій человѣкъ!

ГОРСКІЙ (*трепля его по плечу*).

И первый мой другъ, неправда ли, Иванъ Павлычъ? (*Кладетъ руку въ карманъ.*) Ахъ, кстати, Вѣра Николаевна, пожалуйте сюда.... (*Идетъ на аванъ-сцену.*)

ВѢРА (*идя вслѣдъ за нимъ*).

Что̀ вы мнѣ хотите сказать?

ГОРСКІЙ (*вынимаетъ розу изъ кармана и показываетъ ее Вѣрѣ*).

А? что̀ вы скажете? (*Смѣется. Вѣра краснѣетъ и потупляетъ глаза.*) Что̀? вѣдь смѣшно? Посмотрите, не успѣла еще завянуть.... (*Съ поклономъ*). Позвольте возвратить по принадлежности....

ВѢРА.

Еслибъ вы меня хоть крошечку уважали, вы бы не возвратили мнѣ ея теперь.

ГОРСКІЙ (*отводя руку назадъ*).

Въ такомъ случаѣ, позвольте. Пусть же онъ останется со мною, этотъ бѣдный цвѣтокъ.... Впрочемъ, чувствительность ко мнѣ не пристала.... неправда ли? И точно, да здравствуетъ насмѣшливость, веселость и злость! Вотъ я опять въ своей тарелкѣ.

ВѢРА.

И прекрасно!

ГОРСКІЙ.

Посмотрите на меня. (*Вѣра глядитъ на него, Горскій продолжаетъ, не безъ волненія.*) Прощайте... Вотъ теперь бы кстати мнѣ воскликнуть: Welche Perle warf ich weg! Да къ чему? Все вѣдь къ лучшему.

МУХИНЪ (*восклицаетъ*).

J'ai gagné encore une fois!

ВѢРА.

Все къ лучшему, Горскій!

ГОРСКІЙ.

Можетъ быть.... можетъ быть.... А да вотъ растворяется дверь изъ гостиной.... Идетъ фамильный полонезъ!

(*Изъ гостиной выходитъ Анна Васильевна. Ее ведетъ Станицынъ. За ними выступаетъ Варвара Ивановна.... Вѣра бѣжитъ навстрѣчу матери и обнимаетъ ее.*)

Г-ЖА ЛИБАНОВА (*слезливымъ шопотомъ*).

Pourvu que tu sois heureuse, mon enfant.

(*У Станицына глаза разбѣгаются. Онъ готовъ заплакать.*)

ГОРСКІЙ (*про себя*).

Какая трогательная картина! И какъ подумаешь, что я могъ бы быть на мѣстѣ этого болвана! Нѣтъ, рѣшительно, я не рожденъ для семейной жизни.... (*Громко.*) Ну что, Анна Васильевна, кончили ли вы наконецъ свои премудрыя распоряженія по хозяйству, счеты и разсчеты?

Г-ЖА ЛИБАНОВА.

Кончила, Eugène, кончила... а что?

ГОРСКІЙ.

Я предлагаю заложить карету и съѣздить цѣлымъ обществомъ въ лѣсъ.

Г-ЖА ЛИБАНОВА (*съ чувствомъ*).

Съ удовольствіемъ. Варвара Ивановна, душа моя, прикажите.

ВАРВАРА ИВАНОВНА.

Слушаю-съ, слушаю-съ. (*Идетъ въ переднюю.*)

M-LLE BIENAIMÉ (*закатывая глаза подъ лобъ*).

Dieu! que cela sera charmant!

ГОРСКІЙ.

Посмотрите, какъ мы будемъ дурачиться.... я веселъ сегодня, какъ котенокъ.... (*Про себя.*) Ото всѣхъ этихъ происшествій кровь у меня бросилась въ голову. Я словно опьянѣлъ.... Боже мой, какъ она мила!... (*Громко.*) Берите же ваши шляпы; ѣдемте, ѣдемте. (*Про себя.*). Да подойди же къ ней, глупый ты человѣкъ!... (*Станицынъ неловко подходитъ къ Вѣрѣ.*) Не такъ. Не безпокойся, другъ мой, я въ теченіе прогулки о тебѣ похлопочу. Ты у меня явишься въ полномъ блескѣ. Какъ мнѣ легко!... Фу! и какъ горько! Ну, ничего. (*Громко.*) Mesdames, пойдемте пѣшкомъ: карета насъ догонитъ.

Г-ЖА ЛИБАНОВА.

Пойдемъ, пойдемъ.

МУХИНЪ.

Что̀ это, тобой словно бѣсъ овладѣлъ?

ГОРСКІЙ.

Бѣсъ и есть.... Анна Васильевна! дайте мнѣ вашу руку.... Вѣдь я все-таки остаюсь церемоніймейстеромъ?

Г-ЖА ЛИБАНОВА.

Да, да, Eugène, конечно.

ГОРСКІЙ.

Ну, и прекрасно!... Вѣра Николаевна! извольте дать руку Станицыну.... M-lle Bienaimé, prenez mon ami M-r Мухинъ, а капитанъ.... гдѣ капитанъ?

ЧУХАНОВЪ (*входя изъ передней*).

Готовъ къ услугамъ. Кто меня зоветъ?

ГОРСКІЙ.

Капитанъ! дайте руку Варварѣ Ивановнѣ.... Вотъ она кстати входитъ.... (*Варвара Ивановна входитъ.*) И съ Богомъ! маршъ! Карета насъ догонитъ.... Вѣра Николаевна! вы открываете шествіе, мы съ Анной Васильевной въ арріергардѣ.

Г-ЖА ЛИБАНОВА *(тихо Го*

Ah mon cher, si vous saviez, combien
jourd'hui.

МУХИНЪ *(становясь на мѣсто съ M-lle Bie*

Хорошо, братъ, хорошо: не робѣе
тонко, тамъ и рвется.

(Всѣ уходятъ. Завѣсъ падаетъ.)

НАХЛѢБНИКЪ.

КОМЕДІЯ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

(1848)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ПАВЕЛЪ НИКОЛАИЧЪ ЕЛЕЦКІЙ, коллежскій совѣтникъ, 32 лѣтъ. Петербургскій чиновникъ; холоденъ, сухъ, не глупъ, аккуратенъ; одѣтъ просто, со вкусомъ. Человѣкъ дюжинный. не злой, но безъ сердца.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА ЕЛЕЦКАЯ, урожденная Кòрина, его жена, 21 года. Доброе, мягкое существо; мечтаетъ о свѣтѣ и боится свѣта; любитъ мужа, ведетъ себя весьма прилично. Хорошо одѣвается.

ВАСИЛІЙ СЕМЕНЫЧЪ КУЗОВКИНЪ, дворянинъ, проживающій на хлѣбахъ у Елецкихъ, 50 лѣтъ. Носитъ сюртукъ съ стоячимъ воротникомъ и мѣдными пуговицами.

ФЛЕГОНТЪ АЛЕКСАНДРЫЧЪ ТРОПАЧОВЪ, сосѣдъ Елецкихъ, 36 лѣтъ. Помѣщикъ 400 душъ, не женатъ. Высокаго роста, видѣнъ собою, говоритъ громко, рисуется. Служилъ въ кавалеріи и вышелъ въ отставку поручикомъ. Ѣздитъ въ Петербургъ и собирается за границу. По природѣ грубоватъ и даже подловатъ. Одѣтъ въ зеленый круглый фракъ, гороховые панталоны, шотландскій жилетъ, шелковый галстухъ съ огромной булавкой. Носитъ лакированные сапоги и палку съ золотымъ набалдашникомъ. Остриженъ коротко, à la malcontent.

ИВАНЪ КУЗЬМИЧЪ ИВАНОВЪ, другой сосѣдъ, 45 лѣтъ. Смирное и молчаливое существо, не лишенное своего рода гордости, другъ Кузовкина. Охотно груститъ. Носитъ старенькій коричневый фракъ, вымытый желтоватый жилетъ и сѣрые панталоны. Очень бѣденъ.

КАРПАЧОВЪ, тоже сосѣдъ, 40 лѣтъ. Очень глупый человѣкъ, съ усами, нѣчто въ родѣ адъютанта Тропачова. Не богатъ. Носитъ венгерку и шаровары. Говоритъ басомъ.

НАРЦЫСЪ КОНСТАНТИНЫЧЪ ТРЕМБИНСКІЙ, дворецкій и метръ-д'отель Елецкихъ. Проныривъ, крикливъ, хлопотливъ. Въ сущности большая бестія. Одѣтъ, хорошо, какъ слѣдуетъ дворецкому въ богатомъ домѣ. Говоритъ правильно, но съ бѣлорусскимъ произношеніемъ.

ЕГОРЪ КАРТАШОВЪ, управитель, 60 лѣтъ. Пухлый, заспанный человѣкъ. Гдѣ можно, крадетъ. Одѣтъ въ долгополый, синій сюртукъ.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА, кастелянша, 50 лѣтъ. Сухое, злое и желчное существо. На головѣ носитъ платокъ; ходитъ въ темномъ платьѣ; шамкаетъ.

МАША, горничная, 20 лѣтъ. Свѣжая дѣвка.

АНПАДИСТЪ, портной, 70 лѣтъ. Дряхлый, выжившій изъ ума, изнуренный и сѣвшій на ноги дворовый человѣкъ.

ПЕТРЪ, лакей, 25 лѣтъ. Молодой, здоровый парень. Зубоскалъ и балагуръ.

ВАСЬКА, казачокъ, 14 лѣтъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена представляетъ залу въ домѣ богатаго помѣщика; направо два окна и дверь въ садъ; налѣво дверь въ гостиную; прямо—въ переднюю. Между окнами раздвижной столъ; на столѣ шашешница. Спереди налѣво другой столъ и два кресла. Между гостиной и передней входъ въ корридоръ.

ТРЕМБИНСКІЙ (*за сценой*).

Это безпорядокъ! Я во всемъ здѣсь нахожу безпорядокъ! Это непростительно!... (*Входя въ сопровожденіи Петра лакея и казачка Васьки.*) Я имѣю формальное предписаніе отъ госпожи! Меня здѣсь всѣ должны слушаться! (*Къ Петру*) Понимаешь ты меня?

ПЕТРЪ.

Слушаю-съ.

ТРЕМБИНСКІЙ.

Госпожа съ своимъ супругомъ сегодня сюда пріѣхать изволятъ, — меня вотъ напередъ прислали, — а мы что̀ здѣсь дѣлаемъ? Ничего! (*Обращается къ казачку.*) Ты зачѣмъ здѣсь? Шататься тоже любишь, а? Ничего не дѣлать тоже? (*Схватываетъ его за ухо и держитъ.*) Даромъ хлѣбъ ѣсть? Это вы всѣ любите даромъ хлѣбъ ѣсть! Знаемъ мы васъ!

Вонъ! на мѣсто! (*Казачокъ уходитъ. Трембинскій садится въ кресло.*) Совсѣмъ, ей-богу, замучился! (*Вскакиваетъ.*) А чтожь портнаго мнѣ не представляютъ? Гдѣ жь, наконецъ, этотъ портной?

ПЕТРЪ (*глянувъ въ переднюю*).

Пришелъ портной-съ.

ТРЕМБИНСКІЙ.

Чтожь онъ не входитъ? Чего дожидается? Поди сюда, братецъ ты мой, какъ тебя зовутъ?

(*Входитъ Аппадистъ и становится у дверей, заложивъ руки за спину.*)

ТРЕМБИНСКІЙ (*Петру*).

Это портной?

ПЕТРЪ.

Точно такъ-съ.

ТРЕМБИНСКІЙ (*Аппадисту*).

Сколько тебѣ лѣтъ, братецъ ты мой?

АППАДИСТЪ.

Семидесятый годокъ пошолъ, батюшка.

ТРЕМБИНСКІЙ (*Петру*).

И другаго нѣтъ у васъ портнаго?

ПЕТРЪ.

Никакъ нѣтъ-съ. Былъ другой, да негоднымъ оказался. По причинѣ косноязычья.

ТРЕМБИНСКІЙ (*поднимая руку къ небу*).

Что за безпорядки! (*Аппадисту*). Ну, ты, старина, исполнилъ приказаніе?

АППАДИСТЪ.

Исполнилъ, батюшка.

ТРЕМБИНСКІЙ.

Воротники на ливреяхъ подшилъ?

АППАДИСТЪ.

Подшилъ, батюшка. Только, батюшка, желтаго суконца не хватило.... батюшка.

ТРЕМБИНСКІЙ.

Ну такъ какже ты распорядился?

АНПАДИСТЪ.

А, батюшка, мнѣ изъ кладовой юбочку старенькую выдали, жолтенькую такую.

ТРЕМБИНСКІЙ (*махая руками*).

И не говори!... Ну, однако, дѣлать нечего. Не ѣхать же теперь въ городъ за сукномъ. Ступай. (*Анпадистъ хочетъ итти.*) Да смотри у меня! Живо! А то вѣдь, я, братъ, того.... Ну, ступай. (*Анпадистъ уходитъ. Трембинскій опять садится и тотчасъ опять вскакиваетъ.*) Ахъ, да! чистятъ ли дорожки въ саду?

ПЕТРЪ.

Какже-съ, чистятъ-съ. Съ деревни безтягольныхъ нагнали.

ТРЕМБИНСКІЙ (*подступаетъ къ Петру*).

Да ты кто?

ПЕТРЪ (*съ изумленьемъ*).

Чего изволите-съ?

ТРЕМБИНСКІЙ (*подступаетъ ближе къ Петру*).

Ты кто, говорятъ тебѣ, кто ты?

ПЕТРЪ (*съ возрастающимъ изумленіемъ*).

Я-съ?

ТРЕМБИНСКІЙ (*подходитъ къ самому носу Петра*).

Да, ты, ты, ты.... Кто ты?

(*Петръ конфузится, глядитъ на Трембинскаго и молчитъ.*)

ТРЕМБИНСКІЙ.

Да говори же, наконецъ, — тебя я спрашиваю: кто ты такой?

ПЕТРЪ.

Я Петръ-съ.

ТРЕМБИНСКІЙ.

Нѣтъ, ты лакей — вотъ ты кто. Домъ — твое дѣло; и лампы чистить — тоже твое дѣло; а садъ — не твое дѣло. Безтягольныхъ ли нагнали или другихъ тамъ какихъ нибудь — это не твое дѣло. Это дѣло прикащика. Я тебя не спрашивалъ; я отъ тебя отвѣта не требовалъ. Твое дѣло за прикащикомъ сходить. Вотъ это — твое дѣло.

ПЕТРЪ.

Да вотъ они сами сюда идутъ-съ.

(*Входитъ Егоръ изъ передней.*)

ТРЕМБИНСКІЙ.

А, Егоръ Алексѣичъ! очень кстати изволили прійдти. Скажите, пожалуйста, вы распорядились тамъ въ саду, насчетъ...

ЕГОРЪ.

Распорядился, Нарцысъ Константинычъ. Не извольте безпокоиться.... Табачку не хотите ли?

ТРЕМБИНСКІЙ (*беретъ табакъ у Егора и нюхаетъ*).

Вы не повѣрите, Егоръ Алексѣичъ, въ какихъ я хлопотахъ съ утра. Признаюсь вамъ откровенно, не ожидалъ я въ такомъ большомъ имѣніи найти подобные безпорядки! Не по вашей части, разумѣется, не по хозяйству — а въ домѣ.

ЕГОРЪ.

Та-акъ-съ.

ТРЕМБИНСКІЙ.

Вообразите себѣ, напримѣръ, спрашиваю: музыканты имѣются? Вы понимаете — надо господъ какъ слѣдуетъ встрѣтить. Говорятъ мнѣ, имѣются. Ну, говорю, подайте ихъ сюда. Что̀ жь вы думаете? Всѣ они, музыканты-то, въ разныхъ должностяхъ состоятъ. Кто огородникомъ, кто сапожникомъ; контрабасъ за волами ходитъ. На что это похоже? Инструменты тоже въ безпорядкѣ. Насилу кое-какъ сладилъ. (*Опять нюхаетъ табакъ.*)

ЕГОРЪ.

Хлопотливую должность изволили получить-съ.

ТРЕМБИНСКІЙ.

Да, смѣю сказать, не даромъ хлѣбъ свой ѣмъ.... А что̀, музыканты стоятъ у крыльца?

ЕГОРЪ.

Какже, у крыльца. Дождикъ накрапывать сталъ — такъ они было въ официантскую забрались: инструменты, говорятъ, подмочитъ. Да я ихъ, признаться, выгналъ. Ну, не равно вѣстовой прозѣваетъ — господа вдругъ пожалуютъ. А инструменты можно подъ полой подержать.

ТРЕМБИНСКІЙ.

Совершенно справедливо. Кажется, все теперь въ порядкѣ.

ЕГОРЪ.

Будьте спокойны. Нарцысъ Константиновичъ. (*Взглядываетъ на Петра.*) Ты что тутъ торчишь? Ступай-ка вонъ, на свое мѣсто, мой любезный, между прод-чимъ. (*Петръ уходитъ въ переднюю. Изъ корридора выбѣгаетъ Маша.*) Ишь, ишь, ишь, куда, сударыня, спѣшите?

МАША.

Ахъ, Егоръ Алексѣичъ, оставьте! Прасковья Ивановна ужь и такъ затормошила совсѣмъ. (*Бѣжитъ въ переднюю.*)

ЕГОРЪ (*глядитъ ей въ слѣдъ, потомъ оборачивается къ Тремб инскому и подмигиваетъ глазомъ. Трембинскій ухмыляется*).

А позвольте узнать, Нарцысъ Константинычъ, который часъ?

ТРЕМБИНСКІЙ (*смотритъ на часы*).

Три четверти одиннадцатаго. Того и гляди, господа пріѣдутъ.

(*Изъ передней показывается Кузовкинъ, останавливается, дѣлаетъ кому-то сзади себя за дверью знаки, осторожно входитъ и пробирается къ столу возлѣ оконъ.*)

ЕГОРЪ.

Пойду, сбѣгаю въ контору. Староста, навѣрно, себѣ бороды не вычесалъ, а цѣловаться, небось, тоже полѣзетъ...(*Уходя, сталкивается съ Кузовкинымъ.*)

КУЗОВКИНЪ.

Здравствуйте, Егоръ Алексѣичъ!

ЕГОРЪ (*не безъ досады*).

Эхъ, Василій Семенычъ! не до васъ. (*Уходитъ въ переднюю. Кузовкинъ продолжаетъ пробираться къ окну.*)

ТРЕМБИНСКІЙ (*оглядывается и замѣчаетъ Кузовкина. Про себя.*)

А, этотъ! (*Кузовкинъ кланяется Трембинскому. Трембинскій небрежно киваетъ головой и говоритъ ему черезъ плечо.*) Ну, что̀? И вы туда же? Тоже молодыхъ господъ встрѣчать собрались?... а?

КУЗОВКИНЪ.

Какже-съ.

ТРЕМБИНСКІЙ.

Ну чтожь, и рады вы? (*Не дожидаясь его отвѣта.*) Пріодѣлись?

КУЗОВКИНЪ.

Да.... то есть....

ТРЕМБИНСКІЙ.

Хорошо, хорошо.... Вы можете тутъ въ уголку посидѣть. (*Кузовкинъ кланяется.*) Ахъ, да! я и забылъ! Петръ!.... Петръ!... Петрушка!... Что это? Никого нѣтъ въ передней?

ИВАНОВЪ (*до половины высовываясь изъ передней*).

Что угодно-съ?

ТРЕМБИНСКІЙ (*не безъ удивленія*).

Да позвольте.... Вы.... какимъ образомъ....

ИВАНОВЪ (*не выказываясь болѣе*).

Ивановъ, Иванъ Кузьмичъ... вотъ ихъ пріятель-съ... (*Указываетъ на Кузовкина*).

КУЗОВКИНЪ (*Трембинскому*).

Сосѣдъ.... здѣшній-съ.... Въ гости ко мнѣ пришолъ-съ.

ТРЕМБИНСКІЙ (*съ разстановкою и качая головой*).

Эхъ, не время теперь.... не мѣсто здѣсь, господа!

(*Петръ выходитъ изъ передней мимо самаго носа г. Иванова. Ивановъ прячется.*)

ТРЕМБИНСКІЙ (*Петру*).

Гдѣ ты пропадаешь? Ступай за мной.... Я хочу посмотрѣть — что̀ у тебя тамъ въ кабинетѣ.... Чай, все не такъ, какъ я приказалъ.... Положись-ка на васъ!

(*Оба уходятъ въ гостиную. Кузовкинъ остается одинъ.*)

КУЗОВКИНЪ (*послѣ нѣкотораго молчанія*).

Ваня.... а Ваня!

ИВАНОВЪ (*изъ передней, не показываясь*).

Чего?

КУЗОВКИНЪ.

Войди, Ваня, ничего, можно.

ИВАНОВЪ (*медленно входитъ*).

Я лучше уйду.

КУЗОВКИНЪ.

Нѣтъ, останься. Что за бѣда? Ты ко мнѣ пришолъ. Вотъ поди сюда. Вотъ тутъ сядь-ка. Это вотъ мой уголъ.

ИВАНОВЪ.

Пойдемъ лучше въ твою комнату.

КУЗОВКИНЪ.

Въ мою комнату намъ теперь идти нельзя. Тамъ теперь бѣлье разбираютъ.... Перинъ тоже много нанесли. Да здѣсь чѣмъ худо?

ИВАНОВЪ.

Нѣтъ, я лучше домой пойду.

КУЗОВКИНЪ.

Нѣтъ, Ваня, ты останься. Сядь-ка вотъ тутъ, ся-ядь. И я сяду. (*Кузовкинъ садится.*) Наши вотъ сейчасъ пріѣдутъ. Посмотри на нихъ.

ИВАНОВЪ.

Чего смотрѣть.

КУЗОВКИНЪ.

Какъ чего смотрѣть? Ольга-то Петровна въ Петербургѣ замужъ вышла. Каковъ-то у нея муженекъ? Ну, да и ее мы съ тобой давно не видали. Шесть лѣтъ слишкомъ. Сядь.

ИВАНОВЪ.

Да что, Василій Семенычъ, право....

КУЗОВКИНЪ.

Сядь, сядь, говорятъ. Ты не смотри на то, что новый дворецкій кричитъ. Богъ съ нимъ совсѣмъ! Онъ вѣдь для этого приставленъ.

ИВАНОВЪ.

Ольга Петровна-то, чай, за богатаго вышла? (*Садится.*)

КУЗОВКИНЪ.

Не знаю, Ваня, какъ тебѣ сказать, а чиновникъ, говорятъ, важный. Ну, Ольгѣ Петровнѣ такъ и слѣдовало. Не вѣкъ же ей было со своей теткой жить.

ИВАНОВЪ.

А какъ бы, Василій Семенычъ, новый-то баринъ насъ съ тобою не выгналъ.

КУЗОВКИНЪ.

А зачѣмъ ему насъ выгнать?

ИВАНОВЪ.

То есть, я про тебя говорю.

КУЗОВКИНЪ (*со вздохомъ*).

Знаю, Ваня, знаю. Ты, братъ, что ни говори, все-таки помѣщикъ. А на меня и платье-то не изъ цѣлаго кроятъ. Все съ чужаго плеча. А все-таки новый баринъ меня не выгонитъ. Покойный баринъ — и тотъ меня не выгналъ.... А ужь начто былъ сердитъ.

ИВАНОВЪ.

Да ты, Василій Семенычъ, петербургскихъ молодцовъ не знаешь.

КУЗОВКИНЪ.

А что, Иванъ Кузьмичъ, развѣ они.... того?

ИВАНОВЪ.

Просто, говорятъ, бѣда! Я ихъ тоже не знаю, а слыхалъ.

КУЗОВКИНЪ (*послѣ минутнаго молчанія*).

Ну, посмотримъ. Я на Ольгу Петровну надѣюсь. Она не выдастъ.

ИВАНОВЪ.

Не выдастъ! Да она, чай, и забыла тебя совсѣмъ. Вѣдь она отсюда, послѣ смерти покойной матушки своей, — съ теткой-то съ своей, — ребенкомъ выѣхала. Что ей? и четырнадцати лѣтъ не было. Ты съ ней въ куклы игрывалъ—велико дѣло! Она и не посмотритъ на тебя.

КУЗОВКИНЪ.

Ну, нѣтъ, Ваня.

ИВАНОВЪ.

Вотъ увидишь.

КУЗОВКИНЪ.

Ну, полно же, Ваня, пожалуйста.

ИВАНОВЪ.

Да вотъ увидишь, Василій Семенычъ.

КУЗОВКИНЪ.

Право, Ваня, перестань.... Съиграемъ-ка лучше въ шашки.... А? какъ по твоему? (*Ивановъ молчитъ.*) Что такъ сидѣть-то? Давай-ка, братъ, давай. (*Беретъ шашешницу и разставляетъ шашки.*)

ИВАНОВЪ (*тоже разставляетъ шашки*).

Нашелъ время, нечего сказать. Дворецкій позволитъ тебѣ, какже!

КУЗОВКИНЪ.

А мы развѣ кому мѣшаемъ?

ИВАНОВЪ.

Да господа сейчасъ пріѣдутъ.

КУЗОВКИНЪ.

Господа пріѣдутъ—мы бросимъ. Въ правой или въ лѣвой?

ИВАНОВЪ.

Ужь прогонятъ насъ съ тобой, Василій Семенычъ, вотъ увидишь. Въ лѣвой. Тебѣ начинать.

КУЗОВКИНЪ.

Мнѣ.... Я, братъ, сегодня вотъ какъ начинаю.

ИВАНОВЪ.

Вишь, что вздумалъ. А я вотъ какъ.

КУЗОВКИНЪ.

А я сюда.

ИВАНОВЪ.

А я сюда.

(*Вдругъ въ передней поднимается шумъ. Казачокъ Васька вбѣгаетъ, сломя голову, и кричитъ: «ѣдутъ! ѣдутъ! Нарцысъ Косkенкинычъ! ѣдутъ!».... Кузовкинъ и Ивановъ вскакиваютъ.*)

КУЗОВКИНЪ (*въ большомъ волненіи*).

Ѣдутъ? ѣдутъ?

ВАСЬКА (*кричитъ*).

Махальный знакъ подалъ — ѣдутъ!

(Изъ гостиной раздается голосъ Трембинскаго: «что такое? господа — господа ѣдутъ?» Онъ вмѣстѣ съ Петромъ выбѣгаетъ изъ гостиной.)

ТРЕМБИНСКІЙ *(кричитъ).*

Музыканты! музыканты по мѣстамъ!

(Убѣгаетъ въ переднюю; Петръ и казачекъ за нимъ. Изъ корридора выскакиваетъ Маша.)

МАША.

Господа ѣдутъ?

КУЗОВКИНЪ.

Ѣдутъ, ѣдутъ.

(Ивановъ съ тоской забивается въ уголъ. Маша бѣжитъ въ корридоръ съ крикомъ: «ѣдутъ!» Черезъ мгновенье изъ корридора вырывается Прасковья Ивановна, а изъ передней Трембинскій.)

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Ѣдутъ?

ТРЕМБИНСКІЙ.

Дѣвокъ зовите сюда, дѣвокъ!

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА *(кричитъ въ корридоръ).*

Дѣвки! дѣвки!

ЕГОРЪ *(вбѣгая изъ передней).*

А гдѣ жь хлѣбъ-соль, Нарцысъ Константинычъ?

ТРЕМБИНСКІЙ *(кричитъ во все горло).*

Петръ! Петръ! Хлѣбъ-соль! Гдѣ хлѣбъ-соль? *(Изъ корридора выходятъ шесть разряженныхъ дѣвокъ.)* Въ переднюю, дѣвки, въ переднюю!

(Дѣвки бѣгутъ въ переднюю и сталкиваются въ дверяхъ съ Петромъ. У него на рукахъ блюдо съ огромнымъ кренделемъ и солонкой.)

ПЕТРЪ.

Тише, вы, сумасшедшія!

ТРЕМБИНСКІЙ *(вырываетъ у Петра блюдо и передаетъ его на руки Егору).*

Это вамъ... Ступайте на крыльцо, ступайте.

(*Выталкиваетъ его вонъ вмѣстѣ съ Петромъ и Прасковьей Ивановной, бѣжитъ самъ за нимъ и кричитъ въ передней: «а люди-то гдѣ?... людей сюда!»*)

ГОЛОСЪ ПЕТРА.

Анпадиста позовите!

ДРУГОЙ ГОЛОСЪ.

У него десятскій сапоги отобралъ...

ГОЛОСЪ ТРЕМБИНСКАГО.

Кучеровъ сюда, кучеровъ!

ГОЛОСЪ ДѢВОКЪ.

Ѣдутъ, ѣдутъ!

ГОЛОСЪ ТРЕМБИНСКАГО.

Молчать теперь, молчать!

(*Воцаряется глубокое молчаніе. Кузовкинъ, который во все время тревоги находился въ большомъ волненіи, но почти не сходилъ съ мѣста, съ жадностью прислушивается.—Вдругъ музыка начинаетъ фальшиво играть: «Громъ побѣды раздавайся»... Карета подъѣзжаетъ къ крыльцу, раздается говоръ, музыка умолкаетъ. Слышны лобызанья... Черезъ мгновенье входятъ Ольга Петровна, ея мужъ; у него въ одной рукѣ крендель; за ними Трембинскій, Егоръ съ блюдомъ, Прасковья Ивановна и дворня, которая, однако, останавливается въ дверяхъ.*)

ОЛЬГА (*съ улыбкой мужу*).

Ну вотъ, мы дома, наконецъ, Paul. (*Елецкій жметъ ей руку*), Какъ я рада! (*Обращаясь къ дворовымъ*). Благодарствуйте, благодарствуйте! (*Указывая на Елецкаго*) Вотъ вамъ вашъ новый господинъ.... Прошу любить и жаловать. (*Къ мужу*) Rendez celà, mon ami. (*Елецкій отдаетъ крендель Егору*).

ТРЕМБИНСКІЙ (*наклонивъ всю верхнюю часть тѣла*).

Не угодно ли будетъ что приказать.... покушать.... или, можетъ быть, чаю....

ОЛЬГА.

Нѣтъ, благодарствуйте, послѣ. (*Къ мужу*) Я хочу показать тебѣ весь нашъ домъ, твой кабинетъ... Я цѣлыхъ семь лѣтъ здѣсь не была... семь лѣтъ!

ЕЛЕЦКІЙ.

Покажи.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА (*принимая съ рукъ Ольги шляпу и мантилью*).

Матушка вы наша, голубушка....

ОЛЬГА (*улыбается ей въ отвѣтъ и глядитъ кругомъ*).

А постарѣлъ нашъ домъ.... И комнаты мнѣ меньше кажутся.

ЕЛЕЦКІЙ (*голосомъ ласковаго наставника*).

Это всегда такъ кажется. Ты отсюда ребенкомъ выѣхала.

КУЗОВКИНЪ (*который все время глазъ не спускалъ съ Ольги, подходитъ къ ней*).

Ольга Петровна, позвольте.... (*Голосъ у него перерывается.*)

ОЛЬГА (*сперва не узнаетъ его*).

А. .. ахъ, Василій.... Василій Петровичъ, какъ ваше здоровье? Я васъ и не узнала сперва.

КУЗОВКИНЪ (*цѣлуетъ у ней руку*).

Позвольте.... поздравить....

ОЛЬГА (*мужу, указывая на Кузовкина*).

Старый нашъ пріятель, Василій Петровичъ...

ЕЛЕЦКІЙ (*кланяется*).

Очень радъ.

(*Ивановъ издали тоже кланяется, хотя его еще не замѣтили.*)

КУЗОВКИНЪ (*кланяется Елецкому*).

Съ пріѣздомъ.... Мы всѣ.... такъ рады....

ЕЛЕЦКІЙ (*кланяется ему еще разъ, и въ полголоса женѣ*).

Кто это?

ОЛЬГА (*тоже въ полголоса*).

Бѣдный дворянинъ, у насъ въ домѣ проживаетъ. (*Громко.*) Ну, пойдемъ, я тебѣ хочу весь домъ показать.... Я здѣсь родилась, Paul, я здѣсь выросла....

ЕЛЕЦКІЙ.

Пойдемъ, съ удовольствіемъ.... (*Обращаясь къ Трембинскому.*) А вы, пожалуйста, прикажите моему каммердинеру.... вещи тамъ мои....

ТРЕМБИНСКІЙ (*торопливо*).

Слушаю, слушаю-съ.

ОЛЬГА.

Пойдемъ же, Paul. (*Оба идутъ въ гостиную.*)

ТРЕМБИНСКІЙ (*ко всей дворнѣ, въ полголоса*).

Ну, друзья мои, ступайте теперь по мѣстамъ. Вы, Егоръ Алексѣичъ, останьтесь въ передней — неравно баринъ спроситъ.

(*Егоръ и дворовые уходятъ въ переднюю, Прасковья Ивановна съ горничными въ корридоръ.*)

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА (*въ дверяхъ*).

Идите, идите.... Да ты, Машка, чего смѣешся? (*Уходитъ.*)

ТРЕМБИНСКІЙ (*къ Кузовкину и Иванову*).

А вы, господа, здѣсь останетесь, что ли?

КУЗОВКИНЪ.

Мы здѣсь останемся.

ТРЕМБИНСКІЙ.

Ну, хорошо.... Только, пожалуйста, вы знаете.... (*Дѣлаетъ знаки руками*). Ради Бога.... а то вѣдь съ насъ же взыщутъ.... (*Уходитъ на цыпочкахъ въ переднюю.*)

КУЗОВКИНЪ (*глядитъ ему вслѣдъ и быстро обращается къ Иванову*).

А, Ваня, какова? Нѣтъ, скажи, какова? Какъ выросла, а? Красавица какая стала? И меня не забыла. А видишь, Ваня, видишь: выходитъ — я правъ.

ИВАНОВЪ.

Не забыла.... А зачѣмъ же она тебя Васильемъ Петровичемъ-то величаетъ?

КУЗОВКИНЪ.

Экой ты Ваня! Ну, чтожь тутъ такое — Петровичъ, Семенычъ, ну, не все ли равно; — ну, самъ посуди, ты вѣдь умный человѣкъ. Мужу своему меня представила. Видный мужчина! Молодецъ! и лицо такое.... О, да онъ, должно быть, чиновный человѣкъ! Какъ ты думаешь, Ваня?

ИВАНОВЪ.

Не знаю, Василій Семенычъ. Я вотъ лучше уйду.

КУЗОВКИНЪ.

Экой, Ваня! да что съ тобой сдѣлалось? На себя, ей-Богу, не похожъ. Уйду да уйду. Ты лучше мнѣ скажи, какова тебѣ наша молодая показалась?

ИВАНОВЪ.

Хороша, чтожь, я не говорю.

КУЗОВКИНЪ.

Улыбка одна чего стòитъ.... А голосъ, а? Малиновка, просто, канарейка. И мужа своего любитъ. Это сейчасъ видно. А, Ваня? вѣдь видно?

ИВАНОВЪ.

Господь ихъ знаетъ, Василій Семенычъ.

КУЗОВКИНЪ.

Грѣшно тебѣ, Иванъ Кузмичъ, ей-богу грѣшно. Человѣку весело — а ты.... Да вотъ они опять сюда идутъ.

(*Входятъ Ольга и Елецкій изъ гостиной.*)

ОЛЬГА.

Не великъ нашъ домъ, какъ видишь. Чѣмъ богаты тѣмъ и рады.

ЕЛЕЦКІЙ.

Помилуй, прекрасный домъ; превосходно расположенъ.

ОЛЬГА.

Ну, теперь пойдемъ въ садъ.

ЕЛЕЦКІЙ.

Съ удовольствіемъ.... а впрочемъ.... мнѣ бы хотѣлось слова два переговорить съ твоимъ управляющимъ.

ОЛЬГА (*съ упрекомъ*).

Съ твоимъ?

ЕЛЕЦКІЙ (*съ улыбкой*).

Съ нашимъ. (*Цѣлуетъ у ней руку.*)

ОЛЬГА.

Ну, какъ хочешь. Я вотъ съ собой Василья Петровича возьму. Василій Петровичъ, пойдемте въ садъ.... Хотите?

КУЗОВКИНЪ (*съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ*).

Помилуйте.... я.... я....

ЕЛЕЦКІЙ.

Надѣнь шляпу, Оля.

ОЛЬГА.

Не нужно. (*Накидываетъ шарфъ на голову.*) Пойдемте, Василій Петровичъ.

КУЗОВКИНЪ.

Позвольте, Ольга Петровна, представить вамъ одного.... тоже.... здѣшняго сосѣда, Иванова....

(*Иванъ Кузьмичъ конфузится и кланяется.*)

ОЛЬГА.

Очень рада. (*Къ Иванову.*) Угодно вамъ идти съ нами въ садъ? (*Ивановъ кланяется.*) Дайте мнѣ вашу руку, Василій Петровичъ....

КУЗОВКИНЪ (*не вѣря ушамъ*).

Какъ-съ....

ОЛЬГА (*смѣясь*).

Да вотъ такъ. (*Беретъ его руку и продѣваетъ свою.*) Помните ли вы, Василій Петровичъ.... (*Уходятъ въ стеклянную дверь. Ивановъ идетъ за ними.*)

ЕЛЕЦКІЙ (*подходитъ къ стеклянной двери, глядитъ вслѣдъ женѣ, возвращается къ столу на лѣво и садится*).

Эй! кто тамъ? Человѣкъ!

ПЕТРЪ (*выходя изъ передней*).

Чего изволите-съ?

ЕЛЕЦКІЙ.

Какъ тебя зовутъ, любезный?

ПЕТРЪ.

Петромъ-съ.

ЕЛЕЦКІЙ.

А! Ну, такъ позови же мнѣ управляющаго — какъ бишь его зовутъ — Егоромъ, что ли?

ПЕТРЪ.

Точно такъ-съ.

ЕЛЕЦКІЙ.

Позови-ка его.

(*Петръ уходитъ. Спустя мгновенье, входитъ Егоръ, останавливается у дверей и складываетъ руки за спину.*)

ЕЛЕЦКІЙ (*голосомъ начальника отдѣленія*).

Егоръ, я намѣренъ осмотрѣть завтра имѣнье Ольги Петровны.

ЕГОРЪ.

Слушаю-съ.

ЕЛЕЦКІЙ.

Много здѣсь душъ?

ЕГОРЪ.

Въ селѣ Тимофеевскомъ триста-восемьдесятъ-четыре мужеска пола, по ревизіи. На лицо больше....

ЕЛЕЦКІЙ.

А сколько больше?

ЕГОРЪ (*кашляетъ въ руку*).

Душъ, эдакъ, будетъ десятка съ два.

ЕЛЕЦКІЙ.

Гм.... Прошу аккуратно узнать и донести. Черезполосица есть?

ЕГОРЪ.

Въ круглой межѣ дача состоитъ-съ.

ЕЛЕЦКІЙ (*глядитъ на Егора съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ*).

Гм.... А удобной земли много?

ЕГОРЪ.

Достаточно-съ. Двѣсти семьдесять пять десятинъ въ клину.

ЕЛЕЦКІЙ (*опять съ недоумѣніемъ глядитъ на Егора*).

А неудобной сколько?

ЕГОРЪ (*съ нѣкоторой разстановкой*).

Какъ вамъ доложить-съ.... Подъ кустарниками.... овраги тоже есть.... Ну, да вотъ подъ усадьбой.... выгонъ тоже. (*Оправившись.*) Подъ покосъ идетъ-съ.

ЕЛЕЦКІЙ (*играя бровями*).

А сколько именно?

ЕГОРЪ.

Да кто ее знаетъ-съ. Земля не мѣрянная. Развѣ на планѣ означено. Десятинъ, пожалуй что, пятьдесятъ набѣжитъ.

ЕЛЕЦКІЙ (*про себя*).

Все это безпорядки. (*Громко.*) А лѣсъ есть?

ЕГОРЪ.

Двадцат восемь десятинъ-съ съ осьминникомъ.

ЕЛЕЦКІЙ (*громко съ разстановкой*).

Стало быть, всего десятинъ эдакъ съ пятьсотъ имѣется?

ЕГОРЪ.

Съ пятьсотъ-съ? За двѣ тысячи наберется.

ЕЛЕЦКІЙ.

Какъ же ты самъ.... (*Останавливается.*) Да.... да.... я.... я такъ и хотѣлъ сказать. Понимаешь?

ЕГОРЪ.

Слушаю-съ.

ЕЛЕЦКІЙ. (*весьма серьезно*).

Ну, а что, здѣшніе мужики хорошо себя ведутъ? Смирны?

ЕГОРЪ.

Народъ хорошій-съ. Острастку любитъ-съ.

ЕЛЕЦКІЙ.

Гм.... Ну, и не разорены?

ЕГОРЪ.

Какъ можно-съ! Никакъ нѣтъ-съ. Много довольны.

ЕЛЕЦКІЙ.

Ну, я это все самъ завтра разберу. Можешь идти. Да скажи пожалуйста, что это за господинъ тутъ живетъ — кто онъ такой?

ЕГОРЪ.

Кузовкинъ, Василій Семенычъ, дворянинъ. На хлѣбахъ-съ проживаетъ. Еще со временъ стараго барина. Они ихъ, можно сказать, для потѣхи при себѣ держали.

ЕЛЕЦКІЙ.

И давно онъ здѣсь живетъ?

ЕГОРЪ.

Давно-съ. Со смерти стараго барина двадцатый годъ пошолъ, а Василій Семенычъ-то еще при жизни покойника у насъ поселился.

ЕЛЕЦКІЙ.

Ну, хорошо.... А что — у васъ контора вѣдь есть?

ЕГОРЪ.

Какъ безъ конторы быть-съ....

ЕЛЕЦКІЙ.

Это я все завтра осмотрю. Ступай. (*Егоръ уходитъ.*) А этотъ управляющій, кажется, глупъ. Впрочемъ, увидимъ. (*Встаетъ и прохаживается.*) Вотъ я и въ деревнѣ — у себя въ деревнѣ. Странно какъ-то. А хорошо. (*Въ передней раздается голосъ Тропачева: «Пріѣхали? Сегодня?»*).

ЕЛЕЦКІЙ (*про себя*).

Кто это?

ПЕТРЪ (*входя изъ передней*).

Тропачовъ, Флегонтъ Александрычъ, пріѣхали-съ. Желаютъ васъ видѣть-съ.... Что̀ прикажете доложить-съ?

ЕЛЕЦКІЙ (*про себя*).

Кто бишь это такой.... Знакомое имя. (*Громко.*) Проси.

ТРОПАЧОВЪ (*входитъ*).

Здравствуйте, Павелъ Николаичъ, bonjour. (*Елецкій кланяется съ замѣтнымъ недоумѣніемъ.*) Вы меня какъ будто не узнаете.... Помните, въ Петербургѣ, у графа Кунцова....

ЕЛЕЦКІЙ.

Ахъ, точно.... милости просимъ, я очень радъ.... (*Жметъ ему руку.*)

ТРОПАЧОВЪ.

Я вашъ ближайшій сосѣдъ. Живу въ двухъ верстахъ отсюда. Въ городъ ѣзжу мимо самого вашего дома. Я зналъ, что васъ ожидали.... Дай, думаю, заѣду, справлюсь сегодня. Но если я не во время пріѣхалъ, вы мнѣ пожалуйста скажите. Entre gens comme il faut, вы понимаете, — что за церемоніи!

ЕЛЕЦКІЙ.

Напротивъ, — я надѣюсь, что вы останетесь обѣдать у насъ.... хотя я не знаю, что̀ намъ приготовилъ нашъ деревенскій поваръ.

ТРОПАЧОВЪ (*рисуясь и играя палкой*).

О Боже мой, я знаю, у васъ все на большой ногѣ. Вы, я надѣюсь, сдѣлаете мнѣ тоже честь отобѣдать на дняхъ у меня.... Вы не повѣрите, какъ я радъ вашему пріѣзду. Здѣсь такъ мало порядочныхъ людей, des gens comme il faut. — Et madame? Какъ ея здоровье? Я знавалъ ее ребенкомъ. Да, да, я знаю вашу жену, очень хорошо знаю. Поздравляю васъ, Павелъ Николаичъ, отъ души поздравляю. Хе, хе. Но она, вѣроятно, меня нисколько не помнитъ. (*Опять рисуется и гладитъ бакенбарды.*)

ЕЛЕЦКІЙ.

Она будетъ очень рада.... Она пошла гулять въ садъ съ этимъ.... съ этимъ господиномъ, который здѣсь проживаетъ.

ТРОПАЧОВЪ (*съ пренебреженіемъ*).

А — съ этимъ! Вѣдь это, кажется, нѣчто въ родѣ шута.... А впрочемъ, человѣкъ онъ смирный. Кстати, со мной другой дворянинъ пріѣхалъ.... Онъ тамъ въ передней.... Вы позволите?

ЕЛЕЦКІЙ.

Сдѣлайте одолженіе.... Какъ же въ передней....

ТРОПАЧОВЪ.

Oh, ne faites pas attention. Это такъ; это.... это ничего. Тоже по бѣдности у меня проживаетъ. Ѣздитъ со мной.... Одному, знаете, въ дорогѣ скучно. Пожалуйста, не безпокойтесь.... je vous en prie. (*Подходитъ къ передней.*) Карпачовъ! войди, братецъ. (*Карпачовъ входитъ и кланяется.*) Вотъ-съ, Павелъ Николаичъ, рекомендую-съ.

ЕЛЕЦКІЙ.

Я очень радъ.

ТРОПАЧОВЪ (*беретъ Елецкаго подъ руку и тихонько отворачиваетъ его отъ Карпачова, который скромно отходитъ въ сторонку*).

C'est bien, c'est bien. Надолго вы у насъ поселились, Павелъ Николаичъ?

ЕЛЕЦКІЙ.

Я взялъ трехъ-мѣсячный отпускъ. (*Оба начинаютъ ходить взадъ и впередъ.*)

ТРОПАЧОВЪ.

Мало.... мало. Ну, я понимаю, вамъ нельзя было больше. И то, я думаю, васъ съ трудомъ отпустили. Хе, хе. Надо вамъ отдохнуть. Что, вы охоту любите?

ЕЛЕЦКІЙ.

Я отъ-роду ружья въ руки не бралъ.... Однако передъ отъѣздомъ купилъ себѣ собаку. А что, здѣсь много дичи?

ТРОПАЧОВЪ.

Есть, есть. Это ужь, если вы позволите, я на себя возьму. Мы изъ васъ сдѣлаемъ охотника. (*Къ Карпачову.*) Что, у насъ въ Малинникѣ выводки есть?

КАРПАЧОВЪ (*изъ угла басомъ*).

Два выводка — а въ Каменной Грядѣ три.

ТРОПАЧОВЪ.

А, — хорошо!

КАРПАЧОВЪ.

Өедулъ лѣсникъ тоже намедни сказывалъ, что въ Горѣломъ....

(*Изъ сада входитъ Ольга съ Кузовкинымъ и Ивановымъ. Карпачовъ умолкаетъ и кланяется.*)

ОЛЬГА.

Ахъ, Paul, какъ нашъ садъ хорошъ.... (*Останавливается при видѣ Тропачова.*)

ЕЛЕЦКІЙ (*Ольгѣ*).

Позволь мнѣ тебѣ представить....

ТРОПАЧОВЪ (*перебивая Елецкаго*).

Извините, извините, мы старые знакомые.... Ольга Петровна вѣроятно не узнаетъ меня.... И не удивительно. Я ее зналъ (*показывая рукой на аршинъ отъ пола*) comme ça. (*Рисуется и продолжаетъ съ улыбкой.*) Тропачовъ, Флегонтъ.... помните сосѣда Тропачова, Флегонта? Помните, онъ вамъ игрушки изъ города привозилъ? Вы были тогда такой милый ребенокъ — а теперь.... (*Значительно напираетъ на послѣднемъ словѣ, кланяется, отступаетъ шагъ назадъ и выпрямляется, весьма довольный собою.*)

ОЛЬГА.

Ахъ, м'сьё Тропачовъ, какъ же.... Я теперь узнаю васъ... (*Протягиваетъ ему руку.*) Вы не повѣрите, какъ я счастлива съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь.

ТРОПАЧОВЪ (*сладко*).

Будто только съ тѣхъ поръ?

ОЛЬГА (*улыбается ему въ отвѣтъ*).

Мое дѣтство мнѣ такъ живо вспомнилось.... Paul, ты непремѣнно долженъ со мною пойти въ садъ.... Я покажу тебѣ акацію, которую я сама посадила.... Она теперь гораздо выше меня.

ЕЛЕЦКІЙ (*Ольгѣ, указывая на Карпачова*).

М'сьё Карпачовъ, тоже сосѣдъ.

(*Карпачовъ кланяется и жмется въ уголъ, куда уже успѣли забиться Кузовкинъ и Ивановъ.*)

ОЛЬГА.

Я очень рада....

ТРОПАЧОВЪ (*Ольгѣ*).

Ne faites pas attention. (*Громко и потирая руки.*) Итакъ вотъ вы у себя въ деревнѣ наконецъ — хозяйкой.... Какъ время-то летитъ, а?

ОЛЬГА.

Вы, надѣюсь, у насъ обѣдаете?

ЕЛЕЦКІЙ.

Я уже пригласилъ.... pardon.... какъ васъ по имени и по отчеству?

ТРОПАЧОВЪ.

Флегонтъ Александрычъ.

ЕЛЕЦКІЙ.

Я пригласилъ Флегонта Александрыча.... Боюсь я только, что обѣдъ....

ТРОПАЧОВЪ.

О, полноте!

ОЛЬГА (*отводя немного Елецкаго въ сторону*).

Не во время пріѣхалъ этотъ господинъ....

ЕЛЕЦКІЙ.

Да.... Впрочемъ онъ, кажется, порядочный человѣкъ.

ТРОПАЧОВЪ (*отходитъ въ сторону и. непринужденно покачиваясь и покусывая набалдашникъ своей палки, подходитъ къ Кузовкину и говоритъ ему въ носъ*).

А, вотъ вы? Ну, какъ вы?

КУЗОВКИНЪ.

Слава Богу-съ — покорнѣйше благодарю-съ.

ТРОПАЧОВЪ (*указывая локтемъ на Карпачова*).

Вы вѣдь его знаете?

КУЗОВКИНЪ.

Какъ же съ.... мы знакомы-съ.

ТРОПАЧОВЪ.

Такъ, такъ, такъ.... (*Къ Иванову.*) А какъ бишь васъ? И вы тутъ?

ИВАНОВЪ.

И я съ....

ОЛЬГА (*къ Тропачову*).

М'сьё.... м'сьё Тропачовъ....

ТРОПАЧОВЪ (*быстро оборачивается*).

Madame?

ОЛЬГА.

Вѣдь я съ вами какъ съ старымъ пріятелемъ, — безъ церемоніи, не правда ли?

ТРОПАЧОВЪ.

Помилуйте....

ОЛЬГА.

Вы мнѣ позвольте пойти къ себѣ.... Мы только что пріѣхали.... Надобно посмотрѣть....

ТРОПАЧОВЪ.

Сдѣлайте одолженье, Ольга Петровна.... Да и вы, Павелъ Николаичъ, будьте какъ дома, хе, хе. Мы вотъ здѣсь поболтаемъ немножко съ этими господами....

ОЛЬГА.

Притомъ — вы хоть и старый пріятель, но все таки мнѣ совѣстно.... въ этомъ дорожномъ платьѣ....

ТРОПАЧОВЪ (*ухмыляясь*).

Я бы не принялъ подобнаго.... подобнаго предлога.... еслибъ я не зналъ, что для дамъ.... туалетъ.... всегда.... такъ сказать.... всегда пріятно.... (*запутывается, кланяется и рисуется.*)

ОЛЬГА (*смѣясь*).

Вы злы.... Я васъ оставляю, господа... до свиданья. (*Уходитъ въ гостиную.*)

ТРОПАЧОВЪ.

Павелъ Николаичъ, позвольте мнѣ еще разъ поздравить васъ.... Вы, можно сказать, счастливый человѣкъ....

ЕЛЕЦКІЙ (*улыбается и жметъ ему руку*).

Вы правы.... Ѳаддей.... Флегонтъ Александрычъ.

ТРОПАЧОВЪ.

Но, послушайте, я васъ можетъ быть удерживаю.

ЕЛЕЦКІЙ.

Напротивъ, Флегонтъ Александрычъ. Знаете ли что?... Вамъ, какъ хозяину, это не будетъ непріятно....

ТРОПАЧОВЪ (*надвигаясь на Павла Николаича и прижимая его руку къ своему желудку*).

Располагайте мною, Павелъ Николаичъ, прошу васъ.

ЕЛЕЦКІЙ.

Хотите, мы передъ завтракомъ сходимъ на гумно? Отсюда два шага — подлѣ сада.

ТРОПАЧОВЪ.

Ecnchanté! — помилуйте.

ЕЛЕЦКІЙ.

Ну, такъ берите вашу шляпу. (*Громко.*) Человѣкъ, кто тамъ? (*Входитъ Петръ.*) Завтракъ вели приготовить.

ПЕТРЪ.

Слушаю-съ. (*Уходитъ.*)

ТРОПАЧОВЪ.

Карпачовъ пойдемъ съ нами, если вы позволите.

ЕЛЕЦКІЙ.

Очень радъ.... (*Оба уходятъ. Карпачовъ идетъ за ними.*)

КУЗОВКИНЪ (*живо обращаясь къ Иванову*).

Ну, Ваня, скажи теперь самъ, какова наша Оля?

ИВАНОВЪ.

Чтожь, я не говорю, — хороша.

КУЗОВКИНЪ.

А ласкова-то какъ, Ваня?

ИВАНОВЪ.

Да — она не то, что онъ.

КУЗОВКИНЪ.

А чѣмъ же онъ дуренъ? Ты, Ваня, разсуди: онъ человѣкъ важный, привыкъ, знаешь, эдакъ себя держать. Онъ бы и радъ, да ты понимаешь: нельзя. Оно у нихъ такъ тамъ требуется. А замѣтилъ ли ты, Ваня, какіе у ней глаза?

ИВАНОВЪ.

Нѣтъ, не замѣтилъ, Василій Семенычъ.

КУЗОВКИНЪ.

Я, братъ, тебѣ послѣ этого удивляюсь, — ей-богу. Это не хорошо, Ваня, право не хорошо.

ИВАНОВЪ.

Можетъ быть; чтожь, я не говорю.... А вотъ дворецкій идетъ.

КУЗОВКИНЪ (*понизивъ голосъ*)

Ну, чтожь, что идетъ. Мы ничего.

(*Входитъ Трембинскій съ Петромъ. Петръ несетъ завтракъ на поднось.*)

ТРЕМБИНСКІЙ (*выдвигая столъ на средину сцены*).

Вотъ, здѣсь поставь, да не разбей, смотри. (*Петръ ставитъ подносъ и развертываетъ скатерть. Трембинскій отнимаетъ ее у него.*) Подай.... Это я самъ, а ты за виномъ ступай. (*Петръ уходитъ. Трембинскій накрываетъ столъ и съ боку поглядываетъ на Кузовкина.*) Эка, подумаешь, иные люди — точно въ сорочкѣ родятся. Нашъ братъ бьется, какъ рыба о ледъ, изъ-за куска хлѣба, а имъ все достается даромъ. Гдѣ, послѣ этого, позвольте спросить, справедливость на свѣтѣ? Удивительное, право дѣло!

КУЗОВКИНЪ (*осторожно прикасается плеча Тремблинскаго. Тремблинскій глядитъ на него съ удивленіемъ*).

Объ стѣну.... замарались....

ТРЕМБИНСКІЙ.

Вотъ еще.... велика бѣда.... оставьте. (*Входитъ Петръ съ бутылками и вазой шампанскаго, которую ставитъ на маленькій столъ подлѣ двери.*) Ну, иди, поворачивайся. (*Беретъ бутылки и ставитъ на столъ.*) Да шашки, вонъ, прибери.... Вишь, когда вздумали господа играть.... И что за игра? Дворянская это игра, что ли? (*Петръ убираетъ шашки.*)

ИВАНОВЪ (*тихо Кузовкину*).

Прощай, братъ.

КУЗОВКИНЪ (*тихо*).

Куда ты?

ИВАНОВЪ (*тихо*).

Домой.

КУЗОВКИНЪ (*тихо*).

Полно, останься.

ЕГОРЪ (*выглядывая изъ передней, торопливо*).

Нарцысъ Константиновичъ, а Нарцысъ Константиновичъ...

ТРЕМБИНСКІЙ (*оглядываясь*).

Чего?

ЕГОРЪ.

Куда баринъ пошолъ?

ТРЕМБИНСКІЙ.

На гумно. А вы чтожь не съ нимъ?

ЕГОРЪ.

На гумно.... Ахъ, батюшки....

(*Хочетъ бѣжать, но тотчасъ же выпрямляется, закидываетъ руки назадъ и жмется къ двери.... Входятъ Елецкій, Тропачовъ и Карпачовъ.*)

ЕЛЕЦКІЙ (*Тропачову*).

Итакъ — vous êtes content?

ТРОПАЧОВЪ.

Très bien, très bien, tout est très bien.... А, Егоръ, здравствуй! (*Егоръ кланяется. Тропачовъ треплетъ его по плечу.*)

Это у васъ прекрасный человѣкъ, Павелъ Николаичъ.... Вы можете смѣло на него положиться. (*Егоръ опять кланяется и уходитъ.*) А вотъ и завтракъ. (*Подходитъ къ столу.*) Э! да это цѣлый обѣдъ! Comme c'est bien servi. (*Снимаетъ серебряную покрышку съ одного блюда.*) Дупели.... прошу покорно.... хоть бы у Сенъ-Жоржа.... Экая бестія этотъ Сенъ-Жоржъ! А кормитъ славно. Я таки проѣлъ у него не одну сотню....

ЕЛЕЦКІЙ.

Сядемте — хотите? Человѣкъ! стулья....

(*Петръ подаетъ стулья, Трембинскій хлопочетъ около господъ. Елецкій съ Тропачовымъ садятся.*)

ТРОПАЧОВЪ (*Карпачову*).

Садись и ты, Карпаче.... (*Елецкому.*) C'est comme celà que je l'appelle.... Vous permettez?

ЕЛЕЦКІЙ.

Сдѣлайте одолженіе.... (*Кузовкину и Иванову, которые все не выходятъ изъ своего угла.*) Да вы чтожь, господа, не садитесь.... Милости просимъ.

КУЗОВКИНЪ (*кланяясь*).

Покорнѣйше благодаримъ-съ.... Постоимъ-съ....

ЕЛЕЦКІЙ.

Садитесь, прошу васъ.

(*Кузовкинъ и Ивановъ робко садятся за столъ. Тропачовъ сидитъ, для зрителя, на лѣво отъ Елецкаго, Карпачовъ въ нѣкоторомъ разстояніи на право, возлѣ него Кузовкинъ и Ивановъ. Трембинскій, съ салфеткой подъ мышкой, стоитъ позади Елецкаго, Петръ возлѣ двери.*)

ЕЛЕЦКІЙ (*снимая покрышку съ блюда*).

Ну, господа, чѣмъ Богъ послалъ.

ТРОПАЧОВЪ (*съ кускомъ во рту*).

Parfait, parfait — у васъ чудесный поваръ, Павелъ Николаичъ....

ЕЛЕЦКІЙ.

Вы слишкомъ добры! Итакъ, вы думаете, умолотъ хорошъ будетъ въ нынѣшнемъ году?

ТРОПАЧОВЪ (*продолжая ѣсть*).

Я такъ думаю. (*Выпивая рюмку вина.*) За ваше здоровье! Карпаче, чтожь ты не пьешь за здоровье Павла Николаича?

КАРПАЧОВЪ (*вскакивая*).

Многія лѣта достойному нашему хозяину.... (*выпиваетъ рюмку разомъ*) и всякихъ благъ.... (*Садится.*)

ЕЛЕЦКІЙ.

Спасибо.

ТРОПАЧОВЪ (*подталкивая локтемъ Елецкаго, Карпачову*).

Вотъ бы кого въ предводители! а? Какъ думаешь?

КАРПАЧОВЪ.

Еще бы! Какого еще имъ рожна надобно?

ТРОПАЧОВЪ.

А вѣдь въ самомъ дѣлѣ, Павелъ Николаичъ, еслибъ не служба — какой удивительный сыръ, — еслибъ не служба, знаете, быть бы вамъ нашимъ предводителемъ!

ЕЛЕЦКІЙ.

Помилуйте....

ТРОПАЧОВЪ.

Нѣтъ, я не шучу. (*Кузовкину.*) А чтожь вы не пьете за здоровье Павла Николаича — а? (*Иванову.*) И вы тоже — а?

КУЗОВКИНЪ (*не безъ замѣшательства*).

Я очень радъ....

ТРОПАЧОВЪ.

Карпаче, налей ему.... да полнѣй. Вотъ такъ, что за цереMoніи.

КУЗОВКИНЪ (*встаетъ*).

За здоровье почтеннаго хозяина.... и хозяйки. (*Кланяется, пьетъ и садится. Ивановъ тоже кланяется и пьетъ молча.*)

ТРОПАЧОВЪ.

А, браво! (*Елецкому.*) Погодите.... nous allons rire. Онъ довольно забавенъ — только надо его подпоить. (*Къ Кузовкину, играя ножомъ.*) Ну, какъ вы поживаете, Имярекъ Иванычъ? я васъ давно не видалъ. Все по маленьку, небось?

КУЗОВКИНЪ.

По маленьку-съ, какъ вы сказывать изволите-съ.

ТРОПАЧОВЪ.

Такъ. Ну, хорошо. А что, Вѣтрово достается вамъ наконецъ, или нѣтъ?

КУЗОВКИНЪ (*потупляя глаза*).

Вамъ угодно шутить-съ.

ТРОПАЧОВЪ.

Помилуйте, съ чего вы это взяли? Я въ васъ участье принимаю. Я нисколько не шучу.

КУЗОВКИНЪ (*со вздохомъ*).

Никакого еще рѣшенья нѣту-съ.

ТРОПАЧОВЪ.

Будто?

КУЗОВКИНЪ.

Никакого-съ.

ТРОПАЧОВЪ.

Потерпите, что дѣлать! (*Къ Елецкому, мигая глазомъ*) Вы, Павелъ Николаичъ, можетъ быть, не знаете, что въ лицѣ г. Кузовкина вы видите передъ собою помѣщика, настоящаго помѣщика, владѣльца — или нѣтъ бишь, наслѣдника, но законнаго наслѣдника сельца Вѣтрова, Угарова тожъ.... Сколько бишь у васъ душъ?

КУЗОВКИНЪ.

Въ сельцѣ Вѣтровѣ по восьмой ревизіи сорокъ двѣ души состоитъ; но оно не все мнѣ достается.

ТРОПАЧОВЪ (*тихо Елецкому*).

Онъ на этомъ Вѣтровѣ помѣшанъ. (*Громко.*) А въ вашемъ участкѣ сколько десятинъ?

КУЗОВКИНЪ (*по немногу переставая робѣть*).

Да за выдѣломъ седьмыхъ частей и прочихъ законныхъ требъ — восемьдесятъ четыре десятины слишкомъ.

ТРОПАЧОВЪ.

А душъ сколько вамъ достается?

КУЗОВКИНЪ.

Душъ неизвѣстно сколько. Многія въ бѣгахъ состоятъ-съ.

ЕЛЕЦКІЙ.

Да отчего же вы не владѣете вашимъ имѣньемъ?

КУЗОВКИНЪ.

А тяжба-съ.

ЕЛЕЦКІЙ.

Тяжба? съ кѣмъ?

КУЗОВКИНЪ.

А другіе оказываются наслѣдники. Казенные долги тоже есть, ну и частные.

ЕЛЕЦКІЙ.

И давно это дѣло завязалось?

КУЗОВКИНЪ (*постепенно одушевляясь*).

Давно-съ. Еще при покойникѣ-съ, царство ему небесное! за мной бы осталось, да денегъ нѣтъ. Времени тоже мало. Слѣдовало бы въ городъ съѣздить, разумѣется, попросить, похлопотать — да вишь некогда-съ. Гербовая бумага одна чего стòитъ. А человѣкъ я бѣдный-съ.

ТРОПАЧОВЪ.

Карпаче, налей ему еще рюмку.

КУЗОВКИНЪ (*отказываясь*).

Покорнѣйше благодарю-съ.

ТРОПАЧОВЪ.

Полноте. (*Пьетъ самъ.*) За ваше здоровье. (*Кузовкинъ встаетъ, кланяется и пьетъ.*) Ну, такъ какъ же вы? Эдакъ не ладно. Эдакъ вы, пожалуй, дѣло-то проиграете.

КУЗОВКИНЪ.

Что дѣлать-съ! Вотъ уже болѣе года справокъ даже не собиралъ.... (*Тропачовъ съ укоромъ качаетъ головой.*) Правда, есть тамъ у меня одинъ человѣчекъ.... Я на него таки надѣюсь — а впрочемъ, Господь его знаетъ!

ТРОПАЧОВЪ (*поглядывая на Елецкаго*).

А что это за человѣчекъ, можно узнать?

КУЗОВКИНЪ.

По настоящему нельзя—ну да ужь что!... Лычковъ, Иванъ Архипычъ, изволите знать?

ТРОПАЧОВЪ.

Не знаю; кто онъ такой?

КУЗОВКИНЪ.

А какъ же.... стряпчій уѣздный.... то есть онъ прежде былъ стряпчимъ.... правда не здѣсь — а въ Веневѣ. Теперь такъ проживаетъ, больше торговыми оборотами занимается.

ТРОПАЧОВЪ (*продолжая поглядывать на Елецкаго, котораго начинаетъ смѣшить Кузовкинъ*).

И этотъ господинъ Лычковъ обѣщалъ вамъ помочь?

КУЗОВКИНЪ (*помолчавъ немного*).

Обѣщалъ-съ. Я у него втораго сыночка крестилъ-съ, такъ вотъ онъ и обѣщалъ-съ. Я, дескать, тебѣ это дѣло устрою, погоди. А Иванъ Архипычъ извѣстный мастакъ-съ.

ТРОПАЧОВЪ.

Ой ли?

КУЗОВКИНЪ.

По губерніи мастакъ-съ.

ТРОПАЧОВЪ.

Да вѣдь онъ, вы говорите, въ отставкѣ и торговыми оборотами занимается?

КУЗОВКИНЪ.

Оно точно-съ; такая ужь ему задача вышла-съ, да человѣкъ-то онъ золотой. А я его таки давненько не видалъ.

ТРОПАЧОВЪ.

А какъ?

КУЗОВКИНЪ.

Да ужь будетъ съ годъ-съ.

ТРОПАЧОВЪ.

Эхъ, какъ же это вы такъ, какъ бишь васъ! Не хорошо.

КУЗОВКИНЪ.

Совершенную правду изволите говорить-съ. Да что прикажете дѣлать-съ!

ЕЛЕЦКІЙ.

Да разскажите намъ, въ чемъ дѣло?

КУЗОВКИНЪ (*откашливаясь и приходя въ азартъ*).

Дѣло вотъ въ чемъ-съ, Павелъ Николаичъ. Вы извините мою смѣлость.... но впрочемъ вамъ самимъ угодно. Дѣло вотъ въ чемъ-съ. Сельцо Вѣтрово.... Признаться, я отъ-роду не го-

вариваль передъ сановникомъ.... вы меня извините, коли я что....

ЕЛЕЦКІЙ.

Говорите, говорите смѣло.

ТРОПАЧОВЪ (*указывая Карпачову головой на рюмку, Кузовкину*).

А рюмочку? а?

КУЗОВКИНЪ (*отказываясь*).

Нѣтъ, ужь позвольте-съ....

ТРОПАЧОВЪ.

Для куражу?

КУЗОВКИНЪ.

Развѣ для куражу. (*Пьетъ и утираетъ лобъ платкомъ.*) Итакъ-съ, доложу вамъ-съ, сельцо Вѣтрово, о которомъ вотъ теперь рѣчь идетъ, сіе сельцо досталось по прямой нисходящей линіи отъ дѣда моего Кузовкина, Максима-съ, секундъ-майора, можетъ быть изволили слыхать,—роднымъ братьямъ, Максимовымъ сыновьямъ, родителю моему, Семену, и дядѣ моему родному, Никтополіону. Родитель мой Семенъ съ братомъ своимъ роднымъ, а моимъ дядей, при жизни не дѣлился; а дядя мой умеръ бездѣтнымъ, вотъ что̀ прошу замѣтить,—а только умеръ онъ послѣ кончины отца моего роднаго, Семена; а была у нихъ сестра тоже родная, Катерина.... и вышла она, Катерина, замужъ за Ягушкина, Порфирія; а у Ягушкина Порфирія былъ отъ первой жены, польки, сынъ Илья, пьяница горькій и бурмасонъ, которому Ильѣ дядя мой, Никтополіонъ, стало быть по навѣту сестры Катерины, далъ вексель въ тысячу семьсотъ рублевъ, а сама Катерина тоже мужу своему, Порфирію, вексель въ тысячу семь сотъ рублевъ опредѣлила и съ отца моего роднаго чрезъ посредство засѣдателя уѣзднаго суда Голушкина, тоже вексель... только въ двѣ тысячи рублевъ взяла, при чемъ и Голушкинова жена участвовала.... На этихъ порахъ отецъ мой, — царство ему небесное! — возьми, да и умри. Пошли векселя ко взысканью. Никтополіонъ туда, сюда: говоритъ.... я не дѣлился, имѣніе сіе мое вообще съ племянникомъ; Катерина — четырнадцатую часть, говоритъ, подай; казенныя недоимки тоже подъ тотъ случай под-

вернулись.... Бѣда! Голушкинова жена вдругъ хлопъ вексель съ своей стороны,... Никтополіонъ говоритъ: за то племянникъ дескать отвѣчаетъ.... а какой, извольте разсудить, съ малолѣтняго отвѣтъ?... а Голушкинъ его къ суду. Полькинъ сынъ туда же, да еще и мачиху, Катерину, не пощадилъ...: и ей, говоритъ, не спущу.... она, говоритъ, у меня прислужницу Акулину опоила.... Заварилась каша. Покатили просьбы. Въ уѣздный судъ, въ губернское, а изъ губернскаго опять въ уѣздный съ надписью.... а послѣ смерти Никтополіона совсѣмъ худо пошло. Я требую ввода во владѣніе.... а тутъ отдается приказъ: по казеннымъ недоимкамъ продать сельцо Вѣтрово сукціоннаго торгу. Нѣмецъ Гангинместеръ права свои заявляетъ.... а тутъ, глядишь, мужики, словно куропатки, бѣгутъ, бѣгутъ, уѣздный предводитель мнѣ въ дверяхъ выговоръ читаетъ, подъ опеку, кричитъ, подъ опеку.... а какое подъ опеку.... Законный наслѣдникъ не введенъ.... на полькина сына Илью мачиха Катерина жалобу въ самый Правительствующій Сенатъ.... (*Остановленный всеобщимъ хохотомъ, Кузовкинъ умолкаетъ и страшно конфузится. Трембинскій, который все время подобострастно и не совсѣмъ рѣшительно взглядывалъ на господъ и почтительно участвовалъ въ ихъ веселости, съ визгомъ смѣется въ руку. Петръ глупо ухмыляется, стоя у двери. Карпачовъ хохочетъ густо, но не безъ осторожности. Тропачовъ заливается. Елецкій смѣется нѣсколько презрительно и щуритъ глаза. Одинъ Ивановъ, который во время разсказа не разъ дергалъ за полу разгоряченнаго Кузовкина, сидитъ, потупя голову.*)

ЕЛЕЦКІЙ (*Кузовкину, сквозь смѣхъ*).

Продолжайте, зачѣмъ же вы остановились?

ТРОПАЧОВЪ.

Сдѣлайте одолженье, какъ, бишь, васъ, продолжайте.

КУЗОВКИНЪ.

Я.... извините.... обезпокоилъ, знать....

ТРОПАЧОВЪ.

А, я вижу, въ чемъ дѣло.... Вы робѣете.... неправда ли, вы робѣете?

КУЗОВКИНЪ (*погасшимъ голосомъ*).

Точно такъ-съ.

ТРОПАЧОВЪ.

Ну, этому горю помочь нужно.... (*Поднимая пустую бутылку.*) Человѣкъ! дай-ка намъ еще вина.... (*Елецкому*) Vous permettez?

ЕЛЕЦКІЙ.

Сдѣлайте одолженіе.... (*Трембинскому.*) Да нѣтъ ли шампанскаго?

ТРЕМБИНСКІЙ.

Какъ не быть-съ.... (*Бѣжитъ къ вазѣ съ шампанскимъ и поспѣшно ее приноситъ. Кузовкинъ улыбается и берется за пуговицы своего сюртука.*)

ТРОПАЧОВЪ (*Кузовкину*).

Это не хорошо, почтеннѣйшій! Робѣть.... въ порядочномъ обществѣ это не принято. (*Елецкому, указывая на вазу съ шампанскимъ.*) Какъ—уже замороженное? Mais c'est magnifique. (*Наливаетъ бокалъ.*) Хорошее, должно быть, вино. (*Кузовкину.*) Это вотъ вамъ. Да не отказывайтесь же.... Ну, зарепортовались немножко—что за бѣда? Павелъ Николаичъ, прикажите ему пить....

ЕЛЕЦКІЙ.

За здоровье будущаго владѣльца Вѣтрова! Пейте же, Василій.... Василій Алексѣичъ. (*Кузовкинъ пьетъ.*)

ТРОПАЧОВЪ.

Вотъ люблю! (*Встаетъ съ Елецкимъ; всѣ встаютъ и идутъ на аванъ-сцену.*) Какой славный завтракъ! (*Кузовкину.*) Ну, такъ какъ же? Въ чемъ, бишь, дѣло? Съ кѣмъ у васъ тяжба теперь?.... а?

КУЗОВКИНЪ (*начиная приходить въ волненіе отъ вина*).

Съ Гангинместеровскими наслѣдниками, разумѣется....

ТРОПАЧОВЪ.

Да кто этотъ господинъ?

КУЗОВКИНЪ.

А извѣсто, нѣмецъ. Онъ векселя скупилъ, а другіе говорятъ,

что просто взялъ. Я самъ того же мнѣнья. Запугалъ бабъ — да и взялъ.

ТРОПАЧОВЪ.

А Катерина-то что же глядѣла? А полькинъ сынъ, Илья?

КУЗОВКИНЪ.

Э! эти всѣ перемерли. Полькинъ сынъ даже сгорѣлъ, — въ постояломъ дворѣ въ пьяномъ видѣ, на большой дорогѣ, по случаю пожара. (*Къ Иванову*) Да полно тебѣ меня за полу дергать. Я передъ господами, какъ слѣдуетъ изъясняюсь. Они сами того требуютъ. Что жь тутъ худаго.... а?

ЕЛЕЦКІЙ.

Оставьте его, г. Ивановъ, намъ очень пріятно его слушать.

КУЗОВКИНЪ (*Иванову*).

То-то же. (*Елецкому и Тропачову.*) Вѣдь я, господа, чего требую? Я требую справедливости, законнаго порядка вещей. Я не изъ честолюбія. Честолюбіе — Богъ съ нимъ совсѣмъ! Разсудите, дескать, насъ. Коли я виноватъ — ну, виноватъ; а коли правъ, коли правъ....

ТРОПАЧОВЪ (*перебивая его*).

А еще рюмочку.

КУЗОВКИНЪ.

Нѣтъ-съ, покорнѣйше благодарю-съ. Вѣдь я чего требую-съ....

ТРОПАЧОВЪ.

Въ такомъ случаѣ, позвольте васъ обнять.

КУЗОВКИНЪ (*не безъ изумленья*).

Много чести-съ.... Покорнѣйше-съ....

ТРОПАЧОВЪ.

Нѣтъ, вы мнѣ очень нравитесь.... (*Обнимаетъ его и держитъ нѣкоторое время.*) Поцѣловалъ бы я васъ, мой голубчикъ, да нѣтъ, лучше послѣ.

КУЗОВКИНЪ.

Какъ угодно-съ.

ТРОПАЧОВЪ (*мигая Карпачову*).

Ну, Карпаче, теперь твоя очередь....

КАРПАЧОВЪ (*съ густымъ смѣхомъ*).

Ну-ка, Василій Семенычъ, позвольте-ка васъ прижать къ моему сердцу.... (*Обнимаетъ Кузовкина и вертится съ нимъ. Всѣ смѣются, каждый по своему.*)

КУЗОВКИНЪ (*вырываясь изъ объятій Карпачова*).

Да полно же вамъ....

КАРПАЧОВЪ.

Ну, не ломайся.... (*Тропачову.*) Вы Флегонтъ Александрычъ, прикажите-ка лучше ему пѣсенку спѣть....Онъ у насъ первый мастеръ.

ТРОПАЧОВЪ.

Вы поете, другъ мой?... Аҳъ сдѣлайте одолженье, покажите намъ свой талантъ!

КУЗОВКИНЪ (*Карпачову*).

Что вы на меня-за небылицы взводите? Какой я пѣвецъ?

КАРПАЧОВЪ.

А при покойникѣ, небось, вы не пѣвали за столомъ?

КУЗОВКИНЪ (*понизивъ голосъ*).

При покойникѣ.... Я съ тѣхъ поръ состариться успѣлъ....

ТРОПАЧОВЪ.

Что вы за старикъ, помилуйте!

КАРПАЧОВЪ (*указывая на Кузовкина*).

И пѣлъ-съ, и плясалъ-съ.

ТРОПАЧОВЪ.

Вотъ какъ! Э! да вы, я вижу, молодецъ! Окажите же дружбу... а? (*Елецкому*) C'est un peu vulgaire—ну да, въ деревнѣ. (*Громко Кузовкину*) Что же вы? ну-ка: «По улицѣ».... (*Начинаетъ напѣвать: «По улицѣ»*). Ну?...

КУЗОВКИНЪ.

Увольте-съ, сдѣлайте милость.

ТРОПАЧОВЪ.

Экой несговорчивый.... Елецкій, прикажите ему вы....

ЕЛЕЦКІЙ (*не совсѣмъ рѣшительнымъ голосомъ*).

Да отчего же вы, Василій Семенычъ, не хотите теперь пѣть?...

КУЗОВКИНЪ.

Не тѣ лѣта, Павелъ Николаичъ. Увольте.

ТРЕМБИНСКІЙ (*прислуживаясь и съ улыбкой взглядывая на господъ*).

А, кажется, еще недавно на свадьбѣ вотъ ихъ братца (*указывая на Иванова*) изволили отличаться.

ТРОПАЧОВЪ.

А, вотъ видите....

ТРЕМБИНСКІЙ.

Присядкой черезо всю комнату изволили пройти....

ТРОПАЧОВЪ.

О, въ такомъ случаѣ вамъ уже никакъ отказаться нельзя.... За что жь вы хотите насъ съ Павломъ Николаичемъ обидѣть?

КУЗОВКИНЪ.

То было дѣло вольное-съ.

ТРОПАЧОВЪ.

А теперь мы васъ просимъ. Вы хоть тò въ соображеніе примите, что вашъ отказъ, пожалуй, неблагодарности приписать можно. А неблагодарность.... ай! какой гнусный порокъ!

КУЗОВКИНЪ.

Да у меня и голоса совсѣмъ нѣту-съ. А что насчетъ благодарности — я по гробъ обязанный человѣкъ и готовъ жертвовать....

ТРОПАЧОВЪ.

Да мы отъ васъ никакой жертвы не требуемъ.... А вотъ спойте-ка намъ пѣсенку. Ну! (*Кузовкинъ молчитъ.*) Да ну же.

КУЗОВКИНЪ (*немного помолчавъ, начинаетъ пѣть: «По улицѣ», но голосъ у него на второмъ словѣ перерывается*).

Не могу-съ.... ей-богу, не могу-съ.

ТРОПАЧОВЪ.

Ну, ну, не робѣйте.

КУЗОВКИНЪ (*взглянувъ на него*).

Нѣтъ-съ — я пѣть не буду-съ.

ТРОПАЧОВЪ.

Не будете?

КУЗОВКИНЪ.

Не могу-съ.

ТРОПАЧОВЪ.

Ну, въ такомъ случаѣ, знаете что? Видите вы этотъ бокалъ шампанскаго? Я вамъ его за галстухъ вылью.

КУЗОВКИНЪ (*съ волненьемъ*).

Вы этого не сдѣлаете-съ. Я этого не заслужилъ-съ. Со мной еще никто.... Помилуйте-съ. Это.... стыдно-съ.

ЕЛЕЦКІЙ (*Тропачову*).

Finissez.... Видите, онъ конфузится.

ТРОПАЧОВЪ (*Кузовкину*).

Вы не хотите пѣть?

КУЗОВКИНЪ.

Не могу я пѣть-съ.

ТРОПАЧОВЪ.

Вы не хотите? (*Подходя къ нему.*) Разъ....

КУЗОВКИНЪ (*умоляющимъ голосомъ, Елецкому*).

Павелъ Николаичъ....

ТРОПАЧОВЪ.

Два.... (*Еще болѣе приближается къ Кузовкину.*)

КУЗОВКИНЪ (*пятясь и тоскливымъ отъ отчаянья голосомъ*).

Помилуйте-съ.... за что вы такъ со мною поступаете? Я васъ не имѣю чести знать-съ.... Да и я самъ все-таки дворянинъ—извольте сообразить ... А пѣть я не могу.... Вы сами изволили видѣть-съ....

ТРОПАЧОВЪ.

Въ послѣдній разъ....

КУЗОВКИНЪ.

Полноте-съ, говорятъ.... Я вамъ не шутъ дался...

ТРОПАЧОВЪ.

Будто вамъ въ диковинку?

КУЗОВКИНЪ (*разгорячаясь*).

Вы извольте себѣ другаго шута съискать.

ЕЛЕЦКІЙ.

Въ самомъ дѣлѣ, оставьте его.

ТРОПАЧОВЪ.

Да помилуйте, вѣдь онъ при вашемъ тестѣ игралъ же роль шута?

КУЗОВКИНЪ.

То дѣло прошлое-съ. (*Утираетъ лицо.*) Да и голова у меня сегодня что-то не того-съ, право-съ.

ЕЛЕЦКІЙ.

Ну, какъ вамъ угодно-съ.

КУЗОВКИНЪ (*тоскливо*).

Не извольте на меня гнѣваться, Павелъ Николаичъ....

ЕЛЕЦКІЙ.

И, полноте! Съ чего вы это взяли?

КУЗОВКИНЪ.

Въ другой разъ, ей-богу, съ удовольствіемъ-съ. (*Стараясь принять веселый видъ.*) А теперь простите великодушно, коли я въ чемъ провинился.... Погорячился, господа, что дѣлать.... Старъ я сталъ-съ, вотъ что.... Ну, и отвыкъ тоже.

ТРОПАЧОВЪ.

По крайней мѣрѣ, хоть выпейте этотъ бокалъ.

КУЗОВКИНЪ (*обрадовавшись*).

Вотъ это съ удовольствіемъ, съ величайшимъ удовольствіемъ. (*Беретъ бокалъ и пьетъ.*) За здоровье почтённаго и дорогаго гостя....

ТРОПАЧОВЪ.

Ну, а пѣсенку все нельзя?

КУЗОВКИНЪ (*вино уже давно его разобрало; но послѣ бокала и миновавшей опасности, онъ вдругъ начинаетъ пьянѣть*).

Ей-богу, не могу-съ. (*Смѣется.*) Точно, въ кои-то вѣки я пѣвалъ.... и не хуже другаго. Да теперь другія времена подошли. Теперь я что? пустой человѣкъ — и только. Вотъ не хуже его. (*Указываетъ на Иванова и смѣется.*) Теперь я никуда не гожусь. А, впрочемъ, вы меня извините. Старъ я сталъ — вотъ что.... Вотъ, напримѣръ, кажется, что̀ я выпилъ сегодня? Двѣ-три рюмочки всего, а тутъ (*указывая на голову*) ужь не ладно.

ТРОПАЧОВЪ (*который, между тѣмъ, пошептался съ Карпачовымъ*).

Это вамъ такъ кажется — полноте. (*Карпачовъ уходитъ смѣясь и уводитъ Петра.*) А чтожь вы намъ вашего дѣла не досказали?

КУЗОВКИНЪ.

А, точно-съ. Точно, не досказалъ-съ. Впрочемъ, я готовъ, когда прикажете. (*Смѣется.*) Только будьте ласковы.... позвольте присѣсть. Ножки что-то.... того.... отказываются.

ТРОПАЧОВЪ (*подаетъ ему стулъ*).

Сдѣлайте одолженье, какъ бишь васъ, садитесь.

КУЗОВКИНЪ (*садится лицомъ къ зрителямъ, и говоритъ вяло и медленно, быстро пьянѣя*).

На чемъ, бишь, я остановился? Да — Гангинместеръ. Гангинместеръ этотъ — нѣмецъ, извѣстно. Ему что! Служилъ, служилъ по провіантейской части — знать наворовалъ тамъ тьму-тьмущую — ну, и говоритъ теперь — вексель мой. А я дворянинъ. Да, что, бишь, я хотѣлъ сказать? Ну, и говоритъ: либо заплати — либо во владѣнье введи.... либо заплати — либо во владѣнье введи.... либо заплати — либо во владѣнье имѣньемъ введи.... либо....

ТРОПАЧОВЪ.

Вы спите, другъ мой, проснитесь.

КУЗОВКИНЪ (*вздрагиваетъ и снова погружается въ дремотное состояніе. Онъ говоритъ уже съ трудомъ*).

Кто? я? — Помилуйте! Съ чего вы это.... ну, все равно. Я не сплю. Спятъ ночью — а теперь день. Развѣ теперь ночь? Я объ Гангинместерѣ говорю. Гангинместеръ этотъ — Ган-гин-местеръ.... Ган-гинместеръ — это мой настоящій врагъ. Мнѣ говорятъ и то и то: нѣтъ, я говорю, Ган-гинместеръ. Ган-гинместеръ — вотъ кто мнѣ вредитъ. (*Карпачовъ входитъ съ огромнымъ колпакомъ изъ сахарной бумаги и, перемигиваясь съ Тропачовымъ, крадется сзади къ Кузовкину. Трембинскій давится отъ смѣха. Ивановъ, блѣдный, убитый, глядитъ изподлобья.*) И я знаю, за что онъ меня не любитъ.... Знаю, онъ мнѣ всю жизнь вредилъ, этотъ Гангинместеръ. Съ самаго моего дѣтства. (*Карпачовъ осторожно надѣваетъ колпакъ на Кузовкина.*) Но я ему прощаю.... Богъ съ нимъ.... Богъ съ нимъ совсѣмъ....

(*Всѣ хохочутъ. Кузовкинъ останавливается и съ недоумѣніемъ глядитъ кругомъ. Ивановъ подходитъ къ нему, схва-*

тываетъ его за руку и говоритъ ему сквозь зубы: «Посмотри, что тебѣ на голову надѣли.... вѣдь изъ тебя шута дѣлаютъ».... Кузовкинъ поднимаетъ руки къ головѣ, ощупываетъ колпакъ, медленно опускаетъ руки на лицо, закрываетъ глаза, вдругъ начинаетъ рыдать, бормоча сквозь слезы: «за что, за что, за что».... но не снимаетъ колпака. Тропачовъ съ Трембинскимъ и Карпачовымъ продолжаютъ хохотать. Петръ тоже смѣется, выглядывая изъ-за двери.)

ЕЛЕЦКІЙ.

Полноте. Василій Семенычъ, какъ вамъ не стыдно изъ-за такой бездѣлицы плакать?

КУЗОВКИНЪ (*отнимая руки отъ лица*).

Изъ-за такой бездѣлицы.... Нѣтъ, это не бездѣлица, Павелъ Николаичъ.... (*Встаетъ и бросаетъ колпакъ на полъ.*) Въ первый день вашего пріѣзда.... въ первый день.... (*Голосъ его прерывается.*) Вотъ какъ вы поступаете съ старикомъ.... съ старикомъ, Павелъ Николаичъ! Вотъ какъ! За что, за что вы меня топчете въ грязь? Что̀ я вамъ сдѣлалъ? Помилуйте! А я васъ такъ ожидалъ, такъ радовался.... За что, Павелъ Николаичъ?

ТРОПАЧОВЪ.

Ну, полноте.... что вы, въ самомъ дѣлѣ?

КУЗОВКИНЪ (*блѣднѣя и теряясь*).

Я не съ вами говорю.... вамъ позволили надо мной ломаться.... вы и рады. Я съ вами говорю, Павелъ Николаичъ. Что покойный вашъ тесть за даровой кусокъ хлѣба, да за старые жалованные сапоги вволю надо мною потѣшался — такъ и вамъ того же надо? Ну да; его подарочки сокомъ изъ меня вышли, горькими слезинками вышли.... Чтожь, и вамъ завидно стало? Эхъ, Павелъ Николаичъ! стыдно, стыдно, батюшка!... А еще образованный человѣкъ, изъ Петербурга....

ЕЛЕЦКІЙ (*надменно*).

Послушайте, однако, вы забываетесь. Подите къ себѣ, да выспитесь. Вы пьяны.... Вы на ногахъ не стоите.

КУЗОВКИНЪ (*все болѣе и болѣе теряясь*).

Я высплюсь, Павелъ Николаичъ, я высплюсь.... Можетъ

быть, я пьянъ, да кто меня поилъ? Дѣло не въ томъ, Павелъ Николаичъ. А вотъ вы чтò замѣтьте! Вотъ вы теперь при всѣхъ меня на смѣхъ подняли, вотъ вы меня съ грязью смѣшали, въ первый же день вашего пріѣзда.... а еслибъ я хотѣлъ, еслибъ я сказалъ слово.

ИВАНОВЪ (*въ полголоса*).

Опомнись, Василій.

КУЗОВКИНЪ.

Отстань! Да, милостивый государь, еслибъ я хотѣлъ....

ЕЛЕЦКІЙ.

Э! да онъ совсѣмъ пьянъ! Онъ самъ не знаетъ, чтò говоритъ.

КУЗОВКИНЪ.

Извините-съ. Я пьянъ — но я знаю, чтò я говорю. Вотъ вы теперь — баринъ важный — петербургскій чиновникъ, образованный конечно.... а я вотъ шутъ, дуракъ, гроша за мной нѣту мѣднаго, я попрошайка, дармоѣдъ.... а знаете ли вы, кто я? Вотъ вы женились.... На комъ вы женились — а?

ЕЛЕЦКІЙ (*хочетъ увести Тропачова*).

Извините, пожалуйста, я никакъ не могъ ожидать такихъ глупостей....

ТРОПАЧОВЪ.

И я, признаюсь, виноватъ....

ЕЛЕЦКІЙ (*Тремблинскому*).

Уведите его пожалуйста.... (*Хочетъ идти въ гостиную.*)

КУЗОВКИНЪ.

Постойте, милостивый государь.... Вы мнѣ еще не сказали, на комъ вы женились....

(*Ольга показывается въ дверяхъ гостиной и съ изумленьемъ останавливается. Мужъ ей дѣлаетъ знаки, чтобъ она ушла. Она ихъ не понимаетъ.*)

ЕЛЕЦКІЙ (*Кузовкину*).

Ступайте, ступайте....

ТРЕМБИНСКІЙ (*подходитъ къ Кузовкину и беретъ его за руку*).

Пойдемте.

КУЗОВКИНЪ (*отталкивая его*).

Не дергай меня, ты! (*Вслѣдъ Елецкому*) Вы баринъ, знатный человѣкъ, не правда ли? Вы женились на Ольгѣ Петровнѣ Кориной.... Корины — фамилья вѣдь тоже старинная, столбовая.... а знаете ли кто она, Ольга-то Петровна? Она.... она моя дочь! (*Ольга изчезаетъ.*)

ЕЛЕЦКІЙ (*останавливаясь словно пораженный громомъ*).

Вы.... Вы съ ума сошли....

КУЗОВКИНЪ (*помолчавъ немного и схвативъ себя за голову*).

Да, я сошелъ съ ума. (*Убѣгаетъ спотыкаясь.... Ивановъ за нимъ.*)

ЕЛЕЦКІЙ (*обращаясь къ Тропачову*).

Онъ помѣшанный....

ТРОПАЧОВЪ.

О.... о, конечно!

(*Оба тихо идутъ въ гостиную. Трембинскій и Карпачовъ съ изумленьемъ глядятъ другъ на друга. Занавѣсь падаетъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ гостиную, богато убранную по старинному. Направо отъ зрителя дверь въ залу, налѣво въ кабинетъ Ольги Петровны. Ольга сидитъ на диванѣ; подлѣ нея стоитъ Прасковья Ивановна.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА (*послѣ небольшаго молчанья*).

Такъ какъ же, матушка, какихъ дѣвушекъ изволите къ своей особѣ приказать опредѣлить?

ОЛЬГА (*съ нѣкоторымъ нетерпѣньемъ*).

Какихъ хочешь.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Акулина косая у насъ хорошая дѣвка; Марѳа тоже, Марчукова дочь; прикажете ихъ?

ОЛЬГА.

Хорошо. А какъ зовутъ эту дѣвушку.... вотъ что собой недурна.... платье на ней голубое?...

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА (*съ недоумѣньемъ*).

Голубое... А, да, точно-съ! Это вы про Машку-съ изволите спрашивать-съ. Воля милости вашей — а только она озорница такая — что и Господи! Непокорная вовсе — да и поведенья тоже не хорошаго. А впрочемъ, какъ вамъ угодно будетъ-съ.

ОЛЬГА.

Ея лицо мнѣ понравилось — но если она себя дурно ведетъ....

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Дурно — дурно-съ. Негодится она, не стòитъ вовсе-съ. (*Помолчавъ немного.*) Ахъ, матушка вы моя — какъ вы похорошѣть изволили! Какъ на родительницу вашу похожи стали! Голубушка вы наша.... Не нарадуемся мы, глядя на васъ.... Пожалуйте ручку, матушка....

ОЛЬГА.

Ну хорошо, Прасковья, ступай.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Слушаю-съ. А не угодно ли чего?...

ОЛЬГА.

Нѣтъ, мнѣ ничего не нужно.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Слушаю-съ. Такъ я Акулинѣ и Марѳѣ такъ ужь и прикажу-съ...

ОЛЬГА.

Хорошо, ступай. (*Прасковья хочетъ уйти.*) Да вели сказать Павлу Николаичу, что я желаю его видѣть....

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Слушаю-съ. (*Уходитъ.*)

ОЛЬГА (*одна*).

Чтò это значитъ? Чтò мнѣ послышалось вчера?... Я всю ночь заснуть не могла. Старикъ этотъ съ-ума сошелъ.... (*Встаетъ и ходитъ по комнатѣ.*) «Она моя».... Да, да, точно, эти слова. Да это безуміе.... (*Останавливается.*) Paul еще ничего не подозрѣваетъ.... А вотъ и онъ.

(*Входитъ Елецкій.*)

ЕЛЕЦКІЙ (*подходя къ ней съ озабоченнымъ видомъ*).

Ты желала меня видѣть, Оля?

ОЛЬГА.

Да.... я хотѣла тебя попросить.... Въ саду, подлѣ пруда дорожки совсѣмъ поросли травой.... Передъ домомъ ихъ вычистили — а тамъ забыли.... Прикажи.

ЕЛЕЦКІЙ.

Я уже распорядился.

ОЛЬГА.

А! благодарствуй.... Да прикажи въ городѣ купить колокольчиковъ — моимъ коровамъ на шею....

ЕЛЕЦКІЙ

Все будетъ исполнено. (*Хочетъ идти.*) Больше никакихъ приказаній нѣтъ?

ОЛЬГА.

А что.... развѣ у тебя тамъ.... дѣлà?...

ЕЛЕЦКІЙ.

Счеты изъ конторы принесли.

ОЛЬГА.

А! Ну, въ такомъ случаѣ я тебя не удерживаю.... Мы можемъ передъ обѣдомъ съѣздить въ рощу....

ЕЛЕЦКІЙ.

Конечно.... (*Опять хочетъ идти.*)

ОЛЬГА (*допустивъ его до двери*).

Paul....

ЕЛЕЦКІЙ (*оборачиваясь*).

Что?

ОЛЬГА.

Скажи пожалуйста.... вчера мнѣ некогда было тебя спросить объ этомъ.... что это у васъ была за сцена утромъ за завтракомъ?

ЕЛЕЦКІЙ.

А!... Ничего. Такъ. Досадно только, что именно въ день нашего пріѣзда вышла такая непріятность. Впрочемъ, я самъ виноватъ немножко. Этого старика, Кузовкина, вздумали

подпоить, — то есть, это больше нашему сосѣду пришло въ голову, знаешь, м'сьё Тропачову.... ну, сперва, онъ точно былъ довольно смѣшонъ, болталъ, разсказывалъ, — а послѣ началъ шумѣть, глупости всякія говорить — но впрочемъ ничего.... И говорить объ этомъ не стоитъ.

ОЛЬГА.

А!... А мнѣ показалось...

ЕЛЕЦКІЙ.

О, нѣтъ, нѣтъ.... Впередъ осторожнѣе надо быть — вотъ и все. (*Подумавъ немного.*) Впрочемъ.... я уже взялъ свои мѣры....

ОЛЬГА.

Какъ?....

ЕЛЕЦКІЙ.

Да. Вотъ видишь ли, хотя оно и ничего.... но все-таки тутъ люди были, видѣли.... слышали наконецъ. Оно неприлично.... въ порядочномъ домѣ.... Такъ ужь я и распорядился.

ОЛЬГА.

Какъ же ты распорядился?

ЕЛЕЦКІЙ.

Я.... вотъ видишь ли.... Я—старику этому объяснилъ, что ему самому будетъ непріятно остаться здѣсь, у насъ въ домѣ, послѣ подобной сцены, какъ ты сама говоришь.... Онъ тотчасъ же совершенно со мной согласился — хмѣль-то у него прошелъ.... Конечно, онъ человѣкъ бѣдный — жить ему нечѣмъ.... Ну, чтожь, ему можно будетъ въ другой какой нибудь твоей деревнѣ комнатку отвести, жалованье назначить, харчи.... Онъ очень будетъ доволенъ.... разумѣется, ему ни въ чемъ не будутъ отказывать.

ОЛЬГА.

Поль, мнѣ кажется, что за такую бездѣлицу.... ты его слишкомъ строго наказываешь ... Онъ здѣсь въ домѣ такъ давно живетъ.... Онъ привыкъ.... онъ меня съ дѣтства знаетъ.... право, его, кажется, можно здѣсь оставить.

ЕЛЕЦКІЙ.

Оля.... нѣтъ.... тутъ есть причины.... Конечно съ старика

взыскивать строго нельзя.... особенно же, онъ былъ не въ своемъ видѣ.... но все-таки, позволь ужь мнѣ на этотъ счетъ распорядиться.... Я повторяю, на то есть причины.... довольно важныя.

ОЛЬГА.

Какъ хочешь.

ЕЛЕЦКІЙ.

Притомъ, ужь онъ, кажется, уложился совсѣмъ.

ОЛЬГА.

Но онъ не уѣдетъ не простясь со мной?

ЕЛЕЦКІЙ.

Я думаю, онъ придетъ проститься. Впрочемъ, если тебѣ, знаешь, эдакъ непріятно — ты можешь его не принять.

ОЛЬГА.

Напротивъ, я бы желала съ нимъ поговорить....

ЕЛЕЦКІЙ.

Какъ хочешь, Оля.... но я бы тебѣ не совѣтовалъ.... Ты разжалобишься, и потомъ все-таки, ста....арикъ, ну, съ дѣтства тебя зналъ.... А я, признаться, не хотѣлъ бы свое рѣшенье перемѣнить....

ОЛЬГА.

О, нѣтъ — не бойся.... Только я, право, думаю, что онъ уѣдетъ не простясь.... Пошли узнать, пожалуйста, что̀ онъ, еще не уѣхалъ?

ЕЛЕЦКІЙ.

Изволь. (*Звонитъ.*) Vous êtes jolie comme un ange aujourd'hui.

ПЕТРЪ (*входя*).

Чего изволите-съ?

ЕЛЕЦКІЙ.

Поди, любезный мой, узнай тамъ, что̀, г-нъ Кузовкинъ не уѣхалъ еще? (*Взглянувъ на Ольгу.*) Такъ чтобъ пришелъ проститься.

ПЕТРЪ.

Слушаю-съ. (*Уходитъ.*)

ОЛЬГА.

Поль.. а у меня до тебя есть просьба.

ЕЛЕЦКІЙ (*ласково*).

Скажи, какая....

ОЛЬГА.

Послушай.... Вотъ какъ придетъ этотъ.... Кузовкинъ.... оставь меня съ нимъ на-единѣ.

ЕЛЕЦКІЙ (*помолчавъ немного, съ холодной улыбкой*).

Да мнѣ кажется.... напротивъ.... тебѣ будетъ неловко.

ОЛЬГА.

Нѣтъ, пожалуйста; у меня есть до него дѣло.... Мнѣ нужно спросить его.... Да, я желаю съ нимъ поговорить наединѣ.

ЕЛЕЦКІЙ (*посмотрѣвъ на нее пристально*).

Да развѣ ты что-нибудь.... вчера....

ОЛЬГА (*глядя на мужа самымъ невиннымъ образомъ*).

Что?

ЕЛЕЦКІЙ (*поспѣшно*).

Ну, какъ хочешь, какъ хочешь.... Вотъ онъ, кажется, идетъ.

(*Входитъ Кузовкинъ. Онъ очень блѣденъ.*)

ОЛЬГА.

Здравствуйте, Василій Петровичъ.... (*Кузовкинъ молча кланяется.*) Здравствуйте. (*Елецкому.*) Eh bien, mon ami? Je vous en prie.

ЕЛЕЦКІЙ (*женѣ*).

Oui, oui. (*Кузовкину.*) Вы уже совсѣмъ собрались?

КУЗОВКИНЪ (*глухо и съ трудомъ*).

Совсѣмъ собрался-съ.

ЕЛЕЦКІЙ.

Ольга Петровна желаетъ съ вами поговорить.... проститься съ вами... Вы, пожалуйста, если что̀ вамъ нужно.... скажите ей.... (*Ольгѣ.*) Au revoir.... Вѣдь ты не долго съ нимъ останешься?

ОЛЬГА.

Не знаю.... не думаю.

ЕЛЕЦКІЙ.

Ну, хорошо.... (*Уходитъ въ залу.*)

ОЛЬГА (*садится на диванъ и указываетъ на кресла Кузовкину*).

Сядьте, Василій Петровичъ.... (*Кузовкинъ кланяется и отказывается.*) Сядьте, я прошу васъ. (*Кузовкинъ садится, Ольга нѣкоторое время не знаетъ, съ чего начать разговоръ.*) Вы, я слышала, уѣзжаете?

КУЗОВКИНЪ (*не поднимая глазъ*).

Точно такъ-съ.

ОЛЬГА.

Мнѣ Павелъ Николаичъ сказывалъ.... Мнѣ это, повѣрьте, очень непріятно....

КУЗОВКИНЪ.

Не извольте безпокоиться.... Много благодаренъ.... и такъ-съ.

ОЛЬГА.

Вамъ.... въ новомъ вашемъ мѣстѣ жительства будетъ такъ же хорошо.... даже лучше.... будьте спокойны.... я прикажу.

КУЗОВКИНЪ.

Много благодаренъ! Я чувствую-съ.... я не стòю-съ. Кусокъ хлѣба — да уголъ какой-нибудь-съ.... больше мнѣ и не слѣдуетъ-съ. (*Послѣ нѣкотораго молчанья, поднимается.*) А теперь позвольте проститься.... Провинился, я точно.... простите старика.

ОЛЬГА.

Чтожь вы такъ спѣшите.... Погодите.

КУЗОВКИНЪ.

Какъ прикажете-съ. (*Садится опять.*)

ОЛЬГА (*опять помолчавъ немного*).

Послушайте, Василій Петровичъ.... скажите мнѣ откровенно, чтò такое съ вами вчера поутру случилось?

КУЗОВКИНЪ.

Виноватъ-съ, Ольга Петровна, кругомъ виноватъ.

ОЛЬГА.

Однако, какъ же это вы....

КУЗОВКИНЪ.

Не извольте меня разспрашивать, Ольга Петровна.... Не стòитъ-съ. Виноватъ-съ, кругомъ — и только. Павелъ Николаичъ совершенно правы-съ. Меня бы еще не такъ слѣдовало наказать.... Вѣкъ за нихъ буду Бога молить-съ.

ОЛЬГА.

Я, признаюсь, съ своей стороны, такой большой вины не вижу.... Вы уже не молоды.... вѣроятно отъ вина отвыкли — ну, пошумѣли немного....

КУЗОВКИНЪ.

Нѣтъ-съ, Ольга Петровна, не извольте меня оправдывать-съ. Покорно васъ благодарю, — а только я чувствую свою вину.

ОЛЬГА.

Или вы, можетъ быть, сказали что-нибудь обидное для моего мужа и для г-на Тропачова?...

КУЗОВКИНЪ (*опуская голову*).

Виноватъ-съ.

ОЛЬГА (*не безъ волненія*).

Послушайте, Василій Петровичъ, хорошо ли вы помните всѣ ваши слова?

КУЗОВКИНЪ (*вздрагиваетъ, глядитъ на Ольгу и медленно произноситъ*).

Не знаю-съ.... Какія слова....

ОЛЬГА.

Вы, говорятъ, что-то сказали....

КУЗОВКИНЪ (*поспѣшно*).

Совралъ-съ, Ольга Петровна, непремѣнно совралъ-съ. Чтò пришло на языкъ, то и сказалъ. Виноватъ-съ. Не въ своемъ умѣ находился.

ОЛЬГА.

Однако.... съ чего бы, кажется, пришло вамъ въ голову....

КУЗОВКИНЪ.

А Богъ знаетъ, съ чего. Сумасшествіе, просто. Я, признаюсь, отъ вина уже отвыкъ совершенно. Ну, выпилъ — ну, и пошолъ. Богъ знаетъ чтò наболталъ-съ. Оно бываетъ-съ. А я всё-таки виноватъ кругомъ — и наказанъ подѣломъ. (*Хо-*

четъ подняться.) Позвольте проститься, Ольга Петровна.... Не извольте поминать лихомъ.

ОЛЬГА.

Я вижу, вы не хотите со мной говорить откровенно. Вы меня не бойтесь.... Вѣдь я не то, что Павелъ Николаичъ.... Ну, его вы можете бояться, положимъ.... Вы его не знаете.... онъ съ виду кажется такимъ строгимъ — а меня-то зачѣмъ вы боитесь.... Вѣдь вы меня ребенкомъ знали.

КУЗОВКИНЪ.

Ольга Петровна, сердце у васъ ангельское.... Пощадите бѣднаго старика.

ОЛЬГА.

Помилуйте! я, напротивъ, желала бы васъ....

КУЗОВКИНЪ.

Не напоминайте мнѣ про вашу молодость.... ужъ и такъ мнѣ на душѣ горько.... охъ, горько! Подъ старость лѣтъ изъ вашего дома выѣзжать приходится — и по своей винѣ....

ОЛЬГА.

Послушайте, Василій Петровичъ, еще есть средство помочь вашему горю.... будьте только со мной откровенны.... послушайте.... я.... (*Вдругъ встаетъ и отходитъ немного въ сторону.*)

КУЗОВКИНЪ (*глядя ей въ слѣдъ*).

Не извольте безпокоиться, Ольга Петровна — право, не стòитъ-съ. Я и тамъ объ васъ буду Бога молить. А вы иногда вспомните обо мнѣ — скажите: вотъ старикъ Кузовкинъ Василій преданный мнѣ былъ человѣкъ....

ОЛЬГА (*снова обращаясь къ Кузовкину*).

Василій Петровичъ, точно вы мнѣ преданный человѣкъ, точно вы меня любите?

КУЗОВКИНЪ.

Матушка вы моя, прикажите мнѣ умереть за васъ.

ОЛЬГА.

Нѣтъ, я не требую вашей смерти, я хочу правды, я хочу знать правду.

КУЗОВКИНЪ.

Слушаю-съ.

ОЛЬГА.

Я.... я слышала ваше послѣднее восклицанье.

КУЗОВКИНЪ (*едва выговаривая слова*).

Какое.... восклицанье?...

ОЛЬГА.

Я слышала.... что̀ вы сказали обо мнѣ. (*Кузовкинъ поднимается съ креселъ и падаетъ на колѣни.*) Чтожь это, правда?

КУЗОВКИНЪ (*заикаясь*).

Помилуйте, простите великодушно.... Сумасшествіе — я уже вамъ докладывалъ.... (*Голосъ у него перерывается.*)

ОЛЬГА.

Нѣтъ, — вы не хотите сказать мнѣ правду..

КУЗОВКИНЪ.

Сумасшествіе, Ольга Петровна, простите....

ОЛЬГА (*схватывая его за руку*).

Нѣтъ, нѣтъ.... ради Бога.... заклинаю васъ самимъ Богомъ.... умоляю васъ, скажите мнѣ, что̀ это—правда? правда? (*Молчаніе.*) За чтожь вы меня мучите?

КУЗОВКИНЪ.

Такъ вы хотите знать правду?

ОЛЬГА.

Да. Говорите же — правда это?
(*Кузовкинъ поднимаетъ глаза, глядитъ на Ольгу.... Черты лица его выражаютъ мучительную борьбу. Онъ вдругъ опускаетъ голову и шепчетъ: «Правда». — Ольга быстро отступаетъ отъ него и остается неподвижной.... Кузовкинъ закрываетъ лицо руками. Дверь изъ залы растворяется — и входитъ Елецкій. Онъ сперва не замѣчаетъ Кузовкина, который все на колѣняхъ — и подходитъ къ женѣ.*)

ЕЛЕЦКІЙ.

Ну чтожь — ты кончила? (*Останавливается съ изумленьемъ.*) A voilà, je vous ai dit.... Вотъ онъ прощенья сталъ просить....

ОЛЬГА.

Поль, оставь насъ однихъ....

ЕЛЕЦКІЙ (*съ недоумѣньемъ*).

Mais, ma chère....

ОЛЬГА.

Прошу тебя, умоляю тебя, оставь насъ....

ЕЛЕЦКІЙ (*помолчавъ немного*).

Изволь.... только я надѣюсь, что ты объяснишь мнѣ эту загадку... (*Ольга киваетъ головой утвердительно, Елецкій медленно выходитъ.*)

ОЛЬГА (*быстро идетъ къ двери залы, запираетъ ее на ключъ и возвращается къ Кузовкину, который все еще не поднимается*).

Встаньте... встаньте, говорю вамъ.

КУЗОВКИНЪ (*тихо поднимается*).

Ольга Петровна.... (*Онъ видимо не знаетъ что̀ сказать.*)

ОЛЬГА (*указывая ему на диванъ*).

Сядьте здѣсь. (*Кузовкинъ садится. Ольга останавливается въ нѣкоторомъ разстояньи и стоитъ къ нему бокомъ.*) Василій Петровичъ ... вы понимаете мое положенье.

КУЗОВКИНЪ (*слабо*).

Ольга Петровна, я вижу.... Я точно въ умѣ повредился.... Извольте меня отпустить, а то я еще бѣдъ надѣлаю.... Я самъ не знаю, что̀ говорю.

ОЛЬГА (*дыша съ трудомъ*).

Нѣтъ, полноте, Василій Петровичъ. Теперь дѣло сдѣлано. Теперь вы отказаться отъ вашихъ словъ не можете.... Вы должны мнѣ все сказать.... всю правду.... теперь.

КУЗОВКИНЪ.

Да вѣдь я....

ОЛЬГА (*быстро*).

Я говорю вамъ, поймите же наконецъ и мое положенье и ваше.... Или вы оклеветали мою мать.... въ такомъ случаѣ извольте сейчасъ выйти и не показывайтесь мнѣ на глаза.... (*Она протягиваетъ руку къ двери.... Кузовкинъ хочетъ подняться и опускается снова.*) А! вотъ вы остаетесь — вы видите, что вы остаетесь....

КУЗОВКИНЪ. (*тоскливо*).

О, Господи Боже мой!

ОЛЬГА.

Я хочу все знать.... Вы должны мнѣ все сказать. ..слышите?

КУЗОВКИНЪ (*съ отчаяньемъ*).

Ну да.... да.... Вы все узнаете.... коли ужь такая стряслась надо мною бѣда.... Только, Ольга Петровна, не извольте такъ глядѣть на меня.... а то я... я, право не могу....

ОЛЬГА (*стараясь улыбнуться*).

Василій Петровичъ, я....

КУЗОВКИНЪ (*робко*).

Меня.... меня Васильемъ Семенычемъ зовутъ, Ольга Петровна.... (*Ольга краснѣетъ и едва пожимаетъ плечами. Она все стоитъ въ нѣкоторомъ разстояньи отъ Кузовкина.*) Да-съ. .. ну, съ чего же.... прикажете мнѣ начать-съ....

ОЛЬГА (*краснѣя, съ замѣшательствомъ*).

Василій Семенычъ, какъ вы хотите.... чтобъ я....

КУЗОВКИНЪ (*готовый заплакать*).

Да я не могу говорить, когда вы такъ....

ОЛЬГА (*протягивая ему руку*).

Успокойтесь ... говорите. . Вы видите, въ какомъ я состояніи.... Принудьте себя.

КУЗОВКИНЪ.

Слушаю, матушка, Ольга Петровна. Ну-съ, позвольте-съ, съ чего же я начну? О, Господи!. . Ну, да-съ. Такъ вотъ-съ. Я вамъ, если позволите, сперва такъ немножко разскажу.... Да-съ. Сейчасъ, сейчасъ .. Лѣтъ мнѣ эдакъ было двадцать съ небольшимъ... А родился я, можно сказать, въ бѣдности,—а потомъ и послѣдняго куска хлѣба лишился—и совершенно, можно сказать, несправедливо.... а впрочемъ, воспитанья, конечно, не получилъ никакого... Батюшка вашъ покойный, (*Ольга вздрагиваетъ*) царство ему небесное!. . надо мною сжалиться изволилъ—а то бы я совсѣмъ пропалъ, точно; живи, дескать, у меня въ домѣ—пока де мѣсто тебѣ сыщу. Вотъ я у вашего батюшки и поселился. Ну, конечно мѣста на службѣ съискать не легко—вотъ я такъ и остался. А батюшка

вашъ въ ту пору еще въ холостомъ состояньи проживалъ—а тамъ, годика эдакъ черезъ два, сталъ за вашу матушку свататься—ну, и женился. Ну, вотъ и началъ онъ жить съ вашей матушкой.... да двухъ сыночковъ съ нею прижилъ,—да только они оба скоро померли. И скажу я вамъ, Ольга Петровна, былъ вашъ покойный батюшка крутой человѣкъ, такой крутой, что и прости Господи!... на руку тоже маленечко дерзокъ—и когда, бывало, осерчаютъ, самихъ себя не помнятъ. Выпить тоже любилъ. А впрочемъ, хорошій былъ человѣкъ-съ и мой благодѣтель. Ну-съ, вотъ сначала жилъ онъ, батюшка-то вашъ, съ покойницей матушкой вашей въ большихъ ладахъ... . Только не долго. Матушка ваша—царство ей небесное!... была, можно сказать, ангелъ во плоти—и собой красавица.... Да что-съ! Судьба-съ? Сосѣдка у насъ въ ту пору завелась.... Вашъ батюшка возьми да къ ней и привяжись.... Ольга Петровна, простите меня великодушно, коли я....

ОЛЬГА.

Продолжайте.

КУЗОВКИНЪ.

Вы же сами изволили требовать. (*Проводитъ рукой по лицу.*) О, Господи Боже мой, помоги мнѣ грѣшному! Вотъ вашъ батюшка и привязался къ той сосѣдкѣ, чтобъ ей пусто было и на томъ свѣтѣ! сталъ къ ней кажинный Божій день ѣздить, часто даже на ночь домой не пріѣзжалъ. Худо пошли дѣла. Матушка ваша, бывало, по цѣлымъ днямъ сидитъ одинешенька, молчитъ; а то и всплакнетъ.... Я, разумѣется, тутъ же сижу, сердце во мнѣ такъ и надрывается, а рта разинуть не смѣю. На что ей, думаю, мои глупыя рѣчи! Другіе сосѣди, помѣщики, къ вашему батюшкѣ тоже не охотно ѣзжали, отбилъ онъ ихъ отъ дому своимъ, можно сказать, высокомѣрьемъ; такъ вотъ вашей матушкѣ, бывало, не съ кѣмъ и словечка было перемолвить.... Сидитъ, бывало, сердечная, у окна, даже книжки не читаетъ—сидитъ, да поглядываетъ на дорогу, въ поле-съ. А у батюшки-то у вашего, между тѣмъ, Богъ вѣсть отчего!—кажется, никто ему не прекословилъ,—нравъ еще болѣе попортился. Грозный сталъ такой, что бѣда! И вотъ что̀ опять

удивительно: вздумалъ онъ вашу матушку ревновать, а къ кому тутъ было ревновать, Господи Боже мой! Самъ, бывало, уѣдетъ, а ее запретъ, ей-богу! Отъ всякой бездѣлицы въ гнѣвъ приходилъ. И чѣмъ ваша матушка болѣе передъ нимъ смирялась, тѣмъ онъ пуще злился. Наконецъ совсѣмъ пересталъ съ ней разговаривать, вовсе ее бросилъ. Ахъ, Ольга Петровна! Ольга Петровна! натерпѣлась она въ ту пору горя, ваша-то матушка! Вы ея не можете помнить, Ольга Петровна, млады вы были слишкомъ, голубушка вы моя, когда она скончалась. Такой души добрѣйшей, чай, теперь ужь и нѣтъ на землѣ. Ужь какъ же она и любила вашего батюшку! Онъ на нее и не глядитъ, бывало, а она-то безъ него со мной, все о немъ, да о немъ разговариваетъ, какъ бы помочь? какъ бы угодить? Вдругъ, въ одинъ день, собрался вашъ батюшка. Куда? — Въ Москву, говоритъ, одинъ ѣду, по дѣламъ, — а какое одинъ: на первой же подставѣ сосѣдка его ждала. Вотъ и уѣхали они вмѣстѣ, и цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ пропадали, — шесть мѣсяцевъ, Ольга Петровна! и письма ни одного домой не написалъ во все время! Вдругъ пріѣзжаетъ, да такой сумрачный, сердитый.... Сосѣдка-то его бросила, какъ мы потомъ узнали. Заперся у себя въ комнатѣ, да и не показывается. Даже люди всѣ въ удивленіе пришли. Не вытерпѣла наконецъ покойница.... перекрестилась — бояться она его стала, бѣдняжка! — да и вошла къ нему. Начала его уговаривать, а онъ, какъ вдругъ закричитъ на нее, да взявши палку.... (*Кузовкинъ взглядываетъ на Ольгу.*) Виноватъ, Ольга Петровна....

ОЛЬГА.

Правду вы говорите, Василій Семенычъ?

КУЗОВКИНЪ.

Убей меня Богъ на самомъ этомъ мѣстѣ.

ОЛЬГА.

Продолжайте.

КУЗОВКИНЪ.

Вотъ онъ и.... да-съ. Ахъ, Ольга Петровна, смертельно оскорбилъ онъ вашу матушку и словами и.... и продчимъ-съ....

Покойница словно полу-умная на свою половину прибѣжала, а онъ крикнулъ людей, да въ отъѣзжее поле ... Тутъ вотъ.... тутъ.... случилось.... дѣло.... (*Голосъ его слабѣетъ.*) Не могу, Ольга Петровна, ей-богу не могу.

ОЛЬГА (*не глядя на него*).

Говорите. (*Послѣ небольшаго молчанія, съ нетерпѣніемъ.*) Говорите.

КУЗОВКИНЪ

Слушаю, Ольга Петровна. Должно полагать-съ, что у вашей матушки, у покойницы, отъ такой обиды кровной на ту пору умъ помѣшался.... болѣзнь приключилась.... Какъ теперь ее вижу.... Вошла въ образную, постояла передъ иконами, подняла, было, руку для крестнаго знаменія, да вдругъ отвернулась и вышла.... даже засмѣялась потихоньку.... Осилилъ таки и ее лукавый. Жутко мнѣ стало, глядя на нее. За столомъ ничего не изволила кушать, все изволила молчать и на меня смотрѣла пристально.... а вечеромъ-съ.... По вечерамъ я, Ольга Петровна, одинъ съ ней сиживалъ, — вотъ именно въ этой комнатѣ, — знаете, эдакъ, въ карты иногда отъ скуки, а иногда такъ, разговоръ небольшой.... Ну-съ, вотъ-съ, въ тотъ вечеръ. (*Онъ начинаетъ задыхаться.*) Ваша матушка покойница долго, долго помолчавши, эдакъ обратилась вдругъ ко мнѣ.... А я, Ольга Петровна, на вашу матушку только что не молился; и любилъ же я ее, вашу матушку.... вотъ она и говоритъ мнѣ вдругъ: «Василій Семенычъ, ты, я знаю, меня любишь, а онъ вотъ меня презираетъ, онъ меня бросилъ, онъ меня оскорбилъ.... Ну такъ и я же».... Знать, разсудокъ у ней отъ обиды помутился, Ольга Петровна, потерялась она вовсе.... А я-то, а я.... я ничего не понимаю-съ, голова тоже, эдакъ, кругомъ.... вотъ, даже вспомнить жутко, она вдругъ мнѣ въ тотъ вечеръ.... Матушка, Ольга Петровна, пощадите старика.... Не могу.... Скорѣй языкъ отсохнетъ! (*Ольга молчитъ и отворачивается; Кузовкинъ глядитъ на нее и съ живостью продолжаетъ.*) На другой же день, вообразите, Ольга Петровна, меня дома не было — помнится, я на зорѣ въ лѣсъ убѣжалъ, на другой же день вдругъ скачетъ доѣзжачій

на дворъ.... Что̀ такое? Баринъ упалъ съ лошади, убился на смерть, лежитъ безъ памяти.... На другой же день, Ольга Петровна, на другой день!... Ваша матушка тотчасъ карету — да къ нему.... А лежалъ онъ въ степной деревушкѣ, у священника, за сорокъ верстъ.... Какъ ни спѣшила сердечная, а въ живыхъ уже его не застала.... Господи Боже мой! мы думали всѣ, что она съ ума сойдетъ.... До самаго вашего рожденія все хворала — да и потомъ не справилась.... Вы сами знаете.... не долго пожила она на свѣтѣ.... (*Онъ опускаетъ голову.*)

ОЛЬГА (*послѣ долгаго молчанія*).

Стало быть.... я ваша дочь.... Но какія доказательства....

КУЗОВКИНЪ (*съ живостью*).

Доказательства? Помилуйте, Ольга Петровна, какія доказательства? у меня нѣтъ никакихъ доказательствъ! Да какъ бы я смѣлъ? Да еслибъ не вчерашнее несчастье, да я бы, кажется, на смертномъ одрѣ не проговорился, скорѣй бы языкъ себѣ вырвалъ! И какъ это я не умеръ вчера! Помилуйте! Ни одна душа до вчерашняго дня, Ольга Петровна, помилуйте.... Я самъ, на-единѣ будучи, объ этомъ думать не смѣлъ. Послѣ смерти вашего.... батюшки.... я было хотѣлъ бѣжать, куда глаза глядятъ.... виноватъ — не хватило силы — бѣдности испугался, нужды кровной. Остался, виноватъ.. Но при вашей матушкѣ, при покойницѣ, я не только говорѝть или что̀, едва дышать могъ, Ольга Петровна. Доказательства! Въ первые-то мѣсяцы я вашей матушки и не видалъ вовсе — онѣ къ себѣ въ комнату заперлись и, кромѣ Прасковьи Ивановны, горничной, никого до своей особы не допускали.... а потомъ.... потомъ я ее точно видалъ, но вотъ какъ передъ Господомъ говорю, въ лицо ей глядѣть боялся... Доказательства! Да помилуйте, Ольга Петровна, вѣдь я все-таки не злодѣй какой нибудь и не дуракъ — свое мѣсто знаю. Да еслибъ не вы сами мнѣ приказали.... не смущайтесь, Ольга Петровна, помилуйте.... О чемъ вы безпокоиться изволите? какія тутъ доказательства! Да вы не вѣрьте мнѣ, старому дураку.... Совралъ — вотъ и все.... Я вѣдь точно иногда не знаю самъ, что̀

говорю.... Изъ ума выжилъ.... Не вѣрьте, Ольга Петровна, вотъ и все. Какія доказательства!

ОЛЬГА.

Нѣтъ, Василій Семенычъ, я съ вами лукавить не стану.... Вы не могли ... выдумать такую.... Клеветать на мертвыхъ— нѣтъ, это слишкомъ страшно.... (*Отворачивается*) Нѣтъ, я вамъ вѣрю....

КУЗОВКИНЪ (*слабымъ голосомъ*).

Вы мнѣ вѣрите....

ОЛЬГА.

Да.... (*Взглянувъ на него и содрагаясь.*) Но это ужасно, это ужасно.... (*Быстро отходитъ въ сторону.*)

КУЗОВКИНЪ (*протягивая ей вслѣдъ руки*).

Ольга Петровна, не безпокойтесь.... Я васъ понимаю.... Вамъ, съ вашимъ образованіемъ ... а я, еслибъ опять-таки не для васъ, я бы сказалъ вамъ, что̀ я такое.... но я себя знаю хорошо.... Помилуйте, или вы думаете, что я не чувствую всего.... Вѣдь я васъ люблю, какъ родную.... Вѣдь, наконецъ, вы все-таки.... (*Быстро поднимается.*) Не бойтесь, не бойтесь, у меня это слово не сойдетъ съ языка.... Позабудьте весь нашъ разговоръ, а я уѣду сегодня, сейчасъ.... Вѣдь мнѣ теперь уже нельзя здѣсь оставаться, никакъ нельзя.... Чтожъ, я и тамъ за васъ (*у него навертываются слезы*), и вездѣ за васъ и за вашего супруга.... а я, конечно, самъ виноватъ — лишился можно сказать, послѣдняго счастія.... (*Плачетъ.*)

ОЛЬГА (*въ невыразимомъ волненіи*).

Да чтожь это такое? Вѣдь онъ все-таки мой отецъ.... (*Оборачивается и видя, что онъ плачетъ.*) Онъ плачетъ.... не плачьте же, полноте.... (*Она подходитъ къ нему.*)

КУЗОВКИНЪ (*протягивая ей руку*).

Прощайте, Ольга Петровна....

(*Ольга тоже нерѣшительно протягиваетъ ему руку—хочетъ принудить себя броситься ему на шею, но тотчасъ же съ содраганьемъ отворачивается и убѣгаетъ въ кабинетъ. Кузовкинъ остается на томъ же мѣстѣ.*)

КУЗОВКИНЪ (*хватаясь за сердце*).

Боже мой, Господи Боже мой, что̀ со мною дѣлается?

ГОЛОСЪ ЕЛЕЦКАГО (*за дверью*).

Ты заперлась, Оля!... Оля!...

КУЗОВКИНЪ (*приходя въ себя*).

Кто это?... Онъ.... Да.... Что бишь?...

ГОЛОСЪ ЕЛЕЦКАГО.

Къ намъ г-нъ Тропачовъ пріѣхалъ. Je vous l'annonce.... Оля, отвѣчай же мнѣ.... Василій Семенычъ, тутъ вы, что ли?

КУЗОВКИНЪ.

Точно такъ-съ.

ГОЛОСЪ ЕЛЕЦКАГО.

А Ольга Петровна гдѣ?

КУЗОВКИНЪ.

Изволили выйти-съ.

ГОЛОСЪ ЕЛЕЦКАГО.

А! отоприте же мнѣ.

(*Кузовкинъ отпираетъ: Входитъ Елецкій.*)

ЕЛЕЦКІЙ (*оглядываясь, про себя*).

Все это очень странно. (*Кузовкину холодно и строго.*) Вы уходите?

КУЗОВКИНЪ.

Точно такъ-съ.

ЕЛЕЦКІЙ.

А! Ну, такъ чѣмъ же у васъ разговоръ кончился?

КУЗОВКИНЪ.

Разговоръ.... разговора собственно не было-съ, а я у Ольги Петровны милостиваго прощенья попросилъ.

ЕЛЕЦКІЙ.

Ну, и она?

КУЗОВКИНЪ.

Онѣ изволили сказать, что болѣе не гнѣваются.... а я вотъ теперь ѣхать собираюсь....

ЕЛЕЦКІЙ.

Ольга Петровна — слѣдовательно — не перемѣнила моего рѣшенья?

КУЗОВКИНЪ.

Никакъ нѣтъ-съ.

ЕЛЕЦКІЙ.

Гм.... Мнѣ очень жаль.... но вы понимаете сами, Василій Семенычъ, что-о-о....

КУЗОВКИНЪ.

Какъ же-съ, Павелъ Николаичъ, совершенно съ вами согласенъ. Еще милостиво поступить со мной изволили.—Покорнѣйше васъ благодарю.

ЕЛЕЦКІЙ.

Мнѣ пріятно видѣть, что вы, по крайней мѣрѣ, чувствуете свою вину. Итакъ — прощайте.... Если что̀ нужно будетъ, пожалуйста не церемоньтесь.... Я хотя и отдалъ старостѣ приказъ — но вы можете во всякое время обратиться прямо ко мнѣ....

КУЗОВКИНЪ.

Покорно благодарю-съ. (*Кланяется.*)

ЕЛЕЦКІЙ.

Прощайте, Василій Семенычъ. А впрочемъ, погодите немного.... Э-э-э-э.... г-нъ Тропачовъ къ намъ пріѣхалъ — такъ вотъ онъ сейчасъ сюда войдетъ.... я бы желалъ, чтобы вы, при немъ, тоже самое повторили — вотъ то, что̀ вы мнѣ сегодня по утру сказали....

КУЗОВКИНЪ.

Слушаю-съ.

ЕЛЕЦКІЙ.

Хорошо. (*Къ входящему Тропачову.*) Mais venez donc — venez donc! (*Тропачовъ подходитъ, рисуясь по обыкновенію.*) Ну что̀, кто выигралъ?

ТРОПАЧОВЪ.

Разумѣется, я. А вашъ билльярдъ удивительно хорошъ.— Только представьте, г. Ивановъ отказался играть со мной! говоритъ: у меня голова болитъ. — Господинъ Ивановъ и болитъ голова!! а? Et madame? Надѣюсь, она здорова?

ЕЛЕЦКІЙ.

Слава Богу, — она сейчасъ придетъ.

ТРОПАЧОВЪ (*съ любезной фамильярностью*).

А вѣдь послушайте, вашъ пріѣздъ — вѣдь это совершенное счастье для нашего брата степняка — хе, хе — une bonne fortune.... (*Оглядывается и замѣчаетъ Кузовкина.*) А, Боже мой — и вы тутъ?

(*Кузовкинъ молча кланяется.*)

ЕЛЕЦКІЙ (*громко Тропачову, указывая подбородкомъ на Кузовкина*).

Да.... онъ сегодня ужасно сконфуженъ — вы понимаете — послѣ вчерашней глупости — съ самаго вотъ утра у насъ у всѣхъ прощенья проситъ.

ТРОПАЧОВЪ.

А! видно вино не свой братъ?... Что̀ скажете? То-то.

КУЗОВКИНЪ (*не поднимая глазъ*).

Виноватъ-съ, совершенное безуміе, можно сказать, нашло-съ.

ТРОПАЧОВЪ.

Ага! То-то же, Вѣтровскій помѣщикъ.... (*Къ Елецкому.*) И вѣдь придетъ же мысль въ голову.... Послѣ этого, наконецъ, ничего нѣтъ удивительнаго въ какомъ нибудь сумасшедшемъ, который себя, — ну, я не знаю чѣмъ — китайскимъ императоромъ считаетъ.... А иной, говорятъ, воображаетъ, что у него въ желудкѣ солнце и луна и все, что̀ хотите.... Хе, хе. — Такъ-то, такъ-то, Вѣтровскій помѣщикъ.

ЕЛЕЦКІЙ (*который желалъ бы перемѣнить предметъ разговора*).

Да.... Такъ о чемъ бишь я хотѣлъ васъ спросить, Флегонтъ Александрычъ — когда же мы на охоту?

ТРОПАЧОВЪ.

Когда хотите.... Вы вѣдь видите.... Я вѣдь вотъ безъ церемоніи съ вами... вчера былъ и сегодня вотъ опять пріѣхалъ.. Стало быть, и вы со мною также должны.... Постойте, я у Карпачова спрошу. Онъ это лучше знаетъ. Онъ намъ скажетъ, куда ѣхать. (*Подходитъ къ двери залы.*) Карпачовъ! поди сюда, братецъ! (*Къ Елецкому.*) Онъ стрѣляетъ славно — а на билльярдѣ я его обыгрываю. (*Входитъ Карпачовъ.*) Карпачовъ — вотъ Павелъ Николаичъ завтра на охоту желаетъ ѣхать — такъ куда бы, а?

КАРПАЧОВЪ.

Поѣдемте въ Колобердово, къ Вохряку. Тамъ теперь, должно быть, много тетеревовъ.

ЕЛЕЦКІЙ.

А далеко это отсюда?

КАРПАЧОВЪ.

Прямымъ трахтомъ тридцать верстъ, а проселкомъ, въ объѣздъ — меньше будетъ.

ЕЛЕЦКІЙ.

Ну, хорошо. *(Входитъ изъ кабинета Прасковья Ивановна.)* Чего тебѣ?

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА *(съ поклономъ Елецкому).*

Барыня васъ къ себѣ просятъ-съ.

ЕЛЕЦКІЙ.

Зачѣмъ?

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Не могу знать-съ.

ЕЛЕЦКІЙ.

Скажи, что сейчасъ приду. *(Тропачову.)* Вы позволите? *(Прасковья Ивановна уходитъ.)*

ТРОПАЧОВЪ *(качая головой).*

Э — эхъ, Павелъ Николаичъ, какъ вамъ не стыдно спрашивать.... Ступайте, ради Бога....

ЕЛЕЦКІЙ.

Мы васъ не долго заставимъ ждать.

(Уходитъ. — Кузовкинъ, все время стоявшій недалеко отъ двери залы, хочетъ воспользоваться этимъ мгновеніемъ и уйти.)

ТРОПАЧОВЪ *(Кузовкину).*

Куда же вы, любезный, куда? Останьтесь, поболтаемте.

КУЗОВКИНЪ.

Мнѣ нужно-съ....

ТРОПАЧОВЪ.

Э, полноте — какая вамъ тамъ нужда? Вы, можетъ быть, стыдитесь.... Чтò за пустяки! Съ кѣмъ этого не случается? *(Беретъ его подъ руку и ведетъ на аванъ-сцену.)* То-есть,

постойте — я хочу сказать — съ кѣмъ не случается выпить.... а признаюсь, вы удивили насъ вчера! Какое родство съискалъ — а? Экая фантазія, подумаешь!

КУЗОВКИНЪ.

Больше по глупости-съ.

ТРОПАЧОВЪ.

Оно та-акъ, а все таки удивительно. Почему именно дочь? — Чудеса! — А вѣдь признайтесь, вы бы отъ такой дочери не отказались? а? (*Толкаетъ его подъ бокъ.*) Нѣтъ — говорите — а? (*Карпачову.*) У него губа не дура — а? какъ ты думаешь? (*Карпачовъ смѣется.*)

КУЗОВКИНЪ (*хочетъ отнять свою руку у Тропачова*).

Позвольте-съ....

ТРОПАЧОВЪ.

А за что вы вчера такъ на насъ разсердились.... а? Нѣтъ, скажите!

КУЗОВКИНЪ (*отворачивая голову, въ полголоса*).

Виноватъ-съ.

ТРОПАЧОВЪ.

То-то же. Ну, Богъ васъ проститъ.... Такъ дочь? (*Кузовкинъ молчитъ.*) Послушайте, голубчикъ мой, что вы ко мнѣ никогда не заѣдете? Я бы васъ угостилъ.

КУЗОВКИНЪ.

Покорнѣйше благодарю-съ.

ТРОПАЧОВЪ.

А у меня хорошо, вотъ спросите хоть у этого. — (*Указываетъ на Карпачова.*) Вы бы мнѣ опять про Вѣтрово разсказали.

КУЗОВКИНЪ (*глухо*).

Слушаю-съ.

ТРОПАЧОВЪ.

А вы сегодня, кажется, съ Карпачовымъ не поздоровались? (*Карпачову.*) Карпаче, ты съ Васильемъ Семенычемъ по вчерашнему не здоровался?

КАРПАЧОВЪ.

Никакъ нѣтъ-съ.

ТРОПАЧОВЪ.

Э, братъ, это не хорошо.

КАРПАЧОВЪ.

Да я, позвольте, вотъ сейчасъ.... (*Идетъ съ распростертыми объятьями къ Кузовкину. Кузовкинъ пятится. Дверь изъ кабинета быстро растворяется — и входитъ Елецкій. Онъ блѣденъ и взволнованъ.*)

ЕЛЕЦКІЙ (*съ досадой*).

А я, кажется, васъ просилъ, Флегонтъ Александрычъ, оставить господина Кузовкина въ покоѣ....

(*Тропачовъ съ изумленьемъ оборачивается и глядитъ на Елецкаго. Карпачовъ остается неподвижнымъ.*)

ТРОПАЧОВЪ (*не безъ смущенья*).

Вы, мнѣ-ѣ.... Я не помню.

ЕЛЕЦКІЙ (*продолжаетъ сухо и рѣзко*).

Да-съ, Флегонтъ Александрычъ, я, признаюсь, удивляюсь, что вамъ за охота, съ вашимъ воспитаньемъ.... съ вашимъ образованьемъ.... заниматься такими, смѣю сказать.... пустыми шутками.... да еще два дня сряду....

ТРОПАЧОВЪ (*дѣлая рукой знакъ Карпачову, который тотчасъ отскакиваетъ и вытягивается*).

Однако позвольте, Павелъ Николаичъ.... Я, конечно.... впрочемъ я, точно, съ вами согласенъ.... хотя съ другой стороны.... А что, ваша супруга здорова?

ЕЛЕЦКІЙ.

Да.... она скоро придетъ.... (*Улыбаясь и пожимая руку Тропачову.*) Вы меня, пожалуйста, извините.... Я сегодня что-то не въ духѣ.

ТРОПАЧОВЪ.

О, полноте, Павелъ Николаичъ, что за бѣда.... Притомъ вы правы.... съ этимъ народомъ фамильярность никуда не годится.... (*Елецкаго слегка передергиваетъ.*) Какая сегодня славная погода! (*Минутное молчаніе.*) А вѣдь точно вы правы.... въ деревнѣ долго жить — бѣда! On se rouille à la campagne.... Ужасно.... Скучно, знаете.... Гдѣ тутъ разбирать....

ЕЛЕЦКІЙ.

Пожалуйста не вспоминайте объ этомъ больше, Флегонтъ Александрычъ, сдѣлайте одолженіе....

ТРОПАЧОВЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, я такъ; я вообще; общее, знаете, замѣчанье. *(Опять маленькое молчанье.)* Я вамъ, кажется, не сказывалъ.... Я будущей зимой уѣзжаю за границу.

ЕЛЕЦКІЙ.

А! *(Кузовкину, который опять хочетъ уйти.)* Останьтесь, Василій Семенычъ.... Мнѣ нужно съ вами поговорить.

ТРОПАЧОВЪ.

Я думаю, года эдакъ два за границей остаться.... А чтожь madame? Будемъ ли мы имѣть удовольствіе ее видѣть сегодня?

ЕЛЕЦКІЙ.

Какъ же. Да не хотите ли пока пройтись по саду? Видите, какое время? un petit tour? Только позвольте мнѣ не сопровождать васъ. Мнѣ нужно переговорить съ Васильемъ Семенычемъ.... Впрочемъ я черезъ нѣсколько минутъ....

ТРОПАЧОВЪ.

Будьте какъ дома, хе хе, милый мой Павелъ Николаичъ! Дѣлайте ваше дѣло, не спѣша — а мы пока, вотъ съ этимъ смертнымъ, будемъ наслаждаться красотами природы.... Природа — смерть моя! Венеиси, Карпаче! *(Уходитъ съ Карпачевымъ.)*

ЕЛЕЦКІЙ *(идетъ за нимъ вслѣдъ, запираетъ дверь, возвращается къ Кузовкину и скрещиваетъ руки).*

Милостивый государь! вчера я видѣлъ въ васъ вздорнаго и нетрезваго человѣка; сегодня я долженъ считать васъ за клеветника и за интригана... Не извольте перебивать меня!... за интригана и за клеветника. Ольга Петровна мнѣ все сказала. Вы, можетъ быть, этого не ожидали, милостивый государь? Какимъ образомъ вы мнѣ объясните ваше поведеніе? Нынче утромъ, вы лично сознаетесь мнѣ, что сказанное вами вчера — совершенная и чистая выдумка... А сейчасъ, въ разговорѣ съ моей женой....

КУЗОВКИНЪ.

Я виноватъ.... Сердце у меня....

ЕЛЕЦКІЙ.

Мнѣ до вашего сердца дѣла нѣтъ — а я снова спрашиваю васъ: вѣдь вы солгали? *(Кузовкинъ молчитъ.)* Солгали вы?

КУЗОВКИНЪ.

Я уже вамъ докладывалъ, что я вчера самъ не зналъ, что̀ говорилъ.

ЕЛЕЦКІЙ.

А сегодня, вы знали, что̀ говорили. И послѣ этого вы имѣете еще столько духа, что смотрите порядочному человѣку въ глаза? И стыдъ васъ еще не уничтожилъ?

КУЗОВКИНЪ.

Па̀велъ Николаичъ, вы, ей-богу, слишкомъ со мною строги. Изво̀льте милостиво сообразить, какую пользу могъ бы я извлечь изъ моего разговора съ Ольгой Петровной?

ЕЛЕЦКІЙ.

Я вамъ скажу, какую пользу. Вы надѣялись этой нелѣпой басней возбудить ея сожалѣніе. Вы разсчитывали на ея великодушіе.... денегъ вамъ хотѣлось, денегъ.... Да, да, денегъ. И я долженъ вамъ сказать, что вы достигли вашей цѣли. — Слушайте же: мы съ женой положили выдать вамъ нужную сумму для обезпеченія вашего существованія, съ тѣмъ однако....

КУЗОВКИНЪ.

Да я ничего не хочу!

ЕЛЕЦКІЙ.

Не прерывайте меня, милостивый государь!... Съ тѣмъ однако, чтобы вы избрали мѣсто жительства подальше отсюда. А я съ своей стороны прибавлю слѣдующее: принимая отъ насъ эту сумму, вы тѣмъ самымъ сознаетесь въ вашей лжи.... Васъ это слово, я вижу, коробитъ — въ вашей выдумкѣ—и слѣдовательно отказываетесь отъ всякаго права...

КУЗОВКИНЪ.

Да я отъ васъ копѣйки не возьму!

ЕЛЕЦКІЙ.

Какъ, сударь? Стало-быть, вы упорствуете? Стало-быть, я должень думать, что вы сказали правду? Извольте объясниться наконецъ!

КУЗОВКИНЪ.

Ничего я не могу сказать. Думайте обо мнѣ что̀ хотите — а только я ничего не возьму.

ЕЛЕЦКІЙ.

Однако, это ни на что не похоже! Вы, пожалуй, еще останетесь здѣсь!

КУЗОВКИНЪ.

Сегодня же меня здѣсь не будетъ.

ЕЛЕЦКІЙ.

Вы уѣдете! Но въ какомъ положеніи оставите вы Ольгу Петровну? Вы бы хоть это сообразили, если въ васъ еще осталось на каплю чувства.

КУЗОВКИНЪ.

Отпустите меня, Павелъ Николаичъ. Ей-богу, у меня голова кругомъ идетъ. Что̀ вы отъ меня хотите?

ЕЛЕЦКІЙ.

Я хочу знать, берете ли вы эти деньги. Вы, можетъ быть, думаете, что сумма незначительная? Мы вамъ десять тысячь рублей даемъ.

КУЗОВКИНЪ.

Не могу я ничего взять.

ЕЛЕЦКІЙ.

Не можете? Стало-быть, жена моя ваша.... Языкъ не поворачивается выговорить это слово!

КУЗОВКИНЪ.

Я ничего не знаю.... Отпустите меня. (*Хочетъ уйти.*)

ЕЛЕЦКІЙ.

Это слишкомъ! Да знаешь ли ты, что̀ я могу принудить тебя повиноваться!

КУЗОВКИНЪ.

А какимъ это образомъ, смѣю спросить?

ЕЛЕЦКІЙ.

Не выводите меня изъ терпѣнія!.. Не заставляйте меня напомнить вамъ, кто вы такой!

КУЗОВКИНЪ.

Я столбовой дворянинъ.... Вотъ кто я-съ!

ЕЛЕЦКІЙ.

Хорошъ дворянинъ, нечего сказать!

КУЗОВКИНЪ.

Каковъ ни на есть — а купить его нельзя-съ.

ЕЛЕЦКІЙ.

Слушайте....

КУЗОВКИНЪ.

Это вы въ Петербургѣ съ вашими подчиненными извольте такъ обращаться.

ЕЛЕЦКІЙ.

Слушайте, упрямый старикъ. Вѣдь вы не желаете оскорбить вашу благодѣтельницу? Вы уже сознались разъ въ несправедливости вашихъ словъ; чтò же вамъ стòитъ успокоить Ольгу Петровну окончательно — и взять деньги, которыя мы вамъ предлагаемъ? — Или вы такъ богаты, что вамъ десять тысячь рублей ни по чемъ?

КУЗОВКИНЪ.

Не богатъ я, Павелъ Николаичъ; да подарочекъ-то вашъ больно горекъ. Ужь и такъ я вдоволь стыда наглотался.... да-съ. Вы вотъ изволите говорить, что мнѣ денегъ надо: не надо мнѣ денегъ-съ. — Рубля на дорогу отъ васъ не возьму-съ.

ЕЛЕЦКІЙ.

О, я понимаю вашъ разсчетъ! — Вы притворяетесь безкорыстнымъ; вы надѣетесь эдакъ больше выиграть. Въ послѣдній разъ говорю вамъ: либо вы возьмете эти деньги на тѣхъ условіяхъ, которыя я изложилъ вамъ, либо я прибѣгну къ такимъ мѣрамъ.... къ такимъ мѣрамъ....

КУЗОВКИНЪ.

Да чтò вы хотите отъ меня, Господи! Мало вамъ того, что

я уѣзжаю; вы хотите чтобъ я замарался, вы хотите купить меня... Такъ нѣтъ же, Павелъ Николаичъ, этого не будетъ!

ЕЛЕЦКІЙ.

О чертъ возьми! — Я тебя....(*Въ это мгновенье раздается подъ окномъ въ саду голосъ Тропачева; онъ напѣваетъ: «Я здѣсь, Инезилья, Я здѣсь подъ окномъ».*) Это невыносимо! (*Подходя къ окну.*) Я сейчасъ.... сейчасъ.... (*Кузовкину.*) Даю вамъ четверть часа на размышленіе.... а тамъ ужь не пеняйте! (*Уходитъ.*)

КУЗОВКИНЪ (*одинъ*).

Что̀ это со мною дѣлаютъ, Господи! — Да эдакъ лучше прямо въ гробъ живому лечь! — Погубилъ я себя! Языкъ мой — врагъ мой. — Этотъ баринъ... Вѣдь онъ со мной какъ съ собакой говорилъ, ей-богу!... Словно во мнѣ и души-то нѣтъ!... Ну хоть убей онъ меня.... (*Изъ кабинета выходитъ Ольга; у ней въ рукахъ бумаги. Кузовкинъ оглядывается.*) Господи ...

ОЛЬГА (*нерѣшительно подходя къ Кузовкину*).

Я желала видѣть васъ еще разъ, Василій Семенычъ....

КУЗОВКИНЪ (*не глядя на нее*).

Ольга Петровна.... зачѣмъ.... вы вашему супругу.... все изволили сообщить....

ОЛЬГА.

Я никогда ничего не скрывала отъ него, Василій Семенычъ....

КУЗОВКИНЪ.

Такъ-съ....

ОЛЬГА (*поспѣшно*).

Онъ повѣрилъ мнѣ.... (*Понизивъ голосъ.*) И согласенъ на все.

КУЗОВКИНЪ.

Согласенъ съ? На что согласенъ-съ?...

ОЛЬГА.

Василій Семенычъ, вы добрый.... вы благородный человѣкъ.... Вы меня поймете. Скажите сами, можете ли вы здѣсь остаться?

КУЗОВКИНЪ.

Не могу-съ.

ОЛЬГА.

Нѣтъ, послушайте.... Я хочу знать ваше мнѣніе.... Я успѣла оцѣнить васъ, Василій Семенычъ.... Говорите же, говорите откровенно....

КУЗОВКИНЪ.

Я чувствую вашу ласку, Ольга Петровна, я, повѣрьте, тоже умѣю цѣнить.... (*Онъ останавливается и продолжаетъ со вздохомъ.*) Нѣтъ, не могу я остаться, — никакъ не могу. Еще побьютъ, пожалуй, подъ старость. Да и что грѣха таить? — теперь я, конечно, остепенился — ну, и хозяина тоже давно въ домѣ не было.... некому было, эдакъ, знаете.... Да вѣдь старики-то живы; они, вѣдь, не забыли.... вѣдь я, точно, у покойника въ шутахъ состоялъ.... Изъ подъ палки, бывало, паясничалъ — а иногда и самъ.... (*Ольга отворачивается.*) Не огорчайтесь, Ольга Петровна.... Вѣдь наконецъ, я.... я вамъ все таки чужой человѣкъ.... остаться я не могу.

ОЛЬГА.

Въ такомъ случаѣ....возьмите.... это.... (*Протягиваетъ ему бумагу.*)

КУЗОВКИНЪ (*принимая ее съ недоумѣніемъ*).

Что это-съ?

ОЛЬГА.

Это.... мы вамъ назначаемъ.... сумму... для выкупа вашего Вѣтрова.... Я надѣюсь, что вы намъ.... что вы мнѣ не откажете....

КУЗОВКИНЪ (*роняетъ бумагу и закрываетъ лицо руками*).

Ольга Петровна, за что же и вы, и вы меня обижаете?

ОЛЬГА.

Какъ?

КУЗОВКИНЪ.

Вы отъ меня откупиться хотите. Да яжь вамъ сказывалъ, что доказательствъ у меня нѣтъ никакихъ... Почему вы зна-

ете, что я это все не выдумалъ, что у меня не было, наконецъ, намѣренья....

ОЛЬГА (*съ живостью его перебивая*).

Еслибъ я вамъ не вѣрила, развѣ мы бы согласились....

КУЗОВКИНЪ.

Вы мнѣ вѣрите — чего же мнѣ больше — на что мнѣ эта бумага? Я съ-измала себя не баловалъ.... не начинать же мнѣ подъ старость.... Чтò мнѣ нужно? Хлѣба ломоть — вотъ и все. Коли вы мнѣ вѣрите.... (*Останавливается.*)

ОЛЬГА.

Да... да... я вамъ вѣрю. Нѣтъ, вы меня не обманываете — нѣтъ.... Я вамъ вѣрю, вѣрю.... (*Вдругъ обнимаетъ его и прижимается къ его груди головой.*)

КУЗОВКИНЪ.

Матушка, Ольга Петровна, пол.... полноте.... Ольга.... (*Шатаясь, опускается въ кресло на лѣво.*)

ОЛЬГА (*держитъ его одной рукою, другой быстро поднимаетъ бумагу, съ земли и жмется къ нему*).

Вы могли отказать чужой, богатой женщинѣ, — вы могли отказать моему мужу — но дочери, вашей дочери вы не можете, вы не должны отказать.... (*Суетъ ему бумагу въ руки.*)

КУЗОВКИНЪ (*принимая бумагу, со слезами*).

Извольте, Ольга Петровна, извольте, какъ хотите, чтò хотите, прикажите, я готовъ, я радъ — прикажите, хоть на край свѣта уйду. Теперь я могу умереть, теперь мнѣ ничего не нужно.... (*Ольга утираетъ ему слезы платкомъ.*) Ахъ, Оля, Оля....

ОЛЬГА.

Не плачьте — не плачь.... Мы будемъ видѣться.... Ты будешь ѣздить....

КУЗОВКИНЪ.

Ахъ, Ольга Петровна, Оля.... я ли это, не во снѣ ли это?

ОЛЬГА.

Полно же, полно....

КУЗОВКИНЪ (*вдругъ торопливо*).

Оля, встань; идутъ. (*Ольга, которая почти сѣла ему на колѣни, быстро вскакиваетъ.*) Дайте только руку, руку въ послѣдній разъ.

(*Онъ поспѣшно цѣлуетъ у ней руку. Она отходитъ въ сторону. Кузовкинъ хочетъ подняться и не можетъ. Изъ двери направо входитъ Елецкій и Тропачовъ; за ними Карпачовъ. Ольга идетъ къ нимъ на встрѣчу мимо Кузовкина и останавливается между имъ и ими.*)

ТРОПАЧОВЪ (*кланяясь и рисуясь*).

Enfin — мы имѣемъ счастье васъ видѣть, Ольга Петровна. Какъ ваше здоровье?

ОЛЬГА.

Благодарствуйте — я здорова.

ТРОПАЧОВЪ.

У васъ лицо какъ будто....

ЕЛЕЦКІЙ (*подхватывая*).

Мы оба съ нею что-то сегодня не въ своей тарелкѣ....

ТРОПАЧОВЪ.

И тутъ симпатія, хе, хе. А садъ у васъ удивительно хорошъ.

(*Кузовкинъ черезъ силу поднимается.*)

ОЛЬГА.

Я очень рада, что онъ вамъ понравился.

ТРОПАЧОВЪ (*словно обиженный*).

Да вѣдь, послушайте, я вамъ скажу — вѣдь онъ прелесть какъ хорошъ — mais c'est très beau, très beau... Аллеи, цвѣты — и все вообще.... Да, да. Природа и поэзія — это мои двѣ слабости! Но что я вижу? Альбомы! Точно въ столичномъ салонѣ!

ЕЛЕЦКІЙ (*выразительно глядя на жену, съ разстановкой*).

Развѣ тебѣ удалось устроить? (*Ольга киваетъ головой; Тропачовъ изъ приличья отворачивается.*) Онъ принялъ? Гм. Хорошо. (*Отводя ее немного въ сторону.*) Повторяю тебѣ, что я всей этой исторіи не вѣрю — но я тебя одобряю. Домашнее спокойствіе не десяти тысячь стôитъ.

ОЛЬГА (*возвращаясь къ Тропачову, который началъ было разсматривать альбомъ на столѣ*).

Чѣмъ вы тутъ занялись, Флегонтъ Александрычъ?

ТРОПАЧОВЪ.

Такъ-съ.... Вашъ альбомъ — вотъ-съ. Все это очень мило. Скажите, вы не знакомы съ Ковринскими?

ОЛЬГА.

Нѣтъ, не знакомы.

ТРОПАЧОВЪ

Какъ, — и прежде не были знакомы? Познакомьтесь — я вамъ совѣтую. У насъ это почти что лучшій домъ въ уѣздѣ, или, лучше сказать, былъ лучшій домъ до вчерашняго дня, ха, ха!

ЕЛЕЦКІЙ (*между тѣмъ подошелъ къ Кузовкину*).

Вы берете деньги?

КУЗОВКИНЪ.

Беру-съ.

ЕЛЕЦКІЙ.

Значитъ — солгали?

КУЗОВКИНЪ.

Солгалъ.

ЕЛЕЦКІЙ.

А! (*Обращаясь къ Тропачову, который разсыпается передъ Ольгой и волнообразно сгибаетъ свой станъ.*) А вотъ, Флегонтъ Александрычъ, мы вчера съ вами подсмѣивались надъ Васильемъ Семенычемъ.... а вѣдь онъ свое дѣло-то выигралъ.... Извѣстіе сейчасъ получено. Вотъ, пока мы въ саду гуляли.

ТРОПАЧОВЪ.

Что вы?

ЕЛЕЦКІЙ.

Да, да. Ольга вотъ мнѣ сейчасъ сказала. Да спросите его самого.

ТРОПАЧОВЪ.

Неужели, Василій Семенычъ?

КУЗОВКИНЪ (*который все время до конца сцены улыбается, какъ дитя, и говоритъ звенящимъ отъ внутреннихъ слезъ голосомъ*).

Да-съ, да-съ. Достается-съ, достается-съ.

ТРОПАЧОВЪ.

Поздравляю васъ, Василій Семенычъ, поздравляю. (*Въ полголоса Елецкому.*) Я понимаю.... вы его вѣжливымъ образомъ удаляете послѣ вчерашней.... (*Елецкій хочетъ увѣрять, что нѣтъ.*) Ну да.... да.... и какъ благородно, великодушно, деликатно.... Очень, очень хорошо. Я готовъ объ закладъ побиться, что эта мысль (*съ сладкимъ взглядомъ на Ольгу*) вашей женѣ въ голову пришла.... хотя и вы, конечно... (*Елецкій улыбается. Тропачовъ продолжаетъ громко.*) Хорошо, хорошо. Такъ теперь вамъ, Василій Семенычъ, туда переѣзжать надо.... Хозяйствомъ поприҙаняться....

КУЗОВКИНЪ.

Конечно-съ.

ЕЛЕЦКІЙ.

Василій Семенычъ мнѣ сейчасъ сказалъ, что онъ даже сегодня съѣздить туда собирается.

ТРОПАЧОВЪ.

Еще бы. Я очень понимаю его нетерпѣнье. Хе, чертъ возьми! водили человѣка за носъ, водили, водили—ну, наконецъ, досталось имѣнье.... Какъ тутъ не захотѣть посмотрѣть на свое добро? Не такъ ли, Василій Семенычъ?

КУЗОВКИНЪ.

Именно-съ такъ-съ.

ТРОПАЧОВЪ.

Вѣдь вамъ, чай, и въ городъ придется заѣхать?

КУЗОВКИНЪ.

Какже-съ; все въ порядокъ привести слѣдуетъ.

ТРОПАЧОВЪ.

Такъ вамъ мѣшкать нечего. (*Подмигивая Елецкому.*) Каковъ Лычковъ, отставной стряпчій? Чай, вѣдь это онъ все? (*Кузовкину.*) Ну, и рады вы?

КУЗОВКИНЪ.

Какже-съ, какже не радоваться?

ТРОПАЧОВЪ.

Вы мнѣ позволите васъ навѣстить на новосельѣ.... а?

КУЗОВКИНЪ.

Много чести, Флегонтъ Александрычъ.

ТРОПАЧОВЪ (*обращаясь къ Елецкому*).

Павелъ Николаичъ, какъ же это? надо бы Вѣтрово-то вспрыснуть.

ЕЛЕЦКІЙ (*нѣсколько нерѣшительно*).

Да.... пожалуй.... да. (*Подходитъ къ двери залы.*) Позвать мнѣ Трембинскаго!

ТРЕМБИНСКІЙ (*быстро выскакивая изъ двери*).

Чего прикажете?

ЕЛЕЦКІЙ.

А! вы здѣсь.... бутылку шампанскаго!

ТРЕМБИНСКІЙ (*изчезая*).

Слушаю-съ.

ЕЛЕЦКІЙ

Да — послушайте! (*Трембинскій опять появляется.*) Я кажется, въ залѣ, господина Иванова видѣлъ,—такъ попроси его войти.

ТРЕМБИНСКІЙ.

Слушаю-съ. (*Изчезаетъ.*)

ТРОПАЧОВЪ (*подходя къ Ольгѣ, которая все время стояла у стола съ альбомами, и то опускала глаза, то тихо поднимала ихъ на Кузовкина*).

Madame Ковринская чрезвычайно будетъ рада съ вами познакомиться.... enchantée, enchantée. Я надѣюсь, что она вамъ понравится... Я у нея въ домѣ совершенно какъ свой... Умная женщина — и, знаете ли, эдакъ.... (*Вертитъ рукой въ воздухѣ.*)

ОЛЬГА (*съ улыбкой*).

А!

ТРОПАЧОВЪ.

Вы увидите. (*Трембинскій входитъ съ бутылками и бокалами на подносѣ.*) А! Ну, Василій Семенычъ, позвольте васъ душевно поздравить....

(*Ивановъ входитъ, останавливается у двери и кланяется.*)

ОЛЬГА (*ласково Иванову*).

Здравствуйте, я очень рада васъ видѣть... Вы слышали... вашему пріятелю Вѣтрово достается....

(*Ивановъ вторично кланяется и пробирается къ Кузовкину. Трембинскій подноситъ всѣмъ бокалы.*)

ИВАНОВЪ (*въ полголоса и скороговоркой Кузовкину*).

Василій что они врутъ?

КУЗОВКИНЪ (*тоже въ полголоса*).

Молчи, Ваня, молчи; я счастливъ....

ТРОПАЧОВЪ (*съ бокаломъ въ рукѣ*).

За здоровье новаго владѣльца!

ВСѢ (*исключая Иванова, который даже свой бокалъ не выпиваетъ*).

За его здоровье! За его здоровье!

КАРПАЧОВЪ (*басомъ, еще разъ, одинъ*).

Многая лѣта!

(*Тропачовъ сурово на него взглядываетъ; онъ конфузится. Кузовкинъ благодаритъ, кланяется, улыбается; Елецкій держитъ себя строго; Ольгѣ неловко, она готова заплакать; Ивановъ изумленъ и посматриваетъ изъ-подлобья.*)

КУЗОВКИНЪ (*трепещущимъ голосомъ*).

Позвольте мнѣ теперь.... въ такой для меня торжественный день — изъявить мою благодарность за всѣ милости....

ЕЛЕЦКІЙ (*перебивая его, строго*).

Да за что же, за что, Василій Семенычъ, вы насъ благодарите?...

КУЗОВКИНЪ.

Да-съ. Да вѣдь все таки-съ, вы мои благодѣтели.... А что касается до вчерашняго моего — какъ бы сказать — поступка — то простите великодушно старика.... Богъ знаетъ, съ чего я это и обижался-то вчера, и говорилъ такое....

ЕЛЕЦКІЙ (*опять перебивая его*).

Ну, хорошо, хорошо....

КУЗОВКИНЪ.

И изъ за чего было обижаться? Ну что за бѣда.... Господа

пошутили.... (*Взглянувши на Ольгу.*) Впрочемъ, нѣтъ-съ, я не то-съ. Прощайте, благодѣтели мои, будьте здоровы, веселы, счастливы....

ТРОПАЧОВЪ.

Да что вы такъ прощаетесь, Василій Семенычъ — вѣдь вы не въ Астраханъ уѣзжаете....

КУЗОВКИНЪ (*растроганный, продолжаетъ*).

Дай Богъ вамъ всякаго благополучія.... а я.... мнѣ ужь и у Бога нечего просить — я такъ счастливъ, такъ.... (*Останавливается и усиливается не плакать.*)

ЕЛЕЦКІЙ (*въ сторону про себя*).

Что за сцена.... Когда онъ уѣдетъ?

ОЛЬГА (*Кузовкину*).

Прощайте, Василій Семенычъ.... Когда вы къ себѣ переѣдете — не забывайте насъ.... Я буду рада васъ видѣть, *понизивъ голосъ*) поговорить съ вами наединѣ....

КУЗОВКИНЪ (*цѣлуя у ней руку*).

Ольга Петровна.... Господь васъ наградитъ.

ЕЛЕЦКІЙ.

Ну, хорошо, хорошо, прощайте....

КУЗОВКИНЪ.

Прощайте....

(*Кланяется и вмѣстѣ съ Ивановымъ идетъ къ дверямъ залы. Всѣ его провожаютъ. Тропачевъ у порога еще разъ восклицаетъ: «Да здравствуетъ новый помѣщикъ!» — Ольга быстро уходитъ въ кабинетъ.*)

ТРОПАЧОВЪ (*оборачивается къ Елецкому и треплетъ его по плечу*).

А знаете ли, что я вамъ скажу? Вы благороднѣйшій человѣкъ.

ЕЛЕЦКІЙ.

О, помилуйте! Вы слишкомъ добры....

(*Занавѣсъ падаетъ.*)

ХОЛОСТЯКЪ.

КОМЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

(1849)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ МОШКИНЪ, коллежскій ассессоръ, 50 лѣтъ. Живой, хлопотливый, добродушный старикъ. Довѣрчивъ и привязчивъ. Сангвиническаго темперамента.

ПЕТРЪ ИЛЬИЧЪ ВИЛИЦКІЙ, коллежскій секретарь, 23 лѣтъ. Нерѣшительный, слабый, самолюбивый человѣкъ.

РОДІОНЪ КАРЛОВИЧЪ ФОН-ФОНКЪ, титулярный совѣтникъ, 29 лѣтъ. Холодное, сухое существо. Ограниченъ, наклоненъ къ педантизму. Соблюдаетъ всѣ возможныя приличія. Человѣкъ, какъ говорится, съ характеромъ. Онъ, какъ многіе обрусѣлые Нѣмцы, слишкомъ чисто и правильно выговариваетъ каждое слово.

ФИЛИППЪ ЕГОРОВИЧЪ ШПУНЬДИКЪ, помѣщикъ, 45 лѣтъ. Съ претензіями на образованность.

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА БѢЛОВА, сирота, проживающая у Мошкина, 19 лѣтъ. Простая русская дѣвушка.

ЕКАТЕРИНА САВИШНА ПРЯЖКИНА, тётка Марьи Васильевны, 48 лѣтъ. Болтливая, слезливая кумушка. Въ сущности, эгоистка страшная.

АЛКИВІАДЪ МАРТЫНОВИЧЪ СОЗОМЭНОСЪ, пріятель Фонка, 35 лѣтъ. Грекъ, съ крупными чертами лица и низкимъ лбомъ.

МАЛАНЬЯ, кухарка Мошкина, 40 лѣтъ. Тупоумная Чухонка.

СТРАТИЛАТЪ, мальчикъ, въ услуженіи у Мошкина, 16 лѣтъ. Вообще глупый, но еще болѣе поглупѣвшій отъ роста.

МИТЬКА, слуга Вилицкаго, 25 лѣтъ. Бойкій слуга, доразвившійся въ Петербургѣ.

ПОЧТАЛЬЙОНЪ.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ: 1-е и 3-е дѣйствія на квартирѣ Мошкина, 2-е на квартирѣ Вилицкаго; между 1-мъ и 2-мъ дѣйствіями пять дней, между 2-мъ и третьимъ — недѣля.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(Театръ представляетъ гостиную не богатаго, но и не бѣднаго чиновника. Направо два окна; между окнами зеркало; столикъ передъ зеркаломъ. Прямо дверь въ переднюю; налѣво дверь въ другую комнату. Спереди тоже налѣво диванъ, круглый столъ и нѣсколько креселъ; уголъ направо отгороженъ зелеными ширмами. На диванѣ лежитъ Стратилатъ. Стѣнные часы бьютъ два часа.)

СТРАТИЛАТЪ.

Разъ.... два.... Два часа. Чтò это баринъ нейдетъ? (*Молчитъ.*) Я, кажется, соснулъ маленько. (*Опять молчитъ.*) А мнѣ, никакъ, опять ѣсть хочется. (*Посвистываетъ, беретъ со стола и развертываетъ книгу.*) Эка, подумаешь, словъ-то, словъ-то!... Ну-ка это.... да длинное же оно какое! (*Начинаетъ разбирать по складамъ.*) Покой, арцы, онъ — про; слово, веди, ять — свѣ — просвѣ; ща, есть нашъ, — щен— просвѣ.... просвѣ.... просвѣщен;— нашъ, ять, иже съ краткой — нѣй — просвѣ.... просвѣщеннѣй; ша, иже—ши—про.... свѣ.... щеннѣйши; мыслете, иже — (*Въ передней раздается звонокъ. Стратилатъ поднимается, но не выпускаетъ книги изъ рукъ*) мыслете, иже — ми — просвѣ.... просвѣщен-

нѣй....(*Опять звонокъ.*) Тьфу ты, чертъ! Вотъ тутъ и выучись читать! (*Бросаетъ книгу на столъ и бѣжитъ отворять.*)

МОШКИНЪ (*Входитъ. У него подъ мышкой голова сахара; въ одной рукѣ бутылка, въ другой дамскій картонъ. — Стратилату.*)

Спалъ, небойсь?

СТРАТИЛАТЪ.

Никакъ нѣтъ-съ.

МОШКИНЪ.

Да́.... можно тебѣ повѣрить. (*Указывая ему шеей и плечомъ на сахарную голову.*) На́, возьми. Отнеси Маланьѣ. (*Стратилатъ достаетъ голову. Мошкинъ идетъ на авансцену. Стратилатъ хочетъ идти.*) Марья Васильевна дома?

СТРАТИЛАТЪ.

Никакъ нѣтъ-съ.

МОШКИНЪ.

Куда она пошла, не знаешь? (*Ставитъ картонъ и бутылку на столъ и вынимаетъ изъ задняго кармана пакетъ.*)

СТРАТИЛАТЪ.

Не знаю-съ. Тётушка за ней заходили-съ.

МОШКИНЪ.

Давно?

СТРАТИЛАТЪ.

Съ часъ будетъ-съ.

МОШКИНЪ.

А Петръ Ильичъ безъ меня не былъ?

СТРАТИЛАТЪ.

Никакъ нѣтъ-съ.

МОШКИНЪ (*помолчавъ немного*).

Ну, ступай. Да позови, кстати, Маланью.

СТРАТИЛАТЪ.

Слушаю-съ. (*Уходитъ.*)

МОШКИНЪ (*ощупываясь*).

Кажется, ничего не забылъ. Все, кажется, купилъ. Все. Точно. (*Вынимая изъ кармана завернутую стклянку.*) Вотъ и одеколонъ. (*Кладетъ стклянку на столъ.*) Который-то часъ? (*Глядитъ на часы.*) Третій въ началѣ. Чтожъ это Пет-

руша нейдетъ? (*Опять глядитъ на часы.*) Въ началѣ третій. (*Опуская руку въ боковой карманъ.*) Вотъ и деньги его готовы. (*Ходитъ по комнатѣ.*) Захлопотался я совсѣмъ. Ну, да и случай-то вѣдь какой! (*Входятъ Маланья и Стратилатъ. Мошкинъ живо обращается къ нимъ.*) Вѣдь сегодня пятница?

СТРАТИЛАТЪ.

Пятница-съ.

МОШКИНЪ.

Ну, конечно. (*Маланьѣ.*) Чтожь обѣдъ — будетъ?

МАЛАНЬЯ.

Будетъ съ. Какъ же-съ!

МОШКИНЪ.

И хорошій обѣдъ?

МАЛАНЬЯ.

Хорошій. Какъ же-съ!

МОШКИНЪ.

Смотри, матушка, не опоздай. Все у тебя есть?

МАЛАНЬЯ.

Какъ же-съ! Все-съ.

МОШКИНЪ.

Ничего тебѣ не нужно?

МАЛАНЬЯ.

Ничего-съ. Къ буденику мадеры пожалуйте.

МОШКИНЪ (*подавая ей со стола бутылку*).

На, на, на тебѣ мадеру. Ну, смотри же, Маланья, отличись. У насъ сегодня гости обѣдаютъ.

МАЛАНЬЯ.

Слушаю-съ.

МОШКИНЪ.

Ну, я тебя не держу; ступай съ Богомъ. (*Маланья уходитъ.*) Стратилатъ! Новый фракъ мнѣ приготовь и галстухъ съ бантомъ — слышишь? (*Стратилатъ тоже уходитъ. Мошкинъ останавливается.*) Да что это я бѣгаю, словно угорѣлый? (*Садится и утираетъ лицо платкомъ.*) Усталъ я,

нечего сказать!... (*Раздается звонокъ.*) Ктó бы это? Должно-быть, Петруша. (*Прислушивается.*) Нѣтъ, не его голосъ.

СТРАТИЛАТЪ (*входитъ*).

Какой-то господинъ васъ желаютъ видѣть-съ.

МОШКИНЪ (*торопливо*).

Какой господинъ?

СТРАТИЛАТЪ.

Не знаю-съ. Незнакомый-съ.

МОШКИНЪ.

Незнакомый? Да ты бы спросилъ у него, кто онъ такой?

СТРАТИЛАТЪ.

Я и тò у нихъ спрашивалъ-съ. Они говорятъ, что васъ самихъ желаютъ видѣть-съ.

МОШКИНЪ.

Странно! Ну, проси. (*Стратилатъ выходитъ. Мошкинъ съ волненіемъ смотритъ на дверь. Входитъ Шпуньдикъ. На немъ длинный гороховый сюртукъ.*)

ШПУНЬДИКЪ (*подходя къ Мошкину*).

Вы меня не узнаёте?

МОШКИНЪ.

Я? Я, признаюсь, кажется.... не имѣю чести....

ШПУНЬДИКЪ (*съ дружелюбнымъ упрекомъ*).

Миша, Миша! старыхъ пріятелей такъ-то ты забываешь...

МОШКИНЪ (*вглядываясь*).

Неужели?... да нѣтъ.... точно.... Филиппъ? (*Шпуньдикъ раскрываетъ объятія.*) Шпуньдикъ!

ШПУНЬДИКЪ.

Я, Миша, я.... (*Бросаются другъ другу на шею.*)

МОШКИНЪ (*прерывающимся голосомъ*).

Другъ.... какими судьбами.... давно ли? Садись. Вотъ не ожидалъ.... вотъ случай.... (*Они опять обнимаются.*) Садись, садись. (*Оба садятся и глядятъ другъ на друга.*)

ШПУНЬДИКЪ.

Эге-ге, братъ, кàкъ мы съ тобой постарѣли!

МОШКИНЪ.

Дá, братъ, дà. Постарѣли, братъ, постарѣли. Да вѣдь легкое ли дѣло? Чтожь, чай лѣтъ двадцать не видались?

ШПУНЬДИКЪ.

Да̀, двадцать лѣтъ будетъ. Ка̀къ время-то проходитъ! Миша, а? Помнишь....

МОШКИНЪ (*перебивая его*).

Я, братъ, гляжу на тебя и просто глазамъ не вѣрю. Шпуньдикъ, Филиппъ, у меня въ Питерѣ — а? Добро пожаловать, дружище! Ка̀къ ты меня сыскалъ?

ШПУНЬДИКЪ.

Вона! Чиновника развѣ мудрено сыскать? Я зналъ въ какомъ ты министерствѣ служишь. Кучинъ, Ардаліонъ, прошлымъ лѣтомъ ко мнѣ въ деревню заѣзжалъ.... Вѣдь ты Ардашу Кучина помнишь?

МОШКИНЪ.

Какой это Кучинъ? Ахъ, да это не тотъ ли, что на дочери купца Караваева женился — и приданаго, помнится, не получилъ?

ШПУНЬДИКЪ.

Тотъ, тотъ самый.

МОШКИНЪ.

Помню, помню. А онъ еще живъ?

ШПУНЬДИКЪ.

Живъ, ка̀къ же! Ну, вотъ отъ него-то я и узналъ, гдѣ ты служишь.... Да! Лупинусъ велѣлъ тебѣ кланяться.

МОШКИНЪ.

Иванъ Аѳанасьичъ?

ШПУНЬДИКЪ.

Какое Иванъ Аѳанасьичъ! Ивана Аѳанасьича давно на свѣтѣ нѣтъ; сынъ его, Василій.... помнишь, онъ еще хромой?

МОШКИНЪ.

Ахъ, да, да.

ШПУНЬДИКЪ.

Ну, вотъ онъ. Онъ у насъ судьей теперь.

МОШКИНЪ (*качая головой*).

Скажи, пожалуйста! Время-то, время — а? Да, кстати, Бундюковъ живъ?

ШПУНЬДИКЪ.

Живъ. Чтò ему дѣлается? Онъ въ прошломъ году старшую дочь за нѣмца землемѣра выдалъ. Кàкъ же, кàкъ же! Бундюковъ тебѣ тоже кланяться велѣлъ. Мы всѣ о тебѣ часто вспоминаемъ, Миша!

МОШКИНЪ.

Спасибо, Филиппъ, спасибо. Да не хочется ли тебѣ чего-нибудь? Водки, чтò ли, закусить.... Пожалуйста. Трубки не прикажешь ли? Вѣдь мы съ тобой по старому? (*Треплетъ его по ляшкѣ и отнимаетъ у него картузъ.*)

ШПУНЬДИКЪ.

Благодарствуй, Миша. Я не курю.

МОШКИНЪ.

А закусить?

ШПУНЬДИКЪ.

Нѣтъ, благодарствуй.

МОШКИНЪ.

Чай, усталъ съ дороги?

ШПУНЬДИКЪ.

Ну, не могу сказать; почитай, съ самой Москвы все спалъ.

МОШКИНЪ.

Вѣдь ты у меня обѣдаешь?

ШПУНЬДИКЪ.

Изволь.

МОШКИНЪ.

Ну, вотъ умница. — Такъ-то, дружище, такъ-то! Не ожидалъ, признаюсь, не ожидалъ. Кстати, ты женатъ?

ШПУНЬДИКЪ (*со вздохомъ*).

Женатъ. А ты?

МОШКИНЪ.

Нѣтъ, я, братъ, того.... я не женатъ. — И дѣти есть?

ШПУНЬДИКЪ.

Кàкъ не быть! Пять человѣкъ. По ихъ милости я вотъ и сюда притащился.

МОШКИНЪ

А чтò?

ШПУНЬДИКЪ.

Да нельзя же, братъ. Вѣдь надобно жь ихъ куда-нибудь помѣстить.

МОШКИНЪ

Разумѣется, разумѣется.... А гдѣ ты остановился?

ШПУНЬДИКЪ

Представь, близёхонько. Трактиръ Европу знаешь?... вотъ за Сѣнной. Тоже по рекомендаціи Кучина. Ну, братъ, Петербургъ, скажу, городъ! Я еще только на Дворцовую площадь успѣлъ сходить. Признаюсь.... Исакій-то, Исакій-то одинъ чего стòитъ? Ну, вотъ и трутуары.... достойны удивленья.

МОШКИНЪ.

Да, да.... у тебя еще глаза разбѣгутся, погоди.... А чтò, Филиппъ, помнишь у насъ тамъ сосѣдка была....

ШПУНЬДИКЪ.

Татьяна Подольская, небойсь?

МОШКИНЪ.

Да, да, она, она.

ШПУНЬДИКЪ.

Приказала долго жить, Миша.... вотъ ужь девятый годъ.

МОШКИНЪ (*помолчавъ немного*).

Царство ей небесное! — Ну, а чтò, дѣла твои кàкъ идутъ?

ШПУНЬДИКЪ.

По-маленьку, братъ; слава Богу; я не жалуюсь. А твои кàкъ? Съ тѣхъ поръ, какъ ты отъ насъ переселился, чай въ большіе чины попасть успѣлъ?

МОШКИНЪ.

Нѣтъ, братъ, куда намъ! Какіе тутъ большіе чины! Тоже по-маленьку.

ШПУНЬДИКЪ.

Однакожь крестикъ-то есть?

МОШКИНЪ.

Ну, крестикъ-то есть.... (*Взглядываетъ на дверь.*)

ШПУНЬДИКЪ.

Ты словно ждешь кого-то?.

МОШКИНЪ.

Да́, жду. (*Потирая руки.*) Я, братъ, въ большихъ хлопотахъ теперь.

ШПУНЬДИКЪ.

А что̀?

МОШКИНЪ.

Угадай.

ШПУНЬДИКЪ.

Да гдѣ же мнѣ....

МОШКИНЪ.

Нѣтъ, угадай, угадай.

ШПУНЬДИКЪ (*глядя ему прямо въ глаза*).

Да ты.... послушай, ты ужь не жениться ли хочешь? Не женись, Миша, я тебѣ говорю!

МОШКИНЪ (*смѣясь*).

Не безпокойся, братъ.... Въ мои-то лѣта! А только ты угадалъ — у меня и то въ домѣ свадьба.

ШПУНЬДИКЪ (*указывая на столъ*).

То̀-то я гляжу.... Что̀ за покупки такія? Кто жь это у тебя женится?

МОШКИНЪ.

А вотъ погоди, я тебѣ — не теперь, теперь недосугъ.... а этакъ, вечеркомъ, что̀ ли, многое кое-что поразскажу. Ты удивишься, братецъ. Впрочемъ, въ короткихъ словахъ можно, пожалуй, и теперь. Вотъ видишь ли, Филиппъ, вотъ это у меня гостиная, а я вотъ самъ тутъ сплю.... (*Указывая на ширмы.*) Въ другихъ-то комнатахъ у меня воспитанница живетъ, сирота круглая. Ее-то вотъ я замужъ и выдаю.

ШПУНЬДИКЪ.

Воспитанница?

МОШКИНЪ.

Да̀; то-есть, она впрочемъ дѣвица благородная, титулярнаго совѣтника Бѣлова дочь; съ покойницей ея матушкой я незадолго до смерти познакомился — и странный такой случай вышелъ. Удивительно, право, ка̀къ это иногда бываетъ.... точно, должно сознаться, судьбы неисповѣдимы!

Надобно тебѣ сказать, Филиппъ, что я на этой квартирѣ всего третій годъ живу; а Машина-то матушка съ самой смерти мужа своего двѣ маленькія комнаты здѣсь въ четвертомъ этажѣ занимала; а умеръ онъ таки-давненько. (*Со вздохомъ*) Говорятъ, передъ смертью ноги себѣ отморозилъ — посуди, каковъ ударъ? Старушка жила въ крайней бѣдности; пенсія небольшая, кой-кто благотворилъ — плохіе, знаешь, доходы. Вотъ я, братъ, иду разъ къ себѣ по лѣстницѣ — а дѣло было зимой — дворникъ наплескалъ воды, да и не подтеръ, вода-то на ступенькахъ замерзла.... (*Вынимая табакерку.*) Ты табакъ нюхаешь?

ШПУНЬДИКЪ.

Нѣтъ, спасибо.

МОШКИНЪ (*сильно понюхавъ табаку*).

Вотъ иду я.... Вдругъ мнѣ на встрѣчу старушка, Машина-то мать; я съ ней тогда еще знакомъ не былъ. Посторониться, что ли, она захотѣла, или ужь такая задача вышла, только вдругъ она какъ поскользнись, да навзничь, да и переломи себѣ ногу.... Подъ себя, знаешь, этакъ. (*Встаетъ, показываетъ Шпуньдику какъ, и опять садится.*) Посуди, братъ, въ ея лѣта, каково положеніе? Я, разумѣется, тотчасъ ее поднялъ, позвалъ людей, снесъ ее въ комнату, уложилъ, побѣжалъ за костоправомъ.... Намучилась она, бѣдняжка — а ужь дочь-то, Господи, Боже мой! Вотъ съ тѣхъ поръ я и началъ къ нимъ ходить, да каждый день, каждый день.... Полюбилъ ихъ, ты не повѣришь — словно родныхъ. Цѣлые шесть мѣсяцевъ вылежала старушка; ну, наконецъ выздоровѣла, стала на ноги; да вдругъ нелегкая ее дёрни сходить въ баню: опрятность, вишь, одолѣла; сходила, простудилась, похворала дня четыре, да Богу душу и отдала. Похоронили мы ее на послѣднія денежки.... (*Складываетъ руки крестомъ*) Ну, теперь посуди самъ, Филиппъ, каково было положеніе дочери — а? Нѣтъ, скажи, а? Родныхъ — никого. То-есть, признаться сказать, есть у нея одна родственница, вдова, Пряжкина Екатерина — по отцѣ тётка ей доводится; да у Пряжкиной у самой гроша нѣтъ за душою мѣднаго.

Правда, въ Конотопскомъ уѣздѣ жилъ тогда, да и теперь, чай, не издохъ, матери ея двоюродный братъ, Грачь-Пехтеря, помѣщикъ, говорятъ, съ достаткомъ человѣкъ; я ему тотчасъ же послѣ смерти старухи Бѣловой и написалъ, что, дескать, вотъ какъ, вотъ какъ; помогите, дескать, войдите; а онъ мнѣ въ отвѣтъ: «всѣхъ-де нищихъ не накормишь; коли васъ-молъ такъ состраданье разобрало, такъ возьмите ее къ себѣ, а мнѣ не до того». Что жь? Я и то ее взялъ къ себѣ. Она сперва долго не соглашалась.... да я настоялъ. Что, я говорю, помилуйте? Что вы? Я старый человѣкъ, бездѣтный; я васъ какъ родную дочь люблю. Куда же вы дѣнетесь, помилуйте? не на улицу же вамъ идти. — Притомъ же и покойница на смертномъ одрѣ мнѣ ее поручала.... Ну, вотъ она и согласилась. Вотъ и живетъ она съ тѣхъ поръ у меня. А ужь что за дѣвушка, Филиппъ, кабы ты зналъ! Да ты ее увидишь.... Вотъ посмотри, ты ее съ перваго взгляда полюбишь....

ШПУНЬДИКЪ.

Вѣрю тебѣ, Миша, вѣрю.... А за кого же ты ее замужъ выдаешь?

МОШКИНЪ

А тоже за хорошаго человѣка; за отличнаго молодаго человѣка. И все это устроилъ твой покорный слуга. Я, братъ, долженъ про себя сказать: я на судьбу жаловаться не могу; я счастливъ, ей-богу, счастливъ.... не по заслугамъ.

ШПУНЬДИКЪ.

А какъ его зовутъ, можно спросить?

МОШКИНЪ.

Отчего же? конечно, можно. Дѣло совсѣмъ слажено; недѣли черезъ двѣ, Богъ дастъ, и свадьба. Вилицкій, Петръ Ильичъ. Его Вилицкимъ зовутъ. Онъ со мной въ одномъ министерствѣ служитъ. Прекрасный молодой человѣкъ. Въ двадцать-три года, коллежскій секретарь, на дняхъ титулярный, и на виду. Онъ далеко пойдетъ. Не богатъ онъ, точно, да что за бѣда! Малый съ головой, работящій, скромный... Знакомства хорошія имѣетъ. Онъ сегодня у меня обѣдаетъ; впрочемъ,

онъ почти каждый день у меня обѣдаетъ — только сегодня онъ хотѣлъ съ собой привести одного своего пріятеля, молодаго тоже человѣка, но, знаешь, этакого.... (*Дѣлаетъ значительныя движенія.*) Состоитъ при самой особѣ министра.... ну, понимаешь....

ШПУНЬДИКЪ.

Э, э? (*Взглянувъ на себя.*) Кàкъ же братъ? мнѣ нельзя же такъ остаться ... Позволь, я схожу фракъ надѣну.

МОШКИНЪ.

Вотъ вздоръ какой!

ШПУНЬДИКЪ (*вставая*).

Ну, нѣтъ, Миша.... на этотъ счетъ позволь ужь мнѣ.... того.... распорядиться. Этакъ гость твой, пожалуй, подумаетъ Богъ знаетъ что̀; это, что̀, скажетъ, за степная ворона такая?.... Нѣтъ, я, братъ.... я вѣдь тоже съ амбиціей, воля твоя.

МОШКИНЪ (*вставая тоже*).

Ну, кàкъ хочешь.... только, смотри, не опоздай.

ШПУНЬДИКЪ.

Духомъ сбѣгаю. (*Беретъ картузъ.*) Такъ вотъ, братъ, ты съ какими людьми водишься.... (*Пожимая ему руку.*) А я на тебя, Миша, надѣюсь.... на-счетъ сынишки, знаешь.... да и, кромѣ того, жена моя мнѣ столько коммиссій надавала, что бѣда! Одной помады на десять рублей заказала, и все перваго сорта, косметикъ-бергамотъ. Помоги, братъ; ты, я вижу (*указывая на покупки*), на все мастеръ.

МОШКИНЪ.

Съ моимъ удовольствіемъ, душа̀ моя. И самъ похлопочу и Петю попрошу. Онъ у меня такой услужливый; гордости, знаешь, ни малѣйшей. Только онъ все какъ-будто хвораетъ съ нѣкоторыхъ поръ, словно не въ духѣ.

ШПУНЬДИКЪ.

Передъ свадьбой-то?

МОШКИНЪ.

Да и мнѣ что-то нездоровится. Впрочемъ, это пустяки. Захлопотались мы съ нимъ — вотъ и все тутъ. А я все-таки

къ твоимъ услугамъ. Сдѣлай одолженіе, братъ, безъ церемоній.

ШПУНЬДИКЪ (*жметъ ему руку*).

Спасибо. Ты, я вижу, не перемѣнился.

МОШКИНЪ.

Надѣюсь. (*Тоже жметъ ему руку.*) А вѣдь вотъ и съ Петрушей тоже удивительно какъ я сошелся!

ШПУНЬДИКЪ (*который собирался идти*).

А что̀?

МОШКИНЪ.

Ну, это я тебѣ послѣ разскажу. Вообрази себѣ, вѣдь и онъ сирота. Родителей лишился въ дѣтствѣ, дядя опекунъ въ Петербургъ его привезъ, на службу его помѣстилъ, и странное такое при этомъ вышло обстоятельство.... Впрочемъ, я это тебѣ все послѣ разскажу, а только онъ полный курсъ наукъ въ гимназіи окончилъ, имѣнье, впрочемъ, все потерялъ; къ счастью, я тутъ подвернулся.... Однако я тебя не удерживаю.... скоро три часа....

ШПУНЬДИКЪ.

А обѣдъ въ которомъ часу?

МОШКИНЪ.

Въ четыре, братъ, въ четыре....

ШПУНЬДИКЪ.

Ну, такъ я еще успѣю.... (*Въ передней раздается звонокъ.*) Ужь это не гости ли?

МОШКИНЪ (*прислушиваясь*).

Можетъ-быть.... Да что жь это Маша нейдетъ?

ШПУНЬДИКЪ (*въ волненьи, оглядываясь*).

Ка̀къ же, братъ, это... нельзя ли... того... какъ-нибудь.... (*Входитъ Маша съ Пряжкиной въ салопахъ. Онѣ ихъ не снимаютъ.*)

МОШКИНЪ (*увидя ихъ*).

А! легка на поминѣ!... Гдѣ это вы пропадали?

ПРЯЖКИНА.

Да, батюшка, покупки, покупки все....

МОШКИНЪ.

Ну, хорошо, хорошо. (*Машѣ.*) Маша, рекомендую тебѣ стараго моего пріятеля и сосѣда, Филиппа Егорыча Шпуньдика. (*Шпуньдикъ кланяется; Маша присѣдаетъ; Пряжкина глядитъ на Шпуньдика во всѣ глаза.*) Онъ вотъ только сегодня изъ деревни пріѣхалъ, съ родины мнѣ вѣсточку привезъ. Прошу любить и жаловать.

ШПУНЬДИКЪ (*Машѣ*).

Вы извините меня, сударыня, если я.... въ такомъ, такъ сказать, дорожномъ нѣглѣжѣ.... Я не могъ знать.... (*Шаркаетъ.*)

МОШКИНЪ.

Вотъ вздумалъ извиняться! Экой политичный! (*Машѣ*) А ты сегодня что-то блѣдна, Маша? или ты устала?

МАША (*слабымъ голосомъ*).

Устала.

МОШКИНЪ (*Пряжкиной*).

Ужь вы слишкомъ много съ ней бѣгаете, Катерина Савишна; право, вы ее замучите.... Ну, однако, ступайте.... Четвертый часъ, а вы еще не одѣты. Что̀ нашъ новый гость подумаетъ? А онъ, того и гляди, нагрянетъ.... Ступайте.

ПРЯЖКИНА.

Мы не опоздаемъ, не бойтесь....

МОШКИНЪ.

Ну, хорошо, хорошо. Да вотъ возьмите шляпку, одеколонъ тоже, и прочее тутъ все. (*Отдаетъ ей покупки. Маша и Пряжкина уходятъ въ дверь налѣво. Мошкинъ обращается къ Шпуньдику.*).... Ну, что̀ Филиппъ, какъ тебѣ моя Маша нравится?

ШПУНЬДИКЪ.

Очень, братъ, она мнѣ нравится.... Очень, очень.

МОШКИНЪ.

Ну, я зналъ... . Однако, ступай, коли ужь тебѣ такъ надобно.

ШПУНЬДИКЪ.

Ка̀къ же, братъ, нельзя.... Мнѣ и та̀къ передъ дамами

смерть было совѣстно.... Впрочемъ, я сейчасъ явлюсь. (*Уходитъ въ переднюю.*)

МОШКИНЪ (*кричитъ ему вслѣдъ*).

Смотри же, не замѣшкайся! (*Ходитъ по комнатѣ.*) Экой денёкъ! А я радъ Шпуньдику.... Онъ хорошій человѣкъ. (*Останавливается.*) Что̀, бишь?.... Да̀; отчего это Маша блѣдна сегодня? Ну, впрочемъ, это понятно.... Однако, чтожь я не одѣваюсь? Стратилатъ! А Стратилатъ! (*Стратилатъ входитъ.*) Фракъ подай и другой галстухъ. (*Снимаетъ сюртукъ и шейный платокъ. Стратилатъ идетъ за ширмы и выноситъ оттуда фракъ и другой галстухъ. Мошкинъ глядится въ зеркало.*) Что̀ это у меня лицо словно измято? (*Проводитъ щеткой по головѣ, начиная съ затылка.*) Отчего это Петруша не заходилъ сегодня? Дай галстухъ. (*Съ помощью Стратилата надѣваетъ галстухъ.*) Точно, Петра Ильича сегодня небыло?

СТРАТИЛАТЪ.

Никакъ нѣтъ-съ. Я ужь вамъ докладывалъ-съ.

МОШКИНЪ (*съ неудовольствіемъ*).

Я знаю, что ты мнѣ докладывалъ.... Удивительно! Ужь онъ, полно, здоровъ ли?

СТРАТИЛАТЪ.

Не могу знать-съ.

МОШКИНЪ (*плюетъ*).

Тьфу, какой ты! Я не съ тобой говорю.

МАЛАНЬЯ (*вдругъ входя изъ передней*).

Михайла Иванычъ.

МОШКИНЪ (*круто оборачиваясь къ ней*).

Чего тебѣ?

МАЛАНЬЯ.

Денегъ на корицу пожалуйте.

МОШКИНЪ.

На корицу? (*Хватаясь за голову.*) Да ты меня погубить собираешься, я вижу! Ка̀къ же ты мнѣ сказывала, что у тебя все, что̀ нужно? (*Роется въ жилетѣ.*) — На̀ тебѣ четвертакъ. Только смотри, если обѣдъ не будетъ готовъ черезъ

(*смотритъ на часы*).... черезъ четверть часа.... я тебя.... ты у меня.... Ну, ступай же, ступай. Чего ты ждешь?

СТРАТИЛАТЪ (*вполголоса уходящей Маланьѣ*).

Ай-да куфарка!

МАЛАНЬЯ.

Ну, ну, фуфыря!

МОШКИНЪ

Поди сюда, ты, зубоскалъ, подай мнѣ фракъ. (*Надѣваетъ фракъ; Стратилатъ обдергиваетъ его сзади.*) Ну, хорошо, ступай. Да лампы чтожь ты не зажигаешь? Вишь, смеркается. (*Стратилатъ выходитъ въ переднюю.*) Чтò за притча? Немного я, кажется, сегодня ходилъ.... во всякомъ случаѣ не больше вчерашняго, а ноги у меня такъ и подкашиваются. (*Садится и глядитъ на часы.*) Четверть четвертаго... Чтожь это они нейдутъ? (*Оглядывается.*) Кажется, все въ порядкѣ. (*Встаетъ и смѣтаетъ платкомъ пыль со стола. Звонокъ.*) А! наконецъ!

СТРАТИЛАТЪ (*входитъ и докладываетъ*).

Петръ Ильичъ Вилицкій и господинъ Фон (*заикается*).... Фон-Фокинъ.

МОШКИНЪ (*шопотомъ Стратилату*).

Чтò это? онъ велѣлъ такъ докладывать?

СТРАТИЛАТЪ (*то же шопотомъ*).

Онѣ-съ.

МОШКИНЪ (*шопотомъ*).

А, а! (*Громко.*) Проси, проси. (*Стратилатъ выходитъ.*) (*Входятъ Вилицкій и Фонкъ во фракахъ. Вилицкій блѣденъ и какъ-будто смущенъ; Фонкъ держитъ себя необыкновенно важно, строго и чинно.*)

ВИЛИЦКІЙ (*Мошкину*).

Михайло Иванычъ, позвольте вамъ представить моего пріятеля, Родіона Карлыча Фон-Фонка. (*Фонкъ чопорно кланяется.*)

МОШКИНЪ (*не безъ смущенія*).

Мнѣ чрезвычайно пріятно и лестно.... Я столько наслы-

шался о вашихъ отличныхъ качествахъ.... Я очень благодаренъ Петру Ильичу....

ФОНКЪ.

Я также съ своей стороны весьма радъ. (*Кланяется.*)

МОШКИНЪ.

О, помилуйте-съ!... (*Небольшое молчаніе.*) Покорнѣйше прошу присѣсть.... (*Всѣ садятся. Опять воцаряется молчаніе. Фонкъ съ достоинствомъ оглядываетъ всю комнату. Мошкинъ, откашлявшись.*) Какая сегодня, можно сказать, пріятнѣйшая погода! Холодно немножко, а впрочемъ, очень пріятно.

ФОНКЪ.

Да; сегодня холодно.

МОШКИНЪ.

Та-акъ-съ. (*Вилицкому чрезвычайно мягкимъ голосомъ.*) Чтò это тебя сегодня не было, Петруша? Здоровъ ты? (*Фонкъ дѣлаетъ едва замѣтное движеніе бровями при словѣ «тебя»*).

ВИЛИЦКІЙ.

Слава Богу. А чтò Марья Васильевна?

МОШКИНЪ.

Маша здорова.... Г-мъ. (*Фонку,*) Изволили сегодня гулять-съ?

ФОНКЪ.

Дà, я прошелся раза два по Невскому.

МОШКИНЪ.

Весьма пріятная прогулка; такое все благовидное общество; ну, песочекъ тоже по троттуарамъ.... магазины... все это очень удобно. (*Помолчавъ немного.*) Можно сказать Петербургъ — первѣйшая столица міра сего.

ФОНКЪ.

Петербургъ прекрасный городъ.

МОШКИНЪ (*не безъ робости*).

Вѣдь за границей-съ.... ничего подобнаго не имѣется?

ФОНКЪ.

Я думаю, ничего.

МОШКИНЪ.

Вотъ особенно когда Исакій будетъ оконченъ; вотъ уже тогда точно.... преферансъ будетъ значительный-съ.

ФОНКЪ.

Исакіевскій соборъ превосходное зданіе во всѣхъ отношеніяхъ.

МОШКИНЪ.

Я совершенно съ вами согласенъ-съ. А позвольте узнать, его высокопревосходительство какъ въ своемъ здоровьѣ?

ФОНКЪ.

Слава Богу.

МОШКИНЪ.

Слава Богу! (*Помолчавъ опять.*) Г-мъ. (*Съ улыбкой.*) А вотъ, Родіонъ.... Родіонъ Карлычъ.... Вы, надѣюсь, намъ сдѣлаете честь.... черезъ двѣ недѣли, вотъ.... его свадьба (*указывая на Вилицкаго*), удостоите своимъ присутствіемъ.

ФОНКЪ.

Мнѣ будетъ очень лестно....

МОШКИНЪ.

Помилуйте, напротивъ, намъ... (*Помолчавъ немного.*) Вы не повѣрите, Родіонъ Карлычъ, какъ я счастливъ, глядя на нихъ, на обоихъ.... (*Неопредѣленно указывая на Вилицкаго и на дверь налѣво.*) Для старика, холостаго человѣка какъ я.... можете себѣ представить.... какое это.... неожиданное....

ФОНКЪ.

Да-съ. Бракъ, основанный на взаимной склонности и на разсудкѣ (*онъ значительно выговариваетъ это слово*), есть одно изъ величайшихъ благъ человѣческой жизни.

МОШКИНЪ (*съ благоговѣніемъ выслушивая Фонка*).

Такъ-съ, такъ-съ.

ФОНКЪ.

И потому я, съ своей стороны, вполнѣ одобряю намѣренія тѣхъ молодыхъ людей, которые съ обдуманностью (*онъ поднимаетъ брови*) исполняютъ этотъ... этотъ священный долгъ.

МОШКИНЪ (*еще съ большимъ благоговѣніемъ*).

Да-са, да-съ; я совершенно съ вами согласенъ-съ.

ФОНКЪ.

Ибо, что можетъ быть пріятнѣе семейной жизни? Но обдуманность при выборѣ супруги — необходима.

МОШКИНЪ.

Конечно-съ, конечно съ. Все, что вы говорите, Родіонъ Карлычъ, такъ справедливо.... Признаюсь ... вы меня извините... но, по-моему, Петруша долженъ почесть себя счастливымъ, что заслужилъ ваше:... благорасположеніе.

ФОНКЪ (*слегка жмурясь*)

Помилуйте!

МОШКИНЪ

Нѣтъ, увѣряю васъ, я....

ВИЛИЦКІЙ (*поспѣшно перебивая его*).

Скажите, Михайло Иванычъ.... я бы желалъ видѣть Марью Васильевну.... мнѣ нужно ей сказать слова два....

МОШКИНЪ.

Она у себя въ комнатѣ... должно быть теперь одѣвается... Впрочемъ, ты можешь постучаться.

ВИЛИЦКІЙ.

А! Я сейчасъ вернусь (*Фонку*) Вы позволите....

ФОНКЪ.

Сдѣлайте одолженіе. (*Вилицкій выходитъ въ дверь налѣво.*)

МОШКИНЪ (*глядитъ ему вслѣдъ, пододвигается къ Фонку и беретъ его за руку*).

Родіонъ Карлычъ, вы извините меня, я человѣкъ простой... у меня что на сердцѣ, то и на языкѣ.... Позвольте еще разъ отъ души, именно отъ души поблагодарить васъ....

ФОНКЪ (*съ холодной учтивостью*).

За что же, помилуйте....

МОШКИНЪ.

Во первыхъ, за ваше посѣщеніе; во вторыхъ.... я вижу, вы любите моего Петрушу... у меня не было дѣтей, Родіонъ Карлычъ.... но я не знаю, можно ли къ сыну больше привязаться, чѣмъ я къ нему.... Такъ вотъ это-то меня и трогаетъ, просто такъ трогаетъ, что и сказать нельзя... (*У него слезы навертываются.*) Вы извините меня.... (*Понизивъ го-*

лосъ словно самому себѣ говоритъ.) Чтò это? кàкъ не стыдно... (*Смѣется, достаетъ платокъ, сморкается и украдкой утираетъ глаза.*)

ФОНКЪ.

Мнѣ, повѣрьте, очень пріятно видѣть такія чувства....

МОШКИНЪ (*оправившись*).

Вы извините откровенность старика.... но я столько объ васъ наслышался... Петруша отзывается объ васъ съ такимъ уваженіемъ.... Онъ такъ дорожитъ вашимъ мнѣніемъ.... Вы увидите мою Машу, Родіонъ Карлычъ: вы увидите.... какъ передъ Господомъ Богомъ говорю, она составитъ его счастіе, Родіонъ Карлычъ; она истинно прекрасная дѣвушка!

ФОНКЪ.

Я нисколько въ этомъ не сомнѣваюсь.... Одно расположеніе друга моего, Петра Ильича, уже громко говоритъ въ ея пользу.

МОШКИНЪ (*опять впадая въ благоговѣніе*).

Такъ-съ, такъ-съ....

ФОНКЪ.

Я съ своей стороны Петру Ильичу отъ души желаю всякаго добра. (*Помолчавъ немного.*) А позвольте узнать, вы, кажется, въ первомъ департаментѣ столоначальникомъ служите?

МОШКИНЪ.

Точно такъ-съ.

ФОНКЪ.

У кого въ отдѣленіи, смѣю спросить?

МОШКИНЪ.

У Куфнагеля, Адама Андреича.

ФОНКЪ (*съ уваженіемъ*).

А! Отличный чиновникъ! Я его знаю. Отличный чиновникъ!

МОШКИНЪ.

Кàкъ же-съ, кàкъ же-съ! (*Помолчавъ.*) А позвольте полюбопытствовать — вѣдь уже съ полгода будетъ, какъ вы съ моимъ Петрушей познакомились?

ФОНКЪ.

Съ полгода. (*Г-жа Пряжкина выходитъ изъ боковой двери, разряженная въ пухъ, съ большимъ бантомъ жолтыхъ лентъ на чепцѣ; она тихонько подвигается къ говорящимъ, слегка присѣдая имъ въ спину и перебирая снурки ридикюля.*) Мнѣ въ вашемъ пріятелѣ особенно нравится то, что онъ, можно сказать, молодой человѣкъ съ правилами... (*Мошкинъ внимательно слушаетъ.*) Это въ наше время рѣдко. Въ немъ нѣтъ этого вѣтра.... знаете, вѣтра.... (*Вертитъ рукой на воздухѣ; Мошкинъ также вертитъ рукой и одобрительно киваетъ головой.*) А это важно. Я самъ также молодой человѣкъ.... (*Михайло Иванычъ дѣлаетъ движеніе какъ-бы желая сказать: о, помилуйте!*) Я не какой-нибудь Катонъ.... но....

ПРЯЖКИНА (*скромно, но громко кашляя дискантомъ*).

Эхемъ! (*Фонкъ останавливается и оглядывается; Мошкинъ оглядывается тоже. Пряжкина присѣдаетъ.*)

МОШКИНЪ (*съ нѣкоторой досадой*).

Чтò вамъ надобно, Катерина Савишна? (*Фонкъ медленно приподнимается; Мошкинъ тоже встаетъ.*)

ПРЯЖКИНА (*съ смущеніемъ*).

Я-съ.... я-съ.... пришла къ вамъ-съ.... (*Фонкъ ей важно кланяется; она присѣдаетъ ему и умолкаетъ.*)

МОШКИНЪ.

Эхъ, какъ.... (*Спохватившись*) Позвольте, Родіонъ Карлычъ, представить вамъ.... Пряжкина, Катерина Савишна, штаб-офицерша.... Марьѣ Васильевнѣ тётка двоюродная....

ФОНКЪ (*холодно кланяясь*).

Я очень радъ.... (*Пряжкина опять присѣдаетъ.*)

МОШКИНЪ (*Пряжкиной*).

Вамъ что-нибудь нужно?

ПРЯЖКИНА.

Да-съ.... Меня Марья Васильевна просила... то-есть, не то, чтобъ просила.... а только еслибъ вамъ можно было.... на минуточку...

МОШКИНЪ (*съ укоризной*).

Что̀ тамъ такое?... Ка̀къ же теперь?... (*Украдкой указывая ей на Фонка.*) Эхъ!...

ФОНКЪ.

Прошу васъ не церемониться.... если вамъ нужно....

МОШКИНЪ.

Вы очень добры.... Право, я не знаю, зачѣмъ это меня зовутъ.... Впрочемъ я сiю-минуту возвращусь....

ФОНКЪ (*поднимая руку*).

Помилуйте....

МОШКИНЪ.

Сейчасъ, сейчасъ. (*Уходя съ Пряжкиной, онъ ей показываетъ свое неудовольствiе.*)

ФОНКЪ (*одинъ; глядитъ имъ вслѣдъ, пожимаетъ плечами, начинаетъ ходить по комнатѣ. Подходитъ къ зеркалу, охорашивается, потомъ съ гадливостью приподнимаетъ щетку, взглядываетъ на ширмы*).

Что̀ это такое? Что̀ это? (*Разставляя руки.*) Куда это меня привели? Что̀ это за смѣшная женщина, и старикъ этотъ тоже, болтаетъ, плачетъ.... и что̀ за фамилiарность такая? Мальчикъ въ какомъ-то мерзкомъ казакинѣ; все нечисто.... Постель вотъ — и квартира, наконецъ,—что̀ это такое? Должно-быть обѣдъ будетъ прескверный, и шампанское скверное... прiйдется пить.... (*Стратилатъ входитъ и прицѣпляетъ зажженыя лампы къ стѣнѣ; Фонкъ глядитъ на него, скрестя руки; Стратилатъ съ робостью взглядываетъ на него и выходитъ.*) Что̀ это? ка̀къ это можно, наконецъ? Рѣшительно не понимаю.... Ослѣпленiе какое-то. Впрочемъ, посмотримъ невѣсту. (*Изъ боковой двери выходитъ Вилицкiй.*) А! Вилицкiй!

ВИЛИЦКIЙ.

Мнѣ Михайло Иванычъ сказалъ, что вы здѣсь одни остались.... Извините его, пожалуйста.... старикъ совсѣмъ захлопотался.

ФОНКЪ.

Помилуйте, что̀ за бѣда?

ВИЛИЦКІЙ (*жметъ ему руку*).

Вы очень добры и снисходительны.... Я васъ предувѣдомилъ.... Михайло Иванычъ, отличный человѣкъ.... Я его могу назвать своимъ благодѣтелемъ.... но вы видите сами: онъ довольно простой.... (*Вилицкій ждетъ, чтобъ Фонкъ его прервалъ; Фонкъ молчитъ.*) Неправда ли, онъ....

ФОНКЪ.

Отчего же?... нѣтъ. Г. Мошкинъ мнѣ кажется весьма порядочнымъ человѣкомъ. Конечно, онъ, сколько я могъ замѣтить, не получилъ блестящаго образованія... Но это вопросъ второстепенный. Кстати, я здѣсь видѣлъ одну даму.... Она тётка вашей невѣсты?

ВИЛИЦКІЙ (*слегка краснѣя и принужденно улыбаясь*).

Она.... небогатая женщина — впрочемъ тоже весьма добрая.... и....

ФОНКЪ.

Я не сомнѣваюсь. (*Помолчавъ.*) Вы съ г. Мошкинымъ давно знакомы?

ВИЛИЦКІЙ.

Года съ три.

ФОНКЪ.

А въ Петербургѣ онъ давно на службѣ?

ВИЛИЦКІЙ.

Давно.

ФОНКЪ.

Сколько г. Мошкину лѣтъ?

ВИЛИЦКІЙ.

Лѣтъ пятьдесятъ, я думаю, будетъ.

ФОНКЪ.

Долго жь онъ остается столоначальникомъ! А скоро ли я буду имѣть удовольствіе увидѣть вашу невѣсту?

ВИЛИЦКІЙ.

Она сейчасъ явится.

ФОНКЪ.

Г. Мошкинъ мнѣ очень лестно объ ней отозвался.

ВИЛИЦКІЙ.

Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Михайло Иванычъ въ ней души не чаетъ.... Но въ самомъ дѣлѣ Маша очень милая, очень добрая дѣвушка.... Конечно, она выросла въ бѣдности, въ уединеніи, почти никого не видала.... Ну, и робка немного, даже дика... Нѣтъ этой развязности, знаете... Но вы, пожалуйста, не судите ея строго, съ перваго взгляда...

ФОНКЪ.

Помилуйте, Петръ Ильичъ, я, напротивъ, увѣренъ....

ВИЛИЦКІЙ.

Не судите съ перваго взгляда — вотъ все, о чемъ я васъ прошу.

ФОНКЪ.

Вы меня извините.... но ваша довѣренность... ваша истинно лестная довѣренность ко мнѣ.... даетъ мнѣ нѣкоторое право.... Впрочемъ, съ другой стороны, я, не знаю....

ВИЛИЦКІЙ.

Говорите, сдѣлайте одолженіе, говорите.

ФОНКЪ.

Ваша невѣста... вѣдь она... не имѣетъ большаго состоянія?

ВИЛИЦКІЙ.

У ней ничего нѣтъ.

ФОНКЪ (*помолчавъ*).

Да. Ну, впрочемъ, я понимаю.... Любовь....

ВИЛИЦКІЙ (*тоже помолчавъ*).

Я ее очень люблю.

ФОНКЪ.

Да. Ну, въ такомъ случаѣ больше нечего желать, и если этотъ бракъ можетъ составить ваше счастіе — я васъ отъ души поздравляю. А что̀, вы сегодня вечеромъ не намѣрены ли въ театръ? Рубини поетъ въ «Лучіи».

ВИЛИЦКІЙ.

Сегодня вечеромъ? Нѣтъ, не думаю. Я на дняхъ собираюсь съѣздить съ моей невѣстой и съ Михайломъ Иванычемъ.... Но вы какъ-будто еще что-то мнѣ хотѣли сказать на счетъ... на счетъ моей свадьбы....

ФОНКЪ.

Я? Нѣтъ... А скажите, пожалуйста, вашу невѣсту, кажется, Марьей.... Марьей Васильевной зовутъ?

ВИЛИЦКІЙ.

Марьей Васильевной.

ФОНКЪ.

А фамилія какъ?

ВИЛИЦКІЙ.

Фамилія.... (*Глянувъ въ сторону.*) Бѣлова... Марья Васильевна Бѣлова.

ФОНКЪ (*помолчавъ немного*).

Да. А, кстати, отправляемся мы завтра съ вами къ барону Видегопфъ?

ВИЛИЦКІЙ.

Какъ-же.... если вы хотите меня представить....

ФОНКЪ.

Я съ величайшимъ удовольствіемъ.... Однако, который часъ? (*Глядитъ на часы.*) Безъ четверти четыре.

ВИЛИЦКІЙ.

Пора бы обѣдать.... Да чтожь это Михайло Иванычъ? — (*Оглядывается.... Изъ передней входитъ Шпуньдикъ. На немъ старомодный черный фракъ съ крошечной тальей и высокимъ воротникомъ; бѣлый тѣсный галстухъ съ пряжкой; весьма короткій полосатый бархатный жилетъ съ перломутровыми пуговицами и свѣтло-гороховые панталоны; въ рукѣ у него пуховая шляпа. Увидя двухъ незнакомыхъ людей, онъ начинаетъ кланяться, косвенно шаркая впередъ правой ногой, приподнимая лѣвую и прижимая обѣими руками шляпу къ желудку. Онъ вообще изъявляетъ большое смущеніе. Вилицкій и Фонкъ оба молча ему кланяются.*)

ФОНКЪ (*вполголоса Вилицкому*).

Что̀ это за господинъ?

ВИЛИЦКІЙ (*тоже вполголоса*).

Я, право, не знаю. (*Шпуньдику.*) Позвольте узнать... Вамъ кого угодно?

ШПУНЬДИКЪ.

Шпуньдикъ, Филиппъ Егорычъ, тамбовскій помѣщикъ.... Впрочемъ, не извольте безпокоиться. (*Вынимаетъ платокъ и утираетъ лобъ.*)

ВИЛИЦКІЙ.

Мнѣ очень пріятно... Вы, можетъ-быть, Михайло Иваныча желаете видѣть?

ШПУНЬДИКЪ.

Не извольте безпокоиться.... Я уже того-съ.... Я-съ.... (*Краснѣетъ, смѣется и бокомъ отходитъ въ сторону направо.*)

ФОНКЪ (*Вилицкому*).

Чтò за чудакъ?

ВИЛИЦКІЙ.

Должно-быть, знакомый какой-нибудь Михайла Иваныча... Я его, впрочемъ, никогда здѣсь не видалъ... (*Громко Шпуньдику.*) Михайло Иванычъ сейчасъ явится. (*Шпуньдикъ дѣлаетъ неопредѣленный знакъ рукою, улыбается и отворачивается. Вилицкій обращается почти съ умоляющимъ видомъ къ Фонку.*) Родіонъ Карлычъ.... пожалуйста.... вы извините....

ФОНКЪ (*пожимая ему руку*).

Полноте, полноте.... (*Оборачивается.*) А! да вотъ, кажется, и самъ господинъ Мошкинъ....

(*Изъ двери налѣво выходитъ Мошкинъ и Маша. Онъ ведетъ ее за руку. Вслѣдъ за ними выступаетъ Пряжкина. Маша вся въ бѣломъ, съ голубой лентой вокругъ пояса. Она очень сконфужена.*)

МОШКИНЪ (*съ торжественностью, сквозь которую проглядываетъ робость*).

Маша, честь имѣю представить тебѣ господина Фон-Фонка. (*Фонкъ кланяется: Маша присѣдаетъ; Пряжкина присѣдаетъ сзади ея. Мошкинъ Фонку, указывая на Машу.*) Вотъ-съ, Родіонъ Карлычъ, моя Маша....

ФОНКЪ (*Машѣ*).

Мнѣ очень лестно.... Я почитаю себя счастливымъ.... Я

давно желалъ имѣть удовольствіе.... (*Маша не отвѣчаетъ ни на одну изъ его фразъ и наклоняетъ голову.*)

ВИЛИЦКІЙ.

Я надѣюсь, Марья Васильевна, что вы полюбите моего пріятеля.... (*Маша изъ-подлобья взглядываетъ на Вилицкаго.... она видимо робѣетъ. Маленькое молчаніе.*)

МОШКИНЪ (*увидя Шпуньдика*)

А, Филиппъ Егорычъ, милости просимъ. (*Беретъ его за руку и представляетъ всему обществу.*) Шпуньдикъ, Филиппъ Егорычъ, мой сосѣдъ, тамбовскій помѣщикъ.... Сегодня изъ деревни пріѣхалъ... Филиппъ Егорычъ Шпуньдикъ... Шпуньдикъ, Филиппъ Егорычъ....

ШПУНЬДИКЪ (*раскланивается со всѣми и приговариваетъ*).

Много благодаренъ, Михайло Иванычъ, много благодаренъ....

МОШКИНЪ (*громко ко всему обществу*).

Милости прошу присѣсть. (*Маша садится на диванъ.*) Родіонъ Карлычъ! Сюда не угодно ли? (*Указывая на мѣсто возлѣ Маши; Фонкъ садится.*) Филиппъ Егорычъ! (*Указывая на кресло напротивъ; Шпуньдикъ садится.*) Катерина Савишна! (*Указываетъ на диванъ подлѣ Маши. Пряжкина садится, сильно сжимая ридикюль руками. Мошкинъ самъ садится на кресло налѣво.*) И ты, Петруша, присядь. (*Вилицкій дѣлаетъ знакъ головою и становится возлѣ Фонка. Молчаніе.*) Гмъ. Какая сегодня пріятная погода....

ФОНКЪ (*улыбаясь*).

Да. (*Опять маленькое молчаніе. Онъ обращается къ Машѣ.*) Петръ Ильичъ мнѣ сказывалъ, что вы имѣете намѣреніе на дняхъ съѣздить въ оперу.

МАША.

Да-съ.... Петръ Ильичъ.... намъ предложилъ.... (*Голосъ у нея прерывается.*)

ФОНКЪ.

Я увѣренъ, что вы останетесь очень довольны. (*Мошкинъ, Шпуньдикъ и Пряжкина слушаютъ его съ напряженнымъ вниманіемъ.*) Рубини удивительный артистъ. Меѳода необык-

новенная.... голосъ.... Это удивительно, удивительно! — Вы навѣрное любите музыку?

МАША

Да-съ.... Я очень люблю музыку.

ФОНКЪ.

Можетъ-быть, вы сами играете?

МАША.

Очень мало-съ.

МОШКИНЪ.

Какъ же-съ, она играетъ на фортепьянахъ-съ. Варіяціи и прочее все. Какъ же-съ....

ФОНКЪ.

Это очень пріятно. Я тоже немножко играю на скрипкѣ.

МОШКИНЪ.

И навѣрное очень хорошо.

ФОНКЪ.

О, нѣтъ! Такъ, больше для собственнаго удовольствія. Но я всегда удивлялся тѣмъ родителямъ, которые пренебрегаютъ, такъ-сказать, музыкальнымъ воспитаніемъ своихъ дѣтей. Это, помоему, непонятно. (*Ласково обращаясь къ Пряжкиной.*) Неправда ли? (*Пряжкина отъ испуга передергиваетъ губами, моргаетъ однимъ глазомъ и издаетъ болѣзненный звукъ.*)

МОШКИНЪ (*поспѣшно приходя ей на помощь*).

Совершенную истину изволили сказать-съ. Я тоже этому не разъ удивлялся. Что за пентюхи, подумаешь, живутъ на свѣтѣ!

ШПУНЬДИКЪ (*скромно обращаясь къ Мошкину*).

Я съ тобой, Михайло Иванычъ, совершенно согласенъ. (*Фонкъ оборачивается на Шпуньдика. Шпуньдикъ почтительно кашляетъ въ руку.*)

ФОНКЪ (*продолжая поглядывать на Шпуньдика*).

Мнѣ весьма пріятно замѣтить, что у насъ, въ Россіи, даже въ провинціи, начинаетъ распространяться охота къ искусствамъ. Это очень хорошій признакъ.

ШПУНЬДИКЪ (*трепетнымъ голосомъ, одобренный вниманіемъ Фонка*). Именно-съ, какъ вы изволите говорить-съ. Я, вотъ-съ, человѣкъ небогатый-съ — вотъ даже можете спросить Михайла Иваныча—я тоже для своихъ дочерей фортопьяны изъ Москвы выписалъ-съ. Одно горе: въ нашихъ полестинахъ учителя съискать довольно затруднительно.

ФОНКЪ.

Вы, смѣю спросить, изъ Южной Россіи?

ШПУНЬДИКЪ.

Точно такъ-съ. Тамбовской губерніи, Острогожскаго уѣзда.

ФОНКЪ.

А! Хлѣбородныя мѣста!

ШПУНЬДИКЪ.

Мѣста, конечно, хлѣбородныя, но въ послѣднее время нельзя сказать чтобъ очень были удовлетворительны — для нашего брата помѣщика.

ФОНКЪ.

А что̀?

ШПУНЬДИКЪ.

Урожаи больно плохи-съ.... вотъ уже третій годъ.

ФОНКЪ.

А! это не хорошо!

ШПУНЬДИКЪ.

Хорошаго точно въ ефтомъ мало-съ. Ну, а все-таки по мѣрѣ силъ трудишься.... хлопочешь.... ибо долгъ. Конечно, мы люди простые, деревенскіе; за столицей намъ не угнаться, точно; въ столицѣ, конечно, всѣ первѣйшіе продукты и прочее.... По крайней мѣрѣ, какъ говорится, по мѣрѣ силъ стараешься, по мѣрѣ силъ....

ФОНКЪ.

Это очень похвально.

ШПУНЬДИКЪ.

Долгъ прежде всего-съ. Но неудобства большія-съ. Иногда просто не знаешь, ка̀къ ступить. То̀, сё.... бѣда-съ! Просто совсѣмъ въ тупикъ приходишь.... Воображенье даже вдругъ, этакъ, ослабнетъ. (*Онъ принимаетъ утомленный видъ.*)

ФОНКЪ.

Какія же неудобства, напримѣръ?

ШПУНЬДИКЪ.

А какъ же-съ! Нето плотину вдругъ прорветъ. Рогатый, съ позволенья сказать, скотъ-съ, тоже сильно колѣетъ-съ. (*Со вздохомъ.*) Воля Всевышняго, конечно. Должно покоряться.

ФОНКЪ.

Это непріятно. (*Онъ снова оборачивается къ Машѣ.*)

ШПУНЬДИКЪ.

И притомъ-съ.... (*Замѣтивъ, что Фонкъ отъ него отвернулся, онъ конфузится и умолкаетъ.*)

ФОНКЪ (*Машѣ, которой Вилицкій шепталъ раза два на ухо во время его разговора съ Шпуньдикомъ*).

Вы, вѣроятно, также любите танцы?...

МАША.

Нѣтъ-съ.... не слишкомъ....

ФОНКЪ.

Неужели? Какъ это странно! (*Вилицкому*) Послѣдній балъ въ Дворянскомъ собраніи былъ удивительно блестящъ; я думаю, тысячи три было людей.

МОШКИНЪ.

Скажите! (*Обращаясь къ Шпуньдику*) А? Филиппъ? Вотъ бы куда тебѣ съѣздить. Какъ ты думаешь, у васъ этого не увидишь? (*Смѣется. Шпуньдикъ уныло поднимаетъ глаза.*)

ФОНКЪ (*Машѣ*).

Но неужели же вы не любите туалета — и вообще удовольствій.... Это такъ свойственно....

МАША.

Какъ же-съ.... я люблю-съ....

ФОНКЪ (*улыбаясь въ направленіи Пряжкиной*).

Вашимъ туалетомъ, вѣроятно, занимается ваша тётушка? Это не по части господина Мошкина. (*Пряжкину опять отъ испуга пучитъ.*)

МАША.

Да-съ, моя тётушка.... какъ же-съ.... (*Фонкъ неподвижно глядитъ нѣкоторое время на нее. Маша опускаетъ глаза.*)

ВИЛИЦКІЙ (*подходя сзади къ Мошкину, вполголоса*).

Да чтожь обѣдъ, Михайло Иванычъ? Это ужасно.... разговоръ не клеится....

МОШКИНЪ (*вставая и почти шопотомъ Вилицкому, но съ необыкновенной энергіей*).

Да что̀ прикажешь дѣлать съ этой анаѳемской кухаркой? Это созданье меня въ гробъ сведетъ. Поди, Петя, ради Бога, скажи ей, что я завтра же ее прогоню, если она не сейчасъ намъ обѣдъ подастъ. (*Вилицкій хочетъ идти.*) Да вели хоть этому дармоѣду Стратилаткѣ закуску принести — да на новомъ подносѣ; а то вѣдь онъ, пожалуй! Ему что̀! Знай только ножами въ передней стучитъ! (*Вилицкій уходитъ. Мошкинъ обращается торопливо и съ свѣтлымъ лицомъ къ Фонку.*) Такъ-съ, такъ-съ, такъ-съ, я совершенно съ вами согласенъ.

ФОНКЪ (*не безъ нѣкотораго удивленія взглядываетъ на Мошкина*).

Да-съ. А скажите, пожалуйста.... (*Онъ не знаетъ что сказать.*) Да! г-нъ Куфнагель, гдѣ живетъ?

МОШКИНЪ.

Въ Большой Подъяческой, въ домѣ Блинникова, на дворѣ, въ третьемъ этажѣ-съ. Надъ воротами еще вывѣска такая мудреная. Прелюбопытная вывѣска: ничего понять нельзя; а ремесло, должно быть, хорошее.

ФОНКЪ.

А! покорно васъ благодарю. Мнѣ нужно съ Куфнагелемъ поговорить. (*Смѣется.*) Съ нимъ однажды въ моемъ присутствіи случилось престранное происшествіе. Вообразите, идемъ мы однажды по Невскому....

МОШКИНЪ.

Такъ-съ, такъ-съ....

ФОНКЪ.

Идемъ мы по Невскому; вдругъ намъ навстрѣчу какой-то низенькій господинъ въ медвѣжьей шубѣ, и вдругъ этотъ господинъ начинаетъ обнимать Куфнагеля, цѣлуетъ его въ самыя губы — вообразите! Куфнагель, разумѣется, его отталкиваетъ, говоритъ ему: «съ ума вы сошли, что̀ ли, милости-

вый государь?» А господинъ въ шубѣ опять его обнимаетъ, спрашиваетъ, давно ли онъ изъ Харькова пріѣхалъ.... и все это, вообразите, на улицѣ! Наконецъ все дѣло объяснилось: господинъ въ шубѣ принималъ Куфнагеля за своего пріятеля.... Каково, однако сходство, прошу замѣтить? (*Смѣется; всѣ смѣются.*)

МОШКИНЪ (*съ восторгомъ*).

Прелюбопытный, прелюбопытный анекдотъ! Впрочемъ, такія сходства бываютъ. Вотъ и у насъ — помнишь, Филиппъ, двое сосѣдей проживало — братья Полугусевы — помнишь? Просто другъ отъ друга не отличишь, бывало. Ни дать ни взять одинъ какъ другой. Правда, у одного носъ былъ пошире и на одномъ глазу бѣльмо—онъ же скоро потомъ спился съ круга и оплѣшивѣлъ: а все-таки сходство было удивительное. Не правда ли, Филиппъ?

ШПУНЬДИКЪ.

Да̀, сходство точно было большое. (*Глубокомысленно*) Впрочемъ, это, говорятъ, иногда зависитъ отъ разныхъ причинъ. Наука, конечно, дойдти можетъ.

МОШКИНЪ (*съ жаромъ*).

И дойдетъ, непремѣнно дойдетъ!

ШПУНЬДИКЪ (*съ достоинствомъ*).

Съ достовѣрностью, я думаю, этого сказать нельзя; а впрочемъ, можетъ-быть. (*Помолчавъ*) Почему же и нѣтъ?

ФОНКЪ (*Машѣ*).

Игра природы въ такихъ случаяхъ очень замѣчательна. (*Маша молчитъ. Изъ передней входитъ Стратилатъ съ закуской на поднось. За нимъ Вилицкій.*)

МОШКИНЪ (*который не садился съ тѣхъ поръ, какъ всталъ, суетливо*).

Не прикажете ли чего закусить передъ обѣдомъ? (*Стратилату, указывая ему на Фонка.*) Поди сюда, ты. (*Фонку*) Не прикажете ли икорки? (*Фонкъ отказывается.*) Нѣтъ? Ну, какъ угодно. Катерина Савишна, милости просимъ — и ты Маша. (*Пряжкина беретъ кусокъ хлѣба съ икрой и ѣстъ, съ трудомъ разѣвая ротъ. Маша отказывается.*) Филиппъ, не хочешь ли ты? (*Шпуньдикъ встаетъ, отводитъ немного*

Стратилата въ сторону и наливаетъ себѣ рюмку водки. Вилицкій подходитъ къ Фонку. Вдругъ изъ двери передней показывается Маланья.)

МАЛАНЬЯ.

Михайла Иванычъ....

МОШКИНЪ (*какъ изступленный бросаясь ей на встрѣчу и упираясь колѣнкой ей въ животъ, вполголоса*).

Куда, медвѣдь, лѣзешь, куда?

МАЛАНЬЯ.

Да обѣдъ....

МОШКИНЪ (*выталкивая ее*).

Хорошо, ступай. (*Быстро возвращается.*) Никому больше не угодно? Никому? (*Всѣ молчатъ. Мошкинъ шепчетъ Стратилату.*) Поди, поди, скорѣй докладывай: обѣдъ готовъ. *Стратилатъ выходитъ. Мошкинъ обращается къ Фонку.*) А позвольте узнать, Родіонъ Карлычъ. Вы вѣдь въ карточки поигрываете?...

ФОНКЪ.

Да, я играю; но теперь, кажется, мы вѣдь скоро обѣдать будемъ. Притомъ же я въ такомъ пріятномъ обществѣ.... (*Указывая на Машу. Вилицкій слегка сжимаетъ губы.*)

МОШКИНЪ.

Конечно, мы сейчасъ обѣдать будемъ. Это я только такъ. Вотъ, если угодно, послѣ обѣда, по маленькой.

ФОНКЪ.

Извольте, съ удовольствіемъ. (*Къ Машѣ.*) Вотъ вы, я думаю, къ картамъ совершенно равнодушны?

МАША.

Да-съ, я не играю въ карты....

ФОНКЪ.

Это понятно. Въ ваши лѣта другія мысли въ головѣ... А ваша почтенная тётушка играетъ?

МАША (*немного обращаясь къ Пряжкиной*).

Играетъ-съ.

ФОНКЪ (*Пряжкиной*).

Въ преферансъ?

ПРЯЖКИНА (*съ усиліемъ*).

Въ свои козыри-съ.

ФОНКЪ.

А! я этой игры не знаю… Но вообще дамы имѣютъ у насъ право жаловаться на карты….

МАША (*нѣвинно*).

Почему же?

ФОНКЪ.

Ка̀къ почему же? Вашъ вопросъ меня удивляетъ.

ВИЛИЦКІЙ.

Въ самомъ дѣлѣ, Марья Васильевна. (*Маша страшно конфузится.*)

СТРАТИЛАТЪ (*выходя изъ передней, громогласно*).

Кушанье готово.

МОШКИНЪ.

А, слава Богу! (*Всѣ встаютъ.*) Милости просимъ, чѣмъ Богъ послалъ. Маша, дай руку Родіону Карлычу. Петруша, возьми Катерину Савишну. (*Шпуньдику.*) А мы, братъ, съ тобой. (*Беретъ его подъ руку.*) Вотъ такъ. (*Всѣ идутъ въ переднюю. Мошкинъ и Шпуньдикъ позади всѣхъ.*) Вотъ скоро мы на свадьбу такъ отправимся, Филиппъ…. Да что̀ ты это носъ на квинту повѣсилъ?

ШПУНЬДИКЪ (*со вздохомъ*).

Ничего, братъ, теперь полегчило…. А только, я вижу, въ Петербургѣ — это не то, что̀ у насъ. Нѣ-ѣтъ. Ка̀къ озадачилъ меня!…

МОШКИНЪ.

Э, братъ, это все пустяки. Вотъ, постой-ка, мы бутылку шампанскаго разопьемъ за здоровье обрученныхъ — вотъ это лучше будетъ. Пойдемъ, дружище! (*Уходятъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ довольно бѣдную комнату молодаго холостаго чиновника. Прямо дверь; направо другая. Столъ, диванъ, нѣсколько стульевъ, книги на полочкѣ, чубуки по угламъ, коммодъ. **Вилицкій** сидитъ, одѣтый, на стулѣ и держитъ на колѣняхъ раскрытую книгу.

ВИЛИЦКІЙ (*помолчавъ немного*).

Митька!

МИТЬКА (*выходя изъ передней*).

Чего изволите-съ?

ВИЛИЦКІЙ (*поглядѣвъ на него*).

Трубку. (*Митька идетъ въ уголъ набивать трубку.*) Отъ Родіона Карлыча сегодня записки не приносили?

МИТЬКА.

Никакъ нѣтъ-съ. (*Подаетъ Вилицкому трубку и зажигательную спичку.*)

ВИЛИЦКІЙ (*раскуривая трубку*).

Да!... Михайло Ивановичъ, можетъ-быть, сегодня зайдетъ — такъ ты.... опять ему скажешь, что меня дома нѣтъ. Слышишь?

МИТЬКА.

Слушаю-съ. (*Уходитъ.*)

ВИЛИЦКІЙ (*нѣкоторое время куритъ трубку и вдругъ встаетъ*).

Это должно, однакожь, чѣмъ-нибудь кончиться! Это невыносимо! это рѣшительно невыносимо! (*Ходитъ по комнатѣ.*) Мое поведеніе, я знаю, непростительно грубо; вотъ уже пять дней какъ я у нихъ не былъ.... съ самаго того проклятаго обѣда.... но чтожь мнѣ дѣлать, Боже мой! Я не умѣю притворяться.... Однако это должно чѣмъ-нибудь кончиться. Нельзя же мнѣ все прятаться, по цѣлымъ днямъ сидѣть у знакомыхъ, ночевать у нихъ.... Надо на что-нибудь рѣшить-

ся, наконецъ! Чтò обо мнѣ въ департаментѣ подумаютъ? Это слабость непростительная, просто дѣтство! (*Подумавъ немного.*) Митька.

МИТЬКА (*выходя изъ передней*).

Чего изволите?

ВИЛИЦКІЙ.

Вѣдь ты, кажется, сказывалъ.... Михайло Иванычъ вчера тоже заходилъ?

МИТЬКА (*закидывая руки за спину*).

Какъ же-съ! они съ самаго воскресенья каждый день изволили заходить-съ.

ВИЛИЦКІЙ.

А!

МИТЬКА.

Въ воскресенье изволили даже въ большомъ безпокойствѣ прибѣжать-съ, здоровъ ли, дескать, твой баринъ — отчего его вчера у насъ не было?

ВИЛИЦКІЙ.

Да, да, ты мнѣ сказывалъ. — Чтò жь? ты ему отвѣчалъ, что я....

МИТЬКА.

Я имъ доложилъ-съ, что васъ въ городѣ нѣту-съ... Дескать, уѣхали по дѣламъ.

ВИЛИЦКІЙ.

Ну, а онъ чтò?

МИТЬКА.

Они-съ удивлялись, какія это, дескать, такія дѣла.... и отчего это вы вдругъ такъ уѣхать изволили-съ, ни слова имъ не сказамши. Они, говорятъ, потомъ въ департаментѣ спрашивали-съ: тамъ не знаютъ, стало дѣла не служебныя-съ. Очень изволили безпокоиться. Спрашивали даже, кàкъ вы изволили поѣхать-съ, то-есть, возокъ ли съ биржи взяли-съ, или ямщика наняли, много ли бѣлья съ собой изволили забрать-съ.... Очень безпокоились.

ВИЛИЦКІЙ.

Чтожь ты ему отвѣчалъ?

МИТЬКА.

Я, какъ вы изволили приказывать-съ: «не знаю, молъ, куда баринъ отправиться изволилъ, а только поѣхалъ онъ съ пріятелями: стало-быть, за городъ погулять. Съ часа на часъ, молъ, ожидаемъ». Они-съ подумали и ушли-съ — да вотъ съ тѣхъ поръ кажный день навѣдываться изволятъ. Третьяго дня даже два раза. Вчера они часа съ полтора у васъ въ кабинетѣ высидѣть изволили: васъ все поджидали; записку оставили-съ.

ВИЛИЦКІЙ.

Да, я ее прочелъ.... Ну, послушай: если сегодня Михайло Иванычъ прійдетъ, ты скажи ему, что я вернулся, и опять со двора выѣхалъ — но что я у него сегодня непремѣнно буду... Слышишь?... непремѣнно. — Ступай; да вицмундиръ мнѣ приготовь.

МИТЬКА (*уходя, съ улыбкой*).

Даже дворника разспрашивать изволили-съ... Дескать-молъ, не знаешь ли, братецъ, куда Петръ Ильичъ уѣхалъ?

ВИЛИЦКІЙ.

Что̀ же дворникъ?

МИТЬКА.

Дворникъ сказалъ, что не знаетъ-съ, а что, кажется, вы, точно, не изволите дома ночевать-съ.

ВИЛИЦКІЙ (*помолчавъ немного*).

Ну, ступай. (*Митька уходитъ. Вилицкій начинаетъ ходить по комнатѣ.*) Что̀ за ребячество! И что за глупая мысль — прятаться! Какъ-будто это возможно!.... Теперь лгать прійдется, выдумывать.... Старика не обманешь — все наружу выйдетъ. Эхъ, ка̀къ это все скверно, скверно!.... (*Останавливается.*) И что̀ со мной сдѣлалось такое? — Отчего у меня — просто морозъ по кожѣ подираетъ, какъ только я подумаю, что мнѣ надо, наконецъ, къ нимъ съѣздить? Вѣдь я, все-таки, женихъ: вѣдь я на дняхъ женюсь.... Притомъ я Машу люблю.... Я.... да; я готовъ на ней жениться. Да и дѣло слажено.... я далъ слово.... ну, и, наконецъ, я вовсе не прочь... (*Пожимаетъ плечами.*) Удивительно! Этого

я никакъ, признаться, не предвидѣлъ! (*Опять садится.*) Но этотъ обѣдъ! этотъ обѣдъ! Вѣдь я этого обѣда не забуду. И что̀ сдѣлалось съ Машей? Вѣдь она не глупа.... разумѣется, не глупа. Ну, сло̀ва, просто сло̀ва не умѣла сказать! Ужь Фонкъ и такъ и сякъ, и съ той стороны и съ другой — всячески. Нѣтъ, сидитъ какъ каменная! «Да-съ, ка̀къ же-съ, я очень рада».... Я все время за нее краснѣлъ. Фонку я теперь въ глаза смотрѣть не могу; ей-богу! Мнѣ все кажется, что онъ какъ-будто посмѣивается. Да и есть чему. Разумѣется, онъ, какъ человѣкъ деликатный, всего своего мнѣнія не выскажетъ.... (*Небольшое молчаніе.*) Робка она, дика.... въ свѣтѣ никогда не жила.... Конечно. Отъ кого жь ей и было заимствовать.... это.... ну, эти манеры, наконецъ.... не отъ Михайла же Иваныча въ самомъ дѣлѣ!... Притомъ она такъ добра, такъ меня любитъ.... Да и я ее люблю. (*Съ жаромъ*) Развѣ я говорю, что ея не люблю?... только вотъ.... (*Опять небольшое молчаніе.*) Я съ Фонкомъ согласенъ: воспитаніе — важная вещь, очень важная вещь. (*Беретъ книгу.*) Однакожь надо къ нимъ пойдти.... Да̀; я сегодня къ нимъ отправлюсь.... (*Бросаетъ книгу.*) Ахъ, ка̀къ это все нехорошо! (*Входитъ Митька.*) Что̀ тебѣ?

МИТЬКА (*подавая ему записку*).

Письмо-съ.

ВИЛИЦКІЙ (*взглянувъ на надпись*).

А! Ну, хорошо; ступай. (*Митька выходитъ. Вилицкій быстро распечатываетъ письмо.*) Отъ Маши! (*Читаетъ про себя — и, кончивъ, опускаетъ руки на колѣни.*) Что̀ за преувеличенія такія? Къ чему это? (*Встаетъ и читаетъ вслухъ.*) «Вы меня не любите больше; это для меня теперь ясно». — Сколько разъ это было писано! — «Пожалуйста, не стѣсняйтесь ничѣмъ; мы оба еще свободны. Я уже давно замѣтила въ васъ постепенное охлажденіе ко мнѣ».... А вотъ и неправда! «Хотя вы наружно не измѣнялись.... но теперь вамъ, кажется, тяжело стало притворяться.... Да и къ чему? Вы, говорятъ, уѣхали изъ Петербурга... Правда ли это? Видно вы боитесь встрѣчаться со мной. Во всякомъ случаѣ я бы

«желала съ вами объясниться.... Преданная вамъ» и прочее. «Когда вы вернётесь, вы найдете это письмо. Прійдите къ «намъ, не для меня — а для бѣднаго старика, который съ «ума сходилъ всѣ эти дни. Если я ошибаюсь, если я васъ «напрасно огорчила — извините меня.... Но ваше послѣднее «посѣщеніе.... До свиданія».—(*Съ нѣкоторымъ смущеніемъ.*) Ну къ чему это, къ чему это? Что̀ это такое? Какъ не стыдно, наконецъ.... Вѣчныя недоразумѣнія.... Хороша перспектива въ будущемъ! Ну, положимъ, я точно неправъ, не былъ у нихъ пять дней сряду; — но зачѣмъ же сейчасъ выводить такія заключенія?. . И что за торжественный тонъ! (*Взглядываетъ опять на письмо и важно качаетъ головой.*) Во всемъ этомъ гораздо больше самолюбія, чѣмъ любви. Любовь не такъ выражается. (*Помолчавъ.*) Впрочемъ я точно къ нимъ пойдти долженъ — сегодня же. Я передъ Машей виноватъ, точно. (*Ходитъ по комнатѣ.*) Я къ нимъ теперь же заѣду, передъ департаментомъ.... Оно и кстати. Да, да, рѣшительно поѣду.... (*Останавливается.*) Да; только сначала мнѣ ужасно будетъ неловко.... Ну, дѣлать нечего! (*Въ передней раздается стукъ. Онъ прислушивается и прячетъ письмо въ карманъ. — Митька входитъ.*) Что̀ такое?

МИТЬКА.

Господинъ Фонкъ пришли-съ. Желаютъ васъ видѣть-съ. Съ ними господинъ какой-то-съ.

ВИЛИЦКІЙ (*помолчавъ немного*).

Проси. (*Митька выходитъ. Входятъ Фонкъ и Созомэносъ. Вилицкій идетъ имъ навстрѣчу.*) Ка̀къ я радъ....

ФОНКЪ (*пожимая ему руку*).

Петръ Ильичъ, позвольте васъ познакомить съ однимъ изъ моихъ пріятелей... (*Вилицкій и Созомэносъ кланяются другъ другу.*) Вы, можетъ-быть, слыхали.... Г-нъ Созомэносъ....

ВИЛИЦКІЙ.

Ка̀къ же.... я....

ФОНКЪ.

Увѣренъ, что вы оба другъ друга полюбите....

ВИЛИЦКІЙ.

Я не сомнѣваюсь....

ФОНКЪ.

Занимается литературой, и съ большимъ успѣхомъ.

ВИЛИЦКІЙ (*съ уваженіемъ*).

А-га!

ФОНКЪ.

Онъ еще ничего не печаталъ.... но онъ мнѣ на дняхъ прочелъ повѣсть.... Прекрасно написанное сочиненіе! Особенно слогъ — превосходный!

ВИЛИЦКІЙ (*Созомэносу*).

Какъ заглавіе, позвольте узнать?

СОЗОМЭНОСЪ (*отрывисто; онъ вообще отрывисто говоритъ*).

«Благородство судіи на берегахъ Волги».

ВИЛИЦКІЙ.

А!

ФОНКЪ.

Много чувства, теплоты; есть даже возвышенныя мѣста.

ВИЛИЦКІЙ.

Мнѣ бы очень было лестно, еслибъ г. Созомэносу угодно было прочесть также мнѣ свою повѣсть....

ФОНКЪ.

О, я думаю, онъ очень будетъ радъ.... (*Взглядывая на Созомэноса.*) Господа авторы отъ этого рѣдко отказываются. (*Смѣется; Созомэносъ отвѣчаетъ ему внутреннимъ и хриплымъ смѣхомъ.*)

ВИЛИЦКІЙ.

Садитесь, господа; да не угодно ли трубокъ? (*Онъ подаетъ имъ чубуки и табакъ. Фонкъ отказывается. Созомэносъ садится, медленно набиваетъ трубку и медленно озирается кругомъ.*)

ФОНКЪ (*Вилицкому, пока Созомэносъ набиваетъ трубку.*)

И вообразите, какая странность! Господинъ Созомэносъ, до сихъ поръ, нисколько не подозрѣвалъ въ себѣ литературнаго таланта.... а онъ, какъ видите, не первой молодости.... Сколько вамъ лѣтъ, Алкивіадъ Мартынычъ?

СОЗОМЭНОСЪ.

Тридцать пять. А огоньку, нельзя ли?

ВИЛИЦКІЙ (*подавая ему спички со стола*).

Вотъ, вотъ.

СОЗОМЭНОСЪ.

Спасибо. (*Закуриваетъ трубку.*)

ФОНКЪ (*Вилицкому*).

Притомъ же онъ и происхожденья не русскаго.... Впрочемъ, онъ въ весьма раннихъ лѣтахъ покинулъ свое отечество, состоялъ въ разныхъ должностяхъ, служилъ бо́льшею частью въ провинціи; пріѣхалъ, наконецъ, въ Петербургъ съ намѣреніемъ посвятить себя изученію мыловаренной промышленности — и вдругъ началъ сочинять.... что̀ значитъ талантъ! (*Вилицкій съ участьемъ глядитъ на Созомэноса.*) Я, признаюсь, не слишкомъ большой охотникъ до современной словесности: нынче какъ-то странно пишутъ; притомъ я, хотя почитаю себя совершенно русскимъ человѣкомъ, и русскій языкъ признаю, такъ сказать, за свой родной языкъ, все же я, подобно Алкивіаду Мартынычу, не русскаго происхожденія, и, слѣдовательно, не имѣю, такъ сказать, голоса....

ВИЛИЦКІЙ.

О, помилуйте! Да вы, напротивъ, вы превосходно владѣете русскимъ языкомъ; я даже всегда удивляюсь чистотѣ, изяществу вашего слога.... помилуйте....

ФОНКЪ (*скромно улыбаясь*).

Можетъ-быть.... можетъ-быть.

СОЗОМЭНОСЪ.

Первый знатокъ.

ФОНКЪ.

Ну, положимъ. Что̀, бишь, я хотѣлъ сказать!... Да̀! я точно не большой охотникъ до современной словесности (*садится; Вилицкій садится тоже*), но очень люблю хорошій русскій слогъ, правильный и выразительный слогъ. Оттого-то меня такъ и обрадовала повѣсть г. Созомэноса.... Я поспѣшилъ изъявить ему искреннее удовольствіе. Впрочемъ, печатать я

ему ее не совѣтую, потому-что, къ сожалѣнію, въ нынѣшнихъ критикахъ я очень мало вкуса замѣчаю.

СОЗОМЭНОСЪ (*вынувъ трубку изо рта и уткнувшись прямо лицомъ*).

Эти всѣ критики просто ничего не смыслятъ.

ВИЛИЦКІЙ.

Дà; мудрено они что-то пишутъ.

СОЗОМЭНОСЪ (*не перемѣняя положенія*).

Просто ничего.

ВИЛИЦКІЙ (*Фонку*).

Все, что̀ вы мнѣ сказали о г. Созомэносѣ, сильно возбуждаетъ мое любопытство, и я бы очень желалъ познакомиться съ его произведеніемъ....

СОЗОМЭНОСЪ (*все въ томъ же положеніи и понизивъ голосъ*).

Ничего. (*Онъ опять вкладываетъ трубку въ ротъ.*)

ФОНКЪ.

Онъ вамъ на дняхъ свою повѣсть принесетъ. (*Вставая и отводя немного Вилицкаго въ сторону.*) Вы видите, онъ довольно странный человѣкъ, что̀ называется чудакъ; но это-то мнѣ въ немъ и нравится. Всѣ настоящіе писатели большіе чудаки. Признаюсь, я очень радъ моему открытію. (*Съ важностью.*) Che le brodèche. (*Фонкъ выговариваетъ: Je le protège на нѣмецкій ладъ.*) Ну, а вы что̀ подѣлываете, любезный мой Петръ Ильичъ? Кàкъ ваши дѣла?

ВИЛИЦКІЙ.

Да все такъ же.

ФОНКЪ.

Вы эти дни въ департаментъ не ходили?

ВИЛИЦКІЙ.

Не ходилъ.... (*Помолчавъ.*) Вы знаете почему.

ФОНКЪ.

Гмъ. Ну, кàкъ же вы намѣрены теперь?...

ВИЛИЦКІЙ.

Я вамъ скажу откровенно, Родіонъ Карлычъ.... Я сегодня собирался съѣздить.... туда....

ФОНКЪ.

И прекрасно сдѣлаете.

ВИЛИЦКІЙ.

Вы понимаете, это не можетъ такъ остаться.... Я даже стыжусь.... Это, наконецъ, смѣшно. Притомъ я самъ не совсѣмъ правъ.... Мнѣ нужно объясниться, и я увѣренъ, все это уладится какъ нельзя лучше.

ФОНКЪ.

Конечно.

ВИЛИЦКІЙ (*оглянувшись*).

Я признаюсь вамъ.... я бы очень желалъ поговорить съ вами....

ФОНКЪ.

Такъ чтожь? Что̀ вамъ мѣшаетъ теперь?...

ВИЛИЦКІЙ.

Я бы желалъ поговорить съ вами наединѣ.... Дѣло довольно щекотливое....

ФОНКЪ (*понизивъ голосъ*).

Васъ, можетъ-быть, стѣсняетъ присутствіе г. Созомэноса... Помилуйте! Посмотрите на него. (*Указываетъ на Созомэноса, который погруженъ въ тупое онѣмѣніе и лишь изрѣдка выпускаетъ дымъ изо рта.*) Онъ и не замѣчаетъ насъ. У него воображенье не то, что̀ у насъ съ вами: онъ, можетъ-быть, теперь на Востокѣ, въ Америкѣ, Богъ знаетъ гдѣ. (*Беретъ Вилицкаго подъ руку и начинаетъ съ нимъ ходить по комнатѣ.*) Говорите, что̀ вы хотѣли мнѣ сказать?

ВИЛИЦКІЙ (*нерѣшительно*).

Вотъ видите ли, я, право, не знаю съ чего начать.... Вы такое мнѣ оказываете расположенье. Ваши совѣты всегда такъ дѣльны, такъ умны...

ФОНКЪ.

Пожалуйста, безъ комплиментовъ.

ВИЛИЦКІЙ (*вполголоса*).

Помогите мнѣ, ради Бога. Я нахожусь, какъ уже вы могли замѣтить изъ нашихъ послѣднихъ разговоровъ, въ весьма затруднительномъ положеніи.... Вы знаете, я женюсь, Родіонъ Карлычъ; я собираюсь жениться.... Я далъ слово — и, какъ честный человѣкъ, намѣренъ свое слово сдержать.... Я ни въ

чемъ не могу упрекнуть свою невѣсту; никакой въ ней перемѣны не произошло. Я ее, люблю—и между тѣмъ.... Вы не повѣрите, одна мысль о близкой моей свадьбѣ такое на меня производитъ впечатлѣніе, такое.... что я иногда самого себя спрашиваю: имѣю ли я, въ теперешнемъ своемъ положеніи—право принять руку моей невѣсты; не будетъ ли это, наконецъ, съ моей стороны обманъ? — Чтò это такое, скажите? Боязнь ли потерять свою независимость, или другое какое чувство?... Я въ большомъ затрудненіи, признаюсь.

ФОНКЪ.

Послушайте, Петръ Ильичъ... Вы позволите мнѣ изложить вамъ мое мнѣніе съ совершенной откровенностью?

ВИЛИЦКІЙ.

Сдѣлайте одолженіе! сдѣлайте одолженіе! (*Останавливаясь и оглядываясь на Созомэноса*) Но, право.... мнѣ совѣстно передъ господиномъ.... А! да онъ, кажется, спитъ!

ФОНКЪ.

Неужели?... Въ самомъ дѣлѣ! (*Подходитъ къ Созомэносу, который заснулъ, свѣсивъ голову на грудь и въ продолженіе всего слѣдующаго разговора только изрѣдка вздрагиваетъ, и, какъ говорится, «удитъ рыбу»*) — Ахъ, да это очень забавно! (*Про себя.*) Eine allerliebste Geschichte! (*Громко.*) Это съ нимъ довольно часто случается.... Чтò за чудаки эти господа сочинители! (*Нагинаясь къ нему.*) Спитъ какъ моська! Но мнѣ, право, это очень нравится. Это очень оригинально — а?

ВИЛИЦКІЙ.

Да-а.

ФОНКЪ.

Ну, вотъ, стало-быть, вамъ теперь и нéчего безпокоиться. (*Оба возвращаются на авансцену.*) Итакъ послушайте, любезный мой Петръ Ильичъ... Вы желаете знать мое мнѣніе на счетъ вашего брака.... не правда ли? (*Вилицкій киваетъ головой.*) Это вопросъ весьма деликатный. Я начну съ того... (*Останавливается.*) Вотъ видите ли, Петръ Ильичъ, по моему, человѣку, особенно въ наше время, невозможно жить

безъ правилъ. По крайней мѣрѣ я, съ самой моей молодости, предписалъ себѣ нѣкоторые, такъ сказать, законы, отъ которыхъ никогда и ни въ какомъ случаѣ не отступаю. Одно изъ моихъ главныхъ правилъ слѣдующее: «человѣкъ никогда не долженъ себя ронять; человѣкъ долженъ чувствовать уваженіе къ самому себѣ, долженъ отдавать себѣ отчетъ во всѣхъ своихъ поступкахъ». Теперь я перехожу къ вамъ. Вы, года два тому назадъ, познакомились съ г-мъ Мошкинымъ; г-нъ Мошкинъ неоднократно оказывалъ вамъ услуги, можетъ-быть даже, весьма значительныя....

ВИЛИЦКІЙ.

Да, да, я ему многимъ обязанъ, многимъ....

ФОНКЪ.

Я нисколько въ этомъ не сомнѣваюсь; я не сомнѣваюсь также въ вашей благодарности.... Благородство вашихъ мыслей мнѣ слишкомъ извѣстно.... Но тутъ представляется вопросъ, на который слѣдуетъ обратить вниманіе. Господинъ Мошкинъ, конечно, достойнѣйшій человѣкъ; но скажите сами, любезный мой Петръ Ильичъ, вы и онъ, принадлежите ли вы одному и тому же обществу?

ВИЛИЦКІЙ.

Я такъ же бѣденъ, какъ онъ; я еще бѣднѣе его.

ФОНКЪ.

Дѣло не въ богатствѣ, Петръ Ильичъ: я говорю объ образованности, о воспитаніи, объ образѣ жизни вообще... Вы извините мою откровенность....

ВИЛИЦКІЙ.

Говорите; я васъ слушаю.

ФОНКЪ.

Теперь.... теперь на счетъ вашей невѣсты. Скажите мнѣ, Петръ Ильичъ, вы ее любите?

ВИЛИЦКІЙ.

Люблю. (*Помолчавъ немного.*) Я ее люблю.

ФОНКЪ.

Вы въ нее влюблены? (*Вилицкій молчитъ.*) Вотъ видите ли, мой другъ, любовь... конечно... противъ любви говорить нѣ-

чего: это огонь, это вихрь, это водоворотъ, чтò хотите, словомъ, феноменъ.... съ любовью, точно, трудно справиться. Я, съ своей стороны, такъ думаю, что и тутъ разсудокъ не теряетъ своихъ правъ; но мое частное мнѣніе въ этомъ случаѣ не можетъ служить общимъ правиломъ. Если вы такъ сильно любите вашу невѣсту, то намъ нечего и разговаривать съ вами; всѣ наши слова будутъ, такъ-сказать, совершенно напрасны. Но мнѣ, напротивъ, кажется, что вы начинаете колебаться, вы въ недоумѣніи; вы, наконецъ, сомнѣваетесь въ собственныхъ чувствахъ — а это очень важный пунктъ. Во всякомъ случаѣ вы теперь въ состояніи, какъ говорится, принять совѣты дружбы. (*Беретъ Вилицкаго за руку.*) Послушайте, бросимте холодный взглядъ на ваши отношенія къ Марьѣ Васильевнѣ. (*Вилицкій взглядываетъ на Фонка.*) Ваша невѣста очень любезная, очень милая дѣвица, безспорно.... (*Вилицкій опускаетъ глаза.*) Но, вы знаете, самый лучшій алмазъ требуетъ нѣкоторой отдѣлки. (*Вилицкій быстро оглядывается на Созомэноса.*) Не безпокойтесь, онъ спитъ. Не въ томъ вопросъ, Петръ Ильичъ, любите ли вы теперь вашу невѣсту или нѣтъ, а въ томъ, будете ли вы съ нею счастливы? У образованнаго человѣка есть потребности, которымъ супруга иногда не сочувствуетъ; его занимаютъ вопросы, которые ей недоступны.... Повѣрьте, Петръ Ильичъ, равенство необходимо въ супружествѣ.... то-есть, позвольте, я объяснюсь. Я нисколько не допускаю того ложнаго равенства мужа и жены, о которомъ толкуютъ иные сумасброды.... Нѣтъ, жена должна слѣпо повиноваться мужу.... слѣпо.... Вы понимаете, я говорю о другомъ равенствѣ.

ВИЛИЦКІЙ.

Все это такъ.... и я во всемъ съ вами согласенъ. Но послушайте, Родіонъ Карлычъ, поставьте вы себя тоже на мое мѣсто. Кàкъ вы хотите, чтобъ я теперь отъ своего слова отступился? Помилуйте! Вѣдь я своимъ отказомъ убью Марью Васильевну.... Вѣдь она, какъ дитя, отдалась мнѣ въ руки. Я, вѣдь, можно сказать, ее вывелъ на свѣтъ; я ее отъискалъ, я навязался ей.... я теперь долженъ идти до конца. Кàкъ вы

хотите, чтобъ я сбросилъ эту отвѣтственность?... Да вы первый будете меня презирать....

ФОНКЪ.

Позвольте, позвольте; я не намѣренъ оправдать васъ вполнѣ; но на ваши доводы еще можно возразить. По моему, обязанности бываютъ двоякаго рода: обязанности передъ другими и обязанности передъ самимъ собою. Какое вы имѣете право вредить себѣ, портить собственную жизнь? Вы молоды, въ цвѣтѣ лѣтъ, какъ говорится; вы на виду; вамъ предстоитъ, можетъ-быть, блестящая карьера.... Зачѣмъ же вы хотите бросить дѣло, такъ хорошо начатое вами?

ВИЛИЦКІЙ.

Отчего же бросить, Родіонъ Карлычъ? Развѣ я не могу продолжать службу и....

ФОНКЪ.

Конечно, вы можете, женившись, продолжать службу — спора нѣтъ; да вотъ что̀, Петръ Ильичъ: до всего можно дойти со временемъ; но кто же не предпочтетъ кратчайшаго пути? Трудолюбіе, усердіе, аккуратность — все это не остается безъ награды, точно; блестящія способности также весьма полезны въ чиновникѣ: онѣ обращаютъ на него вниманіе начальства; но связи, Петръ Ильичъ, связи, хорошія знакомства — чрезвычайно важная вещь въ свѣтѣ. Я вамъ уже сообщилъ мое правило на счетъ избѣжанія близкихъ сношеній съ людьми низшаго круга; изъ этого правила естественно вытекаетъ другое, а именно: старайтесь, какъ можно болѣе, знакомиться съ людьми высшими. И это даже не слишкомъ затруднительно. Въ обществѣ, Петръ Ильичъ, всегда готовы принять чиновника дѣятельнаго, скромнаго, съ образованіемъ; а будучи однажды принятъ въ хорошемъ обществѣ, онъ современемъ можетъ заключить выгодную партію, особенно когда онъ одинокъ и не имѣетъ никакихъ неумѣстныхъ семейныхъ связей.

ВИЛИЦКІЙ.

Я съ вами совершенно согласенъ, Родіонъ Карлычъ; но я не честолюбивъ; я самъ боюсь большаго свѣта и готовъ весь

вѣкъ прожить въ домашнемъ кружкý.... Къ тому жь, я не признаю въ себѣ никакихъ блестящихъ способностей, а усердіе въ чиновникѣ, какъ вы сами говорите, не остается безъ награды.... Меня другія мысли смущаютъ. Мнѣ все кажется, что на мнѣ лежитъ нравственная обязанность.... Скажу болѣе, я не могу подумать объ окончательной размолвкѣ съ своей невѣстой безъ нѣкотораго ужаса, а между-тѣмъ и бракъ меня пугаетъ.... такъ что я совершенно не знаю, на чтò рѣшиться.

ФОНКЪ (*съ важностью*).

Я понимаю состояніе вашего духа. Оно не такъ странно, какъ вы думаете. Это, вотъ видите ли, Петръ Ильичъ, это переходъ; это переходное, такъ сказать, состояніе, кризисъ. Поймите меня — кризисъ. Еслибъ вы могли теперь удалиться отсюда, хоть на мѣсяцъ, я увѣренъ, вы бы вернулись совершенно другимъ человѣкомъ. И потому призовите на помощь всю силу вашего характера — и рѣшитесь!

ВИЛИЦКІЙ (*взглядывая на Фонка*).

Вы думаете? Но Маша, Родіонъ Карлычъ, Маша? Совѣсть меня замучитъ.

ФОНКЪ.

Это, конечно, очень непріятно. Я вполнѣ вамъ сочувствую. Но чтò дѣлать?

ВИЛИЦКІЙ.

Я гнусный, гнусный человѣкъ!

ФОНКЪ (*строго*).

Къ чему такія слова? Это, позвольте вамъ замѣтить, это ребячество... Вы извините меня.... Но искреннее участіе, котое я въ васъ принимаю.... (*Вилицкій жметъ ему руку.*) Конечно, Марьѣ Васильевнѣ будетъ сначала очень тяжело; можетъ-быть даже, ея горесть не скоро разсѣется; но будемте разсуждать хладнокровно. Вы совсѣмъ не такъ виноваты, какъ вы думаете. А ваша невѣста съ своей стороны вамъ должна быть даже благодарна.... Вы протянули ей, такъ сказать, руку, вы первый вывели ее изъ мрака тьмы, вы разбудили ея дремлющія способности, вы, наконецъ, начали ея

образованіе.... Но вы пошли далѣе. Вы возбудили въ ней надежды — несбыточныя; вы ее обманули, положимъ, но вы сами обманулись.... Вѣдь вы, повторяю, не притворялись влюбленнымъ, не обманывали ея съ намѣреніемъ?

ВИЛИЦКІЙ (*съ жаромъ*).

Никогда, никогда!

ФОНКЪ.

Такъ изъ чего же вы такъ волнуетесь? Зачѣмъ упрекаете себя? Повѣрьте, мой любезный Петръ Ильичъ, вы до сихъ поръ, кромѣ добра, ничего не сдѣлали Марьѣ Васильевнѣ...

ВИЛИЦКІЙ.

Боже мой, Боже мой! на что рѣшиться? (*Фонкъ молча глядитъ на него.*) Вы должны презирать меня....

ФОНКЪ.

Напротивъ; я объ васъ сожалѣю.

ВИЛИЦКІЙ.

Но увѣряю васъ, Родіонъ Карлычъ, я еще найду въ себѣ довольно силы, чтобъ выйдти изъ этого положенія.... Я вамъ душевно благодаренъ за всѣ ваши совѣты.... Я не думаю, чтобъ я совершенно былъ съ вами согласенъ; всѣхъ вашихъ заключеній я принять не могу.... Я пока еще не вижу никакой необходимости перемѣнить свое рѣшеніе; но....

ФОНКЪ.

Я нисколько этого и не требовалъ, Петръ Ильичъ.... Обдумайте ваше положеніе сами....

ВИЛИЦКІЙ.

Конечно, конечно.... Я вамъ несказанно благодаренъ....

ФОНКЪ.

Мое дѣло, вы понимаете, здѣсь постороннее.

ВИЛИЦКІЙ.

Ради Бога, Фонкъ, не говорите этого.... (*Митька входитъ изъ передней.*) Кто это? А! ты? Чего тебѣ надобно? (*Митька посмѣивается.*) Что такое?

МИТЬКА.

Госпожа какая-то васъ спрашиваютъ-съ.

ВИЛИЦКІЙ.

Кто?

МИТЬКА (*опять ухмыляясь*).

Госпожа-съ. Дама-съ. Васъ однѣхъ желаютъ видѣть-съ.

ВИЛИЦКІЙ (*съ волненіемъ взглядываетъ на Фонка и опять обращается къ Митькѣ*).

Зачѣмъ же ты не сказалъ ей, что меня дома нѣтъ? (*Митька ухмыляется.*) Гдѣ эта дама?

МИТЬКА.

Въ передней-съ.

ФОНКЪ (*понизивъ голосъ*).

Да неужели жь вы станете съ нами церемониться? Мы съ нимъ (*указывая на Созомэноса*) уйдти можемъ. (*Будитъ его.*) Алкивіадъ Мартынычъ, проснитесь. (*Созомэносъ мычитъ.*) Проснитесь. (*Созомэносъ открываетъ глаза.*) Кàкъ можно этакъ спать?

СОЗОМЭНОСЪ.

А я, точно, кажется, вздремнулъ.

ФОНКЪ.

Да, вздремнули. А теперь пойдемте. Пора. (*Созомэносъ медленно поднимается.*)

ВИЛИЦКІЙ (*который все время стоялъ неподвижно, вдругъ торопливымъ голосомъ*).

Да зачѣмъ же, господа, зачѣмъ же вы уходите?...

ФОНКЪ.

Кàкъ же....

ВИЛИЦКІЙ.

Можетъ-быть, это такъ, ничего. Это такъ кто-нибудь меня спрашиваетъ.

СОЗОМЭНОСЪ (*громко*).

Мы, пожалуй, можемъ остаться.

ФОНКЪ (*Созомэносу*).

Тсссъ.... Алкивіадъ Мартынычъ, поймите... Къ нимъ вотъ дама пришла....

СОЗОМЭНОСЪ (*хрипло и выпуча глаза*).

Дама?

ВИЛИЦКІЙ.

Да это ничего не значитъ.... Я васъ увѣряю, это такъ. Это что нибудь такое.... Я не знаю.... это ничего.

СОЗОМЭНОСЪ (*такъ же хрипло*).

Молодая?

ВИЛИЦКІЙ.

Я, право, не знаю.... Да не хотите ли вы, господа, пройдти ко мнѣ въ спальню, на минуточку, а то черезъ переднюю, можетъ-быть, знаете, неловко.... На одну минуту.

ФОНКЪ.

Какъ угодно.... но, пожалуйста, не церемоньтесь.

ВИЛИЦКІЙ.

Нѣтъ, право, если вамъ не къ спѣху, если вы не собирались куда-нибудь, останьтесь, пожалуйста. Мы еще поболтаемъ.

ФОНКЪ.

Извольте, съ удовольствіемъ. Пойдемте, Алкивіадъ Мартынычъ. (*Оба направляются къ двери направо.*)

СОЗОМЭНОСЪ (*на ходу, Фонку*).

Молодая? а?

ФОНКЪ (*съ улыбкой*).

Я не знаю.... (*Оба входятъ въ спальню.*)

МИТЬКА (*который все стоялъ, заложа руки за спину и посмѣиваясь*).

Такъ какъ-съ прикажете-съ?

ВИЛИЦКІЙ.

Проси, разумѣется. (*Митька выходитъ. Вилицкій запираетъ дверь направо и возвращается на авансцену. Входитъ Маша въ шляпкѣ подъ вуалемъ и останавливается, не дойдя до середины комнаты. Вилицкій приближается къ ней.*) Позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю.... (*Вдругъ вскрикиваетъ.*) Марья Васильевна! (*Маша подходитъ нетвердыми шагами къ дивану, садится и поднимаетъ вуаль. Она очень блѣдна.*) Вы!... Здѣсь, у меня!... (*Въ теченіе всей слѣдующей сцены Вилицкій часто взглядываетъ на дверь спальни и говоритъ вполголоса.*)

МАША (*слабо*).

Вы меня не ожидали, не правда ли?...

ВИЛИЦКІЙ.

Могъ ли я подумать....

МАША.

Вы меня не ожидали.... Не бойтесь, я скоро уйду.... Вы одни?

ВИЛИЦКІЙ.

Одинъ.... но....

МАША.

Мнѣ кажется, я слышала голоса....

ВИЛИЦКІЙ.

У меня были пріятели.... они ушли....

МАША.

Я тоже сейчасъ уйду.... Давно вы вернулись изъ загорода?

ВИЛИЦКІЙ (*съ смущеніемъ*).

Марья Васильевна.... я....

МАША (*взглянувъ на него*).

Стало-быть, это правда, правда.... вы прятались.... Боже мой! Не безпокойтесь.... я не пришла сюда съ намѣреніемъ сдѣлать вамъ непріятность.... (*Останавливается.*)

ВИЛИЦКІЙ.

Марья Васильевна, простите меня.... Клянусь вамъ Богомъ, я сегодня собирался къ вамъ.

МАША.

Много чести.... но я васъ не упрекаю.... Я пришла только объясниться съ вами... Я сегодня написала къ вамъ письмо...

ВИЛИЦКІЙ.

Успокойтесь, прошу васъ.... вы такъ блѣдны.... Здоровы ли вы?

МАША.

Я здорова.... это ничего.... я здорова, болѣе чѣмъ нужно.... Я пришла....

ВИЛИЦКІЙ (*садится съ ней рядомъ и перебиваетъ ее*).

Послушайте, Марья Васильевна, я виноватъ, кругомъ виноватъ передъ вами.... простите меня. Ну да, точно: я не выѣзжалъ изъ Петербурга... Я избѣгалъ встрѣчи — съ вами. Отчего? спросите вы. Не знаю, ей-богу. Я иногда.... со мною

иногда происходятъ непонятныя вещи... глупыя мысли мнѣ лѣзутъ въ голову.... я самъ на себя тогда не похожъ.... но у васъ тотчасъ рождаются такія подозрѣнія.... Вы очень мнительны, Марья Васильевна.

МАША.

Я... мнительна, Вилицкій? Пять дней, цѣлыхъ пять дней..

ВИЛИЦКІЙ.

Ну да, да; виноватъ я, виноватъ; простите меня, будьте снисходительны....

МАША.

Не сказавши ни одного слова.... (*Она готова заплакать.*)

ВИЛИЦКІЙ.

Ради Бога, успокойтесь.... Это все пройдетъ. Все устроится къ лучшему.... вы увидите.

МАША.

Нѣтъ, Вилицкій, это не пройдетъ. Одна любовь ваша прошла. Могла ли я думать, что за двѣ недѣли до свадьбы.... Да какая свадьба! Какъ-будто я могу вѣрить....

ВИЛИЦКІЙ.

Послушайте, Марья Васильевна, намъ точно нужно съ вами переговорить; намъ нужно серьёзно объясниться... разумѣется, не здѣсь и не теперь. Надобно прекратить всѣ эти недоразумѣнія....

МАША.

Прекратить? Они прекращены. Какъ-будто я не чувствую, что вы меня больше не любите, что я вамъ наскучила, что я вамъ въ тягость? Я это очень хорошо чувствую, Петръ Ильичъ. Конечно, я васъ не стòю: я не получила такого воспитанія.... Но вы же сами, вы первый.... вспомните, развѣ я напрашивалась на вашу дружбу? Я и теперь васъ объ одномъ прошу: не мучьте меня; скажите, что вы меня разлюбили, что между нами все кончено.... и я, по крайней мѣрѣ, не буду больше въ неизвѣстности.

ВИЛИЦКІЙ (*съ тоской*).

Да почему вы думаете....

МАША.

Почему? Еще бы я не замѣтила вашей холодности! Для этого не нужно учености. Бывало, вы не отходили отъ меня, приносили мнѣ книжки, читали со мной.... вы меня иногда.... звали Машей... (*Понизивъ голосъ.*) Вы.... даже... переставали говорить мнѣ «вы»; а теперь.... Могла ли я не замѣтить этой перемѣны, скажите сами?... Что̀ мнѣ въ томъ, что вы мой женихъ, подарки мнѣ привозите?... Ахъ, Вилицкій, вы меня не любите больше, вы меня не любите....

ВИЛИЦКІЙ.

Маша, какъ вы можете это говорить?... Конечно, я передъ вами виноватъ; но повторяю вамъ, это все объяснится. Намъ надобно только переговорить съ вами, немножко переговорить. Я честный человѣкъ, Маша, вы это знаете; я никогда васъ не обманывалъ.... вы мнѣ только напрасно раздираете сердце.... Ну, да; я виноватъ.... простите жь меня....

МАША (*потупивъ голову*).

Вы меня не любите, вы меня не любите....

ВИЛИЦКІЙ.

Опять! Это съ вашей стороны, право, жестоко. Вы очень хорошо знаете, что я васъ люблю. Взгляните на меня; неужели же вы не чувствуете?... Успокойтесь, пожалуйста, и вернитесь домой.... а сегодня вечеромъ....

МАША.

Какъ вамъ хочется чтобъ я ушла поскорѣй!...

ВИЛИЦКІЙ.

Къ чему это, Маша? Что за охота и себя мучить и меня? Впрочемъ, я не имѣю права упрекать васъ: я виноватъ передъ вами и молчу. Но, право, послушайтесь меня....

МАША (*не поднимая головы*).

Чѣмъ могла я заслужить вашу холодность, Вилицкій, скажите.... (*Понемногу начинаетъ плакать.*) Конечно, я не получила такого воспитанія.... Вашъ пріятель, должно-быть, надо мной много смѣялся.... Богъ знаетъ, что̀ онъ обо мнѣ вамъ наговорилъ.... Я, вѣдь, знаю, вы его приводили для того, чтобы мнѣ икзаменъ сдѣлать.... (*При словѣ: «икзаменъ»*

Вилицкаго слегка коробитъ.) Но, по крайней мѣрѣ, я.... (*Плачетъ.*)

ВИЛИЦКІЙ (*умоляющимъ голосомъ*).

Перестаньте, пожалуйста, перестаньте... Вѣдь это ни чему не поможетъ.... Вы только напрасно себя убиваете.... какъ это можно!... Перестаньте.

МАША (*сквозь слезы*).

Вы меня не любите!

ВИЛИЦКІЙ.

А вы еще говорили, что хотите со мной объясниться... Вы теперь не въ состояніи ничего выслушать.... Какъ же мы будемъ жить съ вами потомъ, если теперь, до свадьбы, вы уже такъ?... (*Маша всхлипываетъ.*) Маша, ради Бога.... твои слезы мнѣ всю душу мутятъ.... ради Бога, успокойся— ты увидишь, все объяснится, все, повѣрь мнѣ.... Мы должны помогать другъ другу; намъ обоимъ еще не такія затрудненія предстоятъ въ будущемъ.

МАША (*рыдая*).

Вы меня не любите!...

ВИЛИЦКІЙ (*съ легкой досадой*).

Полноте же, полноте, ради Бога.... Неужели же вы потеряли всякую довѣренность ко мнѣ? Ну, я виноватъ; прости меня; смотри — я на колѣни сталъ передъ тобой.... (*Онъ становится на колѣни.*)

МАША (*сквозь слезы*).

Не надо, не надо....

ВИЛИЦКІЙ (*нѣсколько рѣзко*).

Если вы меня любите — ради Бога, перестаньте.... Вы и не подозрѣваете, въ какое вы меня ставите нелѣпое положеніе.... (*Почти шопотомъ.*) Ради Бога, Маша, уйди.... Сегодня вечеромъ я непремѣнно, непремѣнно пріиду.... (*Маша все плачетъ.*) Перестаньте же, ради Бога!....

МАША (*сквозь слезы*).

Прощайте навсегда, Петръ Ильичъ.. . (*Она начинаетъ громко рыдать.*)

ВИЛИЦКІЙ (*вскакивая*).

О, это слишкомъ! Маша.... Маша.... (*Она все рыдаетъ.*) Маша! (*Она рыдаетъ. Съ досадой*) Да перестаньте же, наконецъ.... Насъ могутъ услышать....

МАША (*отнимая вдругъ платокъ отъ лица*).

Ка́къ?

ВИЛИЦКІЙ (*съ смущеніемъ и досадой указывая на дверь спальни*).

Тамъ.... у меня пріятель.

МАША (*выпрямляясь*).

И вы мнѣ это не сейчасъ сказали?.... О! вы меня презираете! (*Бѣжитъ вонъ.*)

ВИЛИЦКІЙ (*устремляясь вслѣдъ за ней*).

Маша.... погодите же, Маша.... (*Онъ стоитъ нѣкоторое время неподвижно, схватываетъ себя молча за голову; потомъ, опомнившись, идетъ къ двери спальни, отворяетъ ее — и говоритъ съ смущеніемъ и принужденно улыбаясь.*) Господа, пожалуйте! теперь можно. (*Фонкъ и Созомэносъ входятъ. Фонкъ спокоенъ и равнодушенъ какъ будто ничего не слыхалъ.... Созомэносъ красенъ и пучится отъ сдержаннаго смѣха.*) Пожалуйте....

ФОНКЪ.

Ваша посѣтительница ушла?

ВИЛИЦКІЙ.

Да.... (*Онъ украдкой поглядываетъ на обоихъ, какъ бы желая узнать, слышали ли они что-нибудь.*) Она ушла. Вы меня извините.... Я васъ, можетъ-быть, задержалъ....

ФОНКЪ.

Нисколько, послушайте.... (*Дѣлаетъ знаки Созомэносу, который готовъ лопнуть со смѣха.*) Нисколько. — А что̀, вы сами сегодня не выйдете со двора? Прекрасная погода.

ВИЛИЦКІЙ.

Да; я въ департаментъ пойду.... (*Фонкъ продолжаетъ дѣлать знаки Созомэносу.*) А гдѣ вы сегодня вечеромъ?

ФОНКЪ.

Я сегодня собирался.... (*Созомэносъ вдругъ прыскаетъ со смѣха.*)

ВИЛИЦКІЙ (*помолчавъ немного и потупившись*).

Я вижу, господа, вы все слышали....

СОЗОМЭНОСЪ (*сквозь хохотъ*).

Еще бы, еще бы....

ФОНКЪ (*строго Созомэносу*).

Алкивіадъ Мартынычъ, позвольте вамъ замѣтить, вашъ смѣхъ весьма неумѣстенъ.... (*Созомэносъ давится, но продолжаетъ смѣяться. Фонкъ беретъ Вилицкаго подъ руку и отводитъ всторону.*) Петръ Ильичъ, пожалуйста, не сердитесь на него.... Всѣ эти сочинители — съумасшедшіе, и, по-настоящему, ихъ въ порядочные дома впускать нельзя: они понятія не имѣютъ о приличіи.... Не будьте въ претензіи на меня, Петръ Ильичъ.... Сдѣлайте одолженіе.

ВИЛИЦКІЙ (*горько*).

Помилуйте, я нисколько не сержусь и не въ претензіи. Господинъ Созомэносъ совершенно правъ. Такая нелѣпая сцена.... Я и не думаю сердиться.... Помилуйте! (*Созомэносъ садится, охаетъ, отдыхаетъ и утираетъ слезы.*)

ФОНКЪ (*обращаясь къ Созомэносу*).

Перестаньте же, наконецъ, Алкивіадъ Мартынычъ.... (*Вилицкому, пожимая ему руку.*) Вы можете быть увѣрены, что никто не узнаетъ....

ВИЛИЦКІЙ.

Помилуйте, напротивъ; отчего же? Это презабавный анекдотъ.

ФОНКЪ (*съ упрекомъ*).

Петръ Ильичъ....

ВИЛИЦКІЙ.

Нѣтъ, право....

ФОНКЪ.

Ну, хорошо, хорошо. Впрочемъ, во всемъ этомъ происшествіи ничего нѣтъ удивительнаго... Вы сами виноваты, позвольте вамъ сказать.... Ваше отсутствіе.... Я нахожу все это весьма естественнымъ... Оно даже съ нѣкоторой стороны похвально....

ВИЛИЦКІЙ (*язвительно*).

Вы находите?

ФОНКЪ.

Конечно. Во всемъ этомъ видна большая привязанность....

ВИЛИЦКІЙ.

О, безъ сомнѣнія!

ФОНКЪ (*помолчавъ*).

Вотъ вамъ и живой, такъ сказать, комментарій, на мои слова.... А, впрочемъ, будемте говорить о другомъ.....

ВИЛИЦКІЙ (*все такъ же горько*).

Да.... будемте говорить о другомъ.... О чемъ, бишь, будемъ мы говорить?

ФОНКЪ (*обращаясь къ Созомэносу*).

Ну, успокоились вы наконецъ? (*Созомэносъ киваетъ головой.*) Смотрите, не засните теперь опять.

СОЗОМЭНОСЪ.

Будто я все сплю?

ФОНКЪ.

Вы бы лучше намъ нѣсколько стиховъ прочитали.... Я увѣренъ, что вы пишете стихи....

СОЗОМЭНОСЪ.

До сихъ поръ не писалъ, а, пожалуй, попробую.

ФОНКЪ.

Попробуйте, я вамъ совѣтую. (*Обращаясь къ Вилицкому.*) Ахъ да, кстати, слышали вы, наконецъ, Рубини?

ВИЛИЦКІЙ.

Нѣтъ, я все собирался съѣздить въ театръ съ моей невѣстой. (*Горько усмѣхается.*) Не знаю, когда удастся.

ФОНКЪ.

Я третьяго-дня опять слышалъ его въ «Лучіи».... Онъ до слезъ меня тронулъ.

ВИЛИЦКІЙ (*сквозь зубы*).

До слезъ, до слезъ....

ФОНКЪ.

Знаете ли что, Вилицкій? Вы очень строгій и взыскательный человѣкъ.

ВИЛИЦКІЙ.

Я?

ФОНКЪ.

Дà, вы.

ВИЛИЦКІЙ (*горько*).

Напримѣръ?

ГОЛОСЪ МИТЬКИ (*въ передней*).

Да нѣту ихъ дома-съ.... нѣту-съ. Выѣхать изволили. (*Вилицкій умолкаетъ и слушаетъ. Фонкъ тоже.*)

ГОЛОСЪ МОШКИНА.

Въ такомъ случаѣ я хочу записку ему оставить.

ГОЛОСЪ МИТЬКИ.

Онѣ приказали вамъ сказать, что сегодня къ вамъ заѣдутъ-съ.... а записку вы можете и здѣсь написать-съ.

ФОНКЪ (*обращаясь къ Вилицкому*).

Чтò такое? (*Вилицкій не отвѣчаетъ.*)

ГОЛОСЪ МОШКИНА.

Да отчего ты не хочешь меня впустить?

ГОЛОСЪ МИТЬКИ.

Нельзя-съ. Дверь заперта-съ. Онѣ ключъ изволили унести.

ГОЛОСЪ МОШКИНА.

А ты хотѣлъ въ комнату за чернильницей сходить?

ГОЛОСЪ МИТЬКИ.

Да нельзя-съ. Ей-богу, нельзя-съ.

ГОЛОСЪ МОШКИНА.

Митя, вѣдь баринъ твой дома.... Я, вѣдь, знаю. Пусти.

ГОЛОСЪ МИТЬКИ.

Никакъ нѣтъ-съ.

ГОЛОСЪ МОШКИНА.

Полно, Митя, пусти. Твой баринъ не выѣзжалъ. Я въ овощной лавкѣ спрашивалъ, и у дворника. (*Возвышая голосъ.*) Петруша, Петруша, прикажи меня впустить. Я знаю, ты дома.

ВИЛИЦКІЙ (*не смѣя взглянуть на Фонка и на Созомэноса, котораго опять начинаетъ смѣхъ разбирать, идетъ къ двери передней*).

Войдите, войдите, Михайло Ивановичъ, сдѣлайте одолже-

ніе.... Ты съ ума сошелъ, что ли, Митька? (*Входятъ Мошкинъ и Митька. Мошкинъ чрезвычайно взволнованъ. При видѣ Фонка и Созомэноса, онъ начинаетъ раскланиваться на всѣ стороны. Вилицкій съ смущеніемъ пожимаетъ ему руку.*) Здравствуйте, Михайло Иванычъ, здравствуйте. Извините, пожалуйста... такое вышло недоразумѣніе.... (*Митькѣ, который собирается говорить.*) Ступай, ты.

МИТЬКА.

Да вы же сами-съ....

ВИЛИЦКІЙ.

Ступай, говорятъ. (*Митька выходитъ.*)

МОШКИНЪ.

О, помилуй! что̀ за бѣда! Напротивъ, ты меня извини.... я, можетъ-быть, помѣшалъ.... (*Опять кланяется Фонку и Созомэносу, которые ему отвѣчаютъ. Созомэносъ встаетъ со стула. Мошкинъ подходитъ къ Фонку.*) Родіону Карловичу мое нижайшее.... Я сначала не узналъ было васъ... Знаете, этакъ, солнце.... (*Вертитъ рукой на воздухѣ.*) Ка̀къ ваше здоровье?

ФОНКЪ.

Слава Богу; ка́къ ваше?

МОШКИНЪ.

По маленьку-съ, покорнѣйше благодарю-съ. (*Еще разъ кланяется Фонку и улыбается.*) Пріятнѣйшая сегодня погода-съ. (*Онъ въ видимомъ смущеніи. Тягостное молчаніе.*)

ФОНКЪ (*Вилицкому*).

До свиданія, Петръ Ильичъ. (*Берется за шляпу.*) Мы, вѣроятно, сегодня увидимся.

МОШКИНЪ (*Фонку*).

Я, надѣюсь, не помѣшалъ.... Сдѣлайте одолженіе, если что нибудь нужно, я могу и послѣ зайдти.... Я вотъ только желалъ взглянуть на Петра Ильича....

ФОНКЪ.

О, нѣтъ-съ.... Мы и безъ того собирались уйдти.... Алкивіадъ Мартынычъ, пойдемте....

ВИЛИЦКІЙ (*въ смущеніи*).

Такъ вы уходите?...

ФОНКЪ.

Да.... но мы увидимся.... Гдѣ вы обѣдаете?

ВИЛИЦКІЙ.

Я не знаю.... а чтò?

ФОНКЪ.

Если васъ гдѣ-нибудь не задержатъ, приходите ко мнѣ.... часу въ пятомъ.... А, впрочемъ, прощайте. (*Мошкину.*) Честь имѣю вамъ кланяться. (*Мошкинъ кланяется.*)

ВИЛИЦКІЙ.

Прощайте, Родіонъ Карлычъ.... Алкивіадъ Мартынычъ.... Гдѣ вы живете?

СОЗОМЭНОСЪ.

Въ Гороховой, въ домѣ купчихи Жмухиной.

ВИЛИЦКІЙ.

Я буду имѣть удовольствіе... (*Провожаетъ ихъ до передней. Они уходятъ; Вилицкій возвращается. Мошкинъ стоитъ неподвижно и не глядитъ на него. Вилицкій нерѣшительно къ нему подходитъ.*) Я очень радъ васъ видѣть, Михайло Иванычъ.

МОШКИНЪ.

И я.... и я.... тоже очень радъ... Петруша, конечно... Я... того.... я.... (*Умолкаетъ.*)

ВИЛИЦКІЙ.

Я собирался сегодня къ вамъ, Михайло Иванычъ.... мнѣ и такъ скоро нужно будетъ выйдти.... Да чтожь вы не садитесь?

МОШКИНЪ (*все въ томъ же положеніи*).

Спасибо.... все равно.... Ну, кàкъ твое путешествіе зà городъ?... Ты здоровъ?

ВИЛИЦКІЙ (*поспѣшно*).

Хорошо, хорошо.... слава Богу.... Который-то часъ?

МОШКИНЪ.

Должно быть второй.

ВИЛИЦКІЙ.

Второй уже?

МОШКИНЪ (*быстро оборачиваясь къ Вилицкому*).

Петруша.... Петруша, что̀ съ тобой?

ВИЛИЦКІЙ.

Со мной.... Михайло Иванычъ?... Ничего....

МОШКИНЪ (*подходя къ нему*).

За что̀ ты на насъ сердишься, Петруша?

ВИЛИЦКІЙ (*не глядя на него*).

Я?...

МОШКИНЪ.

Вѣдь я все знаю, Петруша; вѣдь ты изъ города не выѣзжалъ. Цѣлыхъ пять дней тебя у насъ не было.... Ты отъ меня прятался.... Петруша, что̀ съ тобой, скажи? Или кто-нибудь изъ нашихъ тебя обидѣлъ?

ВИЛИЦКІЙ.

Помилуйте.... напротивъ....

МОШКИНЪ.

Такъ отчегожь вдругъ такая перемѣна?

ВИЛИЦКІЙ.

Я вамъ это.... потомъ все объясню, Михайло Иванычъ....

МОШКИНЪ.

Мы люди простые, Петруша; но мы тебя любимъ отъ всей души; извини насъ, коли мы въ чемъ передъ тобой провинились. Мы все это время не знали, что̀ и придумать, Петруша; духомъ пали вовсе, измучились. Вообрази самъ, каково было наше положеніе! Знакомые спрашиваютъ: а гдѣ же Петръ Ильичъ? Я хочу сказать: отлучился, молъ, изъ города на короткое время — а языкъ не слушается.... что̀ будешь дѣлать? Передъ свадьбой — вообрази. А Маша-то бѣдная! О себѣ я ужь и не говорю. Вѣдь Маша.... представь: вѣдь она твоя невѣста. Вѣдь у ней, у бѣдняжки, кромѣ тебя да меня, никого на свѣтѣ нѣтъ. — И хоть бы какая была причина, а то вдругъ — словно ножомъ въ сердце пырнулъ.

ВИЛИЦКІЙ.

Право, Михайло Иванычъ....

МОШКИНЪ.

Вѣдь я знаю, Петруша, она у тебя сейчасъ была.... (*Вилицкій слегка вздрагиваетъ.*) Сегодня поутру она вдругъ надѣваетъ шляпку; я спрашиваю — куда? А она мнѣ, словно полоумная: пустите, говоритъ, за покупками. (*Уныло.*) Ну, какія ужь тутъ покупки, Петруша, самъ посуди! Я ничего; отпустилъ ее — да за ней... Глядь, а она по улицѣ бѣжитъ-бѣжитъ, сердечная, да прямо сюда.... Я за уголъ, знаешь, вотъ гдѣ штофная.... Смотрю, этакъ черезъ четверть часика, выходитъ она отъ тебя, моя сиротка, лица на сердечной нѣтъ; сѣла, голубушка, на извощика, опустила этакъ голову, да какъ заплачетъ.... (*Останавливается и утираетъ глаза.*) Жалости подобно, Петруша, право!

ВИЛИЦКІЙ (*съ волненіемъ*).

Я виноватъ, Михайло Иванычъ, точно виноватъ и передъ ней, и передъ вами.... Простите меня.

МОШКИНЪ (*со вздохомъ*).

Ахъ, Петруша, Петруша! не ждалъ я этого отъ тебя!

ВИЛИЦКІЙ.

Простите меня, Михайло Иванычъ.... Я вамъ разскажу.... Вы увидите — все это уладится. Это такъ. Я сегодня же буду у васъ и самъ все объясню. Простите меня.

МОШКИНЪ.

Ну, вотъ и прекрасно, Петруша; ну, и слава-Богу. Я зналъ, что ты не въ состояніи насъ огорчить умышленно.... Дай же мнѣ обнять тебя, душа моя! вѣдь я цѣлыхъ пять дней тебя не видалъ.... (*Обнимаетъ его.*)

ВИЛИЦКІЙ (*поспѣшно*).

Послушайте.... Вы не подумайте, чтобъ я сказалъ что-нибудь Марьѣ Васильевнѣ непріятное.... Напротивъ, я ее всячески старался успокоить.... Но она была въ такомъ волненіи....

МОШКИНЪ.

Вѣрю тебѣ, Петруша.... только ты вообрази себя на ея мѣстѣ.... Петруша, вѣдь ты насъ не разлюбилъ?

ВИЛИЦКІЙ.

Помилуйте, какъ вы можете думать....

МОШКИНЪ.

И ея тоже не разлюбилъ? Она такъ тебя любитъ, Петруша.... Она умретъ, если ты ее бросишь.

ВИЛИЦКІЙ.

Зачѣмъ вы это говорите, Михайло Иванычъ?...

МОШКИНЪ.

Ты представь, вѣдь она твоя невѣста... вѣдь ужь и свадьба назначена.... съ твоего же согласія....

ВИЛИЦКІЙ.

Да развѣ кто свадьбу отмѣняетъ? помилуйте!... Я вѣдь люблю Марью Васильевну....

МОШКИНЪ.

Ну, и слава Богу! Ну, и слава Богу! Ну, стало-быть, это все ничего. Что-нибудь тебѣ та̀къ не показалось... Но впередъ, Петруша, пожалуйста, лучше скажи, лучше просто выбрани; а этакъ пять дней....

ВИЛИЦКІЙ.

Не напоминайте мнѣ, пожалуйста, объ этомъ.... Мнѣ и такъ совѣстно... Впередъ этого уже больше не будетъ — повѣрьте мнѣ.

МОШКИНЪ.

Ну, кончено, Петруша, кончено.... Кто прошлое помянетъ, тому, ты знаешь....

ВИЛИЦКІЙ (*не глядя на Мошкина*).

А я только, точно, Марьѣ Васильевнѣ говорилъ и теперь вамъ повторяю, что мнѣ нужно будетъ имѣть съ ней небольшое объясненіе.... знаете, для того, чтобъ подобныя недоразумѣнія впередъ уже не повторялись....

МОШКИНЪ.

Да какія это недоразумѣнія? И что̀ такое значитъ «недоразумѣніе?» Я вовсе не понимаю.

ВИЛИЦКІЙ.

Мнѣ надобно съ Марьей Васильевной объясниться.

МОШКИНЪ.

Да кто жь противъ этого спорить станетъ? Это твое право. Вѣдь она тебѣ жена — а ты ей есть мужъ и наставникъ; отъ кого жь ей выслушивать наставленія, правила, такъ сказать, на путь жизни — какъ не отъ тебя? Вѣдь вѣкъ вмѣстѣ прожить — не поле перейдти; надо правду другъ другу говорить. Ты ужь безъ того много объ ней заботился, объ ея воспитаніи, то-есть, потому что она сирота, а я человѣкъ неученый. Это твое право, Петруша.

ВИЛИЦКІЙ.

Вы меня не совсѣмъ понимаете, Михайло Иванычъ.... а, впрочемъ, это все объяснится, вы увидите, въ весьма скоромъ времени — и все пойдетъ хорошо. (*Взглянувъ на него.*) А вы даже въ лицѣ измѣнились, бѣдный мой Михайло Иванычъ.... Кàкъ я виноватъ, кàкъ непростительно виноватъ передъ вами!

МОШКИНЪ.

Вона! Три года сряду ты меня радовалъ и утѣшалъ.... разъ какъ-то опечалилъ, велика важность! Стòитъ говорить! А чтò касается до объясненія — я на тебя полагаюсь, ты, вѣдь, у меня умёнъ... ты все къ лучшему устроишь. Только, пожалуйста, будь снисходителенъ. Машу, ты самъ знаешь, запугать ничего не стòитъ. А что она застѣнчива и сиротлива — ты на это не смотри; она не комъ-эль-фонтъ, положимъ; да не въ этомъ счастье жизни заключается, Петруша, повѣрь мнѣ; а въ нравственности, въ любви, въ добротѣ сердечной. У тебя, конечно, друзья ученые — ну, и разговоръ, конечно, этакой, все отвлеченный.... а мы.... мы только любить тебя умѣемъ отъ всего сердца... Въ этомъ, Петруша, съ нами ужь никто не поспоритъ....

ВИЛИЦКІЙ (*пожимая ему руку*).

Добрый, добрый Михайло Иванычъ.... Чѣмъ я заслужилъ такое расположеніе? (*Мошкинъ улыбается и махаетъ рукой.*) Право, не знаю чѣмъ. (*Небольшое молчаніе.*)

МОШКИНЪ.

Посмотри-ка мнѣ въ лицо.... Ну, вотъ это Петруша мой опять....

ВИЛИЦКІЙ.

Ка́къ вы добры, ка́къ вы добры!... (*Опять небольшое молчаніе.*) Какая досада! Мнѣ пора въ департаментъ.

МОШКИНЪ.

Въ департаментъ? Чтожь! Я тебя не удерживаю.... А когда жь ты къ намъ, Пертуша?

ВИЛИЦКІЙ.

Сегодня вечеромъ, Михайло Иванычъ, непремѣнно.

МОШКИНЪ.

Ну, хорошо. А чтò бы... Петруша... теперь...

ВИЛИЦКІЙ.

Теперь, Михайло Иванычъ, мнѣ право нельзя. Митька!

МОШКИНЪ.

Ну, какъ знаешь! А ужь какъ бы Маша-то была рада!...

МИТЬКА (*входя*).

Чего изволите-съ?

ВИЛИЦКІЙ.

Форменный фракъ.

МИТЬКА.

Слушаю-съ. (*Выходитъ.*)

МОШКИНЪ.

Вдругъ, послѣ всѣхъ этихъ слезъ и тревогъ.... вообрази. А? Петруша?

ВИЛИЦКІЙ.

Право, Михайло Иванычъ.... Сегодня вечеромъ я непремѣнно, непремѣнно....

МОШКИНЪ (*со вздохомъ*)

Ну, хорошо.

ВИЛИЦКІЙ.

Вѣдь я все это время въ департаментѣ даже не былъ.... Вообразите вы себѣ.... вѣдь это, наконецъ, замѣтить могутъ.

МОШКИНЪ.

Ну на минуточку.... передъ департаментомъ.

ВИЛИЦКІЙ.

Мнѣ и то мо́чи нѣтъ какъ будетъ совѣстно.... Вы, пожа-

луйста, этакъ, приготовьте Марью Васильевну.... Скажите ей, чтобъ она меня простила....

МОШКИНЪ.

Вотъ еще что̀ выдумалъ! Нужны приготовленія — какъ же! Просто, приведу тебя, скажу: вотъ онъ, нашъ бѣглецъ.... а она тебѣ на шею бросится — вотъ и приготовленья всѣ.... (*Митька входитъ съ фракомъ.*) Надѣнь-ка фракъ — да поѣдемъ.

ВИЛИЦКІЙ.

Ну, извольте, только на минуту.... (*Надѣваетъ фракъ.*)

МОШКИНЪ.

Да ужъ увидимъ тамъ.... (*Митькѣ, подающему фракъ.*) А! безстыжіе глаза! Вѣдь вишь какой! (*Митька ухмыляется.*) А впрочемъ, я хвалю, слуга долженъ барскую волю соблюдать. — Ну, Петруша, спасибо тебѣ, воскресилъ ты всѣхъ насъ.... Ѣдемъ!

ВИЛИЦКІЙ.

Ѣдемъ. (*Уходя, Митькѣ.*) Если господинъ Фонкъ опять зайдетъ, скажи ему, что я у него сегодня буду....

МОШКИНЪ.

Ну, это мы все тамъ увидимъ.... Надѣвай шляпу — пойдемъ. (*Оба уходятъ.*)

МИТЬКА (*остается, глядитъ имъ вслѣдъ и медленно идетъ на авансцену*).

Безстыжіе глаза! — Ну, кто ихъ разберетъ! Вѣдь, приказывали не пускать.... А вотъ я лучше сосну маленько, такъ оно и того.... (*Заваливается на диванъ.*) Вѣдь вотъ что̀ бы новый диванъ купить; а то у этого пружины больше не дѣйствуютъ. — Да куда! ему не до того! Ужь эти мнѣ ферлакуры!... А, впрочемъ, Господь съ ними!... Это все вѣдь.... Э — это... (*Глядя на свои высоко поднятыя ноги.*) Хорошо шьетъ бестія Капитонъ! (*Засыпаетъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Та же декорація, какъ въ первомъ дѣйствіи. Мошкинъ въ архалухѣ, озабоченный и опечаленный, стоитъ у двери налѣво и прислушивается. Черезъ нѣсколько мгновеній на порогѣ показывается Пряжкина.

МОШКИНЪ (*почти шопотомъ*).

Ну, что̀?

ПРЯЖКИНА (*такъ же*).

Заснула.

МОШКИНЪ.

И жара нѣтъ?

ПРЯЖКИНА.

Теперь нѣтъ.

МОШКИНЪ.

Слава Богу! (*Молчаніе.*) А знаете ли что̀, Катерина Савишна, вы все-таки не отходите отъ нея.... что-нибудь, знаете, понадобится неравно.

ПРЯЖКИНА.

Какъ же, батюшка, какъ же!... Прикажите только самоварчикъ мнѣ поставить....

МОШКИНЪ.

Прикажу, матушка, прикажу. (*Пряжкина уходитъ. Мошкинъ медленно идетъ на авансцену, садится, глядитъ нѣсколько времени неподвижно на полъ, проводитъ рукой по лицу и кличетъ.*) Стратилатъ!

СТРАТИЛАТЪ (*выходя изъ передней*).

Чего-съ?

МОШКИНЪ.

Самоваръ для Катерины Савишны поставь.

СТРАТИЛАТЪ.

Слушаю-съ. (*Хочетъ идти.*)

МОШКИНЪ (*нерѣшительно*).

Никто не приходилъ?

СТРАТИЛАТЪ.

Никакъ нѣтъ-съ.

МОШКИНЪ.

И ничего.... этакъ, не приносили?

СТРАТИЛАТЪ.

Ничего-съ.

МОШКИНЪ (*вздохнувъ*).

Ну, ступай. (*Стратилатъ уходитъ. Мошкинъ оглядывается, хочетъ встать и опять опускается въ кресло.*) Боже мой, Боже мой, чтожь это такое? Вдругъ опять, опять все рухнуло.... Теперь ужь дѣло-то ясно.... (*Опускаетъ голову.*) Какое средство, какое средство, наконецъ.... (*Помолчавъ немного.*) Никакого нѣтъ средства. Это все.... (*Махаетъ рукой.*) Само-собой, развѣ какъ-нибудь.... авось, этакъ, перемелется. (*Вздыхаетъ.*) О, Господи, Боже! (*Изъ передней входитъ Шпуньдикъ. Мошкинъ оглядывается.*) А, это ты, Филиппъ? Спасибо, что хоть ты не забываешь.

ШПУНЬДИКЪ (*жметъ ему руку*).

Вона! я развѣ вашъ братъ, столичная штука? (*Помолчавъ.*) Ну что̀, былъ?

МОШКИНЪ (*поглядѣвъ на него*).

Нѣтъ, не былъ.

ШПУНЬДИКЪ.

Гмъ, не былъ. Какая же причина?...

МОШКИНЪ.

Господь его знаетъ. Все извиняется — дескать, некогда....

ШПУНЬДИКЪ (*садясь*).

Некогда! Ну, а что̀ Марья Васильевна?

МОШКИНЪ.

Маша не совсѣмъ здорова. Всю ночь не спала. Теперь вотъ отдыхаетъ.

ШПУНЬДИКЪ (*качая головой*).

Эка, подумаешь.... (*Вздохнувъ*.) Да, да, да.

МОШКИНЪ.

Чтò ты подѣлываешь?

ШПУНЬДИКЪ.

Хлопочу, братъ, по дѣламъ все. А только признаюсь тебѣ, Михайло Иванычъ, какъ погляжу я на вашу братью, на петербургскихъ — нѣ-ѣтъ, съ вами бѣда! Подальше отъ васъ. Нѣтъ, вы, господа, ой-ой-ой!

МОШКИНЪ (*не глядя на него*).

Да почему же ты... такъ?... здѣсь тоже есть хорошіе люди.

ШПУНЬДИКЪ.

Я не спорю, можетъ-быть.... а только съ вами держи ухо востро.... (*Помолчавъ*.) Такъ не былъ Петръ Ильичъ?

МОШКИНЪ (*вдругъ оборачиваясь къ нему*).

Филиппъ, чтò мнѣ передъ тобой скрываться? Ты видишь во мнѣ совершенно убитаго человѣка.

ШПУНЬДИКЪ.

Помилуй Богъ!

МОШКИНЪ.

Совершенно, совершенно убитаго человѣка. И кàкъ неожиданно! Ты помнишь, Филиппъ, когда ты пріѣхалъ, всего двѣ недѣли назадъ.... помнишь, кàкъ я тебя встрѣтилъ, какіе планы составлялъ, помнишь? а теперь... теперь все это рухнуло, братъ, все это провалилось сквозь землю, въ самую преисподнюю — ко дну, братъ, все пошло, и я сижу, какъ дуракъ, думаю, думаю, и ничего не придумаю.

ШПУНЬДИКЪ.

Да ты, можетъ-быть, преувеличиваешь, Миша....

МОШКИНЪ.

Какое преувеличиваю! Вѣдь ты почти каждый день здѣсь бываешь, ты можешь самъ разсудить. Ну, положимъ, послѣ того обѣда, помнишь, что-нибудь ему не понравилось, онъ не ходилъ — ну, повздорилъ, такъ что-нибудь; положимъ. Я къ нему отправился, объяснился съ нимъ; ну, привелъ его сюда; Маша поплакала, простила его.... хорошо. Ну, стало-быть,

все ладно, не такъ ли? Правду сказать, онъ не долго у насъ тогда посидѣлъ — совѣстно ему было, что̀ ли.... только онъ опять ее увѣрялъ, этакъ, знаешь, какъ слѣдуетъ: все, дескать, по прежнему остается — ну, словомъ, какъ женихъ. Хорошо. На другой день пріѣзжаетъ, и гостинчикъ еще привезъ; повертѣлся съ минутку—глядь... ужь и уѣхалъ. Говоритъ: дѣла. На слѣдующій день не былъ вовсе... потомъ опять пріѣхалъ, посидѣлъ всего съ часъ и почти все время молчалъ. Я, знаешь, о свадьбѣ, дескать, то-есть, ка̀къ и когда.... пора, молъ; онъ: да, да — и только; да вотъ съ тѣхъ поръ опять и пропалъ. Дома его никогда застать нельзя, на записки не отвѣчаетъ. Ну, самъ скажи, Филиппъ, что̀ жь это значитъ? Вѣдь это, наконецъ, слишкомъ ясно! Онъ, значитъ, отказывается. А? Онъ отказывается! Вообрази же ты себѣ теперь, въ какомъ я положеніи! Вѣдь отвѣтственность, можно сказать, вся на мнѣ лежитъ: я вѣдь эту кашу заварилъ... а она, конечно, сирота круглая; за нее не́кому заступиться. Да и ка̀къ могъ я подумать, что Петруша.... (*Останавливается.*)

ШПУНЬДИКЪ (*съ глубокомысленнымъ видомъ*).

А знаешь ли что̀ я тебѣ скажу, Михайло Иванычъ?

МОШКИНЪ.

А что?

ШПУНЬДИКЪ.

Не зашалилъ ли ужь онъ какъ-нибудь? Фоссъ-паркэ, какъ говорится. Вѣдь Петербургъ на это — городъ, чай, не послѣдній.

МОШКИНЪ (*помолчавъ*).

Нѣтъ, это не то. Не такой онъ человѣкъ, да и не такъ бы онъ поступалъ.

ШПУНЬДИКЪ.

А, можетъ-быть, ему какая-нибудь другая дѣвица приглядѣлась? Пріятель его, этотъ важный-то, можетъ-быть, его познакомилъ съ какой-нибудь этакой особой....

МОШКИНЪ.

Это скорѣе. А впрочемъ нѣтъ, все не то. Въ немъ какая-то перемѣна вдругъ произошла; я просто понять его не могу:

словно кто его подмѣнилъ. И глядитъ-то онъ на меня не такъ, и смѣется не такъ, и говоритъ иначе, а Машу просто избѣгаетъ. Ахъ, Филиппъ, Филиппъ! тяжело мнѣ, вотъ какъ тяжело! Вѣдь что̀ ужасно, Филиппъ: подумаешь, давно ли?... а теперь.... И отчего же это? ка̀къ это, ка̀къ могло?...

ШПУНЬДИКЪ.

Да, да, Миша, оно точно.... того.... не легко, какъ говорится. Только все-таки мнѣ кажется, ты напрасно ужь такъ падаешь духомъ....

МОШКИНЪ.

Эхъ, Филиппъ, Филиппъ, вѣдь ты не знаешь.... вѣдь я его какъ сына любилъ! Вѣдь я съ нимъ все дѣлилъ — все до послѣдняго. И вѣдь что̀ меня сокрушаетъ: хоть бы онъ сердился, знаешь — легче было бы мнѣ: скорѣе бы я надѣялся; а то просто равнодушіе оказываетъ, сожалѣніе даже.... Вотъ что̀ убийственно, Филиппъ. Вѣдь вотъ онъ и нейдетъ, и не прійдетъ, и завтра не прійдетъ, и мнѣ словно ужь и странно думать, что онъ будто можетъ прійдти къ намъ—а давно ли...

ШПУНЬДИКЪ.

Да, братъ, да; не даромъ говорится въ стихахъ: «Такъ на свѣтѣ все превратно». Да.

МОШКИНЪ.

Просто, хоть ложись, да умирай... (*Входитъ Пряжкина.*) А! Катерина Савишна! Ну, что̀?

ПРЯЖКИНА.

Ничего-съ, Михайло Иванычъ, ничего-съ; не извольте безпокоиться. (*Шпуньдикъ ей кланяется.*) Здравствуйте, Филиппъ Егорычъ.

ШПУНЬДИКЪ.

Наше вамъ почтеніе, Катерина Савишна. Ка̀къ вы въ своемъ здоровьѣ?

ПРЯЖКИНА.

Слава Богу, батюшка, слава Богу. Какъ вы?

ШПУНЬДИКЪ.

Я тоже слава Богу. А Марья Васильевна какъ въ своемъ здоровьѣ?

ПРЯЖКИНА.

Теперь получше-съ. А ночь совсѣмъ худо спала. (*Вздыхая нараспѣвъ.*) Эхъ-и-эхъ. (*Мошкину.*) А чтожь самоварчикъ, батюшка, изволили приказать?

МОШКИНЪ.

Приказалъ, какъ же, приказалъ... а онъ вамъ не принесъ? Стратилатка! (*Стратилатъ входитъ съ самоваромъ.*) Чтожь это ты?

СТРАТИЛАТЪ.

Только теперь закипѣлъ-съ. (*Несетъ самоваръ въ комнату Маши.*)

ШПУНЬДИКЪ (*Пряжкиной*).

Вы, я воображаю, такъ и не отходите отъ Марьи Васильевны....

ПРЯЖКИНА.

Какъ же-съ. Кому же объ ней и заботиться? Сами извольте разсудить.

ШПУНЬДИКЪ.

Вы, я увѣренъ, примѣрная родственница.

ПРЯЖКИНА.

Много благодарна-съ, Филиппъ Егорычъ.

МОШКИНЪ.

Ну, хорошо, хорошо. (*Стратилатъ возвращается изъ комнаты Маши и подаетъ Мошкину письмо.*) Отъ кого это?

СТРАТИЛАТЪ.

Не могу знать-съ.

МОШКИНЪ (*взглянувъ на надпись*).

Петрушина рука. (*Быстро распечатываетъ и читаетъ. Шпуньдикъ и Пряжкина со вниманіемъ глядятъ на него. Мошкинъ страшно блѣднѣетъ во время чтенія и, окончивъ письмо, падаетъ на кресло. Шпуньдикъ и Пряжкина хотятъ приблизиться къ нему, но онъ тотчасъ вскакиваетъ и говоритъ прерывающимся голосомъ.*) Кто... это... кто тамъ... принесъ.... кто.... позови....

СТРАТИЛАТЪ.

Чего изволите-съ?

МОШКИНЪ.

Позови.... кто принесъ.... кто принесъ.... (*Дѣлаетъ знаки руками Шпуньдику и Пряжкиной. Стратилатъ выходитъ и тотчасъ возвращается съ почтальйономъ. У почтальйона на головѣ киверъ*).

ПОЧТАЛЬЙОНЪ.

Что̀ вамъ угодно-съ?

МОШКИНЪ.

Вы, мой любезный.... Вы принесли это письмо.... отъ господина Вилицкаго?

ПОЧТАЛЬЙОНЪ.

Никакъ нѣтъ-съ.... Съ почтой пришло-съ. Частныя письма намъ строжайше запрещено носить.

МОШКИНЪ

Ахъ, да, точно, извините.... Я, то-есть, думалъ.... (*Онъ совершенно растерялся.*)

ШПУНЬДИКЪ (*Мошкину*).

Успокойся. Стратилатъ, поди, заплати ему. (*Стратилатъ и почтальйонъ выходятъ.*) Миша, опомнись....

МОШКИНЪ (*вдругъ останавливаясь*).

Все кончено, друзья мои! Все! Я пропалъ, Флиппъ, и мы всѣ пропали. Все кончено.

ШПУНЬДИКЪ.

Да что̀ такое?

МОШКИНЪ (*развертывая письмо*).

А вотъ, послушай. И вы тоже, Катерина Савишна, послушайте. Онъ отказывается, друзья мои, онъ рѣшительно отказывается. Свадьбы ужь не бывать, и вообще — все кончено, все провалилось, все, все совершенно! Вотъ, вотъ что̀ онъ мнѣ пишетъ. (*Шпуньдикъ и Пряжкина становятся по бокамъ Мошкина.*) «Любезный мой Михайло Иванычъ, послѣ «долгой и продолжительной бо.... борьбы съ самимъ собою, «я чувствую, что я долженъ, наконецъ, объясниться съ ва«ми.... откровенно (*взглядывая на Шпуньдика*)... откровенно. «Повѣрьте, это рѣшеніе сто̀итъ мнѣ многаго, очень многаго. (*Мошкинъ выговариваетъ многаго, а не многова.*) Я, видитъ

«Богъ, никакъ этого не могъ предвидѣть и желалъ бы изба-«вить васъ отъ подобной непріятности.... Малѣйшее замед-«леніе было бы теперь непростительно.... Я и такъ слиш-«комъ долго колебался.... Я не признаю себя способнымъ со-«ставить счастье Марьи Васильевны, и умоляю ее принять «отъ меня свое обѣщаніе обратно».—Обратно. (*Къ Шпунѣди-ку.*) Вотъ посмотри — тàкъ, тàкъ и стоитъ. «Я не признаю «себя», вотъ посмотри. «Обратно». Вотъ посмотри. (*Шпунь-дикъ глядитъ въ письмо. Мошкинъ продолжаетъ.*) «Я не смѣю «даже просить у нея извиненія; чувствую до какой степени я «виноватъ передъ ней и передъ вами, и спѣшу объявить, что «я не знаю дѣвицы болѣе достойной всякаго уваженія».... Слышите, слышите? «всякаго уваженія». Слышите?—«Пред-«видя необходимость прекратить на нѣкоторое время наши «сношенія, разстаюсь съ вами съ сокрушеннымъ сердцемъ»... А? а?— «Я не могу не сознаться, Михайло Иванычъ, что вы «имѣете полное право считать меня неблагодарнымъ (*Мош-«кинъ качаетъ головой*).... я не стану увѣрять васъ и вашу «воспитанницу въ моей преданности, въ моемъ искреннемъ «участіи; подобныя слова могутъ теперь по справедливости «возбудить ваше негодованіе, и потому я умолкаю.... Будьте «оба счастливы».... Счастливы, счастливы!... Это онъ мо-жетъ говорить — онъ, онъ!... (*Мошкинъ закрываетъ лицо руками.*)

ШПУНЬДИКЪ.

Успокойся, Михайло Иванычъ; чтожъ дѣлать? (*Помолчавъ.*) Ты, кажется, не дочиталъ....

МОШКИНЪ (*отрывая руки отъ лица*).

Да это вздоръ! Это быть не можетъ.... Онъ, наконецъ, не имѣетъ права... Вотъ еще! Я къ нему сейчасъ отправлюсь... (*Начинаетъ быстро ходить по комнатѣ.*) Стратилатка! шапку мнѣ подай! шубу! сейчасъ! извощика мнѣ — сію ми-нуту!

ШПУНЬДИКЪ.

Куда ты, Михайло Иванычъ, куда ты, помилуй!

МОШКИНЪ.

Куда? къ нему. Я ему покажу... я... я... А! ты, голубчикъ, такъ-то? Ну, хорошо. Ну, хорошо. Къ отвѣту я его потребую. Къ отвѣту!

ШПУНЬДИКЪ.

Да какимъ образомъ ты его къ отвѣту потребуешь?

МОШКИНЪ.

Какимъ образомъ? Вотъ какимъ образомъ. Я ему скажу: милостивый государь, прошу отвѣчать мнѣ безъ обиняковъ. Марья Васильевна васъ чѣмъ-нибудь оскорбила? оскорбила она васъ чѣмъ-нибудь, милостивый государь? Поведеніемъ ея, что ли, вы недовольны, милостивый государь?

ШПУНЬДИКЪ.

Да, онъ....

МОШКИНЪ.

Нѣтъ, отвѣчайте мнѣ, милостивый государь, отвѣчайте. Развѣ она не благовоспитанная дѣвица, милостивый государь? Развѣ она не съ правилами дѣвица, а? а? (*Наступаетъ на Шпуньдика.*)

ШПУНЬДИКЪ.

Конечно, конечно; да, вѣдь, онъ тебѣ....

МОШКИНЪ.

Кàкъ? Вы два года ѣздите къ намъ въ домъ, васъ принимаютъ какъ роднаго, дѣлятся съ вами послѣдней копейкой, отдаютъ вамъ, наконецъ, по вашей неотступной просьбѣ, такое сокровище—свадьба уже назначена, а вы, о-о-о!... Нѣтъ, извините? Это не можетъ такъ кончиться.... Нѣтъ, нѣтъ.... Шапку, Стратилатка! (*Стратилатъ входитъ.*) Вы вдругъ раздумали; взялъ перо — чёркъ, чёркъ, чёркъ — да и воображаете, что отдѣлались? Анъ нѣтъ! Извините. Я вамъ покажу, милостивый государь, погодите; я вамъ не позволю насмѣхаться надъ нами. Еще въ концѣ приписываетъ: «долги я всѣ мои сполна заплачу». Да я гроша отъ него не хочу! — Шапку мнѣ, чтожь не подаютъ? (*Стратилатъ подаетъ ему шапку; но онъ ее не беретъ и продолжаетъ ходить.*) Онъ это могъ.... Петруша, ты это.... (*Съ сердцемъ махая рукой.*)

Какой тутъ къ черту Петруша! Межъ нами все кончено, все! Вишь, онъ думаетъ, что за Машу некому заступиться, такъ и того — расходился. Что, дескать, за бѣда! Возьму, да откажу. Анъ вотъ и ошибся.... не на того наскочилъ, братъ. Да я даромъ что старикъ, я его на дуэль вызову!

ПРЯЖКИНА (*вскрикивая*).

Ахъ, батюшки мои!

ШПУНЬДИКЪ.

Что ты, Миша, что ты, что ты?

МОШКИНЪ.

А чтожь? Ты думаешь, я и не съумѣю изъ пистолета-то выпалить? Не хуже другаго! Да чтожь это, я шапку спрашиваю, спрашиваю, двадцать-четыре раза сряду шапку спрашиваю!

СТРАТИЛАТЪ.

Да вотъ она-съ.... Я вамъ ее уже подавалъ-съ.

МОШКИНЪ (*вырывая у него шапку*).

Ну, и ты туда же. Шубу мнѣ! (*Стратилатъ бѣжитъ за шубой.*) Я ему покажу, постой.

ШПУНЬДИКЪ.

Миша, да погоди, внемли голосу разсудка.

МОШКИНЪ.

Убирайся ты съ своимъ голосомъ и съ своимъ разсудкомъ!... Человѣкъ, ты видишь, въ отчаяніи, просто остервенился, а ты ему разсудокъ суешь.... Пропадай все за-одно! (*Надѣвая шубу.*) А не то, я на колѣни брошусь передъ нимъ: не встану, скажу, просто на мѣстѣ умру, пока ты не возвратишь намъ своего слова.... Сжалься, скажу, надъ несчастной сиротой; за что, скажу, за что зарѣзалъ? помилуй! А вы, друзья мои, побудьте здѣсь — побудьте здѣсь, отцы мои родные! Я вернусь, я скоро вернусь, такъ или сякъ, а ужь вернусь... Только, ради-Бога, чтобъ Маша не узнала какъ-нибудь безъ меня, ради-Бога! А я сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ. Вы дождитесь меня.

ШПУНЬДИКЪ.

Мы съ удовольствіемъ, только, право....

МОШКИНЪ.

И не говори! Слушать ничего не хочу! А я вернусь, я сейчасъ вернусь. Умру, а вернусь.... (*Убѣгаетъ. Шпуньдикъ и Стратилатъ стоятъ въ недоумѣніи; Пряжкина, охая, садится. Стратилатъ, переглядываясь съ Шпуньдикомъ, медленно уходитъ*)

ПРЯЖКИНА (*охая, задыхаясь и складывая руки*).

Ахъ, батюшки мои! Ахъ, родные! О-охъ! Согрѣшила я, окаянная! Чѣмъ это кончится, Боже мой, Боже мой, милостивый! Ахъ, батюшки вы мои, голубчики вы мои! заступитесь за меня, сироту горемычную....

ШПУНЬДИКЪ (*подходя къ ней*).

Успокойтесь, Катерина Савишна; можетъ, Богъ дастъ, все-еще уладится какъ-нибудь.

ПРЯЖКИНА.

Ахъ, Филиппъ Егорычъ, голубчикъ вы мой, пропала моя головушка! Какое уладится, гдѣ ужь тутъ! Вишь какая бѣда стряслась! Вотъ до чего пришлось дожить! Господи Іисусе Христе, помилуй меня, грѣшную....

ШПУНЬДИКЪ (*садясь подлѣ нея*).

Успокойтесь, право успокойтесь. Этакъ вы себѣ повредить можете.

ПРЯЖКИНА (*сморкаясь и приходя немного въ себя, плаксивымъ голосомъ*).

Ахъ, Филиппъ Егорычъ, да вы войдите въ мое положеніе... Вѣдь Маша-то мнѣ родная племянница, Филиппъ Егорычъ. Каково же мнѣ это переносить — вы это представьте. Ну и Михайло Иванычъ, каково это мнѣ? Вѣдь съ нимъ Богъ-знаетъ что могутъ сдѣлать; каково жь это все?

ШПУНЬДИКЪ.

Конечно, это все очень непріятно.

ПРЯЖКИНА (*тѣмъ же плаксивымъ голосомъ*).

Ахъ, Филиппъ Егорычъ! Ужь хуже этого быть ничего не можетъ, Филиппъ Егорычъ! голубчикъ вы мой! И вѣдь вотъ что я должна сказать: вѣдь я это все предвидѣла.... все предвидѣла!

ШПУНЬДИКЪ.

Неужели?

ПРЯЖКИНА (*все тѣмъ же голосомъ*).

Ка-акъ же, ка-акъ же! Да меня не слушались; не слушались, батюшка вы мой, Филиппъ Егорычъ. А я всегда говорила: не быть въ этой свадьбѣ прока, охъ не быть прока, охъ не быть.... Только меня не слушались.

ШПУНЬДИКЪ.

Отчего же васъ не хотѣли слушать?

ПРЯЖКИНА (*мгновенно перемѣняя голосъ*).

А Господь вѣдаетъ отчего, Филиппъ Егорычъ. Стало-быть, думали: человѣкъ старый-съ, все не бойсь пустяки говоритъ-съ. А я вамъ скажу, Филиппъ Егорычъ, конечно, я человѣкъ простой, не изъ самаго перваго обчества; что̀ говорить! а только мужъ у меня, царство ему небесное! до штабофицерскаго чина дослужился, въ провіантахъ, батюшка, состоялъ; мы тоже, батюшка, съ хорошими людьми водились — отъ чужихъ всякое уваженіе получали; а свои вотъ въ грошъ меня теперь не ставятъ. Генеральша Бондоидина насъ къ себѣ принимала, Филиппъ Егорычъ, и, въ особенности, меня очень, можно сказать, жаловала. Бывало я, одна съ ней этакъ сижу въ ея спальнѣ, а она мнѣ говоритъ: удивляюсь, молъ, вамъ, говоритъ, Катерина Савишна, какой у васъ во всемъ скусъ. А Бондоидина, генеральша, съ первыми господами зналась. Я, говоритъ, съ вами очень пріятно время провожу. И чаю мнѣ подать велитъ — ей-богу-съ. Что̀ мнѣ лгать? А родная вотъ племянница меня слушаться не хочетъ! За то теперь вотъ и плачется. Да ужъ поздно.

ШПУНЬДИКЪ.

Ну, можетъ-быть, еще не поздно.

ПРЯЖКИНА.

Ка̀къ не поздно, Филиппъ Егорычъ. Помилуйте! что̀ вы это говорите? Разумѣется, поздно. Этого ужь нельзя вернуть, извините. Ужь это кончено. Что̀ вы? помилуйте!

ШПУНЬДИКЪ.

Можетъ быть, можетъ-быть. Но, Катерина Савишна, ска-

жите мнѣ на милость — я вижу, вы женщина разсудительная — отчего это молодые люди нашего брата старика никогда слушаться не хотятъ? Вѣдь мы имъ же добра желаемъ. Отчего бы это, а?

ПРЯЖКИНА.

А по причинѣ вѣтренности, Филиппъ Егорычъ. Бондоидина, генеральша, мнѣ не разъ объ этомъ говорила. Охъ, бывало говоритъ, Катерина Савишна, какъ погляжу я на нынѣшнюю молодёжь — ну! просто руки растопыришь, и только! Вѣдь я что̀ моей племянницѣ говорила: «не выйдешь ты за него за̀мужъ, я ей говорила; вишь онъ какой бойкій, да и человѣкъ онъ такой опасливый; не туда глядитъ... охъ, не туда!» А она мнѣ: «тётенька, оставьте». «Ну, ка̀къ хочешь, голубушка моя». Вотъ тебѣ и оставьте! Вѣдь и у меня была дочка, Филиппъ Егорычъ. Ка̀къ же, ка̀къ же! И красавица же была; такихъ теперь что-то ужь не видать, батюшка вы мой, право-слово не видать. Брови, носъ — просто удивленье; а ужь глаза.... и сказать нельзя, что̀ за глаза такіе были. Съ лукошко, батюшка! Та́къ вотъ, бывало, она и мечетъ ими, та́къ вотъ и мечетъ, та́къ вотъ и мечетъ. Чтожь, вѣдь я ее за̀мужъ выдала; и такъ, батюшка, хорошо выдала, за хорошаго человѣка, за ахтихтехтора. Ну, виномъ онъ точно зашибалъ, да за кѣмъ не водится грѣха? Вотъ я посмотрю, ка̀къ Михайло Иванычъ Машу-то теперь пристроитъ! Насидится она въ дѣвкахъ, мать моя!

ШПУНЬДИКЪ.

Ну, и ваша дочь довольна своимъ мужемъ, счастлива?

ПРЯЖКИНА.

Охъ, Филиппъ Егорычъ, не говорите мнѣ объ ней! Она въ прошломъ году умерла, мой батюшка; да я ужь и передъ смертью года за три отъ нея отступилась.

ШПУНЬДИКЪ.

За что же это?

ПРЯЖКИНА.

Да, батюшка мой, неуважительная такая была: за пьяницу, говоритъ, мать выдала меня; говоритъ, не заработываетъ

мой мужъ ничего, да еще бранится... Вѣдь вотъ, право, кàкъ тутъ угодить прикажешь? Велика бѣда: человѣкъ пьетъ! Какой же мужчина не пьетъ? Мой покойникъ, бывало, иногда такъ, съ позволенія сказать, нахлещется, что ахти мнѣ — а я его все-таки уважала. Денегъ у нихъ не было; конечно, это непріятно; но бѣдность не порокъ. А что онъ ее бранилъ, такъ, стало-быть, она заслуживала; а по моему простому разумѣнію, вѣдь мужъ — глава: кто жь ему учить не велитъ, Филиппъ Егорычъ, посудите сами. А жена развѣ на то жена, чтобъ великатиться?

ШПУНЬДИКЪ.

Я съ вами согласенъ.

ПРЯЖКИНА.

Но я ее простила; она жь умерла.... Чтожь? Царство ей небесное! Теперь она сама, чай, раскаявается. Богъ съ ней! А я человѣкъ незлобивый. Куда мнѣ! Нѣтъ, батюшка; мнѣ только вѣкъ-то свой дожить какъ-нибудь.

ШПУНЬДИКЪ.

Чтò вы такое говорите, Катерина Савишна!... Вы еще не такъ стары....

ПРЯЖКИНА.

И-и-и, помилуйте, батюшка! Конечно, Бондоидина, генеральша, мнѣ ровесница была, а ужь на лицо гораздо постарше казалась. Даже мнѣ удивлялась. (*Прислушиваясь.*) Ахти, кажись, Маша.... нѣтъ. Нѣтъ; это ничего. Это у меня въ ушахъ шумитъ. У меня завсегда передъ обѣдомъ въ ушахъ шумитъ, Филиппъ Егорычъ, а нето вдругъ подъ ложечку подопретъ, такъ подопретъ, даже духъ захватитъ. Отчего бы это, батюшка? Мнѣ одна знакомая лекарка совѣтуетъ конопляным масломъ на ночь животъ растирать, кàкъ вы думаете? А лекарка она хорошая, даромъ что Арапка. Черна, представьте, какъ голенище, а рука прелегко-легкая....

ШПУНЬДИКЪ.

Отчего же? Попробуйте. Иногда, знаете, средства, такъсказать, простыя, удивительно помогаютъ. Я вотъ своихъ ближнихъ лечу. Вдругъ, этакъ, знаете, въ голову пріидетъ:

сѣмъ, попробую, напримѣръ, это средство. И чтожь? глядишь, помогло. Я старосту своего отъ водяной дёгтемъ вылечилъ: мажь, говорю, и только. И вылечилъ, вообразите вы себѣ!

ПРЯЖКИНА.

Да, да, да; это бываетъ-съ, а все Богъ, все Богъ. Во всемъ Его святая воля.

ШПУНЬДИКЪ.

Ну, конечно, я воображаю, здѣсь доктора, все первые ученые, нѣмцы самые лучшіе. А мы, степнячки, въ глуши, такъ-сказать, прозябаемъ; намъ за докторами не посылать-стать: мы по простотѣ живемъ, конечно.

ПРЯЖКИНА.

Да оно и лучше, по простотѣ-то, Филиппъ Егорычъ; а въ этихъ докторахъ, въ этихъ ученыхъ мало толку, батюшка вы мой. Вотъ, не хуже Петра Ильича. А кто виноватъ? Сами мы виноваты. Вѣдь вотъ, напримѣръ, хоть бы Михайло Иванычъ: ну, скажите сами, развѣ ему слѣдъ у себя чужую дѣвицу воспитывать, развѣ слѣдъ? Его дѣло, что ли, ее зàмужъ выдавать? мужское это развѣ дѣло? Онъ ее облагодѣвствовать хотѣлъ — ну, чтожь и дай Богъ ему здоровья, а не въ свое дѣло все-таки не слѣдъ ему было мѣшаться; вѣдь не слѣдъ— скажите?

ШПУНЬДИКЪ.

Оно, положимъ, не слѣдъ, точно. Это дѣло женское. Да вѣдь не всегда оно и вашей-то сестрѣ удается. Вотъ у насъ сосѣдка есть, Перехрянцева, Олимпіада; три дочки у ней на рукахъ, и всѣ невѣстами побывали, а зàмужъ хоть бы одна вышла. Послѣдній женихъ даже ночью въ трескучій морозъ изъ дому бѣжалъ. Старуха Олимпіада, говорятъ, ему, вся растрепе́, изъ слуховаго окна кричала: «постойте, постойте, позвольте, объясниться», а онъ по сугробамъ—зайцемъ, зайцемъ, да и былъ таковъ.

ПРЯЖКИНА.

На грѣхъ мастера нѣтъ, батюшка Филиппъ Егорычъ.... Оно точно... А все-таки коли бы меня послушались... У меня въ предметѣ былъ человѣчекъ, то-есть, я вамъ скажу, просто

первый сортъ — что̀ въ ротъ, то спасибо. (*Цѣлуетъ концы своихъ пальцевъ.*) Да-съ! (*Со вздохомъ.*) Да что̀! Теперь все это въ воду кануло. А пойду, посмотрю-ка я на Машу... Что̀ она дѣлаетъ? Чай все-еще спитъ, моя голубушка. Что-то она скажетъ, какъ проснется, какъ узнаетъ!... (*Опять хнычетъ.*) Ахъ, батюшки мои, батюшки мои! что̀ съ нами будетъ? Чтожь это Михайло Иванычъ не возвращается? ужь не случилось ли что̀ съ нимъ? Не убили ли его? Ужь пришибутъ его, моего голубчика!

ШПУНЬДИКЪ.

Да помилуйте, хоть оно отсюда и близко, все-таки время нужно. Туда, да назадъ, ну и у него вѣдь онъ посидитъ.... надо жь объясниться.

ПРЯЖКИНА.

Да, да, батюшка, оно точно.... а только мнѣ сдается, охъ, не къ добру все это, охъ не къ добру! Изуродуетъ онъ его, Филиппъ Егорычъ, просто изуродуетъ.

ШПУНЬДИКЪ.

Э, полноте!

ПРЯЖКИНА.

Ну, вотъ увидите. Я никогда не ошибаюсь, батюшка вы мой.... я, повѣрьте, я ужь знаю... Вы не глядите на него, на Петра Ильича-то, что онъ такимъ смиреннымъ прикидывается.... Первый разбойникъ!

ШПУНЬДИКЪ.

Да нѣтъ....

ПРЯЖКИНА.

Да ужь повѣрьте же мнѣ. Просто изобьётъ его, въ кровь изобьётъ.

ШПУНЬДИКЪ.

Какая же вы, матушка, странная.... что̀ мы, въ разбойничьемъ вертепѣ, что̀ ли, живемъ? Здѣсь не велѣно драться никому. На то здѣсь власть. Что̀ вы? перекреститесь!

ПРЯЖКИНА.

Просто скажемъ ему: «Да ка̀къ ты меня безпокоить смѣешь? Да пропадайте вы совсѣмъ съ вашей Марьей Васильевной...

Да съ чего ты это, старый пёсъ, взялъ?» Да въ зубы его, въ зубы.

ШПУНЬДИКЪ.

Полноте! чтò вы? Кàкъ это можно, право?...

ПРЯЖКИНА.

Такъ-таки въ зубочки его и треснетъ; охъ, треснетъ онъ его, моего родимаго!

ШПУНЬДИКЪ.

Эхъ, Катерина Савишна!...

ПРЯЖКИНА (*начиная плакать*).

Треснетъ, Филиппъ Егорычъ, треснетъ.... Ванька Каинъ этакой....

ШПУНЬДИКЪ.

А я васъ еще за благоразумную женщину считалъ!

ПРЯЖКИНА (*рыдая*).

Охъ, треснетъ, голубчикъ вы мой!...

ШПУНЬДИКЪ (*съ досадой*).

Ну, положимъ, треснетъ.

ПРЯЖКИНА (*утирая слезы*).

И нѝшто ему и нѝшто ему.

ШПУНЬДИКЪ (*оглядываясь*).

Да вотъ и онъ самъ! (*Пряжкина оборачивается: изъ передней входитъ Мошкинъ въ шапкѣ и шубѣ. Онъ медленно идетъ до середины сцены, уронивъ руки и неподвижно уставивъ глаза на полъ. Стратилатъ идетъ за нимъ.*)

ПРЯЖКИНА И ШПУНЬДИКЪ (*вскакивая вмѣстѣ*).

Ну, чтò? Ну, чтò?

МОШКИНЪ (*не глядя на нихъ*).

Съѣхалъ!

ШПУНЬДИКЪ.

Съѣхалъ?

МОШКИНЪ.

Да, съѣхалъ, и не велѣлъ сказывать куда.... то-есть, мнѣ не велѣлъ сказывать; не даромъ шельма дворникъ смѣялся... Да я узнаю, завтра, сегодня же узнаю; въ департаментѣ узнаю. Онъ отъ меня не отдѣлается.... нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

ШПУНЬДИКЪ.

Да сними же шубу, Михайло Иванычъ....

МОШКИНЪ (*сбрасывая шапку на полъ*).

Возьмите, возьмите все, что̀ хотите. На что̀ мнѣ это все? (*Стратилатъ стаскиваетъ съ него шубу.*) Къ чему? Все едино! Тащите все, берите все. (*Садится на кресло и закрываетъ лицо руками. Стратилатъ поднимаетъ шапку съ пола и уходитъ съ шубой.*)

ШПУНЬДИКЪ.

Да разскажи намъ, по-крайней-мѣрѣ....

МОШКИНЪ (*вдругъ поднимая голову*).

Что̀ тутъ еще разсказывать? Пріѣхалъ, спрашиваю: дома?— Никакъ нѣтъ-съ; выѣхалъ. — Куда? — Неизвѣстно. — Ну, чтожь тутъ еще разсказывать? Дѣло ясно. Просто всему конецъ, вотъ и все. А давно ли, кажется, мы съ нимъ искали квартеру для.... Его, вишь, тѣсна была. Ну, а теперь, разумѣется, мнѣ остается только одно: взять, да удавиться, больше ничего.

ШПУНЬДИКЪ.

Что̀ ты, что̀ ты это, Миша? Господь съ тобой!

МОШКИНЪ.

А что̀? (*Вскакивая.*) Хотѣлъ бы я тебя видѣть на моемъ мѣстѣ! Чтожь мнѣ теперь дѣлать, Боже мой, что̀ мнѣ теперь дѣлать? Ка̀къ я Машѣ на глаза покажусь?

ПРЯЖКИНА.

То-то вотъ и есть, батюшка мой, Михайло Иванычъ, не хотѣли вы меня послушаться....

МОШКИНЪ.

Эхъ, Катерина Савишна! надоѣли вы мнѣ пуще горькой рѣдьки.... Не до васъ теперь, матушка... Что̀ Маша дѣлаетъ?

ПРЯЖКИНА (*съ глубокимъ чувствомъ оскорбленнаго достоинства*).

Почиваетъ-съ.

МОШКИНЪ.

Вы меня извините, пожалуйста.... Видите, въ какомъ я положеніи.... Притомъ же вы сами всегда были на сторонѣ этого... этого человѣка, Петра Ильича, то-есть.... (*Кладетъ*

руку на плечо Шпуньдику.) Да̀, братъ, Шпуньдикъ, получилъ я ударъ, получилъ, братъ... прямо въ сердце, братъ... да. (*Останавливается.*) Однако между прочимъ надобно жь на что-нибудь рѣшиться. (*Подумавъ.*) Поѣду въ департаментъ. Узнаю адресъ. Да, да.

ШПУНЬДИКЪ (*убѣдительнымъ голосомъ*).

Другъ мой, Михайло Иванычъ, позволь мнѣ тебѣ сказать слово, какъ говорится, отъ избытка устъ. Позволь, Миша. Иногда, знаешь, совѣтъ этакъ.... Позволь.

МОШКИНЪ.

Ну, говори, что̀ такое?

ШПУНЬДИКЪ.

Послушайся меня, Миша: не ѣзди. Не ѣзди, послушайся меня. Брось. Хуже будетъ. Отказался — ну, дѣлать нечего. Этого поправить нельзя, Миша, никакъ нельзя. Просто нѣтъ никакой возможности это поправить. Повѣрь мнѣ. Вотъ и почтенная Катерина Савишна тебѣ тоже самое скажетъ. Только напрасно осрамишься. Больше ничего.

МОШКИНЪ.

Тебѣ легко говорить!

ШПУНЬДИКЪ.

Нѣтъ, ты этого не говори. Я тоже чувствую, Миша, какъ оно.... того.... горько. Но благоразуміе — вотъ что̀. Надо тоже подумать: что̀ изъ этого выйдетъ? Вотъ на что̀ слѣдуетъ, какъ говорится, вниманіе обратить. Ибо кому отъ этого хуже будетъ? Тебѣ, во первыхъ, и Марьѣ Васильевнѣ тоже. (*Пряжкиной.*) Не правда ли? (*Пряжкина киваетъ головой.*) Ну, вотъ видишь. Право, брось. Будто, кромѣ его, жениховъ на свѣтѣ нѣтъ? А Марья Васильевна дѣвица благоразумная.

МОШКИНЪ.

Эхъ, ка̀къ это вы, право, толкуете-толкуете, а у меня голова кругомъ идетъ, словно кто меня черезъ лобъ по затылку дубиной съѣздилъ. Женихи найдутся.... да̀, ка̀къ бы не такъ! Вѣдь дѣло было гласное, свадьба на носу торчала; вѣдь тутъ честь запятнана, честь страдаетъ. Вы это поймите. Да и Маша захочетъ ли за другаго выйдти? Вамъ легко говорить.

А мнѣ-то каково? Вѣдь она моя воспитанница, сирота; вѣдь я Богу за нее отвѣчаю!

ШПУНЬДИКЪ.

Да вѣдь ужь дѣла поправить нельзя; вѣдь онъ отказался. Только себя, значитъ, мучить....

МОШКИНЪ.

А я его пугну.

ШПУНЬДИКЪ.

Эхъ, Михайло Иванычъ, не намъ съ тобой пугать людей. Право, брось. Просто выкинь изъ головы.

МОШКИНЪ.

Оно, ты думаешь, легко? Еслибъ ты вотъ, этакъ, тоже два года, каждый день..... Да что̀ тутъ толковать! Удавлюсь — и больше ничего.

ШПУНЬДИКЪ.

Ну, зачѣмъ это говорить, Миша? Какъ не стыдно? Въ твои лѣта....

МОШКИНЪ.

Въ мои лѣта?

ШПУНЬДИКЪ.

Полно, братъ, право полно. Это не хорошо. Полно. Опомнись. Плюнь.

ПРЯЖКИНА.

Плюньте, батюшка, Михайло Иванычъ!

ШПУНЬДИКЪ.

Право, плюнь. Послушайся стараго пріятеля. Эй, плюнь!

ПРЯЖКИНА.

Эй, плюньте, Михайло Иванычъ!

МОШКИНЪ (*начиная ходить по комнатѣ*).

Нѣтъ, это все не то. Это вы все не то толкуете. Мнѣ съ Машей нужно поговорить, вотъ что̀. Мнѣ нужно ей объяснить.... Пусть она рѣшитъ. (*Останавливаясь.*) Это вѣдь ея дѣло, наконецъ. Пойду скажу ей: я передъ вами, Марья Васильевна, виноватъ. Я, молъ, все это затѣялъ, необдуманно поступилъ на старости лѣтъ. Извольте меня наказать, ка̀къ знаете. А коли, молъ, сердцу вашему не терпится, я тот-

часъ же къ нему пойду, шиворотъ-на-выворотъ его къ вамъ притащу — вотъ и все. А вотъ, молъ, Марья Васильевна, извольте теперь сообразить.... (*Ходитъ по комнатѣ.*)

ШПУНЬДИКЪ.

Ну, это я, братъ, одобрить тоже не могу. Это, братъ, не дѣвичье дѣло. Не правда ли, Катерина Савишна?

ПРЯЖКИНА.

Правда, ангелочикъ вы мой, Филиппъ Егорычъ, правда.

ШПУНЬДИКЪ.

Ну, вотъ видишь. Это, братъ, ты все, не то, не такъ.... Ты послушай-ка лучше совѣтъ голоса благоразумія. Притомъ все еще можетъ поправиться. Ты вспомни-ка лучше вотъ эти стишки: «Мила Хлоя, коль ужасно друга сердца потерять. Но печаль твоя напрасна; вѣрь, не должно унывать».

МОШКИНЪ (*продолжая ходить по комнатѣ и разсуждать съ самимъ собою*).

Да, да. Точно, это хорошая мысль. Это хорошо. Что̀ она скажетъ, тому и быть. Да, да.

ШПУНЬДИКЪ.

Ибо.... (*Останавливается и значительно взглядываетъ на Пряжкину.*) — Ибо, повторяю тебѣ, это не дѣвичье дѣло. Да она и не пойметъ тебя — ка̀къ можно! Это Богъ-знаетъ что̀ ты такое выдумалъ! Она просто заплачетъ; возьметъ, да заплачетъ; что̀ ты тогда станешь дѣлать?

ПРЯЖКИНА (*хныкая*).

Охъ, Филиппъ Егорычъ, не говорите такія слова. Хоть меня-то пощади, Филиппъ Егорычъ. О-охъ! Хоть старуху-то пожалѣй, голубчикъ ты мой.

МОШКИНЪ (*не слушая ихъ*).

Да, да. Рѣшительно. Это такъ. (*Къ Шпуньдику и Пряжкиной.*) Ну, друзья мои, спасибо вамъ, что дождались меня... а теперь, знаете что̀? оставьте-ка меня одного, этакъ, на полчасика; погода, вишь, хорошая: по прешпехту, этакъ, знаете, прогуляйтесь немножко, друзья мои.

ШПУНЬДИКЪ.

Да зачѣмъ же....

МОШКИНЪ (*торопливо*).

Ну, да, да, прощайте, прощайте.... На полчасика, на полчасика.

ШПУНЬДИКЪ.

Да куда же ты насъ гонишь?

МОШКИНЪ.

Куда хотите.... (*Шпуньдику.*) Вотъ, хоть въ Милютины лавки ее свези: тамъ, братъ, вы такіе ананасы увидите, просто съ солдатскій кулакъ.... Кстати же и монументы тамъ стоятъ.... (*Слегка понукаетъ ихъ въ спину.*)

ШПУНЬДИКЪ.

Да я все это уже видѣлъ.

МОШКИНЪ.

Ну, еще разъ посмотри.... И вы тоже ступайте, Катерина Савишна, ступайте....

ПРЯЖКИНА.

А самоварчикъ-то, Михайло Иванычъ, самоварчикъ-то ... Вишь, кипитъ....

МОШКИНЪ.

Ну, ничего.... Не пропадетъ вашъ самоварчикъ.... Прощайте....

ШПУНЬДИКЪ.

Да, право же....

МОШКИНЪ.

Филиппъ, ради Бога.... Вотъ твоя шапка....

ШПУНЬДИКЪ.

Ну, какъ хочешь. Такъ черезъ полчаса....

МОШКИНЪ.

Да, да, черезъ полчаса. Вотъ ваша шляпка, Катерина Савишна.... Салопъ, чай, въ передней виситъ.... Прощайте, прощайте.... (*Выпроваживаетъ ихъ, быстро возвращается на авансцену и вдругъ останавливается.*) Ну, теперь наступаетъ рѣшительная минута. Ихъ я спровадилъ, теперь дѣйствовать надо... Чтожь я ей скажу? Я ей скажу, что вотъ-молъ какъ, вотъ какое дѣло; чтожь теперь намъ дѣлать, душа ты моя?.... Подготовлю ее, какъ слѣдуетъ, а потомъ.... ну, по-

томъ представлю письмо. А, впрочемъ, тутъ же присовокуплю, что, дескать, это все еще можно какъ-нибудь устроить, надежду терять еще не нужно.... (*Помолчавъ.*) Но вообще я буду остороженъ.... У, какъ остороженъ!... Тутъ политика нужна... Ну, чтожь? надо къ ней войдти. (*Подходитъ къ двери.*) Боюсь, ей-богу боюсь... Сердце такъ и замираетъ... Чай, на себя не похожъ. (*Быстро подходитъ къ зеркалу.*) Вона! вона лицо! вона ка̀къ! (*Взбиваетъ щеткой волосы.*) Хорошъ, братъ, хорошъ, нѐчего сказать. Красивъ!... Однако, мѣшкать нѐчего. Фу! (*Проводитъ рукой по лицу.*) Вотъ положеніе! На сраженьи, чай, не такъ жутко бываетъ.... Да ну же, чертъ возьми! (*Застегивается.*) Главная бѣда — начать. (*Подходитъ къ двери.*) Что̀, она спитъ? Не можетъ быть. Мы всѣ тутъ такъ шумѣли. Что̀, если она услышала?... Тѣмъ лучше. Конечно, тѣмъ лучше. Да ну же, трусъ, ступай. А вотъ постой, я воды выпью немножко. (*Возвращается къ столу, наливаетъ стаканъ и пьетъ. Изъ боковой двери выходитъ Маша.*) Ну, теперь съ Богомъ! (*Оборачивается и, при видѣ Маши, теряется совершенно.*) Ахъ.... это ты.... это.... это.... ка̀къ же это.... ты....

МАША (*съ недоумѣніемъ*).

Я. Что̀ съ вами?

МОШКИНЪ (*торопливо*).

Ничего, ничего. Я такъ.... Я не ожидалъ тебя.... Мнѣ сказали, что ты почиваешь.

МАША.

Да̀, я все время спала.... Вотъ теперь только встала.

МОШКИНЪ.

А ка̀къ ты себя чувствуешь?

МАША.

Недурно. Голова немножко болитъ

МОШКИНЪ,

И не удивительно послѣ этакой ночи. (*Маша садится.*) Такъ ты лучше себя чувствуешь?... Ну, слава Богу. Сегодня погода хорошая.... Можно будетъ потомъ немножко въ санкахъ прокатиться.... А? ка̀къ ты думаешь?

МАША.

Какъ хотите.

МОШКИНЪ.

Нѣтъ, ка̀къ ты хочешь... Развѣ я тебя когда принуждаю?... Что̀ тебѣ угодно, то̀ и будетъ исполнено.

МАША.

Вы такой добрый, Михайло Иванычъ.

МОШКИНЪ (*подсаживаясь къ ней*).

Вотъ еще что̀ выдумала!... Какой я.... то-есть, того, я точно... Ну, да все-равно. А, посмотри-ка на меня... (*Она взглядываетъ на него.*) Ахъ, Маша, Маша, ты опять плакала. (*Маша отворачивается.*) Я понимаю, Маша, я все понимаю, а все-таки, право.... Право, ты напрасно этакъ. Право, оно еще можетъ.... того.... все.... Конечно.... (*Онъ дѣлаетъ неопредѣленныя движенія руками*) Вотъ, ты увидишь, право.

МАША.

Да я, Михайло Иванычъ, я ничего....

МОШКИНЪ.

Какое ничего!... Ты.... нѣтъ. Ты.... не ничего. Ты вотъ плачешь. А отчего? Какая, то-есть, причина? Конечно, я не спорю, а все-таки... То-есть, разумѣется.... А, впрочемъ, мы увидимъ.... (*Утираетъ лицо платкомъ.*) Что̀ это дуракъ Стратилатка какъ здѣсь натопилъ!...

МАША

Вы напрасно безпокоитесь, Михайло Иванычъ, право, напрасно.

МОШКИНЪ.

Да кто тебѣ сказалъ....

МАША.

По крайней мѣрѣ обо мнѣ вамъ не́ изъ-чего тревожиться.... Повѣрьте (*съ горькой усмѣшкой*), я совершенно покорилась своей участи.

МОШКИНЪ.

То-есть, ка̀къ, однако же, покорилась?

МАША.

Да. Я ни на что̀ не надѣюсь, Михайло Иванычъ, и ничего

не желаю. Я не хочу больше себя обманывать. Я знаю: все кончено. Чтожь? тѣмъ лучше, можетъ-быть.

МОШКИНЪ.

Да нѣтъ.... почему же?...

МАША.

Посмотрите-ка на меня вы теперь въ свою очередь.

МОШКИНЪ.

А чтожь? развѣ?... (*Хочетъ взглянуть на нее и не можетъ.*)

МАША.

Ахъ, Михайло Иванычъ! Къ чему еще притворяться? Какая изъ этого польза?... Кого мы обманемъ?

МОШКИНЪ (*помолчавъ*).

Ну, да.... я согласенъ.... ну, да, конечно. Конечно, я никакъ не могъ ожидать такого поступка.

МАША (*вдругъ съ большимъ волненіемъ*).

Что̀ вы хотите сказать?

МОШКИНЪ (*конфузясь*).

Я.... я.... то-есть.... я....

МАША.

Вы были у него сегодня опять?

МОШКИНЪ.

Я.... да̀.... точно.... да̀, я былъ.

МАША (*быстро*).

Ну, и чтожь?

МОШКИНЪ.

Я его дома не засталъ.

МАША.

Такъ чтожь вы говорите.... чего вы не могли ожидать?

МОШКИНЪ.

Онъ, конечно... Впрочемъ, ты сама... Онъ... онъ мнѣ письмо написалъ.

МАША (*быстро*).

Письмо?

МОШКИНЪ (*съ принужденной улыбкой*).

Да̀, письмо.... Этакъ, ты знаешь.... Впрочемъ, оно.... то-есть, нельзя сказать, чтобъ.... вообще....

МАША.

Гдѣ оно?

МОШКИНЪ.

Оно.... у меня....

МАША.

Дайте мнѣ это письмо.... ради Бога, ради Бога, Михайло Иванычъ, дайте мнѣ это письмо.

МОШКИНЪ.

Право, я не знаю, Маша.... Мнѣ, по настоящему, не слѣдовало сказывать.... Я, этакъ, немножко, потерялся....

МАША.

Дайте, дайте, дайте!...

МОШКИНЪ (*ища у себя въ карманахъ*).

Я не знаю, право, куда я его дѣлъ... Право, Маша, ты напрасно, этакъ.... Ты теперь въ такомъ волненіи...

МАША.

Я совершенно спокойна.... но это письмо....

МОШКИНЪ (*съ отчаяніемъ*).

Да я же не могу.... Господи, Боже мой! Мнѣ нужно тебя приготовить. Я, то-есть, собирался.... А то ты, пожалуй, этакъ, вообразишь.... И какъ это я, право, вдругъ такъ, съ бухта-барахты....

МАША.

Вы меня терзаете....

МОШКИНЪ.

Обѣщай мнѣ, по крайней-мѣрѣ....

МАША.

Все, что хотите; только ради Бога.... вы видите.... Ради Бога....

МОШКИНЪ.

Маша, ты, пожалуйста, не подумай.... Это ничего. Это такъ, знаешь, написано, какъ говорится, съ горяча. Это все еще ничего. Это все очень легко поправить. Чрезвычайно легко. То-есть, просто ничего не стóитъ.

МАША.

Дайте же, ради Бога, дайте....

МОШКИНЪ (*медленно вынимая письмо изъ боковаго кармана*).

Только, пожалуйста.... (*Маша вырываетъ у него письмо и съ жадностью начинаетъ читать. Мошкинъ встаетъ, отходитъ немного въ сторону и отворачивается. Маша кончаетъ письмо, остается на мгновеніе неподвижной, и вдругъ съ глухими рыданіями закрываетъ лицо руками. Мошкинъ подбѣгаетъ къ ней.*) Маша, Маша, ради Бога. Я тебѣ говорилъ, это ничего. Маша, Маша! ради самого Господа! Маша! (*Къ самому себѣ.*) Эхъ, старая скотина, дуракъ безмозглый! а еще объ осторожности толковалъ, о политикѣ.... Ну, гдѣ тебѣ, необразованному олуху, до политики! Взялъ, да и сунулъ письмо сейчасъ. (*Снова обращаясь къ Машѣ.*) Душа ты моя, успокойся, пожалуйста. Не плачь. Я за все ручаюсь. Я все улажу. Маша, ты меня убиваешь, я не могу видѣть тебя въ такомъ положеніи. (*Она протягиваетъ ему руку.*) Не плачь, пожалуйста.

МАША (*сквозь слезы*).

Извините меня, Михайло Иванычъ. Это сейчасъ пройдетъ. Это только въ первую минуту. (*Утираетъ глаза платкомъ.*)

МОШКИНЪ (*опять подсаживается къ ней и отбираетъ у ней письмо*).

Это ничего, Маша, это все ничего.

МАША.

Еслибъ я этого не ожидала, а то, вы сами знаете, я на все была готова. Конечно, это письмо, вдругъ, послѣ всѣхъ обѣщаній.... но я и прежде же обманывалась.... Желаю ему всякаго счастія.... (*Опять плачетъ.*)

МОШКИНЪ.

Я съ нимъ поговорю, Маша....

МАША.

Ни за что̀ въ свѣтѣ, Михайло Иванычъ! Онъ отказывается отъ меня—ну, и Богъ съ нимъ. Я не хочу ему навязываться, Михайло Иванычъ, я васъ прошу, слышите, ни слова обо мнѣ Петру Ильичу. Я сирота.... у меня нѣтъ никакой опоры... онъ обидѣлъ меня... Чтожь? я ему прощаю; но не хочу ему навязываться. Слышите, Михайло Иванычъ, ни слова, ни одного слова, если вы меня любите....

МОШКИНЪ.

У тебя нѣтъ никакой опоры, Маша; а я-то что? Развѣ я не люблю тебя пуще родной дочери? Вѣдь что меня убиваетъ? Меня убиваетъ, такъ-сказать, та мысль, что въ сущности-то я, я одинъ всему причиной, я все дѣло затѣялъ. Онъ меня зарѣзалъ, спора нѣтъ, онъ меня просто надулъ, да чтожь? намъ отъ этого все такъ и бросить, поклониться ему, да и прочь отойдти? Нѣтъ, это невозможно, воля твоя. Притомъ, можетъ-быть, онъ самъ еще опомнится. Привелъ же я тебѣ его тогда.

МАША.

И совершенно напрасно. Какая вышла польза? Вы сами видите.

МОШКИНЪ.

Да помилуй, однако, Маша, чтожь мнѣ было другаго дѣлать? Посуди. Стань тоже на мое мѣсто. Давно ли, кажется, все такъ прекрасно шло?... Вѣдь еслибъ ты сама не захотѣла отсрочки — вѣдь объ эту пору ты бы уже была замужемъ! Какъ же ты хочешь, чтобъ я этакъ, разомъ, отъ всего отказался? Да это просто сонъ, какое-то наважденіе, туманъ какой-то! Вотъ, посмотри, мы вдругъ съ тобой проснемся; глядь, анъ все по старому. Какъ это отъ тебя отказаться, помилуй; скажи сама? Чѣмъ, ну, скажи, чѣмъ ты не берешь?

МАША *(уныло)*.

Вы слишкомъ добры, Михайло Иванычъ; вы меня любите, такъ вамъ все во мнѣ и нравится. А онъ.... Нѣтъ, ему не то нужно. Сначала я его, точно, забавляла, а потомъ.... Я уже давно все это замѣчала, Михайло Иванычъ; но я вамъ этого не сказывала, потому-что боялась васъ огорчить. Видите вы, какіе у него пріятели.... Гдѣ намъ съ вами!... Для него мы слишкомъ просты, Михайло Иванычъ. Для него мы низки. Онъ нами гнушается, просто....

МОШКИНЪ.

Гнушается! А деньги у меня онъ не гнушался брать? Вишь, у него нѣмецъ пріятель, такъ вотъ онъ и зазнался! Нѣтъ, братъ, не на того наскочилъ....

МАША.

Къ чему все это, Михайло Иванычъ? къ чему? Прошедшаго намъ съ вами не воротить....

МОШКИНЪ.

Да вѣдь, Маша, помилуй, вспомни, что̀ скажутъ, Маша, что̀ скажутъ. ..

МАША.

Что̀ же дѣлать, Михайло Иванычъ?

МОШКИНЪ.

Что̀ дѣлать? Объ этомъ-то вотъ я и думаю.

МАША (*помолчавъ немного*).

А только, конечно.... мнѣ у васъ больше жить нельзя.

МОШКИНЪ.

Что̀-о?...

МАША.

Я должна съѣхать отъ васъ, Михайло Иванычъ.

МОШКИНЪ.

Это зачѣмъ? Это что̀ такое? Ужь не тётка ли твоя тебѣ это натолковала?

МАША.

Тётенька мнѣ точно объ этомъ говорила; впрочемъ, я и безъ того.... Повѣрьте, Михайло Иванычъ, сердце у меня обливается кровью при одной мысли разстаться съ вами....

МОШКИНЪ.

Да ты лучше за́-разъ прикажи мнѣ изъ окошка выпрыгнуть! Помилуй, Маша, что̀ ты, въ своемъ ли ты умѣ? Да и куда ты пойдешь, помилуй, скажи!... Ахъ, она старая чертовка! Да она меня, я вижу, просто убить собирается, За чтожь это ты, Маша, ты-то за что̀ меня погубить хочешь? Помилуй, помилуй!... Что̀ ты это?

МАША.

Михайло Иванычъ, выслушайте меня хладнокровно, и вы согласитесь со мной.

МОШКИНЪ.

Ни за что, матушка, не соглашусь, ни за что̀!

МАША.

Послушайте. Вы меня къ себѣ взяли послѣ матушки, послѣ покойницы; вы одни заботились обо мнѣ; вотъ, наконецъ, съ Петромъ Ильичемъ вы меня познакомили; потомъ вотъ все это случилось: онъ посватался, а теперь отказался.... Какое жь мое положеніе, Михайло Иванычъ? Чтожь вы хотите, чтобъ обо мнѣ подумали?...

МОШКИНЪ.

Какъ что̀ подумали?

МАША (*поспѣшно*).

Вѣдь я все-таки вамъ чужая, Михайло Иванычъ. Всѣ скажутъ: онъ отказался, ну, чтожь такое? Она вѣдь воспитанница, пріемышъ; даромъ хлѣбъ ѣстъ. Ее взяли, а теперь вотъ бросили — чтожь изъ этого? Вотъ велика важность! И за то уже спасибо, что позанялись ей. Подѣломъ ей! Кто за нее отвѣчаетъ? Жила бы у своихъ родственниковъ — съ ней бы этого не случилось. Даровой хлѣбъ, знать, вкусенъ. А работать ей, видно, не хочется?... Вы поймите, Михайло Иванычъ, мое положеніе. Я васъ люблю больше чѣмъ кого-нибудь на свѣтѣ; но что̀ же дѣлать? До сихъ поръ я еще могла жить у васъ, а теперь.... Мнѣ теперь невозможно остаться; право, невозможно. За что̀ же я буду презрѣніе сносить, посудите сами? А я еще съумѣю кусокъ хлѣба себѣ заработать....

МОШКИНЪ.

Я ничего не понимаю, рѣшительно ничего не понимаю, что̀ ты мнѣ такое говоришь? — Какой кусокъ хлѣба? и какое презрѣніе? и кто посмѣетъ? — Христосъ съ тобой, Маша!... Кто за тебя отвѣчаетъ? — Я за тебя отвѣчаю! Я никому не позволю надъ собой насмѣяться. Я это всему свѣту докажу, молокососу этому докажу...

МАША.

Полноте! что̀ вы это?

МОШКИНЪ.

Да вотъ посмотришь. Ты меня еще не знаешь. «Ты у меня живешь» — да, Маша; перекрестись: вѣдь я старикъ, вѣдь я

степенный человѣкъ, вѣдь всѣ знаютъ, что ты мнѣ дочь.... Помилуй, помилуй! Я тебя, ей-богу, не понимаю.

МАША.

Нѣтъ, Михайло Иванычъ, вы меня понимаете....

МОШКИНЪ.

Да полно же, Маша! неужели ты это не шутя, говоришь?

МАША (*вставая*).

Мнѣ теперь не до шутокъ, Михайло Иванычъ.

МОШКИНЪ.

И ты можешь меня оставить?

МАША.

Я должна.

МОШКИНЪ.

Да куда же ты пойдешь?

МАША.

Куда-нибудь. Сперва я къ тёткѣ переѣду, а тамъ посмотрю: можетъ-быть, мѣсто гдѣ-нибудь найду.

МОШКИНЪ (*складывая руки*).

Я съ-ума сойду, ей-богу съ-ума сойду. Ты къ тёткѣ переѣдешь?... Да ты спроси прежде гдѣ тётка-то сама живетъ? У повивальной бабки въ чуланѣ за перегородкой, вмѣстѣ съ банными вѣниками, сушеными грибами, да старыми юбками!

МАША (*нѣсколько обиженная*).

Я не боюсь бѣдности.

МОШКИНЪ (*вскакивая*).

Да нѣтъ! это вздоръ! это вздоръ! Я не въ состояніи буду это вынести. Какъ? И онъ, и ты — и все, все разомъ.... Докажи же мнѣ хоть ты, по крайней мѣрѣ, что у тебя сердце доброе, не то, что у него. Неужели вы всѣ, молодые люди, нынче такіе? Ты посуди: вѣдь я только для тебя и живу.... Вѣдь твое отсутствіе меня убьетъ.... Маша, сжалься надъ бѣднымъ старикомъ.... Что̀ я тебѣ такое сдѣлалъ?...

МАША.

Михайло Иванычъ, да войдите же и вы въ мое положеніе... Я не могу, ей-богу не могу у васъ остаться....

МОШКИНЪ.

Тьфу вы женщины! — Сущее Божеское наказаніе! — Что̀ разъ вошло имъ въ голову — ну, хоть тресни!... Нѣтъ, Маша, я не могу позволить тебѣ уйдти отсюда.... Здѣсь твое гнѣздо, твой кровъ; здѣсь все твое и все для тебя — я не могу съ тобой разстаться.... но я.... Ну, да; я готовъ, пожалуй, согласиться что ты права; да, тебя должны всѣ уважать, а я съ своей стороны долженъ тебя защищать, какъ-бы родную дочь защитилъ; это мое дѣло, потому что ты у меня живешь, потому что я за тебя отвѣчаю передъ Богомъ и передъ людьми; а въ слѣдствіе этого я тебѣ вотъ что̀ скажу: ты теперь будь спокойна — а я вотъ что̀ намѣренъ сдѣлать; либо я все устрою по прежнему, либо я его на дуэль вызову....

МАША (*съ испугомъ*).

На дуэль?

МОШКИНЪ.

Да, на дуэль. На шпадронахъ, на пистолетахъ — мнѣ все равно.

МАША (*задыхающимся голосомъ*).

Послушайте, Михайло Иванычъ! Я вамъ говорю: если вы сейчасъ не откажетесь отъ своего намѣренія, я ей-богу, въ вашихъ же глазахъ... ну, я не знаю.... я себя жизни лишу.

МОШКИНЪ (*почти крича*).

Такъ чтожь мнѣ дѣлать, Боже мой, чтожь мнѣ дѣлать? — У меня умъ теряется.... (*Вдругъ останавливается.*) Послушай, Маша.... Да нѣтъ! я совсѣмъ съ панталыка сбился.... ну, да все равно. Слушай. Ты хочешь чтобъ тебя уважали, не правда ли? Ты хочешь чтобъ никто не смѣлъ даже подумать что-нибудь нехорошее на твой счетъ; тебѣ твое теперешнее положеніе въ тягость — а? не правда ли?.... Ну, такъ слушай же — только, ради Бога, не считай меня за безумнаго.... Вотъ видишь ли.... я.... ты останешься здѣсь.... и никто.... понимаешь?... ужь совершенно никто не будетъ смѣть — ну, словомъ сказать, хочешь ты за меня зàмужъ выйдти?

МАША (*съ невыразимымъ удивленіемъ*).

Михайло Иванычъ....

МОШКИНЪ (*необыкновенно быстро*).

Не перерывай меня... я самъ не знаю, какъ эта мысль мнѣ въ голову пришла, но я долженъ ее высказать. Средство, я согласенъ, отчаянное, да и положеніе-то наше каково?... Еслибъ я надѣялся на возвращеніе Петруши.... (*Маша дѣлаетъ движеніе рукой.*) Ну, вотъ видишь, видишь.... Позволь же мнѣ, по крайней мѣрѣ, объясниться, а то ты меня точно въ правѣ за сумасшедшаго счесть или даже.... Нѣтъ! ты не можешь подумать, что я въ состояніи тебя оскорбить....

МАША.

Нѣтъ.... но....

МОШКИНЪ.

Ты сама виновата.... Вольно жь тебѣ было пугнуть меня своимъ отъѣздомъ... Да и все, что̀ ты мнѣ натолковала о презрѣніи тамъ, о кускѣ хлѣба и прочее — все это мнѣ голову вскружило. Вѣдь изъ чего я бьюсь, Маша? Чего мнѣ хочется? Мнѣ хочется, чтобъ тебя всѣ уважали какъ королеву; мнѣ хочется доказать всѣмъ, всѣмъ, что руку твою получить — да это верхъ степени благополучія!... Одинъ дуракъ, мальчишка, отказался — отъ своего счастья отказался; а вотъ я, человѣкъ степенный, безукоризненный, какъ говорится, чиновникъ, и передъ тобой на колѣнкахъ: дескать, Марья Васильевна удостойте. Вотъ что̀ мнѣ хочется всему міру доказать — ему тоже, Петру Ильичу то-есть. Вотъ что̀ пойми.... Ради Бога, не вздумай ты....

МАША.

Михайло Иванычъ....

МОШКИНЪ.

Постой, постой, я знаю, я все знаю, что̀ ты мнѣ хочешь возразить; но пойми меня. Какой я тебѣ мужъ — помилуй! объ этомъ нѣчего и говорить.... Но я чувствую, точно, тебѣ нельзя жить у меня этакъ, по прежнему, а оставить меня ты не можешь. Я предлагаю тебѣ покой, тишину, уваженіе, пріютъ — вотъ что̀ я тебѣ предлагаю. Я человѣкъ честный, ты знаешь, Маша, ни чѣмъ не замаранный; я буду тебя лелѣять такъ же точно, какъ до сихъ поръ лелѣялъ. Отцомъ я тебѣ

буду — вотъ что̀. А! тебя хотѣли бросить, обидѣть: ты вотъ сирота безпомощная, пріемышь; ты у чужихъ людей изъ милости на хлѣбахъ живешь — такъ нѣтъ же! Вотъ ты хозяйка, ты госпожа, ты барыня... а я... ширмы, понимаешь, ширмы, и больше ничего. Ну, что̀ ты на это скажешь?

МАША.

Я такъ удивлена, Михайло Иванычъ... и такъ тронута.... Ка̀къ вы хотите, чтобъ я теперь вамъ отвѣчала....

МОШКИНЪ.

Да кто̀ жь тебя принуждаетъ, помилуй! Ты обсуди это дѣло на досугѣ. Вѣдь я это придумалъ для твоего спокойствія.... Это твое дѣло. Ты только скажи мнѣ сегодня, что ты остаешься у меня. Вотъ я и буду счастливъ. Больше мнѣ ничего не надо.

МАША.

Но остаться у васъ я вѣдь не могу, если.... Я только тогда останусь... Я не могу вамъ отвѣтить теперь.

МОШКИНЪ.

Ну, какъ хочешь, какъ хочешь.... Подумай....

МАША.

Но, Михайло Иванычъ, еслибъ даже... имѣю ли я право располагать вами.... за что̀ же вы....

МОШКИНЪ.

Вотъ тебѣ на! А на чтожь я, по твоему, нуженъ на семъ свѣтѣ? Скажи-ка, а? На что̀? Вотъ что̀ выдумала! Да старому дураку, какъ я, такого счастья и сниться-то не слѣдуетъ! Господи, Боже мой! Вотъ еще что̀! Ты мнѣ только одно теперь скажи, что ты остаешься.... а отвѣтъ ты мнѣ дашь потомъ, когда вздумается и какой вздумается...

МАША (*помолчавъ*).

Я въ вашей власти.

МОШКИНЪ (*съ сердцемъ*).

Если ты мнѣ еще разъ это скажешь, я, какъ передъ Богомъ говорю, я сейчасъ пойду въ кухню и стану сапоги Маланьѣ чистить — слышишь! Ты въ моей власти? Ахъ, Господи Боже мой!

МАША (*глядитъ на него нѣкоторое время; тронутымъ голосомъ*).

Я остаюсь, Михайло Иванычъ.

МОШКИНЪ.

Остаешься! Душа ты моя! (*Хочетъ ее обнять.*) Нѣтъ, не смѣю, не смѣю, не смѣю....

МАША (*обнимая его*).

Добрый, добрый мой Михайло Иванычъ.... Дà, вы меня любите, вы мнѣ преданы.. . дà, дà, это такъ. Вы не обманете меня, вы не измѣните. Я на васъ могу положиться. Только позвольте мнѣ уйдти теперь къ себѣ.... У меня голова кругомъ идетъ. Я къ себѣ пойду.

МОШКИНЪ.

Сдѣлай одолженье, Маша.... Помилуй, кàкъ тебѣ угодно. Надъ тобой здѣсь нàбольшаго нѣтъ. Отдохни. Это главное. А остальное уладится какъ-нибудь. (*Провожая ее до двери.*) Такъ ты остаешься?

МАША.

Остаюсь.

МОШКИНЪ.

Ну, и слава Богу, слàва Богу! Лишь бы ты была покойна и счастлива. А о прочемъ не безпокойся, ради Бога.... Говорятъ, въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ спросить у возлюбленной, то-есть, особы: могу ли я, дескать, надѣяться? Но ты не бойся, я ничего у тебя не спрошу....

МАША (*помолчавъ немного*).

Напрасно. Вы можете надѣяться. (*Подумавъ.*) Вы можете надѣяться. (*Быстро уходитъ.*)

МОШКИНЪ (*одинъ*).

Чтò это она сказала? Вы можете надѣяться? (*Прыгаетъ.*) Стой, старый дуракъ! Чтò это ты разскакался? Развѣ ты не понимаешь?... Но, Господи, Боже мой! Кто бы могъ это все предвидѣть? Это, просто, такія чудеса, какихъ на свѣтѣ никогдà не бывало! Тотъ отказывается, Маша остается, я вотъ, по всей вѣроятности, женюсь... Я женюсь? Въ мои годà, и на комъ же? На совершенствѣ на какомъ-то, на ангелѣ... Да это сонъ, это бредъ; просто, я въ чаду хожу.... въ горячкѣ; я въ

горячкѣ. А? Петръ Ильичъ? Вы думали насъ подкузьмить? Анъ, нѣтъ же, вотъ! Шишъ тебѣ, мой голубчикъ!. (*Оглядываясь и тихонько про себя.*) То-то у меня и прежде сердце замирало, когда я ее сваталъ.... (*Махая рукой.*) Молчи, молчи, старый, молчи! А только я задыхаюсь, ей-богу задыхаюсь.... Пойду по улицѣ немножко пробѣгаюсь.... (*Схватываетъ шапку и въ дверяхъ сталкивается съ Шпуньдикомъ и Пряжкиной.*)

ШПУНЬДИКЪ (*съ недоумѣніемъ*).

Куда это ты?

МОШКИНЪ.

На воздухъ, Филиппъ, на воздухъ — немножко такъ пробѣгаться. Я сейчасъ вернусь....

ШПУНЬДИКЪ.

Да чтò съ тобой? Не случилось ли чего? Чтò Марья Васильевна?

МОШКИНЪ.

Ничего, ничего.... Вы ее не безпокойте.... Она у себя въ комнатѣ.... Все хорошо. (*Шпуньдику.*) Филиппъ, душа моя! дай себя обнять.... Я сейчасъ.... а вы не входите къ ней.... Все хорошо, все прекрасно.... (*Убѣгаетъ.*)

ШПУНЬДИКЪ (*обращается въ величайшемъ недоумѣніи къ Пряжкиной*).

Чтò это значитъ? Чтò это съ нимъ такое случилось?

ПРЯЖКИНА (*задыхающимся голосомъ и ловя рукой ручку креселъ, словно падая въ обморокъ*).

Ахъ... ударъ... ударъ... голубчикъ мой, помоги... ударъ...

ШПУНЬДИКЪ (*поддерживая ее съ испугомъ*).

Чтò такое? чтò такое? Съ вами ударъ? (*Кричитъ.*) Стратилатъ, Стратилатъ, за докторомъ, скорѣй!

ПРЯЖКИНА (*замирая*).

Ахъ, батюшки ... ахъ....

ШПУНЬДИКЪ (*съ отчаяніемъ*).

Стратилатъ! Да гдѣ жь онъ? Стратилатка!

СТРАТИЛАТЪ (*вбѣгая изъ передней*).

Чего изволъте?

ШПУНЬДИКЪ.

За докторомъ, скорѣй.... Катеринѣ Савишнѣ дурно.... Ударъ.... вотъ....

ПРЯЖКИНА (*выпрямляясь и съ достоинствомъ отталкивая Шпуньдика*).

Перекрестись, отецъ мой. Чтò ты это? съ ума спятилъ, что ли? Какой ударъ?

ШПУНЬДИКЪ (*съ изумленіемъ*).

Да вѣдь вы сами....

ПРЯЖКИНА (*хныкая*).

Не со мной ударъ, а съ нимъ, съ моимъ голубчикомъ, съ Михайломъ Иванычемъ — вотъ съ кѣмъ ударъ.

ШПУНЬДИКЪ (*съ досадой*).

Тьфу ты, мать моя, кàкъ вы меня перепугали!... (*Стратилату.*) Ступай. (*Стратилатъ выходитъ. Пряжкиной.*) Какъ вамъ не стыдно, право....

ПРЯЖКИНА.

Да кàкъ же, батюшка мой, али ты слѣпъ? аль не видалъ? Вѣдь у него и личико-то все перекосилось и губки тоже. Ударъ, батюшка, ударъ. Повѣрь мнѣ. Вотъ на дняхъ лекаря нашего также этакъ хватило — пьяница, правда, былъ отъявленный, даже отёкъ весь... Ну, совершенно вотъ одно лицо! Ахъ, я горемычная, на кого я теперь осталась!

ШПУНЬДИКЪ.

Ну, опять пошла! Эхъ... (*Мошкинъ вбѣгаетъ изъ передней.*) Ну, посмотри на милость сама, больной онъ, чтò ли? Эхъ, ты, баба!... (*Мошкину.*) Вообрази, Миша: Катерина Савишна увѣряетъ, что съ тобой ударъ приключился.

МОШКИНЪ.

Чтожь? Въ нѣкоторомъ смыслѣ оно справедливо. Я знаю, я знаю, васъ должно удивить, что я этакъ.... Но вотъ постой, это все объяснится... со временемъ.

ШПУНЬДИКЪ.

Да чтò съ тобой, братъ, скажи пожалуйста... Ты внѣ себя.

МОШКИНЪ.

Можетъ-быть. Еще бы!... (*Отводя Шпуньдика всторону.*) Филиппъ, знаешь, свадьба-тò, можетъ, еще будетъ.

ШПУНЬДИКЪ.

Ой-ли? Уладилось дѣло?

МОШКИНЪ.

Уладилось, да не съ тѣмъ.

ШПУНЬДИКЪ.

Какъ не съ тѣмъ? съ кѣмъ же?

МОШКИНЪ.

А вотъ узнаешь, Богъ дастъ.... Ну, обними же меня...

ШПУНЬДИКЪ.

Изволь.... только я, право.... (*Обнимаются.*)

МОШКИНЪ (*тихонько*).

И поздравь меня.

ШПУНЬДИКЪ (*съ недоумѣніемъ*).

Э-э?

МОШКИНЪ.

А вѣдь ты, знать, предчувствовалъ, Филиппъ....

ШПУНЬДИКЪ.

Предчувствовалъ? Чтò я предчувствовалъ?

МОШКИНЪ (*не отвѣчая ему, Пряжкиной*).

И вы меня обнимите.... (*Обнимаетъ ее*) да не горюйте, полноте.... Мы будемъ всѣ счастливы... Посмотрите, какъ мы заживемъ.... Филиппъ, когда ты ѣдешь въ деревню?

ШПУНЬДИКЪ.

Да недѣли этакъ черезъ три.... А чтò?

МОШКИНЪ.

Ну, до того времени, мы еще, можетъ-быть.... Или нѣтъ! нѣтъ! какъ бы не сглазить....

ПРЯЖКИНА.

Да чтò такое, отецъ мой?

МОШКИНЪ.

Не разспрашивайте меня, друзья мои, а лучше обнимите-ка меня опять... (*Обнимаетъ ихъ обоихъ.*) Вотъ такъ. А Маша будетъ счастлива.... Въ этомъ я клянусь передъ Богомъ! Слышите — вы свидѣтели. Она будетъ счастлива! Она будетъ счастлива!

ЗАВТРАКЪ У ПРЕДВОДИТЕЛЯ.

(1849.)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ БАЛАГАЛАЕВЪ, предводитель, 45 л.
ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ ПЕХТЕРЬЕВЪ, бывшій предводитель, 60 л.
ЕВГЕНІЙ ТИХОНОВИЧЪ СУСЛОВЪ, судья.
АНТОНЪ СЕМЕНОВИЧЪ АЛУПКИНЪ, сосѣдъ-помѣщикъ.
МИРВОЛИНЪ, бѣдный сосѣдъ-помѣщикъ.
ѲЕРАПОНТЪ ИЛЬИЧЪ ВЕЗПАНДИНЪ, помѣщикъ.
АННА ИЛЬИНИШНА КАУРОВА, сестра его, вдова, 45 л.
ПОРѲИРІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ НАГЛАНОВИЧЪ, становой.
ВЕЛЬВИЦКІЙ, письмоводитель предводителя.
ГЕРАСИМЪ, камердинеръ Балагалаева.
КАРПЪ, кучеръ Кауровой.

Дѣйствіе происходитъ въ имѣніи Балагалаева.

Театръ представляетъ столовую. Въ срединѣ выходъ, направо кабинетъ, окна позади, въ сторонѣ накрытый столъ съ закуской. Герасимъ хлопочетъ около стола. Услышавъ стукъ экипажа, онъ подходитъ къ окну.

ЯВЛЕНІЕ I.

ГЕРАСИМЪ и МИРВОЛИНЪ.

МИРВОЛИНЪ.

Здравствуй, Герасимъ! какъ поживаешь?... А что̀, онъ еще не выходилъ?

ГЕРАСИМЪ (*накрывая на столъ*).

Здравствуйте. Гдѣ это вы достали лошадь?

МИРВОЛИНЪ.

А что̀, вѣдь недурна лошаденка? Мнѣ за нее вчера двѣсти рублей предлагали.

ГЕРАСИМЪ

Кто предлагалъ?

МИРВОЛИНЪ

А купецъ изъ Карачева предлагалъ.

ГЕРАСИМЪ.

Чтожь вы не отдали?

МИРВОЛИНЪ.

Зачѣмъ отдать? самому нужна. Ахъ, братецъ, дай-ка рюмочку: смерть что-то въ горлѣ, знаешь, того; да и жара притомъ... (*Пьетъ и закусываетъ.*) Это ты къ завтраку накрываешь?

ГЕРАСИМЪ.

А то къ обѣду, чтоль?

МИРВОЛИНЪ.

Сколько приборовъ! Развѣ кого ждутъ?

ГЕРАСИМЪ.

Видно, ждутъ.

МИРВОЛИНЪ.

Не знаешь, кого?

ГЕРАСИМЪ.

Незнаю. Говорятъ, будто сегодня Безпандина съ сестрой мирить хотятъ: такъ вотъ развѣ по этому случаю.

МИРВОЛИНЪ.

Э-э! неужели? Чтожь, и хорошо. Надо жь имъ покончить— подѣлиться. Вѣдь это наконецъ срамъ. А правда ли, говорятъ, Николай Иванычъ у Безпандина хотятъ рощу купить?

ГЕРАСИМЪ.

А Господь ихъ знаетъ!

МИРВОЛИНЪ (*въ сторону*).

Вотъ бы кстати лѣску-то попросить.

БАЛАГАЛАЕВЪ (*за кулисами*).

Филька! Вельвицкаго мнѣ позвать.

МИРВОЛИНЪ.

Знать, изъ кабинета въ гостиную дверь растворена... Ну-ка другую рюмочку, Гарася...

ГЕРАСИМЪ.

А чтò? вѣрно, горло все...

МИРВОЛИНЪ.

Да, братъ, что-то саднитъ. (*Пьетъ и закусываетъ. Герасимъ выходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ, БАЛАГАЛАЕВЪ и ВЕЛЬВИЦКІЙ.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Такъ, такъ, такъ-такъ-то, ты ужь такъ и распорядись, — слышишь? (*Мирволину.*) А, ты, здравствуй!

МИРВОЛИНЪ.

Нижайшее мое почтеніе, Николай Иванычъ!

БАЛАГАЛАЛАЕВЪ. (*Вельвицкому*).

Какъ я тебѣ сказалъ, ты понимаешь. Вѣдь ты понялъ?

ВЕЛЬВИЦКІЙ.

Какъ же-съ, какъ же-съ.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Ну да, этакъ будетъ хорошо. Ну, теперь ступай... Я тебѣ дамъ знать, я велю тебя позвать. Можешь идти.

ВЕЛЬВИЦКІЙ.

Слушаю-съ. Такъ, стало быть-съ, бумаги по дѣлу вдовы Кауровой приготовить-съ?...

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Ну, конечно, конечно... Я удивляюсь! Ты долженъ былъ понять наконецъ, братецъ.

ВЕЛЬВИЦКІЙ.

Да вы, ничего не изволили мнѣ...

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Мало чего! Не все же мнѣ тебѣ сказывать, наконецъ!

ВЕЛЬВИЦКІЙ.

Слушаю-съ. (*Уходитъ.*)

БАЛАГАЛАЕВЪ.

А не слишкомъ понятливъ этотъ молодой человѣкъ. (*Къ Мирволину.*) Ну, какъ ты? (*Садится.*)

МИРВОЛИНЪ.

Слава Богу-съ, Николай Иванычъ, слава Богу-съ. Какъ вы въ своемъ здоровьѣ?

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Я ничего. Въ городѣ былъ?

МИРВОЛИНЪ.

Какъ же-съ, былъ. Новаго, впрочемъ, ничего-съ. Купца Селедкина, третьяго-дня, параличъ хватилъ; да ему не въ диво. Стряпчій, говорятъ, вчера свою супругу опять того-съ...

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Въ самомъ дѣлѣ? Экой неугомонный!

МИРВОЛИНЪ.

Журавлева доктора видѣлъ-съ; вамъ кланяться приказалъ. Петра Петровича въ новой коляскѣ встрѣтилъ. Знать куда въ гости собрались: съ лакеемъ, и на лакеѣ шляпа новая.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Онъ сегодня у меня будетъ. А что̀, у него коляска хороша?

МИРВОЛИНЪ.

Какъ вамъ сказать-съ? Нѣтъ, по настоящему, нехороша: фигурой, точно, беретъ, а въ сущности, — нѣтъ, я не знаю, она мнѣ не нравится. Какъ можно сравнить съ вашей коляской!

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Ты думаешь? Она на лежачихъ?

МИРВОЛИНЪ.

На лежачихъ-то она на лежачихъ; да что въ томъ толку? помилуйте-съ! больше для важности. А это онѣ любятъ поважничать-то. Онѣ, говорятъ, опять намѣрены балотироваться.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Въ предводители?

МИРВОЛИНЪ.

Точно такъ-съ. Чтожь, пожалуй! Опять на вороныхъ изволятъ прокатиться.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Ты думаешь? Впрочемъ, Петръ Петровичъ, я долженъ сказать, весьма почтенный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ и совершенно заслуживаетъ... Конечно, съ другой стороны, лестное вниманіе дворянства... Выпей-ка водки.

МИРВОЛИНЪ.

Покорнѣйше благодарю-съ.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

А что̀? развѣ ужь пилъ?

МИРВОЛИНЪ.

Никакъ нѣтъ-съ! не то чтобы пилъ, а такъ что-то грудь... (*Кашляетъ.*)

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Э, вздоръ! выпей.

МИРВОЛИНЪ (*пьетъ*).

За ваше здоровье. А вѣдь, знаете ли, что̀, Николай Иванычъ, вѣдь Петра Петровича настоящая фамилія не Пехтерьевъ, а Пехтерёвъ,—Пехтерёвъ, а не Пехтерьевъ.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Почему ты это думаешь?

МИРВОЛИНЪ.

Какъ же намъ этого не знать! помилуйте! Мы и батюшку ихъ знавали и дядьевъ-то всѣхъ. Всѣ Пехтерёвыми прозывались, искони Пехтерёвы, а не Пехтерьевы. Пехтерьевъ—этакой и фамиліи у насъ никогда не бывало... что̀ за Пехтерьевъ?

БАЛАГАЛАЕВЪ.

А!... Впрочемъ, не все ли равно? было бы сердце доброе.

МИРВОЛИНЪ.

Совершенную истину изволили сказать-съ: было бы сердце доброе. (*Глянувъ въ окно*) Кто-то пріѣхалъ-съ.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

А я еще въ шлафрокѣ. Это я съ тобой заболтался. (*Встаетъ.*)

АЛУПКИНЪ (*за кулисами*).

Доложи, А-а-лупкинъ, дворянинъ...

ГЕРАСИМЪ (*входитъ*).

Алупкинъ, господинъ, васъ спрашиваетъ-съ.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Алупкинъ! Кто бишь это? Проси. А ты займи его, пожалуйста. Я сейчасъ... (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

МИРВОЛИНЪ и АЛУПКИНЪ.

МИРВОЛИНЪ.

Николай Ивановичъ сейчасъ пожалуютъ-съ. Не угодно ли пока присѣсть?

АЛУПКИНЪ.

Покорнѣйше благодарю. Постоимъ-съ. Позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь...

МИРВОЛИНЪ.

Мирволинъ, помѣщикъ, здѣшній житель... можетъ быть, слыхали?

АЛУПКИНЪ.

Никакъ нѣтъ-съ, не слыхалъ-съ... Впрочемъ, очень радъ случаю. Позвольте узнать: вамъ Балдашова, Татьяна Семеновна, родственница?...

МИРВОЛИНЪ.

Никакъ нѣтъ-съ. Какая это Балдашова?

АЛУПКИНЪ.

Тамбовская помѣщица, вдова-съ.

МИРВОЛИНЪ.

А! Тамбовская!

АЛУПКИНЪ.

Да-съ, тамбовская, вдова-съ. А позвольте узнать, вамъ здѣшній становой приставъ знакомъ?

МИРВОЛИНЪ.

Порфирій Игнатьичъ? Еще бы! старинный пріятель.

АЛУПКИНЪ.

Величайшая бестія, какая только есть на свѣтѣ. Вы меня извините, я человѣкъ откровенный, солдатъ: я привыкъ выражаться прямо, безъ обиняковъ. Надо вамъ сказать...

МИРВОЛИНЪ.

Не угодно ли вамъ чего нибудь закусить съ дороги?

АЛУПКИНЪ.

Покорнѣйше благодарю. Надо вамъ сказать, что я въ здѣшнихъ краяхъ поселился недавно; а до сихъ поръ я жилъ больше въ тамбовской губерніи. Но, получивъ, послѣ покойницы жены, въ наслѣдство пятьдесятъ двѣ души въ здѣшнемъ уѣздѣ...

МИРВОЛИНЪ.

А гдѣ именно, позвольте узнать?

АЛУПКИНЪ.

Сельцо Трюхино, въ пяти верстахъ отъ большой воронежской дороги.

МИРВОЛИНЪ.

А знаю, знаю! хорошее имѣньице.

АЛУПКИНЪ.

Дрянь совершенная: одинъ песокъ... Итакъ, получивъ наслѣдство послѣ покойницы жены, я почелъ за благо переселиться сюда-съ, тѣмъ болѣе, что у меня въ Тамбовѣ домъ, съ позволенія сказать, просто развалился. Вотъ-съ, я и переселился, — и чтоже? вашъ становой уже успѣлъ повредить мнѣ самымъ неприличнымъ образомъ.

МИРВОЛИНЪ.

Скажите! какъ это непріятно!

АЛУПКИНЪ.

Нѣтъ, позвольте, позвольте. Другому бы ничего; а у меня дочь Екатерина — вотъ что̀ прошу разсудить; однако, я надѣюсь на Николая Иваныча. Хотя я всего два раза имѣлъ удовольствіе ихъ видѣть, однако я столько наслышался о ихъ справедливости...

МИРВОЛИНЪ.

Да вотъ они сами-съ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ и БАЛАГАЛАЕВЪ (*во фракѣ. Алупкинъ кланяется*).

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Мнѣ очень пріятно. Прошу присѣсть... Я... я, помнится, имѣлъ удовольствіе видѣть васъ у почтеннаго Аѳанасія Матвѣича.

АЛУПКИНЪ.

Точно такъ-съ.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Вѣдь вы, кажется, недавно стали нашимъ, — недавно, то есть, въ нашъ уѣздъ переѣхали?...

АЛУПКИНЪ.

Точно такъ-съ.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Вы, я надѣюсь, не будете раскаяваться. (*Небольшое молчанье.*) Жаркій день какой сегодня...

АЛУПКИНЪ.

Николай Ивановичъ, позвольте старому солдату объясниться съ вами откровенно.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Сдѣлайте одолженіе. Чтò такое?

АЛУПКИНЪ.

Николай Ивановичъ! вы нашъ предводитель! Николай Ивановичъ! вы, такъ сказать, нашъ второй отецъ; я самъ отецъ, Николай Ивановичъ!

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Я, повѣрьте, слишкомъ хорошо знаю, слишкомъ чувствую; это мой долгъ. Притомъ лестное вниманіе дворянства... Говорите, чтò такое?

АЛУПКИНЪ.

Николай Ивановичъ! вашъ становой — первый плутъ-съ.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Г-мъ! Однако вы сильно выражаетесь.

АЛУПКИНЪ.

Нѣтъ, позвольте, позвольте! благоволите выслушать... У сосѣдняго мужика Филиппа мой мужикъ яко бы козла укралъ... А позвольте узнать, на чтò мужику козелъ?... Нѣтъ, вы мнѣ скажите, на чтò мужику козелъ? Да и наконецъ, почему жь именно *мой* мужикъ этого козла укралъ? почему не другой? какія доказательства? Положимъ даже, точно мой мужикъ виноватъ — такъ я-то чтò? я-то зачѣмъ отвѣчать долженъ? меня-то зачѣмъ безпокоить? Чтожь, послѣ этого, я за всякаго козла отвѣчать буду? И становой будетъ мнѣ въ правѣ мнѣ грубить... помилуйте! Онъ говоритъ: козелъ на вашемъ скотномъ дворѣ отъискался... Да провались онъ совсѣмъ съ своимъ козломъ! Тутъ дѣло не въ козлѣ, а въ приличіи!

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Позвольте, я признаться хорошенько не понимаю. Вы говорите, вашъ мужикъ укралъ козла?

АЛУПКИНЪ.

Нѣтъ, это не я говорю—это становой говоритъ.

ВАЛАГАЛАЕВЪ.

Да вѣдь, кажется, на то есть законный порядокъ. Я, право, незнаю почему вамъ было угодно обратиться ко мнѣ.

АЛУПКИНЪ.

Да къ кому же, Николай Иванычъ? Вы извольте разсудить. Я старый солдатъ, я обиду получилъ, честь моя страдаетъ. Становой мнѣ говоритъ, и самымъ эдакъ неприличнымъ образомъ: дескать, я васъ... Помилуйте!

ГЕРАСИМЪ (*входитъ*).

Евгеній Тихонычъ пріѣхать изволили.

ВАЛАГАЛАЕВЪ (*встаетъ*).

Извините, пожалуйста... Евгеній Тихонычъ! Милости просимъ! Какъ вы въ своемъ здоровьѣ?

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ и СУСЛОВЪ.

СУСЛОВЪ.

Хорошо, хорошо! спасибо... Господа! честь имѣю...

МИРВОЛИНЪ.

Наше вамъ, Евгеній Тихонычъ!

СУСЛОВЪ.

А, здравствуй!

ВАЛАГАЛАЕВЪ.

А что ваша супруга?

СУСЛОВЪ.

Жива... Экая жара! Еслибъ не къ вамъ, Николай Иванычъ, ей-богу, съ мѣста не тронулся бы.

ВАЛАГАЛАЕВЪ.

Спасибо, спасибо. Не угодно ли? (*Къ Алупкину.*) Вы извините... какъ васъ по имени и по отчеству?

АЛУПКИНЪ.

Антонъ Семеновъ.

ВАЛАГАЛАЕВЪ.

Любезный мой Антонъ Семенычъ, вы мнѣ послѣ изложите ваше неудовольствіе, а теперь... вы видите сами... Я, съ своей

стороны, повѣрьте, особое обращу вниманіе, — будьте покойны. Вы съ Евгеній Тихонычемъ знакомы?

АЛУПКИНЪ.

Никакъ нѣтъ-съ.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Такъ позвольте же васъ представить. Судья нашъ, благороднѣйшій человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ, душа открытая, почтеннѣйшій человѣкъ.... Евгеній Тихонычъ!

СУСЛОВЪ (*у стола закусываетъ*).

Чего....

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Позвольте познакомить васъ съ новымъ жителемъ нашего уѣзда:—Алупкинъ, Антонъ Семенычъ, новый помѣщикъ.

СУСЛОВЪ (*продолжая ѣсть*).

Мнѣ чрезвычайно пріятно. Вы откуда къ намъ?

АЛУПКИНЪ.

Изъ Тамбовской губерніи.

СУСЛОВЪ.

А! у меня въ Тамбовѣ родственникъ живетъ, пустѣйшій человѣкъ. Впрочемъ, Тамбовъ — ничего, городъ хорошій.

АЛУПКИНЪ.

Городъ, точно, ничего.

СУСЛОВЪ.

А чтожъ наши голубчики?... они, пожалуй, и не пріѣдутъ вовсе.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Нѣтъ, этого я не думаю. Меня ужъ и то удивляетъ, что ихъ до сихъ поръ нѣтъ.... Они должны были первые пріѣхать.

СУСЛОВЪ.

А чтò, какъ вы думаете, мы помиримъ ихъ?

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Должно надѣяться... Я и Петра Петровича пригласилъ. А! кстати! позвольте обратиться къ вамъ съ просьбой, Антонъ Семенычъ. Вы можете помочь намъ въ дѣлѣ, которое, такъ сказать, равно касается до всѣхъ дворянъ.

АЛУПКИНЪ.

Та-акъ.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Здѣсь есть у насъ одинъ помѣщикъ — Безпандинъ, и хорошій, кажется, человѣкъ, а сумасбродъ, то есть не то чтобы сумасбродъ, а кто его знаетъ! У Безпандина сестра Каурова, вдова; женщина, по правдѣ сказать, до крайности безтолковая, упрямая... Впрочемъ, вы ее увидите.

МИРВОЛИНЪ.

Это у нихъ въ роду-съ, Николай Иванычъ: ихняя матушка, покойница Пелагѣя Арсеньевна, еще того хуже была-съ. Говорятъ, въ молодыхъ лѣтахъ будучи, кирпичъ имъ на голову упалъ: такъ, можетъ, отъ этого-съ...

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Можетъ быть. Потому природа... Вотъ, между этимъ Безпандинымъ и его сестрой, вдовой Кауровой, третій годъ идетъ распря, по случаю дѣлежа. Тетка ихъ родная имъ обоимъ, по духовному завѣщанію, имѣніе оставила — имѣніе, замѣтьте, благопріобрѣтенное... Ну, не могутъ подѣлиться, хоть ты тресни... Особенно сестрица просто ни на что не согласна. До суда дѣло доходило; высшимъ властямъ прошенія подавали: долго ли тутъ до бѣды? Вотъ я и рѣшился наконецъ пресѣчь, такъ сказать, твердою рукою корень зла, остановить наконецъ, вразумить... Я имъ сегодня у себя свиданіе назначилъ, но ужь въ послѣдній разъ; а тамъ я ужь другія мѣры приму.... Изъ чего, въ самомъ дѣлѣ, мучиться? Пусть судъ ихъ разбираетъ. Въ миротворцы, въ свидѣтели, я пригласилъ почтеннаго Евгенія Тихоныча, Пехтерёва Петра Петровича, бывшаго предводителя... Такъ не угодно ли и вамъ? помочь намъ, то есть, въ этомъ дѣлѣ?

АЛУПКИНЪ.

Я съ удовольствіемъ... но, не будучи знакомъ, кажется....

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Чтожь такое! Это ничего... Вы здѣшній помѣщикъ, человѣкъ разсудительный. Напротивъ оно еще лучше: имъ нельзя будетъ сомнѣваться въ вашемъ безпристрастіи.

АЛУПКИН.

Извольте-съ, я готовъ.

ГЕРАСИМЪ (*входитъ*).

Госпожа Каурова пріѣхали-съ.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Легка на поминѣ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТЕ ЖЕ и КАУРОВА (*въ шляпкѣ съ ридикюлемъ*).

БАЛАГАЛАЕВЪ.

А, наконецъ! Милости просимъ, Анна Ильинишна! милости просимъ... Сюда... не угодно ли-съ?

КАУРОВА.

Ѳерапонтъ Ильичъ еще не пріѣзжалъ-съ?

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Нѣтъ еще; впрочемъ, онъ теперь скоро будетъ. Не угодно ли закусить?

КАУРОВА.

Покорно благодарю-съ. Я постное кушаю-съ.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Чтожь, вотъ рѣдька, огурцы.... Чаю не прикажете ли?

КАУРОВА.

Нѣтъ-съ, покорно благодарю: я ужь завтракала. Вы извините меня, Николай Иванычъ, коли я опоздала. (*Садится.*) И то слава Богу, что въ цѣлости доѣхала; кучеръ мой чуть-чуть меня не вывалилъ.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Скажите, пожалуйста! а кажется, дорога недурна.

КАУРОВА.

Не въ дорогѣ дѣло-съ, Николай Иванычъ; охъ, не въ дорогѣ!... Я вотъ пріѣхала, Николай Иванычъ, только я никакой пользы отъ этого не ожидаю. Нравъ Ѳерапонта Ильича мнѣ слишкомъ извѣстенъ... охъ, слишкомъ!

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Ну, это мы увидимъ, Анна Ильинишна! Я такъ напротивъ, надѣюсь сегодня кончить ваше дѣло; пора.

КАУРОВА.

Дай Богъ, дай Богъ. Я, вы знаете, Николай Иванычъ, я на все согласна. Я человѣкъ смирный... Я не прекословлю, Николай Иванычъ; гдѣ мнѣ! Я вдова беззащитная: на васъ однихъ надѣюсь... А Ѳерапонтъ Ильичъ извести меня хочетъ... Чтожь? Богъ съ нимъ! лишь бы дѣтокъ малолѣтныхъ не погубилъ. А ужь я что̀!...

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Полноте, Анна Ильинишна, полноте! Вотъ я вамъ лучше представлю новаго нашего помѣщика, Алупкина, Антона Семеныча.

КАУРОВА.

Очень рада-съ, очень рада-съ.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Онъ, если вы позволите, также будетъ участникомъ въ нашемъ дѣлѣ.

КАУРОВА.

Согласна, Николай Иванычъ, я на все согласна. По мнѣ хоть весь уѣздъ, всю губернію созовите: у меня совѣсть чиста, Николай Иванычъ. Они, я знаю, за меня заступятся. Они не дадутъ меня въ обиду... А вы какъ въ своемъ здоровьѣ, Евгеній Тихонычъ?

СУСЛОВЪ.

Хорошо. Что̀ мнѣ дѣется! Покорно благодарю.

МИРВОЛИНЪ (*цѣлуя руку Кауровой*).

Какъ ваши дѣтки, Анна Ильинишна?

КАУРОВА.

Слава Богу, пока еще живы. Охъ, долго ли? Скоро, скоро они совсѣмъ осиротѣютъ, бѣдняжки!

СУСЛОВЪ.

Полноте! Зачѣмъ вы это говорите, Анна Ильинишна? Вы еще насъ всѣхъ переживете, матушка!

КАУРОВА.

Какъ зачѣмъ я это говорю, отецъ мой! Стало быть, есть причины, коли ужь *я* не могу промолчать. То-то вотъ и есть! а еще, кажется, судья. Стану я говорить безъ доказательствъ!

СУСЛОВЪ.

Ну, какія же доказательства?

КАУРОВА.

Извольте, извольте... Николай Иванычъ, прикажите позвать моего кучера.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Кого?

КАУРОВА.

Кучера, моего кучера Карпушку. Его Карпушкой зовутъ.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Для чего?

КАУРОВА.

Да ужь прикажите. Вотъ Евгеній Тихонычъ доказательствъ требуетъ...

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Да позвольте, Анна Ильинишна...

КАУРОВА.

Нѣтъ ужь, сдѣлайте одолженіе.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Ну, пожалуй. (*Мирволину*) Сбѣгай, братецъ, пожалуйста, прикажи.

МИРВОЛИНЪ.

Сейчасъ. (*Выходитъ*).

КАУРОВА.

Вы мнѣ все не хотите вѣрить, Евгеній Тихонычъ. Ужь это не въ первый разъ! Богъ съ вами!

АЛУПКИНЪ.

Однако, позвольте: я все-таки не могу понять, зачѣмъ вамъ угодно было позвать вашего кучера. Кажется, къ чему тутъ кучеръ?... Не понимаю.

КАУРОВА.

А вотъ увидите.

АЛУПКИНЪ.

Не понимаю.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ и КАРПЪ и МИРВОЛИНЪ.

МИРВОЛИНЪ.

Вотъ-съ кучеръ.

КАУРОВА.

Карпушка... слушай... гляди на меня: вотъ они не хотятъ вѣрить, что Ѳерапонтъ Ильичъ нѣсколько разъ тебя хотѣлъ подкупить... Слышишь ли ты, что̀ я тебѣ говорю?...

СУСЛОВЪ.

Ну, чтожь ты молчишь, любезный? Ихъ братецъ подкупалъ тебя?

КАРПЪ.

Какъ, подкупалъ?

СУСЛОВЪ.

Я не знаю. Вотъ Анна Ильинишна говоритъ.

КАУРОВА.

Карпушка! слушай, гляди на меня... Вѣдь ты помнишь, сегодня чуть меня не вывалилъ... помнишь?...

КАРПЪ.

Когда-съ?

КАУРОВА.

Когда?... Экой глупый!... Разумѣется, на поворотѣ, не доѣзжая плотины. Еще одно колесо чуть не выскочило.

КАРПЪ.

Слушаю-съ.

КАУРОВА

Ну, и помнишь ты, что̀ я тебѣ сказала тогда? Я тебѣ сказала: «признайся—сказала я тебѣ—Ѳерапонтъ Ильичъ тебя подкупилъ: дескать, Карпуша, голубчикъ, ушиби, молъ, твою барыню до смерти, а ужь я тебя не оставлю»... Ну, и помнишь ты, что̀ ты мнѣ отвѣчалъ?... Ты мнѣ отвѣчалъ: «виноватъ, сударыня, точно, я предъ вами виноватъ».

СУСЛОВЪ.

Да позвольте, Анна Ильинишна: виноватъ — это еще ничего не доказываетъ... Чтò онъ этимъ хотѣлъ сказать? сознаться, что ли, онъ хотѣлъ въ подкупѣ, въ намѣреніи зашибить васъ—вотъ чтò нужно узнать... Сознался ли ты?... а?... сознался?

КАРПЪ.

Въ чемъ сознался?

КАУРОВА.

Карпушка! слушай, гляди на меня... Вѣдь Ѳерапонтъ Ильичъ хотѣлъ тебя подкупить? Ну конечно, ты не согласился... Но я вѣдь правду говорю?

КАРПЪ.

Какъ вы изволите говорить-съ.

КАУРОВА.

Ну, вотъ видите...

СУСЛОВЪ.

Да позвольте, позвольте!... Ты мнѣ, братецъ, отвѣчай, да толковито, смотри...

КАУРОВА.

Нѣтъ, *вы* позвольте, Евгеній Тихонычъ! я на это не могу согласиться. Вы его запугать хотите — я этого не позволю. Ступай, Карпушка, ступай; да проспись, смотри; а то вѣдь ты совсѣмъ спишь. (*Карпъ уходитъ.*) А отъ васъ, Евгеній Тихонычъ, признаюсь, я этого не ожидала. Чѣмъ, кажется, я это заслужила?

СУСЛОВЪ.

Да чтò вы насъ морочите!...

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Ну, полноте, полноте, Анна Ильинишна! присядьте, успокойтесь. Мы это все разберемъ.

ГЕРАСИМЪ (*входитъ*).

Г. Безпандинъ изволили пріѣхать.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

А, наконецъ! Ну, проси, разумѣется.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ и БЕЗПАНДИНЪ.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

А! здравствуйте!... Однако, вы заставили себя подождать.

БЕЗПАНДИНЪ.

Виноватъ, виноватъ, Николай Иванычъ! такая вышла задача... Здравствуйте, Евгеній Тихонычъ, судья неумытный! какъ вы поживаете?

СУСЛОВЪ.

Здравствуйте!

БЕЗПАНДИНЪ.

Вообразите.... (*кланяясь сестрѣ*) что̀ меня задержало.... Представьте себѣ: у меня сѣдло мое украли... И кто укралъ— неизвѣстно!... Дѣлать нечего: взялъ сѣдло у стремяннаго. (*Пьетъ.*) Я, вы знаете, всюду верхомъ ѣзжу, сѣдло премерзкое, фалейторское.... рысью просто нѣтъ никакой возможности....

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Ѳерапонтъ Ильичъ! позвольте васъ познакомить... Алупкинъ, Антонъ Семенычъ...

БЕЗПАНДИНЪ.

Очень радъ... Вы охотникъ?

АЛУПКИНЪ.

То есть, въ какомъ смыслѣ охотникъ?

БЕЗПАНДИНЪ.

Въ какомъ смыслѣ? ну, разумѣется, въ какомъ: до дичи, до собакъ...

АЛУПКИНЪ.

Нѣтъ-съ, я собакъ не люблю, а изъ ружья въ сидячую птицу стрѣляю.

БЕЗПАНДИНЪ (*смѣется*)

Въ сидячую, въ сидячую...

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Однако, извините, господа! Позвольте прервать вашъ лю-

бопытный разговоръ. Мы о собакахъ и сидячихъ птицахъ въ другое время поговорить можемъ. А теперь я предлагаю, не теряя времени, приступить къ нашему дѣлу, для котораго мы собрались. Мы и безъ Петра Петровича начать можемъ... какъ вы думаете?

СУСЛОВЪ.

Пожалуй!

БАЛАГАЛАЕВЪ.

И потому, Ѳерапонтъ Ильичъ, покорно прошу васъ присѣсть, и васъ также, Антонъ Семенычъ! (*Садятся.*)

БЕЗПАНДИНЪ.

Николай Иванычъ, я васъ душевно уважаю и всегда уважалъ и теперь вотъ, по вашему же желанію, пріѣхалъ; только позвольте вамъ напередъ сказать, если вы надѣетесь какого-нибудь толку добиться отъ почтеннѣйшей моей сестрицы, то предупреждаю васъ...

КАУРОВА (*приподнимаясь*).

Вотъ видите, Николай Иванычъ, вотъ вы сами видите...

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Позвольте, позвольте, Ѳерапонтъ Ильичъ, и вы, Анна Ильинишна! я долженъ васъ попросить сперва меня выслушать. Я имѣлъ удовольствіе пригласить васъ обоихъ сегодня къ себѣ для того, чтобъ покончить наконецъ ваши распри. Какой примѣръ, посудите сами: братъ и сестра, отъ одной, такъ сказать, утробы...

БЕЗПАНДИНЪ.

Позвольте, Николай Иванычъ...

АЛУПКИНЪ.

Господинъ Безпандинъ, прошу не прерывать.

БЕЗПАНДИНЪ.

А вы что̀ мнѣ за наставникъ?

АЛУПКИНЪ.

Я вамъ не наставникъ, но будучи приглашенъ Николаемъ Иванычемъ...

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Да, Ѳерапонтъ Ильичъ; я ихъ пригласилъ вмѣстѣ съ по-

ченнымъ нашимъ Евгеніемъ Тихонычемъ, въ посредники... Ѳерапонтъ Ильичъ! Анна Ильинишна! Я обращаюсь къ вамъ... Какъ? братъ и сестра, отъ одной, такъ сказать, утробы рожденные, не могутъ жить въ ладу, въ мирѣ, въ согласіи!... Ѳерапонтъ Ильичъ! Анна Ильинишна!—Образумьтесь, я вамъ говорю! Вѣдь для чего все это я говорю? я это для вашего же блага говорю... Вы, сами посудите, что̀ мнѣ? но я для вашего блага говорю!

БЕЗПАНДИНЪ.

Да вѣдь вы, Николай Иванычъ, не знаете, что̀ это за женщина! Вѣдь вы послушайте-ка ее; вѣдь это Богъ знаетъ что̀ такое... помилуйте!

КАУРОВА.

А вы то сами что̀? Вы кучера моего подкупаете, дѣвокъ ко мнѣ съ отравой подсылаете—вы моей смерти добиваетесь. Я даже удивляюсь, какъ я еще до сихъ поръ уцѣлѣла!...

БЕЗПАНДИНЪ.

Какого кучера я подкупалъ... что̀ вы? что̀ вы?

КАУРОВА.

Да, сударь! Онъ подъ присягой готовъ все показать. Вотъ эти господа—свидѣтели.

БЕЗПАНДИНЪ (*обращаясь къ остальнымъ*).

Что̀ это она за дичь поритъ?

АЛУПКИНЪ (*Кауровой*).

Позвольте! позвольте; вы напрасно на меня ссылаетесь. Я рѣшительно ничего не понялъ, что̀ тутъ вашъ кучеръ говорилъ. Это опять что-то въ родѣ моего козла.

КАУРОВА.

Вашего козла? А чѣмъ мой кучеръ похожъ на козла? Сами вы скорѣй...

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Оставьте это, господа, ради Бога!... Анна Ильинишна! Ѳерапонтъ Ильичъ! Что̀ за охота упрекать другъ друга?... Не лучше ли позабыть прошедшее?... Право, послушайтесь меня: помиритесь! Примите другъ друга въ объятья! Вы не отвѣчаете...

БЕЗПАНДИНЪ.

Да что... помилуйте!... какъ это можно! Еслибъ я зналъ, да я бы ни за что не пріѣхалъ!

КАУРОВА.

И я тоже бы не пріѣхала.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Какже вы мнѣ сейчасъ говорили, что вы на все согласны?

КАУРОВА.

На все, только не на это.

СУСЛОВЪ.

Эхъ, Николай Иванычъ! позвольте вамъ сказать, не такъ вы дѣло повели. Вы имъ толкуете о мирѣ, согласіи... развѣ вы не видите, что это за люди?

БАЛАГАЛАЕВЪ.

А какъ же по вашему, Евгеній Тихонычъ?

СУСЛОВЪ.

Да вы для чего ихъ пригласили?... для дѣлежа? Вѣдь отъ этого у нихъ и ссора идетъ. Пока они не подѣлятся, ни вамъ, ни мнѣ, никому не будетъ покоя и мы, въ этакіе-то жары, вмѣсто того чтобы дома сидѣть, будемъ трястись по дорогамъ. Такъ приступимте же къ дѣлежу, коли вы ихъ надѣетесь уговорить... Гдѣ планы?

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Ну, приступимте. Герасимъ!...

ГЕРАСИМЪ (*входя*).

Чего извольте?

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Вельвицкаго мнѣ позвать.

БЕЗПАНДИНЪ.

Я вамъ заранѣе объявляю, что я на все согласенъ; что Николай Иванычъ скажетъ, тому и быть.

КАУРОВА.

И я тоже.

СУСЛОВЪ.

Посмотримъ.

МИРВОЛИН.

Вотъ что̀ похвально, то похвально.

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ и ВЕЛЬВИЦКІЙ, *съ планами.*

БАЛАГАЛАЕВЪ.

А! подойди сюда. (*Развертываетъ планы*). Принеси-ка вонъ столикъ... Вотъ-съ, извольте посмотрѣть... вотъ-съ... «Сельцо Кокушкино, Раково тожъ, душъ по 8-й ревизіи мужеска пола 94»... Посмотрите-ка, какъ карандашомъ все перечерчено: не въ первый разъ мы надъ этимъ планомъ бьемся... «Всей земли 712 десятинъ, неудобной 81, подъ усадьбой съ выгономъ 9; черезполосица есть, но немного». Вотъ это имѣнье намъ приходится поровну раздѣлить между отставнымъ коллежскимъ регистраторомъ Ѳерапонтомъ Безпандинымъ и сестрою его, вдовой подпоручика, Анной Кауровой, поровну; замѣтьте: такъ сказано въ завѣщаніи покойной ихъ тетушки, архитекторской вдовы, Филокалосовой.

БЕЗПАНДИНЪ.

Старуха передъ смертью изъ ума выжила. Что̀ бы все оставить мнѣ! и не было бы никакой непріятности...

КАУРОВА.

Вишь вы какіе!

БЕЗПАНДИНЪ.

Ну, такъ законную бы часть вамъ опредѣлила... Да что̀ отъ бабы ожидать путнаго!... Правда, вы, говорятъ, каждое утро ея болонку чесали да мыли.

КАУРОВА.

А вотъ вы и солгали! стану я пса чесать!... какже!... такая я женщина!... Вотъ вы — другое дѣло: вы извѣстный собачникъ; вы, говорятъ, вашего пса, прости Господи мое прегрѣшеніе!—въ самую морду цѣлуете.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Господа! я долженъ васъ обоихъ попросить нѣсколько помолчать... Такъ вотъ какъ-съ: вотъ уже болѣе трехъ лѣтъ,

какъ ихъ тетушка скончалась, и съ тѣхъ поръ, представьте, никакого рѣшенія. Наконецъ, я согласился быть между ними посредникомъ, потому что это, вы понимаете, мой долгъ; но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ ни въ чемъ не успѣлъ. Вотъ видители-съ, въ чемъ главное затрудненіе: г. Безпандинъ и сестрица ихъ не желаютъ жить въ одномъ домѣ; стало быть, усадьбу слѣдуетъ раздѣлить. А раздѣлить ее нѣтъ возможности!

БЕЗПАНДИНЪ (*помолчавъ*).

Ну... я отказываюсь отъ теткинаго дома; Богъ съ нимъ!

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Вы отказываетесь?

БЕЗПАНДИНЪ.

Да; но я надѣюсь на вознагражденіе.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Конечно; это требованіе справедливо.

КАУРОВА.

Николай Иванычъ! это хитрость. Это съ его стороны уловка, Николай Иванычъ! Онъ черезъ это надѣется получить самую лучшую землю, коноплянники и прочее. На что̀ ему домъ? у него свой есть. А теткинъ домъ безъ того куда плохъ

БЕЗПАНДИНЪ.

Коли онъ такъ плохъ...

КАУРОВА.

А коноплянниковъ я не уступлю. Помимуйте! я вдова, у меня дѣти... Что̀ жь я буду дѣлать безъ коноплянниковъ, посудите сами.

БЕЗПАНДИНЪ.

Коли онъ плохъ...

КАУРОВА.

Воля ваша...

АЛУПКИНЪ.

Да дайте же ему договорить!

БЕЗПАНДИНЪ.

Коли онъ такъ плохъ, уступите его мнѣ, и пусть васъ вознаградятъ.

КАУРОВА.

Да! знаю я ваши вознагражденія!... какую нибудь десятинишку негодную, камень на камнѣ, или, еще того хуже, болото какое нибудь, гдѣ одинъ тростникъ, котораго даже крестьянскія коровы не ѣдятъ!

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Такого болота въ вашемъ имѣніи и нѣту вовсе...

КАУРОВА.

Ну, не болото, такъ другое что нибудь въ этомъ родѣ. Нѣтъ, вознагражденіе... покорно благодарю: знаю я что̀ это за вознагражденія!

АЛУПКИНЪ (*Мирволину*).

Что̀, у васъ въ уѣздѣ всѣ женщины таковы?

МИРВОЛИНЪ.

Бываютъ и хуже.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Господа, господа! позвольте, позвольте... Я долженъ васъ опять попросить нѣсколько помолчать. Я вотъ что̀ предлагаю. Мы теперь сообща раздѣлимъ всю дачу на два участка: въ одномъ будетъ заключаться домъ съ усадьбой, а къ другому мы нѣсколько лишней земли прибавимъ, и пусть они потомъ выбираютъ.

БЕЗПАНДИНЪ.

Я согласенъ.

КАУРОВА.

А я не согласна.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Почему же вы не согласны?

КАУРОВА.

А кому первому придется выбирать?

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Мы жребій кинемъ.

КАУРОВА.

Сохрани Господи и помилуй! что̀ вы это! ни за что̀ на свѣтѣ! Али мы нехристы какіе?

БЕЗПАНДИНЪ.

Ну, *вы* выберете.

КАУРОВА.

Я все-таки не согласна!

АЛУПКИНЪ.

Да отчего же?

КАУРОВА.

Какже это я стану выбирать? ну, а если я ошибусь...

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Позвольте, однако, отчего же вы ошибетесь? участки будутъ равные; а если какой получше выйдетъ, Өерапонтъ Ильичъ вамъ предоставляетъ право выбора.

КАУРОВА.

А кто мнѣ скажетъ, какой лучше будетъ? Нѣтъ, Николай Иванычъ! это уже ваше дѣло: ужь вы, батюшка, потрудитесь, назначьте сами; какой вы участокъ мнѣ назначите, тотъ и возьму, и довольна буду.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Ну, пожалуй. Итакъ, домъ со службами и съ усадьбой предоставляется госпожѣ Кауровой.

БЕЗПАНДИНЪ.

И съ садомъ?

КАУРОВА.

Разумѣется, съ садомъ! какже дому быть безъ саду? да и садъ-то дрянь: всего пять-шесть яблонь, яблоки на нихъ кислыя, прекислыя... Просто вся усадьба гроша не стòитъ.

БЕЗПАНДИНЪ.

Такъ предоставьте ее мнѣ, Боже мой!...

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Итакъ, домъ съ садомъ и со службами и вся господская усадьба предоставляется г-жѣ Кауровой. Хорошо. Въ такомъ случаѣ, не угодно ли вамъ посмотрѣть?... Вельвицкій! прочти, братецъ! какъ было я раздѣлилъ?

ВЕЛЬВИЦКІЙ (*читаетъ по тетради*).

«Проэктъ раздѣла между помѣщикомъ Өерапонтомъ Безпандинымъ и сестрою его, вдовою, дворянкою Кауровой»...

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Начни съ направленія линіи.

ВЕЛЬВИЦКІЙ.

«Направленіе линіи отъ точки А».

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Извольте глядѣть: отъ точки А.

ВЕЛЬВИЦКІЙ.

«Отъ точки А, на границѣ дачи Волухиной, до точки Б, на углу плотины».

БАЛАГАЛАЕВЪ.

До точки Б, на углу плотины... Евгеній Тихонычъ, чтоже вы?

СУСЛОВЪ (*издали*).

Я вижу.

ВЕЛЬВИЦКІЙ.

«Отъ точки Б»...

КАУРОВА.

А позвольте узнать, чей будетъ прудъ?

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Разумѣется, общій; то-есть правый берегъ будетъ принадлежать одному, лѣвый другому.

КАУРОВА.

А! вотъ какъ!

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Далѣе, далѣе...

ВЕЛЬВИЦКІЙ.

«Пустоши же раздѣлить по ровну; въ первой сорокъ-восемь, во второй семьдесять-семь десятинъ».

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Такъ вотъ что̀ я теперь предлагаю... Тотъ, кто не получаетъ усадьбы, беретъ всю первую пустошь за себя, то-есть получаетъ двадцать-четыре десятины лишняго. Вотъ пустоши: первая и вторая.

ВЕЛЬВИЦКІЙ.

«Владѣтель перваго участка обязывается переселить на свой счетъ два двора во второй участокъ; а выселеннымъ крестьянамъ коноплянниками пользоваться два года»...

КАУРОВА.

Ни крестьянъ переселять, ни коноплянники уступать я не намѣрена...

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Да полноте...

КАУРОВА.

Ни за что̀, Николай Иванычъ, ни за что̀!

АЛУПКИНЪ.

Не извольте перебивать, сударыня!

КАУРОВА (*крестится*).

Что̀ это? что̀ это? во снѣ я, что ли?... да послѣ этого я, право, не знаю, что̀ и сказать! Коноплянники на два года, общій прудъ! Да этакъ лучше я отъ дома откажусь...

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Да позвольте, однако, замѣтить вамъ, что Ѳерапонтъ Ильичъ....

КАУРОВА.

Нѣтъ, батюшка, не извольте безпокоиться. Знать, я васъ чѣмъ обидѣла...

БАЛАГАЛАЕВЪ (*вмѣстѣ съ нею*).

Да выслушайте меня, Анна Ильинишна! Вы толкуете о дворахъ, о коноплянникахъ, а вашъ братецъ можетъ къ другому участку присоединить двадцать-четыре десятины...

КАУРОВА (*вмѣстѣ съ нимъ*).

Не говорите, не говорите, Николай Иванычъ! Помилуйте! что̀ я за дура буду, что коноплянники даромъ отдамъ! Вы бы одно вспомнили, Николай Иванычъ: я вдова — за меня заступиться не кому; дѣти у меня малолѣтныя: вы бы хоть ихъ пожалѣли.

АЛУПКИНЪ.

Это ужь слишкомъ, слишкомъ! нѣтъ, это слишкомъ!...

БЕЗПАНДИНЪ.

Стало быть, вы находите, что мой участокъ лучше вашего?

КАУРОВА

Двадцать-четыре десятины!...

БЕЗПАНДИНЪ.

Нѣтъ, скажите, лучше?...

КАУРОВА.

Помилуйте! двадцать-четыре десятины!...

АЛУПКИНЪ.

Да вы отвѣчайте: лучше? а? лучше, лучше?

КАУРОВА.

Да чтò ты это, батюшка, на меня все вскидываешься? Или у васъ въ Тамбовѣ такой обычай? Откуда вдругъ появился, ни знамо, ни вѣдомо, и чтò за человѣкъ, Господь его знаетъ, а посмотри ты, какъ пѣтушится!

АЛУПКИНЪ.

Однако, прошу не забываться, сударыня. Даромъ что вы, сколько мнѣ извѣстно, женщина, я не посмотрю: я старый солдатъ, чертъ возьми!

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Полноте, полноте, господа! Антонъ Семенычъ! успокойтесь, прошу васъ. Вѣдь это ни къ чему не поведетъ...

АЛУПКИНЪ.

Да вѣдь помилуйте...

КАУРОВА.

Вы сумасшедшій! Онъ сумасшедшій.

БЕЗПАНДИНЪ.

Я все-таки опять васъ спрашиваю, Анна Ильинишна: по вашему, мой участокъ лучше?

КАУРОВА.

Ну да, лучше, то-есть земли больше.

БЕЗПАНДИНЪ.

Ну, помѣняемтесь. (*Она молчитъ.*)

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Ну-съ, чтожь вы не отвѣчаете?

КАУРОВА.

Чтожь мнѣ безъ дому быть? На чтò жь послѣ этого мнѣ и деревня?...

БЕЗПАНДИНЪ.

Да коли мой участокъ лучше — отдайте мнѣ домъ и

возьмите себѣ эти двадцать-четыре десятины. (*Она молчитъ.*)

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Однако, позвольте, Анна Ильинишна, будьте же наконецъ благоразумны, послѣдуйте примѣру вашего братца... Я сегодня не нарадуюсь, глядя на него. Вы видите сами, вамъ всевозможныя дѣлаются уступки; вамъ остается только объявить ваше желаніе насчетъ выбора.

КАУРОВА.

Я ужь сказала, что я не намѣрена выбирать...

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Вы не намѣрены выбирать и не соглашаетесь ни на что̀... помилуйте! Я вамъ долженъ замѣтить, Анна Ильинишна, что моихъ силъ не достаетъ... Если сегодня мы опять ничѣмъ не покончимъ, то ужь я не намѣренъ болѣе служить посредникомъ между вами. Пусть судъ васъ дѣлитъ. Скажите намъ по крайней мѣрѣ, что̀ *вы* желаете?

КАУРОВА.

Я ничего не желаю, Николай Иванычъ! я на васъ полагаюсь, Николай Иванычъ!

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Однако, вотъ вы мнѣ не довѣряете... Вѣдь надобно жь это покончить, Анна Ильинишна.... Помилуйте! вѣдь третій годъ!... Ну, скажите, на что̀ вы рѣшаетесь?

КАУРОВА.

Что̀ мнѣ вамъ сказать, Николай Иванычъ? Я вижу, вы всѣ противъ меня. Васъ вотъ пятеро, а я одна... Я женщина: конечно, вамъ легко меня запугать; а у меня, кромѣ Бога, нѣтъ защитника. Я въ вашей власти: дѣлайте со мной что̀ хотите.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Однако, это не простительно. Наконецъ, вы Богъ знаетъ что̀ говорите... Насъ пятеро, а вы одне̇... Да развѣ мы къ чему нибудь васъ принуждаемъ?

КАУРОВА.

А какже-съ?

БАЛАГАЛАЕВЪ

Это ужасно!

АЛУПКИНЪ (*Балагалаеву*)

Да бросьте ее!

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Постойте, Антонъ Семенычъ!... Анна Ильинишна, матушка! выслушайте меня. Скажите намъ, что̀ вамъ угодно: оставить при васъ домъ, что ли, и уменьшить долю вознагражденія вашего братца, и насколько уменьшить, — вообще какія ваши условія?

КАУРОВА.

Что̀ мнѣ вамъ сказать, Николай Иванычъ? Конечно, мнѣ съ вами не сладить... Но Господь насъ разсудитъ, Николай Иванычъ!

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Ну, послушайте: вы, я вижу, недовольны моимъ предложеніемъ...

АЛУПКИНЪ.

Да отвѣчайте же...

СУСЛОВЪ (*Алупкину*).

Оставьте: вы видите, женщина съ норовомъ.

КАУРОВА.

Ну, да-съ, недовольна.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Прекрасно! такъ скажите же намъ, въ чемъ ваше неудовольствіе состоитъ?

КАУРОВА.

Этого я не могу сказать.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Отчего же вы не можете?

КАУРОВА.

Не могу-съ.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Да вы меня, можетъ быть, не понимаете?

КАУРОВА.

Я васъ слишкомъ хорошо понимаю, Николай Иванычъ!

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Ну, такъ скажите же намъ наконецъ, въ послѣдній разъ, чѣмъ васъ можно удовлетворить, на какія предложенія вы бы изъявили свое согласіе?

КАУРОВА.

Нѣтъ-съ, извините! Силой вы что̀ хотите можете со мной дѣлать: я женщина; а съ моего согласія, извините... я умру, а моего согласія не дамъ.

АЛУПКИНЪ.

Вы женщина?... Нѣтъ, вы чертъ! вотъ кто вы! Вы сутяга!...

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Антонъ Семенычъ!

КАУРОВА.

Батюшки! батюшки!

СУСЛОВЪ И МИРЧОЛИНЪ.

Полноте, полноте!

Вмѣстѣ.

АЛУПКИНЪ (*Кауровой*).

Слушай! я старый солдатъ: я даромъ грозить не стану. Эй, не дурачься, опомнись, а то худо будетъ... Я не шучу... слышишь?... Еслибъ ты возражала путемъ, я бы ничего не говорилъ; а то ты упираешься какъ волъ... Баба, берегись, — говорятъ тебѣ, берегись...

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Антонъ Семенычъ! я, признаюсь...

БЕЗПАНДИНЪ.

Николай Иванычъ, это мое дѣло!... (*Алупкину*) Милостивый государь! позвольте узнать, съ какого права...

АЛУПКИНЪ.

Вы заступаетесь за вашу сестру?

БЕЗПАНДИНЪ.

Вовсе не за сестру: мнѣ моя сестра вотъ что — тьфу!... а я за честь фамиліи.

АЛУПКИНЪ.

За честь фамиліи! А чѣмъ я вашу фамилію оскорбилъ?

БЕЗПАНДИНЪ.

Какъ чѣмъ оскорбили! Вотъ это мнѣ нравится! Стало быть, по вашему, всякій заѣзжій чудакъ...

АЛУПКИНЪ.

Что̀, милостивый государь?...

БЕЗПАНДИНЪ.

Что̀, милостивый государь?...

АЛУПКИНЪ.

А вотъ что-съ: въ чужомъ домѣ ругаться неприлично. Вы дворянинъ, и я дворянинъ: такъ не угодно ли завтра...

БЕЗПАНДИНЪ.

На чемъ хотите! хоть на ножахъ.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Господа, господа! что̀ вы это? какъ вамъ не стыдно? помилуйте! въ моемъ домѣ...

БЕЗПАНДИНЪ

Вы меня не запугаете, милостивый государь!

АЛУПКИНЪ.

Я васъ не боюсь; а ваша сестра... неприлично сказать, что̀ она такое.

КАУРОВА.

Согласна, отцы мои, на все согласна!... дайте подписать: все, что угодно, подпишу.

СУСЛОВЪ (*Мирволину*).

Гдѣ моя шапка? не видалъ, братецъ?

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Господа, господа!

ГЕРАСИМЪ (*входитъ и кричитъ*).

Петръ Петровичъ Пехтерьевъ!

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ и ПЕХТЕРЬЕВЪ.

ПЕХТЕРЬЕВЪ (*входя*).

Здравствуйте, мой любезный Николай Иванычъ!

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Мое почтеніе, Петръ Петровичъ! Что ваша супруга?

ПЕХТЕРЬЕВЪ (*кланяется всѣмъ*).

Господа... Моя жена здорова, слава Богу. Cher Балагалаевъ! я виноватъ: опоздалъ. Вы, я вижу, безъ меня начали, и хорошо сдѣлали... Какъ ваше здоровье, Евгеній Тихонычъ, Ѳерапонтъ Ильичъ, Анна Ильинишна? (*Мирволину*). А! и ты тутъ, убогій?... Ну, что, подвигается дѣло?...

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Ну, этого нельзя сказать...

ПЕХТЕРЬЕВЪ.

Неужели? А я такъ думалъ... Эхъ, господа, господа! это нехорошо. Позвольте старику побранить васъ... Надо кончить, надо кончить.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Не хотите ли закусить?

ПЕХТЕРЬЕВЪ.

Нѣтъ, благодарствуйте... (*Отводитъ въ сторону Балагалаева и указываетъ на Алупкина.*) Qui est ça?

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Новый помѣщикъ—нѣкто Алупкинъ. Я вамъ его представлю... Антонъ Семенычъ! позвольте познакомить васъ съ почтеннѣйшимъ нашимъ Петромъ Петровичемъ... Алупкинъ, Антонъ Семенычъ, изъ Тамбова.

АЛУПКИНЪ.

Очень радъ.

ПЕХТЕРЬЕВЪ.

Добро пожаловать въ наши края... Да позвольте... Алупкинъ? я знавалъ одного Алупкина въ Петербургѣ. Высокій такой былъ мужчина, видный, съ бѣльмомъ на глазу, въ карты игралъ сильно и дома все строилъ... не родня вамъ?...

АЛУПКИНЪ.

Никакъ нѣтъ-съ. У меня нѣтъ родственниковъ.

ПЕХТЕРЬЕВЪ.

Нѣтъ родственниковъ?... Скажите... Что ваши малютки, Анна Ильинишна?

КАУРОВА.

Покорно васъ благодарю, Петръ Петровичъ! слава Богу.

ПЕХТЕРЬЕВЪ.

Однако, господа, чтожь, давайте, давайте. Мы поболтаемъ послѣ... На чемъ я васъ прервалъ?

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Вы нисколько насъ не прервали, Петръ Петровичъ! Вы даже очень кстати пріѣхали Дѣло вотъ въ чемъ-съ...

ПЕХТЕРЬЕВЪ.

Что̀ это! планы?... (*Садится къ столу.*)

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Да, планы. Вотъ видите ли, Петръ Петровичъ, мы никакъ не можемъ добиться толку, не можемъ, то есть, согласить господина Безпандина съ ихъ сестрицей. Я признаюсь, даже начинаю сомнѣваться въ успѣхѣ и готовъ отказаться.

ПЕХТЕРЬЕВЪ.

Напрасно, напрасно, Николай Иванычъ! немножко терпѣнія... Предводитель! да это долженъ быть олицетворенное терпѣніе.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Вотъ видите ли, Петръ Петровичъ: съ общаго согласія господъ владѣльцевъ, усадьба не раздѣляется, а къ одному участку приписывается; теперь вотъ въ чемъ затрудненіе: какое вознагражденіе назначить за усадьбу? Я предлагаю всю эту пустошь отдать...

ПЕХТЕРЬЕВЪ.

Эту пустошь... да, позвольте, да, да...

БАЛАГАЛАЕВЪ

Вотъ, надъ этимъ мы теперь и бьемся. Они вотъ согласны, а сестрица ихъ не только не согласна ни на что̀, но даже вообще не хочетъ объявить своего желанія.

АЛУНКИНЪ.

Какъ говорится, ни тпру, ни ну!

ПЕХТЕРЬЕВЪ.

Такъ, такъ, такъ! А знаете ли что̀, Николай Иванычъ? ко-

нечно, это вамъ лучше извѣстно, а я бы на вашемъ мѣстѣ не такъ эту дачу раздѣлилъ.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

А какже-съ?...

ПЕХТЕРЬЕВЪ.

Я, можетъ быть, и вздоръ скажу; но вы извините старика... Savez-vous, cher ami? мнѣ кажется, я бы вотъ какъ раздѣлилъ... позвольте карандашикъ.

МИРВОЛИНЪ.

Вотъ-съ карандашъ...

ПЕХТЕРЬЕВЪ.

Спасибо... Я бы, Николай Иванычъ вотъ какъ... посмотрите: отсюда—вотъ сюда, отсюда—сюда... отсюда вотъ куда, а отсюда, наконецъ, сюда.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Да помилуйте, Петръ Петровичъ! во первыхъ, эти участки выйдутъ неровные...

ПЕХТЕРЬЕВЪ.

Что̀ за бѣда!

БАЛАГАЛАЕВЪ.

А во вторыхъ, въ этомъ участкѣ совсѣмъ сѣнокосовъ нѣтъ.

ПЕХТЕРЬЕВЪ.

Это ничего не значитъ: трава вездѣ рости можетъ.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Да сверхъ того, рощу вы, стало-быть, предоставляете одному владѣльцу?

КАУРОВА.

Ахъ, вотъ этотъ бы участокъ я взяла съ удовольствіемъ!

БАЛАГАЛАЕВЪ.

А каково, напримѣръ, будетъ мужичкамъ отсюда вонъ куда ѣздить?

ПЕХТЕРЬЕВЪ.

На всѣ ваши возраженія отвѣчать было бы весьма легко, но, впрочемъ, конечно, вы должны лучше знать... вы меня извините...

КАУРОВА.

А мнѣ этакъ очень нравится.

АЛУПКИНЪ.

То есть какъ?

КАУРОВА.

А вотъ какъ Петръ Петровичъ раздѣлилъ.

БЕЗПАНДИНЪ.

Позвольте взглянуть.

КАУРОВА.

Воля ваша, а только я съ Петромъ Петровичемъ согласна.

АЛУПКИНЪ.

Это ужасно... вѣдь не видѣла ничего, а туда же толкуетъ!

КАУРОВА.

А ты почему знаешь, батюшка, видѣла я что̀ или нѣтъ?...

АЛУПКИНЪ.

Ну, коли видѣли, такъ скажите, какой вы себѣ участокъ берете?

КАУРОВА.

Какой? вотъ этотъ съ рощей, да съ сѣнокосомъ, да гдѣ земли побольше.

АЛУПКИНЪ.

Да, все вамъ однѣмъ отдать!

СУСЛОВЪ (*Алупкину*).

Оставь.

ПЕХТЕРЬЕВЪ (*Безпандину*).

По вашему ка̀къ?

БЕЗПАНДИНЪ.

По моему, коли правду говорить, этакъ неудобно будетъ. Впрочемъ, я готовъ согласиться, если мнѣ этотъ участокъ дадутъ.

КАУРОВА.

И я готова согласиться, если мнѣ этотъ участокъ дадутъ.

АЛУПКИНЪ.

Какой?

КАУРОВА.

А вотъ что̀ братецъ мой для себя спрашиваетъ.

СУСЛОВЪ.

Вотъ говорите послѣ этого, что она ни на что не согласна!

ПЕХТЕРЬЕВЪ.

Однако, позвольте, позвольте... двоимъ нельзя одинъ и тотъ же участокъ опредѣлить; надо чтобъ одинъ изъ васъ пожертвовалъ, оказалъ великодушіе—взялъ похуже.

БЕЗПАНДИНЪ.

А смѣю спросить, для какого дьявола буду я оказывать великодушіе?

ПЕХТЕРЬЕВЪ.

Для какого... какія вы, однако, странныя слова употребляете!.. для вашей сестрицы.

БЕЗПАНДИНЪ.

Вотъ тебѣ нà!

ПЕХТЕРЬЕВЪ.

Ваша сестра, не забудьте, принадлежитъ къ слабому полу; она женщина, а вы мужчина .. она вѣдь женщина, Ѳерапонтъ Ильичъ!

БЕЗПАНДИНЪ.

Нѣтъ-съ, это, я вижу, ужь философія пошла...

ПЕХТЕРЬЕВЪ.

Какую же вы тутъ философію находите?

БЕЗПАНДИНЪ.

Философія!

ПЕХТЕРЬЕВЪ.

Однако, это меня удивляетъ... Васъ это не удивляетъ, господа?

АЛУПКИНЪ.

Меня-съ? Меня сегодня ничто удивить не въ состояніи-съ. Вы мнѣ можете сказать, что вы роднаго отца своего съѣли; я не удивлюсь, я повѣрю.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Господа, господа! позвольте мнѣ сказать слово. Самое ихъ, какъ бы снова возгорѣвшее, упорство доказываетъ вамъ, любезнѣйшій Петръ Петровичъ, что ваше раздѣленіе не совсѣмъ удачно...

ПЕХТЕРЬЕВЪ.

Неудачно! Позвольте... почему же неудачно, это слѣдуетъ доказать... Я не спорю, можетъ быть, ваше предложеніе прекрасно; но и о моемъ предложеніи тоже нельзя судить съ перваго взгляда. Я провелъ черту, такъ сказать, ангрò; конечно, я могъ ошибиться въ мелочахъ. Разумѣется, нужно уровнять оба участка, сообразить, разсмотрѣть подробно; но почему же неудачно?...

АЛУПКИНЪ (*Суслову*).

Какую онъ это черту провелъ?

СУСЛОВЪ.

Ангрò.

АЛУПКИНЪ.

А что̀ значитъ ангрò?

СУСЛОВЪ.

А Господь его знаетъ! должно быть, нѣмецкое слово.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Положимъ, Петръ Петровичъ, что ваше предложеніе отлично, превосходно; но, главное дѣло, надо поровну раздѣлить. Вотъ въ чемъ задача.

ПЕХТЕРЬЕВЪ.

Такъ-съ. Впрочемъ, конечно, вамъ лучше знать... Конечно, я въ этомъ случаѣ не могу съ вами тягаться. Мое предложеніе, вы говорите, неудачно...

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Да нѣтъ, Петръ Петровичъ...

КАУРОВА.

Я понимаю, почему Николай Иванычъ такъ на своемъ настаиваетъ.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Что̀ вы хотите сказать, сударыня, объяснитесь...

КАУРОВА.

Да ужь я знаю!

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Я прошу васъ объясниться.

КАУРОВА.

Николай Иванычъ намѣренъ у Ѳерапонта Ильича рощу за безцѣнокъ купить... Такъ вотъ отъ этого они такъ и стараются, чтобъ она ему досталась.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Позвольте вамъ замѣтить, Анна Ильинишна, что вы забываетесь! Ѳерапонтъ Ильичъ развѣ дитя? Развѣ вы не получите вашей половины?... Да и кто вамъ сказалъ, что я намѣренъ купить эту рощу? и развѣ вы можете запретить вашему братцу продавать свою собственность?

КАУРОВА.

Этого я не могу ему запретить, да дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что вы насъ не по чистой совѣсти дѣлите, не по справедливости, то есть, а какъ для васъ выгоднѣе.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

О, это слишкомъ!

АЛУНКИНЪ.

А, вотъ и вы теперь тоже говорите!

ПЕХТЕРЬЕВЪ.

Все это запутано, признаюсь, очень темно и запутано.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Это наконецъ всякаго выведетъ изъ терпѣнія... Чтò тутъ запутаннаго? чтò тутъ темнаго? Ну, да! я намѣренъ купить у Ѳерапонта Ильича рощу; я, можетъ быть, весь его участокъ намѣренъ пріобрѣсти. Чтò жь изъ этого слѣдуетъ? позвольте спросить?... Я не по чистой совѣсти дѣлю... и повернулся у васъ языкъ это сказать! Анна Ильинишна женщина, я ее извиняю; но вы, Петръ Петровичъ... запутано! Вы бы сперва посмотрѣли, вѣрно ли раздѣлено имѣніе... Стало быть, вѣрно, коли имъ предоставлялся выборъ участка.

ПЕХТЕРЬЕВЪ.

Напрасно вы такъ горячитесь, Николай Иванычъ!

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Помилуйте, когда меня Богъ знаетъ въ чемъ подозрѣваютъ,—меня, предводителя, удостоеннаго лестнаго вниманія

дворянства! Помилуйте, еще бы не горячиться, когда задѣваютъ мою честь!

ПЕХТЕРЬЕВЪ.

Вашей чести никто не задѣваетъ, да и притомъ, почему жь, если можно, безобидно, какъ говорится, согласить собственную выгоду съ выгодой другаго, почему жь и не сдѣлать такъ? А что касается до предводительства, то, повѣрьте, Николай Иванычъ, не всегда выбираютъ самыхъ достойныхъ, и если кого отставили, это еще не значитъ, что онъ недостойный. Впрочемъ, я это, конечно, говорю не для васъ...

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Понимаю, Петръ Петровичъ! Я понимаю, это вы на свой счетъ изволите говорить, да и на мой кстати. Чтожь, извольте попытаться! Выборы близко. Можетъ быть, на сей разъ дворянство откроетъ наконецъ глаза... Можетъ быть, оно наконецъ оцѣнитъ настоящія ваши достоинства.

ПЕХТЕРЬЕВЪ.

Если господа дворяне почтутъ меня своею довѣренностью, я не откажусь, не безпокойтесь.

КАУРОВА.

И тогда у насъ будетъ настоящій предводитель!

БАЛАГАЛАЕВЪ.

О, я не сомнѣваюсь! Но вы поймете теперь, что, послѣ всѣхъ этихъ оскорбительныхъ намековъ, мнѣ было бы совершенно неприлично вмѣшиваться болѣе въ ваши дѣла, а потому....

БЕЗПАНДИНЪ.

Да зачѣмъ же, Николай Иванычъ?

ПЕХТЕРЬЕВЪ.

Николай Иванычъ! я, право...

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Нѣтъ, ужь извините. Вельвицкій, подай сюда всѣ ихъ бумаги. Вотъ вамъ ваши письма, ваши планы. Дѣлитесь, какъ знаете, обратитесь, если хотите, къ Петру Петровичу.

КАУРОВА.

Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ.

ПЕХТЕРЬЕВЪ.

А я рѣшительно отказываюсь: я вовсе не намѣренъ... Помилуйте!

БЕЗПАНДИНЪ.

Николай Иванычъ, пожалуйста, сдѣлайте одолженіе. Извините насъ, то есть, эту глупую бабу... вѣдь она всему причиной...

БАЛАГАЛАЕВЪ.

И слышать ничего не хочу! Повторяю вамъ, дѣлитесь, какъ хотите, мнѣ до этого дѣла нѣтъ. Я изъ силъ выбился!

БЕЗПАНДИНЪ.

А все ты, безмозглая! Ну, что̀ ты тутъ напутала!... Какже! уступлю я тебѣ рощу со всѣми лугами, да усадьбой... сейчасъ! да! погоди!...

АЛУПКИНЪ.

Хорошо, хорошо, хорошо! вотъ такъ еѐ, вотъ такъ, вотъ такъ!....

КАУРОВА.

Петръ Петровичъ! заступись за меня, батюшка; вы его не знаете: онъ меня зарѣзать готовъ; это извергъ, батюшка, убійца!... онъ меня нѣсколько разъ ужь отравливалъ, батюшка мой!...

БЕЗПАНДИНЪ.

Молчи, сумасшедшая!... Николай Иванычъ! сдѣлайте одолженіе...

КАУРОВА (*Пехтерьеву*).

Батюшка, батюшка!...

ПЕХТЕРЬЕВЪ

Позвольте, позвольте!... да что̀ же это наконецъ?

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ и НАГЛАНОВИЧЪ.

НАГЛАНОВИЧЪ.

Николай Иванычъ! я къ вамъ... Его превосходительство изволилъ...

АЛУПКИНЪ.

А, вы опять? вы опять за мной... опять насчетъ козла?... опять?

НАГЛАНОВИЧЪ.

Чтò вы? чтò съ вами? чтò это за человѣкъ?...

АЛУПКИНЪ.

А вы не узнали меня, небось... Алупкинъ, Алупкинъ, помѣщикъ.

НАГЛАНОВИЧЪ.

Отстаньте. Вашъ козелъ судебнымъ порядкомъ пошелъ. Я совсѣмъ не къ вамъ: я къ Николаю Иванычу.

ПЕХТЕРЬЕВЪ.

Однако, пустите меня, сударыня!

КАУРОВА.

Батюшка! защити и раздѣли!

АЛУПКИНЪ (*Наглановичу*).

Я, милостивый государь, ни на что не посмотрю. Вы меня оскорбили, милостивый государь! Я, чертъ возьми, я вамъ не козелъ дался, въ самомъ дѣлѣ!

НАГЛАНОВИЧЪ.

Да это сумасшедшій какой-то!

БЕЗПАНДИНЪ.

Николай Иванычъ! возьмите бумаги обратно.

БАЛАГАЛАЕВЪ.

Стойте, господа, слушайте!... Позвольте, у меня, кажется, голова какъ будто кругомъ идетъ... Дѣлежъ, козелъ, упрямая баба, помѣщикъ изъ Тамбова, вдругъ неожиданный становой, завтра дуэль, у меня нечистая совѣсть, усадьба, роща за безцѣнокъ, завтракъ, шумъ, кутерьма... нѣтъ, это слишкомъ. Извините меня, господа... я не въ состояніи... я ничего не понимаю, чтò вы мнѣ говорите, я не въ силахъ, я не могу, не могу! (*Уходитъ.*)

ПЕХТЕРЬЕВЪ.

Николай Иванычъ! Николай Иванычъ! Однако, это прекрасно... хозяинъ ушелъ, чтò жь намъ остается дѣлать?...

НАГЛАНОВИЧЪ.

Что̀ за суматоха! (*Вельвицкому.*) Подите, скажите ему, что мнѣ нужно съ нимъ по дѣламъ службы поговорить. (*Вельвицкій уходитъ.*)

КАУРОВА.

Да Богъ съ нимъ! Ты-то когда насъ, батюшка, дѣлить будешь?

ПЕХТЕРЬЕВЪ.

Я? покорный слуга; что̀ это вы? вы меня за другаго, должно быть, принимаете.

БЕЗПАНДИНЪ.

Вотъ мы и у праздника! Эхъ ты!... Проклятіе всѣмъ бабамъ отнынѣ и во вѣки! (*Уходитъ.*)

КАУРОВА.

Я, по крайней мѣрѣ тутъ ничѣмъ не виновата.

ВЕЛЬВИЦКІЙ (*входитъ*).

Николай Иванычъ приказали сказать, что никого принимать не могутъ; они въ постель ложатся.

НАГЛАНОВИЧЪ.

Ну, значитъ гости-то угостили его. Нечего дѣлать, оставлю записку... Мое почтеніе всей компаніи. (*Уходитъ.*)

АЛУПКИНЪ.

Мы съ вами еще увидимся, милостивый государь! — слышите вы?—Господа, честь имѣю вамъ кланяться. (*Уходитъ.*)

ПЕХТЕРЬЕВЪ.

Да постойте... куда вы?... и мы всѣ съ вами. Признаюсь, я еще ничего подобнаго не видалъ. (*Уходитъ.*)

КАУРОВА.

Петръ Петровичъ, батюшка!... разсудите... (*Уходитъ за Пехтерьевымъ.*)

МИРВОЛИНЪ.

Евгеній Тихонычъ, что же вы? не оставаться же намъ одиимъ! поѣдемте.

СУСЛОВЪ.

Постой, вотъ погоди, они отправятся, мы засядемъ въ преферансъ.

МИРВОЛИНЪ

И то дѣло; да въ такихъ случаяхъ не худо выпить...

СУСЛОВЪ.

Чтожъ, выпьемъ, Мирволинъ, выпьемъ. А какова баба? эта и мою Глафиру Андреевну за поясъ заткнетъ... Вотъ тебѣ и полюбовный дѣлежъ!...

МѢСЯЦЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

(1850)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

АРКАДІЙ СЕРГѢИЧЪ ИСЛАЕВЪ, богатый помѣщикъ, 36 лѣтъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА, жена его, 29 лѣтъ.

КОЛЯ, сынъ ихъ, 10 лѣтъ.

ВѢРОЧКА, воспитанница, 17 лѣтъ.

АННА СЕМЕНОВНА ИСЛАЕВА, мать Ислаева, 58 лѣтъ.

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА, компаньонка, 37 лѣтъ.

ШААФЪ, нѣмецъ, гувернеръ, 45 лѣтъ.

МИХАЙЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ РАКИТИНЪ, другъ дома, 30 лѣтъ.

АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ БѢЛЯЕВЪ, студентъ, учитель Коли, 21 года.

АѲАНАСІЙ ИВАНОВИЧЪ БОЛЬШИНЦОВЪ, сосѣдъ, 48 лѣтъ.

ИГНАТІЙ ИЛЬИЧЪ ШПИГЕЛЬСКІЙ, докторъ, 40 лѣтъ.

МАТВѢЙ, слуга, 40 лѣтъ.

КАТЯ, служанка, 20 лѣтъ.

Дѣйствіе происходитъ въ имѣніи Ислаева, въ началѣ сороковыхъ годовъ. Между 1 и 2, 2 и 3, 4 и 5 дѣйствіями проходитъ по дню.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ гостиную. Направо карточный столъ и дверь въ кабинетъ; прямо дверь въ залу; налѣво два окна и круглый столъ. По угламъ диваны. За карточнымъ столомъ Анна Семеновна, Лизавета Богдановна и Шаафъ играютъ въ преферансъ; у круглаго стола сидятъ Наталья Петровна и Ракитинъ. Наталья Петровна вышиваетъ по канвѣ, у Ракитина въ рукахъ книга. Стѣнные часы показываютъ три часа.

ШААФЪ.

Фъ чѐрвёхъ.

АННА СЕМЕНОВНА.

Опять? Да ты насъ, батюшка, эдакъ совсѣмъ заиграешь.

ШААФЪ (*флегматически*).

Фоземь фъ червёхъ.

АННА СЕМЕНОВНА (*Лизаветѣ Богдановнѣ*).

Каковъ! Съ нимъ играть нельзя. (*Лизавета Богдановна улыбается.*)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*Ракитину*).

Чтожь вы перестали? Читайте.

РАКИТИНЪ (*медленно поднимая книгу*).

«Monte-Cristo se redressa haletant.... Наталья Петровна, васъ это занимаетъ?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Нисколько.

РАКИТИНЪ.

Для чего же мы читаемъ?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А вотъ для чего. На дняхъ мнѣ одна дама говорила: «Вы не читали Монте-Кристо? Ахъ, прочтите — это прелесть». Я ничего ей не отвѣчала тогда, а теперь могу ей сказать, что читала и никакой прелести не нашла.

РАКИТИНЪ.

Ну да, если вы теперь уже успѣли убѣдиться....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ахъ, какой вы лѣнивый!

РАКИТИНЪ.

Я готовъ, помилуйте.... (*Отыскавъ мѣсто, гдѣ остановился.*) Se redressa haletant, et....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*сама перебивая его*).

Видѣли вы Аркадія сегодня?

РАКИТИНЪ.

Я съ нимъ встрѣтился на плотинѣ.... Ее у васъ чинятъ. Онъ объяснялъ что-то рабочимъ и, для бо́льшей ясности, вошелъ въ песокъ по колѣни.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА

Онъ за все принимается съ слишкомъ большимъ жаромъ... слишкомъ старается. Это недостатокъ. Какъ вы думаете?

РАКИТИНЪ.

Я съ вами согласенъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Какъ это скучно!... Вы всегда со мною согласны. Читайте.

РАКИТИНЪ.

А! стало быть, вы хотите, чтобы я съ вами спорилъ.... Извольте.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Я хочу.... Я хочу!... Я хочу, чтобъ *вы* хотѣли.... Читайте, говорятъ вамъ.

РАКИТИНЪ.

Слушаю-съ. (*Опять принимается за книгу.*)

ШААФЪ.

Фъ червёхъ.

АННА СЕМЕНОВНА.

Какъ? опять? Это нестерпимо! (*Натальѣ Петровнѣ.*) Наташа.... Наташа....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Что?

АННА СЕМЕНОВНА.

Вообрази себѣ, Шаафъ насъ совсѣмъ заигралъ.... То и дѣло семь, восемь, въ червяхъ.

ШААФЪ.

И дебѣрь земъ.

АННА СЕМЕНОВНА.

Слышишь? Это ужасно.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да.... ужасно.

АННА СЕМЕНОВНА.

Такъ вистъ же! (*Натальѣ Петровнѣ.*) А гдѣ Коля?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Онъ ушелъ гулять съ новымъ учителемъ.

АННА СЕМЕНОВНА.

А! Лизавета Богдановна, я васъ приглашаю.

РАКИТИНЪ (*Натальѣ Петровнѣ*).

Съ какимъ учителемъ?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ахъ, да! Я вамъ и забыла сказать.... мы безъ васъ новаго учителя наняли.

РАКИТИНЪ.

На мѣсто Дюфура?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Нѣтъ.... Русскаго учителя. Француза намъ княгиня изъ Москвы пришлетъ.

РАКИТИНЪ.

Что онъ за человѣкъ, этотъ русскій? старый?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Нѣтъ, молодой.... Мы его, впрочемъ, только на лѣтніе мѣсяцы взяли.

РАКИТИНЪ.

А! на кондицію.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да, это у нихъ, кажется, такъ называется. И, знаете ли что, Ракитинъ? Вы вотъ любите наблюдать людей, разбирать ихъ, копаться въ нихъ....

РАКИТИНЪ.

Помилуйте, съ чего вы....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ну да, да.... Обратите-ка на него ваше вниманіе. Мнѣ онъ нравится. Худой, стройный, веселый взглядъ, смѣлое выраженіе.... Вы увидите. Онъ, правда, довольно неловокъ.... а для васъ это бѣда.

РАКИТИНЪ.

Наталья Петровна, вы меня сегодня ужасно преслѣдуете.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Кромѣ шутокъ, обратите на него вниманіе. Мнѣ кажется, изъ него можетъ выйдти человѣкъ славный. А, впрочемъ, Богъ знаетъ!

РАКИТИНЪ.

Вы возбуждаете мое любопытство....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Въ самомъ дѣлѣ? (*Задумчиво.*) Читайте.

РАКИТИНЪ.

Se redressa haletant et....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*вдругъ оглядываясь*).

А гдѣ Вѣра? Я ея съ утра не видала. (*Съ улыбкой Ракитину.*) Бросьте эту книгу.... Я вижу, намъ сегодня читать не удастся.... Разскажите мнѣ лучше что-нибудь....

РАКИТИНЪ.

Извольте.... Чтожь мнѣ вамъ разсказать.... Вы знаете, я нѣсколько дней провелъ у Криницыхъ.... Вообразите, наши молодые уже скучаютъ

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Почему вы это могли замѣтить?

РАКИТИНЪ.

Да развѣ скуку можно скрыть? Все другое можно.... но скуку нѣтъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*поглядѣвъ на него*).

А другое все можно?

РАКИТИНЪ (*помолчавъ немного*).

Я думаю.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*опустивъ глаза*).

Такъ чтожь вы дѣлали у Криницыныхъ?

РАКИТИНЪ.

Ничего. Скучать съ друзьями — ужасная вещь; вамъ ловко, вы не стѣснены, вы ихъ любите, злиться вамъ не начто, а скука васъ все-таки томитъ, и сердце глупо ноетъ, словно голодное.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вамъ, должно быть, часто съ друзьями скучно бываетъ.

РАКИТИНЪ.

Какъ будто и вы не знаете, что̀ значитъ присутствіе человѣка, котораго любишь и который надоѣдаетъ!

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*медленно*).

Котораго любишь.... это великое слово. Вы что-то мудрено говорите.

РАКИТИНЪ.

Мудрено.... почему же мудрено?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да, это вашъ недостатокъ. Знаете ли что̀, Ракитинъ: вы, конечно, очень умны, но.... (*останавливаясь*) иногда мы съ вами разговариваемъ, точно кружево плетемъ.... А вы видали, какъ кружево плетутъ? Въ душныхъ комнатахъ, не двигаясь съ мѣста.... Кружево прекрасная вещь, но глотокъ свѣжей воды въ жаркій день гораздо лучше.

РАКИТИНЪ.

Наталья Петровна, вы сегодня....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Что?

РАКИТИНЪ.

Вы сегодня на меня за что-то сердитесь.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

О, тонкіе люди, какъ вы мало проницательны, хотя и тонки!... Нѣтъ, я на васъ не сержусь.

АННА СЕМЕНОВНА.

А! наконецъ обремизился! Попался! (*Натальѣ Петровнѣ.*) Наташа, злодѣй нашъ поставилъ ремизъ.

ШААФЪ (*кисло*).

Лисафетъ Богдановнѣ фиповатъ ...

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА (*съ сердцемъ*).

Извините-съ, я не могла знать, что у Анны Семеновны не было червей.

ШААФЪ.

Фперѣтъ я Лисафетъ Богдановнѣ не приклашаю.

АННА СЕМЕНОВНА (*Шаафу*).

Да чѣмъ же она виновата?

ШААФЪ (*повторяетъ точно тѣмъ же голосомъ*).

Фперѣтъ я Лисафетъ Богдановнѣ не приклашаю.

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА.

А мнѣ что! Вотъ еще!...

РАКИТИНЪ.

Чѣмъ болѣе я на васъ гляжу, Наталья Петровна, тѣмъ болѣе я не узнаю вашего лица сегодня.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*съ нѣкоторымъ любопытствомъ*).

Въ самомъ дѣлѣ?

РАКИТИНЪ.

Право. Я нахожу въ васъ какую-то перемѣну.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да?... Въ такомъ случаѣ, сдѣлайте одолженье.... Вы вѣдь меня знаете — угадайте, въ чемъ состоитъ эта перемѣна, что̀ во мнѣ такое произошло — а?

РАКИТИНЪ.

А вотъ погодите....

(*Коля вдругъ съ шумомъ вбѣгаетъ изъ залы прямо къ Аннѣ Семеновнѣ.*)

КОЛЯ.

Бабушка, бабушка! посмотри-ка, что у меня! (*Показываетъ ей лукъ и стрѣлы.*) Посмотри-ка!

АННА СЕМЕНОВНА.

Покажи, душа моя... Ахъ, какой славный лукъ! кто тебѣ его сдѣлалъ?

КОЛЯ.

Вотъ онъ.... онъ.... (*Указываетъ на Бѣляева, который остановился у двери залы.*)

АННА СЕМЕНОВНА.

А! да какъ онъ хорошо сдѣланъ....

КОЛЯ.

Я уже стрѣлялъ изъ него въ дерево, бабушка, и попалъ два раза.... (*Прыгаетъ.*)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Покажи, Коля.

КОЛЯ (*бѣжитъ къ ней и пока Наталья Петровна разсматриваетъ лукъ*)

Ахъ, maman! какъ Алексѣй Николаичъ на деревья лазитъ! Онъ меня хочетъ выучить, и плавать тоже онъ меня выучитъ. Онъ меня всему, всему выучитъ! (*Прыгаетъ.*)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*Бѣляеву*).

Я вамъ очень благодарна за ваше вниманіе къ Колѣ....

КОЛЯ (*съ жаромъ ее перебивая*).

Я его очень люблю, maman, очень!

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*гладя Колю по головѣ*).

Онъ у меня немножко изнѣженъ.... Сдѣлайте мнѣ изъ него ловкаго и проворнаго мальчика. (*Бѣляевъ кланяется.*)

КОЛЯ.

Алексѣй Николаичъ, пойдемте въ конюшню, отнесемъ Фавориту хлѣба.

БѢЛЯЕВЪ.

Пойдемте.

АННА СЕМЕНОВНА (*Колѣ*).

Поди сюда, поцѣлуй меня сперва....

КОЛЯ (*убѣгая*).

Послѣ, бабушка, послѣ! (*Убѣгаетъ въ залу; Бѣляевъ уходитъ за нимъ.*)

АННА СЕМЕНОВНА (*глядя вслѣдъ Колѣ*).

Что за милый ребенокъ! (*Къ Шаафу и Лизаветѣ Богдановнѣ.*) Не правда ли?

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА

Какъ же-съ.

ШААФЪ (*помолчавъ немного*).

Я пассъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*съ нѣкоторой живостью Ракитину*).

Ну, какъ онъ вамъ показался?

РАКИТИНЪ.

Кто?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*помолчавъ*).

Этотъ.... русскій учитель.

РАКИТИНЪ.

Ахъ, извините — я и забылъ.... Я такъ былъ занятъ вопросомъ, который вы мнѣ задали.... (*Наталья Петровна глядитъ на него съ едва замѣтной усмѣшкой.*) Впрочемъ, его лицо.... дѣйствительно.... Да; у него хорошее лицо. Онъ мнѣ нравится. Только, кажется, онъ очень застѣнчивъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да.

РАКИТИНЪ (*глядя на нее*).

Но все-таки я не могу себѣ дать отчета....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Чтò бы намъ съ вами позаняться имъ, Ракитинъ? Хотите? Окончимте его воспитаніе. Вотъ превосходный случай для степенныхъ, разсудительныхъ людей, каковы мы съ вами! Вѣдь мы очень разсудительны, не правда ли?

РАКИТИНЪ.

Этотъ молодой человѣкъ васъ занимаетъ. Еслибъ онъ это зналъ.... его бы это польстило.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

О, повѣрьте, нисколько! О немъ нельзя судить по тому,

что.... нашъ братъ сдѣлалъ бы на его мѣстѣ. Вѣдь онъ нисколько на насъ не похожъ, Ракитинъ. Въ томъ-то и бѣда, другъ мой: мы самихъ себя изучаемъ съ большимъ прилежаніемъ и воображаемъ потомъ, что знаемъ людей.

РАКИТИНЪ.

Чужая душа — темный лѣсъ. Но, къ чему эти намеки.... Зачто вы меня, то и дѣло, колете?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Кого же колоть, коли не друзей.... А вы мой другъ.... Вы это знаете. (*Жметъ ему руку. Ракитинъ улыбается и свѣтлѣетъ.*) Вы мой старый другъ.

РАКИТИНЪ.

Боюсь я только.... какъ бы этотъ старый другъ вамъ не пріѣлся ...

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*смѣясь*).

Однѣ хорошія вещи пріѣдаются.

РАКИТИНЪ.

Можетъ быть.... Только отъ этого имъ не легче.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Полноте.... (*Понизивъ голосъ.*) Какъ будто вы не знаете.... ce que vous êtes pour moi.

РАКИТИНЪ.

Наталья Петровна, вы играете со мной какъ кошка съ мышью.... Но мышь не жалуется.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

О, бѣдный мышенокъ!

АННА СЕМЕНОВНА.

Двадцать съ васъ, Адамъ Иванычъ.... Ага!

ШААФЪ.

Я фперѣтъ Лисафетъ Богдановнѣ не приклашаю.

МАТВѢЙ (*входитъ изъ залы и докладываетъ*)

Игнатій Ильичъ пріѣхали-съ.

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*входя по его слѣдамъ*).

Объ докторахъ не докладываютъ. (*Матвѣй уходитъ.*) Нижайшее мое почтенье всему семейству. (*Подходитъ къ Аннѣ

Семеновнѣ къ ручкѣ.) Здравствуйте, барыня. Чай въ выигрышѣ?

АННА СЕМЕНОВНА.

Какое въ выигрышѣ! Насилу отыгралась.... И то слава Богу! Все вотъ этотъ злодѣй. (*Указывая на Шаафа.*)

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*Шаафу*).

Адамъ Иванычъ, съ дамами-то! это нехорошо.... Я васъ не узнаю.

ШААФЪ (*ворча сквозь зубы*).

Здамами, здамами....

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*подходитъ къ круглому столу на лѣво*).

Здравствуйте, Наталья Петровна! Здравствуйте, Михайло Александрычъ!

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Здравствуйте, докторъ. Какъ вы поживаете?

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Мнѣ этотъ вопросъ очень нравится.... Значитъ, вы здоровы. Что со мною дѣлается? Порядочный докторъ никогда боленъ не бываетъ; развѣ вдругъ возьметъ да умретъ... Ха, ха.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Сядьте. Я здорова, точно.... но я не въ духѣ.... А вѣдь это тоже нездоровье.

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*садясь подлѣ Натальи Петровны*).

А позвольте-ка вашъ пульсъ.... (*Щупаетъ у ней пульсъ.*) Охъ, ужь эти мнѣ нервы, нервы.... Вы мало гуляете, Наталья Петровна.... мало смѣетесь.... вотъ что.... Михайло Александрычъ, что вы смотрите? А, впрочемъ, можно бѣлыя капли прописать.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Я не прочь смѣяться.... (*Съ живостью.*) Да вотъ вы, докторъ.... у васъ злой языкъ, я васъ за это очень люблю и уважаю, право... разскажите мнѣ что-нибудь смѣшное. Михайло Александрычъ сегодня все философствуетъ.

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*украдкою поглядывая на Ракитина*).

А, видно не одни нервы страдаютъ, и жолчь то же немножко расходилась....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ну, и вы туда же! Наблюдайте, сколько хотите, докторъ, да только не вслухъ. Мы всѣ знаемъ, что вы ужасно проницательны.... Вы оба очень проницательны.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Слушаю-съ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Разскажите намъ что-нибудь смѣшное.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Слушаю-съ. Вотъ не думалъ, не гадалъ — цапъ-царапъ, разсказывай.... Позвольте табачку понюхать. (*Нюхаетъ.*)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Какія приготовленья!

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Да вѣдь, матушка моя, Наталья Петровна, вы извольте сообразить: смѣшное смѣшному розь. Чтò для кого. Сосѣду вашему, напримѣръ, господину Хлопушкину стòитъ только эдакъ палецъ показать, ужь онъ и залился и хрипитъ й плачетъ... а вѣдь вы... Ну, однако позвольте. Знаете ли вы Вереницына, Платона Васильевича?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Кажется, знаю, или слыхала.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

У него еще сестра сумасшедшая. По моему, они либо оба сумасшедшіе, либо оба въ здравомъ смыслѣ; потому что между братомъ и сестрой рѣшительно нѣтъ никакой разницы, но дѣло не въ томъ. Судьба-съ, вездѣ судьба-съ и во всемъ судьба-съ. У Вереницына дочь, зелененькая, знаете, такая, глазки блѣдненькіе, носикъ красненькій, зубки жолтенькіе, ну словомъ очень любезная дѣвица; на фортепьянахъ играетъ и сюсюкаетъ тоже, стало быть все въ порядкѣ. За ней двѣсти душъ, да теткиныхъ полтораста. Тетка-то еще жива и долго проживетъ, сумасшедшіе всѣ долго живутъ, да вѣдь всякому горю пособить можно. Подписала же она духовную въ пользу племянницы, а наканунѣ я ей собственноручно на голову холодную воду лилъ — и совершенно, впрочемъ, напрасно лилъ, потому что

вылечить ее нѣтъ никакой возможности. Ну, стало быть, у Вереницына дочь, невѣста не изъ послѣднихъ. Началъ онъ ее вывозить, стали женихи появляться, между прочими нѣкто Перекузовъ, худосочный молодой человѣкъ, робкій, но съ отличными правилами. Вотъ-съ, понравился нашъ Перекузовъ отцу; понравился и дочери.... Кажись, зачѣмъ бы дѣло стало? съ Богомъ подъ вѣнецъ! И дѣйствительно все шло прекрасно: г-нъ Вереницынъ, Платонъ Васильичъ, уже начиналъ г-на Перекузова по желудку эдакъ, знаете, хлопать и по плечу трепать, какъ вдругъ откуда ни возьмись заѣзжій офицеръ, Ардаліонъ Протобекасовъ! На балѣ у предводителя увидалъ Вереницынову дочь, протанцовалъ съ ней три польки, сказалъ ей должно быть эдакъ закативши глаза: «о, какъ я несчастливъ!» барышня моя такъ разомъ и свихнулась. Слезы пошли, вздохи, охи.... На Перекузова не глядятъ, съ Перекузовымъ не говорятъ, отъ одного слова «свадьба» корчи дѣлаются.... Фу ты, Господи Боже мой, что за притча! Ну, думаетъ Вереницынъ, коли Протобекасова, такъ Протобекасова. Благо же онъ человѣкъ тоже съ состояньемъ. Приглашаютъ Протобекасова, дескать сдѣлайте честь.... Протобекасовъ дѣлаетъ честь; Протобекасовъ пріѣзжаетъ, волочится, влюбляется, наконецъ предлагаетъ руку и сердце. Чтожь вы думаете? Дѣвица Вереницына тотчасъ съ радостью соглашается? Какъ бы не такъ! Сохрани Богъ! Опять слезы, вздохи, припадки. Отецъ приходитъ въ тупикъ. Что же наконецъ? Чего надобно? А она что̀, вы думаете, ему отвѣчаетъ? Я, дескать, батюшка, не знаю, кого люблю, того или этого. «Какъ?» Ей-богу, не знаю, и ужь лучше ни за кого не выду, а люблю! Съ Вереницынымъ, разумѣется, тотчасъ холера, женихи тоже не знаютъ, что̀жь такое наконецъ? а она все на своемъ. Вотъ-съ, извольте разсудить, какія чудеса у насъ происходятъ!

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Я въ этомъ ничего удивительнаго не нахожу.... Какъ будто нельзя двухъ людей разомъ любить?

РАКИТИНЪ.

А! Вы думаете....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*медленно*).

Я думаю.... а впрочемъ, не знаю.... можетъ быть, это доказываетъ только то, что ни того, ни другого не любишь.

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*нюхая табакъ и посматривая то на Наталью Петровну, то на Ракитина*).

Вотъ какъ-съ, вотъ какъ-съ....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*съ живостью Шпигельскому*).

Вашъ разсказъ очень хорошъ, но вы все-таки меня не разсмѣшили.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Да, барыня вы моя, кто васъ разсмѣшитъ теперь, помилуйте? Вамъ теперь не того нужно.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Чего же мнѣ нужно?

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*съ притворно-смиреннымъ видомъ*).

А Господь вѣдаетъ!

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ахъ, какой вы скучный, не лучше Ракитина.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Много чести, помилуйте.... (*Наталья Петровна дѣлаетъ нетерпѣливое движенье.*)

АННА СЕМЕНОВНА (*поднимаясь съ мѣста*).

Ну, наконецъ... (*Вздыхаетъ.*) Ноги себѣ отсидѣла совсѣмъ. (*Лизавета Богдановна и Шаафъ тоже встаютъ.*) О-охъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*встаетъ и идетъ къ нимъ*).

Охота же вамъ такъ долго сидѣть.... (*Шпигельскій и Ракитинъ встаютъ.*)

АННА СЕМЕНОВНА (*Шаафу*).

За тобою семь гривенъ, батюшка. (*Шаафъ сухо кланяется.*) Не все тебѣ насъ наказывать. (*Натальѣ Петровнѣ.*) Ты сегодня какъ будто блѣдна, Наташа. Здорова ты?... Шпигельскій, здорова она?

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*который о чемъ-то перешептывался съ Ракитинымъ*).

О, совершенно!

АННА СЕМЕНОВНА.

То-то же.... А я пойду немножко отдохнуть передъ обѣдомъ.... Устала смерть. Лиза, пойдемъ.... охъ, ноги, ноги.... (*Идетъ съ Лизаветой Богдановной въ залу. Наталья Петровна провожаетъ ее до дверей. Шпигельскій, Ракитинъ и Шаафъ остаются на аванъ-сценѣ.*)

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*Шаафу, подавая ему табакерку*).

Ну, Адамъ Иванычъ, ви бефинденъ зи зихъ?

ШААФЪ (*нюхая съ важностью*).

Карашо. А фи какъ?

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Покорно благодарю, по маленьку. (*Ракитину въ полголоса.*) Такъ вы точно не знаете, что̀ съ Натальей Петровной сегодня?

РАКИТИНЪ.

Право, не знаю.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Ну коли вы не знаете.... (*Оборачивается и идетъ навстрѣчу Натальѣ Петровнѣ, которая возвращается отъ двери.*) А у меня есть до васъ дѣльце, Наталья Петровна.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*идя къ окну*).

Неужели? какое?

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Мнѣ нужно съ вами поговорить наединѣ....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вотъ какъ.... вы меня пугаете.

(*Ракитинъ между тѣмъ взялъ Шаафа подъ руку, ходитъ съ нимъ взадъ и впередъ и шепчетъ ему что-то по нѣмецки. Шаафъ смѣется и говоритъ въ полголоса: «Ja, ja, ja, ja wohl, ja wohl, sehr gut».*)

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*понизивъ голосъ*).

Это дѣло собственно не до васъ однихъ касается....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*глядя въ садъ*).

Что вы хотите сказать?

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Вотъ въ чемъ дѣло-съ. Одинъ хорошій знакомый меня про-

силъ узнать.... то есть.... ваши намѣренія насчетъ вашей воспитанницы.... Вѣры Александровны.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Мои намѣренія?

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

То есть.... говоря безъ обиняковъ, мой знакомый....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ужь не сватается ли за нее?

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Точно такъ-съ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вы шутите?

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Никакъ нѣтъ-съ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*смѣясь*).

Да помилуйте, она еще ребенокъ; какое странное порученіе!

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Чѣмъ же странное, Наталья Петровна? мой знакомый....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вы большой дѣлецъ, Шпигельскій.... А кто такой вашъ знакомый?

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*улыбаясь*).

Позвольте, позвольте. Вы мнѣ еще ничего не сказали положительнаго насчетъ....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Полноте, докторъ. Вѣра еще дитя. Вы сами это знаете, господинъ дипломатъ. (*Оборачиваясь.*) Да вотъ кстати и она. (*Изъ залы вбѣгаютъ Вѣра и Коля.*)

КОЛЯ (*бѣжитъ къ Ракитину*).

Ракитинъ, вели намъ клею дать, клею....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*къ Вѣрѣ*).

Откуда вы? (*Гладитъ ее по щекѣ.*) Какъ ты раскраснѣлась?

ВѢРА.

Изъ саду.... (*Шпигельскій ей кланяется.*) Здравствуйте, Игнатій Ильичъ.

РАКИТИНЪ (*Колѣ*).

Начто тебѣ клею?

КОЛЯ.

Нужно, нужно... Алексѣй Николаичъ намъ змѣя дѣлаетъ... Прикажи...

РАКИТИНЪ (*хочетъ позвонить*).

Постой, сейчасъ...,

ШААФЪ

Erlauben sie.... Каспадинъ Колія сифодне сфой лекціонъ не брочидалъ.... (*Беретъ Колю за руку.*) Kommen sie.

КОЛЯ (*печально*).

Morgen, Herr Schaaf, morgen....

ШААФЪ (*рѣзко*).

Morgen, morgen, nur nicht heute, sagen alle faulen Leute... Kommen sie.... (*Коля упирается.*)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*Вѣрѣ*).

Съ кѣмъ это ты такъ долго гуляла? Я тебя не видала съ утра.

ВѢРА.

Съ Алексѣемъ Николаичемъ.... съ Колей....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА

А! (*Оборачиваясь.*) Коля, что это значитъ?

КОЛЯ (*понизивъ голосъ*).

Господинъ Шаафъ.... Мамаша....

РАКИТИНЪ (*Натальѣ Петровнѣ*).

Они тамъ змѣя дѣлаютъ, а здѣсь вотъ ему урокъ хотятъ задать.

ШААФЪ (*съ чувствомъ достоинства*).

Gnädige Frau....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*строго Колѣ*).

Извольте слушаться, довольно вы сегодня бѣгали.... Ступайте съ господиномъ Шаафъ.

ШААФЪ (*уводя Колю въ залу*).

Es ist unerhört!

КОЛЯ (*уходя, шопотомъ Ракитину*).

А ты все-таки клей прикажи.... (*Ракитинъ киваетъ.*)

ШААФЪ (*дергая Колю*).

Kommen sie, mein Herr.... (*Уходитъ съ нимъ въ залу. Ракитинъ уходитъ вслѣдъ за ними.*)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*Вѣрѣ*).

Сядь.... ты, должно быть, устала.... (*Садится сама.*)

ВѢРА (*садясь*).

Никакъ нѣтъ-съ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*съ улыбкой Шпигельскому*).

Шпигельскій, посмотрите на нее, вѣдь она устала?

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Да вѣдь это Вѣрѣ Александровнѣ здорово.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Я не говорю.... (*Вѣрѣ.*) Ну, что вы въ саду дѣлали?

ВѢРА.

Играли-съ; бѣгали-съ. Сперва мы смотрѣли, какъ плотину копаютъ, а потомъ Алексѣй Николаичъ за бѣлкой на дерево полѣзъ, высоко-высоко, и началъ верхушку качать.... Намъ всѣмъ даже страшно стало.... Бѣлка наконецъ упала, и Трезоръ чуть-чуть ее не поймалъ.... Однако она ушла.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*съ улыбкой взглянувъ на Шпигельскаго*).

А потомъ?

ВѢРА.

А потомъ Алексѣй Николаичъ Колѣ лукъ сдѣлалъ. .. да такъ скоро.... а потомъ онъ къ нашей коровѣ на лугу подкрался и вдругъ ей на спину вскочилъ... корова испугалась и побѣжала, забрыкала.... а онъ смѣется (*смѣется сама*), а потомъ Алексѣй Николаичъ хотѣлъ намъ змѣя сдѣлать, вотъ мы и пришли сюда.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*треплетъ ее по щекѣ*).

Дитя, дитя, совершенное ты дитя.... а? какъ вы думаете, Шпигельскій?

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*медленно и глядя на Наталью Петровну*).

Я съ вами согласенъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

То-то же.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Да вѣдь это ничему не мѣшаетъ.... Напротивъ....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вы думаете? (*Вѣрѣ*) Ну и очень вы веселились?

ВѢРА.

Да-съ.... Алексѣй Николаичъ такой забавный.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вотъ какъ. (*Помолчавъ немного.*) Вѣрочка, а сколько тебѣ лѣтъ? (*Вѣра съ нѣкоторымъ изумленіемъ глядитъ на нее.*) Дитя.... дитя... (*Ракитинъ входитъ изъ залы.*)

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*хлопотливо*).

Ахъ, я и забылъ.... у васъ кучеръ боленъ.... а я его еще не видалъ....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Что у него?

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Горячка; впрочемъ, опасности нѣтъ никакой.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*ему вслѣдъ*).

Вы у насъ обѣдаете, докторъ?

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Если позволите. (*Уходитъ въ залу.*)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Mon enfant, vous feriez bien de mettre une autre robe pour le diner.... (*Вѣра встаетъ.*) Подойди ко мнѣ.... (*Цѣлуетъ ее въ лобъ.*) Дитя, дитя. (*Вѣра цѣлуетъ у ней руку и идетъ въ кабинетъ.*)

РАКИТИНЪ (*тихонько Вѣрѣ, мигая глазомъ*).

А я Алексѣю Николаичу послалъ все, что нужно.

ВѢРА (*вполголоса*).

Благодарствуйте, Михайло Александрычъ. (*Уходитъ.*)

РАКИТИНЪ (*подходитъ къ Натальѣ Петровнѣ. Она ему протягиваетъ руку. Онъ тотчасъ ее пожимаетъ*).

Наконецъ мы одни.... Наталья Петровна, скажите мнѣ, что съ вами?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ничего, Michel, ничего.. И если что было, теперь все про-

шло. Сядьте. (*Ракитинъ садится подлѣ нея.*) Съ кѣмъ этого не случается? Ходятъ же по небу тучки. Что́ вы на меня такъ глядите?

РАКИТИНЪ.

Я гляжу на васъ.... Я счастливъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*улыбается ему въ отвѣтъ*).

Откройте окно, Michel. Какъ хорошо въ саду! (*Ракитинъ встаетъ и открываетъ окно.*) Здравствуй, вѣтеръ. (*Смѣется.*) Онъ словно ждалъ случая ворваться.... (*Оглядываясь.*) Какъ онъ завладѣлъ всей комнатой.... Теперь его не выгонишь....

РАКИТИНЪ.

Вы сами теперь мягки и тихи, какъ вечеръ послѣ грозы.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*задумчиво повторяя послѣднія слова*).

Послѣ грозы.... Да развѣ была гроза?

РАКИТИНЪ (*качая головой*).

Собиралась.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Въ самомъ дѣлѣ? (*Глядя на него, послѣ небольшаго молчанія.*) А знаете ли что, Мишель, я не могу вообразить себѣ человѣка добрѣе васъ. Право. (*Ракитинъ хочетъ ее остановить.*) Нѣтъ, не мѣшайте мнѣ высказаться. Вы снисходительны, ласковы, постоянны. Вы не измѣняетесь. Я вамъ многимъ обязана.

РАКИТИНЪ.

Наталья Петровна, зачѣмъ вы мнѣ это говорите именно теперь?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Не знаю; мнѣ весело, я отдыхаю; не запрещайте мнѣ болтать....

РАКИТИНЪ (*жметъ ей руку*).

Вы добры, какъ ангелъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*смѣясь*).

Сегодня поутру вы бы этого не сказали.... Но послушайте, Michel, вы меня знаете, вы должны меня извинить. Наши отношенія такъ чисты, такъ искренни.... и все таки не совсѣмъ

естественны. — Мы съ вами имѣемъ право, не только Аркадію, но всѣмъ прямо въ глаза глядѣть.... Да; но.... (*Задумывается.*) Вотъ отъ того-то мнѣ иногда и тяжело бываетъ и неловко, я злюсь, я готова, какъ дитя, вымѣстить свою досаду на другомъ, особенно на васъ.... Васъ это предпочтеніе не сердитъ?

РАКИТИНЪ (*съ живостью*).

Напротивъ....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да, иногда весело помучить кого любишь... кого любишь... Вѣдь я, какъ Татьяна, тоже могу сказать: «къ чему лукавить?»

РАКИТИНЪ.

Наталья Петровна, вы....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*перебивая его*).

Да.... я васъ люблю; но знаете ли что̀, Ракитинъ? Знаете ли, что̀ мнѣ иногда страннымъ кажется: я васъ люблю.... и это чувство такъ ясно, такъ мирно... Оно меня не волнуетъ... я имъ согрѣта, но.... (*Съ живостью.*) Вы никогда не заставили меня плакать.... а я бы, кажется, должна была... (*Перерываясь*) Что̀ это значитъ?

РАКИТИНЪ (*нѣсколько печально*).

Такой вопросъ не требуетъ отвѣта.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*задумчиво*).

А вѣдь мы давно съ вами знакомы.

РАКИТИНЪ.

Четыре года. Да, мы старые друзья.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Друзья.... Нѣтъ, вы мнѣ болѣе, чѣмъ другъ....

РАКИТИНЪ.

Наталья Петровна, не касайтесь до этого вопроса ... Я боюсь за мое счастье, какъ бы оно не исчезло у васъ подъ руками

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Нѣтъ.... нѣтъ.... нѣтъ. Все дѣло въ томъ, что вы слишкомъ добры.... Вы мнѣ слишкомъ потакаете.... Вы меня избаловали.... Вы слишкомъ добры, слышите?

РАКИТИНЪ (*съ улыбкою*).

Слушаю-съ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*глядя на него*).

Я не знаю, какъ вы.... Я не желаю другаго счастья.... Многіе могутъ мнѣ позавидовать. (*Протягиваетъ ему обѣ руки.*) Не правда ли?

РАКИТИНЪ.

Я въ вашей власти.... дѣлайте изъ меня, что хотите... (*Въ залѣ раздается голосъ Ислаева*: «*Такъ вы послали за нимъ?*».)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*быстро приподнимаясь*).

Онъ! Я не могу теперь его видѣть.... Прощайте! (*Уходитъ въ кабинетъ.*)

РАКИТИНЪ (*глядя ей въ слѣдъ*).

Что это такое? Начало конца, или просто конецъ? (*Помолчавъ немного.*) Или начало?

(*Входитъ Ислаевъ съ озабоченнымъ видомъ и снимаетъ шляпу.*)

ИСЛАЕВЪ.

Здравствуй, Michel.

РАКИТИНЪ.

Мы уже видѣлись сегодня.

ИСЛАЕВЪ.

А! извини.... Я совершенно захлопотался. — (*Ходитъ по комнатѣ.*) Странное дѣло! Русскій мужикъ очень смышленъ, очень понятливъ, я уважаю Русскаго мужика.... а между тѣмъ иногда говоришь ему, говоришь, толкуешь, толкуешь... Ясно, кажется, а пользы никакой. У Русскаго мужика нѣтъ этого.... этого....

РАКИТИНЪ.

Да ты все еще надъ плотиной хлопочешь?

ИСЛАЕВЪ.

Этого.... такъ сказать.... этой любви къ работѣ нѣту.... именно любви нѣтъ. Онъ тебѣ мнѣнья твоего хорошо высказать не дастъ. — «Слушаю, батюшка»... А какое: слушаю — просто ничего не понялъ. Посмотри-ка на нѣмца — тò ли

дѣло! Терпѣнья у Русскаго нѣтъ. — Совсѣмъ тѣмъ я его уважаю.... А гдѣ Наташа? Не знаешь?

РАКИТИНЪ.

Она сейчасъ здѣсь была.

ИСЛАЕВЪ.

Да который часъ? Пора бы обѣдать. Съ утра на ногахъ — дѣла пропасть... А еще сегодня на постройкѣ не былъ. Время такъ вотъ и уходитъ. Бѣда! — просто никуда не поспѣваешь! (*Ракитинъ улыбается.*) Ты, я вижу, смѣешься надо мной.... Да чтожь, братъ, дѣлатъ? Кому что̀. Я человѣкъ положительный, рожденъ быть хозяиномъ — и больше ничѣмъ. Было время — я о другомъ мечталъ; да осѣкся братъ! Пальцы себѣ обжегъ — во̀-какъ! — Что̀ это Бѣляевъ не идетъ?

РАКИТИНЪ.

Кто такое, Бѣляевъ?

ИСЛАЕВЪ.

А новый нашъ учитель, Русскій. Дичокъ еще порядочный; ну да привыкнетъ. Малый неглупый. Я его попросилъ сегодня посмотрѣть, что̀ постройка.... (*Входитъ Бѣляевъ.*) А да вотъ и онъ! — Ну что̀? Какъ тамъ? Ничего не дѣлаютъ, небось? А?

БѢЛЯЕВЪ.

Нѣтъ-съ; работаютъ.

ИСЛАЕВЪ.

Второй срубъ кончили?

БѢЛЯЕВЪ.

Начали третій.

ИСЛАЕВЪ.

А на счетъ вѣнцовъ — вы сказали?

БѢЛЯЕВЪ.

Сказалъ.

ИСЛАЕВЪ.

Ну — а они что̀?

БѢЛЯЕВЪ.

Они говорятъ, что иначе они и не дѣлали никогда.

ИСЛАЕВЪ.

Гмъ. Ермилъ плотникъ тамъ?

БѢЛЯЕВЪ.

Тамъ.

ИСЛАЕВЪ.

А!... Ну, благодарствуйте! (*Входитъ Наталья.*) А! Наташа! здравствуй!

РАКИТИНЪ.

Что ты это сегодня со всѣми двадцать разъ здороваешься?

ИСЛАЕВЪ.

Говорятъ тебѣ, захлопотался. Ахъ кстати! Я тебѣ не показывалъ новую мою вѣялку? Пойдемъ, пожалуйста; это любопытно. Вообрази—ураганъ изъ нея, просто ураганъ. До обѣда еще успѣемъ.... Хочешь?

РАКИТИНЪ.

Изволь.

ИСЛАЕВЪ.

А ты, Наташа, не идешь съ нами?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Будто я понимаю что̀ въ вашихъ вѣялкахъ! — Ступайте вы одни — да смотрите, не замѣшкайтесь.

ИСЛАЕВЪ (*уходя съ Ракитинымъ*).

Мы сей часъ.... (*Бѣляевъ собирается за ними идти.*)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*Бѣляеву*).

Куда же вы, Алексѣй Николаичъ?

БѢЛЯЕВЪ.

Я-съ.... я....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Впрочемъ, если вы хотите гулять....

БѢЛЯЕВЪ.

Нѣтъ-съ, я цѣлое утро былъ на воздухѣ!

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А! ну въ такомъ случаѣ сядьте.... Сядьте здѣсь (*указывая ему на стулъ*). Мы съ вами еще не поговорили какъ слѣдуетъ, Алексѣй Николаичъ. Мы еще не познакомились. (*Бѣля-*

евъ кланяется и садится.) А я желаю съ вами познакомиться.

БѢЛЯЕВЪ.

Я-съ.... мнѣ очень лестно.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*съ улыбкой*).

Вы меня теперь боитесь, я это вижу.... но погодите, вы меня узнаете, вы перестанете меня бояться. Скажите... Скажите, сколько вамъ лѣтъ?

БѢЛЯЕВЪ.

Двадцать-одинъ-съ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ваши родители живы?

БѢЛЯЕВЪ.

Мать моя умерла. Отецъ живъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

И давно ваша матуша скончалась?

БѢЛЯЕВЪ.

Давно-съ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Но вы ее помните?

БѢЛЯЕВЪ.

Какже.... помню-съ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А батюшка вашъ въ Москвѣ живетъ?

БѢЛЯЕВЪ.

Никакъ нѣтъ-съ, въ деревнѣ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А! что у васъ есть братья.... сестры.

БѢЛЯЕВЪ.

Одна сестра.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вы ее очень любите?

БѢЛЯЕВЪ.

Люблю-съ. Она гораздо моложе меня.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А какъ ее зовутъ?

БѢЛЯЕВЪ.

Натальей.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*съ живостью*).

Натальей? Это странно. И меня также Натальей зовутъ.... (*Останавливается.*) И вы очень ее любите?

БѢЛЯЕВЪ.

Да-съ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Скажите, какъ вы находите моего Колю?

БѢЛЯЕВЪ.

Онъ очень милый мальчикъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Не правда ли? И такой любящій! Онъ уже успѣлъ привязаться къ вамъ.

БѢЛЯЕВЪ.

Я готовъ стараться.... Я радъ....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вотъ видите ли, Алексѣй Николаичъ, конечно я бы желала сдѣлать изъ него современемъ дѣльнаго человѣка. Я не знаю, удастся ли это мнѣ, но во всякомъ случаѣ я хочу, чтобы онъ всегда съ удовольствіемъ вспоминалъ о времени своего дѣтства. Пусть онъ растетъ себѣ на волѣ — это главное. Я сама была иначе воспитана, Алексѣй Николаичъ; мой отецъ былъ человѣкъ не злой, но раздражительный и строгій.... всѣ въ домѣ, начиная съ маменьки, его боялись. Мы съ братомъ бывало всякій разъ украдкой крестились, когда насъ звали къ нему. Иногда мой отецъ принимался меня ласкать, но даже въ его объятіяхъ я, помнится, вся замирала. Братъ мой выросъ, и вы, можетъ быть, слыхали объ его разрывѣ съ отцомъ.... Я никогда не забуду этого страшнаго дня.... Я до самой кончины батюшки осталась покорною дочерью.... онъ называлъ меня своимъ утѣшеньемъ, своей Антигоной... (онъ ослѣпъ въ послѣдніе годы своей жизни); но самыя его нѣжныя ласки не могли изгладить во мнѣ первыя впечатлѣнія моей молодости... Я боялась его, слѣпаго старика, и никогда въ его присутствіи не чувствовала себя свободной.... Слѣды

этой робости, этого долгаго принужденья, можетъ быть, до сихъ поръ не исчезли совершенно.... я знаю, я съ перваго взгляда кажусь... какъ это сказать?... холодной, что ли... Но я замѣчаю, что я разсказываю вамъ о самой себѣ, вмѣсто того, чтобы говорить вамъ о Колѣ. Я только хотѣла сказать, что я по собственному опыту знаю, какъ хорошо ребенку рости на волѣ... Вотъ васъ, я думаю, въ дѣтствѣ не стѣсняли, не правда ли?

БѢЛЯЕВЪ.

Какъ вамъ сказать-съ.... Меня, конечно, никто не стѣснялъ.... мной никто не занимался.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*робко*).

А вашъ батюшка развѣ....

БѢЛЯЕВЪ.

Ему было не до того-съ. Онъ все больше по сосѣдямъ ѣздилъ.... по дѣламъ-съ.... Или хотя и не по дѣламъ, а.... Онъ черезъ нихъ, можно сказать, хлѣбъ свой добывалъ. Черезъ свои услуги.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А! И такъ-таки никто не занимался вашимъ воспитаніемъ?

БѢЛЯЕВЪ.

По правдѣ сказать, никто. Впрочемъ оно, должно быть, замѣтно. Я слишкомъ хорошо чувствую свои недостатки.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Можетъ быть.... но зато.... (*Останавливается и продолжаетъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ.*) Ахъ, кстати, Алексѣй Николаичъ, это вы вчера въ саду пѣли?

БѢЛЯЕВЪ.

Когда-съ?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вечеромъ, возлѣ пруда, вы?

БѢЛЯЕВЪ.

Я-съ. (*Поспѣшно.*) Я не думалъ.... прудъ отсюда такъ далеко.... Я не думалъ, чтобы здѣсь можно было слышать....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да вы какъ будто извиняетесь? У васъ очень пріятный,

звонкій голосъ и вы такъ хорошо поете. Вы учились музыкѣ?

БѢЛЯЕВЪ.

Никакъ нѣтъ-съ. Я по наслышкѣ пою-съ.... однѣ простыя пѣсни.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вы ихъ прекрасно поете.... Я васъ когда нибудь попрошу.... не теперь, а вотъ когда мы съ вами больше познакомимся, когда мы сблизимся съ вами.... вѣдь, не правда ли, Алексѣй Николаичъ, мы съ вами сблизимся? Я чувствую къ вамъ довѣріе, моя болтовня вамъ это можетъ доказать... (*Она протягиваетъ ему руку для того, чтобы онъ ее пожалъ. Бѣляевъ нерѣшительно беретъ ее и послѣ нѣкотораго недоумѣнія, не зная, что дѣлать съ этой рукой, цѣлуетъ ее. Наталья Петровна краснѣетъ и отнимаетъ у него руку. Въ это время входитъ изъ залы Шпигельскій, останавливается и дѣлаетъ шагъ назадъ. Наталья Петровна быстро встаетъ, Бѣляевъ тоже.*)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*съ смущеніемъ*).

А это вы, докторъ.... а мы вотъ здѣсь съ Алексѣемъ Николаичемъ.... (*Останавливается.*)

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*громко и развязно*).

Вообразите себѣ, Наталья Петровна, какія дѣла у васъ происходятъ. Вхожу я въ людскую, спрашиваю больнаго кучера, глядь! а мой больной сидитъ за столомъ и въ обѣ щеки уписываетъ блинъ съ лукомъ. Вотъ послѣ этого и занимайся медициной, надѣйся на болѣзнь, да на безобидные доходы!

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*принужденно улыбаясь*).

А! въ самомъ дѣлѣ.... (*Бѣляевъ хочетъ уйдти.*) Алексѣй Николаичъ, я забыла вамъ сказать....

ВѢРА (*вбѣгая изъ залы*).

Алексѣй Николаичъ! Алексѣй Николаичъ! (*Она вдругъ останавливается при видѣ Натальи Петровны.*)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*съ нѣкоторымъ удивленіемъ*).

Что такое? Что тебѣ надобно?

ВѢРА (*краснѣя и потупя глаза, указываетъ на Бѣляева*).

Ихъ зовутъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Кто?

ВѢРА.

Коля.... то-есть, Коля меня просилъ насчетъ змѣя....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А! (*Въ полголоса Вѣрѣ.*) On n'entre pas comme cela dans une chambre.... Cela ne convient pas. (*Обращаясь къ Шпигельскому.*) Да который часъ, докторъ? У васъ всегда вѣрные часы.... Пора обѣдать.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

А вотъ, позвольте. (*Вынимаетъ часы изъ кармана.*) Теперь-съ.... теперь-съ, доложу вамъ — пятаго двадцать минутъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вотъ видите. Пора! (*Подходитъ къ зеркалу и поправляетъ себѣ волосы. Между тѣмъ Вѣра шепчетъ что-то Бѣляеву. Оба смѣются. Наталья Петровна ихъ видитъ въ зеркалѣ. Шпигельскій съ боку поглядываетъ на нее.*)

БѢЛЯЕВЪ (*смѣясь въ полголоса*).

Неужели?

ВѢРА (*кивая головой, тоже въ полголоса*).

Да, да, такъ и упала.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*съ притворнымъ равнодушіемъ оборачиваясь къ Вѣрѣ*).

Что такое? кто упалъ?

ВѢРА (*съ смущеніемъ*).

Нѣтъ-съ.... тамъ качели Алексѣй Николаичъ устроилъ, такъ нянюшка вотъ вздумала ...

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*не дожидаясь конца отвѣта, къ Шпигельскому*).

Ахъ, кстати, Шпигельскій, подите-ка сюда.... (*Отводитъ его въ сторону и обращается опять къ Вѣрѣ.*) Она не ушиблась?

ВѢРА.

О, нѣтъ-съ!

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да.... а все-таки, Алексѣй Николаичъ, это вы напрасно....

МАТВѢЙ (*входитъ изъ залы и докладываетъ*).

Кушанье готово-съ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А! Да гдѣжъ Аркадій Сергѣичъ? Вотъ они опять опоздаютъ съ Михайломъ Александровичемъ.

МАТВѢЙ.

Они ужь въ столовой-съ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А маменька?

МАТВѢЙ.

Въ столовой и онѣ-съ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А! ну такъ, пойдемте. (*Указывая на Бѣляева.*) Вѣра, allez en avant avec Monsieur.

(*Матвѣй выходитъ, за нимъ идутъ Бѣляевъ и Вѣра.*)

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*Натальѣ Петровнѣ*).

Вы мнѣ что-то хотѣли сказать?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ахъ, да! Точно.... Вотъ видите ли.... Мы еще съ вами поговоримъ о.... о вашемъ предложеньи.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Насчетъ.... Вѣры Александровны?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да. Я подумаю.... я подумаю.

(*Оба уходятъ въ залу.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ садъ. Направо и налѣво подъ деревьями скамейки; прямо малинникъ. Входятъ справа Катя и Матвѣй. У Кати въ рукахъ корзинка.

МАТВѢЙ.

Такъ какъ же, Катерина Васильевна? Извольте наконецъ объясниться, убѣдительно васъ прошу.

КАТЯ.

Матвѣй Егорычъ, я право....

МАТВѢЙ.

Вамъ, Катерина Васильевна, слишкомъ хорошо извѣстно, какъ, то-есть, я къ вамъ расположенъ. Конечно, я старше васъ лѣтами; объ этомъ, точно, спорить нельзя; но все-таки, я еще постою за себя, я еще въ самомъ прыску-съ. А что касается до согласія, вамъ извѣстно, барыня согласны. Нрава я тоже, какъ вы изволите знать, кроткаго; кажется, чего еще?

КАТЯ.

Матвѣй Егорычъ, повѣрьте, я очень чувствую, очень благодарна, Матвѣй Егорычъ.... Да вотъ.... Подождать, я думаю, надо.

МАТВѢЙ.

Да чего же ждать, помилуйте, Катерина Васильевна? Прежде, позвольте вамъ замѣтить, вы этого не говорили-съ. А что касается до уваженья, кажется, я могу за себя, то-есть, поручиться. Такое уваженіе получать будете, Катерина Васильевна, какого лучше и требовать нельзя. Притомъ я человѣкъ непіющій, ну и отъ господъ тоже худаго слова не слыхалъ.

КАТЯ.

Право, Матвѣй Егорычъ, я не знаю, что мнѣ вамъ сказать....

МАТВѢЙ.

Эхъ, Катерина Васильевна, это вы недавно что-то начали того-съ....

КАТЯ (*слегка покраснѣвъ*).

Какъ-недавно? Отчего недавно?

МАТВѢЙ.

Да ужь я не знаю-съ.... а только прежде вы.... вы со мной прежде иначе изволили поступать.

КАТЯ (*глянувъ въ кулисы, торопливо*).

Берегитесь.... Нѣмецъ идетъ.

МАТВѢЙ (*съ досадой*).

А ну его, долгоносаго журавля!... А я съ вами еще поговорю-съ. (*Уходитъ направо. Катя тоже хочетъ идти въ малинникъ. Входитъ слѣва Шаафъ съ удочкой на плечѣ.*)

ШААФЪ (*вслѣдъ Катѣ*).

Кута? Кута, Катеринъ?

КАТЯ (*останавливаясь*)

Намъ малины велѣно набрать, Адамъ Иванычъ.

ШААФЪ.

Малинъ?... малинъ преятный фруктъ. Фи любитъ малинъ?

КАТЯ.

Да, люблю.

ШААФЪ.

Хе, хе!... И я.... и я тоже. Я фзѣ люблю, что фи любитъ. (*Видя, что она хочетъ уйдти.*) О, Катеринъ, ботождитъ немношко.

КАТЯ.

Да нѣкогда-съ.... Ключница браниться будетъ.

ШААФЪ.

Э! ничефо. Фотъ и я иту... (*Указывая на уду.*) Какъ это скасать, рибить, фи понимайтъ, рибить, то ись рибъ брать. Фи любитъ рибъ?

КАТЯ.

Да-съ.

ШААФЪ.

Э, хе, хе, и я, и я. А знаете ли, чево я вамъ зкашу, Катеринъ.... По нѣмецки есть бѣзенка: (*поетъ*) Cathrinchen, Cathrinchen, wie lieb' ich dich so sehr!... то исть по русски: О, Катринушка, Катринушка, фи карошъ, я тіебія люблю. (*Хочетъ обнять ее одной рукой.*)

КАТЯ.

Полноте, полноте, какъ вамъ не стыдно.... Господа вонъ идутъ. (*Спасается въ малинникъ.*)

ШААФЪ (*принимая суровый видъ, въ полголоса.*)

Das ist dumm....

(*Входитъ справа Наталья Петровна, подъ руку съ Ракитинымъ.*)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*Шаафу*).

А! Адамъ Иванычъ! ры идете рыбу удить?

ШААФЪ.

Дочно дакъ-съ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А гдѣ Коля?

ШААФЪ.

Зъ Лисафетъ Богданофнѣ.... урокъ на фортепьяно....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А! (*Оглядываясь.*) Вы здѣсь одни?

ШААФЪ.

Атинъ-съ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вы не видали Алексѣя Николаича?

ШААФЪ.

Никакъ нѣтъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*помолчавъ*).

Мы съ вами пойдемъ, Адамъ Иванычъ, хотите? посмотримъ, какъ-то вы рыбу ловите?

ШААФЪ.

Я одшень радъ.

РАКИТИНЪ (*въ полголоса Натальѣ Петровнѣ*).

Что за охота?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*Ракитину*).

Пойдемте, пойдемте, beau ténébreux.... (*Всѣ трое уходятъ направо.*)

КАТЯ (*осторожно выставляя голову изъ малинника*).

Ушли.... (*Выходитъ немного, останавливается и задумывается.*) Вишь, нѣмецъ!... (*Вздыхаетъ и опять принимается рвать малину, напѣвая въ полголоса.*)

Не огонь горитъ, не смола кипитъ,
А кипитъ, горитъ ретиво сердце....

А Матвѣй Егорычъ-то правъ! (*Продолжая напѣвать:*)

А кипитъ-горитъ ретиво сердце
Не по батюшкѣ, не по матушкѣ....

Крупная какая малина.... (*Продолжая напѣвать:*)

Не по батюшкѣ, не по матушкѣ....

Экая жара! Даже душно. (*Продолжая напѣвать:*)

Не по батюшкѣ, не по матушкѣ,
А кипитъ-горитъ по....

(*Вдругъ оглядывается; умолкаетъ и до половины прячется за кустъ. Слѣва входятъ Бѣляевъ и Вѣрочка; у Бѣляева въ рукахъ змѣй.*)

БѢЛЯЕВЪ (*проходя мимо малинника, Катѣ*).

Чтожь ты перестала, Катя? (*Поетъ:*)

А кипитъ-горитъ по красной дѣвицѣ....

КАТЯ (*краснѣя*).

У насъ она не такъ поется.

БѢЛЯЕВЪ.

А какъ же? (*Катя смѣется и не отвѣчаетъ.*) Что это ты малину набираешь? Дай-ка отвѣдать.

КАТЯ (*отдавая ему корзинку*).

Возьмите все....

БѢЛЯЕВЪ.

Зачѣмъ все.... Вѣра Александровна, хотите? (*Вѣра беретъ изъ корзинки и онъ беретъ.*) Ну вотъ и довольно. (*Хочетъ отдать корзинку Катѣ.*)

КАТЯ (*отталкивая его руку*).

Да возьмите все, возьмите.

БѢЛЯЕВЪ.

Нѣтъ, спасибо, Катя. (*Отдаетъ ей корзинку.*) Спасибо. (*Вѣрѣ.*) Вѣра Александровна, сядемьте-ка на скамейку. Вотъ (*указывая на змѣя*) нужно ему хвостъ привязать. Вы мнѣ поможете. (*Оба идутъ и садятся на скамейку. Бѣляевъ даетъ ей змѣя въ руки.*) Вотъ такъ. Смотрите же держите прямо. (*Начинаетъ привязывать хвостъ.*) Что же вы?

ВѢРА.

Да эдакъ я васъ не вижу.

БѢЛЯЕВЪ.

Да на чтожь вамъ меня видѣть?

ВѢРА.

То есть я хочу видѣть, какъ вы привязываете хвостъ.

БѢЛЯЕВЪ.

А! ну, постойте. (*Устраиваетъ такъ змѣй, что ей можно его видѣть.*) Катя, чтожь ты не поешь? Пой. (*Спустя немного, Катя начинаетъ напѣвать въ полголоса.*)

ВѢРА.

Скажите, Алексѣй Николаичъ, вы въ Москвѣ тоже иногда пускали змѣя?

БѢЛЯЕВЪ.

Не до змѣевъ въ Москвѣ! Подержите-ка веревку.... вотъ такъ. Вы думаете, намъ въ Москвѣ другого нечего дѣлать?

ВѢРА.

Чтожь вы дѣлаете въ Москвѣ?

БѢЛЯЕВЪ.

Какъ что? мы учимся, профессоровъ слушаемъ.

ВѢРА.

Чему же васъ учатъ?

БѢЛЯЕВЪ.

Всему.

ВѢРА.

Вы, должно быть, очень хорошо учитесь. Лучше всѣхъ другихъ.

БѢЛЯЕВЪ.

Нѣтъ, не очень хорошо. Какое лучше всѣхъ! Я лѣнивъ.

ВѢРА.

Зачѣмъ же вы лѣнитесь?

БѢЛЯЕВЪ.

А Богъ знаетъ! Такимъ ужь видно родился.

ВѢРА (*помолчавъ*).

Чтò у васъ есть друзья въ Москвѣ?

БѢЛЯЕВЪ.

Какже. Эхъ, эта веревка недовольно крѣпка.

ВѢРА.

И вы ихъ любите?

БѢЛЯЕВЪ.

Еще бы!... Вы развѣ не любите вашихъ друзей?

ВѢРА.

Друзей.... У меня нѣтъ друзей.

БѢЛЯЕВЪ.

То есть, я хотѣлъ сказать, вашихъ пріятельницъ.

ВѢРА (*медленно*).

Да.

БѢЛЯЕВЪ.

Вѣдь у васъ есть пріятельницы?....

ВѢРА.

Да.... только я не знаю отчего.... я съ нѣкоторыхъ поръ что-то мало объ нихъ думаю.... даже Лизѣ Мòшниной не отвѣчала, а ужь она какъ меня просила въ своемъ письмѣ.

БѢЛЯЕВЪ.

Какже это вы говорите, у васъ нѣтъ друзей.... а я-то что?

ВѢРА (*съ улыбкой*).

Ну вы.... Вы другое дѣло. (*Помолчавъ.*) Алексѣй Николаичъ!

БѢЛЯЕВЪ.

Что?

ВѢРА.

Вы пишете стихи?

БѢЛЯЕВЪ.

Нѣтъ. А что?

ВѢРА.

Такъ. *(Помолчавъ,)* У насъ въ пансіонѣ одна барышня писала стихи.

БѢЛЯЕВЪ *(затягивая зубами узелъ).*

Вотъ какъ! и хорошіе?

ВѢРА.

Я не знаю. Она намъ ихъ читала, а мы плакали.

БѢЛЯЕВЪ.

Отчего же вы плакали?

ВѢРА.

Отъ жалости. Такъ ее было жаль намъ!

БѢЛЯЕВЪ.

Вы воспитывались въ Москвѣ?

ВѢРА.

Въ Москвѣ, у г-жи Болюсъ. Наталья Петровна меня оттуда въ прошломъ году взяла.

БѢЛЯЕВЪ.

Вы любите Наталью Петровну?

ВѢРА.

Люблю; она такая добрая. Я ее очень люблю.

БѢЛЯЕВЪ *(съ усмѣшкой).*

И, чай, боитесь ее?

ВѢРА *(тоже съ усмѣшкой).*

Немножко.

БѢЛЯЕВЪ *(помолчавъ).*

А кто васъ въ пансіонъ помѣстилъ?

ВѢРА.

Натальи Петровны матушка покойница. Я у нея въ домѣ выросла. Я сирота.

БѢЛЯЕВЪ *(опустивъ руки).*

Вы сирота? И ни отца, ни матери вы не помните?

ВѢРА.

Нѣтъ.

БѢЛЯЕВЪ.

И у меня мать умерла. Мы оба съ вами сироты. Чтожь дѣлать! Унывать намъ все-таки не слѣдуетъ.

ВѢРА.

Говорятъ, сироты межь собой скоро дружатся.

БѢЛЯЕВЪ (*глядя ей въ глаза*).

Въ самомъ дѣлѣ? А вы какъ думаете?

ВѢРА (*тоже глядя ему въ глаза, съ улыбкой*).

Я думаю, что скоро.

БѢЛЯЕВЪ (*смѣется и снова принимается за змѣй*).

Хотѣлъ бы я знать, сколько ужь я времени въ здѣшнихъ мѣстахъ?

ВѢРА.

Сегодня двадцать-восьмой день.

БѢЛЯЕВЪ.

Какая у васъ память! Ну вотъ и конченъ змѣй. Посмотрите, каковъ хвостъ! Надо за Колей сходить.

КАТЯ (*подходя къ нимъ съ корзинкой*).

Хотите еще малины?

БѢЛЯЕВЪ.

Нѣтъ, спасибо, Катя. (*Катя молча отходитъ.*)

ВѢРА.

Коля съ Лизаветой Богдановной.

БѢЛЯЕВЪ.

И охота же въ такую погоду ребенка въ комнатѣ держать!

ВѢРА.

Лизавета Богдановна намъ бы только мѣшала....

БѢЛЯЕВЪ.

Да я не объ ней говорю....

ВѢРА (*поспѣшно*).

Коля безъ нея не могъ бы съ нами пойдти... Впрочемъ, она вчера объ васъ съ большой похвалой отзывалась.

БѢЛЯЕВЪ.

Въ самомъ дѣлѣ?

ВѢРА.

Вамъ она не нравится?

БѢЛЯЕВЪ.

Ну ее! Пусть себѣ табакъ нюхаетъ на здоровье!... Зачѣмъ вы вздыхаете?

ВѢРА (*помолчавъ*).

Такъ. Какъ небо ясно!

БѢЛЯЕВЪ.

Такъ вы отъ этого вздыхаете? (*Молчаніе.*) Вамъ, можетъ быть, скучно?

ВѢРА.

Мнѣ скучно? Нѣтъ! Я иногда сама не знаю, о чемъ я вздыхаю.... Мнѣ вовсе не скучно. Напротивъ.... (*Помолчавъ.*) Я не знаю... я, должно быть, не совсѣмъ здорова. Вчера я шла наверхъ за книжкой — и вдругъ на лѣстницѣ, вообразите, вдругъ сѣла на ступеньку и заплакала.... Богъ знаетъ отчего, и потомъ долго все слезы навертывались.... Что̀ такое это значитъ? А между тѣмъ мнѣ хорошо....

БѢЛЯЕВЪ.

Это отъ роста. Вы ростете. Это бываетъ. То-то у васъ вчера вечеромъ глаза какъ-будто распухли.

ВѢРА.

А вы замѣтили?

БѢЛЯЕВЪ.

Какже.

ВѢРА.

Вы все замѣчаете.

БѢЛЯЕВЪ.

Ну нѣтъ.... не все.

ВѢРА (*задумчиво*).

Алексѣй Николаичъ....

БѢЛЯЕВЪ.

Что?

ВѢРА (*помолчавъ*).

Что бишь я хотѣла спросить у васъ? Я забыла, право, что я хотѣла спросить.

БѢЛЯЕВЪ.

Вы такъ разсѣянны?

ВѢРА.

Нѣтъ... но... ахъ да! Вотъ что я хотѣла спросить. Вы мнѣ, кажется, сказывали — у васъ есть сестра?

БѢЛЯЕВЪ.

Есть.

ВѢРА.

Скажите — похожа я на нее?

БѢЛЯЕВЪ.

О нѣтъ. Вы гораздо лучше ея.

ВѢРА.

Какъ это можно! Ваша сестра.... я бы желала быть на ея мѣстѣ.

БѢЛЯЕВЪ.

Какъ? вы желали бы быть теперь въ нашемъ домишкѣ?

ВѢРА.

Я не тò хотѣла сказать... У васъ развѣ домикъ маленькой?

БѢЛЯЕВЪ.

Очень маленькой.... Не то, что здѣсь.

ВѢРА.

Да и на чтò такъ много комнатъ?

БѢЛЯЕВЪ.

Какъ на что? вотъ вы современемъ узнаете, на что нужны комнаты.

ВѢРА.

Со временемъ.... Когда?

БѢЛЯЕВЪ.

Когда вы сами станете хозяйкой....

ВѢРА (*задумчиво*).

Вы думаете?

БѢЛЯЕВЪ.

Вотъ вы увидите. (*Помолчавъ.*) Такъ чтожь, сходить за Колей, Вѣра Александровна.... а?

ВѢРА.

Отчего вы меня не зовете Вѣрочкой?

БѢЛЯЕВЪ.

А вы меня развѣ можете называть Алексѣемъ?...

ВѢРА.

Отчего же.... (*Вдругъ вздрагивая.*) Ахъ!

БѢЛЯЕВЪ.

Что такое?

ВѢРА (*въ полголоса*).

Наталья Петровна сюда идетъ.

БѢЛЯЕВЪ (*тоже въ полголоса*).

Гдѣ?

ВѢРА (*указывая головой*).

Вонъ — по дорожкѣ, съ Михайломъ Александрычемъ.

БѢЛЯЕВЪ (*вставая*).

Пойдемте къ Колѣ... Онъ, должно быть, уже кончилъ свой урокъ.

ВѢРА.

Пойдемте... а то я боюсь, она меня бранить будетъ... (*Оба встаютъ и быстро уходятъ на лѣво. Катя опять прячется въ малинникъ. Справа входятъ Наталья Петровна и Ракитинъ.*)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*останавливаясь*).

Это, кажется, господинъ Бѣляевъ уходитъ съ Вѣрочкой?

РАКИТИНЪ.

Да, это они....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Они какъ будто отъ насъ убѣгаютъ.

РАКИТИНЪ.

Можетъ-быть.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*помолчавъ*).

Однако я не думаю, чтобы Вѣрочкѣ слѣдовало.... эдакъ наединѣ съ молодымъ человѣкомъ, въ саду... Конечно, она дитя; но все-таки это неприлично.... Я ей скажу.

РАКИТИНЪ.

Сколько ей лѣтъ?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Семнадцать! Ей уже семнадцать лѣтъ.... А сегодня жарко. Я устала. Сядемте. (*Оба садятся на скамейку, на которой сидѣли Вѣра и Бѣляевъ.*) Шпигельскій уѣхалъ?

РАКИТИНЪ.

Уѣхалъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Напрасно вы его не удержали. Я не знаю, зачѣмъ этому человѣку вздумалось сдѣлаться уѣзднымъ докторомъ.... Онъ очень забавенъ. Онъ меня смѣшитъ.

РАКИТИНЪ.

А я такъ вообразилъ, что вы сегодня не въ духѣ смѣяться....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Почему вы это думали?

РАКИТИНЪ.

Такъ!

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Потому что мнѣ сегодня все чувствительное не нравится? О, да! предупреждаю васъ, сегодня рѣшительно ничего не въ состояніи меня тронуть. — Но это не мѣшаетъ мнѣ смѣяться; напротивъ. Притомъ мнѣ нужно было съ Шпигельскимъ переговорить.

РАКИТИНЪ.

Можно узнать — о чемъ?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Нѣтъ, нельзя. Вы и безъ того всё знаете, что̀ я думаю, что̀ я дѣлаю.... Это скучно.

РАКИТИНЪ.

Извините меня.... Я не предполагалъ....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Мнѣ хочется хоть что-нибудь скрыть отъ васъ.

РАКИТИНЪ.

Помилуйте! изъ вашихъ словъ можно заключить, что мнѣ все извѣстно....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА *(перебивая его)*.

А будто нѣтъ?

РАКИТИНЪ.

Вамъ угодно смѣяться надо мной.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Такъ вамъ точно не все извѣстно, что во мнѣ происходитъ? Въ такомъ случаѣ я васъ не поздравляю. Какъ? человѣкъ наблюдаетъ за мной съ утра до вечера....

РАКИТИНЪ.

Что̀ это, упрекъ?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Упрекъ? (*Помолчавъ.*) Нѣтъ, я теперь точно вижу: вы не проницательны.

РАКИТИНЪ.

Можетъ быть... но такъ-какъ я наблюдаю за вами съ утра до вечера, то позвольте мнѣ сообщить вамъ одно замѣчаніе...

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

На мой счетъ? Сдѣлайте одолженіе.

РАКИТИНЪ.

Вы на меня не разсердитесь?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ахъ, нѣтъ! Я бы хотѣла, да нѣтъ.

РАКИТИНЪ.

Вы съ нѣкоторыхъ поръ, Наталья Петровна, находитесь въ какомъ-то постоянно раздраженномъ состояніи, и это раздраженье въ васъ невольное, внутреннее: вы словно боретесь сами съ собою, словно недоумѣваете. Передъ моей поѣздкой къ Криницынымъ я этого не замѣчалъ; это въ васъ недавно. (*Наталья Петровна чертитъ зонтикомъ передъ собой.*) Вы иногда такъ глубоко вздыхаете.... вотъ какъ усталый, очень усталый человѣкъ вздыхаетъ, которому никакъ не удается отдохнуть.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Чтожь вы изъ этого заключаете, господинъ наблюдатель?

РАКИТИНЪ.

Я? Ничего.... Но меня это безпокоитъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Покорно благодарю за участіе.

РАКИТИНЪ.

И притомъ....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ*).

Пожалуйста, перемѣнимте разговоръ. (*Молчаніе.*)

РАКИТИНЪ.

Вы ни куда не намѣрены выѣхать сегодня?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Нѣтъ.

РАКИТИНЪ.

Отчего же? Погода хорошая.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Лѣнь. (*Молчаніе.*) Скажите мнѣ.... вѣдь вы знаете Большинцова?

РАКИТИНЪ.

Нашего сосѣда, Аѳанасья Иваныча?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да.

РАКИТИНЪ.

Что за вопросъ? Не далѣе, какъ третьяго дня, мы съ нимъ у васъ играли въ преферансъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Что̀ онъ за человѣкъ, желаю я знать.

РАКИТИНЪ.

Большинцовъ?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да, да, Большинцовъ.

РАКИТИНЪ.

Вотъ ужь этого я, признаться, никакъ не ожидалъ!

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*съ нетерпѣніемъ*).

Чего вы не ожидали?

РАКИТИНЪ.

Чтобы вы когда-нибудь стали спрашивать о Большинцовѣ! Глупый, толстый, тяжелый человѣкъ — а впрочемъ, дурнаго ничего объ немъ сказать нельзя.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Онъ совсѣмъ не такъ глупъ и не такъ тяжелъ, какъ вы думаете.

РАКИТИНЪ.

Можетъ быть. Я, признаюсь, не слишкомъ внимательно изучалъ этого господина.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*иронически*).

Вы за нимъ не наблюдали?

РАКИТИНЪ (*принужденно улыбается*).

И съ чего вамъ вздумалось....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Такъ! (*Опять молчаніе.*)

РАКИТИНЪ.

Посмотрите, Наталья Петровна, какъ хорошъ этотъ темно-зеленый дубъ на темно-синемъ небѣ. Онъ весь затопленъ лучами солнца, и что за могучія краски.... Сколько въ немъ несокрушимой жизни и силы, особенно когда вы его сравните съ той молоденькой березой.... Она словно вся готова исчезнуть въ сіяньи; ея мелкіе листочки блестятъ какимъ-то жидкимъ блескомъ, какъ будто та́ютъ, а между тѣмъ, и она хороша....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Знаете ли, что̀, Ракитинъ? Я уже давно это замѣтила.... Вы очень тонко чувствуете такъ называемыя красоты природы, и очень изящно, очень умно говорите объ нихъ... такъ изящно, такъ умно, что, я воображаю, природа должна быть вамъ несказанно благодарна за ваши изысканно-счастливыя выраженія; вы волочитесь за ней, какъ раздушенный маркизъ на красныхъ каблучкахъ за хорошенькой крестьянкой... Только вотъ въ чемъ бѣда: мнѣ иногда кажется, что она никакъ бы не могла понять, оцѣнить вашихъ тонкихъ замѣчаній, точно также, какъ крестьянка не поняла бы придворныхъ учтивостей маркиза; природа гораздо проще, даже грубѣе, чѣмъ вы предполагаете, потому что она, слава Богу, здорова.... Березы не таютъ и не падаютъ въ обморокъ какъ нервическія дамы.

РАКИТИНЪ.

Quelle tirade! Природа здорова... то-есть, другими словами, я болѣзненное существо.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Не вы одни болѣзненное существо, оба мы съ вами не слишкомъ здоровы.

РАКИТИНЪ.

О, мнѣ извѣстенъ также этотъ способъ говорить другому самымъ безобиднымъ образомъ самыя непріятныя вещи.... Вмѣсто того, чтобы сказать ему, напримѣръ, прямо въ лицо: ты, братецъ, глупъ, стòитъ только замѣтить ему съ добродушной улыбкой: мы вѣдь, дескать, оба съ вами глупы.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вы обижаетесь? Полноте, чтò за вздоръ! Я только хотѣла сказать, что мы оба съ вами.... слово: болѣзненный вамъ не нравится.... что мы оба стары, очень стары.

РАКИТИНЪ.

Почему же стары? Я про себя этого не думаю.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ну, однако, послушайте; вотъ мы съ вами теперь сидимъ здѣсь.... можетъ быть, на этой же самой скамейкѣ за четверть часа до насъ сидѣли.... два точно молодыя существа.

РАКИТИНЪ.

Бѣляевъ и Вѣрочка? Конечно, они моложе насъ.... между нами нѣсколько лѣтъ разницы, вотъ и все... Но мы отъ этого еще не старики.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Между нами разница не въ однихъ лѣтахъ.

РАКИТИНЪ.

А! я понимаю.... Вы завидуете ихъ.... naïveté, ихъ свѣжести, невинности.... словомъ ихъ глупости....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вы думаете? А! вы думаете, что они глупы? у васъ, я вижу, всѣ глупы сегодня. Нѣтъ, вы меня не понимаете. Да и притомъ.... глупы! Что за бѣда! Чтò хорошаго въ умѣ, когда онъ не забавляетъ?.... Ничего нѣтъ утомительнѣе невеселаго ума.

РАКИТИНЪ.

Гмъ. Отчего вы не хотите говорить прямо, безъ обиняковъ?

Я васъ не забавляю—вотъ что вы хотите сказать.... Къ чему вы умъ вообще за меня грѣшнаго заставляете страдать?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Это вы все не то.... (*Катя выходитъ изъ малинника.*) Что это, ты малины набрала, Катя?

КАТЯ.

Точно такъ-съ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Покажи-ка.... (*Катя подходитъ къ ней.*) Славная малина! Какая алая.... а твои щеки еще алѣй. (*Катя улыбается и потупляетъ глаза.*) Ну ступай. (*Катя уходитъ.*)

РАКИТИНЪ.

Вотъ еще молодое существо въ вашемъ вкусѣ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Конечно. (*Встаетъ.*)

РАКИТИНЪ.

Куда вы?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Во первыхъ, я хочу посмотрѣть, что дѣлаетъ Вѣрочка.... Пора ей домой.... а во вторыхъ, признаюсь, нашъ разговоръ что-то мнѣ не нравится. Лучше на нѣкоторое время прекратить наши разсужденія о природѣ и молодости.

РАКИТИНЪ.

Вамъ, можетъ быть, угодно гулять одной?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

По правдѣ сказать, да. Мы увидимся скоро.... Впрочемъ, мы разстаемся друзьями? (*Протягиваетъ ему руку.*)

РАКИТИНЪ (*вставая*).

Еще бы! (*Жметъ ей руку.*)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

До свиданья. (*Она раскрываетъ зонтикъ и уходитъ налѣво.*)

РАКИТИНЪ (*ходитъ нѣкоторое время взадъ и впередъ*).

Что съ ней? (*Помолчавъ.*) Такъ! капризъ. Капризъ? Прежде я этого въ ней не замѣчалъ. Напротивъ, я не знаю женщины, болѣе ровной въ обхожденьи. Какая причина?... (*Хо-

дитъ опять и вдругъ останавливается.) Ахъ, какъ смѣшны люди, у которыхъ одна мысль въ головѣ, одна цѣль, одно занятіе въ жизни.... Вотъ какъ я, напримѣръ. Она правду сказала: съ утра до вечера наблюдаешь мелочи, и самъ становишься мелкимъ.... Все такъ; но безъ нея я жить не могу, въ ея присутствіи я болѣе чѣмъ счастливъ; этого чувства нельзя назвать счастьемъ, я весь принадлежу ей, разстаться съ нею мнѣ было бы, безо всякаго преувеличенія, точно то же, что разстаться съ жизнію. Что̀ съ ней? Что̀ значитъ эта внутренняя тревога, эта невольная ѣдкость рѣчи? Не начинаю ли я надоѣдать ей? Гм. (*Садится.*) Я никогда себя не обманывалъ; я очень хорошо знаю, какъ она меня любитъ; но я надѣялся, что это спокойное чувство со временемъ.... Я надѣялся! Развѣ я въ правѣ, развѣ я смѣю надѣяться? Признаюсь, мое положеніе довольно смѣшно.... почти презрительно. (*Помолчавъ.*) Ну, къ чему такія слова? Она честная женщина, а я не Ловеласъ. (*Съ горькой усмѣшкой.*) Къ сожалѣнію. (*Быстро поднимаясь.*) Ну, полно! Вонъ весь этотъ вздоръ изъ головы! (*Прохаживаясь.*) Какой сегодня прекрасный день! (*Помолчавъ*). Какъ она ловко уязвила меня.... Мои «изысканно-счастливыя» выраженія.... Она очень умна, особенно когда не въ духѣ. И что за внезапное поклоненіе простотѣ и невинности?... Этотъ русскій учитель.... Она мнѣ часто говоритъ о немъ. Признаюсь, я въ немъ ничего особеннаго не вижу. Просто, студентъ, какъ всѣ студенты. Неужели она.... Быть не можетъ! Она не въ духѣ.... сама не знаетъ, чего ей хочется, и вотъ царапаетъ меня. Бьютъ же дѣти свою няню... Какое лестное сравненіе! Но не надобно мѣшать ей. Когда этотъ припадокъ тоскливаго безпокойства пройдетъ, она сама первая будетъ смѣяться надъ этимъ долговязымъ птенцомъ, надъ этимъ свѣжимъ юношей.... Объясненіе ваше не дурно, Михайло Александрычъ, другъ мой, да вѣрно ли оно? А Господь вѣдаетъ! Вотъ увидимъ. Ужъ не разъ случалось вамъ, мой любезнѣйшій, послѣ долгой возни съ самимъ собою, отказаться вдругъ отъ всѣхъ предположеній и соображеній, сложить спокойно ручки и смиренно ждать, что-то будетъ.

А пока, сознайтесь, вамъ самимъ порядочно неловко и горько.... Таково уже ваше ремесло.... (*Оглядывается.*) А! да вотъ и онъ самъ, нашъ непосредственный юноша.... Кстати пожаловалъ.... Я съ нимъ еще ни разу не поговорилъ, какъ слѣдуетъ. Посмотримъ, что за человѣкъ. (*Слѣва входитъ Бѣляевъ.*) А, Алексѣй Николаичъ! И вы вышли погулять на свѣжій воздухъ?

БѢЛЯЕВЪ.

Да-съ.

РАКИТИНЪ.

То есть, признаться, воздухъ сегодня не совсѣмъ свѣжъ; жара страшная, но здѣсь, подъ этими липами, въ тѣни, довольно сносно. (*Помолчавъ.*) Видѣли вы Наталью Петровну?

БѢЛЯЕВЪ.

Я сейчасъ ихъ встрѣтилъ... Онѣ съ Вѣрой Александровной въ домъ пошли.

РАКИТИНЪ.

Да ужь это не васъ ли я съ Вѣрой Александровной здѣсь видѣлъ, съ полчаса тому назадъ?

БѢЛЯЕВЪ.

Да-съ.... Я съ ней гулялъ.

РАКИТИНЪ.

А! (*Беретъ его подъ руку.*) Ну, какъ вамъ нравится жизнь въ деревнѣ?

БѢЛЯЕВЪ.

Я люблю деревню. Одна бѣда: здѣсь охота плохая.

РАКИТИНЪ.

А вы охотникъ?

БѢЛЯЕВЪ.

Да-съ.... А вы?

РАКИТИНЪ.

Я? нѣтъ; я, признаться, плохой стрѣлокъ. Я слишкомъ лѣнивъ.

БѢЛЯЕВЪ.

Да и я лѣнивъ.... только не ходить.

РАКИТИНЪ.

А! Чтожь вы — читать лѣнивы?

БѢЛЯЕВЪ.

Нѣтъ, я люблю читать. Мнѣ лѣнь долго работать; особенно однимъ и тѣмъ же предметомъ заниматься мнѣ лѣнь.

РАКИТИНЪ (*улыбаясь*).

Ну, а напримѣръ, съ дамами разговаривать?

БѢЛЯЕВЪ.

Э! да вы надо мной смѣетесь.... Дамъ я больше боюсь.

РАКИТИНЪ (*съ нѣкоторымъ смущеніемъ*).

Съ чего вы вздумали.... съ какой стати стану я надъ вами смѣяться?

БѢЛЯЕВЪ.

Да такъ.... что за бѣда! (*Помолчавъ.*) Скажите, гдѣ здѣсь можно достать пороху?

РАКИТИНЪ.

Да въ городѣ, я думаю; онъ тамъ продается подъ именемъ мака. Вамъ нужно хорошаго?

БѢЛЯЕВЪ.

Нѣтъ; хоть винтовочнаго. Мнѣ не стрѣлять, мнѣ фейерверки дѣлать.

РАКИТИНЪ.

А! вы умѣете...

БѢЛЯЕВЪ.

Умѣю. Я уже выбралъ мѣсто: за прудомъ. Я слышалъ, черезъ недѣлю именины Натальи Петровны; такъ вотъ бы кстати.

РАКИТИНЪ.

Натальѣ Петровнѣ будетъ очень пріятно такое вниманіе съ вашей стороны.... Вы ей нравитесь, Алексѣй Николаичъ, скажу вамъ.

БѢЛЯЕВЪ.

Мнѣ это очень лестно.... Ахъ, кстати, Михайло Александрычъ, вы, кажется, получаете журналъ. Можете вы мнѣ дать почитать?

РАКИТИНЪ.

Извольте, съ удовольствіемъ.... Тамъ есть хорошіе стихи.

БѢЛЯЕВЪ.

Я до стиховъ не охотникъ.

РАКИТИНЪ.

Почему же?

БѢЛЯЕВЪ.

Да такъ. Смѣшные стихи мнѣ кажутся натянутыми, да притомъ ихъ немного; а чувствительные стихи... я не знаю... Не вѣрится имъ что-то.

РАКИТИНЪ.

Вы предпочитаете повѣсти?

БѢЛЯЕВЪ.

Да-съ, хорошія повѣсти я люблю... но критическія статьи— вотъ тѣ меня забираютъ.

РАКИТИНЪ.

А что?

БѢЛЯЕВЪ.

Теплый человѣкъ ихъ пишетъ....

РАКИТИНЪ.

А сами вы — не занимаетесь литературой?

БѢЛЯЕВЪ.

О нѣтъ-съ! Что за охота писать, коли таланту Богъ не далъ. Только людей смѣшить. Да и притомъ вотъ что удивительно, вотъ что объясните мнѣ, сдѣлайте одолженье: иной и умный, кажется, человѣкъ, а какъ возьмется за перо — хоть святыхъ вонъ неси. Нѣтъ, куда намъ писать — дай Богъ понимать написанное!

РАКИТИНЪ.

Знаете ли что, Алексѣй Николаичъ? Не у многихъ молодыхъ людей столько здраваго смысла, сколько у васъ.

БѢЛЯЕВЪ.

Покорно васъ благодарю за комплиментъ. (*Помолчавъ.*) Я выбралъ мѣсто для фейерверка за прудомъ, потому что я умѣю дѣлать римскія свѣчи, которыя горятъ на водѣ....

РАКИТИНЪ.

Это, должно быть, очень красиво.... Извините меня, Алексѣй Николаичъ, но позвольте васъ спросить.... Вы знаете по французски.

БѢЛЯЕВЪ.

Нѣтъ. Я перевелъ романъ Поль-де-Кока: «Монфермельскую молочницу» — можетъ быть слыхали — за пятьдесятъ рублей ассигнаціями; но я ни слова не знаю по французски. Вообразите: катръ-венъ-дисъ я перевелъ: четыре-двадцать-десять.... Нужда, знаете-ли, заставила. А жаль. Я бы желалъ по французски знать. Да лѣнь проклятая. Жоржъ-Санда я бы желалъ по французски прочесть. Да выговоръ.... какъ съ выговоромъ прикажете сладить? анъ, онъ, енъ, ёнъ.... Бѣда!

РАКИТИНЪ.

Ну этому горю еще можно помочь....

БѢЛЯЕВЪ.

Позвольте узнать, который часъ?

РАКИТИНЪ (*смотритъ на часы*).

Половина втораго.

БѢЛЯЕВЪ.

Что̀ это Лизавета Богдановна такъ долго Колю держитъ за фортепьянами.... Ему, чай, смерть теперь хочется побѣгать.

РАКИТИНЪ (*ласково*).

Да вѣдь надобно же и учиться, Алексѣй Николаичъ....

БѢЛЯЕВЪ (*со вздохомъ*).

Не вамъ бы это говорить, Михайло Александрычъ — не мнѣ бы слушать.... Конечно, не всѣмъ же быть такими шалопаями какъ я.

РАКИТИНЪ.

Ну полноте....

БѢЛЯЕВЪ.

Да ужъ про это я знаю....

РАКИТИНЪ.

А я, такъ напротивъ, тоже знаю, и навѣрное, что именно

то, что̀ вы въ себѣ считаете недостаткомъ, эта ваша непринужденность, ваша свобода — это именно и нравится.

БѢЛЯЕВЪ.

Кому, напримѣръ?

РАКИТИНЪ.

Да хоть бы Натальѣ Петровнѣ.

БѢЛЯЕВЪ.

Натальѣ Петровнѣ? Съ ней-то я и не чувствую себя, какъ вы говорите, свободнымъ.

РАКИТИНЪ.

А! Въ самомъ дѣлѣ?

БѢЛЯЕВЪ.

Да и наконецъ, помилуйте, Михайло Александрычъ, развѣ воспитаніе не первая вещь въ человѣкѣ? Вамъ легко говорить.... Я, право, не понимаю васъ.... (*Вдругъ останавливаясь.*) Что это? Какъ будто коростель въ саду крикнулъ? (*Хочетъ идти.*)

РАКИТИНЪ.

Можетъ быть.... но куда же вы?

БѢЛЯЕВЪ.

За ружьёмъ.... (*Идетъ въ кулисы налѣво, на встрѣчу ему выходитъ Наталья Петровна.*)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*увидавъ его, вдругъ улыбается*).

Куда вы, Алексѣй Николаичъ?

БѢЛЯЕВЪ.

Я-съ....

РАКИТИНЪ.

За ружьемъ.... Онъ коростеля въ саду услыхалъ....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Нѣтъ, не стрѣляйте пожалуйста въ саду... Дайте этой бѣдной птицѣ пожить... Притомъ, вы бабушку испугать можете.

БѢЛЯЕВЪ.

Слушаю-съ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*смѣясь*).

Ахъ, Алексѣй Николаичъ, ка̀къ вамъ не стыдно? «Слушаю-съ» — что это за слово? Какъ можно.... такъ говорить?

Да постойте; мы вотъ съ Михайломъ Александрычемъ займемся вашимъ воспитаньемъ.... Да, да.... Мы уже съ нимъ не разъ говорили о васъ.... Противъ васъ заговоръ, я васъ предупреждаю. Вѣдь вы позволите мнѣ заняться вашимъ воспитаніемъ?

БѢЛЯЕВЪ.

Помилуйте.... Я-съ....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Во первыхъ — не будьте застѣнчивы, это къ вамъ вовсе не пристало. Да, мы займемся вами. (*Указывая на Ракитина.*) Вѣдь мы съ нимъ старики — а вы молодой человѣкъ... Не правда ли? Посмотрите, какъ это все хорошо пойдетъ. Вы будете заниматься Колей — а я.... а мы вами.

БѢЛЯЕВЪ.

Я вамъ буду очень благодаренъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

То то же. О чемъ вы тутъ разговаривали съ Михайлой Александрычемъ?

РАКИТИНЪ (*улыбаясь*).

Онъ мнѣ разсказывалъ какимъ образомъ онъ перевелъ французскую книгу — ни слова не знавши по французски.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А! Ну вотъ мы васъ и по французски выучимъ. Да кстати, что̀ вы сдѣлали съ вашимъ змѣемъ?

БѢЛЯЕВЪ.

Я его домой отнесъ. Мнѣ показалось, что вамъ.... непріятно было....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*съ нѣкоторымъ смущеніемъ*).

Отчегожъ вамъ это показалось? Оттого, что я Вѣрочкѣ.... что я Вѣрочку домой взяла? Нѣтъ, это.... Нѣтъ, вы ошиблись. (*Съ живостью.*) Впрочемъ, знаете ли что? Теперь Коля, должно быть, кончилъ свой урокъ. Пойдемте возьмемте его, Вѣрочку, змѣя — хотите? И вмѣстѣ всѣ отправимся на лугъ. А?

БѢЛЯЕВЪ.

Съ удовольствіемъ, Наталья Петровна.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

И прекрасно. Ну пойдемте же, пойдемте. (*Протягиваетъ ему руку.*) Да возьмите же мою руку, какой вы неловкій. Пойдемте.... скорѣй. (*Оба быстро уходятъ налѣво.*)

РАКИТИНЪ (*глядя имъ вслѣдъ*).

Что за живость.... что за веселость.... Я никогда у ней на лицѣ такого выраженія не видалъ. И какая внезапная перемѣна! (*Помолчавъ.*) Souvent femme varie.... Но я.... я рѣшительно ей сегодня не по нутру. Это ясно. (*Помолчавъ.*) Чтожь! Увидимъ, что далѣе будетъ. (*Медленно.*) Неужели же.... (*Махаетъ рукой.*) Быть не можетъ!... Но эта улыбка, этотъ привѣтный, мягкій, свѣтлый взглядъ.... Ахъ, не дай Богъ мнѣ узнать терзанія ревности, особенно безсмысленной ревности.... (*Вдругъ оглядываясь.*) Ба, ба, ба... какими судьбами? (*Слѣва входятъ Шпигельскій и Большинцовъ. Ракитинъ идетъ имъ на встрѣчу.*) Здравствуйте, господа... Я, признаться, Шпигельскій, васъ сегодня не ожидалъ.... (*Жметъ имъ руки.*)

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Да и я самъ того-съ.... Я самъ не воображалъ.... Да вотъ заѣхалъ къ нему (*указывая на Большинцова*), а онъ ужь въ коляскѣ сидитъ, сюда ѣдетъ. Ну, я тотчасъ оглобли назадъ да вмѣстѣ съ нимъ и вернулся.

РАКИТИНЪ.

Чтожь, добро пожаловать.

БОЛЬШИНЦОВЪ.

Я точно собирался....

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*заминая его рѣчь*).

Намъ люди сказали, что господа всѣ въ саду.... По крайней мѣрѣ въ гостиной никого не было....

РАКИТИНЪ.

Да вы развѣ не встрѣтили Наталью Петровну?

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Когда?

РАКИТИНЪ.

Да вотъ сейчасъ.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Нѣтъ. Мы не прямо изъ дому сюда пришли. Аѳанасію Иванычу хотѣлось посмотрѣть, есть ли въ рощицѣ грибы?

БОЛЬШИНЦОВЪ (*съ недоумѣніемъ*).

Я....

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Ну да мы знаемъ, что вы до подберезниковъ большой охотникъ. Такъ Наталья Петровна домой пошла? Чтожъ? И мы можемъ вернуться.

БОЛЬШИНЦОВЪ.

Конечно.

РАКИТИНЪ.

Да она пошла домой для того, чтобы позвать всѣхъ гулять.... Они, кажется, собираются пускать змѣя.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

А! И прекрасно. Въ такую погоду надобно гулять.

РАКИТИНЪ.

Вы можете остаться здѣсь.... Я пойду, скажу ей, что вы пріѣхали.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Для чего же вы будете безпокоиться.... Помилуйте, Михайло Александрычъ....

РАКИТИНЪ.

Нѣтъ.... мнѣ и безъ того нужно....

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

А! ну, въ такомъ случаѣ мы васъ не удерживаемъ.... Безъ церемоніи, вы знаете....

РАКИТИНЪ

До свиданья, господа. (*Уходитъ налѣво.*)

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

До свиданія. (*Большинцову.*) Ну-съ, Аѳанасій Иванычъ....

БОЛЬШИНЦОВЪ (*перебивая его*).

Что это вамъ, Игнатій Ильичъ, вздумалось насчетъ грибовъ.... Я удивляюсь; какіе грибы?

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

А, небось мнѣ по вашему слѣдовало сказать, что дескать

заробѣлъ мой Аѳанасій Иванычъ, прямо не хотѣлъ пойдти, попросился сторонкой?

БОЛЬШИНЦОВЪ.

Оно такъ... да все же грыбы... Я не знаю, я, можетъ быть, ошибаюсь....

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Навѣрное ошибаетесь, другъ мой. Вы вотъ лучше о чемъ подумайте. Вотъ мы съ вами сюда пріѣхали.... сдѣлано по вашему. Смотрите же! не ударьте лицомъ въ грязь.

БОЛЬШИНЦОВЪ.

Да, Игнатій Ильичъ, вѣдь вы... Вы мнѣ сказали, то есть... Я бы желалъ положительно узнать какой отвѣтъ....

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Почтеннѣйшій мой Аѳанасій Иванычъ! Отъ вашей деревни досюда считается пятнадцать верстъ слишкомъ; вы на каждой верстѣ по крайней мѣрѣ три раза предлагали мнѣ тотъ же самый вопросъ.... Неужели же этого вамъ мало? Ну, слушайте же: только это я васъ балую въ послѣдній разъ. Вотъ что мнѣ сказала Наталья Петровна: «Я»....

БОЛЬШИНЦОВЪ (*кивая головой*).

Да.

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*съ досадой*).

Да.... Ну что «да»? Вѣдь я еще вамъ ничего не сказалъ.... «Я, говоритъ, мало знаю г. Большинцова, но онъ мнѣ кажется хорошимъ человѣкомъ; съ другой стороны я нисколько не намѣрена принуждать Вѣрочку; и потому пусть онъ ѣздитъ къ намъ, и если онъ заслужитъ»....

БОЛЬШИНЦОВЪ.

Заслужитъ? Она сказала: заслужитъ?

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

«Если онъ заслужитъ ея расположеніе, мы съ Анной Семеновной не будемъ препятствовать»....

БОЛЬШИНЦОВЪ.

«Не будемъ препятствовать?» Такъ-таки и сказала. Не будемъ препятствовать?

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Ну да, да, да. Какой вы странный человѣкъ! «Не будемъ препятствовать ихъ счастью».

БОЛЬШИНЦОВЪ.

Гм.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

«Ихъ счастью». Да; но замѣтьте, Аѳанасій Иванычъ, въ чемъ теперь задача состоитъ.... Вамъ теперь нужно убѣдить самое Вѣру Александровну въ томъ, что для нея бракъ съ вами точно счастье; вамъ нужно заслужить ея расположеніе.

БОЛЬШИНЦОВЪ (*моргая*).

Да, да, заслужить.... точно; я съ вами согласенъ.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Вы непремѣнно хотѣли, чтобы я васъ сегодня же сюда привезъ.... Ну, посмотримъ, какъ вы будете дѣйствовать.

БОЛЬШИНЦОВЪ.

Дѣйствовать? да, да, нужно дѣйствовать, нужно заслужить, точно. Только вотъ что, Игнатій Ильичъ.... Позвольте мнѣ признаться вамъ, какъ лучшему моему другу, въ одной моей слабости: я, вотъ, вы изволите говорить, желалъ, чтобы вы сегодня привезли меня сюда....

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Не желали, а требовали, неотступно требовали.

БОЛЬШИНЦОВЪ.

Ну да, положимъ.... я съ вами согласенъ. Да вотъ видите ли: дома.... я точно.... я дома на всё, кажется, былъ готовъ; а теперь вотъ робость одолѣваетъ.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Да отъ чегожь вы робѣете?

БОЛЬШИНЦОВЪ (*взглянувъ на него изъ подлобья*).

Рыскъ-съ.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Что-ò?

БОЛЬШИНЦОВЪ.

Рыскъ-съ. Большой рыскъ-съ. Я, Игнатій Ильичъ, долженъ вамъ признаться, какъ....

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*прерывая*).

Какъ лучшему вашему другу.... знаемъ, знаемъ.... Далѣе?

БОЛЬШИНЦОВЪ.

Точно такъ-съ, я съ вами согласенъ. Я долженъ вамъ признаться, Игнатій Ильичъ, что я.... я вообще съ дамами, съ женскимъ поломъ вообще, мало, такъ сказать, имѣлъ сношеній; я, Игнатій Ильичъ, признаюсь вамъ откровнино, просто не могу придумать, о чемъ можно съ особой женскаго пола говорить — и притомъ наединѣ.... особенно съ дѣвицей.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Вы меня удивляете. Я такъ не знаю, о чемъ нельзя съ особой женскаго пола говорить, особенно съ дѣвицей, и особенно на единѣ.

БОЛЬШИНЦОВЪ.

Ну да вы.... Помилуйте, гдѣжь мнѣ за вами? Вотъ по этому-то случаю я бы желалъ прибѣгнуть къ вамъ, Игнатій Ильичъ. Говорятъ, въ этихъ дѣлахъ лихà бѣда начать, такъ нельзя ли того-съ, мнѣ для вступленья въ разговоръ — словечко, чтò ли, сообщить, какое нибудь пріятное, въ родѣ, напримѣръ замѣчанья—а ужь тамъ я пойду. Ужь тамъ я какъ нибудь самъ.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Словечка я вамъ никакого не сообщу, Аѳанасій Иванычъ потому что вамъ никакое словечко ни къ чему не послужитъ.... а совѣтъ я вамъ дать могу, если хотите.

БОЛЬШИНЦОВЪ.

Да сдѣлайте же одолженье, батюшка.... А что касается до моей благодарности.... Вы знаете....

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Полноте, полноте; чтò я развѣ торгуюсь съ вами?

БОЛЬШИНЦОВЪ (*понизивъ голосъ*).

Насчетъ троечки будьте покойны.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Да полноте же наконецъ! Вотъ видите ли, Аѳанасій Иванычъ.... Вы, безспорно, прекрасный человѣкъ во всѣхъ отно-

шеніяхъ.... (*Большинцовъ слегка кланяется*) человѣкъ съ отличными качествами....

БОЛЬШИНЦОВЪ.

О, помилуйте!

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Притомъ, у васъ, кажется, триста душъ?

БОЛЬШИНЦОВЪ.

Триста двадцать-съ.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Незаложенныхъ?

БОЛЬШИНЦОВЪ.

За мной копѣйки долгу не водится.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Ну вотъ видите. Я вамъ сказывалъ, что вы отличнѣйшій человѣкъ и женихъ хоть куда. Но вотъ вы сами говорите, что вы съ дамами мало имѣли сношеній....

БОЛЬШИНЦОВЪ (*со вздохомъ*).

Точно такъ-съ. Я, можно сказать, Игнатій Ильичъ, съизмала чуждался женскаго пола.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Ну вотъ видите. Это въ мужѣ не порокъ, напротивъ; но все-таки въ иныхъ случаяхъ, напримѣръ при первомъ объясненіи въ любви, необходимо хоть что-нибудь умѣть сказать.... Не правда ли?

БОЛЬШИНЦОВЪ.

Я совершенно съ вами согласенъ.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

А то вѣдь, пожалуй, Вѣра Александровна можетъ подумать, что вы чувствуете себя нездоровыми — и больше ничего. Притомъ фигура ваша, хотя тоже во всѣхъ отношеніяхъ благовидная, не представляетъ ничего такого, что эдакъ въ глаза, знаете ли, бросается, въ глаза; а нынче это требуется.

БОЛЬШИНЦОВЪ (*со вздохомъ*).

Нынче это требуется.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Дѣвицамъ по крайней мѣрѣ это нравится. Ну да и лѣта ваши наконецъ.... словомъ, намъ съ вами любезностью брать не приходится. Стало быть, вамъ нечего думать о пріятныхъ словечкахъ. Это опора плохая. Но у васъ есть другая опора, гораздо болѣе твердая и надежная, а именно ваши качества, почтеннѣйшій Аѳанасій Иванычъ, и ваши триста двадцать душъ. Я на вашемъ мѣстѣ просто сказалъ бы Вѣрѣ Александровнѣ....

БОЛЬШИНЦОВЪ.

Наединѣ?

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

О, непремѣнно наединѣ! Вѣра Александровна! (*По движеніямъ губъ Большинцова замѣтно, что онъ шопотомъ повторяетъ каждое слово за Шпигельскимъ.*) Я васъ люблю и прошу вашей руки. Я человѣкъ добрый, простой, смирный и не бѣдный: вы будете со мною совершенно свободны; я буду стараться всячески вамъ угождать. А вы извольте справиться обо мнѣ, извольте обратить на меня немножко побольше вниманія чѣмъ до сихъ поръ — и дайте мнѣ отвѣтъ, какой угодно и когда угодно. Я готовъ ждать, и даже за удовольствіе почту.

БОЛЬШИНЦОВЪ (*громко произнося послѣднее слово*).

Почту. Такъ, такъ, такъ.... я съ вами согласенъ. Только вотъ что, Игнатій Иванычъ: вы, кажется, изволили употребить слово: смирный.... дескать смирный я человѣкъ....

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

А чтожь, развѣ вы не смирный человѣкъ?

БОЛЬШИНЦОВЪ.

Та-акъ-съ... но все-таки мнѣ кажется... Будетъ ли оно прилично, Игнатій Ильичъ? Не лучше ли сказать, напримѣръ....

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Напримѣръ?

БОЛЬШИНЦОВЪ

Напримѣръ.... напримѣръ.... (*Помолчавъ.*) Впрочемъ можно, пожалуй, сказать и смирный.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Эхъ, Аѳанасій Иванычъ, послушайтесь вы меня; чѣмъ проще вы будете выражаться, чѣмъ меньше украшеній вы подпустите въ вашу рѣчь, тѣмъ лучше дѣло пойдетъ, повѣрьте мнѣ. А главное, не настаивайте, не настаивайте, Аѳанасій Иванычъ. Вѣра Александровна еще очень молода; вы ее запугать можете.... Дайте ей время хорошо обдумать ваше предложеніе. Да! еще одно.... чуть было не забылъ; вы вѣдь мнѣ позволили вамъ совѣты давать.... Вамъ иногда случается, любезный мой Аѳанасій Иванычъ, говорить: крухтъ и фостъ.... Оно, пожалуй, отчего же.... можно.... но, знаете ли, слова фруктъ и хвостъ какъ-то употребительнѣе; болѣе, такъ сказать, въ употребленіе вошли. А то еще, помнится, вы однажды при мнѣ одного хлѣбосольнаго помѣщика назвали бонжибаномъ; дескать, какой онъ бонжибанъ! Слово тоже, конечно, хорошее, но, къ сожалѣнію, оно ничего не значитъ. Вы знаете, я самъ не слишкомъ гораздъ насчетъ французскаго діалекта, а на столько-то смыслю. Избѣгайте краснорѣчья, и я вамъ ручаюсь за успѣхъ. (*Оглядываясь.*) Да вотъ они кстати всѣ идутъ сюда. (*Большинцовъ хочетъ удалиться.*) Куда же вы? опять за грыбами? (*Большинцовъ улыбается, краснѣетъ и остается.*) Главное дѣло не робѣть!

БОЛЬШИНЦОВЪ (*торопливо*).

А вѣдь Вѣрѣ Александровнѣ еще ничего неизвѣстно?

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Еще бы!

БОЛЬШИНЦОВЪ.

Впрочемъ я на васъ надѣюсь.... (*Сморкается. Слѣва входятъ: Наталья Петровна, Вѣра, Бѣляевъ съ змѣемъ, Коля, за ними Ракитинъ и Лизавета Богдановна. Наталья Петровна очень въ духѣ.*)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*Большинцову и Шпигельскому*).

А здравствуйте, господа; здравствуйте, Шпигельскій; я васъ не ожидала сегодня, но я всегда вамъ рада. Здравствуйте, Аѳанасій Иванычъ. (*Большинцовъ кланяется съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ.*)

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*Натальѣ Петровнѣ, указывая на Большинцова*).

Вотъ этотъ баринъ непремѣнно желалъ привезти меня сюда....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*смѣясь*).

Я ему очень обязана.... Но развѣ васъ нужно заставлять къ намъ ѣздить?

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Помилуйте! но.... Я только сегодня поутру.... отсюда.... Помилуйте...

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А запутался, запутался, господинъ дипломатъ!

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Мнѣ, Наталья Петровна, очень пріятно видѣть васъ въ такомъ, сколько я могу замѣтить, веселомъ расположеніи духа.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А! вы считаете нужнымъ это замѣтить.... Да развѣ со мною это такъ рѣдко случается?

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

О, помилуйте, нѣтъ.... но...

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

M-r le diplomate, вы болѣе и болѣе путаетесь.

КОЛЯ (*который все время нетерпѣливо вертѣлся около Бѣляева и Вѣры*).

Да что жь, maman, когда же мы будемъ змѣя пускать?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Когда хочешь.... Алексѣй Николаичъ, и ты, Вѣрочка, пойдемте на лугъ.... (*Обращаясь къ остальнымъ.*) Васъ, господа, я думаю, это не можетъ слишкомъ занять. Лизавета Богдановна, и вы, Ракитинъ, поручаю вамъ добраго нашего Аѳанасья Иваныча.

РАКИТИНЪ.

Да отчего, Наталья Петровна, вы думаете, что это насъ не займетъ?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вы люди умные.... Вамъ это должно казаться шалостью.... Впрочемъ, какъ хотите. Мы не мѣшаемъ вамъ идти за на-

ми.... (*Къ Бѣляеву и Вѣрочкѣ.*) Пойдемте. (***Наталья, Вѣра, Бѣляевъ и Коля уходятъ направо.***)

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*посмотрѣвъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ на Ракитина, Большинцову*).

Добрый нашъ Аѳанасій Иванычъ, дайте же руку Лизаветѣ Богдановнѣ.

БОЛЬШИНЦОВЪ (*торопливо*).

Я съ большимъ удовольствіемъ.... (*Беретъ Лизавету Богдановну подъ руку.*)

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*Ракитину*).

А мы пойдемъ съ вами, если позволите, Михайло Александрычъ. (*Беретъ его подъ руку.*) Вишь, какъ они бѣгутъ по аллеѣ. Пойдемте, посмотримте, какъ они будутъ змѣй пускать, хотя мы и умные люди... Аѳанасій Иванычъ, не угодно ли впередъ идти?

БОЛЬШИНЦОВЪ (*на ходу Лизаветѣ Богдановнѣ*).

Сегодня, погода, очень, можно сказать, пріятная-съ.

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА (*жеманясь*).

Ахъ, очень!

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*Ракитину*).

А мнѣ съ вами, Михайло Александрычъ, нужно переговорить.... (*Ракитинъ вдругъ смѣется.*) О чемъ вы?

РАКИТИНЪ.

Такъ.... ничего.... Мнѣ смѣшно, что мы въ арріеръ-гардъ попали.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Аванъ-гарду, вы знаете, очень легко сдѣлаться арріеръ-гардомъ.... Все дѣло въ перемѣнѣ дирекціи. (*Всѣ уходятъ направо.*)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Та же декорація, какъ въ первомъ дѣйствіи. Изъ дверей въ залу входятъ Ракитинъ и Шпигельскій.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Такъ, какъ-же, Михайло Александрычъ, помогите мнѣ, сдѣлайте одолженіе.

РАКИТИНЪ.

Да чѣмъ могу я вамъ помочь, Игнатій Ильичъ?

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Какъ чѣмъ? помилуйте. Вы, Михайло Александрычъ, войдите въ мое положеніе. Собственно я въ этомъ дѣлѣ сторона, конечно; я, можно сказать, дѣйствовалъ больше изъ желанія угодить.... Ужь погубитъ меня мое доброе сердце!

РАКИТИНЪ (*смѣясь*).

Ну до погибели вамъ еще далеко.

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*тоже смѣясь*).

Это еще неизвѣстно, а только мое положеніе дѣйствительно неловко. Я Большинцова по желанью Натальи Петровны сюда привезъ и отвѣтъ ему сообщилъ съ ея же позволенья, а теперь съ одной стороны на меня дуются, словно я глупость сдѣлалъ, а съ другой Большинцовъ не даетъ мнѣ покоя. Его избѣгаютъ, со мной не говорятъ....

РАКИТИНЪ.

И охота же вамъ была, Игнатій Ильичъ, взяться за это дѣло. Вѣдь Большинцовъ, между нами, вѣдь онъ просто глупъ.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Вотъ тебѣ на — между нами! Экую новость вы изволили сказать! Да съ какихъ поръ одни умные люди женятся? Ужь коли въ чемъ другомъ, въ женитьбѣ-то не слѣдуетъ дуракамъ хлѣбъ отбивать. Вы говорите, я за это дѣло взялся.... Вовсе

нѣтъ. Вотъ какъ оно состоялось: пріятель проситъ меня замолвить за него слово.... Чтожъ? мнѣ отказать ему было, что ли? Я человѣкъ добрый: отказывать не умѣю. Я исполняю порученіе пріятеля; мнѣ отвѣчаютъ: «покорнѣйше благодаримъ; не извольте, то есть, болѣе безпокоиться».... Я понимаю и болѣе не безпокою. Потомъ вдругъ сами мнѣ предлагаютъ и поощряютъ меня, такъ сказать.... Я повинуюсь; на меня негодуютъ. Чѣмъ же я тутъ виноватъ?

РАКИТИНЪ.

Да кто вамъ говоритъ, что вы виноваты.... Я удивляюсь только одному; изъ чего вы такъ хлопочете?

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Изъ чего.... изъ чего.... Человѣкъ мнѣ покоя не даетъ.

РАКИТИНЪ.

Ну полноте....

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Притомъ же онъ мой старинный пріятель.

РАКИТИНЪ (*съ недовѣрчивой улыбкой*).

Да! ну это другое дѣло.

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*тоже улыбаясь*).

Впрочемъ, я съ вами хитрить не хочу.... Васъ не обманешь. Ну да.... онъ мнѣ обѣщалъ.... у меня пристяжная на ноги сѣла, такъ вотъ онъ мнѣ обѣщалъ....

РАКИТИНЪ.

Другую пристяжную?

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Нѣтъ, признаться, цѣлую тройку.

РАКИТИНЪ.

Давно бы вы сказали!

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*живо*).

Но вы пожалуйста не подумайте.... Я бы ни за что не согласился быть въ такомъ дѣлѣ посредникомъ, это совершенно противно моей натурѣ (*Ракитинъ улыбается*), еслибъ я не зналъ Большинцова за честнѣйшаго человѣка.... Впрочемъ, я и теперь желаю только одного: пусть мнѣ отвѣтятъ рѣшительно — да или нѣтъ?

РАКИТИНЪ.

Развѣ ужь до того дѣло дошло?

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Да что вы воображаете?.... Не о женитьбѣ рѣчь идетъ, а о позволеніи ѣздить, посѣщать....

РАКИТИНЪ.

Да кто жь это можетъ запретить?

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Экіе вы.... запретить! Конечно для всякаго другаго.... но Большинцовъ человѣкъ робкій, невинная душа, прямо изъ златого вѣка, Астреи, только-что тряпки не сосетъ.... Онъ на себя мало надѣется, его нужно нѣсколько поощрить. Притомъ его намѣренья — самыя благородныя.

РАКИТИНЪ.

Да и лошади хороши.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

И лошади хороши. (*Нюхаетъ табакъ и предлагаетъ Ракитину табакерку.*) Вамъ не угодно?

РАКИТИНЪ.

Нѣтъ, благодарствуйте.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Такъ, такъ-то, Михайло Александрычъ. Я васъ, вы видите, не хочу обманывать. Да и къ чему? Дѣло ясное, какъ на ладони. Человѣкъ честныхъ правилъ, съ состояніемъ, смирный.... Годится — хорошо. Не годится — ну такъ и сказать.

РАКИТИНЪ.

Все это прекрасно, положимъ; да я-то тутъ что? Я, право, не вижу, въ чемъ я могу.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Эхъ, Михайло Александрычъ! Развѣ мы не знаемъ, что Наталья Петровна васъ очень уважаетъ и даже иногда слушается васъ... Право, Михайло Александрычъ, (*Сбоку обнимая его*) будьте другъ, замолвите словечко....

РАКИТИНЪ.

И вы думаете, что хорошій это мужъ для Вѣрочки?

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*принимая серьёзный видъ*).

Я убѣжденъ въ этомъ. Вы не вѣрите.... Вотъ вы увидите. Вѣдь въ супружествѣ, вы сами знаете, главная вещь, солидный характеръ. А ужь Большинцовъ на что солиднѣе! (*Оглядывается.*) А вотъ, кажется, и сама Наталья Петровна сюда идетъ.... Батюшка, отецъ, благодѣтель! Двѣ рыжихъ на пристяжкѣ, гнѣдая въ корню! Похлопочите!

РАКИТИНЪ (*улыбаясь*).

Ну хорошо, хорошо....

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Смотрите же, я полагаюсь на васъ.... (*Спасается въ залу.*)

РАКИТИНЪ (*глядя ему вслѣдъ*).

Экой проныра этотъ докторъ! Вѣрочка ... и Большинцовъ! А впрочемъ, чтоже? Бываютъ свадьбы и хуже. Исполню его коммиссію, а тамъ, не мое дѣло! (*Оборачивается; изъ кабинета выходитъ Наталья Петровна и, увидя его, останавливается.*)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*нерѣшительно*).

Это.... вы.... я думала, что вы въ саду....

РАКИТИНЪ.

Вамъ какъ будто непріятно. ..

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*перерывая его*).

О полноте! (*Идетъ на авансъ-сцену.*) Вы здѣсь одни?

РАКИТИНЪ.

Шпигельскій сейчасъ ушелъ отсюда.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*слегка наморщивъ брови*).

А! этотъ уѣздный Талейранъ.... Чтò онъ вамъ такое говорилъ? Онъ все еще тутъ вертится?

РАКИТИНЪ.

Этотъ уѣздный Талейранъ, какъ вы его называете, сегодня у васъ видно не въ милости... а кажется вчера...

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Онъ смѣшонъ; онъ забавенъ, точно; но.... онъ не въ свои дѣла мѣшается.... Это непріятно. Притомъ онъ, при всемъ своемъ низкопоклонствѣ, очень дерзокъ и навязчивъ. .. Онъ большой циникъ.

РАКИТИНЪ (*подходя къ ней*).

Вы вчера не такъ объ немъ отзывались....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Можетъ быть. (*Живо.*) Такъ чтожь онъ вамъ такое говорилъ?

РАКИТИНЪ.

Онъ мнѣ говорилъ.... о Большинцовѣ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А! объ этомъ глупомъ человѣкѣ?

РАКИТИНЪ.

И объ немъ вы вчера иначе отзывались.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*принужденно улыбаясь*).

Вчера — не сегодня.

РАКИТИНЪ.

Для всѣхъ.... но видно не для меня.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*опустивъ глаза.*)

Какъ такъ?

РАКИТИНЪ.

Для меня сегодня то же, что вчера.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*протянувъ ему руку.*)

Я понимаю вашъ упрекъ, но вы ошибаетесь. Вчера я бы не созналась въ томъ, что я виновата передъ вами.... (*Ракитинъ хочетъ остановить ее.*) Не возражайте мнѣ... Я знаю, и вы знаете, чтò я хочу сказать.... а сегодня я сознаюсь въ этомъ. Я сегодня многое обдумала... Повѣрьте, Мишель, какія бы глупыя мысли не занимали меня, чтò бы я ни говорила, чтò бы я ни дѣлала, я ни на кого такъ не полагаюсь, какъ на васъ. (*Понизивъ голосъ.*) Я никого.... такъ не люблю, какъ я васъ люблю.... (*Небольшое молчаніе.*) Вы мнѣ не вѣрите?

РАКИТИНЪ.

Я вѣрю вамъ.... но вы сегодня какъ будто печальны.... чтò съ вами?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*не слушаетъ его и продолжаетъ*).

Только я убѣдилась въ одномъ, Ракитинъ: ни въ какомъ случаѣ нельзя за себя отвѣчать, и ни за что нельзя ручать-

ся. Мы часто своего прошедшаго не понимаемъ.... гдѣ же намъ отвѣчать за будущее! На будущее цѣпей не наложишь.

РАКИТИНЪ.

Это правда.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*послѣ долгаго молчанья*).

Послушайте, я хочу быть съ вами откровенной, можетъ быть я немножко огорчу васъ.... но я знаю: васъ бы еще болѣе огорчила моя скрытность. Признаюсь вамъ, Мишель, этотъ молодой студентъ.... этотъ Бѣляевъ произвелъ на меня довольно сильное впечатлѣніе....

РАКИТИНЪ (*вп полголоса*).

Я это зналъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А! вы это замѣтили? Давно ли?

РАКИТИНЪ.

Со вчерашняго дня.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А!

РАКИТИНЪ.

Уже третьяго дня, помните, я говорилъ вамъ о перемѣнѣ, происшедшей въ васъ.... Я тогда еще не зналъ, чему приписать ее. Но вчера, послѣ нашего разговора.... и на этомъ лугу.... еслибъ вы могли себя видѣть! Я не узнавалъ васъ; вы словно другою стали. Вы смѣялись, вы прыгали, вы рѣзвились какъ дѣвочка, ваши глаза блестѣли, ваши щеки разгорѣлись, и съ какимъ довѣрчивымъ любопытствомъ, съ какимъ радостнымъ вниманьемъ вы глядѣли на него, какъ вы улыбались.... (*Взглянувъ на нее.*) Вотъ даже теперь ваше лицо оживляется отъ одного воспоминанія.... (*Отворачивается.*)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Нѣтъ, Ракитинъ, ради Бога не отворачивайтесь отъ меня... Послушайте: къ чему преувеличивать? Этотъ человѣкъ меня заразилъ своею молодостью—и только. Я сама никогда не была молода, Мишель, съ самаго моего дѣтства и до сихъ поръ.... Вы вѣдь знаете всю мою жизнь.... Съ непривычки

мнѣ все это въ голову бросилось, какъ вино, но, я знаю, это также скоро пройдетъ, какъ оно пришло скоро.... Объ этомъ даже говорить не стоитъ. (*Помолчавъ.*) Только вы не отворачивайтесь отъ меня, не отнимайте у меня вашей руки.... Помогите мнѣ....

РАКИТИНЪ (*съ волненіемъ*).

Помочь вамъ.... жесткое слово! (*Громко.*) Вы сами не знаете, Наталья Петровна, что съ вами происходитъ. Вы увѣрены, что объ этомъ говорить не стоитъ, и просите помощи... Видно вы чувствуете, что она вамъ нужна!

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

То есть.... да.... Я обращаюсь къ вамъ, какъ къ другу.

РАКИТИНЪ (*горько*).

Да-съ.... Я, Наталья Петровна, готовъ оправдать вашу довѣренность.... но позвольте мнѣ немного собраться съ духомъ....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Собраться съ духомъ? Да развѣ вамъ грозитъ какая нибудь.... непріятность? Развѣ что измѣнилось?

РАКИТИНЪ (*горько*).

О нѣтъ! все попрежнему.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да что вы думаете, Мишель?... Неужели вы можете предполагать....

РАКИТИНЪ.

Я ничего не предполагаю.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Неужели жь вы до того меня презираете....

РАКИТИНЪ.

Перестаньте, ради Бога. Поговоримте лучше о Большинцовѣ. Докторъ ожидаетъ отвѣта насчетъ Вѣрочки, вы знаете.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*печально*).

Вы на меня сердитесь.

РАКИТИНЪ.

Я? О нѣтъ. Но мнѣ жаль васъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Право, это даже досадно. Мишель, какъ вамъ не стыдно.... (*Ракитинъ молчитъ. Она пожимаетъ плечами и продолжаетъ съ досадой.*) Вы говорите, докторъ ждетъ отвѣта?... Да кто его просилъ вмѣшиваться....

РАКИТИНЪ.

Онъ увѣрялъ меня, что вы сами....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*перебивая его*).

Можетъ быть, можетъ быть... Хотя я, кажется, ничего ему не сказала положительнаго.... Притомъ, я могу перемѣнить свои намѣренья. Да и наконецъ, Боже мой, что за бѣда Шпигельскій занимается дѣлами всякаго рода, въ его ремеслѣ не все же ему должно удаваться.

РАКИТИНЪ.

Онъ только желаетъ знать, какой отвѣтъ....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Какой отвѣтъ.... (*Помолчавъ.*) Мишель, полноте, дайте мнѣ руку.... къ чему этотъ равнодушный взглядъ, эта холодная вѣжливость?... Чѣмъ я виновата? Подумайте, развѣ это моя вина? Я пришла къ вамъ въ надеждѣ услышать добрый совѣтъ, я ни одно мгновенье не колебалась, я не думала отъ васъ скрываться, а вы.... Я вижу, напрасно я была откровенна съ вами.... Вамъ бы и въ голову не пришло.... Вы ничего не подозрѣвали, вы меня обманули. А теперь вы, Богъ знаетъ, что думаете.

РАКИТИНЪ.

Я? помилуйте!

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Дайте же мнѣ руку.... (*Онъ не шевелится; она продолжаетъ, нѣсколько обиженная.*) Вы рѣшительно отворачиваетесь отъ меня? Смотрите же, тѣмъ хуже для васъ. Впрочемъ, я не пеняю на васъ.... (*Горько.*) Вы ревнуете!

РАКИТИНЪ (*горько*).

Я не въ правѣ ревновать, Наталья Петровна.... Помилуйте, что вы?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*помолчавъ*).

Какъ хотите. А что касается до Большинцова, я еще не поговорила съ Вѣрочкой.

РАКИТИНЪ.

Я могу вамъ ее сейчасъ послать.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Зачѣмъ же сейчасъ!... Впрочемъ, какъ хотите.

РАКИТИНЪ (*направляясь къ двери кабинета*).

Такъ прикажете прислать ее?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Мишель, въ послѣдній разъ.... Вы мнѣ сейчасъ говорили, что вамъ меня жаль.... Такъ-то вамъ жаль меня! Неужели жь....

РАКИТИНЪ (*холодно*).

Прикажете?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*съ досадой*).

Да. (*Ракитинъ идетъ въ кабинетъ. Наталья Петровна нѣкоторое время остается неподвижной, садится, беретъ со стола книгу, раскрываетъ ее и роняетъ на колѣни.*) И этотъ! Да чтожь это такое? Онъ.... и онъ! А я еще на него надѣялась. А Аркадій? Боже мой! Я и не вспомнила о немъ! (*Выпрямясь.*) Я вижу, пора прекратить все это.... (*Изъ кабинета входитъ Вѣра.*) Да.... пора.

ВѢРА (*робко*).

Вы меня спрашивали, Наталья Петровна?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*быстро оглядываясь*).

А! Вѣрочка! Да, я тебя спрашивала.

ВѢРА (*подходя къ ней*).

Вы здоровы?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Я? Да. А что?

ВѢРА.

Мнѣ показалось....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Нѣтъ, это такъ. Мнѣ немножко жарко.... Вотъ и все. Сядь.

(*Вѣра садится.*) Послушай, Вѣра; вѣдь ты теперь ничѣмъ не занята?

ВѢРА.

Нѣтъ-съ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Я спрашиваю это у тебя, потому что мнѣ нужно съ тобой поговорить.... серьёзно поговорить. Вотъ видишь, душа моя, ты до сихъ поръ была еще ребенкомъ; но тебѣ семнадцать лѣтъ; ты умна.... Пора тебѣ подумать о своей будущности. Ты знаешь, я люблю тебя какъ дочь; мой домъ всегда будетъ твоимъ домомъ.... но все-таки ты въ глазахъ другихъ людей — сирота; ты не богата. Тебѣ со временемъ можетъ наскучить вѣчно жить у чужихъ людей: послушай — хочешь ты быть хозяйкой, полной хозяйкой въ своемъ домѣ?

ВѢРА (*медленно*).

Я васъ не понимаю, Наталья Петровна.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*помолчавъ*).

У меня просятъ твоей руки. (*Вѣра съ изумленіемъ глядитъ на Наталью Петровну.*) Ты этого не ожидала; признаюсь, мнѣ самой оно кажется нѣсколько страннымъ. Ты еще такъ молода.... Мнѣ нечего тебѣ говорить, что я нисколько не намѣрена принуждать тебя.... по моему, тебѣ еще рано выходить замужъ; я только сочла долгомъ сообщить тебѣ.... (*Вѣра вдругъ закрываетъ лицо руками.*) Вѣра.... что это? ты плачешь? (*Беретъ ее за руку.*) Ты вся дрожишь?... Неужели ты меня боишься, Вѣра?

ВѢРА (*глухо*).

Я въ вашей власти, Наталья Петровна....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*отнимая Вѣрѣ руки отъ лица*).

Вѣра, какъ тебѣ не стыдно плакать? Какъ не стыдно тебѣ говорить, что ты въ моей власти? За кого ты меня почитаешь? я говорю съ тобой какъ съ дочерью, а ты.... (*Вѣра цѣлуетъ у ней руки.*) А? вы въ моей власти? Такъ извольте же сейчасъ разсмѣяться.... Я вамъ приказываю.... (*Вѣра улыбается сквозь слезы.*) Вотъ такъ. (*Наталья Петровна обнимаетъ ее одной рукой и притягиваетъ къ себѣ.*) Вѣра, дитя

мое, будь со мною, какъ бы ты была съ твоей матерью, или нѣтъ, лучше вообрази, что я твоя старшая сестра и давай потолкуемъ вдвоемъ обо всѣхъ этихъ чудесахъ.... Хочешь?

ВѢРА.

Я готова-съ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ну, слушай же.... Пододвинься поближе. Вотъ такъ. Во первыхъ: такъ какъ ты моя сестра, положимъ, то мнѣ не для чего увѣрять тебя, что ты здѣсь у себя, дома: такіе глазки вездѣ дома. Стало-быть тебѣ и въ голову не должно придти, что ты кому нибудь на свѣтѣ въ тягость и что отъ тебя хотятъ отдѣлаться.... Слышишь? Но вотъ, въ одинъ прекрасный день твоя сестра приходитъ къ тебѣ и говоритъ: вообрази себѣ, Вѣра, за тебя сватаются.... А? что ты ей на это отвѣтишь? Что ты еще очень молода, что ты и не думаешь о свадьбѣ?...

ВѢРА

Да-съ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да не говори мнѣ: да-съ. Развѣ сестрамъ говорятъ: да-съ?

ВѢРА (*улыбаясь*).

Ну.... да.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Твоя сестра съ тобой согласится, жениху откажутъ, и дѣлу конецъ. Но если женихъ человѣкъ хорошій, съ состояньемъ, если онъ готовъ ждать, если онъ проситъ только позволенья изрѣдка тебя видѣть въ надеждѣ современемъ тебѣ понравиться....

ВѢРА.

А кто этотъ женихъ?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А! ты любопытна. Ты не догадываешься?

ВѢРА.

Нѣтъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ты его сегодня видѣла.... (*Вѣра вся краснѣетъ.*) Онъ,

правда, не очень собой хорошъ и не очень молодъ.... Большинцовъ.

ВѢРА.

Аѳанасій Иванычъ?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да.... Аѳанасій Иванычъ.

ВѢРА (*глядитъ нѣкоторое время на Наталью, вдругъ начинаетъ смѣяться и останавливается*).

Вы не шутите?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*улыбаясь*).

Нѣтъ.... но я вижу, Большинцову больше нечего здѣсь дѣлать. Если бы ты заплакала при его имени, онъ бы могъ еще надѣяться, но ты разсмѣялась. Ему остается одно: отправиться съ Богомъ во свояси.

ВѢРА.

Извините меня.... но, право, я никакъ не ожидала.... Развѣ въ его лѣта еще женятся?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да что ты думаешь? Сколько ему лѣтъ? Ему пятидесяти лѣтъ нѣту. Онъ въ самой порѣ.

ВѢРА.

Можетъ быть.... но у него такое странное лицо....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ну, не станемъ больше говорить о немъ. Онъ умеръ, похороненъ.... Богъ съ нимъ! Впрочемъ, оно понятно: дѣвочкѣ въ твои лѣта такой человѣкъ какъ Большинцовъ не можетъ понравиться.... Вы всѣ хотите выйдти замужъ по любви, не по разсудку, неправдали?

ВѢРА.

Да Наталья Петровна, вы.... развѣ вы тоже не по любви вышли за Аркадія Сергѣича?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*помолчавъ*).

Конечно, по любви. (*Помолчавъ опять и стиснувъ руку Вѣрѣ.*) Да, Вѣра.... я тебя сейчасъ назвала дѣвочкой.... но дѣвочки правы. (*Вѣра опускаетъ глаза.*) Итакъ это дѣло рѣшеное. Большинцовъ въ отставкѣ. Признаться, мнѣ самой

было бы не совсѣмъ пріятно видѣть его пухлое, старое лицо рядомъ съ твоимъ свѣжимъ личикомъ, хотя онъ впрочемъ очень хорошій человѣкъ. Вотъ видишь ли ты теперь, какъ напрасно ты меня боялась? Какъ все скоро уладилось!... (*Съ упрекомъ.*) Право, ты обошлась со мной, какъ будто я была благодѣтельница! Ты знаешь, какъ я ненавижу это слово....

ВѢРА (*обнимая ее*).

Простите меня, Наталья Петровна.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

То-то же. Точно ты меня не боишься?

ВѢРА.

Нѣтъ. Я васъ люблю; я не боюсь васъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ну благодарствуй. Стало быть мы теперь большія пріятельницы и ничего другъ отъ друга не скроемъ. Ну, а если бы я тебя спросила: Вѣрочка, скажи-ка мнѣ на ухо: ты не хочешь выйдти замужъ за Большинцова только потому, что онъ гораздо старше тебя и собой не красавецъ?

ВѢРА.

Да развѣ этого не довольно, Наталья Петровна?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Я не спорю.... но другой причины нѣтъ никакой?

ВѢРА.

Я его совсѣмъ не знаю....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Все такъ; да ты мнѣ на мой вопросъ не отвѣчаешь.

ВѢРА.

Другой причины нѣту.

НАТАЛЬЯ ПЕ[illegible]

Въ самомъ дѣлѣ? Въ такомъ [illegible]ы тебѣ [illegible] еще подумать. Въ Большинц[illegible]рудно но онъ, повторяю тебѣ, онъ х[illegible]ѣкъ ты кого нибудь другаго пол[illegible]о Но вѣдь твое сердце до сихъ [illegible]

ВѢР[illegible]

Какъ-съ?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ты никого еще не любишь?

ВѢРА.

Я васъ люблю.... Колю; я Анну Семеновну тоже люблю.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Нѣтъ, я не объ этой любви говорю, ты меня не понимаешь.... Напримѣръ — изъ числа молодыхъ людей, которыхъ ты могла видѣть здѣсь, или въ гостяхъ, неужели жь ни одинъ тебѣ не нравится?

ВѢРА.

Нѣтъ-съ... иные мнѣ нравятся, но....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Напримѣръ, я замѣтила, ты на вечерѣ у Криницыныхъ три раза танцовала съ этимъ высокимъ офицеромъ.... какъ бишь его?...

ВѢРА.

Съ офицеромъ?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да, у него еще такіе большіе усы.

ВѢРА.

Ахъ этотъ!... Нѣтъ, онъ мнѣ не нравится.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ну, а Шаланскій?

ВѢРА.

Шаланскій хорошій человѣкъ; но онъ.... Я думаю, [illegible] до меня.

НАТАЛЬЯ [illegible]РОВНА.

А что?

Онъ... [illegible] тся, бо[illegible] аетъ о [illegible]

[illegible] ПЕТ[illegible] [illegible]

А! [illegible] а?.. [illegible] іе.) Ну а [illegible]

[illegible]

[illegible] нь любл[illegible]

[illegible]РОВНА.

[illegible]

ВѢРА (*покраснѣвъ*).

Алексѣй Николаичъ? Алексѣй Николаичъ мнѣ нравится.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*наблюдая за Варей*).

Да, онъ хорошій человѣкъ. Только онъ такъ со всѣми дичится....

ВѢРА (*поспѣшно*).

Нѣтъ-съ.... Онъ со мной не дичится.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А!

ВѢРА.

Онъ со мной разговариваетъ-съ. Вамъ, можетъ быть, отъ того это кажется, что онъ.... Онъ васъ боится. Онъ еще не успѣлъ васъ узнать.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А ты почему знаешь, что онъ меня боится?

ВѢРА.

Онъ мнѣ сказывалъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А! онъ тебѣ сказывалъ.... Онъ, стало быть, откровеннѣе съ тобой, чѣмъ съ другими?

ВѢРА.

Я не знаю, какъ онъ съ другими, но со мной.... можетъ быть, отъ того, что мы оба сироты. Притомъ.... я въ его глазахъ.... ребенокъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ты думаешь? Впрочемъ, онъ мнѣ тоже очень нравится. У него, должно быть, очень доброе сердце.

ВѢРА.

Ахъ, предоброе-съ! Еслибъ вы знали.... всѣ въ домѣ его любятъ. Онъ такой ласковый. Со всѣми говоритъ, всѣмъ помочь готовъ. Онъ третьяго дня нищую старуху съ большой дороги на рукахъ до больницы донесъ.... Онъ мнѣ цвѣтокъ однажды съ такого обрыва сорвалъ, что я отъ страху даже глаза закрыла; я такъ и думала, что онъ упадетъ и расшибется.... но онъ такъ ловокъ! Вы сами, вчера на лугу, могли видѣть, какъ онъ ловокъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да, это правда.

ВѢРА.

Помните, когда онъ бѣжалъ за змѣемъ, черезъ какой онъ ровъ перескочилъ? Да ему это все ни почемъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

И въ самомъ дѣлѣ онъ для тебя сорвалъ цвѣтокъ съ опаснаго мѣста? — Онъ, видно, тебя любитъ.

ВѢРА (*помолчавъ*).

И всегда онъ веселъ.... всегда въ духѣ....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Это однако же странно. Отъ чего-жъ онъ при мнѣ....

ВѢРА (*перебивая ее*).

Да я жъ вамъ говорю, что онъ васъ не знаетъ. Но постойте, я ему скажу.... Я ему скажу, что васъ нечего бояться — не правда ли? — что вы такъ добры....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*принужденно смѣясь*).

Спасибо.

ВѢРА.

Вотъ вы увидите.... А онъ меня слушается, даромъ-что я моложе его.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Я не знала, что ты съ нимъ въ такой дружбѣ.... Смотри однако, Вѣра, будь осторожна. Онъ, конечно, прекрасный молодой человѣкъ.... но ты знаешь, въ твои лѣта.... Оно не годится. Могутъ подумать.... Я уже вчера тебѣ это замѣтила—помнишь? — въ саду. (*Вѣра опускаетъ глаза.*) Съ другой стороны, я не хочу тоже препятствовать твоимъ наклонностямъ, я слишкомъ увѣрена въ тебѣ и въ немъ.... но все-таки.... Ты не сердись на меня, душа моя, за мой педантизмъ.... это наше, стариковское дѣло, надоѣдать молодежи наставленіями. Впрочемъ, я все это напрасно говорю; вѣдь, не правда ли, онъ тебѣ нравится — и больше ничего?

ВѢРА (*робко поднимая глаза*).

Онъ...

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вотъ ты опять на меня по прежнему смотришь? Развѣ такъ смотрятъ на сестру? Вѣра, послушай, нагнись ко мнѣ.... (*Ласкaя ее.*) Что если бы сестра, настоящая твоя сестра тебя теперь спросила на ушко: Вѣрочка, ты точно никого не любишь? а? Чтò бы ты ей отвѣчала? (*Вѣра нерѣшительно взглядываетъ на Наталью Петровну.*) Эти глазки мнѣ что-то хотятъ сказать.... (*Вѣра вдругъ прижимаетъ свое лицо къ ея груди. Наталья Петровна блѣднѣетъ — и помолчавъ, продолжаетъ*) Ты любишь? Скажи, любишь?

ВѢРА (*не поднимая головы*).

Ахъ! я не знаю сама, чтò со мной....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Бѣдняжка! Ты влюблена.... (*Вѣра еще больше прижимается къ груди Натальи Петровны.*) Ты влюблена.... а онъ? Вѣра, онъ?

ВѢРА (*все еще не поднимая головы*).

Что вы у меня спрашиваете.... Я не знаю.... Можетъ быть.... Я не знаю, не знаю.... (*Наталья Петровна вздрагиваетъ и остается неподвижной. Вѣра поднимаетъ голову и вдругъ замѣчаетъ перемѣну въ ея лицѣ.*) Наталья Петровна, что съ вами?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*приходя въ себя*).

Со мной.... ничего. Что?.... ничего.

ВѢРА.

Вы такъ блѣдны, Наталья Петровна.... Что съ вами? Позвольте, я позвоню.... (*Встаетъ.*)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Нѣтъ, нѣтъ.... не звони. Это ничего.... Это пройдетъ. Вотъ ужь оно и прошло.

ВѢРА.

Позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, позвать кого нибудь....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Напротивъ.... я.... я хочу остаться одна. Оставь меня; слышишь? Мы еще поговоримъ. Ступай.

ВѢРА.

Вы не сердитесь на меня, Наталья Петровна?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Я? За что? Нисколько. Я, напротивъ, благодарна тебѣ за твое довѣріе.... Только оставь меня, пожалуйста, теперь. (*Вѣра хочетъ взять ея руку, но Наталья Петровна отворачивается, какъ будто не замѣчая движенья Вѣры.*)

ВѢРА (*съ слезами на глазахъ*).

Наталья Петровна....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Оставьте меня, прошу васъ. (*Вѣра медленно уходитъ въ кабинетъ.*)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*одна, остается нѣкоторое время неподвижной*)

Теперь мнѣ все ясно.... Эти дѣти другъ друга любятъ.... (*Останавливается и проводитъ рукой по лицу.*) Чтожь? Тѣмъ лучше.... Дай Богъ имъ счастья! (*Смѣясь.*) И я.... я могла подумать.... (*Останавливается опять.*) Она скоро проболталась... Признаюсь, я и не подозрѣвала.... Признаюсь, эта новость меня поразила.... Но погодите, не все еще кончено. Боже мой.... что я говорю? что со мной? Я себя не узнаю. До чего я дошла? (*Помолчавъ.*) Что это я дѣлаю? Я бѣдную дѣвочку хочу замужъ выдать.... за старика?... Подсылаю доктора... тотъ догадывается, намекаетъ... Аркадій, Ракитинъ... Да я.... (*Содрогается и вдругъ поднимаетъ голову.*) Да что жь это наконецъ? Я къ Вѣрѣ ревную? Я.... я влюблена въ него, что ли? (*Помолчавъ.*) И ты еще сомнѣваешься? Ты влюблена, несчастная! Какъ это сдѣлалось.... не знаю. Словно мнѣ яду дали.... Вдругъ все разбито, разсѣяно, унесено.... Онъ боится меня.... Всѣ меня боятся. Что ему во мнѣ?... На что ему такое существо, какъ я? Онъ молодъ, и она молода. А я! (*Горько.*) Гдѣ ему меня оцѣнить? Они оба глупы, какъ говоритъ Ракитинъ.... Ахъ! ненавижу я этого умника! А Аркадій, довѣрчивый, добрый мой Аркадій! Боже мой, Боже мой! пошли мнѣ смерть! (*Встаетъ.*) Однако, мнѣ кажется, я съ ума схожу. Къ чему преувеличивать! Ну да.... я поражена.... мнѣ это въ диковинку, это въ первый разъ...

я... да! въ первый разъ! Я въ первый разъ теперь люблю! (*Она садится опять.*) Онъ долженъ уѣхать. Да. И Ракитинъ тоже. Пора мнѣ опомниться. Я позволила себѣ отступить на шагъ— и вотъ! Вотъ до чего я дошла. И что мнѣ въ немъ понравилось? (*Задумывается.*) Такъ вотъ оно, это страшное чувство.... Аркадій! Да, я уйду въ его объятія, я буду умолять его простить меня, защитить, спасти меня. — Онъ.... и больше никого! Всѣ другіе мнѣ чужіе и должны мнѣ остаться чужими.... Но развѣ.... развѣ нѣтъ другаго средства? Эта дѣвочка— она ребенокъ. Она могла ошибиться. Это все дѣтство наконецъ.... Изъ чего я.... Я сама съ нимъ объяснюсь, я спрошу у него.... (*Съ укоризной.*) А, а? Ты еще надѣешься? Ты еще хочешь надѣяться? И на что я надѣюсь! Боже мой, не дай мнѣ презирать самое себя! (*Склоняетъ голову на руки. Изъ кабинета входитъ Ракитинъ, блѣдный и встревоженный.*)

РАКИТИНЪ (*подходя къ Натальѣ Петровнѣ*).

Наталья Петровна.... (*Она не шевелится. Про себя.*) Что это у ней могло быть такое съ Вѣрой? (*Громко.*) Наталья Петровна....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*поднимая голову*).

Кто это? А! вы....

РАКИТИНЪ.

Мнѣ Вѣра Александровна сказала, что вы нездоровы... я...

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*отворачиваясь*).

Я здорова.... Съ чего она взяла....

РАКИТИНЪ.

Нѣтъ, Наталья Петровна; вы нездоровы, посмотрите на себя.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ну, можетъ-быть.... да вамъ-то что? Что вамъ надобно? Зачѣмъ вы пришли?

РАКИТИНЪ (*тронутымъ голосомъ*).

Я вамъ скажу, за чѣмъ я пришелъ. Я пришелъ просить у васъ прощенья. Полчаса тому назадъ, я былъ несказанно глупъ и грубъ съ вами.... Простите меня. Видите ли, Наталья Петровна, какъ бы скромны ни были желанья и.... и

надежды человѣка, ему трудно не потеряться хотя на мгновенье, когда ихъ внезапно у него вырываютъ; но я теперь опомнился, я понялъ свое положенье и свою вину, и желаю только одного — вашего прощенья. (*Онъ тихо садится подлѣ нея.*) Взгляните на меня.... не отворачивайтесь тоже и вы. Передъ вами вашъ прежній Ракитинъ, вашъ другъ, человѣкъ, который не требуетъ ничего, кромѣ позволенья служить вамъ, какъ вы говорили, опорой.... Не лишайте меня вашего довѣрія, располагайте мной и забудьте, что я нѣкогда.... Забудьте все, что могло васъ оскорбить....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*которая все время неподвижно глядѣла на полъ*).

Да, да.... (*Останавливаясь.*) Ахъ, извините, Ракитинъ, я ничего не слышала, что вы такое мнѣ говорили.

РАКИТИНЪ (*печально*).

Я говорилъ.... я просилъ у васъ прощенья, Наталья Петровна. Я спрашивалъ у васъ, хотите ли вы позволить мнѣ остаться вашимъ другомъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*медленно поворачиваясь къ нему и кладя обѣ руки ему на плечи*).

Ракитинъ, скажите, что̀ со мной?

РАКИТИНЪ (*помолчавъ*).

Вы влюблены.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*медленно повторяя за нимъ*).

Я влюблена.... Но это безуміе, Ракитинъ. Это не возможно. Развѣ это можетъ такъ внезапно.... Вы говорите, я влюблена.... (*Умолкаетъ.*)

РАКИТИНЪ.

Да, вы влюблены, бѣдная женщина.... Не обманывайте себя.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*не глядя на него*).

Чтожъ мнѣ остается теперь дѣлать?

РАКИТИНЪ.

Я готовъ вамъ это сказать, Наталья Петровна, если вы мнѣ обѣщаете....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*перерывая его и все не глядя на него*).

Вы знаете, что эта дѣвочка, Вѣра, его любитъ.... Они оба другъ въ друга влюблены.

РАКИТИНЪ.

Въ такомъ случаѣ еще одной причиной больше....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*опять его перерываетъ*).

Я давно это подозрѣвала, но она сама сейчасъ во всемъ созналась.... сейчасъ.

РАКИТИНЪ (*въ полголоса, словно про себя*).

Бѣдная женщина!

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*проводя рукой по лицу*).

Ну однако.... пора опомниться. Вы мнѣ, кажется, хотѣли что-то сказать.... Посовѣтуйте мнѣ, ради Бога, Ракитинъ, что мнѣ дѣлать....

РАКИТИНЪ.

Я готовъ вамъ совѣтовать, Наталья Петровна, только подъ однимъ условіемъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Говорите, что такое?

РАКИТИНЪ.

Обѣщайте мнѣ, что вы не будете подозрѣвать мои намѣренія. Скажите мнѣ, что вы вѣрите моему безкорыстному желанію помочь вамъ; помогите мнѣ тоже и вы. Ваша довѣренность дастъ мнѣ силу, или ужь лучше позвольте мнѣ молчать.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Говорите, говорите.

РАКИТИНЪ.

Вы не сомнѣваетесь во мнѣ?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Говорите.

РАКИТИНЪ.

Ну такъ слушайте: онъ долженъ уѣхать. (*Наталья Петровна молча глядитъ на него.*) Да, онъ долженъ уѣхать. Я не стану говорить вамъ о.... вашемъ мужѣ, о вашемъ долгѣ. Въ моихъ устахъ эти слова.... неумѣстны... Но эти дѣти лю-

бять другъ друга. Вы сами мнѣ это сейчасъ сказали, вообразите же вы себя теперь между ними.... Да вы погибнете!

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Онъ долженъ уѣхать.... (*Помолчавъ.*) А вы? вы останетесь?

РАКИТИНЪ (*съ смущеньемъ*).

Я?... я?... (*Помолчавъ.*) И я долженъ уѣхать. Для вашего покоя, для вашего счастья, для счастья Вѣрочки, и онъ... и я..., мы оба должны уѣхать навсегда.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ракитинъ.... я до того дошла, что я.... я почти готова была эту бѣдную дѣвочку, сироту, порученную мнѣ моею матерью — выдать замужъ за глупаго, смѣшнаго старика!... У меня духа не достало, Ракитинъ; слова у меня замерли на губахъ, когда она разсмѣялась въ отвѣтъ на мое предложенье.... но я сговаривалась съ этимъ докторомъ, я позволяла ему значительно улыбаться; я сносила эти улыбки, его любезности, его намеки.... О, я чувствую, что я на краю пропасти, спасите меня!

РАКИТИНЪ.

Наталья Петровна, вы видите, что я былъ правъ.... (*Она молчитъ; онъ поспѣшно продолжаетъ.*) Онъ долженъ уѣхать.... мы оба должны уѣхать.... Другаго спасенья нѣтъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*уныло*).

Но для чего же жить потомъ?

РАКИТИНЪ.

Боже мой, неужели же до этого дошло.... Наталья Петровна, вы выздоровѣете, повѣрьте мнѣ... Это все пройдетъ. Какъ для чего жить?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да, для чего жить, когда всѣ меня оставляютъ?

РАКИТИНЪ.

Но.... ваше семейство.... (*Наталья Петровна опускаетъ глаза.*) Послушайте, если вы хотите, послѣ его отъѣзда, я могу нѣсколько дней еще остаться.... для того, чтобы....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*мрачно*).

А! я васъ понимаю. Вы разсчитываете на привычку, на

прежнюю дружбу.... Вы надѣетесь, что я приду въ себя, что я къ вамъ вернусь; не правда ли? Я понимаю васъ.

РАКИТИНЪ (*краснѣя*).

Наталья Петровна! Зачѣмъ вы меня оскорбляете?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*горько*).

Я васъ понимаю.... но вы обманываетесь.

РАКИТИНЪ.

Какъ? Послѣ вашихъ обѣщаній, послѣ того, какъ я для васъ, для васъ однѣхъ, для вашего счастья, для вашего положенья въ свѣтѣ наконецъ....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А! давно ли вы такъ объ немъ заботитесь? Зачѣмъ же вы прежде никогда мнѣ не говорили объ этомъ?

РАКИТИНЪ (*вставая*).

Наталья Петровна, я сегодня же, я сейчасъ уѣду отсюда, и вы болѣе меня никогда не увидите ... (*Хочетъ идти.*)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*протягивая къ нему руки*).

Мишель, простите меня; я сама не знаю, что я говорю.... Вы видите, въ какомъ я положеніи. Простите меня.

РАКИТИНЪ (*быстро возвращается къ ней и беретъ ее за руки*).

Наталья Петровна....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ахъ, Мишель, мнѣ невыразимо тяжело.... (*Прислоняется на его плечо и прижимаетъ платокъ къ глазамъ.*) Помогите мнѣ, я погибла безъ васъ... (*Въ это мгновенье дверь залы растворяется, входятъ Ислаевъ и Анна Семеновна.*)

ИСЛАЕВЪ (*громко*).

Я всегда былъ того мнѣнія.... (*Останавливается въ изумленіи при видѣ Ракитина и Натальи Петровны. Наталья Петровна оглядывается и быстро уходитъ. Ракитинъ остается на мѣстѣ, чрезвычайно смущенный.*)

ИСЛАЕВЪ (*Ракитину*).

Что̀ это значитъ? Что̀ за сцена?

РАКИТИНЪ.

Такъ.... ничего.... это....

ИСЛАЕВЪ.

Наталья Петровна нездорова, чтòли?

РАКИТИНЪ.

Нѣтъ.... но....

ИСЛАЕВЪ.

И отчего она вдругъ убѣжала? О чемъ вы съ ней говорили? Она какъ будто плакала.... Ты ее утѣшалъ.... Чтò такое?

РАКИТИНЪ.

Право, ничего.

АННА СЕМЕНОВНА.

Однако, какъ же ничего, Михаила Александрычъ? (*Помолчавъ.*) Я пойду, посмотрю.... (*Хочетъ идти въ кабинетъ.*)

РАКИТИНЪ (*останавливая ее*).

Нѣтъ, вы лучше оставьте ее теперь въ покоѣ, прошу васъ.

ИСЛАЕВЪ.

Да что все это значитъ? Скажи наконецъ!

РАКИТИНЪ.

Ничего, клянусь тебѣ... Послушайте, я обѣщаю вамъ обоимъ сегодня же все объяснить. Слово даю вамъ. Но теперь, пожалуйста, если вы мнѣ довѣряете, не спрашивайте у меня ничего — и Натальи Петровны не тревожьте.

ИСЛАЕВЪ.

Пожалуй.... только это удивительно. Съ Наташей этого прежде не бывало. Это что-то необыкновенно.

АННА СЕМЕНОВНА.

Главное — чтò могло заставить Наташу плакать? И отчего она ушла!... Развѣ мы чужіе?

РАКИТИНЪ.

Чтò вы говорите! Какъ можно! — Но послушайте — признаться сказать, мы не докончили нашего разговора... Я васъ долженъ попросить ... обоихъ — оставьте насъ на нѣкоторое время однихъ.

ИСЛАЕВЪ.

Вотъ какъ! Стало-быть между вами тайна?

РАКИТИНЪ.

Тайна.... но ты ее узнаешь.

ИСЛАЕВЪ (*подумавши*).

Пойдемте маменька.... оставимте ихъ. Пусть они докончутъ свою таинственную бесѣду.

АННА СЕМЕНОВНА.

Но....

ИСЛАЕВЪ.

Пойдемте, пойдемте. — Вы слышите, онъ обѣщается все объяснить.

РАКИТИНЪ.

Ты можешъ быть спокоенъ....

ИСЛАЕВЪ (*холодно*).

О, я совершенно спокоенъ! (*Къ Аннѣ Семеновнѣ.*) Пойдемте. (*Уходятъ оба.*)

РАКИТИНЪ (*глядитъ имъ вслѣдъ и быстро подходитъ къ дверямъ кабинета*).

Наталья Петровна.... Наталья Петровна, выдьте, прошу васъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*выходитъ изъ кабинета. Она очень блѣдна*).

Что они сказали?

РАКИТИНЪ.

Ничего, успокойтесь.... Они, точно, нѣсколько удивились. Вашъ мужъ подумалъ, что вы нездоровы.... Онъ замѣтилъ ваше волненіе.... Сядьте; вы едва на ногахъ стоите.... (*Наталья Петровна садится.*) Я ему сказалъ.... я попросилъ его не безпокоить васъ.... оставить насъ однихъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

И онъ согласился?

РАКИТИНЪ.

Да. Я признаться, долженъ былъ ему обѣщать, что завтра все объясню.... Зачѣмъ вы ушли?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*горько*).

Зачѣмъ!... Но чтожь вы скажете?

РАКИТИНЪ.

Я.... я придумаю что-нибудь. Теперь дѣло не въ томъ.... Надобно намъ воспользоваться этой отсрочкой. Вы видите, это не можетъ такъ продолжаться.... Вы не въ состояньи пе-

реносить подобныя тревоги.... онѣ недостойны васъ.... я самъ.... Но не объ этомъ рѣчь. Будьте только вы тверды, а ужь я! Послушайте, вы вѣдь согласны со мной....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Въ чемъ?

РАКИТИНЪ.

Въ необходимости.... нашего отъѣзда? Согласны? Въ такомъ случаѣ мѣшкать нечего. Если вы мнѣ позволите, я сейчасъ самъ переговорю съ Бѣляевымъ.... Онъ благородный человѣкъ, онъ пойметъ....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вы хотите съ нимъ переговорить? вы? Но что вы ему можете сказать?

РАКИТИНЪ (*съ смущеніемъ*).

Я....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*помолчавъ*).

Ракитинъ, послушайте, не кажется ли вамъ, что мы оба словно съумасшедшіе?... Я испугалась, перепугала васъ, и все, можетъ быть, изъ пустяковъ.

РАКИТИНЪ.

Какъ?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Право. Что это мы съ вами? Давно ли, кажется, все было такъ тихо, такъ покойно въ этомъ домѣ.... и вдругъ.... откуда что взялось! Право, мы всѣ съ ума сошли. Полноте, довольно мы подурачились.... Станемте жить по прежнему. А Аркадію вамъ нечего будетъ объяснять; я сама ему разскажу наши проказы, и мы вдвоемъ надъ ними посмѣемся. Я не нуждаюсь въ посредникѣ между мной и моимъ мужемъ!

РАКИТИНЪ.

Наталья Петровна, вы теперь меня пугаете. Вы улыбаетесь, и блѣдны какъ смерть.... Да вспомните хоть то, что̀ вы мнѣ за четверть часа говорили....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Мало ли чего нѣтъ! А впрочемъ я вижу въ чемъ дѣло....

Вы сами поднимаете эту бурю... для того, чтобы по крайней мѣрѣ не одному потонуть.

РАКИТИНЪ.

Опять, опять подозрѣніе, опять упрекъ, Наталья Петровна.... Богъ съ вами.... но вы меня терзаете. Или вы раскаяваетесь въ своей откровенности?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Я ни въ чемъ не раскаяваюсь.

РАКИТИНЪ.

Такъ какъ же мнѣ понять васъ?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*съ живостью*).

Ракитинъ, если вы хотя слово скажете отъ меня или обо мнѣ Бѣляеву, я вамъ этого никогда не прощу.

РАКИТИНЪ.

А! вотъ что!... Будьте покойны, Наталья Петровна. Я не только ничего не скажу г. Бѣляеву, но даже не прощусь съ нимъ, уѣзжая отсюда. Я не намѣренъ навязываться съ своими услугами.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*съ нѣкоторымъ смущеніемъ*).

Да вы, можетъ быть, думаете, что я перемѣнила свое мнѣніе насчетъ.... его отъѣзда?

РАКИТИНЪ.

Я ничего не думаю.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Напротивъ, я такъ убѣждена въ необходимости, какъ вы говорите, его отъѣзда, что я сама намѣрена ему отказать. (*Помолчавъ.*) Да; я сама ему откажу.

РАКИТИНЪ.

Вы?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да; я. И сейчасъ-же. Я васъ прошу прислать его ко мнѣ.

РАКИТИНЪ.

Какъ? сейчасъ?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Сейчасъ. Я прошу васъ объ этомъ, Ракитинъ. Вы видите, я теперь спокойна. Притомъ мнѣ теперь не помѣшаютъ. На-

добно этимъ воспользоваться.... Я вамъ буду очень благодарна. Я его разспрошу.

РАКИТИНЪ.

Да онъ вамъ ничего не скажетъ, помилуйте. Онъ мнѣ самъ сознался, что ему въ вашемъ присутствіи неловко.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*подозрительно*).

А! вы уже говорили съ нимъ обо мнѣ? (*Ракитинъ пожимаетъ плечами.*) Ну, извините, извините меня, Мишель, и пришлите мнѣ его. Вы увидите, я ему откажу, и все кончится. Все пройдетъ и позабудется, какъ дурной сонъ. Пожалуйста, пришлите его мнѣ. Мнѣ непремѣнно нужно съ нимъ переговорить окончательно. Вы будете мной довольны. Пожалуйста.

РАКИТИНЪ (*который все время не сводилъ съ нея взора, холодно и печально*).

Извольте. Ваше желаніе будетъ исполнено. (*Идетъ къ дверямъ залы.*)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*ему въ слѣдъ*).

Благодарствуйте, Мишель.

РАКИТИНЪ (*оборачиваясь*).

О, не благодарите меня по крайней мѣрѣ.... (*Быстро уходитъ въ залу.*)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*одна, помолчавъ*).

Онъ благородный человѣкъ.... Но неужели я когда нибудь его любила? (*Встаетъ.*) Онъ правъ. Тотъ долженъ уѣхать. Но какъ отказать ему! Я только желаю знать, точно ли ему нравится эта дѣвочка? Можетъ быть, это все пустяки. Какъ могла я придти въ такое волненіе.... къ чему всѣ эти изліянія?... Ну, теперь дѣлать нечего. Желаю я знать, что онъ мнѣ скажетъ? Но онъ долженъ уѣхать.... Непремѣнно.... непремѣнно. Онъ, можетъ быть, не захочетъ мнѣ отвѣчать... Вѣдь онъ меня боится.... Чтожъ? Тѣмъ лучше. Мнѣ нечего съ нимъ много разговаривать.... (*Прикладываетъ руку ко лбу.*) А у меня голова болитъ. Не отложить ли до завтра? Въ самомъ дѣлѣ. Сегодня мнѣ все кажется, что за мной наблюдаютъ.... До чего я дошла! Нѣтъ ужь лучше кончить разомъ....

Еще одно, послѣднее усиліе, и я свободна!... О да! я жажду свободы и покоя. (*Изъ залы входитъ Бѣляевъ.*) Это онъ....

БѢЛЯЕВЪ (*подходя къ ней*).

Наталья Петровна, мнѣ Михайло Александрычъ сказалъ, что вамъ угодно было меня видѣть....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*съ нѣкоторымъ усиліемъ*).

Да, точно.... Мнѣ нужно съ вами.... объясниться.

БѢЛЯЕВЪ.

Объясниться?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*не глядя на него*).

Да.... объясниться. (*Помолчавъ.*) Позвольте вамъ сказать, Алексѣй Николаичъ, я.... я недовольна вами.

БѢЛЯЕВЪ.

Могу я узнать, какая причина?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Выслушайте меня.... Я.... я право не знаю, съ чего начать. Впрочемъ я должна предупредить васъ, что мое неудовольствіе не происходитъ отъ какого нибудь упущенія.... по вашей части.... Напротивъ, ваше обращеніе съ Колей мнѣ нравится.

БѢЛЯЕВЪ.

Такъ что же это можетъ быть?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*взглянувъ на него*).

Вы напрасно тревожитесь.... Ваша вина еще не такъ велика. Вы молоды; вѣроятно никогда не жили въ чужомъ домѣ. Вы не могли предвидѣть....

БѢЛЯЕВЪ.

Но, Наталья Петровна....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вы желаете знать, въ чемъ же дѣло наконецъ? Я понимаю ваше нетерпѣніе. Итакъ, я должна вамъ сказать, что Вѣрочка.... (*взглянувъ на него.*) Вѣрочка мнѣ во всемъ призналась.

БѢЛЯЕВЪ (*съ изумленіемъ*).

Вѣра Александровна? Въ чемъ могла вамъ признаться Вѣра Александровна? И что же я тутъ?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

И вы точно не знаете, въ чемъ она могла признаться? Вы не догадываетесь?

БѢЛЯЕВЪ.

Я? нисколько.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Въ такомъ случаѣ, извините меня. Если вы точно не догадываетесь — я должна просить у васъ извиненія. Я думала... я ошибалась. Но, позвольте вамъ замѣтить, я вамъ не вѣрю. Я понимаю, что̀ васъ заставляетъ такъ говорить.... Я очень уважаю вашу скромность.

БѢЛЯЕВЪ.

Я васъ рѣшительно не понимаю, Наталья Петровна.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Въ самомъ дѣлѣ? Неужели вы думаете меня увѣрить, что вы не замѣтили расположенія этого ребенка, Вѣры, къ вамъ?

БѢЛЯЕВЪ.

Расположеніе Вѣры Александровны ко мнѣ? Я, даже не знаю, что вамъ сказать на это.... Помилуйте. Кажется, я всегда былъ съ Вѣрой Александровной, какъ....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Какъ со всѣми, не правда ли? (*Помолчавъ немного.*) Какъ бы то ни было, точно ли вы этого не знаете, притворяетесь ли вы, что не знаете, дѣло вотъ въ чемъ: эта дѣвочка васъ любитъ. Она сама мнѣ въ этомъ созналась. Ну, теперь я спрашиваю васъ, какъ честнаго человѣка, что вы намѣрены сдѣлать?

БѢЛЯЕВЪ (*съ смущеніемъ*).

Что я намѣренъ сдѣлать?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*скрестивъ руки*).

Да.

БѢЛЯЕВЪ.

Все это такъ неожиданно, Наталья Петровна....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*помолчавъ*).

Алексѣй Николаичъ, я вижу.... я не хорошо взялась за это дѣло. Вы меня не понимаете. Вы думаете, что я сержусь на

васъ.... а я.... только.... немного взволнована. И это очень естественно. Успокойтесь. Сядемте. (*Оба садятся.*) Я буду откровенна съ вами, Алексѣй Николаичъ, будьте же и вы, хотя нѣсколько болѣе довѣрчивы со мной. Право, вы напрасно меня чуждаетесь. Вѣра васъ любитъ.... конечно, вы въ этомъ не виноваты; я готова предположить, что вы въ этомъ не виноваты.... Но видите ли, Алексѣй Николаичъ, она сирота, моя воспитанница: я отвѣчаю за нее, за ея будущность, за ея счастье. Она еще молода и, я увѣрена, чувство, которое вы внушили ей, можетъ скоро исчезнуть.... въ ея лѣта любятъ не надолго. Но вы понимаете, что моя обязанность была предупредить васъ. Играть огнемъ все-таки опасно.... и я не сомнѣваюсь, что вы, зная теперь ея расположеніе къ вамъ, перемѣните ваше обращеніе съ ней, будете избѣгать свиданій, прогулокъ въ саду.... Не правда ли? Я могу на васъ надѣяться.... Съ другимъ я бы побоялась такъ прямо объясниться.

БѢЛЯЕВЪ.

Наталья Петровна, повѣрьте, я умѣю цѣнить.

НАТАЛЬЯ РЕТРОВНА.

Я вамъ говорю, что я въ васъ не сомнѣваюсь.... притомъ это все останется тайной между нами.

БѢЛЯЕВЪ.

Признаюсь вамъ, Наталья Петровна, все, что вы мнѣ сказали, кажется мнѣ до того страннымъ.... конечно, я не смѣю не вѣрить вамъ, но....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Послушайте, Алексѣй Николаичъ. Все что я сказала вамъ теперь.... я это сказала въ томъ предположеньи, что съ вашей стороны—нѣтъ ничего.... (*перерываетъ самое себя*) потому что въ противномъ случаѣ.... конечно я васъ еще мало знаю, но я на столько уже знаю васъ, что не вижу причины противиться вашимъ намѣреніямъ. Вы не богаты.... но вы молоды, у васъ есть будущность, и когда два человѣка другъ друга любятъ ... Я, повторяю вамъ, я сочла своей обязан-

ностью предупредить васъ, какъ честнаго человѣка, насчетъ послѣдствій вашего знакомства съ Вѣрой, но если вы....

БѢЛЯЕВЪ (*съ недоумѣніемъ*).

Я, право, не знаю, Наталья Петровна, что вы хотите сказать....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*поспѣшно*).

О, повѣрьте, я не требую отъ васъ признанія, я и безъ того.... я изъ вашего поведенія пойму, въ чемъ дѣло.... (*Взглянувъ на него.*) Впрочемъ, я должна вамъ сказать, что Вѣрѣ показалось, что и вы къ ней не совсѣмъ равнодушны.

БѢЛЯЕВЪ (*помолчавъ, встаетъ*).

Наталья Петровна, я вижу: мнѣ нельзя остаться у васъ въ домѣ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*вспыхнувъ*).

Вы бы, кажется, могли подождать, чтобы я вамъ сама отказала.... (*Встаетъ.*)

БѢЛЯЕВЪ.

Вы были со мной откровенны.... Позвольте же и мнѣ быть откровеннымъ съ вами. Я не люблю Вѣру Александровну; по крайней мѣрѣ я не люблю ее такъ, какъ вы предполагаете.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да развѣ я.... (*Останавливается.*)

БѢЛЯЕВЪ.

И если я понравился Вѣрѣ Александровнѣ, если ей показалось, что и я, какъ вы говорите, къ ней неравнодушенъ, я не хочу ее обманывать; я ей самой все скажу, всю правду. Но послѣ подобнаго объясненья, вы поймете сами, Наталья Петровна, мнѣ будетъ трудно здѣсь остаться: мое положеніе было бы слишкомъ неловко. Я не стану вамъ говорить, какъ мнѣ тяжело оставить вашъ домъ.... мнѣ другого дѣлать нечего. Я всегда съ благодарностью буду вспоминать объ васъ.... Позвольте мнѣ удалиться.... Я еще буду имѣть честь проститься съ вами.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*съ притворнымъ равнодушіемъ*).

Какъ хотите.... но я, признаюсь, этого не ожидала.... Я совсѣмъ не для того хотѣла съ вами объясниться.... Я только

хотѣла предупредить васъ.... Вѣра еще дитя.... Я, можетъ быть, придала всему этому слишкомъ много значенья. Я не вижу необходимости вашего отъѣзда. Впрочемъ, какъ хотите.

БѢЛЯЕВЪ.

Наталья Петровна.... мнѣ, право, невозможно болѣе остаться здѣсь.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вамъ, видно, очень легко разстаться съ нами!

БѢЛЯЕВЪ.

Нѣтъ, Наталья Петровна, не легко.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Я не привыкла удерживать людей противъ ихъ воли.... но, признаюсь, это мнѣ очень непріятно.

БѢЛЯЕВЪ (*послѣ нѣкоторой нерѣшимости*).

Наталья Петровна.... я не желалъ бы причинить вамъ малѣйшую непріятность.. . Я остаюсь.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*подозрительно*).

А!... (*Помолчавъ.*) Я не ожидала, что вы такъ скоро перемѣните ваше рѣшеніе.... Я вамъ благодарна, но.... Позвольте мнѣ подумать. Можетъ быть, вы правы; можетъ быть, вамъ точно надобно уѣхать. Я подумаю, я вамъ дамъ знать.... Вы позволите мнѣ до сегодняшняго вечера оставить васъ въ неизвѣстности?

БѢЛЯЕВЪ.

Я готовъ ждать, сколько вамъ угодно. (*Кланяется и хочетъ уйдти.*)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вы мнѣ обѣщаете....

БѢЛЯЕВЪ (*останавливаясь*).

Что-съ?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вы, кажется, хотѣли объясниться съ Вѣрой.... Я не знаю, будетъ ли это прилично. Впрочемъ, я вамъ дамъ знать мое рѣшеніе. Я начинаю думать, что вамъ точно надобно уѣхать. До свиданья. (*Бѣляевъ вторично кланяется и уходитъ въ залу. Наталья Петровна глядитъ ему вслѣдъ.*) Я спокойна! Онъ

ея не любитъ.... (*Прохаживается по комнатѣ.*) Итакъ, вмѣсто того, чтобы отказать ему, я сама его удержала? Онъ остается.... Но что я скажу Ракитину? Что я сдѣлала? (*Помолчавъ.*) И какое имѣла я право разгласить любовь этой бѣдной дѣвочки?... Какъ? Я сама выманила у ней признаніе.... полупризнаніе, и потомъ я же сама такъ безжалостно, такъ грубо.... (*Закрываетъ лицо руками.*) Можетъ быть, онъ начиналъ ее любить.... Съ какого права я растоптала этотъ цвѣтокъ въ зародышѣ ... Да и полно растоптала ли я его? Можетъ быть онъ обманулъ меня.... Хотѣла же я его обмануть!... О нѣтъ! Онъ для этого слишкомъ благодаренъ.... Онъ не то, что я! И изъ чего я такъ торопилась? сейчасъ все разболтала? (*Вздохнувъ.*) Мало чего нѣтъ! Если бы я могла предвидѣть.... Какъ я хитрила, какъ я лгала передъ нимъ.... а онъ! Какъ онъ смѣло и свободно говорилъ.... Я склонялась передъ нимъ.... Это человѣкъ! Я его еще не знала.... Онъ долженъ уѣхать. Если онъ останется.... Я чувствую, я дойду до того, что я потеряю всякое уваженіе къ самой себѣ.... Онъ долженъ уѣхать, или я погибла! Я ему напишу, пока онъ еще не успѣлъ увидаться съ Вѣрой... Онъ долженъ уѣхать! (*Быстро уходитъ въ кабинетъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Театръ представляетъ большія пустыя сѣни. Стѣны голыя, полъ неровный, каменный; шесть кирпичныхъ, выбѣленныхъ и облупленныхъ колоннъ, по три съ каждаго бока, поддерживаютъ потолокъ. Налѣво два открытыхъ окна и дверь въ садъ. Направо дверь въ корридоръ, ведущій къ главному дому; прямо желѣзная дверь въ кладовую. Возлѣ первой колонны направо садовая зеленая скамья; въ одномъ углу нѣсколько лопатъ, леекъ и горшковъ. Вечеръ. Красные лучи солнца падаютъ сквозь окна на полъ.

КАТЯ (*входитъ изъ двери направо, проворно идетъ къ окну и глядитъ нѣкоторое время въ садъ*).

Нѣтъ, не видать. А мнѣ сказали, что онъ пошелъ въ оранжерею. Знать, еще не вышелъ оттуда. Чтожь, подожду, пока

мимо пойдетъ. Ему другой дороги нѣту.... (*Вздыхаетъ и прислоняется къ окну.*) Онъ, говорятъ, уѣзжаетъ. (*Вздыхаетъ опять.*) Какъ же это мы безъ него будемъ.... Бѣдная барышня! Какъ она меня просила.... Чтожь, отчего не услужить? Пусть поговоритъ съ ней на послѣдяхъ. Экая теплынь сегодня! А кажись, дождикъ накрапываетъ..... (*Опять выглядываетъ изъ окна и вдругъ подается назадъ.*) Да ужь они не сюда ли?.. Точно сюда. Ахъ, батюшки... (*Хочетъ убѣжать, но не успѣваетъ еще дойти до двери коридора, какъ уже изъ саду входитъ Шпигельскій съ Лизаветой Богдановной. Катя прячется за колонну.*)

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*отряхивая шляпу*).

Мы можемъ здѣсь дождикъ переждать. Онъ скоро пройдетъ.

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА.

Пожалуй.

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*оглядываясь*).

Что это за строеніе? Кладовая, что ли?

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА (*указывая на желѣзную дверь*).

Нѣтъ, кладовая вотъ гдѣ. Эти сѣни, говорятъ, Аркадія Сергѣича батюшка пристроилъ, когда изъ чужихъ краевъ вернулся.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

А! я вижу въ чемъ дѣло: Венеція, сударь ты мой. (*Садится на скамью.*) Присядемте (*Лизавета Богдановна садится.*) А признайтесь, Лизавета Богдановна, дождикъ этотъ не кстати пошелъ.... Онъ перервалъ наши объясненья на самомъ чувствительномъ мѣстѣ.

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА (*опустивъ глаза*).

Игнатій Ильичъ....

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Но никто намъ не мѣшаетъ возобновить нашъ разговоръ.... Кстати, вы говорите, Анна Семеновна не въ духѣ сегодня?

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА.

Да, не въ духѣ. Она даже обѣдала у себя въ комнатѣ.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Вотъ какъ! Экое несчастье, подумаешь!

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА.

Она сегодня поутру застала Наталью Петровну въ слезахъ.... съ Михайломъ Александрычемъ... Онъ, конечно, свой человѣкъ... но все-таки... Впрочемъ, Михайло Александрычъ обѣщался все объяснить.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

А! Ну, напрасножь она тревожится. Михайло Александрычъ, по моему мнѣнію, никогда не былъ человѣкомъ опаснымъ, а ужь теперь-то менѣе, чѣмъ когда нибудь.

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА.

А что?

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Да такъ. Больно умно говоритъ. У кого сыпью, а у этихъ умниковъ все язычкомъ выходитъ, болтовней. Вы, Лизавета Богдановна, и впередъ не бойтесь болтуновъ: они не опасны, а вотъ тѣ, что больше молчатъ, да съ придурью, да темпераменту много, да затылокъ широкъ, тѣ вотъ опасны.

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА (*помолчавъ*).

Скажите, Наталья Петровна точно нездорова?

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Такъ же нездорова, какъ мы съ вами.

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА.

Она за обѣдомъ ничего не кушала.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Не одна болѣзнь отнимаетъ аппетитъ.

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА.

Вы у Большинцова обѣдали?

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Да. у него.... Я къ нему съѣздилъ. И для васъ только вернулся, ей-богу.

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА.

Ну полноте. А знаете ли что, Игнатій Ильичъ? Наталья Петровна за что-то на васъ сердится.... Она за столомъ не совсѣмъ выгодно объ васъ отозвалась.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Въ самомъ дѣлѣ? Видно, барынямъ не по нутру, коли у нашего брата глаза зрячіе. Дѣлай поихнему, помогай имъ — да и притворяйся еще, что не понимаешь ихъ. Вишь какія! Ну, однако, посмотримъ. И Ракитинъ, чай, носъ на квинту повѣсилъ?

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА.

Да, онъ сегодня тоже какъ будто не въ своей тарелкѣ....

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Гмъ. А Вѣра Александровна? Бѣляевъ?

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА.

Всѣ, таки рѣшительно всѣ не въ духѣ. Я, право, не могу придумать, что съ ними сегодня со всѣми?

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Много будете знать, до времени состарѣетесь, Лизавета Богдановна.... Ну, впрочемъ, Богъ съ ними. Поговоримте лучше объ нашемъ дѣлѣ. Дождикъ-то, вишь, все еще не пересталъ.... Хотите?

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА (*жеманно опустивъ глаза*).

Что вы у меня спрашиваете, Игнатій Ильичъ?

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Эхъ, Лизавета Богдановна, позвольте вамъ замѣтить: что вамъ за охота жеманиться, глаза вдругъ эдакъ опускать? Мы вѣдь съ вами люди не молодые! Эти церемоніи, нѣжности, вздохи — это все къ намъ нейдетъ. Будемте говорить спокойно, дѣльно, какъ оно и прилично людямъ нашихъ лѣтъ. Итакъ вотъ въ чемъ вопросъ: мы другъ другу нравимся.... по крайней мѣрѣ я предполагаю, что я вамъ нравлюсь.

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА (*слегка жеманясь*).

Игнатій Ильичъ, право....

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Ну да, да, хорошо. Вамъ, какъ женщинѣ, оно даже и слѣдуетъ.... эдакъ того.... (*показываетъ рукой*) пофинтить, то-есть. Стало быть, мы другъ другу нравимся. И въ другихъ отношеніяхъ, мы тоже подъ пару. Я, конечно, про себя долженъ сказать, что я человѣкъ рода не высокаго: ну да вѣдь

ды не знатнаго происхожденія. Я человѣкъ не богатый; въ противномъ случаѣ я бы вѣдь и того-съ.... (*Усмѣхается.*) Но практика у меня порядочная, больные мои не всѣ мрутъ; у васъ, по вашимъ словамъ, пятнадцать тысячъ наличныхъ денегъ; это все, изволите видѣть, недурно. Притомъ же, вамъ, я воображаю, надоѣло вѣчно жить въ гувернанткахъ, ну да и съ старухой возиться, вистовать ей въ преферансъ и поддакивать — тоже, должно быть, не весело. Съ моей стороны, мнѣ не то, чтобы наскучила холостая жизнь, а старѣюсь я, ну да и кухарки меня грабятъ; стало быть, оно все, знаете ли, приходится подъ ладъ. Но вотъ въ чемъ затрудненіе, Лизавета Богданова: мы вѣдь другъ друга вовсе не знаемъ, то есть, по правдѣ сказать, вы меня не знаете..... Я-то васъ знаю. Мнѣ вашъ характеръ извѣстенъ. Не скажу, чтобы за вами не водилось недостатковъ. Вы въ дѣвицахъ будучи, маленько окисли, да вѣдь это не бѣда. У хорошаго мужа жена что мягкій воскъ. Но я желаю, чтобы и вы меня знали передъ свадьбой; а то вы, пожалуй, потомъ на меня пенять станете.... Я васъ обманывать не хочу.

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА (*съ достоинствомъ*).

Но, Игнатій Ильичъ, мнѣ кажется, я тоже имѣла случай узнать вашъ характеръ....

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Вы? Э, полноте.... Это не женское дѣло. Вѣдь вы, напримѣръ, чай, думаете, что я человѣкъ веселаго нрава — забавникъ, а?

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА.

Мнѣ всегда казалось, что вы очень любезный человѣкъ....

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

То-то вотъ и есть. Видите, какъ легко можно ошибиться. Отъ того, что я передъ чужими дурачусь, анекдотцы имъ разсказываю, прислуживаю имъ, вы ужь и подумали, что я въ самомъ дѣлѣ веселый человѣкъ. Еслибъ я въ нихъ не нуждался, въ этихъ чужихъ-то, да я бы и не посмотрѣлъ на нихъ.... Я и то гдѣ только можно, безъ большой опасности

знаете, ихъ же самихъ на смѣхъ поднимаю
не обманываю себя; я знаю, иные господа
женъ-то я на каждомъ шагу, и скучно-то
таютъ себя въ правѣ меня презирать; да вѣдь
въ долгу. Вотъ, хоть бы Наталья Петровна.... Вы ду-
я не вижу ее насквозь? (*Передразнивая ее.*) «Любезный докторъ, я васъ, право, очень люблю.... у васъ такой злой языкъ».... хе, хе, воркуй, голубушка, воркуй. Ухъ, эти мнѣ барыни! И улыбаются-то онѣ вамъ, и глазки эдакъ щурятъ, а на лицѣ написана гадливость.... Брезгаютъ онѣ нами, что ты будешь дѣлать! Я понимаю, почему она сегодня дурно обо мнѣ отзывается. Право, эти барыни удивительный народъ! Отъ того, что они каждый день одеколономъ моются да говорятъ эдакъ небрежно, словно роняютъ слова — подбирай молъ ты! — ужь онѣ и воображаютъ, что ихъ за хвостъ поймать нельзя. Да, какъ бы не такъ! Такіе же смертныя, какъ и всѣ мы, грѣшные!

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА.

Игнатій Ильичъ.... Вы меня удивляете.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Я зналъ, что я васъ удивлю. Вы, стало быть, видите, что я человѣкъ не веселый вовсе, можетъ быть, даже и не слишкомъ добрый... Но я тоже не хочу прослыть передъ вами тѣмъ, чѣмъ я никогда не былъ. Какъ я ни ломаюсь передъ господами, шутомъ меня никто не видалъ, по носу меня еще никто не щелкнулъ. Они меня даже, могу сказать, побаиваются; они знаютъ что я кусаюсь. Однажды, года три тому назадъ, одинъ господинъ, черноземный такой, сдуру, за столомъ, взялъ да мнѣ въ волосы рѣдьку воткнулъ. Чтò вы думаете? Я его въ ту же минуту и не горячась, знаете, самымъ вѣжливымъ образомъ вызвалъ на дуэль. Черноземнаго отъ испуга чуть параличъ не хватилъ; хозяинъ извиниться его заставилъ — эффектъ вышелъ необыкновенный!... Я, признаться сказать, напередъ зналъ, что онъ драться не станетъ. Вотъ видите ли, Лизавета Богданова, самолюбія у меня тьма; да жизнь ужь такая вышла. Таланты тоже небольшіе.... учился я кой-какъ.

Докторъ я плохой, передъ вами мнѣ нечего скрываться, и если вы когда у меня занеможете, не я васъ лечить стану. Кабы таланты да воспитаніе, я бы въ столицу махнулъ. Ну, для здѣшнихъ обывателей, конечно, лучшаго доктора и не надо. Что же касается собственно до моего нрава, то я долженъ предувѣдомить васъ, Лизавета Богдановна: дома я угрюмъ, молчаливъ, взыскателенъ; не сержусь, когда мнѣ угождаютъ и услуживаютъ; люблю, чтобы замѣчали мои привычки и вкусно меня кормили; а впрочемъ, я не ревнивъ и не скупъ, и въ моемъ отсутствіи вы можете дѣлать все, что вамъ угодно. Объ романтической эдакой любви между нами, вы понимаете, и говорить нечего; а впрочемъ, я воображаю, что со мной еще можно жить подъ одной крышей.... Лишь бы мнѣ угождали, да не плакали при мнѣ, этого я терпѣть не могу! А я не придирчивъ. Вотъ вамъ моя исповѣдь. Ну-съ, что вы теперь скажете?

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА.

Что мнѣ вамъ сказать, Игнатій Ильичъ.... Если вы не очернили себя съ намѣреніемъ....

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Да чѣмъ же я себя очернилъ? Вы не забудьте того, что другой бы на моемъ мѣстѣ преспокойно промолчалъ бы о своихъ недостаткахъ, благо вы ничего не замѣтили, а послѣ свадьбы, шалишь, послѣ свадьбы поздно. Но я для этого слишкомъ гордъ. (*Лизавета Богдановна взглядываетъ на него.*) Да, да, гордъ.... какъ вы ни изволите глядѣть на меня. Я передъ моей будущей женой притворяться и лгать не намѣренъ, не только изъ пятнадцати, изо ста тысячъ; а чужому я изъ-за куля муки низехонько поклонюсь. Таковъ ужь мой нравъ.... Чужому-то я зубы скалю, а внутренно думаю: экой ты болванъ, братецъ, на какую удочку идешь; а съ вами я говорю, что думаю. То есть, позвольте, и вамъ я не все говорю, что думаю; по крайней мѣрѣ, я васъ не обманываю. Я долженъ вамъ большимъ чудакомъ казаться, точно, да вотъ постойте, я вамъ когда нибудь разскажу мою жизнь: вы удивитесь, какъ я еще на столько уцѣлѣлъ. Вы тоже, чай, въ дѣтствѣ не на золотѣ

ѣли, а все-таки вы, голубушка, не можете себѣ представить, что такое настоящая, заматерѣлая бѣдность ... Впрочемъ, это я вамъ все когда нибудь въ другое время разскажу. А теперь вотъ вы лучше обдумайте, что я вамъ имѣлъ честь доложить.... Обсудите хорошенько, наединѣ, это дѣльцо, да и сообщите мнѣ ваше рѣшеніе. Вы, сколько я могъ замѣтить, женщина благоразумная. Вы.... Кстати, сколько вамъ лѣтъ?

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА.

Мнѣ.... мнѣ... тридцать лѣтъ.

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*спокойно*).

А вотъ и не правда: вамъ цѣлыхъ сорокъ.

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА (*вспыхнув*).

Совсѣмъ не сорокъ, а тридцать-шесть.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Все же не тридцать. Вотъ и отъ этого вамъ, Лизавета Богдановна, надобно отвыкнуть.... тѣмъ болѣе, что замужняя женщина въ тридцать-шесть лѣтъ вовсе не стара. Табакъ тоже вы напрасно нюхаете. (*Вставая.*) А дождикъ, кажется, пересталъ.

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА (*тоже вставая*).

Да, пересталъ.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Итакъ, вы мнѣ на дняхъ дадите отвѣтъ?

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА.

Я вамъ завтра же скажу мое рѣшеніе.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Вотъ люблю!... Вотъ что умно, такъ умно! Ай да Лизавета Богдановна! Ну дайте жь мнѣ вашу руку. Пойдемте домой.

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА (*отдавая ему свою руку*).

Пойдемте.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

А кстати: я не поцѣловалъ ея у васъ.. . а оно, кажется, требуется.... Ну, на этотъ разъ куда ни шло! (*Цѣлуетъ ея руку. Лизавета Богдановна краснѣетъ.*) Вотъ такъ. (*Направляется къ двери сада.*)

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА (*останавливаясь*).

Такъ вы думаете, Игнатій Ильичъ, что Михайло Александрычъ точно неопасный человѣкъ.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Я думаю.

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА.

Знаете ли что, Игнатій Ильичъ? мнѣ кажется, Наталья Петровна съ нѣкоторыхъ поръ.... мнѣ кажется, что г. Бѣляевъ.... Она обращаетъ на него вниманіе.... а? Да и Вѣрочка, какъ вы думаете? Ужь не отъ этого ли сегодня....

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*перебивая ее*).

Я забылъ вамъ еще одно сказать, Лизавета Богдановна. Я самъ ужасно любопытенъ, а любопытныхъ женщинъ терпѣть не могу. То есть, я объяснюсь: по моему жена должна быть любопытна и наблюдательна (это даже очень полезно для ея мужа), только съ другими.... Вы понимаете меня: съ другими. Впрочемъ, если вамъ непремѣнно хочется знать мое мнѣніе насчетъ Натальи Петровны, Вѣры Александровны, г. Бѣляева и вообще здѣшнихъ жителей, слушайте же, я вамъ спою пѣсенку. У меня голосъ прескверный, да вы не взыщите.

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА (*съ удивленіемъ*).

Пѣсенку!

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Слушайте! Первый куплетъ:

Жилъ былъ у бабушки сѣренькій козликъ,
Жилъ былъ у бабушки сѣренькій козликъ.
Фить какъ! вотъ какъ! сѣренькій козликъ!
Фить какъ! вотъ какъ! сѣренькій козликъ!

Второй куплетъ:

Вздумалось козлику въ лѣсъ погуляти,
Вздумалось козлику въ лѣсъ погуляти,
Фить какъ! вотъ какъ! въ лѣсъ погуляти!
Фить какъ! вотъ какъ! въ лѣсъ ногуляти!

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА.

Но я, право, не понимаю....

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Слушайте же! Третій куплетъ:

Сѣрые во-олки козлика съѣли,
Сѣрые во-олки козлика съѣли, (*Подпрыгивая.*)
Фить какъ! вотъ какъ! козлика съѣли!
Фить какъ! вотъ какъ! козлика съѣли!

А теперь пойдемте. Мнѣ же кстати нужно съ Натальей Петровной потолковать. Авось не укуситъ. Если я не ошибаюсь, я ей еще нуженъ. Пойдемте. (*Уходятъ въ садъ.*)

КАТЯ (*осторожно выходя изъ-за колонны*).

Насилу-то ушли! Экой этотъ лекарь злющій.... говорилъ, говорилъ, чтò говорилъ! А ужь поётъ-то какъ? Боюсь я, какъ бы тѣмъ временемъ Алексѣй Николаичъ домой не вернулся... И нужно жь имъ было именно сюда придти! (*Подходитъ къ окну.*) А Лизавета Богдановна? Лекаршей будетъ... (*Смѣется.*) Вишь какая.... Ну, да я ей не завидую. (*Выглядываетъ изъ окна.*) Какъ трава славно обмылась.... какъ хорошо пахнетъ... Это отъ черемухи такъ пахнетъ. А да вотъ онъ идетъ. (*Подождавъ.*) Алексѣй Николаичъ!... Алексѣй Николаичъ....

ГОЛОСЪ БѢЛЯЕВА (*за кулисами*).

Кто меня зоветъ? А, это ты, Катя? (*Подходитъ къ окну.*) Что тебѣ надобно?

КАТЯ.

Войдите сюда.... мнѣ вамъ нужно что-то сказать.

БѢЛЯЕВЪ.

А! изволь. (*Отходитъ отъ окна и черезъ минуту входитъ въ двери.*) Вотъ я.

КАТЯ.

Васъ дождикъ не замочилъ?

БѢЛЯЕВЪ.

Нѣтъ.... я въ теплицѣ сидѣлъ съ Потапомъ... что онъ тебѣ дядей, что-ли, приходится?

КАТЯ.

Да-съ. Они мнѣ дяденька.

БѢЛЯЕВЪ.

Какая ты сегодня хорошенькая! (*Катя улыбается и

опускаетъ глаза. Онъ достаетъ изъ кармана персикъ.) Хочешь?

КАТЯ (*отказываясь*).

Покорно благодарю.... кушайте сами.

БѢЛЯЕВЪ.

А я развѣ отказался, когда ты мнѣ вчера малины поднесла? Возьми.... я для тебя его сорвалъ.... право.

КАТЯ.

Ну, благодарствуйте. (*Беретъ персикъ.*)

БѢЛЯЕВЪ.

То-то же. Такъ чтожь ты мнѣ сказать хотѣла?

КАТЯ.

Барышня.... Вѣра Александровна, попросила меня.... Онѣ желаютъ васъ видѣть.

БѢЛЯЕВЪ.

А! Ну, я сейчасъ къ ней пойду.

КАТЯ.

Нѣтъ-съ.... онѣ сами сюда будутъ. Имъ нужно съ вами переговорить.

БѢЛЯЕВЪ (*съ нѣкоторымъ изумленіемъ*).

Она хочетъ сюда придти?

КАТЯ.

Да-съ. Здѣсь, знаете ли.... Сюда никто не заходитъ. Здѣсь не могутъ помѣшать.... (*Вздыхаетъ.*) Она васъ очень любитъ, Алексѣй Николаичъ.... Она такая добрая. Я схожу теперь за ней, хотите? А вы подождите?

БѢЛЯЕВЪ.

Конечно, конечно.

КАТЯ.

Сейчасъ.... (*Идетъ и останавливается.*) Алексѣй Николаичъ, правда-ли, говорятъ, вы отъ насъ уѣзжаете?

БѢЛЯЕВЪ.

Я? нѣтъ.... Кто тебѣ сказалъ?

КАТЯ.

Такъ вы не уѣзжаете? Ну и слава Богу! (*Съ смущеніемъ.*) Мы сейчасъ вернемся. (*Уходитъ въ дверь, ведущую въ домъ.*)

БѢЛЯЕВЪ (*остается на нѣкоторое время неподвижнымъ*).

Это чудеса! чудеса со мной происходятъ. Признаюсь, я всего этого никакъ не ожидалъ.... Вѣра меня любитъ.... Наталья Петровна, это знаетъ.... Вѣра сама ей во всемъ созналась.... чудеса! Вѣра — такой милый, добрый ребенокъ; но... что значитъ, напримѣръ, эта записка? (*Достаетъ изъ кармана небольшой лоскутокъ бумаги.*) Отъ Натальи Петровны.... карандашемъ. «Не уѣзжайте, не рѣшайтесь ни на что, пока я съ вами не переговорила.» О чемъ она хочетъ говорить со мной? (*Помолчавъ.*) Какія глупыя мысли мнѣ приходятъ въ голову! Признаюсь, все это меня чрезвычайно смущаетъ. Если бы кто нибудь мнѣ мѣсяцъ тому назадъ сказалъ, что я.... я.... Я никакъ не могу придти въ себя послѣ этого разговора съ Натальей Петровной. Отчего у меня сердце такъ бьется? И теперь Вѣра вотъ хочетъ меня видѣть.... Чтò я ей скажу! По крайней мѣрѣ, я узнаю въ чемъ дѣло.... Можетъ быть, Наталья Петровна на меня сердится.... Да за что же? (*Разсматриваетъ опять записку.*) Это все странно, очень странно. (*Дверь тихонько растворяется. Онъ быстро прячетъ записку. На порогѣ показываются Вѣра и Катя. Онъ подходитъ къ нимъ. Вѣра очень блѣдна, не поднимаетъ глазъ и не трогается съ мѣста.*)

КАТЯ.

Не бойтесь, барышня, подойдите къ нему; я буду насторожѣ.... Не бойтесь. (*Бѣляеву.*) Ахъ, Алексѣй Николаичъ! (*Она закрываетъ окна, уходитъ въ садъ и запираетъ за собою дверь.*)

БѢЛЯЕВЪ.

Вѣра Александровна.... вы хотѣли меня видѣть. Подойдите сюда, сядьте вотъ здѣсь. (*Беретъ ее за руку и ведетъ къ скамьѣ. Вѣра садится.*) Вотъ такъ. (*Съ удивленіемъ глядя на нее.*) Вы плакали?

ВѢРА (*не поднимая глазъ*).

Это ничего.... Я пришла просить у васъ прощенія, Алексѣй Николаичъ.

БѢЛЯЕВЪ.

Въ чемъ?

ВѢРА.

Я слышала.... у васъ было непріятное объясненіе съ Натальей Петровной.... Вы уѣзжаете.... Вамъ отказали.

БѢЛЯЕВЪ.

Кто вамъ это сказалъ?

ВѢРА.

Сама Наталья Петровна.... Я встрѣтила ее послѣ вашего объясненія съ ней.... Она мнѣ сказала, что вы сами не хотите больше остаться у насъ. Но я думаю, что вамъ отказали.

БѢЛЯЕВЪ.

Скажите, въ домѣ это знаютъ?

ВѢРА.

Нѣтъ ... Одна Катя.... Я должна была ей сказать.... Я хотѣла съ вами говорить, попросить у васъ прощенія. Представьте же теперь, какъ мнѣ должно быть тяжело.... Вѣдь я всему причиной, Алексѣй Николаичъ; я одна виновата.

БѢЛЯЕВЪ.

Вы, Вѣра Александровна?

ВѢРА.

Я никакъ не могла ожидать.... Наталья Петровна.... Впрочемъ, я ее извиняю. Извините меня и вы.... Сегодня поутру я была глупымъ ребенкомъ, а теперь.... (*Останавливается.*)

БѢЛЯЕВЪ.

Еще ничего не рѣшено, Вѣра Александровна.... Я, можетъ быть, останусь.

ВѢРА (*печально*).

Вы говорите, ничего не рѣшено, Алексѣй Николаичъ.... Нѣтъ, все рѣшено, все кончено. Вотъ вы какъ со мной теперь; а помните, еще вчера въ саду.... (*Помолчавъ.*) Ахъ, я вижу, Наталья Петровна вамъ все сказала.

БѢЛЯЕВЪ (*съ смущеніемъ*).

Вѣра Александровна....

ВѢРА.

Она вамъ все сказала, я это вижу.... Она хотѣла поймать меня, и я, глупая, такъ и бросилась въ ея сѣти.... Но и она выдала себя.... Я все-таки не такой уже ребенокъ. (*Понизивъ голосъ.*) О, нѣтъ!

БѢЛЯЕВЪ.

Что вы хотите сказать?

ВѢРА (*взглянувъ на него*).

Алексѣй Николаичъ, точно ли вы сами хотѣли оставить насъ?

БѢЛЯЕВЪ.

Да.

ВѢРА.

Отчего? (*Бѣляевъ молчитъ.*) Вы мнѣ не отвѣчаете?

БѢЛЯЕВЪ.

Вѣра Александровна, вы не ошиблись... Наталья Петровна мнѣ все сказала.

ВѢРА (*слабымъ голосомъ*).

Что, напримѣръ?

БѢЛЯЕВЪ.

Вѣра Александровна... Мнѣ, право, невозможно... Вы меня понимаете.

ВѢРА.

Она вамъ, можетъ быть, сказала, что я васъ люблю?

БѢЛЯЕВЪ (*нерѣшительно*).

Да.

ВѢРА (*быстро*).

Да это не правда....

БѢЛЯЕВЪ (*съ смущеніемъ*).

Какъ!...

ВѢРА (*закрываетъ лицо руками и глухо шепчетъ сквозь пальцы*).

Я, по крайней мѣрѣ, ей этого не сказала, я не помню.... (*Поднимая голову.*) О, какъ жестоко она поступила со мной! И вы.... вы отъ этого хотите уѣхать?

БѢЛЯЕВЪ.

Вѣра Александровна, посудите сами...

ВѢРА (*взглянув на него*).

Онъ меня не любитъ! (*Опять закрываетъ лицо.*)

БѢЛЯЕВЪ (*садится подлѣ нея и беретъ ея руку*).

Вѣра Александровна, дайте мнѣ вашу руку.... Послушайте, между нами не должно быть недоразумѣній. Я люблю васъ какъ сестру; я люблю васъ, потому что васъ нельзя не любить. Извините меня, если я... Я отъ роду не былъ въ такомъ положеніи.... Я бы не желалъ оскорбить васъ.... Я не стану притворяться передъ вами; я знаю, что я вамъ понравился, что вы меня полюбили.... Но посудите сами, что изъ этого можетъ выйдти? Мнѣ всего двадцать лѣтъ, за мной гроша нѣту. Пожалуйста, не сердитесь на меня. Я, право, не знаю, что вамъ сказать.

ВѢРА (*отнимая руки отъ лица и глядя на него*).

И какъ будто я что-нибудь требовала, Боже мой! Но зачѣмъ же такъ жестоко, такъ немилосердо.... (*Она останавливается.*)

БѢЛЯЕВЪ.

Вѣра Александровна, я не желалъ огорчить васъ.

ВѢРА.

Я васъ не обвиняю, Алексѣй Николаичъ. Въ чемъ вы виноваты? Виновата одна я.... За то и наказана! Я и ее не обвиняю; я знаю, она добрая женщина, но она не могла переломить себя.... Она потерялась.

БѢЛЯЕВЪ (*съ недоумѣніемъ*).

Потерялась?

ВѢРА (*оборачиваясь къ нему*).

Наталья Петровна васъ любитъ, Бѣляевъ.

БѢЛЯЕВЪ.

Какъ?

ВѢРА.

Она влюблена въ васъ

БѢЛЯЕВЪ.

Что вы говорите?

ВѢРА.

Я знаю, что я говорю. Сегоднишній день меня состарѣлъ...

Я не ребенокъ больше, повѣрьте. Она вздумала ревновать.... ко мнѣ! (*Съ горькой усмѣшкой.*) Какъ вамъ это кажется?

БѢЛЯЕВЪ.

Да это быть не можетъ!

ВѢРА.

Не можетъ быть.... Но зачѣмъ же она вдругъ вздумала выдать меня за этого господина, какъ бишь его, за Большинцова? Зачѣмъ подсылала ко мнѣ доктора, зачѣмъ сама уговаривала меня? О, я знаю, что я говорю! Еслибъ вы могли видѣть, Бѣляевъ, какъ у ней все лицо перемѣнилось, когда я ей сказала.... О, вы не можете, вообразить, какъ хитро, какъ лукаво она выманивала у меня это сознаніе.... Да, она васъ любитъ; это слишкомъ ясно..

БѢЛЯЕВЪ.

Вѣра Александровна, вы ошибаетесь, увѣряю васъ.

ВѢРА.

Нѣтъ, я не ошибаюсь. Повѣрьте мнѣ: я не ошибаюсь. Если она васъ не любитъ, зачѣмъ же она меня такъ истерзала? Что я ей сдѣлала? (*Горько.*) Ревность все извиняетъ. Да что и говорить!... И теперь вотъ, зачѣмъ она вамъ отказываетъ? Она думаетъ, что вы.... что мы съ вами.... О, она можетъ успокоиться! Вы можете остаться! (*Закрываетъ лицо руками.*)

БѢЛЯЕВЪ.

Она до сихъ поръ мнѣ не отказала, Вѣра Александровна... Я вамъ уже сказывалъ, что еще ничего не рѣшено....

ВѢРА (*вдругъ поднимаетъ голову и глядитъ на него*).

Въ самомъ дѣлѣ?

БѢЛЯЕВЪ.

Да.... но зачѣмъ вы такъ смотрите на меня?

ВѢРА (*словно про себя*).

А! я понимаю... Да, да.... она сама еще надѣется... (*Дверь изъ корридора быстро растворяется, и на порогѣ показывается Наталья Петровна. Она останавливается при видѣ Вѣры и Бѣляева.*)

БѢЛЯЕВЪ.

Чтò вы говорите?

ВѢРА.

Да, теперь мнѣ все ясно.... Она опомнилась, она поняла, что я ей не опасна! и въ самомъ дѣлѣ, чтò я такое? Глупая дѣвчонка, а она!

БѢЛЯЕВЪ.

Вѣра Александровна, какъ вы можете думать...

ВѢРА.

Да и наконецъ, кто знаетъ? Можетъ быть, она права.... можетъ быть, вы ее любите....

БѢЛЯЕВЪ.

Я?

ВѢРА (*вставая*).

Да, вы; отчего вы краснѣете?

БѢЛЯЕВЪ.

Я, Вѣра Александровна?

ВѢРА.

Вы ее любите, вы можете ее полюбить?... Вы не отвѣчаете на мой вопросъ?

БѢЛЯЕВЪ.

Но помилуйте, что вы хотите, чтобы я отвѣчалъ вамъ? Вѣра Александровна, вы такъ взволнованы.... Успокойтесь, ради Бога....

ВѢРА (*отворачиваясь отъ него*).

О, вы обращаетесь со мной какъ съ ребенкомъ.... Вы даже не удостоиваете меня серьезнаго отвѣта.... Вы просто желаете отдѣлаться.... Вы меня утѣшаете! (*Хочетъ уйдти, но вдругъ останавливается при видѣ Натальи Петровны.*) Наталья Петровна.... (*Бѣляевъ быстро оглядывается.*)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*дѣлая нѣсколько шаговъ впередъ*).

Да, я. (*Она говоритъ съ нѣкоторымъ усиліемъ.*) Я пришла за тобой, Вѣрочка.

ВѢРА (*медленно и холодно*).

Почему вамъ вздумалось именно сюда придти? Вы, стало быть, меня искали?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да, я тебя искала. Ты неосторожна, Вѣрочка.... Уже не разъ я тебѣ говорила.... И вы, Алексѣй Николаичъ, вы забыли ваше обѣщаніе.... Вы меня обманули.

ВѢРА.

Да полноте же наконецъ, Наталья Петровна, перестаньте! (*Наталья Петровна съ изумленіемъ глядитъ на нее.*) Полно вамъ говорить со мной какъ съ ребенкомъ.... (*Понизивъ голосъ.*) Я женщина съ сегодняшняго дня... Я такая же женщина, какъ вы.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*съ смущеніемъ*).

Вѣра....

ВѢРА (*почти шопотомъ*).

Онъ васъ не обманулъ.... Не онъ искалъ этого свиданія со мной. Вѣдь онъ меня не любитъ, вы это знаете, вамъ нечего ревновать.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*съ возрастающимъ изумленіемъ*).

Вѣра!

ВѢРА.

Повѣрьте мнѣ.... не хитрите больше. Эти хитрости теперь ужь ни къ чему не служатъ... Я ихъ насквозь вижу теперь. Повѣрьте. Я, Наталья Петровна, для васъ не воспитанница, за которой вы наблюдаете (*съ ироніей*), какъ старшая сестра... (*Пододвигается къ ней.*) Я для васъ соперница.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вѣра, вы забываетесь....

ВѢРА.

Можетъ быть.... но кто меня до этого довелъ? Я сама не понимаю, откуда у меня берется смѣлость такъ говорить съ вами.... Можетъ быть, я говорю такъ оттого, что я ни на что болѣе не надѣюсь, оттого, что вамъ угодно было растоптать меня.... И вамъ это удалось ... совершенно. Но слушайте: я не намѣрена лукавить съ вами, какъ вы со мной.... знайте: я ему (*указывая на Бѣляева*) все сказала.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Чтò вы могли ему сказать?

ВѢРА.

Что̀? (*Съ ироніей.*) Да все то, что мнѣ удалось замѣтить. Вы надѣялись изъ меня все вывѣдать, не выдавши самой себя. Вы ошиблись, Наталья Петровна. Вы слишкомъ разсчитывали на свои силы....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вѣра, Вѣра, опомнитесь....

ВѢРА (*шопотомъ и еще ближе пододвинувшись къ ней*).

Скажите же мнѣ, что я ошибаюсь..... Скажите мнѣ, что вы его не любите.... Сказалъ же онъ мнѣ, что онъ меня не любитъ! (*Наталья Петровна въ смущеніи молчитъ. Вѣра остается нѣкоторое время неподвижной и вдругъ прикладываетъ руку ко лбу.*) Наталья Петровна, простите меня.... я.... я сама не знаю.... что со мною, простите меня, будьте снисходительны.... (*Заливается слезами и быстро уходитъ въ дверь корридора. Молчаніе.*)

БѢЛЯЕВЪ (*подходя къ Натальѣ Петровнѣ*).

Я могу васъ увѣрить, Наталья Петровна....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*неподвижно глядя на полъ, протягиваетъ руку въ его направленіи*).

Остановитесь, Алексѣй Николаичъ. Точно... Вѣра права... Пора.... пора перестать мнѣ хитрить. Я виновата передъ ней, передъ вами — вы въ правѣ презирать меня. (*Бѣляевъ дѣлаетъ невольное движеніе.*) Я унизилась въ собственныхъ глазахъ. Мнѣ остается одно средство снова заслужить ваше уваженіе: откровенность, полная откровенность, какія бы ни были послѣдствія. Притомъ, я васъ вижу въ послѣдній разъ, я въ послѣдній разъ говорю съ вами. Я люблю васъ. (*Она все не глядитъ на него.*)

БѢЛЯЕВЪ.

Вы, Наталья Петровна!...

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да, я. Я васъ люблю. Вѣра не обманулась, и не обманула васъ. Я полюбила васъ съ перваго дня вашего пріѣзда, но сама узнала объ этомъ со вчерашняго дня. Я не намѣрена оправдывать мое поведеніе.... Оно было недостойно меня....

но по крайней мѣрѣ, вы теперь можете понять, можете извинить меня. Да, я ревновала къ Вѣрѣ; да, я мысленно выдавала ее за Большинцова, для того, чтобы удалить ее отъ себя и отъ васъ; да, я воспользовалась преимуществомъ моихъ лѣтъ, моего положенія, чтобы вывѣдать ея тайну, и — конечно, я этого не ожидала — и сама себя выдала. Я васъ люблю, Бѣляевъ; но знайте: одна гордость вынуждаетъ у меня это признаніе.... комедія, разыгранная мною до сихъ поръ, меня возмутила наконецъ. Вы не можете остаться здѣсь.... Впрочемъ, послѣ того, что я вамъ сейчасъ сказала, вамъ, вѣроятно, въ моемъ присутствіи будетъ очень неловко, и вы сами захотите какъ можно скорѣе удалиться отсюда. Я въ этомъ увѣрена. Эта увѣренность придала мнѣ смѣлость. Я, признаюсь, не хотѣла, чтобы вы унесли дурное воспоминаніе обо мнѣ. Теперь вы все знаете.... Я, можетъ быть, помѣшала вамъ.... можетъ быть, еслибъ все это не случилось, вы бы полюбили Вѣрочку.... У меня только одно извиненіе, Алексѣй Николаичъ.... Все это не было въ моей власти. (*Она умолкаетъ. Она все это говоритъ довольно ровнымъ и спокойнымъ голосомъ, не глядя на Бѣляева. Онъ молчитъ. Она продолжаетъ съ нѣкоторымъ волненіемъ, все не глядя на него.*) Вы мнѣ не отвѣчаете?... Впрочемъ, я это понимаю. Вамъ нечего мнѣ сказать. Положеніе человѣка, который не любитъ, и которому объясняются въ любви, слишкомъ тягостно. Я благодарю васъ за ваше молчаніе. Повѣрьте, когда я вамъ сказала... что я люблю васъ, я не хитрила... по прежнему; я ни на что не разсчитывала; напротивъ: я хотѣла сбросить наконецъ съ себя личину, къ которой, могу васъ увѣрить, я не привыкла.... Да и наконецъ, къ чему еще жеманиться и лукавить, когда все извѣстно; къ чему еще притворяться, когда даже не кого обманывать? Все кончено теперь между нами. Я васъ болѣе не удерживаю. Вы можете уйдти отсюда, не сказавши мнѣ ни слова, не простившись даже со мной. Я не только не сочту это за невѣжливость, напротивъ — я вамъ буду благодарна. Есть случаи, въ которыхъ деликатность неумѣстна.... хуже грубости. Видно

намъ не было суждено узнать другъ друга. Прощайте. Да, намъ не было суждено узнать другъ друга.... но по крайней мѣрѣ я надѣюсь, что теперь я въ вашихъ глазахъ перестала быть тѣмъ притѣснительнымъ, скрытнымъ и хитрыхъ существомъ.... Прощайте, навсегда. (*Бѣляевъ въ волненьи хочетъ что-то сказать и не можетъ.*) Вы не уходите?

БѢЛЯЕВЪ (*кланяется, хочетъ уйдти и послѣ нѣкоторой борьбы съ самимъ собою возвращается*).

Нѣтъ, я не могу уйдти..., (*Наталья Петровна въ первый разъ взглядываетъ на него.*) Я не могу уйдти такъ!... Послушайте, Наталья Петровна, вы вотъ сейчасъ мнѣ сказали.... вы не желаете, чтобы я унесъ невыгодное воспоминаніе объ васъ, но и я не хочу, чтобы и вы вспомнили обо мнѣ какъ о человѣкѣ, который.... Боже мой! Я не знаю какъ выразиться.... Наталья Петровна, извините меня.... Я не умѣю говорить съ дамами.... Я до сихъ поръ зналъ.... совсѣмъ не такихъ женщинъ. Вы говорите, что намъ не было суждено узнать другъ друга, но помилуйте, могъ ли я, простой, почти необразованный мальчикъ, могъ ли я даже думать о сближеніи съ вами? Вспомните, кто вы и кто я! Вспомните, могъ ли я смѣть подумать.... Съ вашимъ воспитаньемъ.... Да что я говорю о воспитаніи.... Взгляните на меня.... этотъ старый сюртукъ, и ваши пахучія платья.... Помилуйте! Ну да! я боялся васъ, я и теперь боюсь васъ.... Я, безъ всякихъ преувеличеній, глядѣлъ на васъ какъ на существо высшее, и между тѣмъ.... вы, вы говорите мнѣ, что вы меня любите.... вы, Наталья Петровна! Меня!... Я чувствую, сердце во мнѣ бьется, какъ отъ роду не билось, оно бьется не отъ одного изумленія, не самолюбіе во мнѣ польщено.... гдѣ!... не до самолюбія теперь.... Но я.... я не могу уйдти такъ, воля ваша!

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*помолчавъ, словно про себя*).

Что я сдѣлала!

БѢЛЯЕВЪ.

Наталья Петровна, ради Бога повѣрьте....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*измѣненнымъ голосомъ*).

Алексѣй Николаичъ, еслибъ я не знала васъ за человѣка

благороднаго, за человѣка, которому ложь недоступна, я бы могла Богъ знаетъ что подумать. Я бы, можетъ быть, раскаялась въ своей откровенности. Но я вѣрю вамъ. Я не хочу скрыть передъ вами мои чувства: я благодарна вамъ за то, что вы мнѣ сейчасъ сказали. Я теперь знаю, почему мы не сошлись.... Стало быть, собственно во мнѣ ничего васъ не отталкивало.... Одно мое положеніе.... (*Останавливается.*) Все къ лучшему, конечно.... но мнѣ теперь легче будетъ разстаться съ вами.... Прощайте. (*Хочетъ уйдти.*)

БѢЛЯЕВЪ (*помолчавъ*).

Наталья Петровна, я знаю, что мнѣ нельзя здѣсь остаться.... но я не могу передать вамъ все, что во мнѣ происходитъ. Вы меня любите.... мнѣ даже страшно выговорить эти слова.... все это для меня такъ ново.... мнѣ кажется, я васъ вижу, слышу васъ въ первый разъ, но я чувствую одно: мнѣ необходимо уѣхать.... я чувствую, что я ни за что отвѣчать не могу....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*слабымъ голосомъ*).

Да, Бѣляевъ, вы должны уѣхать.... Теперь, послѣ этого объясненья, вы можете уѣхать.... И неужели же точно несмотря на все, что я сдѣлала... О, повѣрьте, еслибъ я могла хоть отдаленно подозрѣвать все то, что вы мнѣ теперь сказали — это признаніе, Бѣляевъ, оно бы умерло во мнѣ.... Я хотѣла только прекратить всѣ недоразумѣнія, я хотѣла покаяться, наказать себя, я хотѣла разомъ перервать послѣднюю нить. Еслибъ я могла себѣ представить.... (*Она закрываетъ себѣ лицо.*)

БѢЛЯЕВЪ.

Я вамъ вѣрю, Наталья Петровна, я вѣрю вамъ. Да я самъ за четверть часа.... развѣ я воображалъ.... Я только сегодня, во время нашего послѣдняго свиданья передъ обѣдомъ, въ первый разъ почувствовалъ что-то необыкновенное, небывалое, словно чья-то рука мнѣ стиснула сердце, и такъ горячо стало въ груди.... Я, точно, прежде какъ будто чуждался, какъ будто даже нелюбилъ васъ; но когда вы мнѣ ска-

зали сегодня, что Вѣрѣ Александровнѣ показалось.... (*Останавливается.*)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*съ невольной улыбкой счастья на губахъ*).

Полноте, полноте, Бѣляевъ; намъ не объ этомъ должно думать. Намъ не должно позабыть, что мы говоримъ другъ съ другомъ въ послѣдній разъ.... что вы завтра уѣзжаете....

БѢЛЯЕВЪ.

О, да! я завтра же уѣду! Теперь я еще могу уѣхать... Все это пройдетъ.... Вы видите, я не хочу преувеличивать.... Я уѣду.... а тамъ что Богъ дастъ! Я унесу съ собой одно воспоминанье, я вѣчно буду помнить, что вы меня полюбили.... Но какже это я до сихъ поръ не узналъ васъ? Вотъ вы смотрите на меня теперь.... Неужели я когда нибудь старался избѣгать вашего взгляда.... Неужели я когда нибудь робѣлъ въ вашемъ присутствіи?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*съ улыбкой*).

Вы сейчасъ мнѣ сказаля, что вы боитесь меня.

БѢЛЯЕВЪ.

Я? (*Помолчавъ.*) Точно.... Я самъ себѣ удивляюсь.... Я, я такъ смѣло говорю съ вами? Я себя не узнаю.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

И вы не обманываетесь?...

БѢЛЯЕВЪ.

Въ чемъ?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Въ томъ, что вы меня.... (*Вздрагивая.*) О, Боже, что я дѣлаю.... Послушайте, Бѣляевъ... Придите ко мнѣ на помощь... Ни одна женщина не находилась еще въ подобномъ положеніи. Я не въ силахъ больше, право.... Можетъ быть, оно такъ къ лучшему, все разомъ прекращено, но мы по крайней мѣрѣ, узнали другъ друга.... Дайте мнѣ руку — и прощайте навсегда.

БѢЛЯЕВЪ (*беретъ ее за руку*).

Наталья Петровна.... я не знаю, что вамъ сказать на прощаньи.... сердце у меня такъ полно.... Дай вамъ Богъ....

(*Останавливается и прижимаетъ ея руку къ губамъ.*) Прощайте. (*Хочетъ уйдти въ садовую дверь.*)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*глядя ему въ слѣдъ*).

Бѣляевъ....

БѢЛЯЕВЪ (*оборачиваясь*).

Наталья Петровна....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*помолчавъ нѣкоторое время, слабымъ голосомъ*).

Останьтесь....

БѢЛЯЕВЪ.

Какъ?...

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Останьтесь, и пусть Богъ насъ разсудитъ! (*Она прячетъ голову въ руки.*)

БѢЛЯЕВЪ (*быстро подходитъ къ ней и протягиваетъ къ ней руки*).

Наталья Петровна.... (*Въ это мгновеніе дверь изъ саду растворяется, и на порогѣ показывается Ракитинъ. Онъ нѣкоторое время глядитъ на обоихъ и вдругъ подходитъ къ нимъ.*)

РАКИТИНЪ (*громко*).

А васъ вездѣ ищутъ, Наталья Петровна.... (*Наталья Петровна и Бѣляевъ оглядываются.*)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*отнимая руки отъ лица и словно приходя въ себя*).

А, это вы.... Кто меня ищетъ? (*Бѣляевъ, смущенный, кланяется Натальѣ Петровнѣ и хочетъ уйдти.*) Вы уходите, Алексѣй Николаичъ.... не забудьте же, вы знаете.... (*Онъ вторично кланяется ей и уходитъ въ садъ.*)

РАКИТИНЪ.

Аркадій васъ ищетъ.... Признаюсь, я не ожидалъ найдти васъ здѣсь.... но, проходя мимо....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*съ улыбкой*).

Вы услышали наши голоса.... Я встрѣтила здѣсь Алексѣя Николаича.... и имѣла съ нимъ небольшое объясненіе.... Сегодня, видно, день объясненій, но теперь мы можемъ пойдти домой.... (*Хочетъ идти въ дверь корридора.*)

РАКИТИНЪ (*съ нѣкоторымъ волненьемъ*).

Могу узнать.... какое рѣшенье....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*притворяясь удивленной*).

Какое рѣшенье?... Я васъ не понимаю.

РАКИТИНЪ (*долго помолчавъ, печально*).

Въ такомъ случаѣ, я все понимаю.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ну такъ и есть.... Опять таинственные намеки! Ну да, я объяснилась съ нимъ, и теперь все опять пришло въ порядокъ.... Это пустяки были, преувеличенья.... Все, о чемъ мы говорили съ вами, все это ребячество. Это слѣдуетъ теперь позабыть.

РАКИТИНЪ.

Я васъ не разспрашиваю, Наталья Петровна.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*съ принужденной развязностью*).

Чтò бишь я хотѣла сказать вамъ.... Не помню. Все равно. Пойдемте. Все это кончено.... все прошло.

РАКИТИНЪ (*пристально поглядѣвъ на нее*).

Да, все кончено. Какъ вамъ должно быть теперь досадно на себя.... за вашу сегодняшнюю откровенность.... (*Онъ отворачивается.*)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ракитинъ.... (*Онъ опять взглядываетъ на нее; она, видимо, не знаетъ, что сказать.*) Вы еще не говорили съ Аркадіемъ?

РАКИТИНЪ.

Никакъ нѣтъ-съ.... Я еще не успѣлъ приготовиться.... Вы понимаете, надобно что-нибудь сочинить....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Какъ это несносно! Чего они отъ меня хотятъ? Слѣдятъ за мной на каждомъ шагу. Ракитинъ, мнѣ, право, совѣстно передъ вами....

РАКИТИНЪ.

О, Наталья Петровна, не извольте безпокоиться... Къ чему? Все это въ порядкѣ вещей. Но какъ замѣтно, что г-нъ Бѣляевъ еще новичокъ! И къ чему это онъ такъ смѣшался, убѣ-

жалъ.... Впрочемъ, со временемъ .. (*въ полголоса и скоро*) вы оба научитесь притворяться.... (*Громко.*) Пойдемте. (*Наталья Петровна хочетъ подойдти къ нему и останавливается. Въ это мгновенье за дверью сада раздается голосъ Ислаева: «Онъ сюда пошелъ, вы говорите?» и вслѣдъ затѣмъ входятъ Ислаевъ и Шпигельскій.*)

ИСЛАЕВЪ.

Точно.... вотъ онъ. — Ба, ба, ба! Да и Наталья Петровна тутъ же! (*Подходя къ ней.*) Что̀ это? продолженіе сегодняшняго объясненія? — Видно, предметъ важный.

РАКИТИНЪ.

Я встрѣтилъ здѣсь Наталью Петровну....

ИСЛАЕВЪ.

Встрѣтилъ? (*Оглядывается.*) Какое проходное мѣсто, подумаешь?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да зашолъ же ты сюда....

ИСЛАЕВЪ.

Я зашолъ сюда потому.... (*Останавливается.*)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ты меня искалъ?

ИСЛАЕВЪ (*помолчавъ*).

Да — я искалъ тебя. Не хочешь ли ты вернуться домой? Чай уже готовъ. Скоро смеркнется.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*беретъ его руку*).

Пойдемъ.

ИСЛАЕВЪ (*оглядываясь*).

А изъ этихъ сѣней можно сдѣлать двѣ хорошія комнаты для садовниковъ — или другую людскую — ка̀къ вы полагаете, Шпигельскій?

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Разумѣется.

ИСЛАЕВЪ.

Пойдемъ садомъ, Наташа. (*Идетъ въ садовую дверь. Онъ въ теченіи всей этой сцены ни разу не взглянулъ на Ракитина. — На порогѣ онъ оборачивается до половины.*) Гос-

пода, что же вы? Пойдемте чай пить. (*Уходитъ съ Натальей Петровной.*)

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*Ракитину*).

Чтожь, Михайло Александрычъ, пойдемте.... Дайте мнѣ руку.... Видно намъ съ вами суждено состоять въ арріергардѣ....

РАКИТИНЪ (*съ сердцемъ*).

Ахъ, господинъ докторъ, вы, позвольте вамъ сказать, вы мнѣ очень надоѣли....

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*съ притворнымъ добродушіемъ*).

А ужь себѣ-то какъ я надоѣлъ, Михайло Александрычъ, еслибъ вы знали! (*Ракитинъ невольно улыбается.*) Пойдемте, пойдемте.... (*Оба уходятъ въ дверь сада.*)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Та же декорація какъ въ первомъ и третьемъ дѣйствіяхъ. Утро. За столомъ сидитъ Ислаевъ и разсматриваетъ бумаги. Онъ вдругъ встаетъ.

ИСЛАЕВЪ.

Нѣтъ! рѣшительно не могу сегодня заниматься. Словно гвоздь засѣлъ мнѣ въ голову. (*Прохаживается.*) Признаюсь, я этого не ожидалъ; я не ожидалъ, что я буду тревожиться... какъ теперь тревожусь. — Какъ тутъ поступить?... вотъ въ чемъ задача. (*Задумывается и вдругъ кричитъ:*) Матвѣй!

МАТВѢЙ (*входя*).

Что̀ прикажете?

ИСЛАЕВЪ.

Старосту мнѣ позвать... Да копачамъ на плотинѣ вели подождать меня.... Ступай.

МАТВѢЙ.

Слушаю-съ. (*Уходитъ.*)

ИСЛАЕВЪ (*подходя опять къ столу и перелистывая бумаги*).

Да.... задача!

АННА СЕМЕНОВНА (*входитъ и приближается къ Ислаеву*).

Аркаша....

ИСЛАЕВЪ.

А! это вы, маменька. Какъ ваше здоровье?

АННА СЕМЕНОВНА (*садясь на диванъ*).

Я здорова, слава Богу. (*Вздыхаетъ.*) Я здорова. (*Вздыхаетъ еще громче.*) Слава Богу. (*Видя, что Ислаевъ не слушаетъ ея, взыдаетъ очень сильно, съ легкимъ стономъ.*)

ИСЛАЕВЪ.

Вы вздыхаете.... Чтò съ вами?

АННА СЕМЕНОВНА (*опять вздыхаетъ, но уже легче*).

Ахъ Аркаша, какъ будто ты не знаешь, о чемъ я вздыхаю!

ИСЛАЕВЪ.

Чтò вы хотите сказать?

АННА СЕМЕНОВНА (*помолчавъ*).

Я мать твоя, Аркаша. Конечно, ты человѣкъ уже взрослый, съ разсудкомъ; но все же — я твоя мать. — Великое слово мать!

ИСЛАЕВЪ.

Объяснитесь, пожалуйста.

АННА СЕМЕНОВНА.

Ты знаешь, на чтò я намекаю, другъ мой. Твоя жена, Наташа; конечно, она прекрасная женщина — и поведеніе ея до сихъ поръ было самое примѣрное.... но она еще такъ молода, Аркаша! А молодость....

ИСЛАЕВЪ.

Я понимаю, чтò вы хотите сказать.... Вамъ кажется, что ея отношенія съ Ракитинымъ....

АННА СЕМЕНОВНА.

Сохрани Богъ! Я вовсе не думала....

ИСЛАЕВЪ.

Вы мнѣ не дали договорить.... Вамъ кажется что ея отношенія съ Ракитинымъ не совсѣмъ... ясны. Эти таинственные разговоры, эти слезы — все это вамъ кажется страннымъ.

АННА СЕМЕНОВНА.

А что̀, Аркаша, сказалъ онъ тебѣ наконецъ, о чемъ это у нихъ были разговоры?... Мнѣ онъ ничего не сказалъ.

ИСЛАЕВЪ.

Я, маменька, его не распрашивалъ — а онъ, по видимому, не слишкомъ торопится удовлетворить мое любопытство.

АННА СЕМЕНОВНА.

Такъ чтожь ты намѣренъ теперь сдѣлать?

ИСЛАЕВЪ.

Я, маменька? Да ничего.

АННА СЕМЕНОВНА.

Ка̀къ ничего?

ИСЛАЕВЪ.

Да такъ же ничего.

АННА СЕМЕНОВНА (*вставая*).

Признаюсь, это меня удивляетъ. — Конечно, ты въ своемъ домѣ хозяинъ и лучше меня знаешь, что̀ хорошо и что̀ дурно. Однако подумай, какія послѣдствія....

ИСЛАЕВЪ.

Маменька, право, вы напрасно изволите тревожиться.

АННА СЕМЕНОВНА.

Другъ мой, вѣдь я мать.... а впрочемъ какъ знаешь. (*Помолчавъ.*) Я признаюсь, пришла-было къ тебѣ съ намѣреніемъ предложить свое посредничество....

ИСЛАЕВЪ (*съ живостью*).

Нѣтъ, ужь на этотъ счетъ я долженъ просить васъ, маменька, не безпокоиться.... Сдѣлайте одолженіе!

АННА СЕМЕНОВНА.

Какъ хочешь, Аркаша, какъ хочешь. — Я впередъ уже ни слова̀ не скажу. Я тебя предупредила, долгъ исполнила — а теперь—какъ воды въ ротъ набрала. (*Небольшое молчаніе.*)

ИСЛАЕВЪ.

Вы сегодня никуда не выѣзжаете?

АННА СЕМЕНОВНА.

А только я должна предупредить тебя: ты слишкомъ до-

вѣрчивъ, дружокъ мой; обо всѣхъ по себѣ судишь! Повѣрь мнѣ: настоящіе друзья слишкомъ рѣдки въ наше время!

ИСЛАЕВЪ (*съ нетерпѣніемъ*).

Маменька....

АННА СЕМЕНОВНА.

Ну — молчу, молчу! Да и гдѣ мнѣ старухѣ? Чай, изъ ума выжила! — И воспитана я была въ другихъ правилахъ — и сама старалась тебѣ внушить... Ну, ну, занимайся, я мѣшать не буду.... Я уйду. (*Идетъ къ двери и останавливается.*) Стало-быть?. . Ну какъ знаешь, какъ знаешь! (*Уходитъ.*)

ИСЛАЕВЪ (*глядя ей въ слѣдъ.*)

Что̀ за охота людямъ, которые дѣйствительно васъ любятъ, класть поочередно всѣ свои пальцы въ вашу рану? И вѣдь они убѣждены въ томъ, что отъ этого вамъ легче — вотъ что забавно! — Впрочемъ, я матушку не виню: ея намѣренія точно самыя лучшія — да и какъ не подать совѣта? — Но дѣло не въ томъ.... (*Садясь.*) Какъ мнѣ поступить? (*Подумавъ, встаетъ.*) Э! чѣмъ проще, тѣмъ лучше! — Дипломатическія тонкости ко мнѣ не идутъ.... Я первый въ нихъ запутаюсь. (*Звонитъ. Входитъ Матвѣй.*) Михайло Александровичъ дома — не знаешь?

МАТВѢЙ.

Дома-съ. Я ихъ сейчасъ въ биліардной видѣлъ.

ИСЛАЕВЪ.

А! Ну такъ попроси его ко мнѣ.

МАТВѢЙ.

Слушаю-съ. (*Уходитъ.*)

ИСЛАЕВЪ (*ходя взадъ и впередъ*).

Не привыкъ я къ подобнымъ передрягамъ.... Надѣюсь что онѣ не будутъ часто повторяться.... Я хоть и крѣпкаго сложенія — а этого не вынесу. (*Кладетъ руку на грудь.*) Фу!... (*Изъ залы входитъ Ракитинъ, смущенный.*)

РАКИТИНЪ.

Ты меня звалъ?

ИСЛАЕВЪ.

Да.... (*Помолчавъ.*) Michel, вѣдь ты у меня въ долгу.

РАКИТИНЪ.

Я?

ИСЛАЕВЪ.

А какъ же? Ты развѣ забылъ свое обѣщаніе? На счетъ.... Наташиныхъ слезъ.... и вообще.... Вотъ какъ мы васъ съ матушкой застали, помнишь—ты мнѣ сказалъ, что между вами есть тайна, которую ты хотѣлъ объяснить?

РАКИТИНЪ.

Я сказалъ: тайна?

ИСЛАЕВЪ.

Сказалъ.

РАКИТИНЪ.

Да какая же у насъ можетъ быть тайна? — Былъ у насъ разговоръ.

ИСЛАЕВЪ.

О чемъ? — И отчего она плакала?

РАКИТИНЪ.

Ты знаешь, Аркадій.... попадаются такія минуты въ жизни женщины.... самой счастливой....

ИСЛАЕВЪ.

Ракитинъ, постой, этакъ нельзя. — Я не могу видѣть тебя въ такомъ положеніи.... Твое замѣшательство меня тяготитъ больше, чѣмъ тебя самого. (*Беретъ его за руку.*) Мы вѣдь старыя друзья — ты меня съ дѣтства знаешь: хитрить я не умѣю — да и ты былъ всегда со мной откровененъ. Позволь мнѣ предложить тебѣ одинъ вопросъ... Даю напередъ честное слово, что въ искренности твоего отвѣта сомнѣваться не буду. Ты вѣдь любишь мою жену? (*Ракитинъ взглядываетъ на Ислаева.*) Ты меня понимаешь, любишь ли ты её такъ.... Ну словомъ, любишь ли ты мою жену такой любовью, въ которой мужу сознаться.... трудно?

РАКИТИНЪ (*помолчавъ, глухимъ голосомъ*).

Да — я люблю твою жену.... такой любовью.

ИСЛАЕВЪ (*тоже помолчавъ*).

Мишель, спасибо за откровенность. Ты благородный человѣкъ. — Ну однако, чтожь теперь дѣлать? Сядь, обсудимъ-ка

это дѣло вдвоемъ. (*Ракитинъ садится. Ислаевъ ходитъ по комнатѣ.*) Я Наташу знаю; я знаю ей цѣну.... Но и себѣ я цѣну знаю. Я тебя не стòю, Michel.... не перебивай меня пожалуйста — я тебя не стòю. Ты умнѣе, лучше, наконецъ пріятнѣе меня. Я простой человѣкъ. Наташа меня любитъ — я думаю; но у ней есть глаза.... ну словомъ, ты долженъ ей нравиться. И вотъ что я тебѣ еще скажу: я давно замѣчалъ ваше взаимное расположеніе.... Но я въ обоихъ васъ всегда былъ увѣренъ — и пока ничего не выходило наружу.... Эхъ! говорить-то я не умѣю! (*Останавливается.*) Но послѣ вчерашней сцены, послѣ вашего вторичнаго свиданія вечеромъ — какъ тутъ быть! И хоть бы я одинъ васъ засталъ — а тутъ замѣшались свидѣтели; маменька, этотъ плутъ Шпигельскій.... Ну, что ты скажешь, Michel — а?

РАКИТИНЪ.

Ты совершенно правъ, Аркадій.

ИСЛАЕВЪ.

Не въ томъ вопросъ.... а чтò дѣлать? Я долженъ тебѣ сказать, Michel, что хоть я и простой человѣкъ — а на столько понимаю, что чужую жизнь заѣдать не годится — и что бываютъ случаи, когда на своихъ правахъ настàивать грѣшно. Это я, братъ, не изъ книгъ вычиталъ.... совѣсть говоритъ. Дать волю.... ну чтожъ? дать волю! — Только это обдумать надо. Это слишкомъ важно.

РАКИТИНЪ (*вставая*).

Да ужь я все обдумалъ.

ИСЛАЕВЪ.

Кàкъ?

РАКИТИНЪ.

Я долженъ уѣхать.... я уѣзжаю.

ИСЛАЕВЪ (*помолчавъ*).

Ты полагаешь?... Совсѣмъ отсюда вонъ?

РАКИТИНЪ.

Да.

ИСЛАЕВЪ (*опять начинаетъ ходить взадъ и впередъ*).

Это.... это ты какое слово сказалъ! А, можетъ быть, ты

правъ. Тяжело намъ будетъ безъ тебя... Богъ вѣдаетъ, можетъ, это и къ цѣли не приведетъ.... Но тебѣ виднѣй, тебѣ лучше знать. Я полагаю, это ты придумалъ вѣрно. Ты мнѣ опасенъ, братъ.... (*Съ грустной улыбкой.*) Да... ты мнѣ опасенъ. Вотъ я сей часъ что сказалъ..... на счетъ воли-то.... А вѣдь пожалуй, я бы не пережилъ! Мнѣ безъ Наташи быть.... (*Махаетъ рукой.*) И вотъ что, братъ, еще: съ нѣкоторыхъ поръ, особенно въ эти послѣдніе дни я вижу въ ней большую перемѣну. Въ ней проявилось какое-то глубокое, постоянное волненіе, которое меня пугаетъ. Неправда ли, я не ошибаюсь?

РАКИТИНЪ (*горько*).

О нѣтъ, ты не ошибаешься!

ИСЛАЕВЪ.

Ну вотъ видишь! Стало-быть, ты уѣзжаешь?

РАКИТИНЪ.

Да.

ИСЛАЕВЪ.

Гмъ. И какъ это вдругъ стряслось! И нужно же тебѣ было такъ смѣшаться, когда мы съ матушкой застали васъ....

МАТВѢЙ (*входя*).

Староста пришолъ-съ.

ИСЛАЕВЪ.

Пусть подождетъ! (*Матвѣй уходитъ.*) Michel, однако ты не на долго уѣзжаешь? Ужь это, братъ пустяки!

РАКИТИНЪ.

Не знаю, право.... Я думаю.... на долго.

ИСЛАЕВЪ.

Да ты меня ужь не принимаешь ли за Оттелло, за какого-нибудь? Право, съ тѣхъ поръ какъ свѣтъ стоитъ, я думаю, такого разговора не было между двумя друзьями! Не могу же я такъ съ тобой разстаться....

РАКИТИНЪ (*пожимая ему руку*).

Ты меня увѣдомишь, когда мнѣ можно будетъ воротиться.

ИСЛАЕВЪ.

Вѣдь тебя здѣсь замѣнить некому! Не Большинцовъ же въ самомъ дѣлѣ!

РАКИТИНЪ.

Тутъ есть другіе....

ИСЛАЕВЪ.

Кто̀? Криницынъ? Фатъ этотъ? Бѣляевъ конечно добрый малый.... но вѣдь ему до тебя какъ до звѣзды небесной!

РАКИТИНЪ (*язвительно*).

Ты думаешь? Ты его не знаешь, Аркадій.... Ты обрати на него вниманіе.... Совѣтую тебѣ.... Слышишь? Онъ очень.... очень замѣчательный человѣкъ!

ИСЛАЕВЪ.

Ба! То-то вы все съ Наташей хотѣли его воспитаньемъ заняться! (*Глянувъ въ дверь.*) А! да вотъ и онъ кажется сюда идетъ.... (*Поспѣшно.*) Итакъ, милый мой, это рѣшено — ты уѣзжаешь... на короткое время... на этихъ дняхъ... Спѣшить нѐ къ чему — нужно Наташу приготовить.... Маменьку я успокою... И дай Богъ тебѣ счастья! Камень у меня ты снялъ съ сердца.... Обними меня, душа моя! (*Торопливо его обнимаетъ и оборачивается ко входящему Бѣляеву.*) А.... это вы! Ну.... ну, какъ можете?

БѢЛЯЕВЪ.

Слава Богу, Аркадій Сергѣичъ.

ИСЛАЕВЪ.

А что̀, Коля гдѣ?

БѢЛЯЕВЪ.

Онъ съ господиномъ Шаафомъ.

ИСЛАЕВЪ.

А... прекрасно! (*Беретъ шляпу.*) Ну, господа, однако прощайте. Я еще нигдѣ не былъ сегодня — ни на плотинѣ, ни на постройкѣ.... Вотъ и бумаги не просмотрѣлъ. (*Схватываетъ ихъ подъ мышку.*) До свиданья! Матвѣй! Матвѣй! ступай со мной! (*Уходитъ. Ракитинъ остается въ задумчивости на аванъ-сценѣ.*)

БѢЛЯЕВЪ (*подходя къ Ракитину*).

Какъ вы сегодня себя чувствуете, Михайла Александрычъ?

РАКИТИНЪ.

Благодарствуйте. По обыкновенному. А вы какъ?

БѢЛЯЕВЪ.

Я здоровъ.

РАКИТИНЪ.

Это видно!

БѢЛЯЕВЪ.

А что?

РАКИТИНЪ.

Да такъ.... по вашему лицу.... Э! да вы новый сюртукъ сегодня надѣли.... И что я вижу! цвѣтокъ въ петлицѣ. (*Бѣляевъ, краснѣя, вырываетъ его.*) Да зачѣмъ же... зачѣмъ, помилуйте.... Это очень мило.... (*Помолчавъ.*) Кстати, Алексѣй Николаичъ, если вамъ что-нибудь нужно.... Я завтра ѣду въ городъ.

БѢЛЯЕВЪ.

Завтра?

РАКИТИНЪ.

Да.... а оттуда, можетъ быть, въ Москву.

БѢЛЯЕВЪ (*съ удивленіемъ*).

Въ Москву? Да вы, кажется, еще вчера мнѣ говорили, что намѣрены пробыть здѣсь съ мѣсяцъ....

РАКИТИНЪ.

Да.... но дѣла.... обстоятельство вышло такое....

БѢЛЯЕВЪ.

И на долго вы уѣзжаете?

РАКИТИНЪ.

Не знаю.... можетъ быть, на долго.

БѢЛЯЕВЪ.

Позвольте узнать — Натальѣ Петровнѣ извѣстно ваше намѣреніе?

РАКИТИНЪ.

Нѣтъ; почему вы спрашиваете меня именно о ней?

БѢЛЯЕВЪ.

Я? (*Нѣсколько смущенный.*) Такъ.

РАКИТИНЪ (помолчавъ и оглянувшись кругомъ).

Алексѣй Николаичъ, кажется. кромѣ насъ, никого нѣтъ въ комнатѣ, не странно ли, что мы другъ передъ другомъ комедію разыгрываемъ, а? какъ вы думаете?

БѢЛЯЕВЪ.

Я васъ не понимаю, Михайло Александрычъ.

РАКИТИНЪ.

Въ самомъ дѣлѣ? Вы точно не понимаете, зачѣмъ я уѣзжаю?

БѢЛЯЕВЪ.

Нѣтъ.

РАКИТИНЪ.

Это странно.... Впрочемъ, я готовъ вамъ вѣрить. Можетъ быть, вы дѣйствительно не знаете причины... Хотите, я вамъ скажу, зачѣмъ я уѣзжаю?

БѢЛЯЕВЪ.

Сдѣлайте одолженіе.

РАКИТИНЪ.

Вотъ видите ли, Алексѣй Николаичъ — впрочемъ, я надѣюсь на вашу скромность — вы сейчасъ застали меня съ Аркадіемъ Сергѣичемъ.... У насъ съ нимъ былъ довольно важный разговоръ. Вслѣдствіе именно этого разговора я рѣшился уѣхать. И знаете ли — почему? Я вамъ все это говорю, потому что считаю васъ за благороднаго человѣка.... Ему вообразилось что я... ну да, что я люблю Наталью Петровну. Какъ вамъ это кажется, а? Не правда ли, какая странная мысль? Но я зато благодаренъ ему, что онъ не сталъ хитрить, наблюдать за нами, что ли, а просто и прямо обратился ко мнѣ. Ну теперь, скажите, что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ? Конечно, его подозрѣнія не имѣютъ никакого основанія, но они его тревожатъ.... Для покоя друзей порядочный человѣкъ долженъ умѣть иногда пожертвовать... своимъ удовольствіемъ. Вотъ отъ этого-то я и уѣзжаю.... Я увѣренъ, вы одобрите мое рѣшеніе, не правда ли? Не правда ли, вы.... вы бы точно также поступили на моемъ мѣстѣ? Вы бы тоже уѣхали?

БѢЛЯЕВЪ (*помолчавъ*).

Можетъ быть.

РАКИТИНЪ.

Мнѣ очень пріятно это слышать... Конечно, я не спорю, въ моемъ намѣреніи удалиться есть сторона смѣшная, я словно самъ почитаю себя опаснымъ; но, видите ли, Алексѣй Николаичъ, честь женщины такая важная вещь.... И притомъ — я, разумѣется, это говорю не про Наталью Петровну — но я знавалъ женщинъ чистыхъ и невинныхъ сердцемъ, настоящихъ дѣтей при всемъ умѣ, которыя, именно вслѣдствіе этой чистоты и невинности, болѣе другихъ способны были отдаться внезапному увлеченью.... А потому, кто знаетъ? Лишняя осторожность въ такихъ случаяхъ не мѣшаетъ, тѣмъ болѣе, что... Кстати, Алексѣй Николаичъ, вы, можетъ быть, еще воображаете, что любовь высшее благо на землѣ?

БѢЛЯЕВЪ (*холодно*).

Я этого еще не испыталъ, но я думаю, что быть любимымъ женщиной, которую любишь, великое счатье.

РАКИТИНЪ.

Дай вамъ Богъ долго сохранить такія пріятныя убѣжденія! По моему, Алексѣй Николаичъ, всякая любовь, счастливая равно какъ и несчастная, настоящее бѣдствіе, когда ей отдаешься весь.... Погодите! вы можетъ быть, еще узнаете, какъ эти нѣжныя ручки умѣютъ пытать, съ какой ласковой заботливостью онѣ по частичкамъ раздираютъ сердце.... Погодите! вы узнаете, сколько жгучей ненависти таится подъ самой пламенной любовью! Вы вспомните обо мнѣ, когда, какъ больной жаждетъ здоровья, вы будете жаждать покоя, самаго безсмысленнаго, самаго пошлаго покоя, когда вы будете завидовать всякому человѣку беззаботному и свободному.... Погодите! Вы узнаете, что̀ значитъ принадлежать юпкѣ, что̀ значитъ быть порабощеннымъ, зараженнымъ — и какъ постыдно и томительно это рабство!... Вы узнаете наконецъ, какіе пустячки покупаются такою дорогою цѣною.... Но къ чему я это все говорю вамъ, вы мнѣ не повѣрите теперь. Дѣло въ томъ, что мнѣ очень пріятно ваше одобреніе.... да, да.... въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ быть осторожнымъ.

БѢЛЯЕВЪ (*который все время не спускалъ глазъ съ Ракитина.*)

Спасибо за урокъ, Михайло Александрычъ, хотя я въ немъ и не нуждался.

РАКИТИНЪ (*беретъ его за руку*).

Вы извините меня, пожалуйста, я не имѣлъ намѣренія.... не мнѣ давать уроки кому бы то ни было.. . Я только такъ разговорился....

БѢЛЯЕВЪ (*съ легкой ироніей*).

Безо всякаго повода?

РАКИТИНЪ (*немного смѣшавшись*).

Именно, безъ всякаго особеннаго повода. Я хотѣлъ только... Вы до сихъ поръ, Алексѣй Николаичъ, не имѣли случая изучить женщинъ. Женщины — это очень своенравный народъ.

БѢЛЯЕВЪ.

Да вы о комъ говорите?

РАКИТИНЪ.

Такъ.... ни о комъ въ особенности.

БѢЛЯЕВЪ.

О всѣхъ вообще, не правда ли?

РАКИТИНЪ (*принужденно улыбаясь*).

Да, можетъ быть. Я, право, не знаю, съ какой стати я попалъ въ этотъ наставническій тонъ, но ужь позвольте мнѣ на прощаньи дать вамъ одинъ добрый совѣтъ. (*Останавливаясь и махнувъ рукой.*) Э! да впрочемъ, что я за совѣтчикъ! Извините, пожалуйста, мою болтовню....

БѢЛЯЕВЪ.

Напротивъ, напротивъ....

РАКИТИНЪ.

Итакъ, вамъ ничего не нужно изъ города?

БѢЛЯЕВЪ.

Ничего, спасибо. Но мнѣ жаль, что вы уѣзжаете.

РАКИТИНЪ.

Порноко васъ благодарю.... Повѣрьте, что и мнѣ тоже....

(*Изъ двери кабинета выходятъ Наталья Петровна и Вѣра. Вѣра очень печальна и блѣдна.*) Я очень былъ радъ съ вами познакомиться.... (*Опять жметъ ему руку.*)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*глядитъ нѣкоторое время на обоихъ и подходитъ къ нимъ.*)

Здравствуйте, господа....

РАКИТИНЪ (*быстро оборачиваясь*).

Здравствуйте, Наталья Петровна.... здравствуйте, Вѣра Александровна.... (*Бѣляевъ молча кланяется Натальѣ Петровнѣ и Вѣрѣ. Онъ смущенъ.*)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*Ракитину*).

Что вы дѣлаете хорошаго?

РАКИТИНЪ.

Да ничего....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А мы ужь съ Вѣрой гуляли по саду.... Сегодня такъ хорошо на воздухѣ... Липы такъ сладко пахнутъ. Мы все подъ липами гуляли... Пріятно слушать въ тѣни жужжаніе пчелъ надъ головой.... (*Робко Бѣляеву.*) Мы надѣялись васъ тамъ встрѣтить. (*Бѣляевъ молчитъ.*)

РАКИТИНЪ (*Натальѣ Петровнѣ*).

А! и вы сегодня обращаете вниманіе на красоты природы.... (*Помолчавъ.*) Алексѣю Николаичу нельзя было идти въ садъ.... Онъ сегодня новый сюртукъ надѣлъ....

БѢЛЯЕВЪ (*слегка вспыхнувъ*).

Конечно, вѣдь онъ у меня только одинъ, а въ саду, пожалуй, изорвать его можно... Вѣдь вы вотъ что хотите сказать?

РАКИТИНЪ (*покраснѣвъ*).

О, нѣтъ.... я совсѣмъ не то.... (*Вѣра идетъ молча къ дивану направо, садится и принимается за работу. Наталья Петровна принужденно улыбается Бѣляеву. Небольшое, довольно тягостное молчаніе. Ракитинъ продолжаетъ съ язвительной небрежностью.*) Ахъ, да, я и забылъ вамъ сказать, Наталья Петровна, я сегодня уѣзжаю....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*съ нѣкоторымъ волненіемъ*).

Вы уѣзжаете? Куда?

РАКИТИНЪ.

Въ городъ.... По дѣламъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Я надѣюсь, не надолго?

РАКИТИНЪ.

Какъ дѣла пойдутъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Смотрите же, возвращайтесь скорѣй. (*Къ Бѣляеву, не глядя на него.*) Алексѣй Николаичъ, это ваши рисунки мнѣ Коля показывалъ? Это вы рисовали?

БѢЛЯЕВЪ.

Да-съ.... я.... бездѣлицы....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Напротивъ, это очень мило. У васъ талантъ.

РАКИТИНЪ.

Я вижу, вы въ господинѣ Бѣляевѣ съ каждымъ днемъ открываете новыя достоинства.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*холодно*).

Можетъ быть.... Тѣмъ лучше для него. (*Бѣляеву.*) У васъ, вѣроятно, есть другіе рисунки, вы мнѣ ихъ покажете. (*Бѣляевъ кланяется.*)

РАКИТИНЪ (*который все время стоитъ какъ на иглахъ*).

Однако, я вспомнилъ, что мнѣ пора укладываться.... До свиданья. (*Идетъ къ дверямъ залы.*)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*ему вслѣдъ*).

Да вы еще проститесь съ нами....

РАКИТИНЪ.

Конечно.

БѢЛЯЕВЪ (*послѣ нѣкоторой нерѣшительности*).

Михайло Александрычъ, погодите, я съ вами пойду. Мнѣ нужно сказать вамъ два слова....

РАКИТИНЪ.

А! (*Оба уходятъ въ залу. Наталья Петровна остается посреди сцены; погодя немного, она садится налѣво.*)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*послѣ нѣкотораго молчанія*).

Вѣра!

ВѢРА (*не поднимая головы*).

Что вамъ угодно?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вѣра, ради Бога, не будьте такъ со мной.... ради Бога, Вѣра.... Вѣрочка.... (*Вѣра ничего не говоритъ. Наталья Петровна встаетъ, идетъ черезъ всю сцену, и тихо становится передъ ней на колѣни. Вѣра хочетъ поднять ее, отворачивается и закрываетъ лицо. Наталья Петровна говоритъ на колѣняхъ.*) Вѣра, прости меня; не плачь, Вѣра. Я виновата передъ тобою, я виновата. Неужели ты не можешь простить меня?

ВѢРА (*сквозь слезы*).

Встаньте, встаньте....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Я не встану, Вѣра, пока ты не простишь меня. Тебѣ тяжело.... но вспомни, развѣ мнѣ легче.... вспомни, Вѣра.... Вѣдь ты все знаешь.... Между нами только та разница, что ты передо мной ни въ чемъ не виновата, а я....

ВѢРА (*горько*).

Только та разница! Нѣтъ, Наталья Петровна, между нами другая есть разница.... Вы сегодня такъ мягки, такъ добры, такъ ласковы....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*перебивая ее*).

Потому что я чувствую свою вину....

ВѢРА.

Въ самомъ дѣлѣ? Только по этому....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*встаетъ и садится подлѣ нея*).

Да какая же можетъ быть другая причина....

ВѢРА.

Наталья Петровна, не мучьте меня больше, не распрашивайте меня....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*вздохнувъ*).

Вѣра, ты, я вижу, не можешь меня простить.

ВѢРА.

Вы сегодня такъ добры и такъ мягки, потому что вы чувствуете себя любимой.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*въ смущеніи*).

Вѣра!

ВѢРА (*оборачиваясь къ ней*).

Чтожъ, развѣ это не правда?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*печально*).

Повѣрь мнѣ, мы обѣ съ тобой равно несчастны.

ВѢРА.

Онъ васъ любитъ!

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вѣра, что намъ за охота другъ друга мучить? Пора намъ обѣимъ опомниться. Вспомни, въ какомъ я положеніи, въ какомъ мы положеніи обѣ. Вспомни, что объ нашей тайнѣ, по моей винѣ конечно, знаютъ уже здѣсь два человѣка... (*Останавливается.*) Вѣра, вмѣсто того, чтобы терзать другъ друга подозрѣніями и упреками, не лучше ли намъ вдвоемъ подумать о томъ, какъ бы выйдти изъ этого тяжелаго положенія.... какъ бы спастись! Или ты думаешь, что я могу выносить эти волненья, эти тревоги. Или ты забыла, кто я? Но ты меня не слушаешь.

ВѢРА (*задумчиво глядя на полъ*).

Онъ васъ любитъ....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вѣра, онъ уѣдетъ.

ВѢРА (*оборачиваясь*).

Ахъ, оставьте меня.... (*Наталья Петровна глядитъ на нее съ нерѣшительностью. Въ это мгновеніе въ кабинетѣ раздается голосъ Ислаева: «Наташа, а Наташа, гдѣ ты?»*)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*быстро встаетъ и подходитъ къ двери кабинета*).

Я здѣсь.... Что тебѣ?

ГОЛОСЪ ИСЛАЕВА.

Поди-ка сюда, мнѣ нужно тебѣ что-то сказать...

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Сейчасъ. (*Она возвращается къ Вѣрѣ, протягиваетъ ей руку. Вѣра не шевелится. Наталья Петровна вздыхаетъ и уходитъ въ кабинетъ.*)

ВѢРА (*одна, послѣ молчанья.*)

Онъ ее любитъ!... И я должна остаться у ней въ домѣ.... О! это слишкомъ.... (*Она закрываетъ лицо руками и остается неподвижной. Изъ двери, ведущей въ залу, показывается голова Шпигельскаго. Онъ осторожно оглядывается и подходитъ на цыпочкахъ къ Вѣрѣ, которая его не замѣчаетъ.*)

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*постоявъ передъ ней, скрестя руки и съ язвительной улыбкой на лицѣ*).

Вѣра Александровна!... А Вѣра Александровна....

ВѢРА (*поднявъ голову*).

Кто это? Вы, докторъ....

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Что вы, моя барышня, не здоровы, что ли?

ВѢРА.

Нѣтъ, ничего.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Дайте-ка пощупать пульсъ. (*Щупаетъ у ней пульсъ.*) Гмъ. Что такъ скоро? Ахъ, вы, барышня моя, барышня... Не слушаетесь вы меня.... А ужь, кажется, я на что вамъ добра желаю.

ВѢРА (*рѣшительно взглянувъ на него*).

Игнатій Ильичъ....

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*проворно*).

Слушаю, Вѣра Александровна.... Что за взглядъ, помилуйте.... Слушаю.

ВѢРА.

Этотъ господинъ.... Большинцовъ, вашъ знакомый, точно хорошій человѣкъ?

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Мой пріятель Большинцовъ? Отличнѣйшій, честнѣйшій человѣкъ.... образецъ и примѣръ добродѣтели.

ВѢРА.

Онъ не злой?

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Добрѣйшій, помилуйте. Это не человѣкъ, это тѣсто, поми-

луйте. Только стòитъ взять да лѣпить. Такого добряка другаго на свѣтѣ днемъ съ огнемъ не найдти. Голубь, а не человѣкъ.

ВѢРА.

Вы за него ручаетесь?

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*кладетъ одну руку на сердце, а другую поднимаетъ кверху*).

Какъ за самого себя!

ВѢРА.

Въ такомъ случаѣ, вы можете ему сказать.... что я готова за него замужъ выйдти.

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*съ радостнымъ изумленіемъ*).

Ой ли?

ВѢРА

Только какъ можно скорѣе — слышите? — какъ можно скорѣе....

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Завтра, если хотите.... Еще бы! Ай да Вѣра Александровна! Молодецъ барышня! Я сейчасъ же къ нему поскачу. То-то я его обрадую.... Вотъ какое неожиданное вышло обстоятельство! Вѣдь онъ въ васъ души не чаетъ, Вѣра Александровна....

ВѢРА (*съ нетерпѣніемъ*).

Я у васъ этого не спрашиваю, Игнатій Ильичъ.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Какъ знаете, Вѣра Александровна; какъ знаете. А только вы будете съ нимъ счастливы, вы будете меня благодарить, увидите.... (*Вѣра дѣлаетъ опять нетерпѣливое движеніе.*) Ну, я молчу, я молчу.... Стало быть я могу ему сказать....

ВѢРА.

Можете, можете....

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Очень хорошо-съ. Такъ я сейчасъ отправляюсь. До свиданья. (*Прислушиваясь.*) Кстати же кто-то сюда идетъ. (*Идетъ въ кабинетъ и на порогѣ дѣлаетъ про себя изумленную гримасу.*) До свиданья. (*Уходитъ.*)

ВѢРА (*глядя ему вслѣдъ*).

Все на свѣтѣ скорѣй, чѣмъ здѣсь остаться.... (*Встаетъ.*) Да; я рѣшилась. Я не останусь въ этомъ домѣ.... ни за что. Я не могу сносить ея кроткаго взора, ея улыбки, я не могу видѣть, какъ она вся отдыхаетъ, вся нѣжится въ своемъ счастіи.... Вѣдь она счастлива, какъ она тамъ ни прикидывайся грустной и печальной.... Ея ласки мнѣ нестерпимы.... (*Изъ двери залы показывается Бѣляевъ. Онъ осматривается и подходитъ къ Вѣрѣ.*)

БѢЛЯЕВЪ (*въ полголоса*).

Вѣра Александровна, вы однѣ?

ВѢРА (*оглядывается, вздрагиваетъ и, помолчавъ немного, произноситъ:*)

Да.

БѢЛЯЕВЪ.

Я радъ, что вы однѣ.... А то я не вошолъ бы сюда. Вѣра Александровна, я пришелъ проститься съ вами.

ВѢРА.

Проститься?

БѢЛЯЕВЪ.

Да, я уѣзжаю.

ВѢРА.

Вы уѣзжаете? И вы уѣзжаете?

БѢЛЯЕВЪ.

Да.... и я. (*Съ сильнымъ внутреннимъ волненіемъ.*) Вотъ видите ли, Вѣра Александровна, мнѣ нельзя здѣсь остаться. Мое присутствіе ужь и такъ здѣсь надѣлало много бѣдъ. Кромѣ того, что я, самъ не знаю какъ, возмутилъ ваше спокойствіе и спокойствіе Натальи Петровны, я еще нарушилъ старинныя, дружескія связи. По моей милости г. Ракитинъ уѣзжаетъ отсюда, вы разсорились съ вашей благодѣтельницей.... Пора прекратить все это. Послѣ моего отъѣзда все, я надѣюсь, опять успокоится и придетъ въ порядокъ.... Кружить голову богатымъ барынямъ и молодымъ дѣвушкамъ не мое дѣло.... Вы обо мнѣ позабудете и, можетъ быть, со временемъ станете удивляться, какъ это все могло случиться.... Меня даже теперь это удивляетъ.... Я не хочу васъ обманы-

вать, Вѣра Александровна: мнѣ страшно, мнѣ жутко здѣсь остаться.... Я не могу ни за что отвѣчать.... Я, знаете ли, не привыкъ ко всему этому. Мнѣ неловко.... мнѣ такъ и кажется, что всѣ глядятъ на меня.... Да и наконецъ мнѣ невозможно будетъ.... теперь.... съ вами обѣими....

ВѢРА.

О на мой счетъ не безпокойтесь! Я не долго останусь здѣсь.

БѢЛЯЕВЪ.

Какъ?

ВѢРА.

Это моя тайна. Но я вамъ не буду мѣшать, повѣрьте.

БѢЛЯЕВЪ.

Ну, вотъ видите, какже мнѣ не уѣхать? Посудите сами. Я словно чуму занесъ въ этотъ домъ: всѣ бѣгутъ отсюда.... Не лучше ли мнѣ одному исчезнуть, пока еще есть время? Я сейчасъ имѣлъ большой разговоръ съ г. Ракитинымъ.... Вы не можете вообразить, сколько было горечи въ его словахъ.... А онъ подѣломъ подтрунилъ надъ моимъ новымъ сюртукомъ.... Онъ правъ. Да; я долженъ уѣхать. Повѣрите ли, Вѣра Александровна, я не дождусь той минуты, когда я буду скакать въ телѣгѣ по большой дорогѣ.... Мнѣ душно здѣсь, мнѣ хочется на воздухъ. Мнѣ мочи нѣтъ какъ горько и въ тоже время легко, словно человѣку, который отправляется въ далекое путешествіе, за море: ему тошно разставаться съ друзьями, ему жутко, а между тѣмъ море такъ весело шумитъ, вѣтеръ такъ свѣжо дуетъ ему въ лицо, что кровь невольно играетъ въ его жилахъ, какъ сердце въ немъ ни тяжело.... Да, я рѣшительно уѣзжаю. Вернусь въ Москву, къ своимъ товарищамъ, стану работать....

ВѢРА.

Вы, стало быть, ее любите, Алексѣй Николаичъ; вы ее любите, а между тѣмъ вы уѣзжаете.

БѢЛЯЕВЪ.

Полноте, Вѣра Александровна, къ чему это? Развѣ вы не видите, что все кончено. Все. Вспыхнуло и погасло какъ искра. Разстанемьтесь друзьями. Пора. Я опомнился. Будьте

здоровы, будьте счастливы, мы когда нибудь увидимся.... Я васъ никогда не забуду, Вѣра Александровна... Я васъ очень полюбилъ, повѣрьте.... (*Жметъ ей руку и прибавляетъ поспѣшно.*) Отдайте отъ меня эту записку Натальѣ Петровнѣ...

ВѢРА (*съ смущеніемъ взглянувъ на него*).

Записку?

БѢЛЯЕВЪ.

Да.... я не могу съ ней проститься.

ВѢРА.

Да развѣ вы сейчасъ уѣзжаете?

БѢЛЯЕВЪ.

Сейчасъ.... Я никому ничего не сказалъ объ этомъ.... исключая одного Михайла Александрыча. Онъ одобряетъ меня. Я отправляюсь отсюда сейчасъ пѣшкомъ до Петровскаго. Въ Петровскомъ я подожду Михайла Александрыча, и мы вмѣстѣ поѣдемъ въ городъ. Изъ города я напишу. Мои вещи мнѣ вышлютъ. Вы видите, все уже слажено.... Впрочемъ, вы можете прочесть эту записку. Въ ней всего два слова.

ВѢРА (*принимая отъ него записку*).

И точно, вы уѣзжаете?...

БѢЛЯЕВЪ.

Да, да... Отдайте ей эту записку и скажите... Нѣтъ, не говорите ей ничего. Къ чему? (*Прислушиваясь.*) Сюда идутъ. Прощайте...(*Бросается къ двери, останавливается на минуту на порогѣ, и бѣжитъ вонъ. Вѣра остается съ запиской въ рукѣ. Изъ гостиной выходитъ Наталья Петровна.*)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*подходя къ Вѣрѣ*).

Вѣрочка.... (*Взглядываетъ на нее и останавливается.*) Что съ тобой? (*Вѣра молча протягиваетъ ей записку.*) Записка?... отъ кого?

ВѢРА (*глухо*).

Прочтите.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ты меня пугаешь. (*Читаетъ про себя записку, и вдругъ прижимаетъ обѣ руки къ лицу и падаетъ на кресло. Долгое молчаніе.*)

ВѢРА (*приближаясь къ ней*).

Наталья Петровна....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*не отнимая рукъ отъ лица*).

Онъ уѣзжаетъ!... Онъ даже не хотѣлъ проститься со мной... О! съ вами онъ по крайней мѣрѣ простился!

ВѢРА (*печально*).

Онъ меня не любилъ....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*отнимаетъ руки и встаетъ*).

Но онъ не имѣетъ права такъ уѣхать.... Я хочу... Онъ не можетъ такъ.... Кто ему позволилъ такъ глупо перервать.... Это презрѣніе наконецъ.... Я.... почему онъ знаетъ, что я бы никогда не рѣшилась.... (*Опускается въ кресло.*) Боже мой, Боже мой!...

ВѢРА.

Наталья Петровна, вы сами сейчасъ мнѣ говорили, что онъ долженъ уѣхать.... Вспомните....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вамъ хорошо теперь.... Онъ уѣзжаетъ.... Теперь мы обѣ съ вами равны.... (*Голосъ ея перерывается.*)

ВѢРА.

Наталья Петровна, вы мнѣ сейчасъ говорили... вотъ ваши собственныя слова: вмѣсто того, чтобы терзать другъ друга, не лучше ли намъ вдвоемъ подумать о томъ, какъ бы выйдти изъ этого положенія, какъ бы спастись... Мы спасены теперь.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*почти съ ненавистью отворачиваясь отъ нея*).

Ахъ....

ВѢРА.

Я понимаю васъ, Наталья Петровна.... Не безпокойтесь.... Я не долго буду тяготить васъ своимъ присутствіемъ. Намъ вмѣстѣ жить нельзя.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*хочетъ протянуть ей руку и роняетъ ее на колѣни*)

Зачѣмъ ты это говоришь, Вѣрочка.... Неужели и ты хочешь меня оставить? Да, ты права, мы спасены теперь. Все кончено.... все опять пришло въ порядокъ....

ВѢРА (*холодно*).

Не безпокойтесь, Наталья Петровна. (*Вѣра молча глядитъ на нее. Изъ кабинета выходитъ Ислаевъ.*)

ИСЛАЕВЪ (*посмотрѣвъ нѣкоторое время на Наталью Петровну. въ полголоса Вѣрѣ*).

Она развѣ знаетъ, что онъ уѣзжаетъ?

ВѢРА (*съ недоумѣньемъ*).

Да.... знаетъ.

ИСЛАЕВЪ (*про себя*).

Да зачѣмъ же это онъ такъ скоро.... (*Громко.*) Наташа.... (*Беретъ ея за руку. Она поднимаетъ голову.*) Это я, Наташа. (*Она силится улыбнуться.*) Ты нездорова, душа моя? Я бы посовѣтовалъ тебѣ прилечь, право....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Я здорова Аркадій.... Это ничего.

ИСЛАЕВЪ.

Однако ты блѣдна.... Право, послушайся меня.... Отдохни немножко.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ну пожалуй. (*Она хочетъ подняться и не можетъ.*)

ИСЛАЕВЪ (*помогая ей*).

Вотъ видишь.... (*Она опирается на его руку.*) Хочешь, я тебя провожу?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

О! я еще не такъ слаба! Пойдемъ, Вѣра. (*Направляется къ кабинету. Изъ залы входитъ Ракитинъ. Наталья Петровна останавливается.*)

РАКИТИНЪ.

Я пришолъ, Наталья Петровна....

ИСЛАЕВЪ (*перебивая его*)

А, Michel! поди-ка сюда! (*Отводитъ его въ сторону — и въ полголоса, съ досадой.*) Зачѣмъ же ты ей все сейчасъ такъ и сказалъ? Вѣдь я тебя, кажется, просилъ! Къ чему было торопиться.... Я засталъ ее здѣсь въ такомъ волненіи...

РАКИТИНЪ (*съ изумленіемъ*).

Я тебя не понимаю.

ИСЛАЕВЪ.

Ты сказалъ Наташѣ что ты уѣзжаешь....

РАКИТИНЪ.

Такъ ты полагаешь что она отъ этого пришла въ волненіе?

ИСЛАЕВЪ.

Тссс! — Она глядитъ на насъ. (*Громко.*) Ты не идешь къ себѣ, Наташа?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да.... я иду....

РАКИТИНЪ.

Прощайте, Наталья Петровна! (*Наталья берется за ручку двери — и ничего не отвѣчаетъ.*)

ИСЛАЕВЪ (*кладя руку на плечо Ракитину*).

Наташа, знаешь ли, что это одинъ изъ лучшихъ людей....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*съ внезапнымъ порывомъ*).

Да — я знаю, онъ прекрасный человѣкъ — всѣ вы прекрасные люди.... всѣ, всѣ.... и между тѣмъ... (*Она вдругъ закрываетъ лицо руками, толкаетъ дверь колѣномъ и быстро уходитъ. Вѣра уходитъ за ней. Ислаевъ садится молча у стола и опирается на локти.*)

РАКИТИНЪ (*глядитъ нѣкоторое время на него и съ горькой улыбкой пожимаетъ плечами*).

Каково мое положеніе? Славно, нечего сказать! Право, даже освѣжительно. И прощаніе-то каково, послѣ четырехъ лѣтней любви? Хорошо, очень хорошо, по дѣломъ болтуну. Да и слава Богу, все къ лучшему. Пора было прекратить эти болѣзненныя, эти чахоточныя отношенія. (*Громко Ислаеву.*) Ну, Аркадій, прощай.

ИСЛАЕВЪ (*поднимаетъ голову. У него слезы на глазахъ*).

Прощай, братъ.— А оно того.... не совсѣмъ легко. Не ожидалъ, братъ. Словно буря въ ясный день. Ну, перемелется.... мука будетъ. А все таки, спасибо, спасибо тебѣ! Ты — другъ, точно!

РАКИТИНЪ (*про себя, сквозь зубы*).

Это слишкомъ. (*Отрывисто.*) Прощай. (*Хочетъ идти въ залу.... Ему на встрѣчу вбѣгаетъ Шпигельскій.*)

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Что такое? Мнѣ сказали, Натальѣ Петровнѣ дурно....

ИСЛАЕВЪ (*вставая*).

Кто вамъ сказалъ?

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Дѣвушка.... горничная....

ИСЛАЕВЪ.

Нѣтъ, это ничего, докторъ. Я думаю, лучше — Наташу не безпокоить теперь....

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

А ну и прекрасно! (*Ракитину.*) Вы говорятъ, въ городъ уѣзжаете?...

РАКИТИНЪ.

Да; по дѣламъ.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

А! по дѣламъ!... (*Въ это мгновеніе изъ залы врываются разомъ Анна Семеновна, Лизавета Богдановна, Коля и Шаафъ.*)

АННА СЕМЕНОВНА.

Что такое? что такое? что съ Наташей?

КОЛЯ.

Чтò съ мамашей? Что съ ней?

ИСЛАЕВЪ.

Ничего съ ней.... Я сейчасъ ее видѣлъ.... Что съ вами?

АННА СЕМЕНОВНА.

Да помилуй, Аркаша, намъ сказали что Наташѣ дурно....

ИСЛАЕВЪ.

А вы напрасно повѣрили.

АННА СЕМЕНОВНА.

Зачѣмъ же ты горячишься такъ, Аркаша? Наше участіе понятно.

ИСЛАЕВЪ.

Конечно.... конечно....

РАКИТИНЪ.

Однако мнѣ пора ѣхать.

АННА СЕМЕНОВНА.

Вы уѣзжаете?

РАКИТИНЪ.

Да.... уѣзжаю.

АННА СЕМЕНОВНА (*про себя*).

А! Ну теперь я понимаю.

КОЛЯ (*Ислаеву*).

Папаша....

ИСЛАЕВЪ.

Чего тебѣ?

КОЛЯ.

Зачѣмъ Алексѣй Николаичъ ушолъ?

ИСЛАЕВЪ.

Куда ушолъ?

КОЛЯ.

Я не знаю... Поцѣловалъ меня, надѣлъ фуражку и ушолъ... А теперь часъ русскаго урока.

ИСЛАЕВЪ.

Вѣроятно онъ сей часъ вернется.... Впрочемъ, можно за нимъ послать.

РАКИТИНЪ (*въ полголоса Ислаеву*).

Не посылай за нимъ, Аркадій. Онъ не вернется. (*Анна Семеновна старается прислушаться; Шпигельскій шепчется съ Лизаветой Богдановной.*)

ИСЛАЕВЪ.

Это что значитъ?

РАКИТИНЪ.

Онъ тоже уѣзжаетъ.

ИСЛАЕВЪ.

Уѣзжаетъ.... куда?

РАКИТИНЪ.

Въ Москву.

ИСЛАЕВЪ.

Какъ въ Москву! Да что, сегодня, съ ума всѣ сходятъ, что ли?

РАКИТИНЪ (*еще понизивъ голосъ*).

Между нами.... Вѣрочка въ него влюбилась.... Ну онъ, какъ честный человѣкъ, рѣшился удалиться. (*Ислаевъ, рас-*

топыривъ руки, опускается въ кресла.) Ты понимаешь теперь почему....

ИСЛАЕВЪ (*вскакивая*).

Я? я ничего не понимаю. У меня голова кругомъ идетъ. Чтò тутъ можно понять? Всѣ улепетываютъ, кто кудà, какъ куропатки, а все потому что честные люди.... И все это разомъ, въ одинъ и тотъ же день....

АННА СЕМЕНОВНА (*заходя съ боку*).

Да чтò такое? Господинъ Бѣляевъ, ты говоришь....

ИСЛАЕВЪ (*нервически кричитъ*).

Ничего, матушка, ничего! Г-нъ Шаафъ, извольте теперь заняться съ Колей вмѣсто г-на Бѣляева. Извольте увести его.

ШААФЪ.

Злушаю-съ.... (*Беретъ Колю за руку.*)

КОЛЯ.

Но, папаша....

ИСЛАЕВЪ (*кричитъ*).

Пошолъ, пошолъ! (*Шаафъ уводитъ Колю.*) А тебя, Ракитинъ, я провожу.... Я лошадь велю осѣдлать, буду ждать тебя на плотинѣ.... А вы, маменька, пока, ради Бога, не безпокойте Наташу — да и вы, докторъ.... Матвѣй! Матвѣй! (*Уходитъ поспѣшно. Анна Семеновна съ достоинствомъ и грустью садится. Лизавета Богдановна становится сзади ея. Анна Семеновна поднимаетъ взоры къ небу, какъ бы желая отчудиться отъ всего, что происходитъ вокругъ нея.*)

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*украдкой и лукаво Ракитину*).

А что, Михайло Александрычъ, не прикажете ли довезти васъ на новой троечкѣ до большой дороги?

РАКИТИНЪ.

А!... Развѣ вы уже получили лошадокъ?

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*скромно*).

Я съ Вѣрой Александровной переговорилъ.... Такъ прикажете-съ?

РАКИТИНЪ.

Пожалуй! (*Кланяется Аннѣ Семеновнѣ.*) Анна Семеновна, честь имѣю....

АННА СЕМЕНОВНА (*все также величественно, не поднимаясь съ мѣста*).

Прощайте, Михайло Александрычъ.... Желаю вамъ счастливаго пути....

РАКИТИНЪ.

Покорно благодарю. Лизавета Богдановна.... (*Кланяется ей. Она въ отвѣтъ ему присѣдаетъ. Онъ уходитъ въ залу.*)

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*подходя къ ручкѣ Анны Семеновны*).

Прощайте, барыня....

АННА СЕМЕНОВНА (*менѣе величественно, но все-таки строго*).

А! и вы уѣзжаете, докторъ?

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Да-съ... Больные, знаете, того-съ. Притомъ же, вы видите, мое присутствіе здѣсь не требуется. (*Раскланиваясь, хитро щурится Лизаветѣ Богдановнѣ, которая отвѣчаетъ ему улыбкой.*) До свиданья... (*Убѣгаетъ вслѣдъ за Ракитинымъ.*)

АННА СЕМЕНОВНА (*даетъ ему выйдти и, скрестивъ руки, медленно обращается къ Лизаветѣ Богдановнѣ*).

Что вы объ этомъ обо всемъ думаете. душа моя, а?

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА (*вздохнувъ*).

Не знаю-съ, что вамъ сказать, Анна Семеновна.

АННА СЕМЕНОВНА.

Слышала ты, Бѣляевъ тоже уѣзжаетъ....

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА (*опять вздохнувъ*).

Ахъ, Анна Семеновна, можетъ быть, и мнѣ не долго придется здѣсь остаться.... И я уѣзжаю. (*Анна Семеновна съ невыразимымъ изумленіемъ глядитъ на нее. Лизавета Богдановна стоитъ передъ ней, не поднимая глазъ.*)

ПРОВИНЦІАЛКА.

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

(1851)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

АЛЕКСѢЙ ИВАНОВИЧЪ СТУПЕНДЬЕВЪ, уѣздный чиновникъ 48 лѣтъ.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА, жена его 28 лѣтъ.

МИША, дальній родственникъ Дарьи Ивановны, 19 лѣтъ

ГРАФЪ ВАЛЕРЬЯНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ЛЮБИНЪ, 49 лѣтъ.

ЛАКЕЙ ГРАФА, 30 лѣтъ.

ВАСИЛЬЕВНА, кухарка Ступендьева, 50 лѣтъ.

АПОЛЛОНЪ, мальчикъ Ступендьева, 17 лѣтъ.

Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ, въ домѣ Ступендьева.

Театръ представляетъ гостиную въ домѣ небогатаго чиновника. Прямо дверь въ переднюю, направо — въ кабинетъ; налѣво два окна и дверь въ садикъ. Налѣво въ углу низенькія ширмы; спереди диванъ, два стула, столикъ и пяльцы; направо, на второмъ планѣ, небольшое фортепьяно; спереди столъ и стулъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

За пяльцами сидитъ Дарья Ивановна. Она одѣта очень просто, но со вкусомъ. На диванѣ сидитъ Миша. Онъ скромно читаетъ книжечку.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*не поднимая глазъ и продолжая шить*).

Миша!

МИША (*опуская книжечку*).

Чего изволите?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Вы.... ходили къ Попову?

МИША.

Ходилъ-съ.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Что онъ вамъ сказалъ?

МИША.

Онъ сказалъ-съ, что все будетъ прислано какъ слѣдуетъ. Я особенно просилъ его о красномъ винѣ-съ. Вы, говоритъ,

будете покойны-съ. (*Помолчавъ.*) Позвольте узнать Дарья Ивановна, вы кого-нибудь ожидаете?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Жду.

МИША (*опять помолчавъ*).

Можно узнать, кого-съ?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Вы любопытны. Впрочемъ, вы не болтливы, и я могу вамъ сказать кого я жду. Графа Любина.

МИША.

Какъ-съ, этого богатаго господина, который недавно пріѣхалъ къ себѣ въ имѣнье-съ?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Его.

МИША.

Ихъ, точно, сегодня ожидаютъ въ трактирѣ у Кулѣшкина-съ. Но позвольте узнать, развѣ вы съ нимъ знакомы?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Теперь нѣтъ.

МИША.

А! стало-быть прежде?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Вы меня разспрашиваете?

МИША.

Извините-съ. (*Помолчавъ*) Впрочемъ, и я глупъ. Вѣдь онъ, должно быть, сынъ Катерины Дмитревны, вашей благодѣтельницы.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*посмотрѣвъ на него*).

Да, моей благодѣтельницы. (*За кулисами слышанъ голосъ Ступендьева*: «*не приказала? почему не приказала?*»)

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Что тамъ такое?

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Ступендьевъ съ Васильевной. Они выходятъ изъ двери кабинета: Ступендьевъ въ одномъ жилетѣ; у Васильевны на рукахъ сюртукъ.

СТУПЕНДЬЕВЪ (*къ Дарьѣ Ивановнѣ*).

Даша, правда ли, ты приказала... (*Миша встаетъ и кланяется.*) А, здравствуй, Миша, здравствуй. Правда ли, ты приказала этой женщинѣ (*показываетъ на Васильевну*) не давать мнѣ сегодня моего бешмета, а?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Я ей не приказывала.

СТУПЕНДЬЕВЪ (*съ торжествующимъ лицомъ, обращаясь къ Васильевнѣ*)

А? что?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Я только сказала ей, чтобъ она тебя попросила не надѣвать сегодня твоего бешмета.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

А чѣмъ же мой бешметъ дуренъ? Онъ такой пестренькій, съ разводами. Ты же мнѣ сама его подарила.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Да вѣдь сколько времени тому назадъ!

ВАСИЛЬЕВНА.

Ну, надѣвайте, надѣвайте сюртукъ, Алексѣй Ивановичъ... Что, право.... Хорошъ пестренькій! На локтяхъ прорвался; а сзади, такъ просто глядѣть не хорошо..

СТУПЕНДЬЕВЪ (*надѣвая сюртукъ*).

А кто тебѣ велитъ на меня сзади глядѣть? Тише, тише! развѣ ты не слыхала? ты меня просить должна.

ВАСИЛЬЕВНА.

Ну, да, ужь вы.... (*Уходитъ.*)

СТУПЕНДЬЕВЪ (*ей вслѣдъ*).

Не разсуждай, женщина.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же, кромѣ Васильевны.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Чертъ возьми, ужасъ какъ подъ мышками рѣжетъ! Бываютъ же такіе подлые портные.... такъ и кажется, что вотъ, вотъ, кверху потянутъ на канатѣ. Право, Даша, я не понимаю, почему тебѣ вздумалось меня нарядить въ сюртукъ; теперь же скоро двѣнадцатый часъ, на службу идти пора, и безъ того фракъ прійдется надѣть.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

У насъ, можетъ-быть, гости будутъ.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Гости? Какіе гости?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Графъ Любинъ. Вѣдь ты его знаешь?

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Любина? Еще бы! Такъ ты его ожидаешь?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Его. (*Взглянувъ на него.*) Чтожь тутъ удивительнаго?

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, я совершенно съ тобою согласенъ; но позволь тебѣ замѣтить, душа моя, это совершенно невозможно.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Почему же?

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Невозможно, совершенно невозможно. Съ какой стати онъ прійдетъ?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Ему нужно будетъ съ тобою переговорить.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Положимъ, положимъ; но это ничего не доказываетъ, со-

вершенно ничего не доказываетъ. Онъ меня къ себѣ позоветъ. Возьметъ да позоветъ.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Мы съ нимъ были знакомы: онъ видалъ меня въ домѣ своей матери.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

И это ничего не доказываетъ. Какъ ты думаешь, Миша?

МИША.

Я-съ? я ничего не думаю-съ.

СТУПЕНДЬЕВЪ (*къ женѣ*).

Ну, вотъ, видишь.... Онъ не прійдетъ. Помилуй, какъ это...

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Ну, можетъ-быть, можетъ-быть; только ты не снимай сюртука.

СТУПЕНДЬЕВЪ (*помолчавъ*).

Впрочемъ, я совершенно съ тобою согласенъ. (*Прохаживаясь по комнатѣ.*) То-то сегодня съ утра здѣсь такую подняли пыль.... Охъ, ужь эта мнѣ чистота! И ты такая нарядная!

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Alexis, пожалуйста, безъ замѣчаній.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Ну, да, да. Конечно, безъ замѣчаній.... Вишь этотъ графъ поразорился, такъ и къ намъ пожаловалъ. Что, онъ молодъ?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Онъ моложе тебя.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Гмъ.... Совершенно, я совершенно съ тобой согласенъ.... то-то ты вчера все на фортепьянахъ этакъ того.... (*разводитъ руками*). Да, да. (*Напѣваетъ сквозь зубы.*)

МИША.

Я сегодня къ Кулѣшкину заходилъ-съ. Такъ ихъ тамъ ждутъ-съ.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Ждутъ? Ну, такъ пускай ждутъ. (*Къ женѣ*). Какъ же это я его никогда у Катерины Дмитревны не видалъ?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Онъ тогда въ Петербургѣ служилъ.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Гмъ.... Онъ, говорятъ, теперь въ чинахъ. И ты думаешь, что онъ прійдетъ? Помилуй, помилуй!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и изъ передней выходитъ Аполлонъ; на немъ голубая ливрея съ бѣлыми пуговицами, весьма неловко скроенная; лицо его выражаетъ тупое изумленіе.

АПОЛЛОНЪ (*таинственно Ступендьеву*).

Какой-то господинъ васъ спрашиваетъ.

СТУПЕНДЬЕВЪ (*струхнувъ*).

Какой господинъ?

АПОЛЛОНЪ.

Не знаю-съ, въ шляпѣ и съ бакенами.

СТУПЕНДЬЕВЪ (*съ волненіемъ*).

Проси. (*Аполлонъ таинственно взглядываетъ на Ступендьева и выходитъ.*) Неужели графъ?

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и изъ передней входитъ Лакей графа. Онъ одѣтъ по-дорожному, но щегольски и не снимаетъ шляпы. Изъ-за дверей съ любопытствомъ выглядываютъ Васильевна и Аполлонъ.

ЛАКЕЙ (*съ нѣмецкимъ выговоромъ*).

Здѣсь живетъ господинъ Ступендьевъ, чиновникъ?

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Здѣсь. Что вамъ угодно?

ЛАКЕЙ

Вы господинъ Ступендьевъ?

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Я. Что вамъ угодно?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Алексѣй Иванычъ!

ЛАКЕЙ.

Графъ Любинъ пріѣхалъ и приказалъ васъ просить къ себѣ.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

А вы отъ него?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Алексѣй Иванычъ, подите сюда.

СТУПЕНДЬЕВЪ (*подходитъ къ ней*).

Что?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Скажите ему, чтобъ онъ шляпу снялъ.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Ты думаешь? Гмъ.... Да, да... (*Подходя къ лакею.*) Вы не находите, что здѣсь будто жарко.... (*Показывая рукой на шляпу.*)

ЛАКЕЙ.

Здѣсь не жарко. Слѣдовательно, вы сейчасъ пріидете?

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Я.... (*Дарья Ивановна дѣлаетъ ему знакъ.*) Да позвольте узнать, кто вы собственно такой?

ЛАКЕЙ.

Я вольнонаемный человѣкъ ихъ сіятельства.... камердинеръ.

СТУПЕНДЬЕВЪ (*внезапно вспыхнувъ*).

Сними шляпу, сними шляпу, сними шляпу, говорятъ! (*Лакей медленно и съ достоинствомъ снимаетъ шляпу*) А ихъ сіятельству скажи, что я сейчасъ....

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*вставая*).

Скажите графу, что мой мужъ теперь занятъ и не можетъ выйдти изъ дому. А что, если графъ желаетъ его видѣть, такъ пусть пожалуетъ самъ. Ступайте. (*Лакей выходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же безъ Лакея.

СТУПЕНДЬЕВЪ (*къ Дарьѣ Ивановнѣ*).

Однако, Даша, мнѣ, право, кажется, ты того.... (*Дарья Ивановна молча прохаживается взадъ и впередъ.*) Впрочемъ, я совершенно съ тобою согласенъ. А каково я его отдѣлалъ, а? просто оборвалъ, какъ говорится. Нахалъ этакой! (*Мишѣ*) Вѣдь хорошо?

МИША.

Хорошо-съ, Алексѣй Иванычъ, очень хорошо-съ.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

То-то же!

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Аполлонъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же и Аполлонъ; за нимъ Васильевна.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*поглядѣвъ нѣкоторое время на Аполлона*).

Нѣтъ, ты слишкомъ смѣшонъ въ этой ливреѣ. Ты ужь лучше не показывайся.

ВАСИЛЬЕВНА.

Да чѣмъ же онъ смѣшонъ, матушка? Человѣкъ какъ и всѣ, да еще мой племянникъ....

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Женщина, не разсуждай!

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*Аполлону*).

Повернись! (*Аполлонъ повертывается*). Нѣтъ, тебѣ рѣшительно нельзя показаться на глаза графу. Ступай и спрячься гдѣ-нибудь.... А ты, Васильевна, посиди въ передней, пожалуйста.

ВАСИЛЬЕВНА.

Да, матушка, у меня въ кухнѣ работа.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

А кто тебѣ велитъ работать, баловница?

ВАСИЛЬЕВНА.

Да помилуйте....

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Не разсуждай, женщина! Стыдись! Маршъ оба! (*Васильевна и Аполлонъ уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ же, безъ Васильевны и Аполлона.

СТУПЕНДЬЕВЪ (*Дарьѣ Ивановнѣ*).

Итакъ ты дѣйствительно думаешь, что графъ теперь придетъ?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Думаю.

СТУПЕНДЬЕВЪ (*прохаживается*).

Я въ волненіи. Онъ придетъ разсерженный.... я въ волненіи.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Пожалуйста, будь какъ можно спокойнѣе и хладнокровнѣе.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Слушаю.... я въ волненіи. Миша, а ты въ волненіи?

МИША.

Никакъ нѣтъ-съ.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

А я въ волненіи... (*Дарьѣ Ивановнѣ.*) Зачѣмъ ты не пустила меня къ нему?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Ужь это мое дѣло. Вспомни, что ты ему нуженъ.

СТУПЕНЬДЬЕВЪ.

Я ему нуженъ.... Я въ волненіи.... Что это?

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ же и Аполлонъ.

АПОЛЛОНЪ (*съ необыкновенно встревоженнымъ лицомъ*).

Я не успѣлъ спрятаться. Баринъ пришелъ. Я не успѣлъ спрятаться.

СТУПЕНЬДЬЕВЪ (*шопотомъ*).

Ну, ступай скорѣй сюда! (*Проталкиваетъ его въ кабинетъ.*)

АПОЛЛОНЪ.

Я не успѣлъ, а Васильевна ушла въ кухню. (*Исчезаетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ же, безъ Аполлона.

ГОЛОСЪ ЛЮБИНА (*за кулисами*).

Что жь это значитъ? Никого нѣтъ, что ли? Зачѣмъ этотъ человѣкъ убѣжалъ?

СТУПЕНДЬЕВЪ (*съ отчаяньемъ къ Дарьѣ Ивановнѣ*).

Васильевна въ кухню ушла!

ГОЛОСЪ ЛЮБИНА.

Человѣкъ!

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Миша, подите, отворите.

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Графъ Любинъ, которому Миша отворяетъ дверь. Онъ одѣтъ щегольски и нѣсколько изысканно, какъ обыкновенно одѣваются старѣющіе бельомы.

МИША.

Пожалуйте.

ГРАФЪ ЛЮБИНЪ.

Господинъ Ступендьевъ здѣсь?

СТУПЕНДЬЕВЪ (*кланяясь съ смущеньемъ*).

Я.... Ступендьевъ.

ГРАФЪ ЛЮБИНЪ.

Очень радъ. Я графъ Любинъ. Я присылалъ къ вамъ моего человѣка; но вамъ не угодно было ко мнѣ пожаловать.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Извините, ваше сіятельство. Я....

ГРАФЪ ЛЮБИНЪ (*оборачиваясь, холодно кланяется Дарьѣ Ивановнѣ, которая отошла нѣсколько въсторону*).

Мое почтенье. Признаюсь, я былъ удивленъ. Вѣрно, у васъ занятья, занятья?

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Точно, ваше сіятельство, занятья!

ГРАФЪ ЛЮБИНЪ.

Можетъ быть, не спорю; но мнѣ кажется, что для иныхъ людей можно оставить свое занятіе, особенно когда.... васъ просятъ.... (***Изъ передней выходитъ Васильевна. Ступендьевъ дѣлаетъ ей знаки, чтобъ она ушла.***) Когда... (***Любинъ съ удивленіемъ оглядывается. Васильевна смотритъ на него во всѣ глаза и убѣгаетъ. Любинъ съ улыбкою обращается къ Ступендьеву.***)

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Это ничего, ваше сіятельство. Это такъ; женщина пришла и ушла; къ сожалѣнію пришла и къ счастію, ушла. А вотъ позвольте, я вамъ лучше представлю мою супругу.

ГРАФЪ ЛЮБИНЪ (*почти не глядя на нее, холодно кланяется*).

А! очень радъ.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Дарья Ивановна, ваше сіятельство, Дарья Ивановна.

ГРАФЪ ЛЮБИНЪ (*также холодно*).

Очень радъ, очень радъ; но я пришелъ....

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*скромнымъ голосомъ*).

Вы не узнали меня, графъ?

ГРАФЪ ЛЮБИНЪ (*вглядываясь*).

Ахъ, Боже мой!... Позвольте, точно.... Дарья Ивановна! Вотъ неожиданная встрѣча! Сколько лѣтъ, сколько зимъ.... Это вы? Скажите!

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Да-съ, графъ, давно мы не видались.... Видно, я много перемѣнилась съ тѣхъ поръ.

ГРАФЪ ЛЮБИНЪ.

Помилуйте, вы только похорошѣли. Вотъ я, небось, другое дѣло!

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*невинно*).

Вы нисколько не измѣнились, графъ.

ГРАФЪ ЛЮБИНЪ.

О, полноте! Но мнѣ теперь весьма пріятно, что вашему супругу нельзя было пожаловать ко мнѣ: это мнѣ доставило случай возобновить знакомство съ вами. Вѣдь мы старинные друзья.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

А вѣдь это, ваше сіятельство, она....

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*поспѣшно перебивая его*).

Старинные друзья... Вы, графъ, должно быть, во все время не вспомнили о.... объ вашихъ старинныхъ друзьяхъ.

ГРАФЪ ЛЮБИНЪ.

Я?... Напротивъ, напротивъ. Признаюсь, я хорошенько не помнилъ за кого вы вышли замужъ.... Покойница матушка мнѣ какъ-то писала незадолго передъ своей кончиной... но...

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Да и какъ же вамъ было въ Петербургѣ, въ большомъ свѣтѣ, не забыть о насъ? Вотъ мы бѣдные, уѣздные жители — мы не забываемъ (*съ легкимъ вздохомъ*), мы ничего не забываемъ.

ГРАФЪ ЛЮБИНЪ.

Нѣтъ, я васъ увѣряю. (*Помолчавъ*.) Повѣрьте, я всегда принималъ живѣйшее участіе въ вашей судьбѣ и очень радъ видѣть васъ теперь.... (*ищетъ слова*) въ положеніи упроченномъ.

СТУПЕНДЬЕВЪ (*кланяясь съ благодарностью*).

Совершенно, совершенно упроченномъ, ваше сіятельство. Одно — бѣдность, недостатки — вотъ что горе!

ГРАФЪ ЛЮБИНЪ.

Ну да, ну да. (*Помолчавъ*) Однако, (*обращаясь къ Ступендьеву*) позвольте узнать ваше имя и отчество?

СТУПЕНДЬЕВЪ (*кланяясь*).

Алексѣй Иванычъ, ваше сіятельство, Алексѣй Иванычъ.

ГРАФЪ ЛЮБИНЪ.

Любезнѣйшій Алексѣй Иванычъ, намъ нужно съ вами переговорить о дѣлѣ.... Я думаю, этотъ разговоръ вашу супругу занять не можетъ.... такъ не лучше ли намъ, знаете.... удалиться, остаться наединѣ на нѣкоторое время, а?... Мы съ вами потолкуемъ....

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Какъ вашему сіятельству будетъ угодно... Даша... (*Дарья Ивановна хочетъ уйдти.*)

ГРАФЪ ЛЮБИНЪ.

О, нѣтъ, помилуйте, не безпокойтесь, останьтесь.... Мы съ Алексѣй Иванычемъ можемъ выйдти, мы въ вашу комнату пойдемъ, Алексѣй Иванычъ, хотите?

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Въ мою комнату.... гмъ.... въ мой кабинетъ, то-есть....

ГРАФЪ ЛЮБИНЪ.

Да, да, въ вашъ кабинетъ....

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Какъ вашему сіятельству будетъ угодно... но...

ГРАФЪ ЛЮБИНЪ (*къ Дарьѣ Ивановнѣ*).

А мы, Дарья Ивановна, еще съ вами увидимся.... я надѣюсь. (*Дарья Ивановна присѣдаетъ.*) До свиданья. (*Къ Ступендьеву.*) Куда идти—сюда? (*Указываетъ шляпою на дверь въ кабинетъ.*)

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Сюда-съ.... но.... тамъ, ваше сіятельство....

ГРАФЪ ЛЮБИНЪ (*не слушая его*).

Очень хорошо, очень хорошо.... (*Идетъ въ кабинетъ; за*

ними Ступендьевъ, который, уходя дѣлаетъ какіе-то знаки женѣ. Дарья Ивановна остается въ раздумьи и глядитъ за ними вслѣдъ. Черезъ нѣсколько мгновеній, изъ кабинета стрѣлой вылетаетъ Аполлонъ, и убѣгаетъ въ переднюю. Дарья Ивановна вздрагиваетъ, улыбается и опять погружается въ раздумье.)

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Дарья Ивановна и Миша.

МИША (*подходя къ ней*).

Дарья Ивановна!

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*встрепенувшись*).

Что?

МИША.

Позвольте узнать-съ, давно вы не видались съ ихъ сіятельствомъ?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Давно, двѣнадцать лѣтъ.

МИША.

Двѣнадцать лѣтъ! Скажите! И въ теченіе всего этого времени получали вы отъ нихъ какія нибудь извѣстія-съ?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Я? Никакихъ. Онъ столько же думалъ обо мнѣ, сколько о китайскомъ императорѣ.

МИША.

Скажите! Какъ же это они говорили-съ, что принимали-съ живѣйшее участіе въ вашей судьбѣ-съ?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

А васъ это удивляетъ? Какъ вы еще молоды — если это васъ точно удивляетъ! (*Помолчавъ.*) Какъ онъ постарѣлъ!

МИША.

Постарѣлъ?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Румянится, бѣлится.... краситъ волосы, а морщинъ-то, морщинъ....

МИША.

Неужели красить волосы? Ай, ай, ай, какъ стыдно! (*Помолчавъ.*) А они, кажется, скоро намѣрены уйдти-съ.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*быстро оборачивается къ нему*).

Почему вы это думаете?

МИША (*скромно потупивъ глаза*).

Да такъ-съ.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Нѣтъ.... онъ останется обѣдать.

МИША (*со вздохомъ*).

Ахъ! ужь какъ бы это было хорошо!

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

А что?

МИША (*съ скромностью*).

Провизія даромъ пропадутъ-съ.... и вино-съ.... если они не останутся, то-есть....

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*съ разстановкой*).

Да. Ну, послушайте, Миша, вотъ въ чемъ дѣло. Они оба теперь скоро выйдутъ.

МИША (*внимательно глядя на нее*).

Да-съ

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Такъ вотъ видите ли, оставьте меня теперь одну.

МИША.

Да-съ.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Я графа приглашу отобѣдать, а Алексѣя Иваныча....

МИША.

Понимаю-съ.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*слегка наморщивъ брови*).

Что вы понимаете? Алексѣя Иваныча я вышлю къ вамъ....

МИША.

Такъ-съ.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

А вы его задержите.... такъ, не на долгое время.... Вы ему

скажите, что мнѣ нужно переговорить съ графомъ, для его же пользы.... Вы понимаете?

МИША.

Слушаю-съ.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Ну да. Я на васъ надѣюсь. Вы можете съ нимъ, если хотите, прогуляться немного.

МИША.

Конечно-съ; отчего жь не прогуляться?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Ну, да, да. Теперь ступайте, оставьте меня.

МИША.

Слушаю-съ. (*Уходя останавливается*). Ужь вы и меня не забудьте, Дарья Ивановна. Вѣдь вы знаете, какъ я вамъ преданъ, можно-сказать, и тѣломъ и душой....

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Что вы хотите сказать?

МИША.

Ахъ, Дарья Ивановна, вѣдь и мнѣ страхъ какъ хочется въ Петербургъ! Чтò я здѣсь буду дѣлать безъ васъ?... Сдѣлайте одолженіе, Дарья Ивановна.... А я вамъ заслужу.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*помолчавъ*).

Я не понимаю васъ, я еще сама не знаю.... Впрочемъ, хорошо, ступайте.

МИША.

Слушаю-съ. (*Возводя глаза къ небу*) А я вамъ заслужу, Дарья Ивановна! (*Уходитъ въ переднюю.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Дарья Ивановна одна.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*остается нѣкоторое время неподвижною*).

Онъ не обращаетъ на меня ни малѣйшаго вниманія — это ясно. Онъ меня позабылъ. И, кажется, я напрасно разсчитывала на его пріѣздъ. А сколько надеждъ у меня было сопря-

жене съ этимъ пріѣздомъ!.. (*Оглядывается*) Неужели же я вѣчно должна остаться здѣсь, здѣсь?... Что дѣлать! (*Помолчавъ*) Впрочемъ, еще ничего не рѣшено. Онъ почти не видѣлъ меня.... (*Взглянувъ въ зеркало*) Я по-крайней-мѣрѣ не крашу своихъ волосъ.... Посмотримъ, посмотримъ. (*Прохаживается по комнатѣ, подходитъ къ фортепьяно и беретъ нѣсколько аккордовъ*). Они нескоро еще выйдутъ. Ожиданья меня замучатъ. (*Садится на диванъ.*) Но, можетъ-быть, я сама заржавѣла въ этомъ городишкѣ.... Почемъ я знаю? Кто мнѣ скажетъ здѣсь, что̀ изъ меня вышло, кто можетъ въ этомъ обществѣ мнѣ дать почувствовать, что̀ сдѣлалось со мной? Къ несчастію, я выше ихъ всѣхъ.... Я выше ихъ; но для него — я все-таки провинціалка, жена уѣзднаго стряпчаго, бывшая воспитанница богатой барыни, которую потомъ кой-какъ пристроили.... а онъ, онъ знатный человѣкъ, въ чинахъ, богатый.... ну, несовсѣмъ богатый: дѣла его разстроились въ Петербургѣ, и онъ, я думаю, не на одинъ мѣсяцъ сюда пріѣхалъ. Онъ хорошъ собой, то-есть, былъ хорошъ собой.... теперь онъ бѣлится и краситъ волосы. Говорятъ, что для людей, въ его положеніи, воспоминанія молодости особенно дороги. .. а онъ меня зналъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, волочился за мною.... Да, да, конечно, онъ волочился за мной отъ нечего-дѣлать; но все-таки.... (*Вздыхаетъ.*) И я въ то̀ время, помнится, мечтала... О чемъ не мечтаешь въ шестнадцать лѣтъ! (*Вдругъ выпрямляясь*) Ахъ, Боже мой! да у меня, должно быть, хранится одно его письмо.... Точно. Но гдѣ оно? Какъ досадно, что я прежде о немъ не вспомнила!... Впрочемъ, я успѣю.... (*Помолчавъ.*) Посмотримъ. Но какъ кстати пришли эти ноты и книги! Мнѣ смѣшно.... я точно генералъ передъ сраженьемъ, приготовляюсь встрѣтить непріятеля.... А какъ я перемѣнилась въ послѣднее время! Неужели это я такъ холодно, такъ спокойно обдумываю, что мнѣ должно дѣлать? Нужда всему научитъ и отъ многаго отучитъ. Нѣтъ, я не спокойна, я въ волненіи теперь, но только оттого, что я не знаю, удастся ли.... Полно, такъ ли? Вѣдь ужь я не ребенокъ, и воспоминанія уже стали дороги и для меня.... какія бы они

ни были.... вѣдь другихъ у меня не будетъ, вѣдь ужь полжизни, болѣе полжизни прошло. (*Улыбается.*) Однако, они все нейдутъ! И чего я прошу? чего добиваюсь? Самой бездѣлицы. Для него дать намъ возможность переѣхать въ Петербургъ, сыскать намъ тамъ мѣсто — бездѣлица. А Алексѣй Иванычъ всякому мѣсту будетъ радъ.... Неужели жь я и этого не добьюсь?... Въ такомъ случаѣ мнѣ и слѣдъ оставаться въ уѣздномъ городѣ.... я не заслуживаю лучшей участи.... (*Прикладывая руку къ щекѣ*). А у меня отъ этой неизвѣстности, отъ всѣхъ этихъ размышленій — лихорадка; щеки такъ и горятъ. (*Помолчавъ.*) Чтожъ? Тѣмъ лучше. (*Услышавъ шумъ въ кабинетѣ.*) Они идутъ.... сраженіе начинается.... О робость, неумѣстная робость, оставь меня теперь! (*Берется за книгу и прислоняется къ спинкѣ дивана.*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Дарья Ивановна, Ступендьевъ и графъ Любинъ.

ГРАФЪ.

Итакъ, я могу надѣяться на васъ, любезнѣйшій Алексѣй Иванычъ?

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Ваше сіятельство, я, съ своей стороны, готовъ во всемъ, что̀ отъ меня зависитъ....

ГРАФЪ.

Очень, очень вамъ благодаренъ. А бумаги я вамъ сообщу въ самое короткое время.... Сегодня я вернусь къ себѣ и завтра или послѣ-завтра....

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Слушаю-съ, слушаю-съ.

ГРАФЪ (*подходя къ Дарьѣ Ивановнѣ*).

Дарья Ивановна, вы, пожалуйста, извините меня: я сегодня, къ сожалѣнію, не могу у васъ остаться долѣе, но я надѣюсь, что въ другой разъ....

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Развѣ вы не обѣдаете у насъ, графъ? (*Встаетъ.*)

ГРАФЪ

Я вамъ очень благодаренъ за приглашеніе, но....

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

А я такъ радовалась напередъ.... я надѣялась, что вы проведете хоть немного времени съ нами!... Конечно, мы не смѣемъ васъ удерживать.

ГРАФЪ.

Вы слишкомъ добры, но право.... еслибъ вы знали — у меня столько дѣла.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Вспомните, какъ давно мы не видались.... и Богъ знаетъ когда намъ прійдется опять увидѣться съ вами! Вѣдь вы у насъ такой рѣдкій гость....

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Именно, ваше сіятельство, такъ-сказать, фениксъ.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*перебивая его*).

Притомъ же, вы теперь не успѣете вернуться къ обѣду домой; а у насъ.... я могу васъ увѣрить вы отобѣдаете лучше, чѣмъ гдѣ-нибудь въ городѣ.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Мы, вѣдь, знали о прибытіи вашего сіятельства.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*опять перебивая его*).

Такъ вы обѣщаете, не правда ли?

ГРАФЪ (*нѣсколько принужденно*).

Вы такъ мило меня просите, что мнѣ невозможно вамъ отказать....

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

А! (*Беретъ у него шляпу изъ рукъ и ставитъ на фортепьяно.*)

ГРАФЪ (*Дарьѣ Ивановнѣ*).

Признаюсь, я сегодня поутру, выѣзжая изъ дому, никакъ не ожидалъ имѣть удовольствіе встрѣтить васъ... (*Помолчавъ.*) А вашъ городъ, сколько я могъ замѣтить, не дуренъ.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Для уѣзднаго города живетъ, ваше сіятельство.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*садясь*).

Сядьте же, графъ, прошу васъ.... (*Графъ садится.*) Вы не можете себѣ представить, какъ я счастлива, какъ я рада видѣть васъ у себя.... (*Къ мужу.*) Ахъ! кстати, Alexis, тебя Миша спрашиваетъ.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Что ему надобно?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Не знаю; но ты, кажется, ему очень нуженъ; поди, пожалуйста, къ нему.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Да какъ же я.... ихъ сіятельство вотъ.... мнѣ теперь невозможно....

ГРАФЪ.

О, помилуйте, сдѣлайте одолженіе, не церемоньтесь. Я остаюсь въ очень пріятномъ обществѣ. (*Равнодушно проводитъ рукою по волосамъ.*)

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Да что жь его могло такъ приспичить?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Ты ему нуженъ; ступай, mon ami.

СТУПЕНДЬЕВЪ (*помолчавъ*).

Слушаю... Но я сейчасъ вернусь... Вашему сіятельству... (*Кланяется; графъ ему кланяется. Ступендьевъ уходитъ въ переднюю и говоритъ про-себя*). И что ему такое вдругъ занадобилось?

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Дарья Ивановна и Графъ. Небольшое молчаніе. Графъ съ легкой улыбкой посматриваетъ сбоку на Дарью Ивановну и покачиваетъ ногой.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*опуская глаза*).

На долго вы пріѣхали въ наши края, ваше сіятельство?

ГРАФЪ.

Мѣсяца на два; я уѣду, какъ только дѣла мои нѣсколько устроятся.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Вы въ Спасскомъ остановились?

ГРАФЪ.

Да, въ матушкиномъ имѣніи.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Въ томъ же домѣ?

ГРАФЪ.

Въ томъ же. Признаюсь, въ немъ теперь жить невесело. Онъ такъ обветшалъ, такъ развалился.... я на будущій годъ его намѣренъ сломать.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Вы говорите, графъ, въ немъ теперь невесело жить.... Я не знаю, мои воспоминанія объ немъ чрезвычайно пріятны. — Неужли вы точно хотите его сломать?

ГРАФЪ.

А развѣ вамъ его жаль?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Еще бы! Я въ немъ провела лучшее время моей жизни. — Притомъ, память о моей благодѣтельницѣ, вашей покойной матушкѣ.... Вы понимаете....

ГРАФЪ (*перебивая ее*).

Ну да, да.... я понимаю. (*Помолчавъ.*) А вѣдь точно въ прежнее время тамъ бывало весело....

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

А вы не забыли....

ГРАФЪ.

Чего?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*опять опустивъ глаза*).

Прежняго времени?

ГРАФЪ (*понемногу оборачиваясь и начиная обращать нѣкоторое вниманіе на Дарью Ивановну*).

Я ничего не забылъ, повѣрьте.... Скажите, пожалуйста,

Дарья Ивановна, сколько вамъ тогда было лѣтъ?... Постойте, постойте.... Знаете ли, вѣдь вы отъ меня не можете скрыть свои годы?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Я ихъ и не скрываю... Мнѣ, графъ, столько, сколько вамъ было тогда — 28 лѣтъ.

ГРАФЪ.

Неужели мнѣ тогда было уже 28 лѣтъ? Мнѣ кажется, вы ошибаетесь ...

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

О, нѣтъ, графъ, не ошибаюсь.... Я слишкомъ хорошо помню все, чтò касается до васъ. ..

ГРАФЪ (*принужденно смѣясь*).

Какой же я старикъ послѣ этого!

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Вы старикъ? Полноте.

ГРАФЪ.

Ну, положимъ, положимъ; я съ вами въ этомъ спорить не стану. (*Помолчавъ.*) Да, да, хорошее было тогда время! Помните наши утреннія прогулки въ саду, по липовой аллеѣ, передъ завтракомъ? (*Дарья Ивановна опускаетъ глаза.*) Нѣтъ, скажите, помните?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Я вамъ уже сказала, графъ, что намъ, деревенскимъ жителямъ, нельзя не помнить прошедшаго, особенно когда оно.... почти не повторилось. Вотъ вы — другое дѣло!

ГРАФЪ (*все болѣе одушевляясь*).

Нѣтъ, послушайте, Дарья Ивановна, вы этого не думайте. Я вамъ это серьёзно говорю. Конечно, въ большихъ городахъ такъ много разсѣянности, особенно для молодаго человѣка; конечно, эта разнообразная, шумная жизнь.... Но могу васъ увѣрить, Дарья Ивановна, первыя, знаете ли, первыя впечатлѣнія никогда не изглаживаются, а иногда среди этого вихря, сердце.... вы понимаете, сердце, наскучивъ пустотою.... знаете ли, его такъ и тянетъ....

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

О, да, графъ, я съ вами согласна: первыя впечатлѣнія не проходятъ. Я это испытала.

ГРАФЪ.

А! (*Помолчавъ.*) А признайтесь, Дарья Ивановна, вѣдь вамъ должно быть здѣсь довольно скучно?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*съ разстановкой*).

Не скажу. Сначала мнѣ точно было нѣсколько трудно привыкать къ этому новому образу жизни; но потомъ... мой мужъ такой добрый, прекрасный человѣкъ!

ГРАФЪ.

О, да.... я съ вами согласенъ... Онъ очень, очень достойный человѣкъ, очень; но....

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Потомъ я.... я привыкла. Для счастія немного нужно. Домашній бытъ, семейство.... (*понизивъ голосъ*) и нѣсколько хорошихъ воспоминаній....

ГРАФЪ.

А у васъ есть такія воспоминанья?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Есть, какъ у всякаго; съ ними легче переносить скуку.

ГРАФЪ.

Стало быть, вы все-таки скучаете иногда?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Васъ это удивляетъ, графъ? Вы вспомните, я имѣла счастіе быть воспитанной въ домѣ вашей матушки. Сравните же то, къ чему я привыкла въ молодости, съ тѣмъ, что̀ меня теперь окружаетъ. Конечно, ни мое состоянье, ни мое рожденье, словомъ, ничто не давало мнѣ права надѣяться, что я такъ же буду продолжать жить, какъ начала; но вы сами сказали: первыя впечатлѣнія не изглаживаются, и что нельзя же насильно выкинуть изъ памяти то, (*потупляя голову*), что̀ благоразуміе совѣтовало бы забыть.... Я буду откровенна съ вами, графъ. Неужели вы думаете, что я не чувствую, какъ вамъ все здѣсь должно казаться бѣдно... и смѣшно? Этотъ ла-

кей, который спасается отъ васъ, какъ заяцъ; эта кухарка— и.... и, можетъ быть, я сама....

ГРАФЪ.

Вы, Дарья Ивановна? Вы шутите, помилуйте! Да я, я васъ увѣряю.... я, напротивъ, удивляюсь....

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*живо*).

Я вамъ скажу, чему вы удивляетесь, графъ. Вы удивляетесь тому, что я еще несовсѣмъ потеряла привычки моей молодости, что я еще не успѣла вполнѣ превратиться въ провинціалку.... Это удивленіе для меня, вы думаете, лестно?...

ГРАФЪ.

Какъ вы дурно толкуете мои слова, Дарья Ивановна!

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Можетъ быть; но оставимъ это, прошу васъ. До иныхъ ранъ, даже когда онѣ и зажили, все больно дотрогиваться. Притомъ же, я совершенно примирилась съ своей судьбой; живу одна въ своемъ темномъ уголку; и еслибъ вашъ пріѣздъ не пробудилъ во мнѣ многихъ воспоминаній, мнѣ бы все это и въ голову не пришло. Я бы по крайней мѣрѣ объ этомъ никогда не заговорила. Мнѣ и такъ совѣстно, что я, вмѣсто того, чтобъ занять васъ по мѣрѣ возможности....

ГРАФЪ.

Да за кого же вы меня принимаете, позвольте васъ спросить? Неужели жь вы думаете, что я не дорожу вашей довѣренностью, не умѣю цѣнить ее? Но вы клевещете на себя. Не можетъ быть, я не хочу вѣрить, чтобъ вы, съ вашимъ умомъ, съ вашимъ образованьемъ, остались незамѣченною здѣсь....

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Совершенно, графъ, увѣряю васъ. И я объ этомъ нисколько не тужу. Послушайте: я горда. Это только у меня осталось отъ моего прошедшаго. Я не желаю нравиться людямъ, которые мнѣ самой не нравятся.... Притомъ мы бѣдны, зависимъ отъ другихъ; все это мѣшаетъ сближенью — такому сближенью, которое бы меня не оскорбляло. Такое сближенье невозможно.... Я и предпочла одиночество. Притомъ, мнѣ оди-

ночество не страшно — я читаю, занимаюсь; къ счастью, я нашла въ мужѣ честнаго человѣка.

ГРАФЪ.

Да, это тотчасъ видно.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Мой мужъ, конечно, не безъ странностей.... Я вамъ говорю это такъ смѣло потому, что вы, съ вашимъ проницательнымъ взглядомъ, не могли ихъ не замѣтить — но онъ прекрасный человѣкъ. И я бы ни на что̀ не жаловалась, я бы всѣмъ была довольна, еслибъ....

ГРАФЪ.

Еслибъ что?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*съ нѣкоторымъ смущеніемъ*).

Еслибъ... иногда.... иныя непредвидѣнныя... случайности не возмущали моего спокойствія.

ГРАФЪ.

Я не смѣю понимать васъ, Дарья Ивановна.... Какія случайности? Вы сперва говорили о воспоминаньяхъ....

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*прямо и невинно глядя въ глаза графу*).

Послушайте, графъ; я съ вами хитрить не стану. Я вообще хитрить не умѣю, а съ вами это было бы, просто, смѣшно. Неужели вы думаете, что для женщины ничего не значитъ увидѣть человѣка, котораго она знала въ молодости, знала совершенно въ другомъ мірѣ, въ другихъ отношеніяхъ — и увидать его, какъ я вижу теперь васъ.... (*Графъ украдкой поправляетъ волосы*) говорить съ нимъ, вспоминать о прошломъ....

ГРАФЪ (*перебивая ее*).

А вы развѣ то же думаете, что ничего не значитъ для мужчины, котораго судьба, такъ сказать, бросала во всѣ концы міра — что ничего ему не значитъ встрѣтить женщину, подобную вамъ, сохранившую всю.... всю эту прелесть молодости, этотъ.... этотъ умъ, эту любезность — cette grace?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*съ улыбкой*).

А между тѣмъ, эта женщина едва-едва уговорила этого мужчину остаться у ней обѣдать!

ГРАФЪ.

Ахъ, вы злопамятны! Но, нѣтъ, скажите, какъ вы думаете — это для него ничего не значитъ?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Я этого не думаю. Вотъ видите ли, какъ я съ вами откровенна. Всегда пріятно вспоминать про свою молодость, особенно, когда въ ней нѣтъ ничего такого, что̀ могло бы служить упрекомъ.

ГРАФЪ.

Ну, и скажите, что̀ отвѣтитъ эта женщина этому мужчинѣ, если онъ, этотъ мужчина, увѣритъ ее, что никогда, никогда не забывалъ ея, что свиданіе съ ней, такъ сказать, сердечно его тронуло?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Что̀ она отвѣтитъ?

ГРАФЪ.

Да, да, что̀ она отвѣтитъ?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Она ему отвѣтитъ, что сама тронута его ласковыми словами и (*протягивая ему руку*) предложитъ ему руку на возобновленіе старинной искренней дружбы.

ГРАФЪ (*схватывая ея руку*).

Vous êtes charmante. (*Хочетъ поцѣловать у ней руку, но Дарья Ивановна принимаетъ ее.*) Вы милы, вы чрезвычайно милы!

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*оставшись съ веселымъ видомъ*).

Ахъ, какъ я рада! какъ я рада! Я такъ боялась, что вы не захотите вспомнить обо мнѣ, что вамъ будетъ неловко, непріятно у насъ, что вы даже найдете насъ невѣжливыми.

ГРАФЪ (*сидя слѣдитъ за ней глазами*).

Скажите, Дарья Ивановна....

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*слегка къ нему оборачиваясь*).

Что?

ГРАФЪ.

Вы отсовѣтовали Алексѣю Иванычу прійдти ко мнѣ? (*Дарья Ивановна лукаво киваетъ головой.*)—Вы? (*Вставая.*)

Увѣряю васъ честью, что вы въ этомъ раскаяваться не будете.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Еще бы! я васъ увидала.

ГРАФЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, я не въ томъ смыслѣ говорю.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*невинно*).

Не въ томъ? въ какомъ же?

ГРАФЪ.

А въ томъ, что вамъ грѣшно оставаться здѣсь. Я этого не потерплю. Я не потерплю, чтобъ такая жемчужина пропадала въ глуши.... я вамъ — и вашему мужу доставлю мѣсто въ Петербургѣ.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Полноте!

ГРАФЪ.

Вы увидите.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Да полноте, говорятъ вамъ.

ГРАФЪ.

Вы, можетъ быть, думаете, Дарья Ивановна, что у меня для этого нѣтъ довольно... э... э... (*Онъ ищетъ слова «influence».*)

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Oh, j'en suis parfaitement persuadée!

ГРАФЪ.

Tiens! (*У него это выраженіе вырвалось невольно.*)

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*смѣясь*).

Вы, графъ, кажется, сказали: tiens! Неужели вы воображали, что я забыла по французски?

ГРАФЪ.

Нѣтъ, я этого не воображаю.... mais quel accent!

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

О, полноте!...

ГРАФЪ.

А мѣсто все-таки я вамъ обѣщаю.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Въ самомъ дѣлѣ? не шутя?

ГРАФЪ.

Не шутя, не шутя, вовсе не шутя.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Ну, тѣмъ лучше. Алексѣй Иванычъ вамъ будетъ очень, очень благодаренъ. (*Помолчавъ*) Только вы, пожалуйста, не подумайте....

ГРАФЪ.

Чего?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Нѣтъ, ничего. Эта мысль не могла прійдти въ вашу голову, и потому ей не слѣдовало приходить въ мою. Такъ мы, можетъ быть, будемъ въ Петербургѣ? Ахъ, какое счастье! Какъ Алексѣй Иванычъ будетъ радъ!

ГРАФЪ.

Вѣдь мы часто будемъ видѣться, не правда ли? Я гляжу на васъ, на ваши глаза, на ваши локоны—и мнѣ, право, кажется, что вамъ шестнадцать лѣтъ, и что мы, попрежнему гуляемъ съ вами въ саду, sous ces magnifiques tilleuls.... Ваша улыбка нисколько не измѣнилась, вашъ смѣхъ такъ же звонокъ, такъ же пріятенъ, aussi jeune qu'alors.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

А почему вы это знаете?

ГРАФЪ.

Какъ почему? Развѣ я не помню?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Я тогда не смѣялась.... Мнѣ было не до смѣху. Я была грустна, задумчива, молчалива — развѣ вы забыли?...

ГРАФЪ.

Все же иногда....

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Вамъ бы менѣе всякаго другаго слѣдовало это позабыть, monsieur le comte. Ахъ, какъ мы были молоды тогда.... осебенно я!... Вы — вы уже пріѣхали къ намъ блестящимъ молодымъ офицеромъ.... Помните, какъ ваша матушка вамъ

обрадовалась, какъ не могла наглядѣться на васъ.... Помните, какъ вы даже вашей старой тетушкѣ, княжнѣ Лизѣ, вскружили голову.... (*Помолчавъ.*) Нѣтъ, я не смѣялась тогда.

ГРАФЪ.

Vous êtes adorable.... plus adorable que jamais.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

En verité? Что значитъ воспоминанье! Вы мнѣ тогда этого не говорили.

ГРАФЪ.

Я? я, который....

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Ну, полноте. А не то, я могу подумать, что вы собираетесь мнѣ дѣлать комплименты; это негодится между старыми друзьями.

ГРАФЪ.

Я? вамъ комплименты?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Да, вы. Не думаете ли вы, что вы много перемѣнились съ тѣхъ поръ, какъ я видѣла васъ? Впрочемъ, давайте говорить о чемъ нибудь другомъ. Скажите мнѣ лучше, что̀ вы дѣлаете, ка̀къ вы живете въ Петербургѣ — все это меня такъ интересуетъ.... Вѣдь вы продолжаете заниматься музыкой, не правда ли?

ГРАФЪ.

Да, между дѣломъ, знаете.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Что̀, у васъ такой же прекрасный голосъ?

ГРАФЪ.

Прекраснаго голоса у меня никогда не было, но я еще пою.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Ахъ, я помню, у васъ былъ чудесный голосъ, такой симпатичный.... Вѣдь вы, кажется, тоже композировали?

ГРАФЪ.

Я и теперь занимаюсь иногда композиціей.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Въ какомъ родѣ?

ГРАФЪ.

Въ итальянскомъ. Я другаго не признаю. Pour moi — je fais peu; mais ce que je fais est bien. Кстати, вѣдь и вы занимались музыкой. Вы, помните, сами очень мило пѣли, очень хорошо на фортепьянахъ играли. Я надѣюсь, вы всего этого не бросили?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*указывая на фортепьяно и на лежащія на немъ ноты*).

Вотъ мой отвѣтъ.

ГРАФЪ.

А! (*Подходитъ къ фортепьяно*).

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Но, къ сожалѣнію, фортепьяна мои очень плохи; зато по-крайней-мѣрѣ вѣрны. Они дребезжатъ, но отъ нихъ не дѣлается тоски.

ГРАФЪ (*беретъ два-три аккорда*).

Звукъ ихъ не дуренъ. Ахъ, кстати — какая мысль! Вѣдь вы разбираете à livre ouvert?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Если не слишкомъ трудно, разбираю.

ГРАФЪ.

О! это нисколько не трудно. У меня здѣсь небольшая вещь, une bagatelle que j'ai composée, дуэтино изъ моей оперы для тенора и сопрано. Я — вы, можетъ-быть, слыхали, я пишу оперу — для забавы, знаете ли... sans aucune prétention.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Неужели?

ГРАФЪ.

Такъ вотъ, если вы позволите, я пошлю за этимъ дуэтино, или, лучше, нѣтъ, я самъ схожу за нимъ. Мы его разберемъ съ вами — хотите?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

А оно у васъ здѣсь?

ГРАФЪ.

Здѣсь, на квартирѣ.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Ахъ, ради Бога, графъ, принесите его поскорѣй. Боже мой, какъ я вамъ благодарна! Пожалуйста, ступайте за нимъ.

ГРАФЪ (*беретъ шляпу*).

Сейчасъ, сейчасъ. Vous verrez, cela n'est pas mal. Я надѣюсь, что эта бездѣлка вамъ понравится.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Можетъ ли быть иначе? Только я напередъ прошу вашего снисхожденія.

ГРАФЪ.

О, помилуйте! напротивъ, я... (*Уходя, въ дверяхъ*) А! такъ вамъ не до смѣху было тогда!

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Вы, кажется, надо мной теперь смѣетесь.... А я бы могла вамъ показать одну вещь....

ГРАФЪ.

Что такое? что такое?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Которая у меня хранится.... Я бы посмотрѣла, узнали ли бы вы ее.

ГРАФЪ.

Да о чемъ вы говорите?...

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Я ужъ знаю о чемъ. Ступайте теперь, принесите ваше дуэтино, а потомъ мы увидимъ.

ГРАФЪ.

Vous êtes un ange. Я сейчасъ вернусь. Vous êtes un ange! (*Дѣлаетъ ей ручкой и исчезаетъ въ переднюю.*)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Дарья Ивановна одна.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*глядитъ ему вслѣдъ и, послѣ небольшаго молчанія, восклицаетъ*).

Побѣда! побѣда!... Неужели? И такъ скоро, такъ неожиданно! А! je suis un ange — je suis adorable! Стало-быть, я еще не совсѣмъ заржавѣла здѣсь. Я еще могу нравиться даже такимъ людямъ, какъ онъ (*улыбаясь*), какъ онъ.... О, милый мой графъ! я не могу вамъ скрыть, что вы довольно смѣшны и очень устарѣли. И онъ и не поморщился, когда я ему сказала что ему было тогда 28 лѣтъ вмѣсто 37... какъ я однако спокойно солгала. Ступайте за вашимъ дуэтино, какъ вы говорите. Вы можете быть напередъ увѣрены, что я найду его прелестнымъ. (*Останавливается передъ зеркаломъ, глядится и проводитъ обѣими руками по своей таліи.*) Мое бѣдное, деревенское платьице, я скоро разстанусь съ тобой, прощай! Не даромъ я сама хлопотала надъ тобой, не даромъ я для тебя выпросила картинку у нашей городничихи. Ты мнѣ сослужило службу. Я тебя никогда не брошу; но въ Петербургѣ ужь я тебя надѣвать не стану. (*Охорашиваясь*). Мнѣ кажется, на этихъ плечахъ не стыдно лежать и бархату....

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Дарья Ивановна. Дверь изъ передней слегка растворяется, и выказывается голова Миши. Онъ глядитъ нѣкоторое время на Дарью Ивановну и, не входя въ комнату, говоритъ вполголоса: «Дарья Ивановна!...»

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*быстро оглядывается*).

А это вы, Миша! Что вамъ? Мнѣ теперь некогда....

МИША.

Я знаю, знаю.... я не войду-съ; я только желалъ васъ предупредить, что Алексѣй Иванычъ сейчасъ прійдутъ.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Зачѣмъ же вы съ нимъ не пошли гулять?

МИША.

Я гулялъ-съ съ нимъ, Дарья Ивановна; но они мнѣ сказали-съ, что желаютъ идти на службу; я не могъ ихъ удержать-съ.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Ну, онъ отправился на службу?

МИША.

Они точно вошли въ присутствіе, но черезъ короткое время изволили выйдти-съ.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

А вы почемъ знаете, что онъ вышелъ.

МИША.

А я изъ-за угла глядѣлъ-съ. (*Прислушивается.*) Вотъ они, кажется, сюда идутъ-съ. (*Скрывается и черезъ минуту показывается опять*). Вѣдь вы меня не забудете-съ?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Нѣтъ, нѣтъ.

МИША.

Слушаю-съ. (*Исчезаетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМНАДЦАТОЕ.

Дарья Ивановна; немного погодя, Алексѣй Ивановичъ.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Неужели Алексѣй Иванычъ вздумалъ ревновать? Вотъ кстати. нечего сказать! (*Она садится. Изъ двери передней выходитъ Алексѣй Ивановичъ. Онъ въ смущеніи. Дарья Ивановна оглядывается*). А, это ты, Alexis?

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Я, я, душа, моя, я. А развѣ графъ ушелъ?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Я думала, что ты на службѣ.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Я и то заходилъ въ присутствіе сказать, знаешь, чтобъ меня не ждали. Да и какъ же бы я могъ сегодня. У насъ такой почетный гость.... Да куда жь это онъ ушелъ?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*встаетъ*).

Послушайте, Алексѣй Ивановичъ, хотите вы получить хорошеее мѣсто, съ хорошимъ жалованьемъ, въ Петербургѣ?

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Я? Еще бы!

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Хотите?

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Конечно... Какой вопросъ!

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Такъ оставьте меня одну.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

То-есть, ка́къ одну?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Одну съ графомъ. Онъ сейчасъ прійдетъ. Онъ пошелъ на свою квартиру за дуэтино.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

За дуэтино?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Да́, за дуэтино? Онъ сочинилъ дуэтъ. Мы хотимъ его вмѣстѣ разобрать.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Отчего же я долженъ уйдти?... Я бы тоже хотѣлъ послушать...

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Ахъ, Алексѣй Иванычъ! Вы знаете, всѣ авторы ужасно робки, и третье лицо — для нихъ, просто, бѣда.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Для авторовъ? Гмъ ... Да̀, третье лицо.... Но я, право, не

знаю, прилично ли это будетъ.... Какъ же это я уйду изъ дому?... Графъ наконецъ можетъ обидѣться.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Нисколько, увѣряю тебя. Онъ знаетъ, что ты человѣкъ занятой, служащій; притомъ же ты къ обѣду вернешься.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Къ обѣду? Да.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Въ три часа.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Въ три часа. Гмъ! Да.... Я совершенно съ тобою согласенъ. Къ обѣду. Да́, въ три часа. (*Вертится на мѣстѣ*).

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*подождавъ*).

Ну, что же ты?

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Я не знаю.... У меня что-то, словно этакъ, голова болитъ. Вотъ эта, лѣвая сторона.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Неужели? Лѣвая сторона?

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Ей-богу. Вотъ, вотъ вся эта сторона; я не знаю.... мнѣ, кажется, лучше дома остаться.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Послушай, мой другъ, ты ревнуешь меня къ графу, это ясно.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Я? Съ чего ты это взяла? Это было бы слишкомъ глупо....

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Конечно, это было бы очень глупо, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но ты ревнуешь.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Я?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Ты ревнуешь меня къ человѣку, который краситъ себѣ волосы.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Графъ себѣ краситъ волосы? Такъ чтожъ? Я ношу парикъ.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

И то правда; а потому, такъ какъ мнѣ твое спокойствіе дороже всего, пожалуй, оставайся... Но ужь не думай о Петербургѣ.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Да отчего же? развѣ это мѣсто въ Петербургѣ... развѣ оно зависитъ отъ моего отсутствія?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Именно.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Гмъ! Странно. Я, конечно, согласенъ съ тобой; но все-таки это странно, согласись и ты.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Можетъ быть.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Какъ это странно... какъ это странно! (*Расхаживаетъ по комнатѣ.*) Гмъ!

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Но во всякомъ случаѣ, рѣшайся скорѣе... Графъ сейчасъ долженъ вернуться.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Какъ это странно! (*Помолчавъ.*) Знаешь ли что, Даша, я останусь.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Какъ тебѣ угодно.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Да развѣ графъ тебѣ говорилъ что нибудь объ этомъ мѣстѣ?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Я ничего не могу прибавить къ тому, что я тебѣ уже сказала. Оставайся или уходи, какъ хочешь.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

И хорошее мѣсто?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Хорошее.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Я совершенно съ тобою согласенъ. Я.... я остаюсь.... я рѣшительно остаюсь, Даша. (*Въ передней раздается голосъ графа, который дѣлаетъ руладу.*) Вотъ онъ. (*Послѣ небольшаго колебанья*). Въ три часа? Прощай! (*Бѣжитъ въ кабинетъ*).

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Слава Богу!

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

Дарья Ивановна и Графъ; у него въ рукахъ свертокъ.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Наконецъ, я васъ дождалась, графъ.

ГРАФЪ.

Me voilà, me voilà, ma toute belle. Я немножко замешкался.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Покажите, покажите.... Вы не можете себѣ представить, въ какомъ я нетерпѣніи. (*Беретъ у него свертокъ изъ рукъ и съ жадностью его разсматриваетъ.*)

ГРАФЪ.

Вы, пожалуйста, не ожидайте чего-нибудь этакого, слишкомъ необыкновеннаго. Вѣдь я вамъ напередъ сказалъ, что это бездѣлка, сущая бездѣлка.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*не сводя глазъ съ нотъ*).

Напротивъ, напротивъ.... Oh! mais c'est charmant! Ахъ, какъ этотъ переходъ милъ! (*Указывая пальцемъ на одно мѣсто*). Ахъ, я влюблена въ этотъ переходъ!...

ГРАФЪ (*съ скромной усмѣшкой*).

Да, онъ не совсѣмъ обыкновенный.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

И эта rentrée....

ГРАФЪ.

А! она вамъ нравится?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Очень, очень мило! Ну, пойдемте, пойдемте; что время терять! (*Идетъ къ фортепьяно, садится, поднимаетъ пюпитръ и кладетъ ноты.... Графъ становится за ея стуломъ.*)

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Это andante?

ГРАФЪ.

Andante, andante amoroso quasi cantando. (*Откашливается*). Гмъ, гмъ! Я сегодня не въ голосѣ.... Но вы, извините.... Une voix de compositeur, vous savez.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Извѣстная отговорка. Что жь мнѣ, бѣдной, сказать послѣ этого? Я начинаю. (*Она играетъ ритурнель.*) Вотъ это трудно.

ГРАФЪ.

Не для васъ.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

А слова очень милы.

ГРАФЪ.

Да.... я ихъ нашолъ, кажется, dans Metastase.... я не знаю четко ли они написаны. (*Указывая пальцемъ*) Это онъ ей поетъ:

La dolce tua immagine
O vergine amata
Dell' alma inamorata....

Да вотъ, позвольте, слушайте. (*Поетъ романсъ въ италіанскомъ вкусѣ; Дарья Ивановна аккомпанируетъ ему.*)

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Прекрасно, прекрасно.... Oh, que c'est joli!

ГРАФЪ.

Вы находите?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Удивительно, удивительно!

ГРАФЪ.

Я еще не такъ это спѣлъ, какъ бы слѣдовало. Но какъ вы мнѣ аккомпанировали, Боже мой! Я васъ увѣряю, никто, никто мнѣ такъ не аккомпанировалъ... никто!

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Вы мнѣ льстите.

ГРАФЪ.

Я? это не въ моемъ характерѣ, Дарья Ивановна. Вѣрьте мнѣ, c'est moi qui vous le dis. Вы великая музыкантша.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*словно все еще погруженная въ созерцаніе нотъ*).

Какъ этотъ пассажъ мнѣ нравится! Какъ это ново!

ГРАФЪ.

Не правда ли?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

И неужели вся опера такъ же хороша?

ГРАФЪ.

Вы знаете, въ этомъ дѣлѣ авторъ не судья; но мнѣ кажется, что по крайней мѣрѣ остальное не хуже, если не лучше.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Боже мой! Неужели вы мнѣ не съиграете что-нибудь изъ этой оперы?

ГРАФЪ.

Я былъ бы слишкомъ радъ и счастливъ исполнить вашу просьбу, Дарья Ивановна, но къ сожалѣнію, я не играю на фортепьянахъ и ничего не взялъ съ собой.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Какъ жаль! (*Вставая*) До другаго раза. Вѣдь я надѣюсь, графъ, что вы побываете къ намъ передъ вашимъ отъѣздомъ.

ГРАФЪ.

Я? я, если вы позволите, готовъ къ вамъ ѣздить каждый день. Чтожь касается до моего обѣщанія, то ужь на этотъ счетъ вы можете быть совершенно покойны.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*невинно.*)

Какого обѣщанія?

ГРАФЪ.

Я вашему мужу доставлю мѣсто въ Петербургѣ, ручаюсь вамъ честнымъ словомъ. Вамъ нельзя здѣсь оставаться. Помилуйте, это было бы, просто, срамъ! Vous n'étes pas faites, чтобы этакъ, pour végetér ici. Вы должны быть однимъ изъ блестящихъ украшеній нашего общества, и я хочу.... я буду

гордиться тѣмъ, что я первый.... Но вы, кажется, задумались.... о чемъ, смѣю спросить?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*напѣвая будто про себя*).

La dolce tua immagine....

ГРАФЪ.

А! я зналъ, я зналъ, что эта фраза останется у васъ въ памяти.... Вообще все что я дѣлаю, est trés chantant.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Эта фраза чрезвычайно мила. Но извините, графъ.... я и не слыхала, что вы мнѣ говорили.... по милости вашей музыки.

ГРАФЪ.

Я вамъ говорилъ, Дарья Ивановна, что вамъ непремѣнно нужно переѣхать въ Петербургъ — во первыхъ, для васъ и для вашего мужа, а во вторыхъ, и для меня. Я осмѣливаюсь упомянуть о себѣ, потому что... потому что наша старинная, можно сказать, связь даетъ мнѣ нѣкоторое право на это. Я никогда не забывалъ васъ, Дарья Ивановна, а теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь могу васъ увѣрить, что я искренно вамъ преданъ.... что эта встрѣча съ вами....

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*печально*).

Графъ, къ чему вы это говорите?

ГРАФЪ.

Почему жь мнѣ не говорить того, что я чувствую?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Потому что вамъ не слѣдовало бы возбуждать во мнѣ....

ГРАФЪ

Что возбуждать.... что возбуждать? говорите....

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Ступендьевъ показывается въ дверяхъ кабинета.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Напрасныя ожиданья.

ГРАФЪ.

Почему жь напрасныя? И какія ожиданья?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Почему? Я постараюсь быть откровенной съ вами, Валерьянъ Николаичъ.

ГРАФЪ.

Вы помните мое имя!

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Вотъ видите ли, здѣсь.... вы обратили на меня.... нѣкоторое вниманіе, а въ Петербургѣ, я, можетъ быть, покажусь вамъ такою незначительною, что, вы, пожалуй, будете сожалѣть о томъ, что теперь намѣрены сдѣлать для насъ.

ГРАФЪ.

О, что вы говорите, помилуйте! Вы себѣ не знаете цѣны. Но развѣ вы не понимаете.... mais vous êtes une femme charmante.... Сожалѣть о томъ, что сдѣлано для васъ, Дарья Ивановна!...

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*увидавъ Ступендьева*).

Для моего мужа, вы хотите сказать.

ГРАФЪ.

Ну, да, да, для вашего мужа. Сожалѣть.... Нѣтъ, вы еще не знаете настоящихъ моихъ чувствъ.... я тоже хочу быть откровеннымъ съ вами.... въ свою очередь.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*въ смущеньи*).

Графъ....

ГРАФЪ.

Вы не знаете моихъ настоящихъ чувствъ, говорю вамъ: вы ихъ не знаете.

СТУПЕНДЬЕВЪ (*быстро входитъ въ комнату, приближается къ графу, который стоитъ къ нему спиной, и кланяется*).

Ваше сіятельство, ваше сіятельство.

ГРАФЪ

Вы не знаете чувствъ моихъ, Дарья Ивановна.

СТУПЕНДЬЕВЪ (*кричитъ*).

Ваше сіятельство, ваше сіятельство....

ГРАФЪ (*быстро оборачивается, глядитъ на него нѣкоторое время и спокойно говоритъ*)

А, это вы, Алексѣй Иванычъ?.... Откуда вы явились?

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Изъ кабинета.... изъ кабинета, ваше сіятельство. Я былъ тутъ, въ кабинетѣ, ваше сіятельство....

ГРАФЪ.

Я думалъ, что вы на службѣ. А мы здѣсь съ вашей супругой занимались музыкой. Господинъ Ступендьевъ, вы счастливѣйшій человѣкъ! Я вамъ это говорю такъ просто, безъ обиняковъ, потому что я вашу жену знаю съ дѣтства.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Вы слишкомъ добры, ваше сіятельство.

ГРАФЪ.

Да, да.... Вы счастливый человѣкъ!

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Другъ мой, ты можешь благодарить графа.

ГРАФЪ (*быстро перерывая*).

Permettez.... Je le lui dirai moi même.... plus tard.... quand nous serons plus d'accord. (*Громко къ Ступендьеву:*) Вы счастливый человѣкъ! Любите вы музыку?

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Какъ же, ваше сіятельство. Я....

ГРАФЪ (*обращаясь къ Дарьѣ Ивановнѣ*).

Кстати... вы мнѣ хотѣли что-то показать, вы забыли?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Я?

ГРАФЪ.

Да.... вы.... Vous avez déja oublié.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*быстро, вполголоса.*)

Il est jaloux et il comprend le français. Ахъ, да, точно.... Я теперь вспомнила; я хотѣла вамъ.... я хотѣла вамъ показать нашъ садъ; до обѣда еще есть время.

ГРАФЪ.

А! (*Помолчавъ*) а! у васъ есть садъ?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Небольшой, но въ немъ довольно цвѣтовъ.

ГРАФЪ.

Дà, дà, я помню; вы всегда были до нихъ большая охот-

ница. Покажите, покажите мнѣ вашъ садъ, сдѣлайте одолженіе. (*Идетъ къ фортепьянамъ за шляпой.*)

СТУПЕНДЬЕВЪ (*вполголоса, подходя къ Дарьѣ Ивановнѣ*).

Чтожь это.... чтожь это.... чтожь это значитъ — а?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*вполголоса*).

Въ три часа, или безъ мѣста! (*Отходитъ отъ него и беретъ со столика зонтикъ.*)

ГРАФЪ (*возвращаясь*).

Дайте мнѣ вашу руку. (*Вполголоса*). Я васъ понимаю.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*глядя на него съ едва замѣтной усмѣшкой*).

Вы думаете?

СТУПЕНДЬЕВЪ (*словно просыпаясь*).

Да позвольте, позвольте.... И я съ вами пойду.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*останавливается и оглядывается*).

И ты хочешь идти, mon ami? Ступай, ступай съ нами, ступай. (*Они съ графомъ направляются къ двери сада*).

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Да... я.... я пойду. (*Схватываетъ шляпу и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ*).

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Ступай, ступай.... (*Она уходитъ съ графомъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ.

СТУПЕНДЬЕВЪ (*дѣлаетъ еще нѣсколько шаговъ, комкаетъ шляпу и бросаетъ ее на полъ*).

Да! чертъ возьми, я остаюсь! остаюсь! не пойду! (*Ходитъ по комнатѣ.*) Я человѣкъ рѣшительный, я не люблю полумѣръ. Я хочу видѣть, докуда.... я хочу все это вынести до конца. Я хочу убѣдиться собственными глазами. Вотъ что я хочу.... Вѣдь, это, наконецъ, неслыханное дѣло! — Ну, положимъ, она знала его въ дѣтствѣ; ну, положимъ, она образованная женщина, очень, очень образованная женщина — да кажая же нужда меня-то дурачить? Оттого, что я не получилъ воспитанія? Во первыхъ, это не моя вина. Говоритъ тамъ омѣстѣ, въ Петербургѣ — ну, что за вздоръ? ну, можно ли

этому повѣрить? Какъ бы не такъ! Графъ этотъ сейчасъ дастъ мнѣ мѣсто. Да и наконецъ, самъ-то онъ развѣ такая сильная птица — дѣла его совершенно плохи.... Ну, положимъ, онъ тамъ какъ-нибудь мнѣ точно доставитъ мѣсто; да зачѣмъ все этакъ съ нимъ, тетъ-анъ-тетъ, цѣлый день?... Вѣдь это неприлично! Ну, обѣщалъ — и конецъ. Въ три часа.... Еще говоритъ, въ три часа (*глядитъ на часы*), а теперь всего четверть третьяго! (*Останавливается*). А пойду-ка я въ садъ! (*Взглядываетъ*) Вишь не видать ихъ. (*Поднимаетъ шляпу и расправляетъ ее.*) Пойду, ей-богу пойду. Сама же, сама мнѣ (*передразнивая жену*): ступай, мон-ами, ступай! (*Помолчавъ*). Да, какъ бы не такъ, пойдешь! Нѣтъ, братъ, знаю я тебя.... куда тебѣ пойдти! Пойдешь, какъ же, сейчасъ! Э! (*Съ досадой опять швыряетъ шляпу на полъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ.

Ступендьевъ и Миша выходитъ изъ передней.

МИША (*подходя къ Ступендьеву*).

Что съ вами, Алексѣй Иванычъ? вы какъ будто не со всѣмъ въ своей тарелкѣ-съ? (*Поднимаетъ шляпу, расправляетъ ее и ставитъ на столъ.*) Что съ вами-съ?

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Отстань, братъ, пожалуйста. Не надоѣдай хоть ты по крайней мѣрѣ.

МИША.

Помилуйте, Алексѣй Иванычъ, не извольте такъ выражаться; неужели я васъ чѣмъ-нибудь обезпокоилъ-съ?

СТУПЕНДЬЕВЪ (*помолчавъ*).

Не ты меня безпокоишь, а (*показываетъ рукой въ направленіи къ саду*) вотъ кто!

МИША (*глянувъ въ дверь, невиннымъ голосомъ*).

Кто же такое, смѣю просить?

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Кто?... онъ....

МИША.

Кто онѣ-съ?

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Какъ будто ты не знаешь! Этотъ пріѣзжій графъ.

МИША.

Какимъ же манеромъ могъ онъ васъ безпокоить-съ?

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Какимъ манеромъ!.. Онъ вотъ съ утра отъ Дарьи Ивановны не отходитъ, поетъ съ ней, гуляетъ.... Что ты думаешь.... это.... это пріятно? пріятно это—а? для мужа то-есть?

МИША.

Для мужа ничего-съ.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Какъ ничего? Развѣ ты не слышишь: гуляетъ съ ней поетъ?

МИША.

Только-то-съ?.. Помилуйте, Алексѣй Иванычъ, какъ вамъ не грѣшно, этакъ того-съ.... безпокоиться? Вѣдь это все, такъ сказать, для вашего блага дѣлается. Графъ, человѣкъ важный, съ вліяньемъ, зналъ Дарью Ивановну съ дѣтства — какъ же этимъ не воспользоваться, помилуйте-съ? Да послѣ этого вамъ бы, просто, стыдно было показаться на глаза всякому благомыслящему человѣку. Я чувствую, что выраженія мои сильны, слишкомъ сильны, но мое усердіе къ вамъ....

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Убирайся ты съ твоимъ усердіемъ! (*Садится и отворачивается.*)

МИША.

Алексѣй Иванычъ.... (*Помолчавъ*) Алексѣй Иванычъ!

СТУПЕНДЬЕВЪ (*не перемѣняя положенія*).

Ну, что тебѣ?

МИША.

Что вы изволите такъ сидѣть? Пойдемте лучше гулять.

СТУПЕНДЬЕВЪ (*все также*).

Не хочу я гулять.

МИША.

Пойдемте-съ.... Ей-богу пойдемте-съ.

СТУПЕНДЬЕВЪ (*быстро оборачиваясь и скрещивая руки*).

Да что тебѣ надобно наконецъ? а?... Что ты отъ меня сегодня ни на шагъ не отходишь съ утра? Что тебя ко мнѣ приставили, какъ няньку, что ли?

МИША (*опуская глаза*).

Точно, приставили-съ.

СТУПЕНДЬЕВЪ (*вставая*).

Кто, смѣю спросить?

МИША.

Для вашего же блага-съ, Алексѣй Иванычъ.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Позвольте узнать, милостивый государь, кто васъ ко мнѣ приставилъ?

МИША (*съ нѣкоторымъ стеканьемъ*).

Только выслушайте меня, Алексѣй Иванычъ, ради Бога. Два слова, Алексѣй Иванычъ, два слова... я не могу вамъ этакъ подробно объяснить. Кажется, вотъ дождичекъ идти собирается.... они сейчасъ придутъ....

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Дождикъ собирается идти, а ты меня зовешь гулять!

МИША.

Да мы можемъ, этакъ, не по улицѣ.... Помилуйте, Алексѣй Иванычъ, не тревожьтесь.... Чего вы можете бояться?... Вѣдь мы тутъ; вѣдь мы наблюдаемъ-съ.... вѣдь, кажется, это все вещь такая-съ извѣстная-съ.... Вы, вотъ, въ три часа вернетесь....

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Да изъ чего ты-то хлопочешь? Что она тебѣ такое говорила?...

МИША.

Онѣ мнѣ ничего, этакъ, собственно не говорили-съ.... а такъ-съ.... Помилуйте, вѣдь вы оба мои благодѣтели. Вы мой благодѣтель, а Дарья Ивановна моя благодѣтельница; при-

томъ же онѣ мнѣ и родственница. Какъ же мнѣ не радѣть.... (*Беретъ его подъ руку.*)

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Я остаюсь, говорятъ! Мое мѣсто здѣсь! Я здѣсь хозяинъ.... Здѣсь мое мѣсто! Я разрушу ихъ замыселъ!

МИША.

Конечно, вы хозяинъ-съ; да, вѣдь, коли я вамъ говорю, что мнѣ все извѣстно.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Такъ чтожъ? Ты думаешь, она тебя не проведетъ? Небойсь, ты, братъ, еще молодъ и глупъ. Ты еще женщинъ не знаешь....

МИША.

Гдѣ мнѣ ихъ знать-съ.... Только вотъ-съ....

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Я здѣсь графа засталъ и своими собственными ушами слышалъ, какъ онъ приставалъ: вы, молъ, сударыня, не знаете моихъ чувствій; я, молъ, ихъ вамъ открою, мои чувствія.... А ты зовешь меня гулять....

МИША (*тоскливо*).

Кажется, дождикъ накрапываетъ.... Алексѣй Иванычъ! Алексѣй Иванычъ!

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Вѣдь вишь присталъ! (*Помолчавъ.*) А, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ накрапываетъ!

МИША.

Они сюда идутъ, они сюда идутъ... (*Опять беретъ его подъ руку.*)

СТУПЕНДЬЕВЪ (*упираясь*).

Да нѣтъ же, говорятъ! (*Помолчавъ.*) Ну, а впрочемъ, чертъ возьми, пойдемъ!

МИША.

Позвольте, я шляпу, шляпу....

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Гдѣ тутъ шляпу? брось! (*Оба убѣгаютъ въ переднюю.*)

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ.

Дарья Ивановна и Графъ входятъ изъ сада.

ГРАФЪ.

Charmant, charmant!

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Вы находите?

ГРАФЪ.

Вашъ садъ чрезвычайно милъ, какъ и все здѣсь. (*Помолчавъ.*) Дарья Ивановна, я признаюсь.... я всего этого не ожидалъ; я въ очарованьи, я въ очарованьи....

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Чего вы не ожидали, графъ?

ГРАФЪ.

Вы меня понимаете. Но когда вы мнѣ покажете это письмо?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Зачѣмъ оно вамъ?....

ГРАФЪ.

Какъ зачѣмъ?... Я бы желалъ знать, такъ же ли я чувствовалъ въ то время, въ то прекрасное время, когда мы были такъ молоды оба....

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Графъ, намъ, я думаю, лучше не касаться до того времени.

ГРАФЪ.

Да почему же? Развѣ вы, Дарья Ивановна, развѣ вы не видите, какое вы произвели на меня впечатлѣніе?...

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*съ смущеньемъ*).

Графъ....

ГРАФЪ.

Нѣтъ, выслушайте меня.... Я вамъ правду скажу.... Когда я пришелъ сюда, когда я васъ увидѣлъ, я, признаюсь, подумалъ—извините меня, пожалуйста — я подумалъ, что вы желали только возобновить знакомство со мной...

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*поднимая глаза*).

И вы не ошиблись....

ГРАФЪ.

И потому я.... я....

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*съ улыбкой*).

Далѣе, графъ, далѣе.

ГРАФЪ.

Потомъ я вдругъ убѣдился, что имѣю дѣло съ женщиной чрезвычайно плѣнительной, а теперь откровенно долженъ вамъ сознаться — теперь, вы мнѣ совершенно вскружили голову.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Вы смѣетесь надо мной, графъ...

ГРАФЪ.

Я смѣюсь надъ вами?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Да, вы! Сядемте, графъ. Позвольте мнѣ вамъ сказать два слова. (*Садится.*)

ГРАФЪ (*садясь*).

Вы мнѣ все не вѣрите!...

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

А вы хотите, чтобъ я вамъ вѣрила? Полноте.... какъ будто бы я не знаю, какого рода впечатлѣніе произвожу на васъ. Сегодня я вамъ, Богъ знаетъ, почему нравлюсь; завтра вы меня позабудете. (*Онъ хочетъ говорить, но она его останавливаетъ.*) Поставьте себя въ мое положеніе... Вы еще молоды, блестящи, живете въ большомъ свѣтѣ; у насъ вы случайный гость....

ГРАФЪ.

Но...

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*останавливая его*).

Мимоходомъ вы замѣтили меня. Вы знаете, что наши дороги въ жизни такъ различны... что же вамъ стоитъ увѣрить меня въ вашей.... въ вашей дружбѣ?... Но я, графъ, я, которой суждено провести весь свой вѣкъ въ уединеніи — я дол-

жна дорожить своимъ покоемъ, я должна строго наблюдать за своимъ сердцемъ, если не хочу современемъ....

ГРАФЪ (*перебивая ее*).

Сердцемъ, сердцемъ; vous dites сердцемъ! Да развѣ у меня тоже нѣтъ сердца, наконецъ? И почему вы знаете, что оно.... это сердце не.... не заговорило наконецъ? Вы говорите: уединенье! Но почему же уединенье?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Я дурно выразилась, графъ; я не одна — я не имѣю права говорить объ уединеніи.

ГРАФЪ.

Понимаю, понимаю — вашъ мужъ.... но развѣ.... развѣ.... Вѣдь это только между нами.... одно этакъ.... de la sympathie. (*Небольшое молчаніе.*) Мнѣ только, признаюсь, одно больно: мнѣ больно, что вы не отдаете мнѣ справедливости, что вы видите во мнѣ какого-то, я не знаю.... какого-то фальшиваго человѣка.... что вы не вѣрите мнѣ, наконецъ....

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*помолчавъ и посмотрѣвъ на него сбоку*).

Такъ вѣрить мнѣ вамъ, графъ?

ГРАФЪ.

Oh vous êtes charmante. (*Беретъ ея руку. Дарья Ивановна сперва какъ будто хочетъ принять ее, потомъ оставляетъ. Графъ съ жаромъ ее цѣлуетъ*). Дà, вѣрьте мнѣ, Дарья Ивановна, вѣрьте.... я васъ не обманываю. Я сдержу всѣ свои обѣщанья. Вы будете жить въ Петербургѣ.... Вы.... вы увидите. И не въ уединеніи.... я за это вамъ ручаюсь. Вы говорите, я васъ забуду? Кàкъ бы вы меня не забыли!

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Валерьянъ Николаичъ!

ГРАФЪ.

А, вы сами теперь видите, кàкъ непріятно или оскорбительно сомнѣніе. Вѣдь я бы могъ тоже подумать, что вы притворяетесь, que ce n'est pas pour mes beaux yeux....

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Валерьянъ Николаичъ!

ГРАФЪ (*болѣе и болѣе одушевляясь и вставая*).

Впрочемъ, что мнѣ за дѣло, какого бы вы ни были мнѣнія обо мнѣ!... Я.... я долженъ вамъ сказать, что я вамъ душевно преданъ, что я наконецъ влюбленъ въ васъ, страстно, страстно влюбленъ, и готовъ на колѣняхъ поклясться вамъ.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

На колѣняхъ, графъ? (*Встаетъ.*)

ГРАФЪ.

Дà, на колѣняхъ, еслибъ это не было принято — такъ, чѣмъ-то театральнымъ.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Отчего же?... Нѣтъ, это, признаюсь, это должно быть очень пріятно — для женщины. (*Быстро оборачиваясь къ Любину*) Станьте на колѣни, графъ, коли вы точно не смѣетесь надо мной.

ГРАФЪ.

Съ удовольствіемъ, Дарья Ивановна, если это только можетъ васъ заставить повѣрить наконецъ.... (*Не безъ труда становится на колѣни.*)

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*даетъ ему стать на колѣни и быстро приближается къ нему*).

Помилуйте, графъ, чтò вы! я шутила; встаньте.

ГРАФЪ (*пробуетъ встать и не можетъ*).

Все равно, оставьте. Je vous aime Dorothée.... Et vous?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Встаньте, прошу васъ.... (*Изъ передней показывается Ступендьевъ, напрасно удерживаемый Мишей.*) Встаньте.... (*Она дѣлаетъ знаки и сама съ трудомъ удерживаетъ смѣхъ.*) Встаньте.... (*Графъ съ изумленіемъ глядитъ на нее и замѣчаетъ ее знаки*). Да встаньте же, говорятъ....

ГРАФЪ (*не вставая*).

Кому вы дѣлаете знаки?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Графъ, ради Бога, встаньте!

ГРАФЪ.

Дайте мнѣ руку.

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же, Ступендьевъ и Миша, Ступендьевъ во время этого разговора подошелъ къ самому графу. Миша остановился у порога. Дарья Ивановна глядитъ на графа, на мужа и съ звонкимъ хохотомъ бросается въ кресла. Графъ въ смущеніи оглядывается и видитъ Ступендьева. Тотъ ему кланяется. Графъ съ досадой обращается къ нему.

ГРАФЪ.

Помогите мнѣ встать, милостивый государь!... Я какъ-то.... здѣсь сталъ на колѣни. Да помогите же мнѣ! (*Дарья Ивановна перестаетъ смѣяться.*)

СТУПЕНДЬЕВЪ (*хочетъ поднять его подъ мышки*).

Слушаю-съ, ваше сіятельство.... Извините меня, если я.... того-съ....

ГРАФЪ (*отталкиваетъ его и вскакиваетъ молодцомъ*).

Очень хорошо-съ, очень хорошо-съ — я у васъ ничего не спрашиваю.... (*Подходя къ Дарьѣ Ивановнѣ.*) Прекрасно, Дарья Ивановна, очень вамъ благодаренъ....

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*принимая умоляющій видъ*).

Чѣмъ же я виновата, Валерьянъ Николаичъ?

ГРАФЪ.

Вы нисколько не виноваты, помилуйте! Нельзя не смѣяться надъ тѣмъ, что̀ смѣшно — я васъ въ этомъ не упрекаю, повѣрьте; но, сколько я могъ замѣтить, это все было у васъ напередъ сговорено съ вашимъ супругомъ.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Почему вы это думаете, графъ?

ГРАФЪ.

Почему? Да потому, что въ этакихъ случаяхъ, обыкновенно, не смѣются и не дѣлаютъ знаковъ.

СТУПЕНДЬЕВЪ (*который вслушался*).

Помилуйте, ваше сіятельство, между нами ничего не было сговорено, увѣряю васъ, ваше сіятельство. (*Миша дергаетъ его за фалду*).

ГРАФЪ. (*съ горькимъ смѣхомъ къ Дарьѣ Ивановнѣ*).

Ну, послѣ этого вамъ трудно будетъ еще запираться.... (*Помолчавъ.*) Впрочемъ, вамъ и нѐ для чего запираться. Я совершенно заслуживалъ это.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Графъ....

ГРАФЪ.

Не извиняйтесь, прошу васъ. (*Помолчавъ, про себя.*) Какой позоръ! Одно только осталось средство выйдти изъ этого глупаго положенія.... (*Громко къ Дарьѣ Ивановнѣ.*) Дарья Ивановна?...

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Графъ?

ГРАФЪ (*помолчавъ*).

Вы, можетъ-быть, думате, что я теперь не сдержу своего слова, сейчасъ уѣду, и не прощу вамъ вашей мистификаціи? Я бы, можетъ-быть, имѣлъ право это сдѣлать, потому-что, все-таки, съ порядочнымъ человѣкомъ такъ шутить не слѣдуетъ; но я желаю, чтобъ вы, въ свою очередь, узнали, съ кѣмъ имѣли дѣло... Madame, je suis un galant homme. Притомъ я уважаю всегда прекрасный полъ, даже когда мнѣ отъ него достается.... Я остаюсь обѣдать — если г-ну Ступендьеву это не будетъ противно — и, повторяю вамъ, сдержу всѣ свои обѣщанія, теперь еще болѣе, чѣмъ когда-нибудь....

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Валерьянъ Николаичъ, вы, я надѣюсь, тоже не такого дурнаго мнѣнія обо мнѣ; вы не подумаете, неправда ли, что я не умѣю цѣнить.... что я не до глубины сердца тронута вашимъ великодушьемъ..... Я виновата передъ вами; но вы меня узнаете, какъ я теперь узнала васъ....

ГРАФЪ.

О, помилуйте! Къ чему всѣ эти слова?... Все это не стòитъ благодарности.... Но какъ вы хорошо играете комедію!...

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Графъ, вы знаете, комедію хорошо играешь тогда, когда чувствуешь, чтò говоришь....

ГРАФЪ.

А! вы опять.... Нѣтъ, ужь извините — два раза сряду я не попадусь. (*Обращаясь къ Ступендьеву.*) Я долженъ быть очень смѣшонъ въ вашихъ глазахъ теперь, милостивый государь; но постараюсь доказать на дѣлѣ мое желанье быть вамъ полезнымъ....

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Ваше сіятельство, повѣрьте, я.... (*Въ сторону.*) Я ничего не понимаю.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Да это и не нужно.... Благодари только его сіятельство...

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Ваше сіятельство, повѣрьте....

ГРАФЪ.

Полноте, полноте....

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

А васъ, Валерьянъ Николаичъ, я поблагодарю въ Петербургѣ.

ГРАФЪ.

И покажете мнѣ письмо?...

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Покажу, и, можетъ-быть, съ отвѣтомъ.

ГРАФЪ.

Eh bien! il n'y a pas à dire, vous êtes charmante après tout... и я ни въ чемъ не раскаяваюсь....

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Я, можетъ-быть, не буду въ состояніи это сказать.... (*Графъ рисуется; она улыбается.*)

СТУПЕНДЬЕВЪ (*всторону, глядя на часы*).

А вѣдь я пришелъ въ три четверти третьяго, а не въ три.

МИША (*робко подходя къ Дарьѣ Ивановнѣ*).

Дарья Ивановна, чтожь вы, меня-то?... Вы меня-то, кажется, забыли.... А ужь я какъ старался!....

ДАРЬЯ ИВАНОВНА (*вполголоса*).

Я васъ не забыла.... *(Громко)* Графъ позвольте вамъ пред-

ставить одного молодаго человѣка.... (*Миша кланяется*) Я принимаю въ немъ участіе, и если....

ГРАФЪ.

Вы принимаете въ немъ участіе?... Этого довольно.... Молодой человѣкъ, вы можете быть покойны: мы объ васъ не забудемъ.

МИША (*подобострастно*).

Ваше сіятельство....

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ-ПЯТОЕ.

Тѣ же, Аполлонъ и Васильевна.

АПОЛЛОНЪ (*выходя изъ передней*).

Кушанье....

ВАСИЛЬЕВНА (*выходя изъ-за Аполлона*).

Кушанье готово.

СТУПЕНДЬЕВЪ.

А! Ваше сіятельство, милости просимъ.

ГРАФЪ (*подавая руку Дарьѣ Ивановнѣ, къ Ступендьеву*).

Вы позволите?

СТУПЕНДЬЕВЪ.

Сдѣлайте одолженіе.... (*Графъ съ Дарьей Ивановной приближается къ дверямъ*). Однако, я пришелъ не въ три, а въ три четверти третьяго.... все равно; я ничего не понимаю, но моя жена великая женщина!

МИША.

Пойдемте, Алексѣй Иванычъ.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Графъ, я заранѣе прошу у васъ извиненья за провинціальный нашъ обѣдъ.

ГРАФЪ.

Хорошо, хорошо.... Да свиданья въ Петербургѣ, провинціалка!

РАЗГОВОРЪ НА БОЛЬШОЙ ДОРОГѢ.

СЦЕНА.

(ПОСВЯЩЕНО М. П. САДОВСКОМУ.)

(1851)

По большой ....ой дорогѣ тащится довольно уже ветхій тарантасъ, запряженный тройкой загнанныхъ лошадей. Въ тарантасѣ сидятъ рядомъ: господинъ лѣтъ 28-ми, Аркадій Артемьевичъ *Михрюткинъ*, худенькій человѣкъ съ крошечнымъ лицемъ, унылымъ, краснымъ носомъ и бурыми усиками, закутанный въ сѣрую поношенную шинель — и слуга его *Селивёрстъ* (онъ также и земскій), расплывшійся, пухлый мужчина 40 лѣтъ, рябой, съ свиными глазками и жолтыми волосами. На козлахъ сидитъ кучеръ *Ефремъ*, бородастый, красный и курносый, одѣтый въ тяжёлый рыжій армякъ и шляпу съ опустившимися краями; ему тоже около 40 лѣтъ. Солнце печетъ; жара и духота страшная. — Ѣдутъ они изъ уѣзднаго города, и полчаса тому назадъ останавливались въ постоялой дворикѣ, гдѣ и Ефремъ и Селивёрстъ оба успѣли немного выпить. — Г. Михрюткинъ часто кашляетъ, — грудь у него разстроена, и вообще онъ видъ имѣетъ недовольный. Онъ говоритъ торопливо и смутно, словно съ просонья; Ефремъ выражается медленно и обдуманно; Селивёрстъ произноситъ слова съ трудомъ, словно выпираетъ ихъ изъ желудка; онъ страдаетъ одышкой.

МИХРЮТКИНЪ (*внезапно встряхнувъ шинелью*).

Ефремъ — а Ефремъ!

ЕФРЕМЪ (*оборачиваясь къ нему въ половину*).

Чего изволите?

МИХРЮТКИНЪ.

Да что̀, ты спишь должно быть на козлахъ-то? — Какъ же ты не видишь, что̀ у тебѣ подъ носомъ дѣлается — а? — Любезный ты мой другъ.

ЕФРЕМЪ.

А что-съ?

МИХРЮТКИНЪ.

Что-съ? — У тебя одна пристяжная вовсе не работаетъ. Чтожь ты за кучеръ послѣ этого — а?

ЕФРЕМЪ.

Какая пристяжная не работаетъ?

МИХРЮТКИНЪ.

Какая.... какая.... Извѣстно какая: правая вороная. Ничего не везётъ — развѣ ты не видишь?

ЕФРЕМЪ.

Правая?

МИХРЮТКИНЪ.

Ну, не разсуждай, пожалуйста, и не повторяй словъ моихъ. Я этой гнусной привычки въ дворовыхъ людяхъ терпѣть не могу. — Стегни-ка ее, стегни, хорошенько стегни, да впередъ не давай ей дремать, да и самъ тоже того.... (*Ефремъ съ язвительной усмѣшкой сѣчетъ правую пристяжную.*) Послѣ этого мнѣ остается самому на козлы сѣсть, — да развѣ это мое дѣло? Это твое дѣло. Дуракъ. (*Ефремъ продолжаетъ сѣчь пристяжную. Она брыкаетъ.*) Ну однако — тише! (*Помолчавъ.*) Экая между прочимъ жара несносная. (*Закутывается въ шинель и кашляетъ.*)

СЕЛИВЕРСТЪ (*помолчавъ*).

Да-съ.... оно точно: жара. Ну, а впрочемъ — для уборки хлѣбовъ — оно ничего-съ. О-охъ Господи! (*Вздыхаетъ и чмокаетъ губами, какъ бы собираясь дремать.*)

МИХРЮТКИНЪ (*помолчавъ — Селиверсту*).

Скажи, пожалуйста — что это за толстая баба на постоя-

ломъ дворѣ съ нами разсчитывалась? — Я прежде ея не видывалъ.

СЕЛИВЕРСТЪ.

А сама хозяйка. Изъ Бѣлева надысь наѣхала.

МИХРЮТКИНЪ.

Отчего она такая толстая?

СЕЛИВЕРСТЪ.

А кто жь ее знаетъ? Инаго эдакъ вдругъ разопрётъ—чѣмъ онъ въ іефтемъ случаѣ виноватъ?

МИХРЮТКИНЪ.

Она съ насъ дорого взяла — эта баба. Я замѣтилъ — ты никогда на постоялыхъ дворахъ не торгуешься. Никогда. — Чтò запросятъ, то и даешь. Знать она тебѣ подиесла, эта баба. И въ городѣ тоже втрое заплатилъ.

СЕЛИВЕРСТЪ.

Что вы изволите говорить, Аркадій Артемьичъ!... Я, кажется, не таковскій человѣкъ, чтобы изъ какихъ тамъ нибудь угожденьевъ или видовъ....

МИХРЮТКИНЪ.

Ну хорошо, хорошо....

СЕЛИВЕРСТЪ.

Я, Аркадій Артемьичъ, съ-измала еще вашему батюшкѣ покойному служилъ — и до сихъ поръ служу, вашей милости, то есть; и никто за мной никакихъ операцій не замѣчалъ. Потому что я чувствую; и чтобы что-нибудь эдакъ противъ господской выгоды; или вообще не по совѣсти — честь свою замарать согласиться; да я, помилуйте — я — да и Господи Боже ты мой...

МИХРЮТКИНЪ.

Ну, да хорошо же.....

СЕЛИВЕРСТЪ.

А баба эта съ насъ даже не дорого взяла; такъ ли еще берутъ на постоялыхъ дворахъ! — Вы говорите — она мнѣ поднесла: чтожь? можетъ быть, и поднесла. Я отъ своего количества не отказываюсь. Я пью; но пью умѣренно, съ воздержаніемъ.

МИХРЮТКИНЪ.

Ну да говорятъ тебѣ — хорошо.

СЕЛИВЕРСТЪ.

Вы только напрасно меня обидѣть изволили, Аркадій Артемьичъ — Богъ съ вами! (*Михрюткинъ молчитъ.*) Богъ съ вами совсѣмъ!

МИХРЮТКИНЪ (*съ сердцемъ*).

Ну да перестань же, чертъ!

СЕЛИВЕРСТЪ.

Слушаю-съ. (*Воцаряется молчанье.*)

МИХРЮТКИНЪ (*который напрасно старался заснуть, Ефрему*).

А отчего это у тебя коренная ушами трясетъ — устала что ли она — вишь, вишь, на каждомъ шагу встряхиваетъ?

ЕФРЕМЪ (*оборачиваясь въ половину*).

Какая лошадь ухми трясетъ?

МИХРЮТКИНЪ.

Коренная; развѣ ты не видишь?

ЕФРЕМЪ.

Коренная ухми трясетъ?

МИХРЮТКИНЪ.

Да — да; ушми.

ЕФРЕМЪ.

Не знаю, отчего она ухми трясти будетъ. Развѣ отъ мухъ.

МИХРЮТКИНЪ.

Отъ мухъ лошадь всей головой трясетъ — а не одними ухми. — (*Помолчавъ.*) А что — вѣдь она, кажется, на ноги разбита?

ЕФРЕМЪ.

Лядащая лошадь, какъ есть. (*Бьетъ ее кнутомъ.*)

МИХРЮТКИНЪ.

Ну, ты ея не любишь, я знаю.

ЕФРЕМЪ.

Нѣтъ, Аркадій Артемьичъ, я ее люблю (*бьетъ ее*), я, Аркадій Артемьичъ, всѣхъ вашихъ лошадей одинаково соблюдаю, потому что это первое дѣло; а тотъ ужь не кучеръ, который не соблюдаетъ лошадей — тотъ просто легковѣрный

человѣкъ. — Нѣтъ, я ее люблю. А только я справедливъ. — Гдѣ хвалить нечего — не хвалю.

МИХРЮТКИНЪ.

Что̀ жь ты въ ней, напримѣръ, находишь дурнаго?

ЕФРЕМЪ.

Аркадій Артемьичъ, позвольте вамъ доложить. Лошадь лошади рознь. — Вотъ какъ между людьми, напримѣръ, человѣкъ бываетъ натуральный, безъ образованья, однимъ словомъ — пахондрикъ; такъ и въ лошадяхъ. Необстоятельная лошадь, Аркадій Артемьичъ; пріятности въ ней никакой нѣтъ. — Что̀, напримѣръ, бѣжитъ она — на взволокъ что ли, по ровному ли мѣсту — или, напримѣръ, подъ гору спущаетъ — ничего въ ней нѣтъ — извольте сами посмотрѣть. (*Гнется на одинъ бокъ.*) Ну, что бѣжитъ, помилуйте? Нѣтъ отъ нея никакого удовольствія. Просто пустая лошадь. (*Бьетъ ее кнутомъ.*)

МИХРЮТКИНЪ.

Ну, а пристяжныя, по твоему — каковы?

ЕФРЕМЪ.

Ну, пристяжныя — ничего. Вороная, напримѣръ, лошадь обходительная; божевольна маленько, пуглива — ну, и лѣнца есть; а только обходительная лошадь, вѣжливая; а ужь эта вотъ — (*указывая кнутомъ на лѣвую пристяжную*) гнѣдая — просто безъ числа. — Конь добрый, степенный, ко кнуту ласковъ, бѣжитъ прохладно, доброхотъ: слуга, можно сказать, изъ слугъ слуга. — Ногами, правда, не много тронутъ — да вѣдь у насъ какая ѣзда, Аркадій Артемьичъ, помилуйте. То туды, то сюды — покоя нѣтъ лошадямъ ни малѣющаго. То вы сами изволите куда, напримѣръ, прокатиться, — то барыня погонятъ въ городъ, то прикащикъ поскачетъ. — Гдѣ жь имъ тутъ справиться? А ужь я, кажется, объ нихъ, какъ объ отцахъ родныхъ забочусь. Эхъ вы, котята! (*Погоняетъ ихъ.*)

МИХРЮТКИНЪ (*помолчавъ*).

Такъ что жь ты думаешь на счетъ коренной-то — коли она такъ плоха?

ЕФРЕМЪ.

Продать ее слѣдуетъ, Аркадій Артемьичъ. На что такую лошадь держать — сами вы извольте разсудить! Что дурная, что хорошая лошадь — одинаково кормъ ѣдятъ. А то и промѣнять ее можно.

МИХРЮТКИНЪ.

Промѣнять! — Знаю я ваши промѣны! — Придашь денегъ пропасть, своя лошадь ни за что пойдетъ, а смотришь — та-то еще хуже.

ЕФРЕМЪ.

На что же такъ мѣнять, Аркадій Артемьичъ. — Эдакъ мѣнять не хорошо. Надо безъ придачи мѣнять — ухо на ухо.

МИХРЮТКИНЪ.

Ухо на ухо! Да гдѣ жь ты такого дурака найдешь, который бы тебѣ за дрянную лошадь хорошую безъ придачи отдалъ — а? — Что ты однако, за кого меня принимаешь, наконецъ? (*Кашляетъ.*)

ЕФРЕМЪ.

Да Аркадій Артемьичъ, помилуйте. — Кому какая лошадь нужна: иному наша лошадь покажется, а намъ — его. Вотъ хучь бы у сосѣда нашего, у Евграфа Авдѣича есть животикъ; Евграфъ-то Авдѣичъ порастратился, такъ можетъ быть, онъ сгоряча согласится. А лошадка добрая; добрая лошадка. — Онъ же такой человѣкъ разсѣянный, вертлюшокъ; гдѣ ему лошадь прокормить — самъ безъ хлѣба сидитъ.

МИХРЮТКИНЪ.

А ты однако, я вижу, глупъ. Коли ему нечѣмъ лошадь прокормить — ну изъ чего, ну съ какой стати станетъ онъ мѣняться — а?

ЕФРЕМЪ.

Ну, такъ купить у него можно. А онъ отдастъ дёшево. Просто, за что угодно отдастъ. Лишь бы со двора долой.

МИХРЮТКИНЪ (*помолчавъ*).

А лошадь точно порядочная?

ЕФРЕМЪ.

Отмѣнная лошадь — вотъ изволите увидѣть.

МИХРЮТКИНЪ (*опять помолчавъ*).

Да ты, — чертъ тебя знаетъ — ты все врешь.

ЕФРЕМЪ.

Зачѣмъ врать? Песъ вретъ; за то онъ и собака.

МИХРЮТКИНЪ (*недовольнымъ голосомъ*).

Ну, не разсуждай. (*Помолчавъ.*) И на этой еще поѣздимъ.

ЕФРЕМЪ.

Какъ вашей милости угодно будетъ. — А только эта лошадь, воля ваша, просто никуда. Просто — вохлякъ.

МИХРЮТКИНЪ.

Что-о?

ЕФРЕМЪ.

Вохлякъ.

МИХРЮТКИНЪ.

Самъ ты вохлякъ.

ЕФРЕМЪ (*оборачиваясь въ половину*).

Кто.... я вохлякъ?

МИХРЮТКИНЪ.

Да —ты. Чтожь тутъ удивительнаго! — Ты.

ЕФРЕМЪ (*протянувъ голову*).

Ну.... ну это вы однако, Аркадій Артемьичъ, уже того.... больно изволите того.... (*Онъ чрезвычайно обиженъ и взволнованъ*).

МИХРЮТКИНЪ (*вспыхнувъ*).

Что-ò.... Что-ò?

ЕФРЕМЪ.

Да помилуйте.... какъ же можно....

МИХРЮТКИНЪ.

Молчать! молчать! говорю тебѣ — молчать! — Ахъ ты, армякъ верблюжій! — Обижаться вздумалъ — вишь! — Да, вохлякъ, вохлякъ — еще какой вохлякъ. Что жь, послѣ этого я, по твоему, уже ничего не смѣй сказать? Ты мнѣ тутъ, Богъ тебя знаетъ, что наболталъ, — а я долженъ передъ тобой безмолвствовать?—Вишь, краснобай эдакой! — Еще обижается! (*Кашляетъ.*) Молчать! (*Страшный кашель прерываетъ слова Михрюткина. Онъ вынимаетъ изъ кармана бумажку, раз-*

вертываетъ ее, достаетъ оттуда кусокъ леденца, и принимается сосать его. Ефремъ молча погоняетъ лошадей; выраженіе его лица достойное и строгое. Успокоившись немножко, Михрюткинъ напрасно силится поправить за спиной кожаную подушку и толкаетъ подъ бокъ Селивёрста, который во все время разговора Аркадія Артемьича съ Ефремомъ спалъ мертвымъ сномъ.) Селиверстъ, Селивёрстъ! — Ну, разоспался, охреянъ неприличный! — Селивёрстъ!

СЕЛИВЕРСТЪ (*просыпаясь*).

Чего прикажете?

МИХРЮТКИНЪ.

Вотъ то-то и есть. Не будь я такъ непростительно добръ съ вами, вы бы меня уважали; а то вы всякое уваженіе ко мнѣ потеряли. Ну что спишь, словно не видалъ, какъ спятъ... Тутъ кучеръ позабылся, барина обезпокоилъ — а ты спишь.

СЕЛИВЕРСТЪ.

Я такъ только немножко, Аркадій Артемьичъ....

МИХРЮТКИНЪ.

То-то такъ. (*Утихая.*) Поправь мнѣ подушку сзади. (*Селивёрстъ поправляетъ подушку.*) Одному я удивляюсь: кажется, ужь на что я снисходителенъ, ужь на что; а никакой привязанности въ васъ не заслужилъ. Вы всѣ меня за грошъ готовы продать — ей-ей! (*Едва сдерживая слезы.*) Да вотъ, потерпите маленько; не долго мнѣ вамъ надоѣдать. Скоро, скоро сложу я свою головушку (*кланяется*); посмотрю я, лучше ли вамъ будетъ безъ меня.

СЕЛИВЕРСТЪ.

Аркадій Артемьичъ, что это вы изволите говорить? Не извольте отчаяваться! Богъ милостивъ. И не стыдно тебѣ, Ефремъ, азіятская ты душа....

МИХРЮТКИНЪ (*перебивая Селиверста*).

Не объ Ефремѣ рѣчь. Всѣ вы таковы. Вотъ, напримѣръ, чтò я стану теперь дѣлать? Какъ я женѣ на глаза покажусь? Послѣднія были денежки—и тѣ даромъ ухлопалъ. Еще хуже надѣлалъ. Ужь теперь мнѣ отъ опеки не отвертѣться.... шалишь! Ужь теперь меня проберутъ — вотъ какъ проберутъ!

СЕЛИВЕРСТЪ.

Оно, точно, Аркадій Артемьичъ, не ладно. Кому жь іефто знать коли не мнѣ? Да чѣмъ же мы-то виноваты, помилосердуйте — скажите. Ужь мы бы, кажется, и тѣломъ и душой; и всѣмъ, всѣмъ рады....

МИХРЮТКИНЪ.

По крайней мѣрѣ, нѐ огорчали бы, не раздражали. Видите барину плохо приходится, просто такъ приходится плохо, что сказать нельзя — очи, какъ говорится, на лобъ лѣзутъ — а вы-то тутъ, вамъ-то тутъ любо.... (*Сосетъ леденецъ.*)

СЕЛИВЕРСТЪ.

Вся причина въ томъ, что люди въ городѣ живутъ безчувственные.... Удоблетворили ихъ — какого имъ еще рожна нужно—прости Господи мое прегрѣшенье! Экіе черти, право, согрѣшилъ я грѣшный! (*Плюетъ.*)

МИХРЮТКИНЪ.

Именно грабители. Вотъ мнѣ въ городѣ леденецъ продали; говорили малиной отзываться будетъ, а въ немъ и сладости никакой нѣтъ; просто одинъ клей туда напиханъ. (*Помолчавъ.*) Хоть бы провизіи на эти пятьдесятъ рублей купилъ! Лиссабонскаго-то вѣдь, чай, ни одной бутылочки не осталось?

СЕЛИВЕРСТЪ.

Послѣднюю передъ отъѣздомъ изволили выкушать.

МИХРЮТКИНЪ.

Ну такъ и есть! И женѣ ничего не купилъ — а она приказывала — эхъ!

СЕЛИВЕРСТЪ.

Раиса Карповна гнѣваться будетъ, точно.

МИХРЮТКИНЪ (*слезливо, почти крича*).

Ну для чего ты меня раздражаешь? Ну для чего? Боже мой, Боже мой! Что жь это такое! что жь это такое! Что жь это я за несчастнѣйшій человѣкъ на свѣтѣ! (*Потупляетъ голову и кашляетъ.*)

СЕЛИВЕРСТЪ.

Аркадій Артемьичъ... По глупости... Извините. (*Михрюткинъ кашляетъ и кутается въ шинель.*) Отъ ревности, Ар-

кадій Артемьичъ. (*Михрюткинъ молчитъ. Селивёрстъ въ свою очередь умолкаетъ. Никто не говоритъ въ теченіи четверти часа. Лошади едва плетутся рысцей, оводы жадно вьются надъ ними. Селивёрстъ опять засыпаетъ. Михрюткинъ, понемногу, поднимаетъ голову.*)

МИХРЮТКИНЪ (*успокоеннымъ голосомъ Ефрему*).

Ну что—опомнился? (*Молчаніе.*) Тебѣ говорю, опомнился?

ЕФРЕМЪ (*помолчавъ и передернувъ возжами*).

Опомнился.

МИХРЮТКИНЪ.

Очунѣлъ?

ЕФРЕМЪ.

Очунѣлъ.

МИХРЮТКИНЪ.

Ну что жь ты — не знаешь порядковъ, что ли? Извиненья попроси.

ЕФРЕМЪ.

Простите меня, Аркадій Артемьичъ.

МИХРЮТКИНЪ.

Богъ тебя проститъ. (*Помолчавъ.*) А какой масти Евграфа Авдѣичина-то лошадь?

ЕФРЕМЪ.

Гнѣдая.

МИХРЮТКИНЪ.

Гнѣдая.... А сколько ей лѣтъ?

ЕФРЕМЪ.

Девять лѣтъ.

МИХРЮТКИНЪ.

А хорошо бѣжитъ?

ЕФРЕМЪ.

Хорошо.

МИХРЮТКИНЪ.

Какой однако у тебя злющій нравъ! Отвѣчаешь мнѣ — словно брешешь.... Ты сердишься на меня?

ЕФРЕМЪ (*помолчавъ*).

Помилуйте — Аркадій Артемьичъ, — развѣ я не знаю? —

Я все знаю, Аркадій Артемьичъ. Какъ нашему брату не знать? — Господинъ, напримѣръ, гнѣваться изволитъ. — Такъ что жь? — Гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость.

МИХРЮТКИНЪ.

Хорошо; вотъ это хорошо.

ЕФРЕМЪ.

Помилуйте, Аркадій Артемьичъ; мы, конечно, не то, чтобы въ отдаленности пробавлялись, за моремъ не бывали, точно; въ Петербурхѣ больше понатерлись: все-таки — не такіе уже однако пеньтюхи, чтобы, примѣромъ будучи, коровы отъ свиньи не спознать. Иному мужику, конечно, всякая дрянь въ диво; ему что — онъ деревенщина, неучь; гдѣ ему! — Слѣдуетъ разсудить: во всѣхъ дѣлахъ слѣдуетъ разсудить — съ кѣмъ грѣха не случается? Ну, какъ нибудь не спапашился или такъ просто сказать, не въ часъ попался — ну не показалось господину. Онъ тебя и того; а ты выжидай; глядишь: блажь соскочила — и опять старые порядки пошли.

МИХРЮТКИНЪ.

Вотъ что умно, такъ умно; я никогда не скажу, что человѣкъ глупости говоритъ, когда онъ умно говоритъ; никогда я этого не сдѣлаю.

ЕФРЕМЪ.

Помилуйте, Аркадій Артемьичъ. Вѣдь вамъ все это еще лучше моего извѣстно. Что я за іезопъ такой, чтобы сердиться? За всякимъ толчкомъ, не токмя что за побранкой — не угоняешься. Вы сами знаете: быль что смола, нѣбыль что вода. А непріятность со всякимъ можетъ случиться; первѣющій астрономъ — и тотъ отъ бѣды не убережется. Стрясется вдругъ.... откуда, батюшки? Да и кто можетъ опредѣлить напередъ: это вотъ этакъ будетъ — а это такъ. А Господь его знаетъ, какъ оно тамъ выдетъ! Это все темнота. Вотъ, напримѣръ, хучь медвѣдь: — звѣрь лѣсной, пространный, — а хвостъ у него — такъ, съ пуговку небольшую; а сорока вотъ — птица малая, перелётная — а вишь хвостище какой нацѣпила. Да кто жь это пойметъ? Тутъ есть мудрость; тутъ ничего не разберешь; одна надежда на Бога. Вотъ, напри-

мѣръ — позвольте вамъ доложить, Аркадій Артемьичъ, отъ усердія позвольте доложить, — вы вотъ изволите отчаяваться, а отъ чего?

МИХРЮТКИНЪ.

Какъ отчего? Еще бы мнѣ не отчаяваться! Вотъ еще что вздумалъ: отъ чего?

ЕФРЕМЪ.

Я знаю; знаю, Аркадій Артемьичъ — помилуйте, какъ намъ не знать? Мы все знаемъ. Но вы вотъ что извольте сообразить: и тутъ, и въ этѣмъ случаѣ, ничего тоже сказать нельзя навѣрнякъ. Вотъ, напримѣръ, вы изволите знать сосѣда нашего — Финтренблюдова? Ужь на что былъ важный баринъ! Лакеи въ кувбическую сажень ростомъ, что̀ одного галуна, дворня — просто картинная галдарея, лошади — рысаки тысячные, кучеръ — не кучеръ, просто единорогъ сидитъ! Залы тамъ, трубачи Французы на хорахъ — тѣ же арапы; ну просто всѣ удобства, какія только есть въ жизни! И чѣмъ же кончилось? Продали все его имѣніе сукціуну. А васъ, можетъ быть, Господь и помилуетъ, и все такъ обойдется.

МИХРЮТКИНЪ.

Дай Богъ! Но мнѣ что-то не вѣрится.

ЕФРЕМЪ.

Помилуйте, Аркадій Артемьичъ. Отчего же не вѣрится?

МИХРЮТКИНЪ.

Не таково мое счастье, братъ. Ужь я себя знаю; знаю я свое счастье; выѣденнаго яйца оно не сто̀итъ, мое счастье-то.

ЕФРЕМЪ.

Помилуйте, Аркадій Артемьичъ!

МИХРЮТКИНЪ.

Да ужь ты не говори, пожалуйста. Ты вотъ лучше посмотри — лошади-то твои не бѣгутъ вовсе.

ЕФРЕМЪ.

Помилуйте, лошади бѣгутъ, какъ слѣдуетъ.

МИХРЮТКИНЪ.

Ну, хорошо.... Я не говорю.... я съ тобой согласенъ. (*Воз-*

вышаетъ голосъ.) Я согласенъ съ тобой, говорю тебѣ. (*Вздыхаетъ.*) Экая жара, Боже мой! (*Помолчавъ.*) Эка парить, Господи! (*Еще помолчавъ.*) Мнѣ хочется попробовать, не засну ли я маленько... (*Оправляется и прислоняетъ голову къ боку кибитки.*)

ЕФРЕМЪ.

Ну чтожь — и съ Богомъ, батюшка. (*Продолжительное молчанье. Михрюткинъ засыпаетъ и похрапываетъ, слегка посвистывая и пощелкивая во снѣ. Голова у него заваливается назадъ. Ротъ раскрывается.*)

СЕЛИВЕРСТЪ (*открываетъ сперва одинъ глазъ, потомъ другой, и въ полголоса обращается къ Ефрему*).

Однако ты, я вижу, хорошъ гусь. Чего соловьемъ распѣлся?

ЕФРЕМЪ (*помолчавъ, и тоже въ полголоса*).

Чего распѣлся? Экой ты, братецъ, непонятный. Развѣ ты не видишь — баринъ у насъ еще младъ, малодушенъ.... Надобно жь ему посовѣтовать, какъ, то есть, ему въ жизни дѣйствовать....

СЕЛИВЕРСТЪ.

Ну его! Вишь вздумалъ няньчиться!...

ЕФРЕМЪ.

Что жь — коли другіе пренебрегаютъ....

СЕЛИВЕРСТЪ.

Другіе.... другіе....

ЕФРЕМЪ.

Конечно другіе. — Впрочемъ—ты.... извѣстное дѣло. Ты.... Для тебя, что баринъ, что чужой человѣкъ — все едино.

СЕЛИВЕРСТЪ.

А тебѣ, небось, нѣтъ?

ЕФРЕМЪ (*помолчавъ*).

А что̀ — неужто въ заправду опеку хотятъ наложить?

СЕЛИВЕРСТЪ.

Непремѣнно наложатъ. Мнѣ самъ секлетарь сказывалъ.

ЕФРЕМЪ.

Вотъ какъ. Ну, — а барыня.... стало-быть и она не будетъ — того — распоряжаться?

СЕЛИВЕРСТЪ.

Вѣстимо, не будетъ. Имѣнье не ея.

ЕФРЕМЪ.

Нѣтъ, — я по дому говорю, по дому.

СЕЛИВЕРСТЪ.

Нѣтъ, по дому распоряжаться будетъ.

ЕФРЕМЪ.

Такъ какой же въ эфтомъ толкъ? Хороша твоя опека, нечего сказать! (*Михрюткинъ ворочается во снѣ. Селивёрстъ и Ефремъ зорко взглядываютъ на него; онъ спитъ*). Еще пуще осерчаетъ, чего добраго..

СЕЛИВЕРСТЪ.

И это бываетъ.

ЕФРЕМЪ.

То-то же бываетъ. Его-то мнѣ жаль.

СЕЛИВЕРСТЪ.

А мнѣ не жаль. Вольно жь было ему. Несчастный, кричитъ, человѣкъ я теперича сталъ въ свѣтѣ.... А кто виноватъ? Не дурачился бы сверхъ мѣръ человѣческихъ. Да.

ЕФРЕМЪ.

Эхъ, Александрычъ, какой ты, право, неразсудительный!... Ты сообрази: вѣдь онъ все-таки есть баринъ.

СЕЛЕВЕРСТЪ.

Ну, да ужь ты мнѣ пожалуйста тамъ не расписывай.... (*Михрюткинъ опять ворочается и приподнимается слегка. Селивёрстъ проворно прячетъ голову въ уголъ, и закрываетъ глаза. Ефремъ проводитъ кнутомъ надъ лошадьми, и кричитъ: а ва, ва, хвы, хвы, хва*)....

МИХРЮТКИНЪ (*открываетъ глаза, щурится и потягивается*).

А я кажется того, соснулъ.

ЕФРЕМЪ.

Изволили почивать, точно.

МИХРЮТКИНЪ.

Далеко мы отъѣхали? (*Селивёрстъ приподнимается.*)

ЕФРЕМЪ.

До повертка еще версты три будетъ.

МИХРЮТКИНЪ (*помолчавъ*).

Какой мнѣ однако непріятный сонъ приснился! Не помню хорошенько, что такое было — а только очень что-то непріятное. (*Помолчавъ.*) На счетъ имѣнья.... опеки. Будто вдругъ меня подъ судъ во Францію повезли.... Очень непріятно.... очень.

СЕЛИВЕРСТЪ.

Извѣстно.... сонное мечтанье.

МИХРЮТКИНЪ.

Меня это безпокоитъ. (*Кашляетъ*).

ЕФРЕМЪ.

Помилуйте, Аркадій Артемьичъ, зачѣмъ вы изволите безпокоиться? Съ кѣмъ этого не бываетъ? Вотъ, я на дняхъ имѣлъ сонъ, вотъ ужь точно удивительный сонъ, просто непонятный. Вижу я — (*Наклоняетъ голову и у самаго своего желудка нюхаетъ изъ тавлинки табакъ, чтобы не засорить глаза барину*). Вижу я.... (*Кряхтитъ и шепчетъ въ полголоса*) Экъ пробралъ, разбойникъ!... (*Громко*) Вижу я себя эдакъ словно въ полѣ, ночью, на дорогѣ. Вотъ иду я дорогой, да и думаю: куда жь это я иду? А мѣста кругомъ, какъ будто незнакомыя— холмы какіе-то, буераки—пустыя мѣста. Вотъ иду я и, знаете ли, эдакъ все смотрю — куда жь эта дорога ведетъ; не знаю, молъ, куда это она ведетъ. И вдругъ мнѣ на встрѣчу будто телёнокъ бѣжитъ — да такъ шибко бѣжитъ и головой трясетъ.—Ну, хорошо. Бѣжитъ, сударь, телёнокъ, — а я будто думаю: э! да это никакъ отца Пафнутья телёнокъ сорвался, дай поймаю его. Да какъ ударюсь бѣжать за нимъ.... А ночь, изволю вамъ доложить, темная, претемная — просто зги не видать. Вотъ — бѣгу я за нимъ — за этимъ телёнкомъ-та — не поймаю его — ну что хошь — не поймаю! Ахъ, братецъ ты мой, думаю я, эдакъ будто самъ про себя — да вѣдь это, должно быть, не телёнокъ, а что-нибудь этакое недоброе. Дай, думаю я, вернусь — пусть бѣжитъ себѣ, куда знаетъ. Ну, хорошо. Вотъ иду я опять прежней дорогой— а близь дороги этакъ будто древо стоитъ—иду я,—а онъ вдругъ какъ наскочитъ сзади на меня,—да какъ толкнетъ меня рогами въ бедро...

Смерть моя пришла. Оробѣлъ я—во снѣ-то знаетели—просто такъ оробѣлъ, что и сказать невозможно, — даже лытки трясутся. Однако, думаю я, чтожь это онъ будетъ меня въ бедро толкать — да, знаете ли, этакъ взялъ да оглянулся.... А ужь за мной не телёнокъ, а будто жена стоитъ, какъ есть простоволосая, и смотритъ на меня злобственно. Я къ ней — а она какъ примется ругать меня... Ты, молъ, пьяница, куда ходилъ? Я, говорю, я не пьяница, говорю; гдѣ ты этакихъ пьяницъ видала, говорю, — а ты сама мнѣ лучше скажи, какимъ ты манеромъ сюда попала? Я, молъ, барину пожалюсь,—безстыдница ты эдакая.... И Раисѣ Карпіевнѣ тоже пожалюсь. — А она будто вдругъ какъ захохочитъ, какъ захохочитъ... у меня такъ по животику мурашки и поползли. — Гляжу я на нее, а у ней глаза такъ и свѣтятся, зеленые такіе, какъ у кошки. Не смѣйся этакъ жена, говорю я ей — этакъ смѣяться грѣхъ. Не смѣйся — уважь меня. Какая, говоритъ, я тебѣ жена — я русалка. Вотъ, постой, я тебя съѣмъ. Да какъ разинетъ ротъ— а у ней во рту зубовъ-то, зубовъ — какъ у щуки.... Тутъ ужь я просто не выдержалъ, закричалъ, благимъ матомъ закричалъ.... Купріянычъ-то, старикъ, со мной въ одномъ углѣ спалъ — такъ тотъ, какъ сумасшедшій, съ палатей долой кубаремъ — подбѣгаетъ ко мнѣ, креститъ меня, чтò съ тобой, Ефремушка, говоритъ, чтò съ тобой, дай потру животъ — а я сижу на постелькѣ, да этакъ весь трясусь, гляжу на него, просто ничего не понимаю — даже рубашка на тѣлѣ трясется. Такъ вотъ какіе бываютъ удивительные сны!

МИХРЮТКИНЪ.

Да; странный сонъ. Чтожь, ты женѣ разсказалъ его?

ЕФРЕМЪ.

Какъ же.

МИХРЮТКИНЪ.

Ну, что жь она?

ЕФРЕМЪ.

Она говоритъ — что телёнка во снѣ видѣть, значитъ къ прыщамъ; а русалку видѣть — къ побоямъ.

МИХРЮТКИНЪ.

А! я этого не зналъ.

ЕФРЕМЪ.

А говоритъ, закричалъ ты оттого, что домовой на тебѣ ѣздилъ.

МИХРЮТКИНЪ.

Вотъ взоръ какой! будто есть домовые?

ЕФРЕМЪ.

А то какъ же-съ? Помилуйте. Намеднись ключница зачѣмъ то, подъ вечеръ, въ баню пошла — не мыться пошла — баню то въ тотъ день и не топили, — да и съ какой стати старухѣ мыться, — а такъ — нужда какая-то приспичила. Что жь вы думаете? входитъ она въ предбанникъ, а въ предбанникѣ-то темно, — протягиваетъ руку — и вдругъ чувствуетъ — кто то стоитъ. Она щупаетъ: овчина, да такая густая, прегустая.

МИХРЮТКИНЪ.

Это вѣрно, тулупъ какой висѣлъ — она его и тронула.

ЕФРЕМЪ.

Тулупъ? Да въ предбанникѣ отъ роду никакого тулупа не висѣло.

МИХРЮТКИНЪ.

Ну, такъ мужикъ какой-нибудь зашелъ.

ЕФРЕМЪ.

Мужикъ? А зачѣмъ мужикъ станетъ тулупъ шерстью къ верху надѣвать. Мужикъ этого не сдѣлаетъ.

МИХРЮТКИНЪ.

Ну и что жь случилось?

ЕФРЕМЪ.

А вотъ что случилось. Говоритъ она, старуха то: съ нами крестная сила! Кто это? Ей не отвѣчаютъ. Она опять: да кто жь это такое? А тотъ-то какъ забормочетъ вдругъ по-медвѣжьи.... Она такъ и прыснула вонъ. Насилу отдохнула, старая.

МИХРЮТКИНЪ.

Такъ кто жь это, по твоему, былъ?

ЕФРЕМЪ.

Извѣстно кто: домовой. Онъ воду любитъ.

МИХРЮТКИНЪ (*помолчавъ*).

Ну, глупъ же ты, Ефремъ, признаюсь. (*Обращаясь къ Селивёрсту*). И ты тоже въ домовыхъ вѣришь?

СЕЛИВЕРСТЪ (*съ неудовольствіемъ*).

Охота, вамъ, баринъ, объ эфтихъ предметахъ разговаривать.

ЕФРЕМЪ.

Да помилуйте, Аркадій Артемьичъ; это малые дѣтки знаютъ. А на лошадяхъ, по ночамъ, кто ѣздитъ? Да у насъ не одни домовые — у насъ и марухи водятся.

СЕЛИВЕРСТЪ.

Да перестань, Ефремъ!

ЕФРЕМЪ.

А что?

СЕЛИВЕРСТЪ.

Да такъ. Не хорошо. Вотъ нашелъ предметъ къ разговору.

МИХРЮТКИНЪ.

Марухи? Это что еще такое?

ЕФРЕМЪ.

А вы не знаете? Старыя такія, маленькія бабы, по ночамъ на печахъ сидятъ, пряжу прядутъ и все этакъ подпрыгиваютъ, да шепчутъ. Намеднись въ Марчукова Өедора одна этакая маруха кирпичемъ пустила — онъ было къ ней на печку полѣзъ....

МИХРЮТКИНЪ.

Онъ, дуракъ, во снѣ это видѣлъ.

ЕФРЕМЪ.

Нѣтъ — не во снѣ.

МИХРЮТКИНЪ.

А коли не во снѣ, зачѣмъ онъ къ ней полѣзъ?

ЕФРЕМЪ.

Видно поближе разсмотрѣть захотѣлось.

МИХРЮТКИНЪ.

То-то же поближе! (*Помолчавъ.*) Какой однако это вздоръ,

ха, ха! (*Опять помолчавъ.*) И къ чему ты объ этомъ заговорилъ — я удивляюсь. Только уныніе наводить.

СЕЛИВЕРСТЪ.

И точно уныніе.

МИХРЮТКИНЪ.

Конечно, я этимъ пустякимъ не вѣрю. Конечно. Одни только необразованные люди могутъ этому вѣрить.

ЕФРЕМЪ.

Ваша правда, Аркадій Артемьичъ.

МИХРЮТКИНЪ.

Вѣдь эти марухи, напримѣръ, и прочее — вѣдь ты самъ посуди — это развѣ тѣло? Какъ ты полагаешь?

ЕФРЕМЪ.

А не умѣю вамъ сказать, Аркадій Артемьичъ; кто ихъ знаетъ, что онѣ такое.

МИХРЮТКИНЪ.

А коли не тѣло, развѣ онѣ могуть жить, существовать, то есть? Ты меня пойми: то бываетъ тѣло — а то духъ.

ЕФРЕМЪ.

Та-акъ-съ.

МИХРЮТКИНЪ.

Ну — и слѣдовательно это все вздоръ, одна мечта; просто сказать — предразсудокъ.

ЕФРЕМЪ.

Тэ-экъ-съ.

МИХРЮТКИНЪ.

А все-таки объ этомъ говорить не слѣдуетъ. Къ чему? Вопросъ.

ЕФРЕМЪ.

Къ слову пришлось, а впрочемъ Богъ съ ними совсѣмъ.... (*Коренная спотыкается.*) Ну ты, дьяволъ — съѣли тебя мухи-то!

СЕЛИВЕРСТЪ.

Вотъ, дуракъ, какъ несообразно говоритъ! (*Плюетъ*) Пфу! Чтобъ имъ пусто было! Экой ты, Ефремъ, легкомысленный человѣкъ — а еще кучеръ!

ЕФРЕМЪ.

Ну, да вѣдь ужь вы, Селивёрстъ Александрычъ....

МИХРЮТКИНЪ.

Ну, ну, ну!... Это что еще? Этого еще недоставало, чтобы вы въ моемъ присутствіи поссорились....

ЕФРЕМЪ.

Помилуйте, Аркадій Артемьичъ....

МИХРЮТКИНЪ.

Покорнѣйше прошу васъ обоихъ молчать! — (*Небольшое молчанье*). А тебя, Селивёрстъ, прошу не спать. Во первыхъ, оно не учтиво, а во вторыхъ — безпорядокъ. Что за спанье днемъ? На то есть ночь. Терпѣть я не могу этихъ безпорядковъ!

СЕЛИВЕРСТЪ.

Слушаю-съ.

МИХРЮТКИНЪ (*помолчаво Ефрему*).

Ахъ, да! скажи-ка твоей женѣ — кстати объ ней рѣчь зашла,—чтобы она не забыла окурить коровъ... Мнѣ въ городѣ сказывали — въ Жерловой падёжъ.

ЕФРЕМЪ.

Слушаю-съ.

МИХРЮТКИНЪ (*помолчавъ*).

А что она.... твоя жена.... Доволенъ ты ей?

ЕФРЕМЪ.

Въ какомъ, то-есть, напримѣръ, смыслѣ вы изволите говорить?

МИХРЮТКИНЪ.

Извѣстно, въ какомъ. Такъ вообще. Я съ своей стороны ею доволенъ. Она скотница хорошая.

ЕФРЕМЪ.

Знаетъ свое дѣло. (*Медленно*). Извѣстная вещь: безъ жены человѣку быть несвойственно. Жена на то и дана человѣку, чтобы служить ему, такъ сказать, въ знакъ удовлетворенья. Ну, а впрочемъ и въ этимъ случаѣ, осторожность не помѣха. Недаромъ въ пословицѣ говорится: не вѣрь коню въ полѣ — а женѣ въ домѣ. Баба извѣстно — человѣкъ лукавый, слабый

человѣкъ; баба — плутъ. А мужъ не зѣвай. Женнино дѣло — мужу угождать и дѣтей соблюдать; а мужнино дѣло — жену въ повиновеньи содержать: и въ ласкѣ-то будь онъ къ ней строгъ. Вотъ этакъ все хорошо и пойдетъ. (*Стегаетъ лошадей.*) Иные мужья, въ простонародьи, этакъ, я знаю, говорятъ про своихъ женъ: аль погибели на тебя нѣтъ! Я ихъ осуждаю,...

МИХРЮТКИНЪ (*торопливо*).

Какъ — какъ они говорятъ?

ЕФРЕМЪ.

Погибели на тебя нѣтъ....

МИХРЮТКИНЪ (*задумчиво*).

Гм.... вотъ какъ....

ЕФРЕМЪ.

Я ихъ осуждаю.... Почему? Потому я ихъ осуждаю....

МИХРЮТКИНЪ (*съ жаромъ*).

А я ихъ не осуждаю.... я ихъ не осуждаю.... (*Помолчавъ*) Однако перестань, наконецъ, молоть вздоръ. Право, съ тобой Богъ знаетъ до чего... право. (*Помолчавъ и указывая рукой впередъ*). Что — вѣдь это, кажется, поворотъ въ Голоплёки?

ЕФРЕМЪ.

Это-съ.

МИХРЮТКИНЪ.

Ну, и слава Богу! (*Сбрасываетъ съ себя шинель и отряхается*). Живѣй, Ефремушка, живѣй! (*Наклоняется впередъ*) Вотъ онъ, повертокъ-то! вотъ онъ! (*Тарантасъ сворачиваетъ съ большой дороги.*) Что, теперь версты три осталось — небольше?

ЕФРЕМЪ.

Будетъ ли еще. Вотъ только стôитъ спуститься въ верхъ, тамъ взобрался на взлобочекъ, да и пошелъ взлызомъ — катай-валяй!

МИХРЮТКИНЪ (*словно про себя*).

А что не говорите, пріятно возвращаться на родину. Душа веселится—сердце радуется. Даже лошади съ бôльшимъ удовольствіемъ везутъ. Вишь, вишь, вѣтерокъ — прямо въ лицо

мнѣ дуетъ, канашка! (*Къ Селивёрсту*). Что вѣдь это, кажется, Грачевская роща на горѣ?

СЕЛИВЕРСТЪ.

Точно такъ — Грачевская.

МИХРЮТКИНЪ.

Славный лѣсокъ! Видный лѣсокъ! Пріятный лѣсокъ! (*Продолжая глядѣть кругомъ.*) Вишь какая гречиха! И овсы вотъ хороши. Такъ и играютъ на солнцѣ, бестьи! Вонъ иржи тоже хороши. Чьи эти овсы?

СЕЛИВЕРСТЪ.

Безкучинскихъ однодворцевъ.

МИХРЮТКИНЪ.

Вишь однодворцы! — Что у нихъ хозяйство каково?

СЕЛИВЕРСТЪ.

Хозяйство у нихъ не то, чтобы того... а впрочемъ—ничего. Живутъ; чего имъ еще?

МИХРЮТКИНЪ.

Хорошіе овсы. (*Помолчавъ.*) И у насъ овсы недурны.... Но къ чему мнѣ они теперь? Къ чему все это? Вѣдь я пропалъ, совершенно пропалъ.... Пропала моя головушка.... Отнимутъ у меня и это послѣднее удовольствіе....

СЕЛИВЕРСТЪ.

Не извольте отчаяваться, Аркадій Артемьичъ.

МИХРЮТКИНЪ.

И Раиса Карповна — задастъ она мнѣ встрёпку теперь! А я еще, глупый человѣкъ, радуюсь, что на родину возвращаюсь! Ахъ, я несчастнѣйшее, несчастнѣйшее существо! (*Умолкаетъ и спустя нѣсколько времени подымаетъ голову.*) Вотъ ужь Ахлопково стало видно.... Хорошее сельцо. Вонъ поповскій орѣшникъ. Въ этомъ орѣшникѣ, должно быть, зайцы есть Эхъ ребята, послушайте-ка.... Что унывать? Ну-ка: «Въ темномъ лѣсѣ». (*Запѣваетъ*) Въ темномъ лѣсѣ....

ЕФРЕМЪ И СЕЛИВЕРСТЪ (*дружно подхватываютъ*).

Въ темномъ лѣсѣ,
Въ темномъ лѣсѣ —
Въ темномъ...

МИХРЮТКИНЪ.

Ты высоко забираешь, Ефремъ — ты не дьячокъ — что ты голосомъ виляешь-то?

ЕФРЕМЪ (*откашливаясь*).

А вотъ сейчасъ лучше пойдетъ.

МИХРЮТКИНЪ (*тоненькимъ голосомъ*).

Да въ залѣсьи....

ЕФРЕМЪ И СЕЛИВЕРСТЪ.

Да въ залѣсьи....

МИХРЮТКИНЪ (*кашляя*).

Распашу.... распашу я....

ЕФРЕМЪ.

Эй вы, миленькія!.... Распашу я.... распашу я....

СЕЛИВЕРСТЪ.

Распашу я.... (*Кашель заставляетъ Михрюткина умолкнуть; Селиверстъ запинается. Слышенъ одинъ высочайшій фальцетъ Ефрема, который поетъ*:

И па... шин... нику...
И па... шин... нику)...

(*Тарантасъ въѣзжаетъ въ березовую рощу.*)

ОРЛОВСКІЯ СЛОВА,

КОТОРЫЯ ПОПАДАЮТСЯ ВЪ «РАЗГОВОРѢ»:

1. Лядащій — никуда негодный, дрянной.
2. Божевольный — шаловливый, пугливый.
3. Вохлякъ — неловкій, мѣшокъ.
4. Очунѣть — придти въ себя.
5. Спапашиться — справиться, изловчиться.
6. Лытки — мышцы подъ колѣнками.
7. Верхъ — оврагъ.
8. Взлобокъ, взлобочекъ — выдающійся мысъ между двумя оврагами.
9. Взлызъ — покатое мѣсто, pente douce.
10. Иржы — множественное число слова: рожь.

КОНЕЦЪ СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.

DATE DUE